

**Новомученики и исповедники Российские
пред лицом богоборческой власти**

---

*Да не утратим помалу, не приметно,
той свободы, которую даровал нам
Кровию Своею Господь Иисус Христос,
Освободитель всех человеков*

8-е прав. III Вселенского Собора

**«О, ПРЕМИЛОСЕРДЫЙ...
БУДИ С НАМИ НЕОТСТУПНО...»**

**Воспоминания верующих
Истинно-Православной (Катакомбной) Церкви.
Конец 1920-х — начало 1970-х годов**

Составитель
И. И. Осипова

Москва
БРАТОНЕЖ
2008

УДК 279.99-9 Катакомбная церковь «192/197»
ББК 86.37-3
О-11

Запись воспоминаний:

А. И. Баринова, В. П. Войченко, И. В. Ильичев, Л. Г. Малова

Расшифровку аудиокассет проводили:

О. В. Васильева, Р. В. Оловянникова, И. В. Ильичев, Л. Г. Малова

Составление сборника, подготовка текстов,
вступление, обзоры к главам и комментарии:

И. И. Осипова

Литературный редактор

А. Ю. Арьев

Редактор

В. Б. Панин

О-11 **«О, Премилосердый... Будь с нами неотступно...»** Воспоминания верующих Истинно-Православной (Катакомбной) Церкви. Конец 1920-х — начало 1970-х годов / Сост., подг. текстов, комм., предисл., вступ. ст. И. И. Осиповой. — М.: Братонез, 2008. — 464 с. + [52 с.] ил. — (Серия «Новомученики и исповедники Российские пред лицом богоборческой власти».)

ISBN 978-5-7873-0409-1

В сборнике представлены воспоминания священнослужителей и мирян, арестованных по делам Истинно-Православной (Катакомбной) Церкви в период 1920-х — начала 1970-х годов. Долгие годы эта страница гонений на верующих в СССР была неизвестна: документы следственных дел верующих Катакомбной Церкви были недоступны, сама Церковь до последнего времени активно преследуема. Только сейчас истинно-православные христиане наконец заговорили...

Их безыскусные рассказы восхищают искренностью и поражают. Лишь глубокая вера в Господа и постоянная готовность пострадать за Него могли дать им эту стойкость в преодолении тягот жизни при бесконечных унижениях до ареста и жестоких издевательств на следствии и в лагерях перед неотступным лицом смерти.

И каждый рассказ — как последняя весточка о многих и многих сгинувших в водовороте террора. Их вина была лишь в одном — в твердом отстаивании веры в Бога.

Удивительно, что, самые гонимые, несчастные и обездоленные, они были и самыми счастливыми, не изменив себе...

Послушаем же их живые голоса...

Содержание

<i>От составителя</i>	7
<i>Вступление</i>	12
«О гонимой и многострадальной Церкви»	34
ГЛАВА I. Истинно-православные христиане на Украине	35
<i>Обзор следственных дел</i>	35
Из воспоминаний Алексея Вишневецкого	54
Из воспоминаний Ксении Кравченко	62
Из воспоминаний Евгения Савицкого	74
ГЛАВА II. Истинно-православные христиане в Татарии	80
<i>Обзор следственных дел</i>	80
Из воспоминаний Анастасии Лизуновой	106
Из воспоминаний Василия Калинина	110
Из воспоминаний Веры Торгашевой	114
Из воспоминаний Екатерины	115
Из воспоминаний Марии Мазуркиной	116
Из воспоминаний Анны Кандалиной	117
Из воспоминаний Веры Торгашевой	120
Из воспоминаний Василия Калинина	122
Из воспоминаний Марии Мазуркиной	126
Из воспоминаний Екатерины	127
Из воспоминаний Иоанна	128
Из воспоминаний Зои	132
Из воспоминаний Иоанна	138
Из воспоминаний Екатерины	144
Из воспоминаний Любви	145
Из воспоминаний христианки	146
Из воспоминаний Александры	147
Из воспоминаний Марии Мазуркиной	152
Из воспоминаний Веры	155
Из воспоминаний дочери Веры, Анны	158
Из воспоминаний Екатерины Павловны	160
Из воспоминаний Марии	167
Из воспоминаний Василия Калинина	173
Из воспоминаний Любви	175
Из воспоминаний Анны Кандалиной	176
ГЛАВА III. Истинно-православные христиане в Липецкой области	178
<i>Обзор следственных дел</i>	178
Из воспоминаний Ивана Чеснокова	189
Из воспоминаний Павла	194
Из воспоминаний Анны Чесноковой	198
Из воспоминаний Матрены Чесноковой	201
Из воспоминаний Наталии Гончаровой	203
Из воспоминаний Александры Самариной	204
Из воспоминаний Анны Чесноковой	207
Из воспоминаний Николая Жданова	210

Из воспоминаний Ивана Чеснокова.....	214
Из воспоминаний Павла	217
Из воспоминаний Анны Лаврентьевой	222
Из воспоминаний Александры Самариной.....	224
Из воспоминаний Любви	227
Из воспоминаний Наталии Гончаровой.....	229
Из воспоминаний Александры Самариной.....	232
Из воспоминаний Павла	235
Из воспоминаний Ивана Чеснокова.....	240
ГЛАВА IV. Истинно-православные христиане в Чувашии.....	249
<i>Обзор следственных дел</i>	249
Из воспоминаний Матрены Рыбкиной	266
ГЛАВА V. Истинно-православные христиане в Воронежской области	275
Часть 1	275
<i>Обзор следственных дел</i>	275
Из воспоминаний Маргариты Чеботаревой	286
Из воспоминаний Евфросинии (Махровой)	298
Из воспоминаний Ксении (Ларионовой)	302
Часть 2	305
<i>Обзор следственных дел «федоровцев»</i>	305
Из воспоминаний Василия Воробьева.....	317
Из воспоминаний Александры Халчевской	319
Из воспоминаний Александра Перепеченых	330
Из воспоминаний Зинаиды Лепехиной.....	337
Из воспоминаний Василия Воробьева.....	340
Из воспоминаний Владимира Леонтьева.....	341
Из воспоминаний Натальи.....	343
ГЛАВА VI. Истинно-православные христиане в лагерях.....	353
Из воспоминаний Иоанна.....	358
Из воспоминаний Анны Кандалиной.....	369
Из воспоминаний Анны Лаврентьевой	371
Из воспоминаний Наталии Гончаровой.....	374
Из воспоминаний Василия Калинина	379
Из воспоминаний Любви	384
Из воспоминаний Александры Окуновой	386
Из воспоминаний Матрены Рыбкиной	387
Из воспоминаний Александры Самариной.....	390
Из воспоминаний Веры Торгашевой	392
Из воспоминаний Анны Чесноковой	395
Из воспоминаний Ивана Чеснокова.....	397
Из воспоминаний Александра Перепеченых	407
Из воспоминаний Александры Халчевской	415
ПРИЛОЖЕНИЯ	419
Вспоминает Евгений Вагин.....	419
О священнике Никите Игнатьеве	421
Рассказы о Федоре Рыбалкине и «федоровцах»	437
<i>Биографические сведения об авторах воспоминаний</i>	442
<i>Алфавитный указатель личных имен</i>	449

От составителя

В работах, посвященных истории Русской Православной Церкви в период после Октябрьской революции, одной из центральных является проблема взаимоотношения Церкви и большевистского режима. И по сей день, как и многие десятилетия назад, продолжается полемика вокруг решения руководства РПЦ — митрополита Сергия (Страгородского) и его сторонников — пойти на компромисс с государственной властью. Решения, позволившего на какое-то время отсрочить репрессии против духовенства, в известной степени сохранившего организационную структуру Церкви. Решения, избавившего РПЦ от положения организации, оказавшейся «вне закона».

Но до сих пор не получены ответы на мучительные вопросы, стоявшие перед каждым пастырем и мирянином в те тяжкие времена массовых гонений на веру.

Можно ли православному человеку молиться за «успехи и радости» богоборческой власти, поставившей своей главной целью уничтожение православия?

Возможно ли пастырю, дабы не быть арестованным, пойти на официальное сотрудничество с карательными органами власти?

Может ли священник принимать исповедь, если вынужден нарушать ее тайну, дав соответствующую подписку?

Как общаться иерею со своей паствой, если он вынужден сообщать властям о ее настроениях?

Как общаться мирянину со своим пастырем, подозреваемым в сотрудничестве с богоборческой властью?

И какая молитва более поддерживает и укрепляет душу верующего: в открытом храме, где прихожане не доверяют настоятелю, или тайная, в «ка-такombaх», но с чистой совестью?

А ведь личный ответ каждого верующего на эти вопросы приобретал для него особое значение. Потому что определял последующий путь — либо сотрудничество с богоборческой властью, либо мученичество за веру Христову.

В конце концов, что было важнее для Русской Православной Церкви — сохранение храмов и структуры церковного управления или сохранение в чистоте истинного православия как духовной опоры, как внутреннего света в душе народа?

Не труднее ли было бы загнать русских людей в ярмо рабства, не благословляя официальная Церковь свою паству к послушанию антихристовой власти, призывая к бесконечному терпению?

* * *

Подобные вопросы постоянно возникали при изучении материалов следственных дел духовенства и мирян, осужденных за принадлежность к Истинно-Православной (Катакомбной) Церкви. А рассказы верующих, достойно прошедших тяжкий путь испытаний, давали ответ на многие из этих вопросов. Духовное единство этих верных чад Церкви с тайными пастырями своими было часто им дороже жизни, ведь, пока с ними были их пастыри, с ними была Истинная Церковь и они были с этой Церковью и в Церкви. И за эту верность многие из них готовы были идти (и ушли!) в тюрьмы и лагеря, а многие — и на смерть. Удивительно, как много их было, оказавших духовное сопротивление насилию и ушедших в «катакомбы». И на фоне всеобщего бессловесного послушания их твердость и непоколебимость в отстаивании своей веры были настоящим подвигом.

Только сейчас немногие из них, оставшиеся в живых после всех испытаний, наконец заговорили, ведь до последнего времени они преследовались... И так важно было услышать из первых уст подлинное свидетельство крестного пути пастырей и чад этой Церкви. Их безыскусные рассказы поражают. Лишь глубокая вера в Господа и постоянная готовность пострадать за Него давали им эту стойкость в преодолении тягот жизни при бесконечных унижениях до ареста и жестоких издевательствах на следствии и в лагерях пред неотступным лицом смерти.

Каждый рассказ — как последняя весточка о многих и многих сгинувших в водовороте террора. Их вина была лишь в одном — в твердом отстаивании веры в Бога...

Удивительно, что, самые гонимые, несчастные и обездоленные, они были и самыми счастливыми, не изменив себе...

* * *

Записи этих воспоминаний проводились с 1995 года по городам и селам Татарии и Чувашии, в Липецкой, Воронежской, Кировской и Ленинградской областях, в Киеве и Ирпении. Продолжаются они и до сих пор. К сожалению, воспоминания многих не удалось записать, люди уже ушли из жизни... Но материалы групповых дел духовенства и верующих, арестованных по делам Истинно-Православной Церкви в этих регионах, были внимательно исследованы — они открыли удивительные страницы истории Русской

Православной Церкви в «катакомбах». Отметим, что во многих делах среди документов, изъятых при обысках, часто находили молитву «О гонимой и многострадальной Церкви». Известно, что патриарх Тихон читал ее на Божественной литургии. Полный текст этой молитвы приведен в нашем издании после вступительного раздела, вместе с приказом о поиске копий ее текста во время обысков¹.

Следует отметить, что сложность и неоднозначность церковной ситуации в различных областях накладывала отпечаток как на жизнь верующих в «катакомбах», так и на размах гонений в этих регионах. Различные главы книги отражают эти особенности. Например, в Татарии и Чувашии (главы II, IV) тайные богослужения с конца 1920-х годов и до последнего времени проводились с участием священнослужителей-нелегалов. При этом в религиозные праздники в Татарии на Святую гору или Святые ключи прибывали огромные массы верующих из ближних регионов. Попытки властей пресечь тайные богослужения приводили к жестоким столкновениям с милицией — с разгоном молящихся, арестами, стрельбой, а иногда и с жертвами.

В Липецкой области² (глава III) уже с середины 1930-х годов все священство было арестовано и осуждено, а тайные богослужения проводились лишь по мирскому чину. И до последнего времени верующие, помня наказания своих пастырей, не доверяли появляющимся у них иногда тайным клирикам и категорически отказывались принимать их. При этом общины истинно-православных христиан неуклонно сокращались, и тайная религиозная жизнь без пастырей постепенно угасала.

В Воронежской области (глава V, часть 1), несмотря на массовые аресты и осуждения в 1930-е годы священнослужителей, оппозиционных митрополиту Сергию (Страгородскому), еще и во время войны нелегальные богослужения проводились с участием священства и монашества, лишь позднее, после осуждения тайных пастырей, службы стали проводиться по мирскому чину. Но с середины 1950-х годов, после возвращения клириков из лагерей, вновь начались тайные службы с их участием.

В некоторых районах Воронежской³ и двух округах Донской области⁴ (глава V, часть 2) с середины 20-х годов активно действовали группы «федоровцев»⁵. Сначала богослужения там проводились священнослужителями-«тихоновцами», а с начала 1930-х годов, после их ареста, тайно по домам по мирскому чину, причем общины в селах возглавлялись «сестрами» и «брать-

---

¹ Следственное дело Левковского А. Е., Бартоломея В. В. и др. // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-28850.

² До 1954 г. ее территория входила в состав Рязанской, Орловской и др. областей.

³ Россошанский, Богучарский и Новокалитвянский районы.

⁴ Старобельский и Донецкий округа.

⁵ По их представлению, Бог есть дух, и он воплотился в монаха Федора (Рыбалкина).

ями». Вера «федоровцев» в уже совершившееся Второе пришествие Христа накладывала определенный отпечаток на религиозную жизнь общины, а также на поведение ее участников в повседневной жизни.

На Украине (глава I) с середины 1920-х годов и до войны существовало два тайных монастыря: Киевский ставропигиальный монастырь и Ирпенский монастырь. В первом тайные богослужения по монастырскому уставу проводились до 1939 года с участием схиигуменьи Михайлы (Щелкиной) и священноархимандрита Михаила (Костюка). Смерть схиигуменьи и демонстративно массовые ее похороны привели к частичному разгрому монастыря. В годы войны, во время немецкой оккупации, богослужения стали проводиться открыто с участием группы священнослужителей. Именно тогда, по разрешению оккупационных властей, был почти построен храм для монастыря. После возвращения Красной армии и установления советской власти монастырь был разгромлен, священноархимандрит Михаил (Костюк) расстрелян, а монашество с активными мирянами отправлены в лагеря. И до 1949 года по селам и деревням во многих областях Украины выявлялись и уничтожались тайные общины этого монастыря.

Монастырь в Ирпени после закрытия Киево-Печерской лавры возглавил иеромонах Эразм (Прокопенко), в монашескую общину входили «сестричества» и «братства», руководимые «наставниками». Община повторила судьбу Киевского монастыря — с частичным разгромом в 1933 году, открытым служением во время оккупации и окончательным уничтожением с осуждением большинства насельников вместе с руководителями после установления на Украине советской власти.

Основная часть каждой из указанных пяти глав посвящена рассказам верующих о жизни до ареста либо уже после освобождения из заключения. Следует отметить, что воспоминания в этих главах представлены по-разному: в одних — рассказы верующих приведены последовательно от начала до конца; в других — выдержки из воспоминаний разных верующих чередуются, подчас представляя из себя небольшие отрывки, но в совокупности создавая целостную картину, позволяющую читателю выстроить единую линию событий тайной религиозной жизни общины, руководимой единым пастырем или его прямыми ставленниками. Событий, о которых каждый верующий рассказывает по-своему, дополняя и привнося неожиданные детали.

Последняя, шестая глава книги посвящена рассказам верующих о жизни в лагере, постоянных унижениях и жестоких избиениях, вызванных их отказами от работ.

В начале каждой главы приводится обзор следственных дел священнослужителей и мирян, арестованных в данном регионе по делам Истинно-Православной (Катакомбной) Церкви с 1920-х по 1960-е годы, а также (в главе VI) обзор материалов личных дел заключенных и лагерных отчетов.

Цитаты из материалов следственных и личных дел заключенных выделены в тексте книги курсивом, цитаты из документов, за некоторыми исключениями, оговоренными особо, даются в современной орфографии, в них сохранены искажения имен собственных и других реалий, а также подчеркивания в текстах, сделанные следствием или подследственными; купюры в цитатах обозначены отточиями.

В конце книги приведены три Приложения: в первом — выдержки из воспоминаний Евгения Вагина о встрече в лагере с одним из рассказчиков; во втором — выдержки из воспоминаний о жизни тайного священника Никиты Игнатьева; в третьем — воспоминания и легенды о Федоре Рыбалкине и его последователях, записанные в 1990-е годы.

* * *

Работа над книгой осуществлялась в рамках программы НИПЦ «Мемориал» — «Репрессии против духовенства в период 1918–1953 годов». Коллегам по НИПЦ «Мемориал» — самая искренняя признательность, особенно руководителю научных программ НИПЦ — А. Б. Рогинскому.

Получение материалов следственных дел по Украине, а также запись воспоминаний верующих в Киеве и Ирпени стала возможна лишь благодаря постоянному содействию сотрудников филиала Международного общества «Мемориал» в Киеве — приносим глубокую благодарность Л. Н. Падун-Лукьяновой, А. И. Бариновой, В. П. Войченко, Г. Л. Тимошенко. Большая благодарность за предоставление фотографий А. И. Бариновой, А. И. Вишневному и С. Савицкой.

Выражаем глубокую признательность за предоставление архивных документов работникам архивов Управления ФСБ РФ по Республике Татарстан, Государственного архива Липецкой области и Центра документации новейшей истории Воронежской области.

Особая признательность Френсису ГРИНУ, без дружеского участия и постоянной поддержки которого была бы невозможна многолетняя работа в архивах и подготовка к изданию данной книги.

Вступление

В послереволюционной истории Русской Православной Церкви не раз наступали критические моменты, угрожавшие ее единству и вызывавшие раскол среди духовенства. Чаще всего они инициировались насильственной антирелигиозной политикой советской власти, ставившей главной своей целью — «полное отмирание религиозных предрассудков» и уничтожение православия.

С первых же дней на *«избранного на Соборе 1917–1918 гг. Патриарха Тихона смотрели не только как на главу Церкви, но и как на главу нации»*¹. Поэтому горькие слова в его посланиях — об ослаблении в русском народе веры в Бога, о том, что *«от небрежения чад своих, от хладности сердец страждет Наша Святая Церковь, а с Нею страждет и Наша Российская держава»*², его неустанные призывы — вернуться к Богу и в покаянии и посте вознести молитвы о спасении России — вызывали сочувствие и искренний отклик истинных ревнителей православия. О том же говорилось в обращениях и воззваниях известных архиереев, широко распространяемых по церквям и приходам. Однако для некоторых церковных деятелей, активно приветствовавших революцию и требовавших демократических реформ для «обновления» Церкви, позиция патриарха и его соратников была неприемлема.

Весной 1922 года по единству Патриаршей Церкви был нанесен первый удар. Большевики воспользовались катастрофой в ряде районов Поволжья, Урала, Казахстана и Украины, где разразился страшный голод, — даже по официальным данным бедствием было охвачено не менее 22 миллионов человек, причем уже к маю 1922 года насчитывалось до миллиона погибших. В этот момент власти, под предлогом сбора средств для голодающих, развернули кампанию по изъятию церковных ценностей³. При этом решались сразу две проблемы: с одной стороны, за счет ограбления Церкви власть обогащалась, с другой — появилась возможность жестоко расправиться с церков-

---

¹ *Осипова И. И.* «Сквозь огонь мучений и воды слез...»: Гонения на Истинно-Православную Церковь. М., 1998. С. 10.

² Акты Святейшего патриарха Тихона, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / Сост. Губонин М. И. М., 1994. С. 70.

³ 26 февраля 1922 года ВЦИКом был издан Декрет об изъятии из храмов всех драгоценных вещей, в том числе священных сосудов и других богослужебных предметов.

никами⁴. Руководство страны воспользовалось открытым выступлением патриарха Тихона, осудившего изъятие священных предметов, хотя ранее патриарх сам призывал верующих жертвовать в помощь голодающим, в том числе и церковные ценности, не имеющие богослужебного употребления. Но большевикам не нужны были добровольные пожертвования верующих; церковнослужителей и прихожан намеренно провоцировали на сопротивление во время изъятий. Комиссии, направлявшиеся властями в храмы, действовали грубо и бесцеремонно, во многих регионах попытки верующих воспрепятствовать поруганию святынь привели к кровавым инцидентам.

Вину за происходящее большевики возложили на патриарха Тихона, были проведены массовые аресты «контрреволюционного» духовенства. Именно в этот критический момент на сцене появились «обновленцы». Поддержав власти в передаче всех церковных ценностей, они назвали патриарха Тихона и его сторонников «виновниками пролития крови» и обвинили «в контрреволюционном выступлении против советской власти». Затем потребовали созвать новый Поместный собор для «суда над виновниками церковной разрухи», пытались принудить патриарха к отречению от престола. Тихон категорически отказался, успев поставить вместо себя во главе Церковного управления митрополита Ярославского Агафангела (Преображенского) и передав ему «синодские дела». Однако массовые аресты духовенства и мирян, участников столкновений, активная подготовка грандиозного группового процесса с патриархом Тихоном во главе, заключение его самого под домашний арест в Донском монастыре — все это говорило о серьезности намерений властей.

«Обновленцы», заняв Троицкое подворье, вскоре образовали самочинное Высшее Церковное Управление (ВЦУ). Митрополит Агафангел не признал его и в своих воззваниях, обличая «обновленцев», призвал епархии к самоуправлению. Вскоре митрополит был арестован и отправлен в ссылку в Нарымский край. И хотя часть оставшихся на свободе известных архиереев под угрозой репрессий вынуждена была признать ВЦУ, однако активное противостояние верных патриарху пастырей позволило противостоять расколу. Именно тогда патриарх Тихон с террасы своей кельи в Донском монастыре «кричал епископу Андрею (Ухтомскому): “Владыко, посвящай больше архиереев!” — и, как покажет позднее на допросе епископ Нарвский Сергей (Дружинин), «впоследствии всем епископам, приходящим к нему, он говорил: “Больше-

---

⁴ Из письма В. Ленина членам Политбюро от 19 марта 1922 года: «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи, трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, и не останавливаясь подавлением какого угодно сопротивления <...> Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше». Архивы Кремля. Политбюро и Церковь 1922–1925 гг. В 2-х кн. Кн. 1. С. 141–143.

вики хотят всех архиереев и священников перестрелять. Чтобы Церковь не осталась без епископата, а также без иереев, необходимо посвящать в священство и постригать в монашество как можно больше»⁵.

К концу 1922 года «обновленцы», активно поддерживаемые властями, захватили около двух третей действовавших в то время церквей, однако верующие отказывались посещать эти храмы, не приемля подобных «пастырей». В мае 1923 года «обновленцы» провели в Москве свой лжесобор⁶, и на нем изолированный патриарх Тихон был лишен священнического сана. Однако уже в июне патриарх после вынужденного «покаяния» вышел из-под домашнего ареста и в первом же Послании (от 28 июня) заявил о неправомерности лжесобора и всех его решений. Последовало массовое возвращение отобранных ранее храмов. Одновременно патриарх принимал в лоно Патриаршей Церкви отпавших в «обновленчество» архиереев, а также часть новопоставленных иерархов. Это успокоило верующих, временно стабилизирував обстановку в Церкви.

Важнейшее значение для Русской Православной Церкви имела легализация законного церковного управления: РПЦ фактически была вне закона, ведь ни центральные, ни епархиальные церковные органы не имели разрешения на свою деятельность, а архиереи могли лишь совершать богослужения. Ценой «покаянных» заявлений, опубликованных в прессе, патриарх Тихон смог добиться некоторого улучшения ситуации⁷, однако переговоры с властями об организации ВЦУ тянулись до самой его кончины.

7 апреля 1925 года, в день смерти патриарха, в газетах было опубликовано его Послание к Церкви⁸: *«Не погрешая против Нашей веры и Церкви, не переделывая что-либо в них, словом, не допуская никаких компромиссов или уступок в области веры, в гражданском отношении мы должны быть искренними по отношению к Советской Власти и работе СССР на общее благо... Вознося молитвы наши о ниспослании благословения Божия на труд народов, объединивших силы свои во имя общего блага, Мы призываем всех возлюбленных чад Богохранимой Церкви Российской в сие ответственное время строительства общего благосостояния народа слиться с Нами в горячей молитве ко Всевышнему о ниспослании помощи Рабоче-Крестьянской власти в ее трудах для общенародного блага»⁹.* Подлинность этого докумен-

---

⁵ Осипова И. И. Указ. соч. С. 10.

⁶ «Обновленцы» именовали это собрание «вторым поместным собором Русской Церкви».

⁷ Новая инструкция от 1 июля 1923 года запрещала государственным учреждениям поддерживать какой-либо культ в ущерб другим культам, отменяла принцип обязательности регистрации, что являлось косвенной легализацией «тихоновской» Церкви.

⁸ Получившее в газетах название «Завещание».

⁹ Акты Святейшего патриарха Тихона... С. 362.

та вызывала большие сомнения у верных соратников Тихона, реакцией на него стало возмущение истинных ревнителей православия, поколебавшее единство Церкви. В стане оппозиции оказались самые стойкие и непримиримые иерархи, активно не принявшие призыва патриарха к «искренности» в отношениях с богоборческой властью и к работе с ней «на общее благо». Они, убежденные в необходимости сохранения лучших традиций православия, открыто говорили об опасности такого пути в будущем. Именно эти иерархи-«тихоновцы» в первую очередь были объектом внимания органов госбезопасности. В отчетах ОГПУ сообщалось о 46 агентурных разработках по выявлению и ликвидации «контрреволюционных организаций церковников»¹⁰.

12 апреля, после погребения патриарха Тихона в Донском монастыре, 59 иерархов, прибывших в столицу на его похороны, подписали заключение о вступлении митрополита Крутицкого Петра (Полянского) в должность Патриаршего местоблюстителя. Теряющие влияние «обновленцы» пытались примириться с «тихоновцами» и, заручившись поддержкой властей, развернули энергичную подготовку ко второму «поместному собору». Но переговоры о «примирении» были сорваны посланием митрополита Петра от 28 июля 1925 года, восстановившим истинный дух в Церкви. В нем митрополит Петр назвал собрания «обновленцев» самочинными и незаконными и подтвердил, что их присоединение к Русской Православной Церкви возможно при условии, что каждый из них в отдельности отречется от своих заблуждений и принесет всенародное покаяние в своем отпадении от Церкви.

Переговоры с большевиками о легализации законного церковного управления возобновились при митрополите Петре, и в обмен на разрешение существования церковно-административных органов от него потребовали принять определенные условия¹¹. Митрополит Петр категорически отказался их выполнять, вскоре был арестован¹² и выслан в Сибирь. Заместителем Патриаршего местоблюстителя с ноября 1925 года был назначен митрополит Нижегородский Сергей (Страгородский), который и продол-

---

¹⁰ Среди них были, например: «Шпионская организация церковников» во главе с митр. Петром (Полянским) и архиеп. Феодором (Поздеевским); «Гнездо» во главе с еп. Вениамином (Троицким); «Ревнители православия», руководимые М. А. Новоселовым; «Поповская Академия» с нелегальной духовной профессурой во главе; «Корреспонденты» во главе с «тихоновцами», информирующие прессу за рубежом о гонениях на веру. *Осипова И. И.* Указ. соч. С. 11.

¹¹ «<...> 1) издание декларации определенного содержания; 2) исключение из числа Управления неугодных власти епископов; 3) осуждение заграничных епископов; 4) в дальнейшем определенный контакт в деятельности с правительством в лице Тучкова». ГАРФ. Ф. Р-6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 2.

¹² В декабре 1925 года.

жил дальнейшие переговоры с властями. Свой проект Послания, провозглашавшего духовную свободу Церкви при полной лояльности к режиму, митрополит Сергей разослал для ознакомления архиереям, а затем, убедившись в их солидарности, передал властям в июле 1926 года. Но такая позиция абсолютно не устраивала большевиков, и в декабре митрополит также был арестован и заключен во внутреннюю тюрьму на Лубянке. Впрочем, в апреле 1927 года он был освобожден и даже получил право жить в Москве. А уже через месяц по разрешению властей собрал совещание архиереев, на котором был образован Временный Патриарший Священный Синод во главе с Сергием.

Наконец, 16/29 июля 1927 года митрополит вместе с членами Синода обратился с «Посланием к пастырям и пастве», в дальнейшем ставшим известным как Декларация¹³, с выражением благодарности *«Советскому Правительству за такое внимание к духовным нуждам православного населения»* и настоятельным увещанием к церковным деятелям и мирянам: *«Нам нужно не на словах, а на деле показать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к Советской Власти, могут быть не только равнодушные к православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его, для которых оно дорого, как истина и жизнь, со всеми его догматами и преданиями, со всем его каноническим и богослужебным укладом. Мы хотим быть Православными и в то же время созавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи»*¹⁴.

Декларация вызвала большое смущение среди священнослужителей и мирян, *«тон послания — какой-то угоднический и не церковный, его многие слова и даже целые выражения не столько резали ухо, сколько возмущали ум и чувства»*¹⁵, а заявленное в столь категорической форме подчинение Церкви безбожному государству, подчинение не «за страх, а за совесть» — все это неприемлемо было для совести верующего. Многие архиереи и клирики отослали Декларацию обратно автору, посчитав невозможным даже огласить ее текст своей пастве, другие, возмущенные, активно протестовали. Показателен ответ епископа Старобельского Павла (Кратирова) на уверения митрополита Сергея, что его действия направлены на спасение Патриаршей Церкви: *«Церковь Христова — это ничто иное, как царство Божие, а царство Божие, по словам Спасителя, внутри нас. Неужели же это царство Божие внутри нас нуждается»*

---

¹³ Она была разослана по епархиям и приходам, а 19 августа опубликована в «Известиях ЦИК».

¹⁴ Акты Святейшего патриарха Тихона... С. 510.

¹⁵ Чельцов М., прот. В чем причина церковной разрухи в 1920–1930 гг. // Минувшее: исторический альманах. М. — СПб, 1994. Вып. 17. С. 456.

ся во всей этой мерзостной системе, которую допускает митр. Сергей во взаимоотношениях с внешними? Неужели из-за сохранения церковно-хозяйственного имущества (храм, здания, утварь) можно продать Христа и царство Божие? Какая же тогда разница между Иудой и современными Хриstopродавцами?»¹⁶

В августе 1927 года епископ Ижевский и Воткинский Виктор (Островидов), категорически не принявший Декларацию, сразу же отослал ее обратно автору. Какое-то время владыка отправлял увещательные письма митрополиту Сергию, однако вскоре вынужден был прервать каноническое общение с ним. В начале декабря от Сергия отошла Воткинская епархия, 22 декабря епископа Виктора признало своим духовным руководителем и Глазовское духовное управление, затем к ним присоединились клирики Вятки, Ижевска, Яранского, Котельнического и Слободского районов. 10 (23) декабря 1927 года митрополит Сергей и его Синод наложили на епископа Виктора запрет в священнослужении. Однако письма епископа Виктора митрополиту Сергию и другие документы стали широко распространяться среди верующих во многих епархиях.

Осенью 1927 года общецерковная ситуация активно обсуждалась и в Петроградской епархии, где духовенство разделилось в отношении к митрополиту Сергию на два лагеря. Группа священнослужителей и мирян, желая предотвратить надвигавшийся раскол, решила на встрече с митрополитом убедить его изменить намеченный курс церковной политики¹⁷. Встреча с Петроградской делегацией состоялась 12 декабря 1927 года, и ее участникам сразу стало ясно, что договориться с митрополитом невозможно. Они вернулись из Москвы глубоко разочарованные и с твердым намерением прервать всякое молитвенное общение с митрополитом Сергием. С этого момента события в епархии развивались стремительно. На срочном совещании духовенства и мирян с общего согласия решено было *«неотложно и официально объявить митрополиту Сергию о своем отходе от него»*¹⁸.

Инициативу руководства взяли на себя оба викария, епископ Гдовский Димитрий (Любимов) и епископ Нарвский Сергей (Дружинин). Письмен-

---

¹⁶ Далее епископ Павел утверждал, что «сергианская» Церковь практически превратилась в церковную партийную организацию, где *«налицо не корабль церковный, а сергиевская ладья-“душегубка”»*. Осипова И. И. Указ. соч. С. 87.

¹⁷ В специальном обращении к митрополиту от имени духовенства и мирян епархии были изложены основные пункты, ставшие причиной раскола, и для установления мира предлагалось принять соответствующие меры.

¹⁸ *«Терпеть далее, как им казалось, такое насилие над Церковью они уже не могли. Наступил момент, когда все, что кипело и бурлило внутри, должно было вылиться наружу и образовать из себя самостоятельный поток церковной жизни, независимый от митрополита Сергия»*. Иоанн (Снычев), митрополит. Церковные расколы в Русской Церкви. Самара, 1997. С. 219.

ный акт отхода был составлен 13/26 декабря 1927 года и передан для вручения Сергию представителю Московской Патриархии. Митрополит Петроградский Иосиф (Петровых), находящийся в то время в ссылке в Николо-Моденском монастыре, вскоре в письме к владыке Димитрию благословил это решение¹⁹. Тогда же с владыкой Димитрием соединился епископ Виктор (Островидов) со своими сторонниками²⁰, они стали обмениваться письмами и воззваниями. Митрополит Сергей в особом послании к Церкви от 18/31 декабря 1927 года старался успокоить иереев и паству, говорил о благоприятных условиях, которые создала для Церкви лояльность, выраженная в июльской Декларации, и призывал верующих не смущаться и не поддаваться всяким слухам. А 12/25 января 1928 года на внеочередной сессии Синод принял постановление об увольнении с кафедр епископов Димитрия (Любимова) и Сергия (Дружинина), запрете их в священнослужении и предании каноническому суду.

Однако эти меры уже не могли остановить распространение оппозиционного движения. Повсюду стали появляться «антисергианские» приходы и отдельные «непоминающие»²¹, причем их неприятие митрополита Сергия и его политики было в каждом случае различным. Одни считали его просто превысившим свои полномочия, другие — нарушителем канонических устоев Церкви, третьи — еретиком, а иные — даже богоотступником. Характерно, что в первое время и сами «иосифляне», решительно отделившиеся от митрополита Сергия, не осуждали тех, кто продолжал сохранять общение с Сергием, не соглашаясь при этом с его политикой, наоборот, «иосифляне» считали, что тех надо почитать *«как своих друзей, которые от них разделяются не образом мыслей, но образом действий»*²².

¹⁹ В феврале 1928 года владыка Иосиф вновь подтвердил свое благословение деятельности «иосифлян», о чем властям стало известно из секретного сообщения от 29 февраля: *«По сведениям нашего осведомителя, митрополит Иосиф проездом в Устюжну заезжал в Ленинград, где убеждал всех крепко стоять за него, ни в коем случае не каяться перед митрополитом Сергием (наоборот, говорил Иосиф, митрополит Сергей должен перед нами каяться). «Пусть я буду сослан, казнен, — говорил Иосиф, — но не покину тех, кто идет за мной»»* («Совершенно секретно. Срочно. Лично Тов. Тучкову. И не только ему»: Донесения из Ленинграда в Москву, 1928—1930 годы / Публикация, вступление и примечания А. Мазырина // Богословский сборник. Вып. 11. М.: Изд-во ПСТБИ, 2003, С. 336.). По данным историка Шкаровского М. В., к осени 1928 года «иосифлянскими» стали двадцать пять храмов Петроградской епархии, в том числе пять храмов Александро-Невской лавры, затем от митрополита Сергия отошли еще четыре единоверческих прихода.

²⁰ Весной 1928 года после ареста владыки Виктора его приходы перешли под непосредственное управление епископа Димитрия.

²¹ «Непоминающие» — термин, обозначающий священнослужителей, не поминающих на службах советскую власть и митрополита Сергия.

²² Из брошюры «Беседа двух друзей. О сергиевской смуте». ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1.

6 февраля 1928 года митрополит Петроградский Иосиф (Петровых) вместе с группой известных архиереев Ярославской епархии²³ официально подписали декларацию об отделении от митрополита Сергия. Выступление ярославских пастырей во главе с митрополитом Агафангелом (Преображенским) серьезно встревожило Сергия, ведь к голосу старейшего и авторитетнейшего архиерея прислушивались многие. В феврале и марте митрополит Сергей посылал в Ярославль своих помощников с письмами, в которых обращался к Агафангелу с просьбой не прерывать общения с ним и поддержать его усилия по устроению церковных дел. В результате долгих переговоров, используя неуверенность и нерешительность ярославских пастырей, Сергий в конце концов добился от них подтверждения, что они признают его власть как заместителя Патриаршего местоблюстителя и не прерывают с ним молитвенного общения. Это весьма укрепило позицию митрополита Сергия.

Весьма характерно отношение к такому повороту событий самого митрополита Иосифа (Петровых), выраженное в письме к епископу Димитрию (Любимову) от 6 августа: *«Ярославские “дезертиры” меня как-то мало смущали и удивили. Да и в конце концов не в них дело, и не они когда-либо являлись опорой нам или давали содержание и питание нашему образу мыслей и действий. Самое их выступление в хронологическом отношении было позднее нашего, и если в свое время, казалось, было на пользу нам, то теперь — лишение этой “пользы” не составило для нас никакого вреда, оказавшись укором лишь для новых изменников и предателей истины и правды дела. Итак, мимо их — далее!.. Пусть они промелькнут как отставшие и ничуть не задержавшие нас на нашем крестном пути.»*²⁴

В марте 1928 года владыку Димитрия, ставшего к тому времени архиепископом, посетил епископ Майкопский Варлаам (Лазаренко), возглавлявший целый ряд тайных скитов и монастырей в кавказских горах Причерноморья (в районе Гуапсе — Сочи) и окормлявший также немало приходов и общин в казачьих станицах на Кубани. На встрече *«было уговорено, что он будет действовать применительно к местной обстановке и в значительной степени самостоятельно»*, позднее владыка Варлаам через доверенных лиц передавал доклады о ситуации у них. В мае 1928 года в Ленинград прибыл управляющий Воронежской епархией, епископ Козловский Алексей (Буй). Еще 9/22 января 1928 года он отделился от митрополита Сергия и в своем послании писал, что избирает своим высшим духовным руководителем митрополита Иосифа (Петровых). Митрополит Иосиф отказался административно возглавлять воронежское духовенство и благословил епископа Алексея управляться самостоятельно. Архиепископ Димитрий (Любимов) передал ему, что *«с этого дня он будет управлять всем Югом России»*. С того вре-

²³ Митрополитом Агафангелом (Преображенским), архиепископом Серафимом (Самойловичем), архиепископом Варлаамом (Ряшенцевым) и епископом Евгением (Кобрановым).

²⁴ Акты Святейшего патриарха Тихона... С. 619–620.

мени началась волна присоединений к владыке Алексию клириков Центрально-Черноземной области, с Дона, Кубани, Харьковской области и Северного Кавказа, откуда прибывали к нему и посланники епископа Варлаама (Лазаренко), он их постригал и посвящал²⁵.

В июне 1928 года к архиепископу Димитрию обратился проживающий в Харькове епископ Старобельский Павел (Кратиров), не признавший заместительских прав митрополита Сергия. После ознакомления с присланными документами Димитрий вошел в молитвенное общение с епископом Павлом, окормлявшим немало оппозиционных общин Харьковской и Сумской епархий, а также в Одесской, Черниговской и соседних епархиях, в дальнейшем между ними постоянно поддерживалась переписка. Летом 1928 года в духовное общение с архиепископом Димитрием вошли клирики Зиновьевской и Полтавской епархий, затем и киевские клирики, прервавшие общение с митрополитом Сергием и киевским митрополитом Михаилом (Ермаковым). С осени они стали поминать владыку Димитрия в храмах и обращались к нему по всем пастырским вопросам²⁶. В ноябре, после встречи в Ленинграде, с Димитрием соединился и епископ Бахмутский и Донецкий Иоасаф (Попов), окормлявший более пятидесяти оппозиционных приходов в Донецкой, Днепропетровской, Подольской епархиях и на Северном Кавказе. А в сентябре 1929 года к владыке Димитрию обратился епископ Стародубский Дамаскин (Цедрик), также прервавший общение с Сергием, в письме к нему он выражал глубокую признательность владыке и всем «иосифлянам» за их стойкость и мужество.

К руководителям «иосифлян» постоянно обращались за пастырским советом посланцы общин и приходов со всех концов страны, несогласные с политикой Сергия. Прибывающие в Ленинград клирики и монашествующие сначала «подвергались предварительной исповеди у особых духовников»²⁷, а затем встречались с владыкой Димитрием и после разговора входили с ним в духовное общение. После этого он, как архиепископ, давал иереям духовное право принимать через исповедь верующих и других священников, освобождая их таким образом от необходимости лично приезжать к нему. Особое внимание владыка Димитрий уделял монашествующим, называя их «опорой иосифлян» и «миссионерами истинного православия» и благословляя совершать тайные монашеские постриги на квартирах или в храмах во внеслу-

---

²⁵ Квартира его помощника, священника Сергия Бутузова в Ельце стала вроде «странно-приимного дома», каждый день там ночевали два-три священника, приезжавшие на встречу с епископом Алексием.

²⁶ С киевскими «иосифлянами» были связаны приходы и общины в других областях Украины, а также клирики Гомельской и Витебской епархий в Белоруссии.

²⁷ «Исповедь была средством испытания присоединяемых в стойкости их истинно-православных убеждений, в готовности, если потребуется, пострадать за них в борьбе с безбожной властью». Архив УФСБ СПб и ЛО. Д. П-83017. Т. 1., Л. 160.

жебное время. В начале 1928 года к владыке Димитрию примкнули клирики прихода Спасо-Преображенской церкви в Новгороде, несколько сельских приходов и монашествующие Старо-Ладожского женского монастыря, Свято-Троицкого Зеленецкого монастыря, Макарьевской пустыни под Любаны, Перекомского монастыря под Новгородом; неоднократно приезжали к нему принявшие его духовное руководство клирики и прихожане из общин Псковской епархии.

Тогда же под омофор архиепископа Димитрия перешли священнослужители пяти храмов в Москве²⁸, после ареста настоятелей их приходские советы направляли к владыке новых кандидатов на рукоположение. К клирики подмосковного Серпухова, как и непосредственно связанные с ними монашествующие Высоцкого монастыря и Давыдовской пустыни, официально прервали каноническое и молитвенное общение с митрополитом Сергием²⁹ и соединились с владыкой Димитрием. Весной 1928 года к владыке Димитрию присоединилось духовенство Твери, сначала Христорождественского женского монастыря, затем Желтиковского Успенского монастыря и Никольской церкви на Плацу. Осенью 1928 года архиепископом Димитрием и епископом Сергием был рукоположен на Серпуховскую кафедру епископ Максим (Жижиленко), но служил он недолго, в мае 1929 года был арестован и отправлен на Соловки. Теперь московские «дмитровцы» вновь обращались к владыке Димитрию напрямую³⁰. Весной 1929 года с ним соединились клирики Орехово-Зуевского, Загорского, Вышне-Волочковского районов, монахини бывшего Акатъевского монастыря в Клинском районе³¹.

Со своей стороны, митрополит Сергей, утверждая, что провозглашенное в Декларации требование лояльности к советской власти необходимо ради преемственности «законного» православия, всех несогласных с этим называл раскольниками и отщепенцами и подвергал прещениям. В результате формальная «легализация» Патриархии потребовала от ее руководителей согласия на полный контроль государственных органов над внутрицерковной жизнью, особенно в кадровой политике. И когда начались новые епископские хиротонии и назначения, а также увольнения на

---

²⁸ В том числе: Николы Большой Крест, Воздвижения Креста Господня (на Воздвиженке), Троицы в Никитниках, Успения в Гончарах, Воскресения Словущего на Таганке.

²⁹ По их убеждению, митрополит Сергей «поставил Церковь в зависимость от гражданской власти и лишил ее внутренней свободы и самостоятельности». ГА РФ. Ф. 10035. ОП. 1. Д. П-28850.

³⁰ Рукоположенный им иеромонах Анувий (Капинус) служил сначала в Покровской церкви Серпухова, а после войны осуществлял катакомбное служение в Воронежской области, окормляя десятки тайных монашествующих и сотни православных христиан до своей кончины в 1966 году.

³¹ Следует отметить, что подмосковное духовенство после ареста в следственных документах именовалось «дмитровцами» (а не «иосифлянами»).

покой ссыльных епископов, всем стало ясно, что Сергей *«капитулировал перед ГПУ, принял все условия “легализации” и ныне последовательно проводит их в жизнь»*³².

* * *

Власти внимательно следили за происходящим, ожидая подходящего случая, чтобы начать действовать. Уже к декабрю 1928 года, благодаря полученным с мест агентурным сообщениям³³, стали известны масштабы распространения оппозиционного движения, выявлены имена архиереев, возглавляющих в регионах оппозицию, а также имена активнейших иереев и мирян. Это позволило осуществить первый этап масштабной операции по вскрытию и ликвидации филиалов *«Всесоюзной контрреволюционной церковно-монархической организации “Истинно-Православная Церковь”»*. С марта по октябрь 1929 года прошли массовые аресты в Москве, Ленинграде, Воронеже, Вятке, Ярославле и других городах и областях. О размахе репрессий 1929 года говорят цифры арестованных священнослужителей — более 5000 человек, что почти в три раза превышало число осужденных священнослужителей в 1928 году.

Своей важной победой после завершения первого этапа операции чекисты считали арест ядра активных «иосифлян». Вынужденные показания арестованных, а также сообщения «добровольных помощников» дали необходимые сведения о связях «иосифлян» с группами истинно-православных христиан, оппозиционных митрополиту Сергию, в других регионах. В «Обвинительном заключении» по Ленинградскому делу представлен подробнейший план-чертеж филиалов *«Всесоюзной контрреволюционной церковно-монархической организации “ИПЦ”* с именами их руководителей. Согласно этому документу, «церковно-административный центр» в составе девяти человек во главе с архиепископом Димитрием (Любимовым) и под идейным руководством митрополита Иосифа (Петровых) был тесно связан че-

³² ГА РФ. Ф. Р-6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 8.

³³ Еще с 1925 года в приходские общины было внедрено большое число «добровольных помощников» чекистов из церковного клира и прихожан. В обосновании «Сметы расходов», в графе «Синодальцы и Тихоновцы», говорилось: *«Синодальное движение используется нами для разложения “тихоновщины”, как группировки, крайне реакционно настроенной и имеющей большой авторитет среди верующей массы. Руководство работой синодальцев, в целях успешного разложения “тихоновщины”, возможно при наличии секретных работников как в той, так и в другой группировке, посредством коих возможно будет проводить желательную для нас линию. С этой целью в прилагаемую “Смету” мы вносим минимальное количество осведомов, по 2 человека на группировку в каждом округе»*. Из «Объяснительной записки к смете расходов на работу ГПУ среди религиозных группировок на первое полугодие 1928 года» // Архив ЦГАОО Украины.

рез верных архиереев со многими регионами и отдельными городами³⁴. В дальнейшем аресты производились согласно этому плану-чертежу, причем не только среди священнослужителей, но и среди активных членов «двадцаток» церквей³⁵.

С сентября 1929-го по апрель 1930 года был осуществлен второй этап операции, нацеленный в основном на Украину, Центрально-Черноземную область, Причерноморье и Северный Кавказ. На третьем этапе — с апреля по декабрь 1930 года — прошли повторные аресты в столицах, а также по областям Центральной и Южной России, на Украине и в Белоруссии. О масштабах операции в 1930 году можно судить по числу арестованных по групповым делам ИПЦ — свыше 13 000 священнослужителей, что более чем в два раза превысило число осужденных в 1929 году.

С начала 1931-го по апрель 1932 года поле деятельности чекистов значительно расширилось, и массовые аресты прошли повторно не только в Европейской части, но также и в Сибири. Масштабность операций по выявлению и ликвидации «филиалов» в Центрально-Черноземной области, проведенных в два этапа до 1932 года, была, очевидно, вызвана стремительными темпами проведения коллективизации в черноземных районах страны и ответными волнениями и даже вооруженными выступлениями крестьянства в регионе. Очаги сопротивления в большей степени затронули Воронежскую область, районы Дона и Кубани, где влияние оппозиционного духовенства было преобладающим. Позднее в материалах следственных дел по Воронежской области арестованные будут именоваться «бுவцами», по фамилии епископа Воронежского Алексия (Буя), ставшего во главе оппозиционного духовенства и мирян епархии, примкнувшей к «иосифлянам». Прошли также повторные аресты в Московской, Ленинградской, Псковской и Новгородской областях, при этом число арестованных священнослужителей за этот период по стране превысило 19 000 человек. В целом операция позволила за семь лет, с 1928 по 1934 г., уничтожить самых непримиримых и твердых в вере священнослужителей и мирян³⁶.

---

³⁴ С Воронежем, Вяткой, Киевом, Москвой, Новгородом, Новомосковском, Одессой, Псковом, Серпуховом, Стародубом, Харьковом, Ярославлем; а также с Крымом, Кубанью и Северным Кавказом.

³⁵ При регистрации приходской общины, которой и передавались в пользование храм с постройками и церковным имуществом, необходимо было представить местным властям список членов приходского Совета из 20 верующих — отсюда название «двадцатка».

³⁶ О масштабе завершившейся операции по ликвидации движения ИПЦ красноречиво говорят цифры — число арестованных священнослужителей за семь лет, с 1928 по 1935 г. составило 51 625 человек. К сожалению, о количестве мирян, осужденных в те же годы по групповым делам ИПЦ, сообщить точные цифры невозможно, но даже предварительные расчеты, в зависимости от региона, дают 2-5 кратное превышение числа осужденных.

Митрополит Сергей и его сторонники, шантажируемые угрозой ареста всей православной иерархии, надеялись, что уступки властям помогут прекратить дальнейшие репрессии против священнослужителей и мирян. Однако последующие события показали всю тщетность этих надежд.

К концу 1935 года, когда после проведения паспортизации в 1933 году завершилась массовая высылка духовенства и их семей из многих городов, возобновились и массовые аресты священнослужителей и активных мирян по обвинению их «в шпионаже» и «террористической деятельности». Причем теперь чекистам и уже не делались различия, к какому течению примыкал обвиняемый: к «сергианам», «иосифлянам», «непоминающим» или «обновленцам»³⁷. Характерной особенностью групповых процессов в этот период является наличие «доказательств» вины арестованных в виде «агентурных» сообщений либо более основательных «Меморандумов» с обзорами доносов, включенных в материалы следствия³⁸. Теперь и лояльному к властям духовенству стало ясно, что надежды митрополита Сергея и его последователей спасти Русскую Православную Церковь от уничтожения тщетны.

В период 1937–1938 годов «доказательства» вины обвиняемых уже не требовалось — в стране развернулась масштабная операция по тотальному уничтожению всех священнослужителей и мирян, причем независимо от степени их лояльности или сотрудничества с властями. Следствие проходило ударными темпами, согласно указанию Заковского, заместителя наркома НКВД: «*Бить морды при первом допросе*», — и затем брать короткие показания на пару страниц от «участника организации» о новых людях³⁹. Деятельность же «особой тройки» НКВД СССР, определяющей окончательный приговор обвиняемым, также основывалась на указании Заковского — «*судить только по I-ой категории и только в исключительных случаях небольшое количество дел осуждать по II-ой⁴⁰ категории*»⁴¹. В этот период завершилась расправа над Русской Православной Церковью: большая часть духовенства и верующих была расстреляна, лишь небольшая часть отправлена в лагерь⁴².

---

³⁷ В 1935–1936 годах было арестовано 6 312 священнослужителей.

³⁸ Можно предположить, что осторожность чекистов была связана с групповыми процессами бывших сотрудников НКВД из команды Ягоды, обвиняемых также и в фальсификации материалов следственных дел.

³⁹ Позднее следователи, арестованные в 1938–1939 годах, показали: «*Личные примеры Заковского в Таганской тюрьме, как нужно допрашивать — вызвали массовые, почти поголовные избиения арестованных и вынужденные, клеветнические показания арестованных не только на себя, но и на своих знакомых, близких сослуживцев и даже родственников, а также на лиц, которых они никогда не знали*». Осипова И. И. Указ. соч. С. 136.

⁴⁰ Приговор по первой категории означал расстрел, по второй — 10 лет ИТЛ.

⁴¹ Осипова И. И. Указ. соч. С. 137.

⁴² Согласно данным Комиссии по реабилитации Московской Патриархии, к 1941 году было репрессировано 350 тысяч верующих, в их числе не менее 140 тысяч священнослужителей.

Страшна была участь пастыря Патриаршей Церкви, обреченного ради сохранения прихода на многолетнее унижительное моление на богослужениях за «успехи и радости» богоборческой власти, а порой и на сотрудничество с карательными органами, а в результате — арестованного и приговоренного к высшей мере наказания «за контрреволюционную деятельность»!

* * *

Активная антирелигиозная политика государственных органов ярко продемонстрировала неприемлемость и даже провокационность компромиссной политики митрополита Сергия и его последователей в отношениях с властью, провозгласившей воинственное и нетерпимое отношение к Церкви. Но была ли альтернатива «сергианскому» направлению в Патриаршей Церкви? Ведь оппозиционное митрополиту Сергию духовенство предлагало с самого начала другой путь: во времена гонений разумнее было бы вместо административной централизации Патриаршей Церкви перейти на самоуправление епархий и приходов, а в случае закрытия церквей — на создание нелегальных общин и проведение тайных богослужений, посвящений и пострижений. Именно такой путь, по их убеждению, сохранил бы «глубочайшие основы строя церковной жизни», «чистоту и внутренний свет истинного Православия». Ведь и патриарх Тихон видел, что предел «политическим требованиям советской власти лежит за пределами верности Христу и Церкви» и что единственно возможный способ существования Церкви в советском обществе, очевидно, подпольный, катакомбный, к чему и склонялся патриарх, о чем позднее свидетельствовал М. А. Жижиленко⁴³: «В одной из бесед святейший патриарх Тихон высказал владыке Максиму (тогда еще просто доктору) свои мучительные сомнения в пользу дальнейших уступок советской власти. Делая эти уступки, он все более и более с ужасом убеждался, что предел “политическим” требованиям советской власти лежит за пределами верности Христу и Церкви. Незадолго же до своей кончины Святейший патриарх высказал мысль о том, что, по-видимому, единственным выходом для Русской Православной Церкви сохранить свою верность Христу — будет в ближайшем будущем уход в катакомбы. Поэтому патриарх Тихон благословил профессору доктору Жижиленко принять тайное монашество, а затем, в случае если в ближайшем будущем высшая церковная иерархия изменит Христу и уступит советской власти духовную свободу Церкви, — стать епископом»⁴⁴.

Но в то время многим иерархам Церкви уход в «катакомбы» представлялся тупиковым, по их убеждению, миллионы верующих лишились бы то-

---

Из общего числа репрессированных было арестовано в 1937–1938 годах 150 тысяч, из них 80 тысяч расстреляно.

⁴³ Впоследствии стал первым тайным иосифлянским епископом Максимом Серпуховским.

⁴⁴ Польский М., протопресв. Новые мученики Российские. Ч. II. С. 21.

гда возможности принимать участие в открытых богослужениях и прибегать к Святым Таинствам. Хотя были ли на самом деле эти миллионы верующих после массовых арестов и высылки духовенства и мирян в 1920–1930-е годы? Да, во время переписи населения они заявили о себе, особенно в сельских районах страны⁴⁵. В городах, как правило, открыто признавать себя верующими боялись: крестили своих детей и посещали богослужения в храме тайно, опасаясь быть уволенными с работы или не принятыми в учебные заведения. Только старому поколению мирян аресты не грозили, хотя и об этом надо говорить с большими оговорками, ведь их активность могла повредить родным. Так или иначе, но большинству верующих, причисляющих себя к официальной Церкви, приходилось исповедовать веру тайно и молиться по домам, часто скрывая это от атеистически настроенных родственников или соседей.

* * *

К 1939 году Русская Православная Церковь как централизованная структура была практически разгромлена. В стране действовали лишь около сотни храмов. Епархии, как административные единицы, уже почти не существовали⁴⁶, лишь отдельные приходы рисковали поддерживать нерегулярную связь с Патриархией, так как общение с «церковниками» считалось признаком неблагонадежности. Патриархия в значительной степени была отрезана от своей паствы, и по своему фактическому положению официально не запрещенная Церковь стала как бы нелегальной организацией.

На этом фоне в секретных отчетах органов госбезопасности не раз упоминалось о деятельности катакомбных пастырей, отмечалось, что *«новая форма борьбы с совластью — институт тайного священства и монашества — распространилась по всему Союзу и, невзирая на почти полную ликвидацию очагов “истинного православия”, продолжает существовать и проводить свою контрреволюционную работу»*. Руководители «Союза воинствующих безбожников» в своих выступлениях призывали активизировать борьбу с религией и церковниками, с возмущением упоминая о переезжающих с места на место «бродячих полах-передвижках», которые в местах, где нет уже ни религиозных общин, ни церквей, продолжают свою тайную «антисоветскую деятельность». Даже в партийной прессе отмечалось, что закрытие церквей ведет к увеличению нелегальных религиозных организаций. Хотя до осени 1939 года серьезных перемен в отношении Церкви не произошло, «третья

---

⁴⁵ Из 97 521 тысячи ответивших на вопрос о религии — 55 278 тысяч заявили о своей вере в Бога (56,7 %), хотя многие в обстановке террора уклонились от ответа.

⁴⁶ К лету 1939 года в Церкви осталось лишь четыре правящих архиерея и около десяти архиереев находились на покое или совершали богослужения как настоятели храмов.

безбожная пятилетка» для окончательного преодоления «религиозных пережитков» так и не была провозглашена. Очевидно, присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии, а позднее Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины к СССР с гораздо более сильным влиянием Церкви на население вынудило власти проводить более осмотрительную религиозную политику.

После отстранения Н. И. Ежова от руководства органами госбезопасности, в рамках общего пересмотра части следственных дел, были освобождены и сотни священнослужителей, в их числе и несколько епископов. К началу 1940 года положение Московской Патриархии немного улучшилось: угроза ее ликвидации была снята, митрополит Сергей вновь стал совершать хиротонии архиереев, стали замещаться пустующие кафедры. Весной Патриархия приступила к «устройству церковных дел» в присоединенных областях. В основном воссоединение местного духовенства с Московской Патриархией проходило добровольно, а тех священнослужителей, кто пытался отстаивать принципы автокефалии, власти высылали в Сибирь. Деятельность Церкви активизировалась и на остальной территории страны, ощущение приближающейся войны, страх за родных и близких, за свою судьбу — все это усиливало религиозные настроения в предвоенный год. В середине 1940 года в ЦК ВКП(б) стали поступать докладные властям о тревожной ситуации на «церковном фронте». Реакция властей последовала незамедлительно, вновь начала ужесточаться религиозная политика государства. Закрытие и ликвидация храмов Православной Церкви продолжились, к началу войны на основной территории СССР количество уцелевших храмов и священнослужителей составляло менее 5 % от уровня конца 20-х годов, при этом вновь начались аресты клириков Церкви.

В первые дни войны митрополит Сергей обратился с «Посланием пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви», благословившим *«всех православных на защиту священных границ нашей Родины»*. 26 июня в Богоявленском соборе он отслужил молебен «о даровании победы». Таким образом, началось активное участие Русской Православной Церкви в патриотической борьбе. Всего за годы войны Патриарший местоблюститель обращался к верующим с патриотическими посланиями 24 раза, поощряя к самоотверженному труду и мужественному участию в боевых операциях, подерживая веру в победу над врагом.

Судя по отчетам органов госбезопасности, в первые месяцы войны репрессии против духовенства резко усилились, особенно против священнослужителей и мирян Истинно-Православной (Катакомбной) Церкви. Во-первых, в первые недели прошли массовые расстрелы определенных категорий заключенных в тюрьмах в тех районах, куда приближалась линия фронта, в их числе были и священнослужители. Во-вторых, по законам военного времени расстреливались верующие, призванные в армию, но отказавшиеся от присяги по религиозным убеждениям. В-третьих, арестовывались клири-

ки и активные миряне из общин ИПЦ, обнаруженные по доносам в тылу, их отправляли либо на фронт, либо в лагеря — с огромными сроками. В четвертых, в лагерях по законам военного времени расстреливались заключенные, отказывающиеся от работы по воскресеньям и в праздники по религиозным убеждениям.

Несомненно, трагические события первых месяцев войны вынудили власти изменить отношение к гонимой ранее Церкви и пойти на уступки, при условии ее абсолютной лояльности. С осени 1941 года аресты клириков Московской Патриархии прекратились, но это не коснулось нелегально действующих священнослужителей ИПЦ. С весны 1943 года в отчетах органов госбезопасности сообщалось о появлении многочисленных «бродячих» священников и монахов, агитирующих за подачу ходатайств об открытии храмов и организующих религиозные шествия. Оживление религиозной жизни в стране породило множество различных слухов, встревоживших власти, так что был предпринят ряд мер по ограничению влияния духовенства на население. При этом аресты клириков ИПЦ и особо активных мирян не прекращались, и, согласно отчетам органов госбезопасности, за пять лет войны, с 1941 по 1945 год, число вновь арестованных священнослужителей составило свыше 7500 человек⁴⁷.

Следует учесть и то, что на оккупированных территориях произошло массовое и стихийное пробуждение религиозной жизни: воздвигались разрушенные храмы, приносилась тайно сбереженная церковная утварь и иконы, приглашались чудом выжившие священники, храмы освящались и в них проводились открытые богослужения. Сначала все это поддерживалось оккупационными властями как действия, враждебные большевикам. Но позднее были приняты меры к ограничению деятельности больших религиозных объединений, к разделению их по национальному и территориальному принципу. Не вызывает сомнения, что в случае победы гитлеровской Германии Русская Православная Церковь была бы уничтожена как носитель враждебной немцам русской национальной идеи. Это подтвердили действия оккупационной армии при отступлении: массовое разграбление и сжигание храмов, депортация священнослужителей, угон в Германию верующих.

В сентябре 1943 года, в связи с изменением хода войны после победы под Сталинградом, митрополит Сергей с двумя архиереями был вызван Сталиным в Кремль. Сразу же после этого приема группа иерархов была срочно привезена самолетами в Москву и приняла участие в Архиерейском

---

⁴⁷ Следует учесть, что при аресте монашествующие часто называли только свое имя и в отчете их приписывали к сектантам. В общей цифре арестованных за 1944–1945 годы они составляли примерно половину, так что приведенная цифра арестованных за пять лет войны, при учете других конфессий (10 % католиков и униатов и 5 % мусульман), а также части сектантов, должна быть уменьшена на 20–25 %, то есть до 6000 человек.

соборе. 8 сентября митрополит Сергей был провозглашен Патриархом Московским и всея Руси, часть ограничений на церковную деятельность была снята, возобновилась деятельность духовной семинарии и академии. Инициированы эти реформы были лично Сталиным с определенными политическими целями, но затем власти вновь вернулись к прежней политике ограничений свободы Церкви и гонений на иерархов.

Особенно показательно это было в отношении верующих, принадлежащих к Истинно-Православной (Катакомбной) Церкви. В конце войны органы госбезопасности взялись за ее окончательную ликвидацию. 7 июля 1944 года Сталину было передано секретное письмо Берии: в нем говорилось, что «*выявлена антисоветская сектантская организация “Истинно-православных христиан”, состоящая в основном из бывших кулаков и ранее судимых за антисоветскую деятельность*», и группы этой организации имеются в Воронежской, Рязанской и Орловской областях, но что «*аресты активных участников не оказали должного воздействия на членов организации, в силу существующего у них поверия: “Кто арестован и сидит в тюрьме, тот избран Богом, находится на кресте, и тому обеспечено царство небесное”*»⁴⁸.

Предложения Берии сводились к тому, чтобы всех участников ИПХ вместе с членами их семей переселить в Омскую, Новосибирскую области, Алтайский и Красноярский края, рассредоточив их в нескольких спецпоселениях, где они будут находиться под наблюдением НКВД. Переселение истинно-православных христиан из 87 населенных пунктов и 538 хозяйств предлагалось провести ударными темпами — в течение одного дня, 15 июля 1944 года, при этом общее число высылаемых составило 1673 человека. Предлагаемая акция НКВД получила одобрение, летом-осенью 1944 года в этих регионах страны прошли массовые аресты и выселения.

Подводя итоги взаимоотношений Церкви с властями, следует отметить, что изменения в государственной религиозной политике, произошедшие с началом войны, оказались небольшими. А в 1947 году появились и явные признаки охлаждения государственно-церковных отношений, когда стали ясны ограниченные возможности использования Патриархии на международной арене. Количество официально открытых храмов снизилось вдвое по сравнению с 1946 годом; сборы Церкви на патриотические цели, поднимающие ее авторитет, были официально прекращены; суммы налогов и обязательной подписки духовенства и прихожан на займы для восстановления народного хозяйства резко увеличены. Судя по отчетам органов госбезопасности, с 1946 по 1948 год было арестовано еще свыше 4300 клириков, в основном православных⁴⁹. Несомненно, большая часть арестованных были тайными клириками ИПЦ, выявленными по доносам «добровольных помощников»

⁴⁸ Осипова И. И. Указ. соч. С. 169–170.

⁴⁹ Лишь 20 % из них составляло духовенство других конфессий.

чекистов, а также повторники, то есть пастыри, недавно освободившиеся из лагерей и появившиеся на родине.

Летом 1948 года последовали дальнейшие ограничения деятельности официальной Церкви: запрещены крестные ходы и духовные концерты в храмах вне богослужений, ограничены разъезды иерархов по районам, насильственно закрыт ряд только что открытых церквей с переоборудованием их под клубы, значительно увеличились налоги. В начале 1950-х годов была взята на вооружение тактика повсеместного ограничения влияния Церкви при сохранении внешне ровных отношений. Стали активно преследоваться коммунисты и комсомольцы, совершавшие религиозные обряды. Значительно участились случаи арестов наиболее активных священников и архиереев.

* * *

Смерть Сталина вызвала глубокие перемены в жизни страны, не обошли они стороной и Русскую Православную Церковь. С одной стороны, проснулись надежды на будущее религиозное возрождение, с другой — возникли опасения ужесточения государственной политики, которые вскоре подтвердились. 7 июля 1954 года вышло Постановление «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения», в котором, по сути, предлагалось вернуться на довоенный путь «наступления на религиозные пережитки». Все это вызвало сильнейшую негативную реакцию Московской Патриархии, уже в сентябре Хрущев со своими сторонниками вынужден был отступить. А в 1955 году началось массовое освобождение духовенства из лагерей, сначала по амнистии, позднее — по реабилитации. Клирики ИПЦ также были освобождены из лагерей, но амнистии не подлежали те из них, кто был арестован после войны и приговорен к 15–25 годам за якобы «сотрудничество с оккупационными властями». И лишь немногим из общин истинно-православных христиан, высланных в конце войны из областей Черноземья в Сибирь, после многочисленных проверок удалось вернуться на родину в 1960-е годы.

1955–1957 годы для официальной Церкви стали самыми благоприятными: возобновились богослужения в закрытых ранее храмах, возросло число молящихся в церквях, продолжились хиротонии новых епископов, приумножилось количество священнослужителей, увеличился прием в духовные учебные заведения, в монастыри пришло много молодежи. Происходящие события вселили надежду на нормализацию отношений между Церковью и государством, хотя, в свете неоднократных обвинений Хрущевым в частных беседах высших иерархов в «низкопоклонстве» перед Сталиным, у них были опасения, что избавление страны от сталинизма может вызвать наступление на религию. Но относительное благополучие Церкви

было непрочным, постоянно предпринимались попытки ужесточить курс антирелигиозной политики в стране, вызванные возрастающей тревогой руководства государства в связи с активизацией широких слоев традиционно верующих.

К началу 1958 года государственно-церковные отношения стали обостряться. 4 октября началась первая атака на религию как таковую. Секретным постановлением всем партийным, общественным организациям и государственным органам предписывалось развернуть широкое наступление на «религиозные пережитки». Затем с принятием постановлений против монастырей начались масштабные антицерковные акции, связанные с экономическим ограблением Церкви. Запрещалось применять в монастырях наемный труд, было сокращено количество насельников, значительно уменьшались земельные наделы; вновь вводился налог со строений и земельная рента, повышены ставки налога с земельных участков. Гонения на монастыри были не случайны, так как их духовная роль всегда была важной в России и сохранила свое значение к этому времени. Поход на монастыри набирал темпы, с января 1959 года монашество стало просто-напросто выселяться из обителей.

Тяжелый удар был нанесен и по материальной базе Патриархии, повышение налога на доход свечных мастерских коснулось каждого прихода, резко уменьшились доходы священства, оно стало буквально разоряться. Новым ударом в наступлении на Церковь стала широкая кампания закрытия церквей по всей стране и немногих духовных семинарий; чистка церковных библиотек, ограничение поступления новых изданий; прекращение паломничества к святым местам. Газеты и журналы заполнили антирелигиозные статьи. Летом 1959 года наступление на Церковь продолжилось: была запрещена благотворительная деятельность религиозных организаций; прекратилось рассмотрение ходатайств об открытии новых храмов; к ноябрю закрыты тринадцать монастырей и намечена ликвидация еще семнадцати. Резко усилилась и деятельность органов госбезопасности по сбору данных о «подрывных актах церковников». В особенности это касалось тайных клириков Истинно-Православной (Катакомбной) Церкви. В период с 1958 по 1960 год в Воронежской, Липецкой областях, Татарии и Чувашии прошли массовые аресты участников «*антисоветского подполья церковников, сторонников так называемой Истинно-Православной Церкви тихоновской ориентации*»⁵⁰. Судебные заседания проходили открыто, с массовым привлечением активистов из местного населения, с участием общественных обвинителей и адвокатов (от которых обвиняемые чаще отказывались), тайные священнослужители приговаривались к 25 годам лагерей, а миряне — к 10 годам. В лагерях за отказы

---

⁵⁰ Здесь и далее выдержки из: Дело «*антисоветского подполья церковников*» / Архив УФСБ Татарии. Д. 25720.

от работы их судили повторно, прибавляя новые сроки, так что многие клирики ИПЦ так и не вышли на свободу.

В январе 1960 года были приняты очередные партийные постановления⁵¹, активизирующие антирелигиозную войну на новом уровне. Местным властям предлагалось перейти к плановому сокращению церквей, монастырей, духовных учебных заведений, епархий и епархиальных центров, а также самого духовенства. 16 марта 1961 года было принято новое постановление, которое предписывало «контролировать» деятельность религиозных организаций особым комиссиям, созданным при местных органах власти, что позволило им активно вмешиваться во внутрицерковную жизнь. С явного попустительства властей хулиганствующая молодежь стала врывать в кафедральные соборы, стрелять в окна из ружей, разбивать окна камнями, проводить в религиозные праздники безобразные антирелигиозные демонстрации.

Тогда же, в марте 1961 года, руководству Патриархии была предложена «церковная реформа», суть которой заключалась в отстранении священников от руководства приходами. Роль главы общины переходила от настоятеля к приходскому совету, ему же передавалась и финансово-хозяйственная деятельность. Фактическим руководителем общины становился староста, назначаемый райисполкомом из людей часто нецерковных, иногда неверующих. Продолжалась ликвидация монастырей, монашество выдворялось из них силой; закрывались духовные учебные заведения, принудительно сокращалось число учащихся. Начались отстранения от службы неугодных иерархов, отправка их в бессрочные «отпуска», перемещения на другие кафедры, аресты и осуждения самых активных.

В апреле 1962 года было принято постановление, позволяющее на законном основании лишать родителей прав на ребенка, если он посещает храм, при этом ребенок принудительно передавался в интернат. К осени столкновение местных властей с духовенством и мирянами достигло особенного ожесточения — дошло до «боевых действий», потребовавших даже вызова воинских частей, вооруженных автоматами. Тяжелым ударом для Церкви стало и прекращение богослужений в Киево-Печерской лавре с последовавшим затем выселением монашествующих. В период с 1961 по 1964 год было арестовано и осуждено по религиозным мотивам 1234 человека, в основном это коснулось клириков и верующих, арестованных по делам Истинно-Православной (Катакомбной) Церкви.

К середине 1964 года антирелигиозная истерия захлестнула страну. Однако осенью 1964 года, после снятия Хрущева, напряженность вокруг религиозной проблемы была смягчена рядом мер. Новое руководство страны бы-

---

⁵¹ В них отмечалась пассивная позиция партийных организаций в отношении религиозной идеологии; говорилось также о нарушениях духовенством советского законодательства о культах.

ло вынуждено признать свое поражение. Откровенные гонения на Церковь не принесли желаемых результатов, «хрущевская» кампания явно провалилась: вместо того чтобы обратить верующих в атеистов, она загнала религиозную жизнь в подполье, привлекла симпатии людей к страданиям верующих, пробудила их интерес к ним самим и к религии, всколыхнула западную общественность.

С этого времени власти перешли к более умеренной тактике постепенного вытеснения религиозных организаций из общественной жизни страны. В 1965 году были освобождены из лагерей и ссылок многие священники официальной Церкви, но это не коснулось тайных священнослужителей и мирян ИПЦ. На них гонения продолжались с прежней жесткостью, при этом им инкриминировалось несоблюдение законодательных актов, принятых в эти годы против ИПЦ, ведь она была включена в список запрещенных религиозных организаций. Священнослужителей и мирян ИПЦ арестовывали и приговаривали к большим срокам заключения за участие в тайных богослужениях, за отсутствие у них паспортов, обвиняли их в «бродяжничестве»⁵² и «тунеядстве»⁵³. И все-таки тайные богослужения истинно-православных христиан, тайные пострижения и посвящения продолжались во многих регионах страны. Лишь в середине 1990-х годов преследования истинно-православных христиан постепенно прекратились, однако ни одна их община так и не была официально зарегистрирована.

---

⁵² Отсутствие паспорта и соответственно прописки в нем.

⁵³ Отказ от работы в государственных учреждениях или колхозах.

«О гонимой и многострадальной Церкви»

«О, Премилосердый, Всесильный и Человеколюбивейший Господи Иисусе Христе, Боже наш, Церкви Зиждителю и Хранителю!.. Воззри благосердным оком Твоим на сию Церковь люте, обуреваемую напастей бурю. Ты бо рекл еси Господи: “Созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют Ея!” Помяни обещание Твое неложное: “Се, Аз с вами есмь во вся дни до скончания века”. Будь с нами неотступно, буди нам милостив, молит Тя многострадальная Церковь Твоя! Укрепи нас в правоверии и любви к Тебе благодатию и любовью Твоею, заблуждающих вразуми, отступивших обрати, ожесточенных умягчи. Всякое развращение и жизнь, не согласную христианскому благочестию, исправи. Сотвори, да вси свято и непорочно проживем, и тако спасительная вера укоренится и плодотворна в наших сердцах пребудет. Не отврати лица Твоего от нас не до конца гневающийся Господи! Воздаждь нам радость спасения Твоего! Всяку нужду и скорбь людей Твоих утоли, огради нас всемогущею силою Твоею от всяких напастей, гонений и озлоблений, изгнаний и заключений. Да Тобою спасаемы, достигнем пристанища Твоего небесного, и тамо с лики чистейших небесных сил прославим Тебя, Господа и Спасителя Нашего со Отцем и Святым Духом во веки веков, аминь»¹.

---

¹ Текст молитвы, читавшейся патриархом Тихоном во время Божественной литургии после сугубой ектеньи. За основу взят вариант текста молитвы, изъятого во время обысков и находящегося в материалах следственного дела епископа Алексия (Буя). 1930 год (Архив новейшей истории Воронежской области. Д. 24705. Том. 7. Л. 99). Текст дается в соответствии с источником, с исправлением незначительных и совершенно очевидных опечаток, обычных при распечатке его работниками ОГПУ. В следственном деле Левковского А. Е., Бартоломея В. В. и др. (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 28850) обращает на себя внимание документ следующего содержания: «ОГПУ МО — начальнику ОГПУ Орехово-Зуева: При производстве обысков особое внимание следует обратить на молитву а<нти>-с<ветского> содержания, начинающуюся следующими словами: «О, Премилосердый, Всесильный...»

ГЛАВА I

Истинно-православные христиане на Украине

Обзор следственных дел

О разгроме многочисленных филиалов «*Всесоюзной контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ*», действовавших по всей Украине, достаточно подробно рассказывалось в книге «Сквозь огонь мучений и воды слез...»¹. Здесь же мы хотели бы сосредоточиться на деятельности двух тайных монастырей: Киевского ставропигиального монастыря, руководимого схиигуменей Михаилой (Щелкиной) и архимандритом Михаилом (Костюком), в разные периоды своей двадцатилетней истории действовавшего то открыто, то нелегально, а также тайного монастыря в Ирпени, возглавлявшегося иеромонахом Эразмом (Прокопенко).

* * *

Елисей Прокопенко родился в 1870 году в селе Буранки Черниговской губернии в крестьянской семье. Мать его была глубоко религиозна. До шестнадцати лет был пастухом в родном селе, а с 1886 года работал в имении князя Меншикова. В двадцать один год был призван на военную службу и здесь окончил фельдшерскую школу. Когда ему было двадцать четыре года, он заболел злокачественной дизентерией в тяжелой форме. Находясь при смерти, ясно услышал необыкновенный голос: «Если желаешь быть живым и здоровым, обещаю после военной службы посвятить себя служению Богу и уйти в монастырь». Дав мысленно обещание, тотчас почувствовал облегчение и, к удивлению врачей, очень быстро поправился.

После госпиталя резко изменил свою жизнь — стал вегетарианцем, вел подвижническую жизнь. В конце 1896 года поступил в Киево-Печерскую

---

¹ *Осипова И. И.* «Сквозь огонь мучений и воды слез...»: Гонения на Истинно-Православную Церковь. М., 1998.

лаву, работал в хлебопекарне, в больнице, в просфорне и в аптеке. Стал лечить монашествующих, вылечил больные ноги схиигумена Феодосия, после духовно-нравственных собеседований старец взял Елисея к себе в келейники. После смерти старца Феодосия Елисей стал келейником иеросхимонаха Эразма, затем был переведен в Преображенскую пустынь, где стал келейником старца Елисея. В 1905 году, во время смертельной болезни, старец Елисей назначил его духовным пастырем многих своих чад. В 1912 году, прослушав цикл лекций пятого и шестого курса духовной семинарии, принял монашеский постриг с именем Эразм, затем посвящен в сан иеромонаха. Позднее митрополит Флавиан поручил ему проповедовать во всех церквях Киево-Печерской лавры и в корпусах гостиниц. В 1915 году Эразм вновь тяжело заболел, был направлен на лечение в Китаевскую богадельню и только в 1921 году вернулся в Феодосиевское подворье Киево-Печерской лавры. Вскоре вокруг него образовалась небольшая группа единомышленников из монашествующих и мирян², собеседования Эразма с верующими, посещающими лавру, расширяли круг его единомышленников. Многие из них позднее вошли в общину его духовных чад³, а среди верующих Киева Эразм стал известен как «подвижник», «прозорливец» и «старец».

В 1926 году, после передачи Киево-Печерской лавры «обновленцам», иеромонах Эразм выехал с восемнадцатью верными приверженцами в поселок Ирпень под Киевом. После опубликования знаменитой Декларации митрополита Сергия (Страгородского) он не признал ее, о самой Декларации отзывался как *«о прямо предательстве Церкви и православной религии»* и категорически не соглашался с требованием митрополита поминать в храмах советскую власть, которая, по его убеждению, *«являлась властью безбожников, проводящей усиленную антирелигиозную работу среди верующего населения»*. Вместе с духовенством Ольгинской, Феодосиевской и Покровской церквей, также не принявшим Декларацию, Эразм окончательно покинул Киево-Печерскую лавру⁴.

Иеромонах Эразм вместе с архимандритом Серафимом (Кравцовым) и двумя монахами лавры посетили в Харькове епископа Павла (Кратиров) и наместника лавры архимандрита Климентия (Жеретиенко), не признавших Сергия. Владыка Павел воодушевил иеромонаха Эразма на тайное служение. Позднее, через киевского иерея Димитрия Иванова, иеромонах Эразм с общиной соединился с архиепископом Димитрием Гдовским, возглавившим оппозиционных «иосифлян», что подтвердили на допросах монашес-

---

² Около 15 человек.

³ В общину входило до 400 человек.

⁴ Вместе с ним из Киево-Печерской лавры ушло более 20 монашествующих, среди них архимандриты Макарий (Величко) и Серафим (Кравцов), игумен Евстратий (Грумков).

вующие: «Наша Ирпенская община признает всех епископов, а главное, митрополита Петра Крутицкого как местоблюстителя патриаршества, находящегося в заключении, архиепископа Димитрия Гдовского и епископа Павла Харьковского, пока они были на свободе». С тех пор Эразм стал активно направлять монахинь по городам и селам с проповедями о том, что советская власть — это власть антихриста, и призывать верующих не вступать «в богопротивные коллективы, где православными забывается Церковь Святая и не соблюдается пост». Монахини собирались с верующими по хатам, читали псалмы и Евангелие, рассказывали об иеромонахе Эразме и его общине, собирая пожертвования для монастыря.

Вернувшись в поселок Ирпень, иеромонах Эразм поселился в доме Игнатия и Ульянии Перепелицы⁵. Там под его руководством и с участием священника Мартирия (Слободяника) стали проводиться тайные богослужения в присутствии монашествующих, находящихся на нелегальном положении, а также мирян, его духовных чад из Ирпени, Киева и области. Монахов он объединил в «братства», а монахинь — в «сестричества», назначил там старших духовников-«светильников», и по всем вопросам насельники обращались к ним, а старшие духовники решали все возникающие проблемы с самим иеромонахом Эразмом. Монахи работали в лесничестве или на торфоразработках, монахини занимались рукоделием и продажей по селам предметов религиозного культа⁶. Свой заработок все передавали руководству, на эти средства покупались дома⁷, в которых расселялись прибывающие из разных мест «духовные сыновья и дочери» Эразма, приобретались одежда и продукты питания.

Летом 1932 года монахини совершили большую поездку по тем городам и селам Украины, где были созданы новые «братства» и «сестричества», собрав там много продуктов, вещей и денег для монастыря. Очевидно, появление чужих людей привлекло внимание местных властей. В ноябре 1932 года

---

⁵ Он посвятил их в свой будущий план: «Объединившись в духовную общину истинно-православных христиан, избегая общения с безбожниками, со временем построить в поселке Ирпень тайный монастырь».

⁶ Продавали крестики, иконы, покрывала и другую церковную утварь, причем крестики были трех видов: на одних были буквы И. Р., означавшие «истинный руководитель», они были предназначены руководителям общин, но от них требовалось, чтобы они не имели никакого общения с советскими организациями и не состояли в колхозах; на других крестиках были буквы В. П., что означало «верный преемник», эти крестики продавались распространителям, причем от них при продаже крестиков бралось обещание бороться против антихристовых организаций; на третьих крестиках были буквы П. У, что означало «правоверный учитель», они предназначались священникам, руководившим несколькими общинами.

⁷ В Ирпени купили два дома, один дом арендовали, позднее купили там еще пять домов; в Киеве купили один дом — всего там жило около 146 монашествующих.

в Ирпени были арестованы 24 насельника монастыря⁸ во главе с самим отцом Эразмом⁹. На допросах арестованные утверждали, что «обновленцев» и «сергиан» не признают, как *«нарушителей церковных правил и догматов»*. 22 августа 1933 года они были приговорены: к 3 годам лагерей — 7 человек¹⁰, к 3 годам ссылки условно — Эразм (Прокопенко) и пять монахинь¹¹.

Монастырь тем не менее продолжал свою деятельность. Еще перед Рождеством оставшиеся на свободе руководители «братств» собрались в Киеве на совещание, в течение трех ночей обсуждали, что делать дальше, затем было решено разослать монахинь по регионам для продолжения работы по укреплению веры.

А в конце августа 1933 года иеромонах Эразм (Прокопенко) был освобожден и вернулся в Ирпень. Сначала он скрывался, потом с большой осторожностью стал совершать тайные богослужения, изредка принимая преданных людей. Монахини продолжали изготавливать крестики, иконки, одеяла и покрывала, ходить по селам и продавать их, а полученные деньги вносить в общую кассу. По указанию Эразма в Ирпени были куплены новые дома для размещения насельников. Община постепенно разрасталась, к ней присоединялись оставшиеся на свободе истинно-православные христиане из других общин¹². С 1937 года в тайных богослужениях вместе с Эразмом стал участвовать иерей Александр Бакалинский¹³, не признававший официальную Церковь как *«не имеющую истинной благодати»*.

К началу войны община в Ирпени насчитывала около 30 монашествующих¹⁴ и большую группу мирян. Сам Эразм с пятью монашествующими пе-

⁸ Г. Ф. Блисюк, М. Я. Василюк, Е. И. Галактионова, Т. Ф. Гнатюк, Е. Я. Горбатюк, И. Д. Еременко, М. Г. Ильченко, В. Д. Косовец, А. Н. Латун, В. А. Логинов, З. Л. Лыса, А. М. Лысенко, В. М. Лысенко, М. Ф. Лысенко, Е. И. Любинецкая, Л. И. Мищенко, Д. Ф. Ольховикова, У. С. Перепелица, И. И. Пляшечник, Э. О. Прокопенко, Г. Н. Рыбчинский, А. Е. Сирота, А. П. Фурс, П. Ф. Щедрина.

⁹ В январе 1933 года в Воронежское ГПУ добровольно пришла послушница Александра Толстых, выдававшая себя за царскую дочь. Она сопровождала насельников Ирпенского монастыря в последних поездках, и ее подробные показания сразу же изменили ход следствия по групповому делу. Доносчица назвала массу имен последователей Эразма по многим областям Украины, а также в Ленинграде и области, что позволило чекистам провести в феврале-апреле 1933 года массовые аресты монашествующих и мирян.

¹⁰ Г. Ф. Блисюк, Е. И. Галактионова, Т. Ф. Гнатюк, В. А. Логинов, Д. Ф. Ольховикова, Г. Н. Рыбчинский, А. П. Фурс.

¹¹ Е. Я. Горбатюк, А. Н. Латун, М. Ф. Лысенко, Л. И. Мищенко, У. С. Перепелица.

¹² Например, из общины священника Никиты Смалия в Ворзеле, разгромленной в 1936 году.

¹³ В его общине было около 40 человек, они прятали своего пастыря, *«почитая его почти как святого»*.

¹⁴ Среди них: М. Василюк, А. Власюк, И. Власюк, Е. Галактионова, А. Глаголев, М. Гордиенко, Д. Дзюба, Е. Дзюба, И. Еремеев, А. Зиглицкая, М. Ильченко, Е. Кривошапова, В. Логвинов, М. Лысенко, Я. Маслов, Л. Мищенко, М. Мищенко, П. Немченко, Д. Ольховикова, И. Перепелица, У. Перепелица, Е. Романенко, Г. Рыбчинский, Е. Саенко, Х. Самоийленко.

ребрался в Киев и с началом немецкой оккупации стал открыто проводить богослужения по домам и в Киеве, и в Ирпени¹⁵. С 1944 года, после возвращения Красной армии и установления советской власти, в общине иеромонаха Эразма по праздничным и воскресным дням стали проводить тайные богослужения священники-нелегалы: Яков Маслов¹⁶ — в Ирпени и Владимир Андреев¹⁷ — в Киеве¹⁸. В начале 1945 года иеромонах Эразм (Прокопенко) вошел в духовное общение с представителями Московской Патриархии, решив вступить в Киево-Печерскую лавру простым монахом, в октябре он уже присоединился к Патриаршей Церкви. Многие его единомышленники сурово осудили этот поступок, от Эразма отвернулся его духовник, архимандрит Климентий (Жеретиенко). Правда, это «предательство» не изменило дальнейшей судьбы Эразма.

С 4 по 20 марта 1945 года были арестованы Александр Бакалинский и Яков Москвит, иеромонах Эразм (Прокопенко), монахини Ульяния (Перепелица) и Матрена Гордиенко, как «участники нелегально существующей антисоветской церковно-монархической группировки ИПЦ». 29 июня арестованным было предъявлено «Обвинительное заключение»¹⁹. 29–30 июля 1946 года на закрытом судебном заседании были приговорены: Александр Бакалинский²⁰ — к расстрелу, Яков Москвит и Эразм (Прокопенко)²¹ — к 10 годам лагерей, Ульяния (Перепелица) и Матрена Гордиенко — к 5 годам лагерей. После подачи всеми осужденными кассационных жалоб и просьб о помиловании дело было возвращено на доследование. 6 июня 1947 года

---

¹⁵ В Киев тогда же вернулся архимандрит Климентий (Жеретиенко), 79 лет. Он хотел при поддержке архиепископа Серафима Берлинского, влиятельного у немцев, получить сан епископа и вернуть себе наместничество в Киево-Печерской лавре. Но оккупационные власти разрешили ему лишь открыть церковь в пригороде Киева и открыто проводить там богослужения.

¹⁶ Москвит-Москаленко Яков. До 1944 года был в юрисдикции Московской Патриархии, служил в Белополье под Казатином. После возвращения Красной армии оставил приход и перешел на нелегальное положение, скрываясь в Ирпени в доме Екатерины Саенко и у своих единомышленников в Ворзеле и Белополье.

¹⁷ В период немецкой оккупации был настоятелем церкви в Черкассах, перед отступлением немцев стал служить в пригороде Киева.

¹⁸ Свои проповеди он заканчивал словами, что самым главным в нынешнее время является «сохранение чистоты Русской Православной Соборной Церкви».

¹⁹ В нем говорилось, что они, проживая нелегально, «систематически участвовали в тайных богослужениях, во время которых среди сторонников ИПЦ распространяли антисоветскую агитацию, проповедуя скорую гибель советской власти и установление в России монаршего строя во главе с царем».

²⁰ Александр Бакалинский обвинялся и в том, что во время проповеди в Белополье огласил профашистское воззвание епископа Леонтия, в котором население призывалось выезжать добровольно на работу в Германию.

²¹ Согласно показаниям «свидетеля», иеромонах Эразм встречал немцев как «освободителей» — «с молитвой и поклонами».

Александрю Бакалинскому расстрел заменили на 10 лет лагерей, остальным участникам приговор оставили без изменения.

* * *

Уникальную историю Киевского ставропигиального²² монастыря, изобилующую резкими поворотами и подчас почти детективными подробностями, без сомнения следует начинать с рассказа о духовной руководительнице монастыря, схиигуменье Михаиле (Щелкиной), а также об архимандрите Михаиле (Костюке), возглавлявшем обитель вплоть до ее разгрома в 1943–1944 годах.

С марта 1917 года, после смерти известного старца, иеромонаха Алексия (Шепелева)²³, общепризнанным духовным авторитетом киевлян стала его духовная дочь, схиигуменья Михаила (Щелкина)²⁴, к которой и перешла его многочисленная паства. Елизавета Федоровна Щелкина родилась в 1862 году в селе Вяжи бывшего Ново-Васильевского уезда Тульской области в семье крестьянина. В раннем возрасте, оставшись сиротой, была взята на воспитание иереем Петром Кедровым из села Игумново. В семнадцать лет Елизавета поступила послушницей в Антолептовский монастырь под Двинском. Игуменья была направлена на учебу в земскую фельдшерско-акушерскую школу в Ровно и по окончании школы вернулась в обитель, работала помощницей, затем заведующей монастырской больницей. В 1889 году Елизавета пострижена в мантию с именем Мария. В 1900 году в составе русской экспедиционной армии как медицинский работник выезжала в Китай, а в 1904–1905 годах участвовала в Русско-японской войне.

После возвращения стала игуменья Антолептовского монастыря, а в 1906 году с группой из десяти монахинь прибыла в Киев и разместилась в Феодосиевском подворье Киево-Печерской лавры. В 1917 году приняла схиму с именем Михайлы. 24 октября 1924 года именным указом патриарха Тихона Киево-Печерской лавре была предоставлена ставропигия при непосредственном подчинении в дальнейших действиях самому патриарху. Этот указ распространялся также на Феодосиевское и Воскресенское подворья, которыми управляла схиигуменья Михаила (Щелкина). 30 октября 1924 года по указанию епископа Макария (Кармазина), управляющего Киевской епархией, монастырь на основе Феодосиевского и Воскресенского подворий стал именоваться Киевским ставропигиальным монастырем.

²² «Ставропигия» переводится с греческого как «независимый». В отношении руководителей монастыря — полная независимость их действий от местных духовных властей.

²³ Иеромонах Алексей, в миру Шепелев Владимир Иванович, родился 14 апреля 1840 года. Старец-духовник Киево-Печерской лавры. 11 марта 1917 — скончался.

²⁴ Существует путаница в именах схиигуменьи — Михаила или Мисаила, так как неизвестно точно, какое из них соответствует мантийному, а какое схиме, но по документам и в воспоминаниях она Михаила.

С установлением власти большевиков схиигуменья Михаила (Шелкина) отказалась признать богоборческую власть. Своим приверженцам она постоянно доказывала *«неизбежность ее гибели и возвращения в России царской власти»*, так что чекисты заслуженно считали ее *«ярой монархисткой»*. Возможно, что известность самой Михайлы и деятельность насельников ее тайного монастыря не приобрели бы такого размаха на Украине, если бы с середины 1920-х годов главным помощником схиигуменьи не стал Михаил (Костюк). Архимандрит Михаил, в миру Александр Васильевич Костюк, родился в 1892 году в Киеве в семье рабочего-железнодорожника. В 1904 году окончил министерскую школу и в 1908 году — Киевскую военно-фельдшерскую школу. В 1909 году сдал экзамен об окончании кадетского корпуса генерала графа Муравьева-Амурского в Хабаровске. В 1910 году поступил в университет в Благовещенске, в 1914 году мобилизован в армию с четвертого курса. После ранения вернулся в Киев, работал в госпитале и одновременно учился на медицинском факультете Киевского университета, окончив его в 1918 году. Работая в больнице Киево-Печерской лавры, познакомился с схиигуменьей Михайлой, и это знакомство изменило жизнь молодого доктора. В 1919 году Костюк поступил на богословский факультет Петроградской духовной академии. До 1921 года находился в послушании у схиигуменьи Михайлы, исполняя канцелярские обязанности и другие ее поручения. 6 августа 1922 года в Киево-Слупском Николаевском монастыре рукоположен во иерея. 6 декабря назначен настоятелем Свято-Успенского кафедрального собора в Смеле. В 1923 году пробыл в Киево-Слупском Николаевском монастыре и Киево-Печерской лавре, 26 октября пострижен в мантию с именем Михаил. 5 октября 1924 года именованным указом патриарха Тихона отец Михаил назначен священноархимандритом Киево-Печерской лавры *«с правом ношения панагии, дикирия и трикирия»*²⁵.

После закрытия властями монастырей в Киеве и с началом массовых арестов монашествующих, по указанию схиигуменьи Михайлы, насельники монастыря рассредоточились по частным домам в Киеве и пригородах. Сама игуменья поселилась с пятью монахинями в селе Борщаговка под Киевом, здесь архимандрит Михаил и стал проводить тайные богослужения. 23 ноября 1925 года он был арестован, через три дня освобожден и сразу же выехал из села. Больше года миссионерствовал по городам и селам, в феврале 1926 года вновь был арестован в селе Князьем под Елизаветградом, через

---

²⁵ Все вышеперечисленное — признаки епископа, но точных данных об архиерействе архимандрита Михаила нет, его последователи не знали об этом, хотя в 1940 году при обыске были изъяты принадлежавшие владыке Михаилу архиерейские облачения. Схимонах Епифаний (Чернов) писал о Михаиле (Костюке): *«Однако трудно сказать, не был ли этот старец в сущности тайным епископом Катакомбной Церкви? К тому есть некоторые основания»*.

одиннадцать дней освобожден и по вызову схиигуменья Михаила вернулся в село Борщаговка. Здесь в тайном монастыре архимандрит Михаил стал служить, исповедовать, причащать и исполнять другие требы. По воспоминаниям монашества, служил он архиерейским чином²⁶, а пострижения и рукоположения проводил лишь среди особо доверенных лиц.

После выхода знаменитой Декларации схиигуменья Михаила и архимандрит Михаил отказались признавать местоблюстительские полномочия митрополита Сергея. Архимандрит Михаил открыто заявил своим приверженцам: *«Все существующие церкви в России и на Украине являются учреждениями НКВД, а митрополит Сергей — приверженец большевиков и исполняет все приказы Москвы»*. В ноябре 1927 года в сельсовет пришел донос о тайных молитвенных собраниях в доме, где жила схиигуменья Михаила с доверенными лицами. Монашествующие с руководителями были задержаны милицией, после допроса освобождены с требованием немедленно выехать из села. Схиигуменья Михаила с несколькими монахинями поселилась в доме сестер Лупандиных, будущих монахинь, в Киеве, архимандрит Михаил — у монахини Пелагеи (Ивахненко)²⁷, остальные — по домам в Киеве и Ирпени. С этого времени, по указанию схиигуменья, монахини стали проповедовать по городам и селам Украины²⁸, собирая пожертвования и привлекая в монастырь новых лиц²⁹. Архимандрит Михаил продолжал тайно служить литургию по домам насельников монастыря, исповедовать и причащать, но большую часть времени миссионерствовал. Вместе с верными монахинями он разъезжал по селам и деревням, проводил в домах верующих тайные богослужения, рассказывал о схиигуменье Михаиле и постригал в мантию ее почитателей. Летом 1927 и весной 1928 года отец Михаил дважды арестовывался и в заключении провел почти три месяца.

В декабре 1929 года схиигуменья с архимандритом Михаилом и группой монахинь были арестованы в селе Михайловка Херсонской области. Их освободили через четыре месяца, но, хотя отсутствие прямых доказательств тайной деятельности и спасло всех задержанных от более серьезных испытаний, архимандрит Михаил, очевидно, сделал для себя серьезные выводы. Он понимал, что в нынешней ситуации сохранить подпольный монастырь старыми методами невозможно, ведь проживание в городе неработающих монахинь вызывает подозрение у большинства окружающих. Да и связи их со старой интеллигенцией и церковниками Киева были известны в городе,

---

²⁶ В 1940 — при обыске были изъяты *«архиерейския облачения»*, принадлежавшие Михаилу (Костюку).

²⁷ Позднее туда же переселилась и схиигуменья.

²⁸ Полтавской, Сумской, Киевской и Кировоградской областей.

²⁹ Они позднее становились тайными послушницами или монахинями в миру.

так что скрываться в таких домах было опасно. Насельники монастыря должны были работать на заводах и фабриках, чтобы их окружением стала рабочая среда.

К декабрю 1930 года, по указанию архимандрита Михаила, монахи и монахини, живущие в Киеве и Ирпени, оформились на предприятия и в государственные учреждения, вступили даже в профсоюзы, чтобы создать для окружающих «видимость светского образа жизни». Для этой же цели архимандрит Михаил предложил большой группе послушников и монахов из сел Киевской и других областей перебраться в Киев и Ирпень и оформиться рабочими на заводы, фабрики и железную дорогу, что вскоре и было выполнено. Все работающие должны были ежемесячно передавать в монастырскую кассу «десятину»³⁰, хотя в дальнейшем большинство, как правило, передавало до 2/3 своего заработка. На эти средства руководством тайного монастыря было куплено пятнадцать частных домов. Там поселились члены общины, которая постепенно разрасталась, приобреталась также церковная утварь, имущество для монастыря, продукты и одежда для насельников. Архимандрит Михаил проводил богослужение в том доме, в котором временно останавливался, в молитвах строго придерживался церковных канонов и правил, затем переодевался в гражданскую одежду, прятал бороду под пальто и переходил в следующий дом.

В 1938 году молодые монахини тайного монастыря архимандрита Михаила стали официально регистрироваться в «браках» с молодыми монахами, что позволяло прописывать новых членов общины. Эти «браки» были фиктивными, на что схиигуменья Михаила дала благословение. Монахини преклонных лет входили в такие «семьи» на правах близких родственников, были на их иждивении, при этом они передавали молодым «супругам» опыт традиционной монашеской жизни. В эти же «семьи» верующие из провинции передавали на воспитание своих малолетних детей, чтобы те были воспитаны в истинной православной вере. Детей прописывали в дома как младших «братьев» или «сестер», «племянников» или «племянниц». Такие «семьи» и стали основой тайного монастыря. Правда, монахов в общине было значительно меньше, чем монахинь, поэтому наиболее надежные мужчины были «женаты» дважды или трижды по разным паспортам.

По такому же принципу в городках и селах Киевской, Кировоградской, Полтавской, Сумской, Черкасской, Черниговской и Донецкой областей были созданы небольшие монашеские общины. Архимандрит Михаил во время частых поездок по провинции посещал эти общины и руководил ими либо передавал указания руководителям общин при посещении теми Киева. В селе Зайцево Донецкой области существовала большая община во главе со схиигуменьей Серафимой, в ней было более ста монахинь, в основном из бывшего женского монастыря, разгромленного боль-

---

³⁰ Необходимо было вносить 10 % от своей зарплаты.

шевиками³¹. Раз в году в Киев оттуда привозились продукты и часть средств от доходов общины. Схиигуменья Михаиле помогала и игуменья Василиско-Златоустовского женского монастыря³², ежегодно она отчисляла десять процентов от своих доходов для передачи Михаиле, и до 1938 года в Киев привозились подарки и деньги.

В города и села Киевской и других областей для сбора пожертвований и проповедования истины о «великих старцах», сохраняющих Истинно-Православную Церковь, направлялись монашествующие³³ с просфорами, святой водой, портретами схиигуменьи Михайлы, как «*святой, чудотворной, прозорливой, чистосердечной и всевидящей*», и фотографиями архимандрита, распространяемыми среди верующих как «*благословения батюшки Михайла*». К массовым кампаниям советского правительства отношение схиигуменьи Михайлы было непреклонным, коллективизацию она воспринимала как «*полное действие антихриста*», и ее монахини-проповедницы убеждали верующих не вступать в колхозы — это «*нашествие антихриста на землю*», к тому же — полное рабство.

К паспортизации отношение руководителей монастыря было неоднозначным, но ради сохранения монастыря архимандрит Михаил, сам имевший несколько паспортов на разные фамилии, благословил монашествующих брать паспорта, правда, при оформлении документа предлагал сообщать властям неправильные сведения о дате и месте рождения, адресе проживания и т. д. В настоящие паспорта часто переклеивали фотографии совсем других людей, чтобы при аресте чекистам было труднее идентифицировать личность³⁴. Впрочем, часть монахинь отказалась получать паспорта категорически, и некоторые схимницы вели активную агитацию против принятия паспортов как «*печати антихриста*». До середины 1939 года активная деятельность тайного монастыря продолжалась практически без провалов благодаря помощи многих преданных последователей схиигуменьи Михайлы, работавших в различных советских учре-

³¹ Монахини были пострижены в Киево-Печерской лавре, своей духовной матерью считали схиигуменью Михаилу, с 1919 года она приняла монастырь под свое попечение и позднее продолжала им руководить через Серафиму. К схиигуменья Михаиле постоянно приезжали игуменья и ее помощницы за духовным благословением и разрешением сложных проблем в новых условиях.

³² Монастырь был расположен на берегу реки Гумиста близ села Михайловское под Сухуми. В монастыре было три церкви, настоятелем главного храма был архимандрит Димитрий, в штате монастыря было еще два священника и два диакона. В монастыре находилось около двухсот монахинь. Заместительница игуменьи, монахиня Серафима, была духовной дочерью схиигуменьи Михайлы.

³³ Наиболее активными проповедницами были монахини Варвара Биленко, Татьяна Ищенко, Анна Карпенко, Мария Прокопенко, Варвара Пустовая и Анна Серета.

³⁴ В 1943 году из тайников монастыря было изъято 26 печатей и штампов, изготовленных художниками общины, которые использовались при изготовлении документов.

ждениях; они заранее предупреждали архимандрита Михаила о готовящихся арестах.

* * *

Ситуация резко изменилась, когда 24 июня³⁵ 1939 года скончалась схиигуменья Михаила. Эта смерть не только стала настоящим потрясением для всей общины — она явилась событием, настоятельно потребовавшим особых, исключительных действий, невзирая на возможные последствия.

Похороны схиигуменьи архимандрит Михаил решил провести очень торжественно и с размахом. Три дня во дворе дома, где долгие годы Михаила проживала тайно, шло прощание с телом³⁶. По указанию архимандрита монах Петр (Савицкий)³⁷ изготовил фальшивое «разрешение от правительства»³⁸, красиво оформленное позолоченными буквами, — его несли перед гробом, обернутым в полотенце. Во время похорон от дома до кладбища двигалась многолюдная траурная процессия, впереди шла большая группа детей дошкольного возраста и молодежи. В церемонии участвовали священники-нелегалы, открыто пел монашеский хор. Архимандрит Михаил заранее заказал более двухсот фотопортретов Михайлы, они распространялись среди присутствующих во время шествия и на кладбище. После похорон схиигуменьи Михайлы в домах тайного монастыря в течение месяца проводились ежедневные литургии и панихиды, а на ее могиле верующим и нищим раздавались портреты Михайлы, продукты и деньги как «подарки от матушки».

Демонстративно многолюдные похороны схиигуменьи Михайлы и последующее массовое паломничество к ее могиле стали для властей полной неожиданностью, с точки зрения органов госбезопасности, они «приняли

---

³⁵ По старому стилю.

³⁶ Когда окружающие в недоумении спрашивали, почему ее так долго не хоронят, распорядительница похорон монахиня Елизавета отвечала, что умершая является «матерью Молотова, которому послана телеграмма, и ожидается его приезд в Киев, поэтому задерживается погребение умершей».

³⁷ Монах Петр, в миру Савицкий Павел Петрович, родился в 1914 в селе Ярошевка Талалаевского уезда Черниговской губ. В 1932 — пострижен в мантию с именем Петр. В 1932 — арестован в Талалаевском районе по обвинению в подделке документов. В 1933 — приговорен к 2 годам концлагеря и отправлен в трудовую колонию. В 1933 — бежал, тайно проживал у родных в селе Ярошевка, с января 1934 — скрывался в Киеве, в марте выехал в Костромскую область, работал столяром. В декабре 1935 — арестован, в начале 1936 — приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в колонию. В 1937 — освобожден досрочно, вернулся в Кострому, работал художником в кинотеатре. В мае 1940 — прибыл в Киев, вступил в тайный монастырь, писал иконы.

³⁸ В нем разрешалось «похоронить Романчу Елизавету Федоровну по старым христианским обрядам» (один из паспортов схиигуменьи был на фамилию Романча).

характер антисоветской демонстрации». После двухмесячной слежки за насельниками монастыря в ночь с 14 на 15 августа, когда на очередное поминовение схиигуменьи собралось около тридцати человек, в дом нагрянули чекисты и арестовали всех присутствующих. Массовые аресты монашествующих и верующих продолжались в Киеве в течение трех дней³⁹.

Поначалу следствию удалось выяснить немногое, большинство арестованных отказывались в чем-либо признаваться⁴⁰. Монахини не признавали свой «брак» фиктивным, монахи утверждали, что их «семьи» настоящие, чтобы у властей не было основания для передачи купленных ими домов в пользу государства⁴¹. 20 августа 1939 года монахиням Анастасии, Клавдии, Марии (Лупандиным) и монаху Николаю (Силияну) было предъявлено обвинение как *«руководителям ячеек антисоветской церковно-монархической группы, которые возглавили похоронное шествие и организовали последующие массовые собрания под видом поминовений схииг. Михайлы»*.

Допросы продолжались. В ноябре–декабре 1939 года были арестованы новые насельники монастыря. У многих из арестованных при обысках были изъяты старинные книги, иконы, золотые и серебряные церковные предметы⁴², а также переписка схиигуменьи Михайлы. Наконец, 27–28 января 1940 года на судебных заседаниях арестованным было предъявлено обвинение как *«участникам антисоветской церковно-монархической организации, состоявшей из сторонников крайне правой Истинно-Православной Церкви»*⁴³.

³⁹ Среди арестованных были В. П. Ищенко, Н. К. Ключник, Е. П. Ключник, А. Г. Лупандина, К. Г. Лупандина, М. П. Лупандина, Н. И. Плужник, С. Т. Плужник, Н. Л. Силиян, М. И. Хижняченко, Е. С. Шамрай.

⁴⁰ Обычно в единственном протоколе допроса было записано: *«Я знаю о схиигуменье Михайле и других лицах, но я не хочу вам говорить и ничего не скажу на суде»*.

⁴¹ Для сохранения купленных монастырем частных домов документы, оформленные на арестованных, по указанию владыки Михаила срочно были переписаны на других лиц. За большие деньги в нотариальной конторе были переписаны задним числом и переданы новым владельцам копии актов «купчих крепостей», но не все дома удалось сохранить.

⁴² Согласно актам, было уничтожено пятьдесят восемь старинных книг и много икон, как *«не имеющих отношения к делу, не представляющих ценности и не подлежащих возврату»*. Изъятые при обысках золотые вещи, деньги, имущество и пять частных домов были конфискованы в пользу государства.

⁴³ Арестованные отказались признать себя виновными и не подписали постановления об окончании следствия. На суде сестры-монахини Лупандины заявили, что *«раз советская власть не признает Бога, то они не могут признавать советскую власть»*, а монахиня Евфросиния (Ключник) в последнем слове заявила, что она *«не подчинялась советской власти и не подчинится ей никогда»*. 17 февраля были приговорены: 8 человек (Н. К. Ключник, Е. П. Ключник, А. Г. Лупандина, К. Г. Лупандина, М. П. Лупандина, Н. И. Плужник, С. Т. Плужник, Н. Л. Силиян) — к 10 годам лагерей, М. И. Хижняченко — к 6 годам лагерей, Е. С. Шамрай — к 3 годам лагерей и В. П. Ищенко — к 3 годам лагерей условно.

Архимандрит Михаил во время похорон схиигуменьи Михайлы шел возле гроба, открыто участвуя в торжественном погребении, чем привлек к себе внимание. К вечеру по доносу он был задержан милицией, но документов при нем не было, а он назвался древним монахом. К ночи его отпустили, и Михаил спрятался на одной из тайных квартир, но в сентябре вновь был задержан. Архимандриту Михаилу удалось убедить милиционеров в своей невиновности, вскоре он был освобожден и в тот же день выехал в село Зайцево Донецкой области к своим духовным чадам. В течение четырех месяцев он скрывался там, а в начале февраля 1940 года перебрался в Черниговскую область, постоянно меняя места проживания по разным селам.

Архимандрит Михаил (Костюк) и еще пятьдесят монашествующих, названных некоторыми из арестованных и свидетелей во время следствия, были объявлены во всесоюзный розыск, и дело их было выделено в особое производство. А в конце февраля 1940 года монахиня Варвара Ищенко, приговоренная к условному сроку, была освобождена из тюрьмы, но за ней, как «приманкой», было установлено постоянное наблюдение. В конце марта она была вновь арестована вместе с тремя насельниками монастыря, бывшими в розыске⁴⁴. При обыске в ее доме были обнаружены замурованные в печи вещи, принадлежащие монастырю⁴⁵. После четырех месяцев допросов и очных ставок, 27 июля 1940 года, арестованные были приговорены к 3–6 годам лагерей.

* * *

К маю 1940 года отец Михаил вернулся в Киев, приняв на себя руководство тайным монастырем. До начала войны аресты насельников монастыря в Киеве и по всей Украине продолжались, но архимандрит Михаил так и не был задержан. В 1941 году он перебрался в Ирпень и поселился в монастырском доме. Там проводил тайные богослужения по домам и посвятил в диакона, а затем во иерея своего помощника, монаха Петра Савицкого. К годовщине смерти схиигуменьи Михайлы архимандрит написал акафист «Святой Михаиле» и прочитал его на торжественном богослужении. Рукописные копии этого акафиста стали распространяться монахинями среди верующих по городам и селам, так же как и текст молитвы, обращенной к схиигуменье. Рассказы о чудесных исцелениях на могиле Михайлы передавались из уст в уста, и паломничество на Байковом кладбище расширялось⁴⁶.

---

⁴⁴ У. П. Осадчая, М. Т. Плужник-Шамрай, П. Ф. Ратушный.

⁴⁵ Были изъяты золотая и серебряная церковная утварь и архиерейское облачение.

⁴⁶ Об исцелении своей матери Параскевы Игнатьевны вспоминал монах Иоанн Савицкий, также вспоминала позднее о своем исцелении и Ксения Кравченко.

Уже с начала 1940 года архимандрит Михаил не сомневался в приближении войны, которая воспринималась им как «освободительная от безбожного рабства большевиков» и как «Богом данный шанс освободиться от ига боготорческой власти». Молодых членов общины он призывал отказываться от призыва в армию, задавая им вопрос: «За кого же вы будете воевать? За своих мучителей, что ли?» В начале 1941 года архимандрит Михаил был в сильном волнении после ареста нескольких насельников с фальшивыми документами и последующего за ним обыска на квартире братьев Савицких. К счастью, печатей, спрятанных в тайнике, обнаружить не удалось, и братья остались на свободе. Весной того же года архимандриту Михаилу была передана старинная икона, на ней был изображен святой архистратиг Михаил, сидящий на коне, поражающий копьем кого-то, но именно это место на иконе было сильно повреждено. По просьбе архимандрита Михаила иеромонах Петр дописал икону так, что архистратиг Михаил стал поражать человекоподобного сатану с лицом Сталина⁴⁷. Обновленная икона была спрятана и ждала своего часа.

С первых же дней немецкой оккупации Киева архимандрит Михаил из Ирпени вернулся в столицу Украины. В доме на Садовой улице, где раньше проходили тайные богослужения, он освятил престол в честь Всех Святых, и с этого времени там стали служить открыто, а икона Архистратига Михаила была помещена в покоях архимандрита. При немцах на Украине легально действовали две Украинские Православные Церкви, но управляющим Киевской епархией оккупационные власти официально признали епископа Пантелеимона (Рудыка). Архимандриту Михаилу для легализации и официального служения нужно было подтвердить свое право на священство от епископа Пантелеимона, а это было невозможно, так как первая и единственная их встреча закончилась скандалом⁴⁸. Богослужения в домашней церкви Всех Святых проходили пока без разрешения немцев, но монастырь ему удалось официально зарегистрировать у оккупационных властей в декабре 1941 года⁴⁹.

Большим желанием архимандрита Михаила было почтить память старца Алексия из Голосеевской пустыни, духовного наставника схиигуменьи Михаилаы. В октябре 1942 года монахиня Анна, прихожанка церкви на Байковом кладбище, по просьбе Михаила обратилась к епископу Пантелеимону с заявлением, в котором просила разрешения на открытие монастыря в Голосеев-

---

⁴⁷ Заметим, что в материалах следственного дела при описании этой иконы человекоподобный сатана описывался как «портрет одного из руководителей партии и советского государства, как символ безбожия», то есть имя Сталина следователем не было указано.

⁴⁸ Архимандрит Михаил считал его раскольником, как бывшего «сергианина», и открыто высказал это в лицо епископу.

⁴⁹ Регистрация общины прошла в отделе культуры и пропаганды Штадтс-комиссариата под именем Киевский ставропигиальный монастырь.

ском лесу, разгромленного большевиками⁵⁰. На этом заявлении епископ Пантелеимон написал «Благословляю» и поставил свою подпись. Когда же монахиня Анна обратилась к оккупационным властям за разрешением, те ответили отказом. Тогда монах Петр скопировал резолюцию Пантелеимона и его подпись, но уже на заявлении с просьбой об официальном открытии церкви Всех Святых. Это заявление с требуемыми документами⁵¹ было передано оккупационным властям, и вскоре разрешение было получено.

С этого времени протоиерей Петр Каменецкий, настоятель храма на Байковом кладбище, стал исполнять обязанности духовника монастыря, протоиерей Иоанн Пустотин, второй священник того же храма, стал секретарем Михаила, а богослужения в церкви Всех Святых проводились соборно, несколькими священниками и двумя диаконами⁵², и по монастырскому чину⁵³. На службах всегда читался акафист матушке Михаиле и обязательно поминался царь Николай II. Богослужения в церкви Всех Святых привлекали все больше верующих, среди них были представители технической и творческой интеллигенции, профессура, увеличился поток верующих из провинции, привлеченных распространявшимися слухами об архимандрите Михаиле как «исцелителе» и «святом старце». Приходили эмигранты и русские воины, служившие в немецкой армии.

В конце каждой службы собирались пожертвования на монастырь — деньги и продукты, с каждым днем их собиралось все больше. Церковь не могла уже вмещать такого количества желающих, возможно, тогда и возникла у архимандрита Михаила идея строительства целого монастырского комплекса с вместительным храмом. Однако на это требовалось официальное разрешение как церковных, так и оккупационных властей. На согласие епископа Пантелеимона рассчитывать было нельзя, поэтому в феврале 1943 года на его имя было составлено коллективное заявление от жителей трех поселков под Киевом⁵⁴: поскольку в этих поселках храмы были закрыты или разрушены большевиками, жители просили разрешения на открытие у них храма. Епископ, не разобравшись, дал разрешение. Эта резолюция снова была подделана и заявление на строительство храма с «подписью» епископа было передано оккупационным властям, которые вскоре дали свое согласие⁵⁵.

---

⁵⁰ До революции именно в Голосеевской пустыни проживал старец Алексей (Шепелев).

⁵¹ Тогда же Павлом Савицким были изготовлены копии документов, подтверждающие пастырскую деятельность Михаила, которые у него были отобраны ранее при аресте. Они были приложены к заявлению старосты.

⁵² Служили также иереи Леонтий Юнаков, Андрей Дмитриевский и диакон Илья Баньковский-Дювернуа.

⁵³ Очевидно, архимандрит Михаил после покаяния принял иереев и диаконов под свой омофор.

⁵⁴ Александрова Слобода, Чекаловка и Первомайское.

⁵⁵ При этом чиновникам надо было ответить на вопросы: Кто настоятель будущего храма? Каково расстояние от поселков до других действующих храмов? Какого возраста члены приходской общины? На какие средства будет идти строительство?

За год известность архимандрита Михаила среди верующих настолько возросла, что это вызвало сильнейшую ненависть епископа Пантелеимона. В марте 1943 года в гестапо пришел донос, в котором сообщалось, что Михаил коммунист и партизан, имеет брата-коммуниста, занимающего в Москве высокий пост, и что в монастыре укрываются партизаны. В домах монастыря немцы провели три обыска, никого не нашли, однако сам Михаил был арестован и лишь после долгого разбирательства освобожден. Причем владыке Михаилу пришлось оставить заявление, в котором он обязался при появлении партизан поставить в известность оккупационные власти — это позднее станет основанием для обвинения архимандрита в сотрудничестве с немцами⁵⁶.

В мае 1943 года под руководством инженера Александра Вербицкого началось строительство нового храма. По указанию архимандрита Михаила к работе было привлечено почти все трудоспособное монашество, вместе с ними работала молодежь, освобожденная от отправки в Германию приказом оккупационных властей, а также добровольные помощники. Строительный материал привозился на стройку на подводах, кирпичи доставляли на двух немецких автомашинах, выделенных властями. Большинство монахинь имели послушание — собирать пожертвования, продукты и деньги на строящийся храм по деревням и селам.

В сентябре 1943 года по Киеву начали распространяться слухи о сдаче Харькова и предстоящей эвакуации оккупационных властей. И хотя храм еще не был достроен, но 4 ноября, в день праздника Казанской иконы Божьей Матери, в нем торжественно прошло первое богослужение.

Крах монастыря надвигался вместе с приближением Красной армии — и архимандрит Михаил это понимал. И, предвидя бессудные расстрелы в первые дни после возвращения советской власти, он заранее готовил тайные убежища и до последнего дня делал все, чтобы спасти своих приверженцев и помощников среди верующих, отправляя самых активных и известных или на запад с немцами, или в далекие села. Церковную утварь и имущество монастыря⁵⁷ по ночам прятали в подготовленные тайники под храмом, во дворе и на огороде были закопаны овощи и продукты⁵⁸.

---

⁵⁶ Еще ранее, летом 1942 года, недоброжелателями о. Михаила была использована легенда о том, что схиигуменья Михаила якобы является матерью Молотова. Получив соответствующий донос, немцы хотели разорить могилу Михаилы, но монахини Елизавета Артеменко и Ольга Косач пришли в гестапо с заявлением, в котором доказали, что схиигуменья Михаила не имела к Молотову никакого отношения. К счастью, немцев удалось убедить, и все обошлось.

⁵⁷ Позднее в тайниках будут обнаружены церковная утварь, иконы, паникадила, облачения, митра, поддельные справки и документы на имя владыки. Там же были папки с вырезками из старых журналов с царскими фотографиями, тексты акафиста и канона, посвященные схиигуменье Михаиле, тексты проповедей и стихов, а также имущество насельников монастыря: ковры, платки, белье, материалы в отрезках.

⁵⁸ К этому времени в хозяйстве монастыря были корова и телка, 25 кур и 5 уток, все это во время будет продано, а деньги спрятаны.

Сам отец Михаил не ушел с немцами, хотя почитатели и духовные дети уговаривали его. Очевидно, представлял дальнейшую участь своей паствы и решил разделить ее, готовя себя к мученичеству. А возможно, и питал какие-то надежды, поскольку сделал попытку официально зарегистрировать монастырь. По его указанию, монахиня Анна передала в исполком заявление с приложенным к нему списком на сто насельников монастыря, причем данные на лиц были во многом сфальсифицированы: рядовых монахов для убедительности записали священниками, монашеский стаж многим увеличили, молодым мужчинам и женщинам⁵⁹ прибавили возраст. Все это было сделано для убеждения властей, что в монастыре в основном старики⁶⁰. 30 декабря 1943 года во время богослужения в новом храме архимандрит Михаил был арестован вместе с двадцатью монашествующими, принимавшими участие в службе⁶¹.

Оставшиеся на свободе насельники монастыря пытались помочь арестованным, искали возможные пути освобождения архимандрита Михаила. Например, передать информацию о том, что Михаил во время оккупации прятал в подвале церкви Всех Святых крещеных еврейских детей и раскаявшихся коммунистов, спасал также молодых парней от угона в Германию. В ночь с 8 на 9 января были арестованы следующие девять насельников⁶², и среди них братья Савицкие, Евгений и Павел. В ночь с 12 на 13 января были задержаны еще пять насельников⁶³, и среди них иерей Иоанн Пустотин, служивший на Байковом кладбище⁶⁴. В «Постановлении на арест» арестованные обвинялись как «участники церковно-монархической организации». Следствие проводилось жестко, с обвиняемыми особо не церемонились и постоянно избивали. «Добровольные помощники» среди арестованных дали подробные сведения о тайной деятельности монастыря, так что приговоры для каждого участника были заранее расписаны. В начале июля 1944 года арестованным было предъявлено «Обвинительное заключение». 29 июля 1944 года они были приговорены: 5 человек⁶⁵ — к 8 годам лагерей, 14 человек⁶⁶ — к 5 годам лагерей и Андрущенко А. А. — к 5 годам ссылки.

---

⁵⁹ В Киеве ходили слухи о возможном призыве в Красную армию не только мужчин, но и девушек и молодых женщин.

⁶⁰ Скрывался также социальный состав монашествующих, бывших дворян, кулаков, служителей культа, и не указывались их прошлые судимости.

⁶¹ Среди них: А. И. Вишневецкий, А. Г. Ворона, В. А. Жила, С. М. Кашенко, О. П. Носач, У. И. Плужник, Н. Е. Попова-Мюллер, В. Г. Руденко, И. И. Руденко, П. П. Савицкий.

⁶² А. А. Андрущенко, Е. А. Андрущенко, В. И. Брайко, А. Г. Ключник, Д. И. Мироненко, П. К. Романча, Е. П. Савицкий, П. П. Савицкий, М. И. Хижняченко.

⁶³ П. Г. Ивахненко, А. В. Маринин, И. С. Пустотин, С. Ф. Снигирь, Н. Т. Шурда.

⁶⁴ Священника Иоанна обвинили в том, что он «предал немцам священника Вишнякова, бывшего настоятеля церкви на Байковом кладбище, являвшегося перед войной секретным сотрудником органов НКВД».

⁶⁵ Е. А. Андрущенко, В. И. Брайко, А. В. Маринин, П. К. Романча, А. И. Салыга.

* * *

Архимандрит Михаил сначала дал о себе ложные данные по одному из фальшивых паспортов. Родственники его, которых сразу же допросили, пытались представить его душевнобольным и фантазером с манией величия. Но откровенные и аргументированные ответы Михаила на вопросы следствия не оставляли никаких шансов на признание его душевнобольным. Во время следствия его жестоко избивали, о чем позднее рассказали выжившие монахи. На допросах он заявил, что *«принадлежит к Древне-Соборной Православной Кафолической Епископской Церкви»* как прямой последователь и духовный сын схиигуменьи Михаила, что богослужения в монастыре совершались по монастырскому уставу. Он подтвердил также, что поминовение императора Николая II во время богослужений делалось им сознательно, так как он по убеждениям монархист и не признает советскую власть как отрицающую Господа и преследующую верующих. Однако отрицал, что является тайным епископом, о чем дал показания кто-то из монахов. Виновным признал себя лишь в том, что, как руководитель тайного Киевского ставропигиального монастыря, на протяжении многих лет лично проводил активную монархическую работу против советской власти⁶⁷. 25 ноября 1944 года Михаил Костюк был приговорен к расстрелу с конфискацией личного имущества, и 21 декабря приговор был приведен в исполнение.

Священник Павел Савицкий на следствии признал *«изготовление антисоветской иконы»* и подделку паспортов и справок, подписав эти обвинения. Но отрицал, что является священником, и архимандрит Михаил, надеясь спасти его, подтвердил, что Павел — просто монах. 25 ноября 1944 года Павел Савицкий был приговорен к 10 годам лагерей и отправлен в Степной лагерь. Новые аресты насельников тайного монастыря продолжались вплоть до 1953 года.

* * *

После смерти Сталина, в период 1955–1956 годов, началось постепенное возвращение в Киев и Ирпень выживших насельников Киевского ставропигиального монастыря. В середине 1990-х годов удалось узнать о дальнейшей судьбе некоторых из них.

⁶⁶ А. Г. Ворона, В. А. Жила, П. Г. Ивахненко, С. М. Кашенко, А. Г. Ключник, Д. И. Мироненко, О. П. Носач, У. И. Плужник, В. Г. Руденко, И. И. Руденко, Е. П. Савицкий, С. Ф. Снигирь, М. И. Хижняченко, Н. Т. Шурда.

⁶⁷ В «Обвинительном заключении» утверждалось: *«Организовал антисоветскую монархическую группу»*, проводил антисоветскую пораженческую агитацию, *«“предсказывая” гибель советской власти и установление на территории СССР царской монархии»*. Его обвиняли также *«в тесной связи с представителями карательных органов немецких властей, от которых он получал задания выявлять советских партизан»*, и эти показания дал на него переводчик в гестапо, привезенный на очную ставку из лагеря.

Сестры Анастасия и Клавдия Лупандины были отправлены в Амурлаг, позднее переведены в Карлаг, откуда в 1950 году освобождены и высланы в Новосибирскую область. 16 апреля 1956 года освобождены из ссылки и вернулись в Ирпень. Их мать, Мария Петровна Лупандина, была отправлена в Карлаг и 22 сентября 1943 года скончалась там от пеллагры.

Монахиня Сергия, в миру Мироненко Дарья Ивановна, была отправлена на 5 лет в Карлаг. В 1949 году была освобождена и после ссылки вернулась в Киев. Работала в учреждении и постоянно следила за могилой схиигуменьи Михайлы (Щелкиной), ежедневно зажигая там лампадку. В начале 60-х годов купила домик в поселке Ирпень и оборудовала там домашнюю церковь. В середине 60-х к ней присоединились освободившаяся из Карлага монахиня Мелхиседека, в миру Улита Ивановна Плужник, а в конце 1960-х — и монахиня Улита Савон, отбывавшая срок в Воркутлаге. Три монахини жили, соблюдая все правила монашеской жизни. В 1985 году скончалась Улита Плужник, в 1991 году — Улита Савон. 16 мая 2000 года скончалась и монахиня Сергия.

Монахиня Варвара Ищенко была отправлена на 3 года в Краслаг. 21 мая 1943 года была освобождена и перешла на нелегальное положение. В начале 1950-х годов вернулась в Киев, но с началом массовых арестов скрылась из города. Была объявлена во всесоюзный розыск, 3 августа 1951 года розыск в ее отношении был отменен. После 1956 года проживала в Киеве и 19 декабря 1986 года скончалась.

Монахиня Варвара Брайко была отправлена в лагерь, где погибла.

Иеромонах Петр, в миру Павел Петрович Савицкий, был отправлен в Карлаг. В 1956 году был освобожден и вернулся в село Ярошевка Киевской области. В 1960-х годах был арестован, приговорен к 3 годам лагерей и отправлен в Днепропетровскую колонию. После освобождения вернулся в село Ярошевка, где в начале 1976 года вновь был арестован. 17 марта приговорен к 3 годам лагерей и отправлен в Дубравлаг. 16 октября 1978 года освобожден из лагеря, вернулся в Ирпень. В августе 1996 года скончался.

Евгений Петрович Савицкий был отправлен на 5 лет в Карлаг, откуда в 1949 году был освобожден и отправлен в ссылку. В 1953 году освобожден из ссылки и поселился в Алма-Ате, потом переехал на юг Казахстана. В 1956 году вернулся в Киев, позднее переехал в Ирпень, где 3 ноября 2004 года скончался. Его подробные воспоминания записаны и представлены в книге.

Их мать, Савицкая Параскева Игнатъевна, была отправлена на 8 лет в Ухтинские лагерь. В 1956 году была освобождена из лагеря и вернулась в Ирпень, где в 1966 году скончалась.

Алексей Игнатъевич Вишневский после приговора был вывезен через полгода на пересыльный пункт для отправки на фронт. Через две недели, как шахтер, был отправлен в лагерь под Сталино (Донбасс), где работал на шахте. В 1945 году освобожден из лагеря, остался работать на шахте вольнонаемным, а позднее переехал в Ирпень. Его подробные воспоминания записаны и представлены в книге.

*Из воспоминаний Алексея Вишневого*¹

Родился я десятого октября восемнадцатого года в селе Ярошевка бывшего Талалаевского района Черниговской области. В двенадцать лет остался без отца, «замордовал» отца Сталин. Нас раскулачили, забрали хату, после мать и четыре сестры ходили по квартирам. Семья наша была верующей. В Ярошевке верующие собирались в хатах, молились целую ночь, потом отдыхали и опять молились. Только под утро расходились по домам, когда еще темно было, по одному уходили, осторожно, чтобы никто не увидел. Меры предосторожности соблюдались, окна в домах, когда молились, обычно ставнями закрывались.

В селе нашем бывали проповедники Евлампия² и Константин³, рассказывали об отце Михаиле и матушке Михаиле как о «святых людях». Приезжала из Киева и Епистимия⁴, тоже рассказывала много, потом давала имена верующим, так становились монашествующими⁵. В то время батюшка Михаил скрывался, мог в дом прийти, чтоб переночевать, и вдруг среди ночи собирался и уходил. А тут — милиция сразу, а здесь уже никого нет. И когда шел по селу, бороду всегда прятал под воротник, чтоб не видно было, что священник идет.

В тридцать шестом я был призван в армию, отслужил, затем работал в Донбассе. В начале войны был отправлен на фронт и под Харь-

---

¹ Рассказ записан 3 апреля 2001 года в поселке Ирпень.

² Осадчая Устиния Пудовна, родилась в 1885 в селе Ребедайловка Каменского уезда Елизаветградской губ. в крестьянской семье. Получила начальное образование. До 1929 — занималась сельским хозяйством, затем переехала в поселок Совки под Киевом, работала уборщицей на фабрике. Пострижена в мантию с именем Евлампия. Вступила в тайный ставропигиальный монастырь, связная и активная проповедница. 26 марта 1940 — арестована, 27 июля приговорена к 6 годам ИТЛ с поражением в правах на 3 года и отправлена в лагерь.

³ Прокопенко Константин Васильевич. Монах-проповедник. Проживал в селе Прусы.

⁴ Мироненко Епистимия Ивановна. Монахиня, провела двадцать лет в Матреновско-Чигиринском монастыре. Приняла схиму с именем Димитрия. Активная проповедница тайного Киевского ставропигиального монастыря. В 1943 — с началом массовых арестов монашества скрылась, в 1945 — объявлена во всесоюзный розыск.

⁵ В монашескую общину села Ярошевка входили монахини Варвара Биленко, Евдокия Биленко, сестры Анастасия Кашенко, Анна Кашенко, Варвара Кашенко и монахи Иван Кашенко, Степан Кашенко, Михаил Коваленко, Федор Липницкий, Николай Лобода, Роман Наливайко. В конце 1940-х годов они, очевидно, были арестованы и отправлены в лагерь.

ковом попал в плен. Находился в лагере за колючей проволокой в нечеловеческих условиях, потом переводчик за мою одежду помог мне устроиться на кухню. Оттуда попал на склады железнодорожной станции, кормили там немцы хорошо, на работу и с работы водили под конвоем. Потом перевели нас в Харьков, начал я писать письма матери и оставлять их на дорогах так, чтоб не видел конвой.

Каким-то образом письмо мое к матери дошло, и мать с сестрой приехали в Харьков, но, к сожалению, не взяли никаких документов. Так что домой меня не отпустили. При наступлении Красной армии на Харьков немцы всех нас, военнопленных, стали свозить в тюрьму на Холодную гору, а через неделю погнали нас, плохо одетых, пешком по снегу на Полтаву. Шли колонной, охранял нас конвой с собаками, и упавших заключенных добивали на месте. Мы с другом Андреем⁶ решили бежать. Договорились с полицаем, и он помог нам бежать за десять ножей, которые я стащил в бытность своей работы на складе.

Долго мы добирались до дому, голодали, по три дня иногда не ели, шли по дорогам и читали Иисусову молитву. Пришли в село Ярошевка, там еще немцы были. Пошли работать в колхоз, организованный оккупационными властями. А мой брат, как бывший раскулаченный, пошел при немцах работать полицаем, он-то и стал посылать нас в район на пропуску. Мы отказались, знали ведь, кто приходил на пропуску, того немцы забирали на работу в Германию. Сестра моя шла к батюшке Михаилу⁷ в Киев, я и попросил ее узнать, можно ли мне прийти к нему. Батюшка Михаил разрешил, в Киев к нему пошло нас пять человек. Пришли мы на Садовую улицу, нас пригласили сесть. Открылись двери, и к нам вышел батюшка Михаил. И я глазам своим не поверил: «Боже! Как будто Спаситель идет!» Потом я спрашивал у остальных, как они увидели его, они ответили, что обыкновенно⁸. На следующий день пошли мы в церковь, пел я там с Епистимией, у нее очень хороший голос был, и я хорошо пел. На второй день

---

⁶ Маринин Андрей Владимирович, родился в 1912 на станции Старо-Григорьевская Сиротинского уезда Царицынской губ. Получил начальное образование. В 1941 — с началом войны призван в армию, на фронте попал в плен. Отправлен в лагерь для военнопленных, откуда бежал. С 1943 — послушник тайного Киевского ставропигиального монастыря. В ночь с 13 на 14 января 1944 — арестован как «участник церковно-монархической организации». 29 июля 1944 — приговорен к 8 годам ИТЛ и отправлен в лагерь.

⁷ Иеромонах Михаил, в миру Костюк Александр Васильевич.

⁸ Вера Петровна сказала, что ее бабушка Александра, которая входила в паству архимандрита Михаила, тоже видела его Спасителем.

пришли мы в церковь, батюшка Михаил сначала сразу всех исповедовал, хотя он и так знал все наши грехи, он прозорливец был. А потом он причастил нас всех.

В Киеве у батюшки много знакомых было, вечером приходили к батюшке на Садовую, ужинали, потом говорили ему: «Благословите, батюшка!» Он: «Бог благословит, детка! Тебе надо туда идти». И так каждому, кому куда идти. А утром вставали, умывались, молитву «Отче наш» читали — и сразу к батюшке. И он каждый день исповедовал, причащал и благословлял нас перед выходом на работу. На службе батюшка наставнических проповедей не читал, не так-то легко ему было вести службу, как кажется. И на исповеди потом он ничего не выяснял, чтоб болтовни не было, бывало, он о твоём грехе сам говорил за тебя. Приходил и говорил о грехах и обращался ко всем: «Ты знаешь, что это твой грех». Но не обращался лично к тебе, а ты уже понимал, что это ты сделал. И мы не боялись батюшки, но все-таки что-то тревожило в нем. Ведь если у человека есть благодать, она видна сразу. А я лично видел батюшку как Спасителя с ореолом. Да так все блестело, что смотреть нельзя было, все светилось на нем, как золото.

Домашняя церковь на Садовой улице маленькая была, это обычная хатка, под железом. А народу собиралось так много, во дворе стояли, бывало, и батюшку не видно было. В церкви был свой хор, пели монахини Епистимия, Варвара⁹ и Улита Плужник¹⁰. Ими командовала Варвара, монашка старая, она потом погибла в лагере. На службы много народу приходило, были и те, кто не был в монастыре, их даже больше было. Бывало, что на службу и артисты приходили¹¹, один артист так хорошо пел. Я лично пел не на каждой службе, меня вызывали петь только тогда, когда «Верую» пели, на службе я был не нужен. А как пелась «Верую», батюшка меня вызывал, за мной на ра-

---

⁹ Брайко Варвара Ионовна, родилась в 1886 в селе Вышгород Киевской губ. Получила начальное образование. С 1907 — послушница в монастыре, где в 1910 — приняла монашеский постриг. С 1924 — перешла на нелегальное положение. В 1928 — приняла схиму с именем Иоанна. Яркая проповедница. Регент и казначей тайного КСМ. 9 января 1944 — арестована, 29 июля приговорена к 8 годам ИТЛ и отправлена в лагерь, где погибла.

¹⁰ Плужник Улита Ивановна, родилась в 1884 в селе Федварь Александровского уезда Киевской губ. Получила начальное образование. С 1904 — послушница в монастыре, в 1909 — приняла монашеский постриг с именем Мелхиседека. С 1924 — на нелегальном положении. Участница тайного Киевского ставропигиального монастыря. 31 декабря 1943 — арестована, 29 июля 1944 — приговорена к 5 годам ИТЛ и отправлена в Карлаг. В 1955 — освобождена, вернулась в Киев. Скончалась в 1985 году.

¹¹ В материалах дела указывалось, что это были певцы из украинского хора «Думка».

боту приходили, я все бросал и шел в церковь, а после возвращался назад, ведь работа же. А после службы была трапеза. Когда на столе все было готово, батюшка приходил, мы «Отче наш» пели, он благословлял и уходил к себе. С нами за стол никогда не садился.

Что мы ели? Это же война была, так что ели то, что сестры мои и другие молодые девушки приносили, собирая милостыню в разных областях, потом пешком шли до Киева и на себе несли фасоль и разную крупу. Попробуй-ка на себе летом, в самую жару, нести все это на плечах аж до Киева! Ничем ведь не довезешь, а надо ведь, у них, бедных, все плечи облезали. Потом они готовили все это, нас кормили и сами ели.

Потом батюшка начал церковь строить, чтобы мы целыми днями заняты были, чтоб некогда голову было поднять. Мы так зарабатывались, что сил ни на что не было, сразу ложились спать. Церковь мы хорошо строили, но немножко ее не достроили, но все равно на праздник Казанской Божьей Матери уже служили там первую службу. Батюшка очень готовился к этой службе, говорил: «Деточки, мы строим церковь для себя, чтобы была у нас церковь на небе».

Тогда же по просьбе батюшки в здании новой церкви мы сделали несколько тайников. По всей длине церкви был построен огромный подвал, разгороженный пополам, именно там и были сделаны тайники. Выполнили их следующим образом: как только была закончена стена в первом подвале, мы сразу же параллельно ей построили вторую стену, и в ней была сделана лестница для входа в подвал; этот тайник между стенами был перегороден в середине. Во втором подвале точно так же был сделан тайник, но вход в него был сделан из алтаря. Вторые стены в обоих подвалах были замурованы до потолка так, чтобы не было заметно, что там сделаны тайники.

Перед приходом красных батюшка ходил к матушке Михаиле на кладбище, но никто не знал — он ночью ходил. Я иду на работу, только светает, смотрю, какой-то человек навстречу мне идет и как будто знакомый. Он пальто так застегнул, что осталась только маленькая бородка. Если б кто встретил, подумал, что профессор какой-то или ученый. А когда ближе подошел — батюшка. Я сразу упал в ноги, говорю: «Благословите». Он: «Бог благословит, детка. Иди, ты опаздываешь». Это он выходил с кладбища, а я его здесь встретил. Значит, где он был? Я через Байковое кладбище ходил на работу, где могила матушки Михайлы была, значит, ходил он ночью, долго молился и просил матушкиной помощи.

Потом батюшка вызвал меня и сказал: «Будешь спать на чердаке, иди туда и спи». Там сено было, хорошо спалось. Красные приближались, и мы стали бояться, что нас на фронт пошлют. Стали думать. Потом обратился я: «Батюшка, благословите. Мы выкопаем яму под столом в саду и втащим туда койки. Сверху прикроем лагами и мусор насыплем. Никто не подумает, что там несколько человек спрячется». Батюшка сказал: «Бог благословит, детка. Делай». В доме на Садовой улице, в саду, верстак стоял, так мы глубокую яму рядом с ним выкопали, землю всю разнесли по огороду, чтоб не видно было. Мы же молодые были, яму хорошую выкопали, поверху набросали разного барахла, мусор, железо разбросали, чтоб незаметно было, что там убежище есть. Сделали так, чтобы туда можно было спрятать человек двадцать, правда лежать там было можно не всем сразу.

С лопатой я был хорошо знаком, работал раньше в шахте, так что там же в огороде закопал муку, крупу, овощи — все наши запасы. Батюшка также благословил убрать все из церкви, в стенах подвала церкви были заранее оставлены ниши, туда и спрятали мы иконы, книги, облачение батюшки, заложили кирпичом и заделали так, чтоб незаметно было. Делали это по ночам, чтобы никто не видел. Батюшка уже знал, что скоро немцев погонят и красные вернуться. Одна тетка из села приехала и спросила его: «Батюшка, простите, скажите, кто будет у нас — Сталин или Гитлер?» А батюшка шил, поднял голову, посмотрел на нее и сказал: «Не будет ни того, ни другого». И ушел. А эта тетка потом в рассказах своих прибавила, дескать, батюшка сказал, что царь будет. Так и пошло. А батюшка-то не сказывал, что будет царь... Батюшка говорил нам, что антихрист, который придет, будет вдвое хуже того, что был до войны. И еще он говорил, что если он скроется, то его никогда не найдут.

Потом вернулись в Киев красные. Как-то шли мы из церкви, все парни, я впереди шел как вожак. Батюшка вышел, встретил нас, я поклонился до земли: «Благословите, батюшка». Он: «Бог благословит. Ты пойдешь на фронт». Я ему: «Благословите, батюшка. Не пойду я за Сталина воевать». Он тогда: «Бог благословит, пойдешь со мной». С меня началось это «со мной», и так всем сказал, кроме последнего, Николая. Тот сказал: «Пойду на фронт. Благословите, батюшка». Он-то на фронте не был, думал, что плохо будет с батюшкой, придется работать много, решил попробовать, как там на фронте. Батюшка сказал: «Бог благословит». И на следующий день его забрали в армию, а мы остались.

Вечерами батюшка служил в церкви, а там столько шпионов от красных уже было. Они сразу заслали их, то вдруг набожная баба пришла, а то какой-то чужой в хоре запел. И никто не догадывался, что это «сексоты». В декабре сорок третьего утром была служба, как обычно, а вечером батюшка скрылся. И никто не знал, куда исчез он. И только одна монахиня Варвара, он ей доверял, знала, где батюшка. Вот она и пришла туда и сказала ему, что люди сошлись и ждут его. Батюшка сказал: «Если весь народ меня просит, то я пойду».

Пришел он в храм, отслужил службу. Мы должны были идти ночевать, стояли и ждали, думали, может, батюшка что-то спросит. А тут понаехало полно военных машин, милиция. А я стоял и думал: «Батюшка сказал, что пойдешь со мной, так куда же я пойду? Я же ничего церковного не знаю, куда я пойду?» И оказалось, что я остался здесь один, никого уже из монашества не было. Они сразу к батюшке подошли, долго там были, потом вывели и посадили в легковую машину¹². Нас же посадили в грузовую крытую машину и отвезли в тюрьму¹³.

В тюрьме этой уголовников не было, я уже прошел эти тюрьмы и холодную¹⁴, знаю эти тюрьмы и что там делается. Кто не был там, тому дико: раздевают догола, обыскивают, протирают твою одежду, чтобы иголку найти. Бросили меня одного в камеру, бетон вокруг, я был плохо одет, холодно, руки замерзли совсем. Я туда, сюда, в кармане коробку спичек нашел, подумал: как же они обыскивали, ведь коробка спичек не иголка? Зажег спичку, грею руки, а надзиратель закричал: «Ты что делаешь?» Сразу прибежал, замок открыл — и меня в карцер. А там только стоять можно было, холодина страшная, еще большая, чем в камере, а сверху вода капает. И капли по тебе бьют, и от них никуда не увернешься. Вот попал! Сколько я ни проходил раньше, а такого еще не было. В тюрьму ведь только попадешь, и тебя «лупят» как сидорову козу.

Я вам скажу, как я увидел батюшку в тюрьме. Однажды ввели меня на допрос, шел я, руки назад, смотреть можно только вниз, не оглядываясь по сторонам. А там другой ход пересекался с нашим коридором, увидел, четыре человека несли на носилках тело. Глянул я туда и увидел батюшку, его лицо, и кровь сквозь простыню проступила. Я это своими глазами видел, одно мгновение. Оглянуться я не посмел, сзади ведь конвоир шел. Я только заметил, что пронесли его, а конво-

---

¹² 30 декабря 1943 — арестован как «руководитель церковно-монархической организации».

¹³ Все обвинялись как «участники церковно-монархической организации».

¹⁴ Имеется в виду карцер.

ир мне: «К стенке!» Но я уже увидел его. Господь ведь сказал в Евангелии: «Что бы ни делали, оно выйдет на чистую воду. Все скрытое станет явным»¹⁵. Если бы мне не нужно было, то я его не увидел бы, а тут сам Господь показал мне. Ведь я каждый день в тюрьме молился за батюшку!

На допросах я дурачком прикидывался и все отрицал. Как-то привели меня на допрос, следовательно что-то спросил, потом отклонил занавеску и показал на икону, где архистратиг Михаил закалывает Сталина. Спросил: «Ты такую вещь у него видел? Где она была? И кто ее рисовал?» Я ответил, что не видел никогда. Следовательно удивился: «Да как же ты не видел, ты там жил». Ему уже все было известно, многих он забрал и допросил, а они про меня уже рассказали. Но я был убежден, что ничего не надо говорить, тогда ничего тебе не будет. И я твердил, что, дескать, я рабочим на стройке был и меня к батюшке не допускали, так что ничего не видел и не слышал. Он как «влупит» — сразу падаешь. Из-за стола встает, ходит около тебя и спрашивает, а в руке у него вот такая связка ключей, и кричит: «Признавайся. Не выйдешь отсюда, я тебя удавлю». Вот и все, что он тебе говорит. И не смотрит на тебя, и опять: «Признавайся, кто рисовал икону». Я опять: «Не видел».

Так нужно еще придумать, как же это ты не видел. Он доказывал свое, а я ему свое должен доказать, что не мог видеть. Я твердил, что не мог видеть, потому что был простым рабочим, а не служителем церкви, поэтому не ходил к батюшке и не видел, какие у него там иконы, потому что простому рабочему не разрешалось ходить к нему и спрашивать, кто и что нарисовал. Таких прав у нас не было, и все. Следовательно мне одно твердит, а я ему свое. Бил, конечно, кричал, но так ничего и не выпытал. А тогда за что судить будет? Потом на очной ставке с Порфирием, высоким таким стариком, встретился. Мы с ним вместе все закапывали, и он меня в своих показаниях назвал, что я с ним был. Следовательно прижал его, он и стал говорить что не следует. А нельзя говорить и втягивать другого, тот следующего — так все и втянутся. А я говорил, что был один и ничего не знал.

Полгода меня истязали, били и голодом мучили. Давали на обед суп из картошки неочищенной, порубленной лопатую, там только очистки эти плавают да вот такой кусочек хлеба. Попил ты эту воду,

---

¹⁵ В Евангелии дословно так: «Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным; и ничего не бывает потаенного, что не вышло бы наружу!»

съел крошку этого хлеба, и можно несколько суток прожить. А если ты изголодался за месяц, что это дало тебе, ты же голодный. И все спрашивали одно и то же, и так каждый день. А ведь это и ему надое-ло. Это ж только антихрист придумает, что с тобой сделать, так что против него — только молитва. Потом стали кормить, потому что когда долго сидишь, тогда уже нечего и спрашивать. Но как? Вот вызвали меня на допрос, а у следователя на столе селедка лежит, тут же электрическая плитка включена, и варится картошка. Введут тебя, и он говорит: «Садись, товарищ Вишневский». Уже товарищ, у них ведь там ничего не поймешь, как в театре. Следователь другой, теперь «добрый»: «Ну, признавайся. Видишь, сколько у тебя было следователей, как часто они менялись? Сколько было этих бандитов-следователей у тебя? А теперь я пришел, я тебя выпущу, только ты признайся».

Я уже забыл, что говорили про батюшку и про иконы. Теперь он спрашивал, как я в плен попал, что брат требовал от меня пойти на прописку, а я не пошел и попал к батюшке, что церковь начали строить. А тут сидишь голодный и смотришь на еду... Потом он разрешил мне есть, так я сразу же селедок штуки три врубил да картошку ту всю съел, пока не отобрал. А он теперь воды тебе не дает... А без воды еще хуже, чем без еды — умирает человек. И он твердит одно: «Признавайся. Сразу дам воды, и будешь пить». Вот так разными способами и выжимали, что им надо. А я опять твердил, что про батюшку ничего не знаю, не был у него, потому что я парень деревенский и неграмотный.

Однажды вызвал меня следователь и сказал: «Иди собирай свои “лахмутки” и поезжай на пересыльный пункт. В армию пойдешь». Машиной отвезли на пересыльный пункт в Киеве, там ждали отправки на фронт. А я отпросился с пересыльного пункта, сказал, что недалеко живет моя знакомая бабушка, я ее проведать хочу и покушать у нее. Отпустили меня, вышел я в город, пришел к ней и рассказал про батюшку. Так все наши и узнали. Через две недели вызвал меня начальник пересыльного пункта и сказал: «Вишневский, ты не пойдешь на фронт. Ты поедешь в Донбасс, нам уголь нужен, а ты шахтер». И вот меня и еще нескольких отправили в Сталино, в Донбасс, и с нами проводник был, чтоб мы не разбежались. А куда бежать? Поймают, еще больше дадут. Проводник у нас был хороший, с нами один бывший полицай ехал, у него сало и хлеб в торбе были. Проводник сказал нам: «Вы ходите где хотите, гуляйте».

Думаю, что нечего мне на судьбу обижаться, рад я был. Это ведь сам батюшка Михаил меня из тюрьмы выпустил. Потом прибыли мы в лагерь в Сталино, находились там за колючей проволокой, из лагеря под конвоем нас водили на работу в шахту, потом назад. Так продолжалось два года. Однажды проснулись, двери бараков открыты, а конвоиров нет. Но я остался работать на шахте вольнонаемным, денег заработал, потом приехал в Ирпень. Дом построил, женился, дети родились. Потом вернулся Павел Савицкий. У меня дома есть его работы: портреты-иконы отца Михаила и матушки Михайлы, мой портрет и жены.

Конечно, все у нас сейчас было бы по-другому, если бы батюшку Михаила не позвали служить в церковь, когда он уже спрятался. И он не пошел бы туда, хотя уже знал, что его арестуют. Батюшка похоронен в Бабьем яру, но как узнать, где его могилка? Мне как-то снилось, что на его могилке какие-то цветы выросли, дескать, по этим цветам я смогу найти. Но я же не пошел никуда, да и не сказал никому об этом, потому что боялся, что скажут — уже и сон видел, и придумал такое. Не поверили бы...

Из воспоминаний Ксении Кравченко¹⁶

Во время Гражданской войны перед самым моим рождением отец попал в плен. В доме оставались свекровь, мама и старший брат, и на Пасху в избу вошел монах и сказал маме и свекрови: «Подайте рушник на жертву в лавру». Свекровь попросила монаха: «Отец, помолитесь, чтобы сын мой пришел с войны. Невестка так молода». Мама подала монаху рушник, а он ей и сказал: «Это ты подаешь дорожку для своего чада». Когда он ушел, свекровь спросила ее: «Разве сын мой тебе чадо?»

Когда я родилась в двадцать первом году, то мама моя молилась до слез, чтобы Бог дал и девочка ее не попала бы в мирскую жизнь, а ушла бы в монастырь. Тогда мама жила в таком божественном страхе, что даже пищи лишней не ела, чтоб ее дети не стали жадными. Родители мои были очень религиозны, постоянно ходили в церковь, отец на клиросе пел и апостола читал. Когда отец брал нас с собой в цер-

---

¹⁶ Кравченко Ксения Михайловна, родилась в 1921. В начале 1940-х — вступила в Киевский ставропигиальный монастырь. 6 ноября 1999 — скончалась. Ниже приводятся выдержки из ее дневника.

ковь, то вел нас с сестрой Леной на хоры. В то время в церкви у меня такая радость была, в пении и в иконах мне так много открывалось, что описать не могу. Будто я не на земле, а на небе! Мне казалось, что я могу навсегда остаться в церкви.

Я не была похожа на своих родных, мою маму даже спрашивали: «Это твоя девочка?» И мама отвечала: «Да, моя». Но как только мама брала меня куда-то, я сразу же убегала от нее и ходила по чужим рукам. Мама даже обижалась, куда ни пойдет со мной, уже около нее меня нет. Однажды маме приснился сон, будто Божья Матерь взяла меня от нее и сказала: «Это не твой ребенок». И в тот же день на вечерне в церкви мама потеряла меня. Долго, волнуясь, все меня искали, хотя у мамы на душе было спокойно. Эту ночь я ночевала в церкви, а утром староста пришел в храм и видит — по церкви ходит маленькая девочка, показывает на иконы и говорит: «Диду! Цяця!» Тогда и передали родителям, что дочь их в церкви (все это я узнала только перед смертью мамы, всю жизнь она скрывала это от меня).

Тетю Машу, сестру отца моего, хотели посватать двадцать чело- век, но она не решилась. Пришла к отцу Ионе и просила у него благословения на монастырскую жизнь. А тот сказал ей: «Живи в миру, выполняй монастырское послушание и будешь выше монахини». Через тетю Машу и упала на меня Божья искра, так осталась она у меня на всю жизнь. Прошло время. Я стала ходить в школу, а в этом же доме жил священник. Около школы была церковь, но ее уже закрыли. Это меня так расстраивало, что каждый раз, проходя мимо, я переживала до слез. Наука мне в голову совсем не шла, и отец был недоволен, что я плохо учусь.

Я стала тогда молиться, чтоб Господь не пустил меня в мирскую жизнь. Этой мечтой я делилась с тетей Машей, и она уговорила меня, чтобы я несла пост. В постные дни я ела всухомятку, но делала это скрытно от родных, лишь тетя Маша знала это. Как-то легла голодной, а ночью мне приснился странный сон. Утром я рассказала маме про свой пост, сказала, что буду теперь постничать постоянно и что мне во сне открылась благодать. Мама стала молиться: «Прости меня, Господи, что мое чадо несло пост, а я и отец не знали».

Отец был против моего поста, говорил, что раз я учусь, то могу не поститься. Но я их не слушала, поддерживал меня в этом только старший брат Леня, сказав маме: «Ну, что ж, мама, может, Оксанка так хочет, как тетя Маша. Пусть так все и идет. Я ее в обиду не дам». Он покупал всякие подарки и всегда привозил мне больше одежды и

много лент. Но это была одежда, с которой надо жить в миру, и я молилась до слез: «Господи, отвергни меня от мирской жизни». Я ее совсем не понимала и боялась ее. В то время я больше встречалась со старухами, я очень любила разговаривать с ними о Боге и религии. Я любила и бедных детей, и как только родные уходили из дому, я приводила их и угощала. Мама была недовольна этим, она боялась, чтобы нас не обокрали.

Когда в тридцать третьем году был голод, то любой строительный материал можно было задешево купить. Дедушка купил тогда лес, и отец мой с двумя братьями построили за месяц хату, за ней во дворе построили сарайчик и стали там жить. Пришел сороковой год, у родных начались неприятности, и весной сорок первого они решили перебраться в Киев. Дом в деревне снесли и перевезли в город на участок, где началось строительство. Все остались пока в селе, а я жила в городе во времянке, чтобы присматривать за материалом. Летом родные перебрались в Киев, мама так не хотела из села уезжать, но отец настоял, да и батюшка Михаил был здесь, а мама сильно верила в Бога и молилась.

В войну мама осталась вдовой, работала дворником и очень мучилась. Я жила с мамой, сестрой и братом Володей, а старшая сестра была отправлена на работу в Германию. Потом я тяжело заболела, перед Пасхой мне должны были делать операцию, родные очень переживали, особенно мама Оля. А я не боялась, потому что хотела умереть девочкой, мечтала, как умру, меня похоронят в веночке и я сразу попаду к Богу. Душа моя была спокойна, так мне все нравилось. Мама тоже говорила: «Как хорошо, если умирает девочка и ее хоронят, а ангелы небесные поют: “Деву, деву несут”». Я ободряла и веселила всех больных. Операцию мне сделали, я осталась жива¹⁷. А когда вернулась домой, то мама сказала: «Ох, как я плакала из-за тебя на Пасху. Девочки играют, тебя нет, а сестра твоя Лена надела твой веночек и ленты. А мне так досадно было».

Я сказала маме, что теперь моя жизнь духовная будет. И стала я ездить по храмам и монастырям, ставила цветы и свечи у икон Спасителя, Божьей Матери и Святителя Николая. А родные мои дали обет, что если я исцелюсь совсем, то там, где исцелюсь, должна обет дать — стать монахиней. Полюбила я ходить в церковь на Байковом кладбище, как-то подошла к могилке матушки Михайлы, а там монашки бы-

---

¹⁷ У нее был рак, и уже по лицу пошли метастазы.

ли — Улита¹⁸ и Пелагея¹⁹. Бабка Пелагея проповедовала, что эта могилка матушки Михайлы исцеляет болящих. Я стала плакать, она спросила: «Почему ты, детка, плачешь?» Я ответила, что больна, мне сделали операцию, но мне все время больно.

Бабка Пелагея помазала мою рану елеем, и в том месте, где она коснулась, я почувствовала, что вроде там похолодело, вроде к телу коснулась благодать. Я даже не могу описать, что в это время со мной было. Когда сходила с лестницы назад, то никаких болей не чувствовала. На другой день я пришла на могилку и принесла хлеб и сало, чтобы монашек угостить. Даю им, а они мне: «Мы, детка, сало не едим». Бабка Пелагея спросила меня, как я себя чувствую, и я ответила, что хорошо. Тогда она сказала: «Теперь ты держись одного. Здесь, в этой могилке, вся святыня: и Иерусалим, и лавра. Ни в какую церковь не ходи и не причащайся. И скрывай все от родных, ничего, детка, они через тебя все спасутся. Если тебя матушка Михайла исцелила, то для дел Божьих, и этим ваш род весь будет спасен. Я вижу, что у тебя уже нет того воспаления, как было». Возвращалась я домой, и душа моя уже не была дома.

К матушке на могилку я так и ходила. Обычно скажу маме, что пойду в комнатах убираться, а там окно в комнате открою, вылезу через него и бегу на могилку поклониться. Потом бегом домой, чтоб мама не узнала. В окно опять влезу и выйду к маме на кухню, и ничего ей не говорю. Богом мне послана была Улита Савон²⁰, познакомились мы с ней поближе, по ночам мы молились и клали по очереди поклонны в ограде могилы матушки Михайлы, пока одна отдыхала, другая клала. В обитель сначала я пришла красиво одетая, а крестьянские послушницы жили тогда очень бедно, и им так чудно было все на мне. Потом стала я ходить в обитель уже бедно одетая.

В военное время я часто ходила из города менять вещи на продукты в село Безрадычи. И стала я там проповедовать за матушку Михайлу

---

¹⁸ Плужник Улита Ивановна.

¹⁹ Ивахненко Пелагея Гавриловна, родилась в 1868 в селе Лирсаловка Шишинского уезда Орловской губ. Неграмотная. С 1906 — инокиня, затем монахиня, позднее приняла схиму с именем Левкия. С 1924 — проповедница Киевского ставропигиального монастыря. В 1930 — была под следствием. С ноября 1941 — проживала в тайном монастыре в Киеве. 13 января 1944 — арестована как «участница церковно-монархической организации». 29 июля 1944 — приговорена к 5 годам ссылки в Казахстан и отправлена в Кызыл-Ординскую область.

²⁰ Монахиня Улита Савон.

и за ее духовного сына, батюшку Михаила. Когда приходила домой и приносила все, что наменяла, то скрывала все в своем сердце. В обители была монахиня Лиза²¹, которая несла послушание, и я попросила ее передать мою просьбу отцу Михаилу, чтобы меня приняли в монастырь. Лиза сказала мне, что отец Михаил передал: «Пусть молится и просит матушку Михаилу. И пусть эта девочка мне что-нибудь напишет». Я стала писать. Потом решила совсем из дома уйти, и мама очень обиделась, когда я сказала, что не вернусь домой, останусь в обители. А батюшка Михаил сказал мне: «Деточка, молись за родных».

Потом меня хотели забрать на работы в Германию, и я тайком ушла из дома, скрывалась в селах Безрадычи и Козын. Немецкая полиция пришла к родным, спросили, где их дочка, а родные и сами не знали, где я. А отец Михаил узнал, что там горе, и послал к родным старика, чтобы он рассказал им обо мне, дескать, шел со мной, а меня забрали на сбор урожая. Дворничиха была свидетелем этого разговора, и полиция отстала от родных. Из дома я ушла в одном платье, и то оно еле-еле держалось. Возле Козына река разлилась, и я ходила туда стирать свое старенькое платье, там же сушила его, потом одевалась и шла куда надо. Когда верующие узнали, что я ушла от родных, мне стали помогать, дали одежду и все, что надо.

Отец Михаил передал Лизе, чтобы я пришла, и сказал: «Эта девочка уже благословенная». Лиза дала мне одеться в свою одежду, и я пошла на благословение. А это было на Спас²². Отец Михаил долго молился, потом вышел, подошел ко мне, прижал мою головку к груди и сказал всем: «Вот теперь у нас есть девочка Ксения. Чистая девочка. Милостыня — это огонь, искупление всех грехов. И собирать ее может только чистота». И благословил меня на послушание — собирать милостыню по селам. А мама Михаила явилась во сне и сказала: «Будь, детка, милостива, милосердна, бодра и весела в душе. Тогда я тебя с собой заберу».

Мы в то время строили собор. А в военное время голод был, и люди по сорок душ шли сюда и несли хлеб на благословение батюшки. Мне было предложено помогать верующим на постройке собора, а я была очень послушна. Люди приходили пешком в Киев, я грела воду,

---

²¹ Артеменко Елизавета Федоровна. Монахиня тайного монастыря, исполняла обязанности старосты церкви. 22 января 1944 — арестована как «участница церковно-монархической организации». 29 июля 1944 — приговорена к 5 годам ИТЛ и отправлена в лагерь.

²² 19 августа.

мыла им ноги, варила ужин и кормила их. Потом они шли к батюшке Михаилу на благословение, и он их на стройку отправлял. Там служба была, потом делали обеда для всех людей, кто был на службе. И из города шли беззащитные голодные старухи, чтобы здесь пообедать, — такое горькое военное время. И было так, что пища варилась почти без соли, а людям все было вкусно. Открылась сильная благодать...

И продукты нам посылались чудесами и молитвами батюшки Михаила. Некоторые люди все понимали и давали великие жертвы, и люди, которые жертвовали все для владыки, они исцелялись. Обычно мы ходили по селам с Улитой, из Киева шли по дороге, подходили к селу Безрадычи всегда лесом. Сначала заходили в крайнюю хату к бабе Матрене. Она давала нам покушать и попить, а еду эту приносили ей баба Феодосия и баба Дуня, у нее дочку угнали в Германию. А баба Дуня так хотела, чтоб дочка попала в монастырь к нам. Потом шли к Марии Макаровне, благодетельнице матушки Михайлы, ее отец, мать и братья носили нам еду больше всех. Там же была и благодетельница, которая пожертвовала на строительство собора корову, а рядом, в поселке Григорьевка, семья Параскевы пожертвовала в монастырь телку.

Однажды ночью шли мы с Улитой, встретил нас полицай, спросил: «Кто идет?» Я Улите сказала, чтобы она свои документы показала, у нее были какие-то бумаги, а ему сказала: «Мне надо отойти. Ясно, по какой причине?» А тот: «Делай все на месте». Но, на мое счастье, Улита рассыпала свои бумаги, я этим воспользовалась. Когда он нагнулся, я убежала. В поселке мы с Улитой соединились и пошли ночевать туда, где жили наши благодетели. Так что белым днем ходить по селам было опасно. Как-то зимой шли днем по берегу реки, глядим, а за нами староста идет. Он знал, что мы должны зайти в поселок к людям. Тогда мы прямо в лес пошли, по грудь в снегу брели, но обошли этот поселок, а потом вернулись назад и огородами прямо к хате благодетельницы нашей. Потом уж ходили только вечером или рано-рано утром. Даже ранней весной ходили, когда вдоль берега лед проваливался, вымокали сильно, а ведь надо идти.

А то как-то встретили в Безрадычах старосту, он спросил, куда идем. Я сказала, что к родным в Подгорцы. Староста спросил: «Вы знаете, что сейчас молодежь забирают в Германию?» И хотел отправить нас в комендатуру. Но я вырвалась из рук, и убежала, а Улиту он забрал. В сельсовете составил акт и сказал ей: «Вы проповедуете за монастырь и собираете милостыню». Вызвал нашу знакомую Марию

Макаровну, и она стала просить его, чтоб отпустил он Улиту. А тот потребовал от Улиты: «Отрекись, как Петр от Иисуса Христа». Та заплакала, но молчала. Тогда староста отправил ее с полицаем в комендатуру. А полицай был родичем Марии Макаровны, как отъехал с Улитой от сельсовета, заехал в проулок и приказал: «Беги скорей, и чтобы никто тебя не увидел. И больше не попадайся нам»...

Еще раз я как-то шла в Мироновку, там ждала меня одна хорошая старуха. Она любила меня, всегда угощала и в дорогу много давала, сын ее когда-то в церкви старостой был. Иду я по дороге, а с яра бегут хлопцы с палками за мною. Я остановилась и протянула им угощение, сказала: «Кушайте». Они палки выронили, стоят как оглушенные. Когда вышла я на гору, они закричали: «До Мироновки двенадцать километров». Пришла в село, рассказала старухе про хлопцев, а она испугалась: «Хорошо, дочка, что тебя Господь охранил. Ведь монашку из другого монастыря они поймали да с ног свалили для насмешки, хоть и немолодая она была»...

Людей на стройке много было, а чем кормить их? Со мной как-то было так: я прибыла из села с продуктами, а отец Михаил, оказывается, наказал встречать меня крестным ходом. Мне потом повариха сказала, что я так удачно с продуктами приехала, ведь последняя крупа пошла на завтрак, а на обед и ужин уже ничего не было. Не из чего было варить обед, а ведь на стройке работало вместе с монахами еще двадцать чужих. Мы каждый день еду варили в котле на пять ведер, и так три раза каждый день. В то время немецкая полиция забирала у крестьян коров в Германию, а мы их потихоньку крали, за что было великое гонение. За нами гонялись и староста, и полицай. Конечно, очень сложно было...

Как-то пошли мы со старухой Варварой в Жуляны, там благодетельница Ефросинья обещала дать много картошки. Зашли сначала к бабке Ксении, потом по другим хатам, где нам понемногу давали муки. Собрали целый воз, напекли там же хлеб с картошкой, которой там много пожертвовали. И бабка Ксения пожертвовала лошадь зятя, на которой мы все отвезли: хлеб, картошку и даже иконы. Внучка бабы Ксении, пятилетняя Лида, сидела наверху воза и держала икону Спасителя. Когда мы приехали в монастырь, отец Михаил увидел и обратился к девочке: «Деточка, как много ты всего привезла. Дайте ей мешок хлеба за это». Но зять отказался брать, сказал: «Мне важно, чтоб Господь моих детей не оставил». Он погиб потом на войне, и дети остались без отца. А отец Михаил рассказал нам, что в Жулянах много благодати

иеромонаха Алексия. Он дал людям много чудес, предсказаний и помощи, и при жизни старца верующие приходили в Голосеевскую пустынь за его благословением и получали великое облегчение для души...

И мы в то время несли в монастыре такое послушание: терли картошку, которую возил на волах по пять мешков отец Екатерины, потом в хлеб ее замешивали и пекли. По два мешка такого хлеба пекли — всем хватало. Потом посадили около церкви картошку, затем ее копали и варили. Не была она солона, а люди кушали. А в следующем году урожай картошки был очень большой, ни разу больше такого не было, заготовили даже на следующий год и в ямах оставили, а выкопали только через год. И картошка-то была такой хорошей, вот такие чудеса были!

Строили нашу церковь четыре месяца, чуть-чуть не достроили, но освящение ее назначили на праздник Казанской Божьей Матери²³. Приглашено было много гостей, сварили мы в котле на десять ведер курятины, испекли много пирожков. Правда, не смогли исполнить задание батюшки и напечь восемьсот пирожков, муки мало было, пекли с картошкой и напекли всего сто пятьдесят штук. Отец Михаил позвал меня и спросил: «Ну, как, деточка?» Я сказала, что не выполнили послушание. А он мне: «Что останется, то будет для архистратига Михаила». Вот такие чудеса были! А потом на праздник архистратига Михаила²⁴ поздравляли батюшку, и он позвал меня и дал хлеб духовный и святой: «Раздай, деточка, людям». Нам праздничное все удавалось печь просто чудесами. Отец Михаил всегда говорил, что мы должны кормиться в народе, быть среди мира и спасать людей: «Цените у каждого хоть крошечку добра». Боже, если б вы видели глаза отца Михаила! Таких глаз ни у кого не было! Сияли как звезды и пронзали твою душу!

Фронт приближался, и полиция из Киева стала отправлять людей в Германию. Отец Михаил всех благодетелей отправлял в Германию, а покаявшихся коммунистов, которые помогали нам на строительстве собора, стали прятать. Из Киева и в Киев немцы не пускали никого без пропусков, но на строительство храма пускали. Потом пришла полиция, чтобы забрать всех монашествующих, приказали собираться. На следующий день отец Михаил сказал, чтобы мы молились, а когда полиция пришла, он пошел навстречу и предложил посмотреть, как строится церковь. А они отца Михаила увели в по-

---

²³ 22 октября/4 ноября.

²⁴ 8/21 ноября. Наверное, его поздравляли как именинника.

лицию, но вскоре отпустили — он объяснил, что ему приказали строить церковь немцы, он и строит. Тогда батюшка и сказал: «Старец Алексей светильник передал матушке Михаиле, а матушка передала мне. А мне теперь некому передать, я на земле последний светильник».

Когда Красная армия подошла к Киеву и немцев прогнала, отец Михаил собрал нас всех и спросил: «Деточки, вы готовы к мученичеству?» И мы ответили: «Благословите, батюшка». Он осенил нас: «Бог благословит!» Когда военные пришли к нам в монастырь, я чистила ложки на кухне. Ко мне прицепился один военный, а я молчала, потом пошла к отцу Михаилу, и он меня умно защитил. Но отца Михаила пока не тревожили, и днем они не появлялись. Потом в одну из ночей пришли и взяли у нас двенадцать куриц, а батюшка сказал: «У нас все заберется, деточки, не скорбите». Как мы старались отдать хоть какую-то жертву, чтобы оградить батюшку! Пошла я в Жуляны, где люди видели чудеса старца Алексия, именно они возили материал на фундамент церкви. Дали мне там и капусту, и картошку, но там я узнала, что на праздник Святителя Николая²⁵ все кончилось — забрали из обители отца Михаила. Я вся в слезах была...

Потом приехала Поля и сказала, что вместе с отцом Михаилом забрали всех, кто был в церкви, двадцать человек. Великая скорбь была в монастыре! Пришли мы с ней в обитель, шли очень медленно и скорбно, к вечеру пришли. В обители всех забрали, мы долго с ней молились. А Епистимия сказала мне, что батюшку должны отпустить, ведь он спас многих покаявшихся коммунистов и молодых парней от угона в Германию. Даже прятал крещеных малых еврейских детишек, причащал их и указал им путь к Богу²⁶. А я ей сказала, что отец Михаил раньше дал указание, чтоб наготовили к Рождеству поросят. Тогда Епистимия приказала заколоть порося и угостить им военных, чтобы они отпустили отца Михаила с духовными детьми. Но не помогло это...

²⁵ 6/19 декабря.

²⁶ Петр Петрович Савицкий вспоминал: «Батюшка с немцами сносился через переводчицу, хотя и знал немецкий язык. И для этой цели приглашает одну молодую еврейку... А мы ропщем. А батюшка нам: “Так надо, деточки”. А то и прибавит ласково: “А дурной ты, Петр”. А впоследствии мудрость и прозорливость старца открылась... Немцы ушли, а красные пришли. Старца на допросы: “Какие с немцами дела имел?” А он и назвал переводчицу, “еврейка” — вне всяких подозрений ее свидетельство».

А злая предательница Лиза²⁷ явилась на Байковое кладбище и продала властям отца Иоанна²⁸, как Иуда Иисуса Христа. Отец Михаил всегда принимал у себя отца Иоанна в радости, говорил, что тот будет великим на небе за свои пути добра. И пошла я опять по селам вокруг Киева, надо было собирать милостыню, чтобы передачи делать отцу Михаилу и «сестрам», да и на могилке матушки Михайлы еду раздавать. Мы с Епистимией на Байковом кладбище прятались, а спали вместе по дворам вблизи. Однажды Епистимия стала уговаривать меня пойти ночевать в дом, где прошлой ночью спали, а я отказалась. Меня вдруг потянуло в Жуляны, я туда ушла, и верующие даже удивились, что я ночью появилась. На второй день вернулась в Киев, пошла к Епистимии, а Евфросинья около дома дежурила, чтобы меня предупредить. Она и сказала мне: «Хорошо, что я тебя увидела. Вчера Епистимию забрали, ее предала Лиза».

Тяжко стало на душе, но важно было, чтобы я осталась на воле, ведь через мои руки шла большая милостыня в монастырь. Но с тех пор не с кем мне было делиться тревогами, некому было учить меня. Душа моя только на могилке матушки Михайлы успокаивалась, она меня умудряла, как поступать. Да еще в селах наши благодетели укрепляли меня. А раньше Епистимия предупредила меня, что если ее арестуют, то я должна уехать в село Яблоневку под Белой Церковью, к благодетельнице Наталье Атаманенко, там я и спасусь. А я знала Наталью, месяц назад она была в нашем монастыре, приходила к отцу Михаилу для исцеления, и он вылечил ее. Она была у него еще на послушании, а затем он дал ей с собой святой воды и наказал окропить все во дворе и в хате.

Поехала я к Наталье в Яблоневку. А уж лето было, рожь стояла налитым колосом. Мне подсказали, у кого можно переночевать в селе Городище, а хозяйка покажет, как добраться до Яблоневки. Приняли меня там, расспросили про тех, кого знали в монастыре, а утром вывели на дорогу. И пошла я дальше. Дорога была радостной, солнце светило, пшеница со всех сторон. Шла я будто райской дорогой — та-

---

²⁷ По воспоминаниям духовных чад отца Михаила, это была монахиня Елизавета, в миру Матрона Бригида-Гаркавенко, участница тайного монастыря.

²⁸ Пустотин Иван Семенович. Священник, служил в церкви на Байковом кладбище. Во время немецкой оккупации исполнял обязанности секретаря и заместителя игумена Киевского ставропигиального монастыря. Весной 1944 — арестован по обвинению в том, что «предал немцам священника Вишнякова, бывшего настоятеля церкви на Байковом кладбище, являвшегося перед войной секретным сотрудником органов НКВД». Приговорен к ВМН и расстрелян.

кая благодать! Молилась за отца Михаила, с неба любовь моя сходила, какая на всех путях сходит. В воскресенье пришла к Наталье, рассказала ей про арест отца Михаила и «сестер», стала она плакать. Потом помогла мне наготовить много масла, ведь их корова давала по ведру молока в день. Насобирали я также в лесу много земляники и наварила варенья. Через месяц, тяжело нагруженная, выехала я в товарном поезде в Киев, а люди предупреждали, что на станции Фастов могут все отобрать. И проводник посмотрел на меня и сказал, что я все равно ничего не довезу.

Не доезжая станции Фастов я угостила пассажиров вокруг себя коржами, одну женщину попросила, чтобы она помогла мне, и дала денег проводнику. Прибыли на станцию, поезд там долго стоял. Я увидела, что военные стали по вагонам ходить и проверять, кто что везет. Вижу я, что скоро и к нам в вагон зайдут, встала и прошу ту женщину, чтобы она сказала, если про меня спросят, что я куда-то отошла. Сижу я, не знаю, что делать дальше, но решила, что буду сидеть здесь — и будь что будет. Успокоилась совсем, поняла, что уже ничего не боюсь. И как только дошли они до нашего вагона, поезд тронулся. А потом на станции Боярка люди рассказали, что на станции Васильков из предыдущего поезда забрали много пассажиров, около четырехсот человек. Но, на наше счастье, поезд наш там не остановился, так что мне повезло. Но ведь я готовила все это для отца Михаила с великой молитвой. Опять чудеса отца Михаила!

А через какое-то время сон явился мне: в нашей обители странный источник забил, и постное масло разлилось по всему свету; люди берут это масло, а оно в кровь превращается. Наверно, этот сон показал, что отец Михаил отошел к Господу. И сразу... Могилу батюшки Михаила так и не нашли. Галя Карпенко рассказывала, что матушка Михаила все знала и перед смертью будто бы говорила: «Мою могилку вы будете знать, а батюшкину никто знать не будет. А батюшка, когда захочет, всегда придет ко мне». Вот так и получилось. Да и батюшка Михаил сказал ей как-то: «Моей могилки на земле не будет нигде. Сейчас ко мне все ходят, а потом поставлю Архангела Михаила на воротах, и никто ко мне не войдет».

* * *

Когда советская власть вернулась, многих, кто во время войны давал милостыню и участвовал в постройке церкви, не тронули. Все

они считали себя до конца «матушкиными» и «батюшкиными». В середине пятидесятых вернулась из лагеря Даша Мироненко²⁹. Она рассказывала, что допросы ее были всегда ночью. И когда допросы вел мужчина, то было легче, а когда допрашивала женщина в военной форме, то была ее немилосердно, в основном по голове, требуя подписать написанные заранее показания. Даша на все вопросы отвечала молчанием. Однажды следователь пригрозил ей: «Не откажешься от Михаила, расстреляем». И она ответила ему: «Великое дело — пуля в лоб, и сразу в Царство Небесное». Он даже удивился: «Вот ты какая!»

В 1956 году она освободилась из Карлага и вернулась в Киев, работала на нескольких работах. Потом купила домик в Ирпени и в одной из комнат оборудовала домашнюю церковь. Позднее к ней присоединилась монахиня Улита Плужник, а в 1960-х с ними стала жить Улита Савон³⁰. В 1955 году она приехала из Воркуты сначала в Смелу, работала на заводе и получила там двухкомнатную квартиру. Но постоянно ездила в Киев на могилу матушки Михайлы³¹. Работали все на нескольких работах, жили общиной и соблюдали все правила монашеской жизни. И до конца жизни они убрали могилу матушки Михайлы, ежедневно зажигали там лампадку, а на Пасху раздавали паски³². На могиле матушки обычно собиралось много народу на Пасху, слухи были, что здесь похоронена мать Молотова. Иногда монахини не выдерживали и говорили, что здесь похоронена схигуменья Михаила.

Я их всех, прошедших тюрьмы и лагеря, считала «бескровными мучениками». Все они до конца были крепки в вере и всегда считали себя духовными чадами матушки Михайлы и батюшки Михаила. А в конце шестидесятых и я с ними стала жить.

---

²⁹ Мироненко Дарья Ивановна, родилась в 1913 в селе Медведовка Чигиринского уезда. Получила начальное образование. В 1924 — поступила послушницей в Мотреневско-Чигиринский монастырь, позднее стала келейницей схигуменьи Михайлы. Пострижена в монахини с именем Сергия. В 1940 — стала келейницей архимандрита Михаила. 8 января 1944 — арестована. 29 июля 1944 — приговорена к 5 годам ИТЛ.

³⁰ Улита Савон проживала в Смеле. Монахиня тайного монастыря. 30 декабря 1943 — арестована как «участница церковно-монархической организации». 29 июля 1944 — приговорена к 5 годам ИТЛ и отправлена в Воркутлаг. После освобождения из лагеря осталась работать в Воркуте.

³¹ Скончалась в 1991 году.

³² Кулич по-украински.

*Из воспоминаний Евгения Савицкого*³³

Семья наша жила в селе Ярошевка Черниговской области. Отец, Петр Иванович, был глубоко верующим, начитан был³⁴. Мать, Параскева Игнатъевна, тоже верила в Бога и ходила на службы. Однажды пришла в церковь и, когда священник вышел с причастием, увидела, что с одного его плеча на другое прыгнул кот и в чашу заглянул. Она закричала в ужасе и выскочила из храма³⁵. После этого они больше не ходили в храмы, стали искать истину.

В двадцатых годах в селе нашем часто бывали проповедники: монахини Евлампия³⁶ и Епистимия³⁷, монах Константин³⁸. Они много рассказывали о матушке Михаиле и батюшке Михаиле³⁹. Рассказыва-

³³ Савицкий Евгений Петрович, родился 29 марта 1919 в селе Ярошевка Талалаевского уезда Черниговской губ. Получил среднее образование. В 1932 — пострижен в мантию с именем Иоанн. Проживал и работал в Костроме и Ярославле, с 1940 — в поселке Ирпень, работал на швейной фабрике. С началом войны вступил в тайный монастырь. Во время оккупации работал на строительстве храма, в конце 1941 — посвящен во иподиакона.

³⁴ Вспоминает Павел Савицкий: «Сами твердые в вере, родители и нам, детям своим, стремились дать настоящее христианское воспитание. Уже с трех лет мы в пост не ели скоромное, хотя обычно детям это запрещается лишь в семь лет. Отец считал, что если ребенок раньше не привыкнет поститься, то в семь лет его уже надо будет переучивать как запущенного. Как-то мама пришла поздно с поля, а мы были еще не кормлены. Она попросила мужа: “Дай им молока!” — “А какой сегодня день? Среда? Нельзя”, — возразил отец, и мама с ним согласилась».

³⁵ Вспоминает Павел Савицкий: «Священник их храма принял “сергианскую” подписку, после чего родители поехали в другую деревню, где жила родная сестра отца, жила богато, как помещица, семья ее занималась торговлей. Она была глубоко верующей и дважды ездила паломницей в Иерусалим. В их деревенском храме служил образованный священник, считавшийся ревностным, но поездка к нему отца с семьей ничего не дала. Священник оказался тоже “подписантом” и в доверительной беседе сказал отцу: “Если бы я не дал подписки, мне бы и несколько дней не дали прослужить”. Не найдя и там окормления, отец с семьей вернулся домой. Мать говорила ему: “Да где же мы будем искать эту истинную Церковь?” Он ответил: “Тогда сиди дома, не иди в ересь. Истинная Церковь сама к тебе придет”».

³⁶ Осадчая Устиния Пудовна.

³⁷ Мироненко Епистимия Ивановна.

³⁸ Прокопенко Константин Васильевич.

³⁹ Вспоминает Павел Савицкий: «На этих катакомбных служителей устраивались облавы, и им приходилось часто скрываться. О местонахождении их и тайных богослужениях знало всего лишь несколько человек. Для родителей это была радостная весть, им удалось наконец соединиться с единомышленниками и стать членами Катакомбной Церкви. А где-то в 1930 году отец мой принял от отца Михаила тайное монашество с именем Павел».

ли про матушку такой случай. Когда она была еще маленькой, отец Амвросий Оптинский, завершая службу, сказал верующим: «Пропустите киевскую игуменью». Все оглянулись — нет никого. А отец Амвросий указал: «Вот эту». Все удивились: эта девочка — киевская игуменья? А ведь так и получилось. Он же позднее на вопрос монахини: «Батюшка Амвросий, а церкви будут?» — ответил ей: «Церкви, детка, будут. Но ходить в них нельзя будет».

В двадцать восьмом семью раскулачили, семья наша выжила благодаря брату Павлу. Он хорошим художником был, стал рисовать деньги, на которые мы покупали продукты на базаре. Через три года отца приговорили к принудительным работам и отправили на стройзавод в Каменец-Подольский. Там он и скончался от тифа⁴⁰.

Я после окончания школы работал сначала в Ярославле, потом переехал к брату в Кострому. В сороковом году, когда брат перебрался в Киев, по настоянию отца Михаила приехал туда, работал на швейной фабрике. Когда я увидел отца Михаила, то страха у меня не было, только благоговение, как к высшему духовному лицу. И все мы чувствовали, что любовь батюшки к нам была всегда. И многих он исцелил от болезней. Однажды я ногу отморозил, когда писал иконы в местечке за Белой Церковью. Батюшка спросил брата: «Как Евгений там?» Брат сказал: «Лежит».

— Нога?

— Да, нога. Там открылась под чашечкой такая дырка.

— Пусть лежит.

Потом через какое-то время приходит батюшка и спрашивает Павла: «Что вам снилось?»

— Снилось, что вы сказали Евгению — встань и иди.

— Я так и сказал.

Пришел ко мне Павел и передал, что батюшка сказал ему. Как только он слова батюшки сказал, я встал и пошел. С тех пор левая нога меня никогда не беспокоила.

---

⁴⁰ Вспоминает Павел Савицкий: «Отца арестовали ночью в 1930 году, и около трех лет он провел в заключении в Запорожье, “на стройке пятилетки”. Уголовники отобрали у него хороший кожаный кожаный кожаный, и он остался в одном бушлатике. Рукавицы, которые выдавались для работы на большой срок, снашивались очень быстро. В общем, мороз, холод и голод... В 1933 году я навещал его, и во время свидания отец все время выбирал из бороды вшей. От него каждый месяц приходили письма и вдруг перестали приходиться. Я послал запрос: “Как здоровье моего отца?” В полученном ответе значилось: “Ваш отец скончался 10 марта 1933 года от брюшного тифа. Болел два дня”. Да, если исходить из лагерных представлений о милосердии, то отцу дали поболеть всего лишь два дня... Умер он в возрасте сорока шести лет».

В начале сорок первого я получил повестку из военкомата, пришел к батюшке с ней, а он сказал мне: «Тебя в армию не возьмут». Так и было, в допризывном пункте стал я работать художником-оформителем. С началом войны отец Михаил не раз говорил: «Я умолял Господа, чтобы не было войны, кровопролития, но я один в поле не воин». Тогда же арестовали нескольких монашествующих, у них были фальшивые справки с поддельными печатями, сделанные братом Павлом. И на нашей квартире провели тщательный обыск, но, слава Богу, не нашли эти печати. А меня спасла от мобилизации поддельная справка, что я якобы студент медицинского института.

Стал я посещать все службы в монастыре. Они обычно проходили в том доме, где в тот момент останавливался отец Михаил. На службах присутствовали лишь монахи и монахини монастыря, и от соседей и посторонних тщательно скрывалось их присутствие в доме. После службы отец Михаил переодевался в гражданскую одежду, прятал бороду под пальто, переходил в следующий дом и там проводил следующее богослужение. Причащались все каждое воскресенье, в праздники с лампадки было помазание. Отец Михаил всегда говорил при этом: «Причащу я вас всех на все время. В церквях причащаться нельзя».

А перед самой войной отец Михаил обратился к молодым монахам со словами: «Не ходите на войну. За кого же вы будете воевать? За своих мучителей, что ли?» Когда немцы Киев заняли и установилась оккупационная власть, службы в нашей церкви Всех Святых стали вестись открыто. Икона «Архистратиг Михаил, повергающий чудовище с головою Сталина», написанная Павлом, висела уже открыто⁴¹. Потом началось строительство нашей новой церкви. Многие монахини и верующие стали по селам и деревням ходить, милостыню на храм собирать, да люди часто сами приносили продукты и деньги в храм или на стройку.

Батюшка Михаил избавлял и от больших бед. Однажды немцы стали окружать одно село из-за партизан, которые там как будто прятались, и собирались сжечь село со всеми вместе. Девочка двенадцати лет прибежала к батюшке вся в слезах, чтобы сообщить о беде. Рассказала ему все, а владыка успокоил ее, одарил подарком и от-

---

⁴¹ Имеется в виду, что икона висела открыто в покоях архимандрита Михаила, куда могли войти по указанию Михаила лишь насельники монастыря.

правил назад. Сказал ей: «Немцы села не сожгут. Пусть все будут спокойны». Девочка прибежала в село, а там уже радуются все — немцы ушли, не наказав жителей. И поняли все, что спасли их молитвы владыки. Собрали жители большую сумму денег и передали на постройку храма.

Батюшка Михаил резкий был. Однажды к нему прибыли два или три епископа, они пришли с немцами⁴². Долго они о чем-то беседовали с батюшкой, потом спросили его: «А как нам покаяться?» А тот ответил им: «Вот я прошу вас, и все ваше покаяние». Они: «А кто мы такие?» Он им резко: «Вы — конюшня». Потом от них были неприятности батюшке Михаилу... А когда немцы к Сталинграду подошли, к нам пожаловал немецкий офицер высокого чина. Батюшка принял его, и о чем они говорили, неизвестно было. Но вскоре отец Михаил закричал: «Вон отсюда, вон! Чтоб ноги твоей здесь не было». Немец выскочил из-за стола и прямо к калитке. Там остановился и попросил: «Девочка, вынеси мою фуражку». Тогда-то отец Михаил и сказал: «Вот скоро немцы назад пойдут»...

С приходом Красной армии в Киев батюшка Михаил скрылся, заявив всем перед этим: «Детки, Советы очень злые, еще злее, чем были». И батюшка Михаил заранее знал день и час, когда его арестуют. Накануне он попросил послушника: «Завтра приди с рясой. У нас будут “гости”». Утром тот пришел, ничего не подозревая, батюшка Михаил в определенный час надел рясу, и вскоре в тот дом, где он скрывался, пришли монахиня Варвара и иеромонах Петр⁴³ и сказали: «Народ хочет, чтобы вы отслужили службу». Батюшка Михаил пришел в новую церковь и обратился ко всем: «Детки, они сказали, что весь народ хочет. Но если народ хочет, значит, я иду на крестную смерть». А в церкви уже все любопытствующие разошлись, были только монашествующие да чекисты в кожанках, они и окружили его. Батюшка обратился к своим чадам: «Детки, садитесь». А ему чекисты грубо так: «Сам сидай». Стали задавать вопросы: «Признаете ли вы советскую власть?» Он ответил: «Нет». Они: «Признаете ли вы советское знамя?» Он опять: «Нет». Они: «Почему?» Он им: «Потому что там нет ничего русского».

Стали всех забирать: подходили грузовые машины, и туда загоняли, и возле калитки стоял милиционер и никого не выпускал. А я сме-

---

⁴² Заметим, что один из епископов был ранее в Московской Патриархии.

⁴³ Романча Порфирий (Петр) Кириллович.

ло пошел мимо милиционера, и он меня пропустил. Когда я пришел в дом на улицу Профинтерна, мне сказали там, что здесь было полно военных и они спрашивали про меня. Ушел я оттуда, а ночью приснился мне странный сон. Как будто сижу я на крыше, держу деревянный крест, и он шатается в руках моих, шатается, а потом я вместе с крестом падаю на землю. На следующий день пошел я к бабке Пелагее, у которой прописан был, зашел в хату, увидел там трех милиционеров и остолбенел. Они спросили, как моя фамилия. Я сказал: «Савицкий». Они мне: «Все, пошли»⁴⁴. Сначала посадили меня в одиночку, потом перевели в общую камеру, где было уже пять человек, и среди них священник церкви с Байковой горы⁴⁵.

На допросах меня не били, но потом я узнал от брата Павла, что батюшку Михаила били страшно, били «целой армией». И особенно усердствовал начальник Павловский. Когда батюшка Михаил должен был принять предпоследний смертный бой, то Господь устроил так, чтобы батюшка и Павел оказались в одной камере. Павел рассказывал потом: «Когда меня вели по коридору, то погас свет. Меня бросили в первую же камеру, а там оказался батюшка Михаил. «Кто там?» — спросил он. Павел ответил. «Деточка, проведи по халатику, потрогай мое тело. Тут у меня одни струпья. Три месяца били по одним и тем же струпьям. Уже десятый раз бьют, я не выдержу». На теле батюшки не было живого места, все оно было в рубцах и ранах, его клали на стол и били резиновыми палками. «Я умолял Господа, чтобы он послал мне кого-нибудь. Ты мне послан Божьим промыслом, и ты будешь свидетелем».

Павел спросил отца Михаила: «Батюшка, нас расстреляют?» Тот спросил его, снилось ли ему что-нибудь. Павел ответил, что видел сон, будто бы он идет по полю, а вокруг колосится рожь и пшеница. Батюшка Михаил сказал тогда: «Ты будешь жить долго. А меня не будет с вами, моей могилки никто не найдет». Тогда Павел спросил: «А Россия будет?» И батюшка ответил: «Будет». А следователь Горюнов, который вел допросы батюшки Михаила, был обращен батюшкой в истинно-православную веру, и в камере батюшка сказал об этом брату Павлу: «Он наш». Вот какая сила была у батюшки! Потом уж Алексей

---

⁴⁴ 8 января 1944 — арестован как «участник контрреволюционной церковно-монархической организации».

⁴⁵ Речь идет об иерее Иоанне, в миру Пустотине Иване Семеновиче.

Игнатъевич⁴⁶ сообщил о смерти батюшки Михаила, он видел, когда его на допрос повели, что в коридоре мимо него пронесли на носилках накрытого простыней человека в крови. После этого никто уже не поминал батюшку Михаила во здравии.

Потом меня привели на допрос, предъявили протокол допроса моего и приказали подписать эти показания. Прочитал я их и заявил, что тут все и правда, и неправда. А следователь сказал: «Это вы сейчас можете говорить все что угодно». Тогда я подписал все, одно желание было — лишь бы вырваться отсюда, а там уже что-то делать и как-то спастись. До сих пор я помню, как вели нас к вокзалу через площадь Победы, а народ кричал: «Это контрреволюция! К стенке их!» А приговор мне объявили только в пересыльном лагере в Караганде⁴⁷. После нас в Киеве и поселке Ирпень продолжались аресты истинно-православных христиан, была арестована и наша мать Параскева Игнатъевна. Она шла на открытое исповедничество, и ей присудили восемь лет лагерей⁴⁸. Потом уже мы узнали, что на допросе следователь спросил ее: «Почему вы были в секте, а не ходили в нашу церковь?» А она ответила: «Потому, что она ваша. Потому и не ходила»⁴⁹. Вот скажи, неграмотная женщина, а как сказала: «Потому, что она ваша». Это как Господь сказал: «Не вы будете говорить, а глас Божий будет говорить».

А Лиза⁵⁰, Иуда-предатель, она на следствии предала всех. Она была тесно связана с обителью, на нее был куплен дом, и у нее в доме арестовали пять человек⁵¹, а она осталась на свободе. Она отреклась от батюшки Михаила, только такой ценой можно было избежать ареста. Ее потом машина сбила, когда она переходила улицу.

---

⁴⁶ Речь идет о Вишневском Алексее Игнатъевиче.

⁴⁷ 29 июля 1944 — приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в Карлаг. В 1949 — освобожден из лагеря и отправлен на 3 года в ссылку. В 1953 — освобожден из ссылки. Выехал в Алматы, потом на юг Казахстана, в 1956 — вернулся в Киев. Позднее поселился в Ирпени, где 3 ноября 2004 — скончался.

⁴⁸ В конце 1940-х — арестована в Киеве как «участница контрреволюционной церковно-монархической организации». Приговорена к 8 годам ИТЛ и отправлена в северные лагеря. С 1956 — после освобождения проживала в Ирпени. В 1966 — скончалась.

⁴⁹ Вспоминает Павел Савицкий: «Уже осужденную, ее спросили: “Почему ты не ходишь в нашу церковь?” С иронией она ответила вопросом на вопрос: “Почему же она ваша?” Так представители богоборческой власти изобличили себя в том, что являются и хозяевами “советской Церкви” — Московской Патриархии».

⁵⁰ По словам Евгения Савицкого, это была Бригида-Гаркавенко Елизавета.

⁵¹ Среди арестованных была Попова-Мюллер Неонила Емельяновна. 10 февраля 1944 — скончалась во время следствия.

ГЛАВА II

Истинно-православные христиане в Татарии

Обзор следственных дел

Важнейшей фигурой, объединяющей многие воспоминания истинно-православных христиан в Татарии, является иеромонах Михаил (Ершов) вместе со своими единомышленниками — иеромонахом Филаретом (Русаковым), Василием Калининым и Василием Жуковым, — многие годы игравший ключевую роль в жизни христианских общин целого региона. Однако для лучшего понимания ситуации, в которой приходилось действовать отцу Михаилу и его соратникам, необходимо представить хотя бы краткое описание событий, происходивших в церковной жизни Татарии в конце 20-х — начале 30-х годов прошлого века.

* * *

Декларация митрополита Сергия (Страгородского) вызвала среди священнослужителей Татарии сильное неприятие, многие из них открыто встали в оппозицию церковному центру, обвинив Сергия «*в подчинении православия советской власти*» и солидаризировавшись с высланным в Туруханск митрополитом Казанским Кириллом (Смирновым). В августе 1928 года владыка Кирилл через ссыльного Якова Галахова и его сына Николая передал Обращение к священнослужителям и мирянам Казанской епархии, которое широко распространялось по приходам. Обращение разделило казанское духовенство на сторонников и противников политики Сергия, облегчив работу чекистов по выявлению и ликвидации активных священнослужителей.

Епископ Нектарий (Трезвинский)¹, еще находясь в Соловецком лагере особого назначения², отказался признавать митрополита Сергия и его Синод

---

¹ Трезвинский Нестор (Нектарий) Константинович, родился в селе Ячки Васильевского уезда Киевской губ. Окончил Киевскую духовную семинарию, в 1911 — поступил в духовную академию, в 1914 — пострижен в мантию с именем Нектарий. Осенью 1915 — призван на военную службу, служил священником в Туркестанском стрелковом полку. В 1917 — окончил духовную академию со степенью кандидата богословия. С декабря

и позднее соединился с «иосифлянами» в Ленинграде. После освобождения из лагеря он прибыл в ссылку в Казань, надеясь найти здесь единомышленников. Первый визит владыки был в Вознесенскую церковь, но после поминовения митрополита Сергия он во всеуслышание произнес: *«Господина нашего Высокпреосвященнейшего Кирилла, митрополита Казанского и Свияжского да помянет Господь Бог во Царствии Своем, всегда, ныне и присно и во веки веков»*³. А при выходе из храма заявил: *«Мне здесь нечего делать, храм не православный»*. Посетив другие храмы, владыка понял, что большая часть казанского духовенства перешла к митрополиту Сергию.

Однако вскоре вокруг владыки Нектария, поселившегося в Козьей слободе, начало объединяться ссыльное духовенство, в том числе о. Аркадий Волокитин и группа «андреевцев» из Уфы⁴, а также монашествующие закрытых к тому времени монастырей, не признавшие митрополита Сергия. Владыка Нектарий регулярно стал устраивать в своем доме тайные богослужения с их участием: *«Это были удивительно трогательные службы, когда все молящиеся осознали себя малой частью той первой апостольской Церкви, что много веков назад была также гонима и преследуема»*. Позднее Нектарий стал рукополагать священников и диаконов, направляя их на служение в Нижегородский край, Кировскую область и Марийскую автономную область.

Владыка постоянно поддерживал связь с архиепископом Димитрием (Любимовым), стоявшим во главе «иосифлян», с митрополитом Кириллом (Смирновым), а также с московской группой оппозиционного духовенства. За время пребывания в Казани им было написано четыре обращения: одно — к духовенству, три — к прихожанам, — и все они в основном касались отношения к митрополиту Сергию в связи с репрессиями, наложенными им на отошедших от него архиереев. С 1929 года владыку Нектария постоянно посещали клирики и верующие из многих областей,

---

1917 — иеромонах в Александро-Невской лавре, в 1920–1921 — настоятель собора в Ямбурге. В 1924 — хиротонисан во епископа, в декабре направлен патриархом Тихоном в Яранскую епархию, активно боролся там с обновленчеством. 25 мая 1925 — арестован и приговорен к 3 годам концлагеря. Отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения, там принимал участие в тайных богослужениях и хиротониях. Осенью 1927 — освобожден из лагеря.

² В 1927 году в лагере от прибывших верующих студентов и профессоров епископ Нектарий получил просфору от архиепископа Димитрия (Любимова) в знак молитвенного общения. В Казани получил от владыки Димитрия три письма: *«в первом же он спрашивал меня, не отошел ли я от организации»*. Ответил телеграммой, в которой сообщил *«о твердом единении с ним»*.

³ «Православная жизнь», 1997, № 2. С. 8–11.

⁴ Последователи владыки Андрея (Ухтомского) в 1928 году высланы за распространение его проповедей.

прося совета по церковным делам, и вскоре верующие около 50 приходов⁵ признали его своим духовным пастырем.

30—31 августа 1930 года в Казани были арестованы первые 16 человек как «участники Казанского “филиала” Всесоюзного Центра церковно-монархической организации “ИПЦ”», и среди них епископ Нектарий, пять священников⁶ и четыре профессора духовной академии⁷. Руководителем этого «филиала» был назван следствием владыка.

Своего отрицательного отношения к митрополиту Сергию владыка не скрывал: «*Митр. Сергия считаю отступником и узурпатором, виновником церковной катастрофы*»; «*Митр. Сергей и Синод при нем продались советской власти, предали внутреннюю свободу Православной Церкви. Больше того, я лично считаю митр. Сергия и его Синод — отделением 6-го отдела Московского ОГПУ*»⁸. Не отрицал он также и своего «неприятного и враждебного» отношения к советской власти как «к царству сатаны», и что в беседах с верующими «высказывался за необходимость избавления от советской власти».

Не отрицал владыка, что по его указанию монахини бывших Казанского и Федоровского монастырей собирали по селениям деньги и продукты для ссыльного духовенства, при этом агитируя против коллективизации и распространяя слухи о пришествии антихриста. На квартирах двух прихожанок Грузинской церкви были организованы также тайные домашние столовые, где ссыльное духовенство и бедные прихожане бесплатно снабжались обедами и деньгами. При этом владыка был убежден, что «*нынешнее положение Церкви при советской власти может быть только в подполье*», и на допросах не отрицал, что, с точки зрения властей, тайные богослужения и беседы его с верующими преступны, но был готов за это пострадать.

11 ноября 1930 года в Козьмодемьянске был арестован бывший Казанский викарий, ссыльный епископ Иоасаф (Удалов)⁹, «*организатор объединения*

⁵ В Нижегородском крае, Кировской области, Марийской автономной области.

⁶ Андрей Боголюбов, Аркадий Волокитин, Иаков Галахов, Николай Петров, Николай Троицкий.

⁷ М. Н. Васильевский, В. И. Несмелов, И. М. Покровский и Е. Я. Полянский.

⁸ Здесь и далее выдержки из материалов группового дела «Казанского филиала Всесоюзного Центра церковно-монархической организации “Истинно-Православная Церковь”» / Архив УФСБ Татарии. Д. 2-18199.

⁹ Удалов Иван Иванович, родился в 1886 в Уфе. В 1900 — окончил духовную семинарию в Уфе, в 1910 — духовную академию в Казани со степенью кандидата богословия. Пострижен в мантию с именем Иоасаф. Посвящен во иеромонаха. Преподавал в духовном училище в Житомире, с 1912 — и. о. настоятеля Казанского Спасо-Преображенского монастыря. С 1915 — заведующий миссионерскими курсами в Казани в сане архимандрита. 12 июля 1920 — хиротонисан во епископа Мамадышского, викария Казанской епархии. С 12 июля 1922 — епископ Чистопольский. 16 мая 1924 — арестован в Москве,

отдельных к-р групп в единую церковно-монархическую организацию». Следствие не сомневалось, что владыка Иоасаф и в ссылке остался духовным наставником и архипастырем казанских священников и студентов из Высшего политехнического и Сельскохозяйственного институтов, участников «Христианского Союза Молодежи» («Хрисомола»), воссозданного в 1925 году. Его руководителями были священники Николай Троицкий и Андрей Боголюбов, а главной целью стало «сохранение и укрепление среди молодежи христианского мировоззрения и религиозно-нравственных вероучений». Именно участников «Хрисомола» власти обвиняли в написании и распространении листовки, в которой рабочие грозили взорвать пороховой завод в Казани¹⁰. И следствию удалось добиться от арестованных показаний о том, что участники «Хрисомола» умели якобы владеть оружием и некоторые из них «ждут не дождутся, когда можно будет выступить открыто против власти»¹¹.

В начале 1931 года в Татарии было арестовано свыше 130 человек, связанных, по версии чекистов, с Казанским «филиалом», но их дела были выделены в особое производство. А в июне и августе 1931 года были арестованы следующие 15 участников Казанского «филиала», и среди них еще четверо священников¹². По версии следствия, в Казанский «филиал» входило семь групп: группа ссыльных «андреевцев»; группа верующих из академической слободы; политический салон профессора бывшей духовной академии Несмелова В. И., где собирались студенты и молодые служащие учреждений для обсуждения «философско-теологических вопросов»¹³; группа монахинь, связанных владыки Нектария; «Хрисомол»; «явочная» квартира заведующего Арским кладбищем; «явочная» квартира священника Николая Троицкого, связанного с митрополитом Кириллом (Смирновым).

Всем арестованным было предъявлено стандартное обвинение — «принимали деятельное участие в Казанской контрреволюционной организации церковников», главной целью которой была «подготовка к свержению Советской власти».

---

24 августа освобожден под подписку о невыезде. 18 ноября 1925 — арестован в Даниловом монастыре, 21 мая 1926 — приговорен к 3 годам ссылки в Сибирь и отправлен в Турханск. В оппозиции митрополиту Сергию (Страгородскому). В 1929 — в ссылке в Козьмодемьянске Марийской автономной области.

¹⁰ «Не играйте в дудку жидов и лиц, желающих выхвалиться перед Советской властью. С первым сломанным кирпичом с Ягодинской и Кизицкой церкви взлетят на воздух ваши заводы, а с ними и крикуны тоже, желающие выхвалиться и не быть вычищенными. Соболезнующие».

¹¹ Один из студентов пытался организовать массовое выступление студенчества против закрытия Варваринской церкви, хотя и безуспешно, что стало подтверждением этого обвинения.

¹² Сергей Воронцов, Александр Гаврилов, Николай Дягилев и Евлампий Едемский-Своеземцев.

¹³ По словам одного из студентов, профессор В. И. Несмелов неоднократно утверждал: «Марксизм есть смесь разных философских систем»; «Никакого ленинизма и марксизма нет, есть просто догма, которая убивает всякую свободу мысли и калечит молодежь».

5 января 1932 года епископ Иоасаф (Удалов), четверо священников¹⁴ и монахиня были приговорены к 3 годам лагерей, а остальные обвиняемые — к 3 годам ссылки. Епископ Нектарий (Трезвинский), как руководитель «организации», 26 января был приговорен к 10 годам концлагеря. Позднее епископ Нектарий писал: *«На суде я открыто заявил, что я противосергианский епископ-тихоновец, я ничего общего не имею с теми сергианскими епископами, которые сумели поладить с ОГПУ и НКВДой и теперь спокойно сидят на своих кафедрах. <...> Что же касается лично меня, то пока будет существовать советская власть, я обречен на лишение свободы; и потому приготовился умереть в месте заключения за свои церковные убеждения. Быть может, впоследствии в истории Русской Церкви будет упомянуто, что не все епископы оказались в дни революции в гэнэушном церковном управлении в лице нечестивого митрополита Сергия»*¹⁵.

* * *

В апреле 1931 года в селах Билярск, Галактионово и Остолопово, а также в Казани было арестовано 88 человек, среди них трое священников¹⁶, пять «странствующих монахов»¹⁷ и восемь монахинь¹⁸. Все они обвинялись как «участники церковно-монархической организации сельских ячеек “Истинные”», входящих также в Казанский «филиал»¹⁹. Причем, по версии чекистов, отличительной чертой деятельности этих ячеек церковников был *«ярко выраженный повстанческо-погромный уклон»*. И на это у следствия были причины, ведь во время обысков у многих были изъяты воззвания с призывами к насилию²⁰. Руководителями ячеек были названы иереи Александр Вознесенский²¹ и Василий Рождественский²².

¹⁴ Сергей Воронцов, Аркадий Волокитин, Александр Гаврилов и Евлампий Едемский-Своеземцев.

¹⁵ Отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения, затем переведен в Провинский лагерь. 2 августа 1937 года приговорен к ВМН и 8 сентября расстрелян.

¹⁶ А. Е. Вознесенский, В. И. Рождественский, П. Ф. Трифонов.

¹⁷ П. В. Васильев («Платонушка»), В. Н. Малисев («Васенька»), А. Г. Матвеев («Рыжий»), Д. А. Обрядин («Митенька»), Ф. Ф. Юльмов («Феденька»).

¹⁸ З. Г. Василюк, К. Г. Ермолова, О. Г. Ермолова, М. Н. Макарова, А. И. Миронова, В. Н. Серова, Ев. Я. Сулова, Ек. Я. Сулова.

¹⁹ Здесь и далее выдержки из материалов группового дела «церковно-монархической организации сельских ячеек “Истинные”» / Архив УФСБ Татарии. Д-14778.

²⁰ *«Товарищи крестьяне и весь вольный народ. Мы, Вятские рабочие, призываем вас на борьбу с игом коммунизма. Кто за нас, не давай коммунистам хлеба, прибегай к оружию»; «Товарищи крестьяне. Тайная организация просит вас не давать коммунистам ни крошки хлеба, а лучше прибегайте к оружию. Готовьтесь к восстанию. Скоро война».*

²¹ Вознесенский Александр Ефимович, родился в 1849 в селе Тавели Матадышского уезда. В 1872 — окончил Казанскую духовную семинарию, служил в церкви села Остолопово.

Священник Александр Вознесенский был настоятелем храма в селе Остолопово под Чистополем, где находилась чтимая икона Николая Чудотворца, и в прошлом к ней стекались тысячи паломников. Именно иерей Александр, по версии следствия, объединил и инициировал массовые выступления прихожан в связи с изъятием из храма этой чтимой иконы, последующий разгон представителей власти и угрозы по их адресу. За несколько лет до этого, в середине 1920-х годов, он вместе с монахом Петром Крупиным²³ организовал во многих сельских приходах религиозные кружки для молодежи: там читались религиозные книги, проводились устные беседы и устраивались массовые песнопения. По показаниям «свидетелей», именно пастыри внушали молодежи, что *«всякое участие, связанное с поддержкой власти, является по существу поддержкой антихриста»*²⁴. Поэтому-то в селе не желали добровольно вступать в колхоз, боролись за свои луга, отобранные колхозом, активно сопротивлялись планам хлебозаготовок²⁵, отказывались от приема и подписания избирательных повесток и любых официальных бумаг.

После публикации статьи Сталина «Головокружение от успехов» начались массовые выходы из колхозов, на собраниях прихожане выступали с требованием: *«Не надо колхоза-антихриста. Скот не обобществлять. Долой коммунистов-антихристов»*²⁶. Как показали «свидетели», именно одиночники не раз похищали в колхозе *«необходимые части от сельхозмашин, резали ремни у молотилок, уносили колеса от телег»*, а летом 1930 года забрали одиннадцать пчелиных ульев. В феврале 1931 года они же избивали двух комсомольцев, активных участников раскулачивания, и подожгли дом колхозника, занявшего дом высланного кулака. 21 февраля в селе Чувашское-Енорускино была избита семья бедняков-безбожников, а 22 февраля толпа верующих накинулась на участников Комиссии содействия хлебозаготовкам

---

²² Рождественский Василий Ильич, родился в 1868 в селе Савруши Билярского уезда. Окончил Казанскую духовную семинарию, посвящен во иерея. Служил в Николаевской церкви Чистополя.

²³ Крупин Петр Николаевич, родился в 1894 в селе Билярск Чистопольского уезда. В 1930-х — странствующий монах, жил за счет подаяний.

²⁴ Монах Петр Крупин подтвердил, что *«мы, как верные слуги Божиим, принимали меры, чтобы не бросить крестьян в пекло сатаны, и широко оповещали народ, что антихрист пришел и воцарился на земле, место свое находит в коммунах, загоняя крестьян в колхозы»*.

²⁵ Летом 1930 года в селе Остолопово прошло массовое выступление крестьян, вооруженных косами, в количестве 250 человек. Они требовали не отдавать луга, отведенные колхозу, а поделить между одиночками и позднее оказали упорное сопротивление во время хлебозаготовок.

²⁶ В церковной сторожке верующие обсуждали кандидатов в члены сельсовета, считая, что его председателем нужно избрать того, кто бы *«стоял за “мир”*».

с криками: «Бейте их, колхозников, из-за них зорят нашу деревню и отбирают хлеб». По сообщениям агентуры чекистов, на выступления против власти настраивали верующих священство и монашество.

Иереи Василий Рождественский²⁷ и Павел Трифонов²⁸ еще в середине 1920-х годов служили в Никольском соборе Чистополя. В 1925 году, когда храм передали «обновленцам», толпа верующих, около 500 человек, по призыву пастырей окружила храм и требовала вернуть его приходу. Никакие уговоры милиции не помогали, толпу пришлось разогнать пожарной командой, а храм так и не вернули. Священники перешли служить в Спасскую церковь, а после ее закрытия — в Кладбищенскую, ставшую центром притяжения для всех обиженных властью. В квартире отца Василия не раз устраивались тайные собрания, где обсуждались последние новости. Принимая на своей квартире странствующих монашествующих, отец Василий затем направлял их на Святой ключ под Билярском для нелегальных богослужений и чтения Евангелия. Особым уважением среди верующих пользовался парализованный старец Платоний²⁹, за ним ухаживали и часто приглашали проповедовать по деревням, селам, а также на Святые ключи, где *«пели молитвы, читали акафисты, а затем Платонушка проводил беседы, рассказывал притчи и пояснял их»*.

Именно здесь, на Святых ключах, летом 1930 года возле старца Платония можно было заметить темноволосого юношу, которому через несколько лет было предназначено стать духовным отцом для многих верующих, служа для них примером мужества и стойкости в бесчисленных испытаниях.

Михаил Ершов родился в 1911 году в селе Мамыково Казанской губернии в семье сапожника. Осенью 1914 года, после мобилизации отца на фронт, мать увезла трехлетнего Михаила в деревню Барское-Енорускино, на родину отца, там и прошли его детство и юность. В шесть лет мальчик пошел в школу, уже умея читать, особенно любил читать Жития святых и к двенадцати годам много знал о жизни Святителей и их подвигах. Семья была верующей, и с малых лет Михаил знал все молитвы, а с одиннадцати уже пел на клиросе в церковном

---

²⁷ Рождественский Василий Ильич, родился в 1868 в селе Савруши Билярского уезда. Окончил Казанскую духовную семинарию, посвящен во иерея. Служил в Николаевской церкви Чистополя.

²⁸ Трифонов Павел Федотович, родился в 1869 в селе Змиево Чистопольского уезда. В 1891 — окончил Казанскую духовную семинарию, посвящен во иерея. Служил в Рыбно-Слободском уезде, с 1905 — в Чистополе. В 1914 — посвящен в протоиереи, с 1917 — преподавал в школе.

²⁹ Васильев Платон Васильевич, родился в 1879 в селе Перекутье Чистопольского уезда. Инвалид с рождения. До 1917 — жил и воспитывался в доме купца Чукашева в Чистополе. В 1920-х — парализовало ноги, был лишен возможности двигаться самостоятельно. Не имел постоянного места жительства, жил за счет подаяний. Пострижен в монашество и посвящен во иеромонаха.

хоре, и старые певчие удивлялись и спрашивали, кто научил его. Днем Михаил сапожничал дома, а ночью усердно молился.

В конце 1920-х годов отец вступил в колхоз и в партию большевиков и стал притеснять Михаила, и не раз его выгоняли из дома. Молиться было невозможно, *«зимней порой он, раздевшись, часами молился на снегу, не ощущая никакого холода»*³⁰. В феврале 1930 года Михаил с дядей своим, Федором Михайловичем, отправился в Чистополь. А на другой день они навестили старца Платония, жившего в Новоселках. И старец сказал Михаилу: *«Ты очень много перенесешь за имя Божие и за народ. Ни с кого и ничего не взыскивай, на Бога Всевышнего полагай. Рука Господня на тебе, храни дар Божий, который в тебе от роду»*³¹.

Притеснения в родном доме продолжались, и Михаил вскоре оставил родной дом и пешком ушел в Чистополь к Платонию, поступив к нему в послушники. В начале 1931 года они отправились в Билярск и прожили там около двух месяцев, а по возвращении в Чистополь были арестованы и 7 марта отправлены в Казанскую тюрьму.

Михаилу Ершову на допросах показывали список христиан и спрашивали, знает ли он их, он не отвечал, тогда его били и возили ночью по городу, чтобы он показал, где кто живет. Очевидно, давление на юношу было настолько сильным, что Михаил в конце концов подтвердил и подписал показания против старца Платония, нужные следствию. Пасху Михаил встретил в тюрьме, а в начале мая был освобожден. Мать и сестра увели его домой, но вскоре он вновь вернулся в Чистополь, сапожничал, чтобы заработать на передачу арестованному старцу. Затем на пароходе выехал в Казань, пришел к тюрьме и встал в очередь на передачу. В то время к тюрьме пригнали этап арестованных женщин, около пятидесяти монахинь и послушниц Свяжского женского монастыря, затем еще партии арестованных; последним был этап священников, монахов и певчих со всей области.

Михаилу не удалось отдать передачу старцу. Неожиданно к тюрьме подъехала машина, из нее вышел человек и забрал его в тюрьму. Юношу отвели по темному и мрачному туннелю в камеру, а через полчаса он узнал, что в соседней камере сидят старец Платоний и другие христиане. Михаил стал каяться в своей слабости, а Платоний, *«обрадовавшись ему невыразимо»*, сразу же простил его. На двенадцатый день Михаил был выпущен на свободу.

---

³⁰ Здесь и далее выдержки из рукописи *«Земная жизнь Михаила Васильевича Ершова»*.

³¹ *«Когда пришли к старицу, тот сказал: “Вот и Михаил пришел. Ждал я его восемнадцать лет”. И дяде сказал: “Сей отрок не ваш. Он не будет в доме, им никто не властный: ни мать, ни отец, ни сестры, ни братья. И ты, дядя, не властный, и я. Ему же время и Господь знает, что дать”. И стал мне говорить: “В народ тебя Господь избрал”. И заплакал: “Неужели сей отрок? О, Боже мой! Как он снесет грехи народа? Дома тебе жить нельзя, да и Господь не даст. Ибо Он тебя родил для времени и времен последних годов”*.

Суд над иереями Александром Вознесенским и Василием Рождественским, старцем Платонием и другими «руководителями и участниками сельских ячеек “Истинных”» состоялся в мае 1931 года; арестованным было предъявлено обвинение в том, что они «принимали деятельное участие в контрреволюционной организации церковников... организовывали террористические акты и осуществляли массовые восстания крестьянства». 9 июля старец Платоний, о. Александр Вознесенский, о. Василий Рождественский и другие — всего 23 человека³² — были приговорены к расстрелу, еще 53 человека — к различным срокам заключения в лагере³³.

* * *

С того времени, когда Михаил узнал о гибели старца, он стал «благоставать слово Божие»³⁴ по селам и деревням, рассказывая о Платонии и других мучениках за веру. Через год на Святых ключах Михаил познакомился с псаломщиком Николаем Павловым, уже отбывшим свой лагерный срок, и они стали странствовать вместе. Весной 1933 года на Святом ключе под Билярском Михаил познакомился с тайным епископом Петром, который в апреле тайно рукоположил его в диаконы, а в сентябре — посвятил в сан иеромонаха. С тех пор иеромонах Михаил «еще более усердно стал ходить по деревням и проповедовать слово Божие»³⁵.

³² П. В. Васильев, А. Е. Вознесенский, Ф. М. Галкин, П. Д. Данилов, И. И. Добряков, К. Г. Ермолова, О. Г. Ермолова, Г. Д. Жарков, И. И. Желнов, А. И. Иванушков, М. И. Израилев, В. Н. Малисев, Е. П. Микулин, А. И. Миронова, К. Я. Молодкин, Д. Ф. Николаев, В. А. Обрядина, В. В. Прилежаев, В. И. Рождественский, В. Н. Серова, Ек. Я. Сулова, Ф. Ф. Юльмов, Ф. П. Якимов.

³³ К 10 годам — Г. К. Ананьев, И. И. Бабкин, Е. П. Бесчастнова, З. Г. Василиук, Н. Е. Ворончихин, А. А. Вязьмин, А. Д. Галкин, В. С. Ирисов, М. С. Казанцев, А. М. Колчурин, И. И. Королев, П. Н. Крупин, Ф. И. Куликов, Е. С. Мазанова, М. Н. Макарова, А. Л. Маклаков, В. Л. Маклаков, Л. В. Масленников, А. Г. Матвеев, В. А. Монахов, Н. И. Моськин, Д. Т. Нелюбин, А. С. Нелюбина, К. П. Никитин, Д. К. Обрядин, В. И. Перфильев, А. А. Платонов, Г. Е. Романов, И. П. Рябинин, И. М. Саблин, П. Ф. Трифонов, И. А. Федоров, И. В. Шарاپов, Д. Ф. Якимов, Е. Ф. Якимов; к 5 годам — М. П. Беляев, Н. П. Вахрушин, Н. Д. Зиноголядова, И. Н. Капитонов, Е. Л. Кудряшев, К. В. Ладыгин, М. А. Монахов, П. П. Напалков, М. Ф. Пермькова, Н. М. Ронжина, М. Е. Сапарин, Ел. Я. Сулова, Н. В. Фадеев, Е. А. Юзеева; к 3 годам — И. К. Максимов, П. А. Прокофьев, Л. Е. Тумаев, В. Ф. Филиппов.

³⁴ Здесь и далее даны выдержки из: Дело «группы религиозно-фанатичных элементов “Истинные”» / Архив УФСБ Татарии. Д. 18108.

³⁵ В селе Аксубаево обычно останавливались у Елены Кульковой, в Верхней Баланде — у Ольги Исаенковой и Прасковьи Никитиной, в селе Елантово — у Александра Плеханова, в селе Большие Поляны — у иерея Якова, в селе Кукушкино — у Севастьяна Быданкина, в селе Русские Кисы — у просвирицы Агафьи Ильиной.

7 июня 1934 года иеромонах Михаил вместе с псаломщиком Николаем были схвачены и заключены в Чистопольскую тюрьму³⁶. К следствию по их групповому делу был привлечен и священник Алексей Шигин, нелегально проживавший в селе Аксубаево в доме верующего Андрея Кулькова, также арестованного. Именно в этом доме часто останавливались Михаил Ершов и Николай Павлов, участвуя в тайных богослужениях с отцом Алексием. На первом же допросе Михаил подтвердил: *«Убеждения мои не изменились, остался истинно верующим, с политикой советской власти по вопросу религии не был согласен — не следовало бы закрывать церкви и преследовать духовенство... Настоящему церковному правителю, митрополиту Сергию, я не подчиняюсь, так как он отступил от церковного писания и молится за безбожную власть».*

«Свидетели» подтвердили, что Ершов *«везде проповедовал, что колхозы скоро распадутся, что жизнь скоро переменится и что тогда колхозникам станет плохо».*

В июле 1934 года арестованным было предъявлено обвинение в *«организованной контрреволюционной деятельности, направленной с использованием религиозных чувств верующих к созданию почвы для свержения советской власти».* 10 июля все арестованные были приговорены к 8 годам лагерей.

Сначала Михаил Ершов с Николаем Павловым были отправлены в лагерь на станции Берикуль (Марийская АССР), где пробыли год. А в июне 1935 года Михаил был этапирован на строительство железной дороги в Байкало-Амурские лагеря, на Дальний Восток. 29 декабря 1937 года был переведен в лагерь в городе Улан-Удэ и пробыл там два года. 28 декабря 1939 года отправлен в лагерь на станцию Кандалакша Мурманской железной дороги, а в мае 1940 года вывезен на станцию Абозерская Архангельской области, на строительство железной дороги, где пробыл два года.

* * *

Летом 1940 года в Новошешминске были задержаны и отправлены в Чистопольскую тюрьму пять верующих³⁷, как *«последователи Истинно-Православной Церкви»*³⁸, среди них о. Феодор Муханов³⁹ и Григорий Руса-

---

³⁶ Этому аресту предшествовали два других, весной-летом и в сентябре 1933 года.

³⁷ Ф. В. Муханов, Г. И. Репин, М. Г. Репина, Г. В. Русаков, Е. С. Сергеева.

³⁸ Здесь и далее выдержки из материалов группового дела *«контрреволюционной группы последователей ИПЦ»* / Архив УФСБ Татарии. Д. 16915.

³⁹ Среди изъятого у иерея Федора при обыске были: *«епитрахиль, антиминс, нож церковный, просфора».*

ков⁴⁰, назвавшийся при аресте чужой фамилией. Иерей Феодор после освобождения из лагеря в 1939 году вернулся в село Волчья Слобода, позднее решил соорудить подземную церковь в лесу, в двух километрах от слободы. Вскоре к нему присоединился Григорий Русаков, бежавший из ссылки и с осени нелегально проживавший в этом селе. Григорий принял активное участие в сооружении этой церкви, именно им были сделаны два тайных выхода из нее: первый по подземному ходу в лес, а второй выводил к колодезю. Правда, подземная церковь была мала для всех желающих, так что молились там редко. В основном десять-двенадцать верующих собирались в домах Матрены Репиной или Пелагеи Мухановой в Волчьей Слободе: молились, читали Евангелие, Псалтирь и пели духовные стихи.

15 октября 1940 года двое арестованных — Феодор Муханов и Григорий Русаков — за проживание без документов были приговорены к 2 годам лагерей, а остальные освобождены. После долгих поисков подземная церковь была все-таки обнаружена милицией, о чем был составлен акт от 16 декабря 1940 года: *«Нами осмотрена обнаруженная в лесу подземная моленная, содержит в себе следующее. Размер помещения под землей: ширина 2,5 метра, длина 3 метра, высота 2 метра. Насыпь земли на потолке 75 см. Вся моленная внутри была установлена иконами. Эта моленная была обитаема и в 1940 году, так как там найден свежий картофель в количестве 4 штук и чистая поллитровая бутылка. По виду моленной последняя была вырыта несколько лет назад».*

3 марта 1941 года в селе Волчья Слобода были арестованы 12 верующих⁴¹, среди них трое верующих из общины Феодора Муханова⁴², за полгода до этого освобожденных из Чистопольской тюрьмы, а также иерей Павел Мишуков, сменивший отца Феодора. Арестованные подтвердили, что они продолжали собираться на тайные службы в доме Матрены Репиной, читали Евангелие, Псалтирь и пели религиозные песни, о чем писали в лагерь иерею Феодору.

⁴⁰ Русаков Григорий Васильевич, родился 30 сентября 1917 в селе Кузайкино Актаского района (Татария). Окончил два класса начальной школы. Его отец, Василий Федосеевич Русаков, был церковным старостой, Григорий в течение трех лет был послушником. В 1929 — отец арестован и приговорен к ссылке в Архангельскую область. В 1931 — семья выслана на 10 лет в Магнитогорск, в 1935 — туда переведен отец, скончавшийся в 1937. С 1935 — Григорий работает на заводе. В 1937 — арестован его брат Федор и приговорен к 10 годам ИТЛ. В 1939 — Григорий бежал с сестрой из ссылки, добрался до села Кузайкино и проживал там нелегально: летом работал по найму на полевых работах в Ново-Троицком совхозе, а с осени тайно проживал в селе Волчья Слобода Ямашевского района.

⁴¹ К. С. Батенева, П. И. Батенева, Т. И. Глушкова, К. И. Мишукова, М. М. Муханова, П. П. Муханова, Г. И. Репин, А. И. Репина, М. Г. Репина, Е. С. Сергеева, Д. Н. Ширшова, П. С. Юшкетова.

⁴² Г. И. Репин, М. Г. Репина, Е. С. Сергеева.

19 июня 1941 года арестованным предъявили «Обвинительное заключение», в котором говорилось, что они, *«используя религиозные предрассудки верующих, на своих квартирных собраниях и среди окружающего населения вели антисоветскую агитацию, культивируя и распространяя повстанческие и антисоветские измышления»*. 8 сентября 1941 года их приговорили к 8 годам лагерей. Матрену Репину еще 3 апреля направили на лечение в психиатрическую больницу Казани, 14 января 1943 года она там скончалась.

* * *

11 октября 1942 года, в день праздника Покрова Богородицы, иеромонах Михаил вернулся в Чистополь, полностью отбыв лагерный срок. Но уже через три дня снова оказался в заточении — на три с половиной месяца. Лишь 16 февраля отец Михаил был освобожден и вновь направился в Елантово⁴³. Постепенно вокруг Михаила стала собираться община верующих⁴⁴, с ними он совершал тайные богослужения.

Перед Пасхой иеромонах Михаил предупредил всех, что на Пасху будет совершать службу на горе возле Калмаксы. В субботу сделали палатку, взяли книги, Пасхальное приготовление, свечи, и в семь часов вечера двенадцать человек собрались на горе. Собрали походную Церковь, и в начале двенадцатого часа начались моления и служба, продолжавшиеся четыре часа. Все Пасхальные службы прошли в доме Марии Тихоновой, там же беседовали и пели Канон непрерывно, а в субботу он опять собрал христиан и совершил такую же службу. А потом отец Михаил был приглашен в Старошешминск, в дом Варвары Кузнецовой, пришло много верующих, с ними молился он, а потом беседовал. И каждое воскресенье и в праздники верующие собирались в ее доме, и Михаил совершал богослужения. При этом иеромонаха Михаила при выходе на улицу одевали в женскую одежду, чтобы скрыть от посторонних, что он мужчина, и он просил, чтобы его называли «Соней». Потом из Старошешминска он вернулся в Елантово, в дом Марии Тихоновой⁴⁵. Летом

---

⁴³ *«На другой день утром Михаил отправился в Шереметьево, где проживала его мать и сестры. Зайдя в квартиру и увидя мать и сестру Надежду, стал расспрашивать мать. Старушка смотрела-смотрела, потом вскрикнула и стала падать, но Михаил успел ее подхватить на руки. Через несколько минут он услышал тихий голос: “Сын! Сын! Витя, дядя Миша пришел”. А за перегородкой сидела Надя, утирая слезы. В доме матери Михаил пробыл сутки, а потом отправился в Елантово. Провожать его пошла Надежда, и Михаил сказал сестре: “Пришел я зажечь костер. И по первому посылу ты должна прийти ко мне”»*. Рукопись «Земная жизнь Михаила Васильевича Ершова».

⁴⁴ Первой посетила его Мария Кандалина, через два дня пришла Васса Обрядина, потом Мария Тихонова, через несколько дней Варвара Кузнецова и Матрена Пенкина.

⁴⁵ В ее доме и раньше собирались, молились, читали религиозные книги и обсуждали религиозные вопросы. В 1933 году ее брат Алексей Григорьевич Денисов был арестован и отправлен в лагерь.

сельсоветчики «стали запрещать моления, отбирали неоднократно религиозные книги и разгоняли собрания»⁴⁶. Мария Тихонова предложила отцу Михаилу проводить службы в другом месте, и он согласился. Женщины под видом ухода на работу в ближние колхозы стали собираться в Елантовой роще, ходили и на Святой ключ под Билярском⁴⁷.

Иеромонах Михаил сделал походный аналой, у него были иконы и много служебных книг, так что теперь можно было раскинуть палаточку в любом месте и отслужить службу. Как-то вечером в Елантовой роще собравшиеся на тайное богослужение почувствовали чье-то присутствие. Михаил послал Марию Тихонову посмотреть, что там, и она нашла в кустах трех мужчин и привела их к Михаилу — это были братья Дмитрий и Петр Ефремовы и Григорий Русаков⁴⁸. Иеромонах Михаил побеседовал с ними и принял их, потом отслужил Заутреню и молился до десяти часов вечера.

Походный храм, в котором могло поместиться более ста верующих, был раскинут в Елантовой роще, стоял он день и ночь, и всегда там был народ. Иеромонах Михаил проводил там тайные богослужения, а в религиозные праздники обязательно поминал за упокой усопших российских царей. А после службы говорил проповеди, утверждая, что «война назначена Богом в наказание людям за их богохульство и безбожие», требовал не работать в колхозах и советских учреждениях, не принимать участия в выборах, не подписываться на заем, а молодежи не вступать в пионеры, комсомол и партию. Его проповеди были настолько яркими и вдохновляющими, что к лету несколько женщин покинули свои семьи и поселились в шалашах в Елантовой роще, чтобы уклониться от мобилизации на сельскохозяйственные работы.

Все лето и осень иеромонах Михаил служил в Елантовой роще⁴⁹, одна из верующих вспоминала позднее: «В 1943 году я дважды вместе с матерью ходила пешком на молитву в Елантовой роще, там зараз молились 50–70 человек». В августе, после неожиданного обыска в доме Марии Тихоновой, он переехал в Старошешминск. 18 сентября в Елантовой роще сотрудниками

⁴⁶ Здесь и далее выдержки из: Дело «антисоветской группы церковников-нелегалов» / Архив УФСБ Татарии. Д. 18579.

⁴⁷ Одна из верующих позднее вспоминала: «В 1943 году владыку Михаила одевали в женский чувашский национальный костюм, и он ходил так в Билярск на Святой ключ. Голос у него был очень хороший, с большим диапазоном, мог петь даже женским голосом».

⁴⁸ В сентябре 1941 года Григорий был досрочно освобожден из лагеря и вернулся в село Кузайкино Акташского района. Здесь он встал на учет в военкомате, но получил отсрочку от призыва в армию на шесть месяцев. Весной 1942 года Григорий скрылся из родного села и, чтобы не служить в армии «по религиозным соображениям», перешел на нелегальное положение. Проживал у знакомых в Ямашевском, Новошешминском и Шереметьевском районах, а летом 1943 года прятался в специально оборудованном тайнике в Елантовой роще.

⁴⁹ В июне 1943 года иеромонах Михаил рукоположил в диакона Григория Русакова.

НКВД и милицией была устроена облава, при которой было обнаружено несколько убежавших человек. На оклики милиционеров они не реагировали, по убежавшим открыли стрельбу, в результате чего была тяжело ранена Аграфена Калинина-Пленова, через час скончавшаяся. Начальник милиции в рапорте сообщил: *«В кустах в радиусе 35–40 м обнаружено три шалаша, устроенных из хвороста, крытых ветвями и высохшей травой»*⁵⁰. 5 октября 1943 года в роще была вновь проведена облава в поисках лиц, скрывающихся от мобилизации в армию. В одном из шалашей были обнаружены, как сообщалось в рапорте, — *«4 гражданки, из которых 3 нами задержаны»*⁵¹, *одной удалось скрыться. Все задержанные являются единоличницами, скрывающимися в лесу в целях уклонения от мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозе “Советский труд”*».

На следствии арестованные женщины подтвердили, что не признают советскую власть как власть безбожников, поэтому уклоняются от мобилизации на торфоразработки, а также отказываются иметь советские документы, *«так как на них стоит печать безбожной власти»*⁵².

11 декабря 1943 года иеромонах Михаил был также задержан в доме Варвары Кузнецовой в селе Старошешминск вместе с присутствующими на богослужении верующими⁵³. На следствии он подтвердил, что после своего освобождения из лагеря посещал верующих во многих селах⁵⁴ и везде проповедовал Священное Писание. На допросах иеромонах Михаил не скрывал, что говорил людям следующее: *«В армию идти служить нельзя и не нужно, так как армия советской власти не христоролюбивое войско»*. По поводу хищения хлеба на колхозных полях утверждал, что *«брать хлеб не грех, так как колхозная земля является общей, да и в Священном Писании сказано: “Земля дана для всех”*». На суде заявил, что архиереев официальной Церкви считает отступниками, так как *«действия их по оказанию помощи советской власти я считаю отступлением от истинно-православной христианской веры. Пусть бы они пожертвовали средства на постройку в Чистополе хоть одного молельного дома для верующих, а не на помощь Красной Армии»*.

---

⁵⁰ *«При осмотре шалаша обнаружен ряд необходимых вещей для домашнего обихода, как-то: 2 кружки, 4 блюда, 2 ведра, жестяной противень, ложки, а также 2 кафтана из домашнего сукна. Кроме того, в шалаше обнаружен ящик с вещами, необходимыми для совершения религиозных обрядов: 2 подсвечника, 1 икона и другие вещи»*.

⁵¹ Были арестованы У. А. Грунина, М. А. Кандалина, М. Г. Тихонова.

⁵² Мария Тихонова заявила на допросе, что *«считала грехом получить пособие по многодетности и государственное пособие как жена погибшего красноармейца»*.

⁵³ При обыске у М. В. Ершова были изъяты — *«шаль вязаная серая пуховая 1 (старая) и юбка женская хлопчатобумажной ткани 1 (старая)»*.

⁵⁴ Шереметьевского, Аксубаевского, Билярского, Новошешминского, Спасского, Тельмановского и Чистопольского районов.

19 декабря 1944 года были приговорены⁵⁵: Михаил Ершов, как «руководитель группы церковников-нелегалов», — к расстрелу⁵⁶, М. А. Кандалина и М. Г. Тихонова — к 10 годам, а У. А. Грунина — к 5 годам лагерей. От подписи под приговорами все отказались «*по религиозным убеждениям*».

Только через 10 месяцев, 25 октября 1945 года, Михаилу Ершову расстрел был заменен на 15 лет каторжных работ, и он был отправлен в Воркутлаг. Именно здесь его познакомили с бывшим красноармейцем Василием Калининым⁵⁷, тоже отбывшим в смертной камере три месяца. Сначала Василий работал на лесозаготовках, затем дневальным в бараке портных и молотобойцем в кузнице. В октябре 1946 года он сильно простудился, «*пластом лежал, пальцем не мог пошевелить*». Тогда-то его и вылечил иеромонах Михаил Ершов, они подружились, каждый вечер встречались после работы, и отец Михаил многое объяснил Василию.

3 августа 1950 года Михаил Ершов был переведен в Севвостоклаг.

* * *

Григорий Русаков, как дезертир, был арестован в Елантовой роше в сентябре 1943 года и заключен в Чистопольскую тюрьму. Там он вновь встретился с Михаилом Ершовым и был посвящен им во иерея⁵⁸. 13 ноября 1944 года отец Григорий был приговорен к 10 годам лагерей и отправлен в Свияжский лагерь. 14 сентября 1945 года освобожден досрочно, устроился в

⁵⁵ В «Обвинительном заключении» говорилось: «*Эта группа церковников в течение лета 1943 года организовала вблизи с. Елантово нелегальный скит с молением и систематически устраивала там антисоветские сборища, на которых обсуждала вопросы организованной антисоветской деятельности, возводила клевету на советское правительство, распространяла всевозможные клеветнические измышления на советскую власть, колхозный строй и Красную Армию, призывая верующих к неподчинению установленным законам советской власти, отказываться от службы в Красной Армии, не расписываться на советских документах, не вступать и не работать в колхозах, не пускать детей учиться в советских школах*».

⁵⁶ После объявления приговора Михаил Ершов заявил: «*Вы меня приговорили к расстрелу, но я даже не смутился, я буду еще жить. А вот кто меня судил, вас будет судить Божий суд, и вы помучитесь много. Скоро будет вам конец*».

⁵⁷ Калинин Василий Владимирович, родился в 1917 на хуторе Кубанский Белореченского уезда Краснодарского края. Окончил один класс сельской школы. В 1929 — после раскулачивания и высылки семьи находился с родителями в Ставрополе, затем под Свердловском. В 1932 — после побега семьи из ссылки скрывались. В 1933 — арестован, но вскоре освобожден. В 1940 — призван в армию и направлен на Северный флот на полуостров Полярный. В декабре 1943 — арестован. 5 января 1944 — приговорен к ВМН. 22 февраля 1944 — расстрел заменен на 20 лет каторжных работ. Отправлен в Воркутлаг.

⁵⁸ Позднее на допросе Григорий Русаков покажет, что Михаил (Ершов) рукоположил его во иерея как тайный епископ.

Чистополе на временную работу по заготовке дров и через Надежду Ершову соединился с иеромонахом Михаилом. А в сентябре отец Григорий получил благословение отца Михаила на тайное служение⁵⁹ и с того времени стал проводить богослужения по домам в Елантово в присутствии десяти-двенадцати верующих. По праздникам, как и раньше, тайные богослужения проходили на Святых ключах под Шереметьево, Билярском, Юсупкино, а также в Елантовой роще. Позднее в селе Камские Поляны появилась Мария Кандалина, бежавшая из Усольяга 25 июля 1945 года. Она пряталась у знакомой Пелагеи Кионовой, по ночам к ней тайно приходила ее дочь Анна. Мария вместе с дочерью стала посещать тайные богослужения на Святых ключах и по домам единоверцев.

В январе 1947 года в результате неоднократных обысков в нескольких домах в Елантово были схвачены группы молящихся верующих. Согласно актам, в доме единоличницы Марии Крестининой в селе Ачи было обнаружено *«сборище людей и малолетних детей из разных селений, всего 13 человек»*⁶⁰; а в доме Марии Чекушкиной в селе Поповка — *«сборище людей примерно до 15 человек, проводивших богослужение»*, причем кроме старых женщин здесь был обнаружен и мужчина, который был *«в облачении священника и руководил молебствием»*. Это был Григорий Русаков. Все задержанные были вскоре освобождены, но отец Григорий после допроса сразу же скрылся из Елантово. А находящаяся в розыске Мария Кандалина была задержана 30 августа 1948 года. На допросе она вновь подтвердила, что не признает советскую власть и официальную Церковь, так как та *«молится за безбожную власть»*. В последнем слове на суде заявила: *«Виновной себя не признаю, от своих убеждений я не отказываюсь и не откажусь»*. 22 ноября Мария Кандалина была приговорена к 25 годам и отправлена в лагерь.

* * *

С 4 апреля по 6 июня 1947 года в Казани и Чистопольском районе были арестованы 15 верующих, как *«участники антисоветской организации церковников ИПЦ»*⁶¹. Идейними вдохновителями «организации», по версии следствия, были иерей Алексей Корнилов⁶², священник-нелегал

---

⁵⁹ В присланном ему лично письме иеромонах Михаил (Ершов) писал: *«Собери всех овец бывшего нашего стада воедино и воспитывай их в том же, как я, направлении»*.

⁶⁰ Из актов от 18 января и 22 января 1947 года.

⁶¹ Здесь и далее выдержки из: Дело *«нелегальной антисоветской организации церковников, действующей под названием ИПЦ»* / Архив УФСБ Татарии. Д. 18569.

⁶² Корнилов Алексей Корнилович, родился в 1881 в селе Сотниково Марпосадского уезда (Чувашия). Священник. 21 июня 1947 — арестован, 20 июля приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в лагерь.

из Чувашии, и проповедник Сергей Денисов, к тому времени уже осужденный, а активным руководителем — младший брат последнего, проповедник Василий Денисов. Они призывали свою паству уклоняться от работы на фабриках и заводах, от учебы в институтах и техникумах, от призыва в армию, от походов в театры, кино и клубы, от чтения художественной литературы. И этот призыв не остался без ответа, например, среди арестованных была Вера Торгашева, в 1946 году бросившая институт, комсомол и профсоюз и ставшая активной участницей тайных богослужений. На следствии она не отрицала, что убеждала своих подруг обратиться в веру, но не посещать официальные храмы: *«Церковь есть краса христианства, но ее в настоящее время осквернили. Службу в ней ведут не истинные пастыри, а “обновленцы”, ставленники Советской власти»*. Казанская «организация», по версии следствия, установила связь с подобной группой церковников в Воронежской области под руководством Василия Титова и Марии Чесноковой⁶³, по указанию их в феврале 1947 года в Казань приехала Александра Самарина, организовавшая здесь активную антисоветскую деятельность.

1 августа 1947 года арестованные были приговорены к различным срокам заключения⁶⁴.

А 3 июля 1948 года в Казани были арестованы еще 5 верующих женщин⁶⁵, и среди них мать Веры, Мария Торгашева⁶⁶. Они давно жили без паспортов и, живя в поселке Новое Каравасово, принимали участие в тайных богослужениях отца Григория. Мария Торгашева предоставила для богослужений свою квартиру. Здесь два-три раза в месяц проводились тайные моления, на которых собиралось 5–10 человек. На допросах арестованные говорили откровенно: *«У нас ничего не может быть общего с безбожниками»*; *«Церковь посещать грешно, в нее не входит Божья благодать, службу в ней ведут “обновленцы”, которые молятся за советскую безбожную власть»*. 13 сентября 1948 года были приговорены: Е. И. Комарова, С. А. Мельникова, М. С. Торгашева — к 10 годам, О. Е. Васюнина и М. Д. Кузнецова — к 7 годам лагерей.

* * *

⁶³ Материалы следствия на них были выделены в особое производство. О деятельности этой общины истинно-православных христиан подробно рассказано в главе III.

⁶⁴ 25 лет — Н. А. Агафонов, Т. И. Гордеева и В. С. Денисов; 10 лет — А. Ф. Самарина; 8 лет — Г. С. Денисов, К. П. Сидоров, С. С. Степанов, Е. П. Терентьева, И. Е. Яковлева; 7 лет — А. А. Ефимова, А. В. Комаров, А. В. Кузнецова, В. М. Семенова, В. Ф. Торгашева; 6 лет — М. Г. Герасев.

⁶⁵ О. Е. Васюнина, Е. И. Комарова, М. Д. Кузнецова, С. А. Мельникова, М. С. Торгашева.

⁶⁶ Здесь и далее выдержки из: Дело «незаконной антисоветской группы церковников, действующей под названием ИПЦ» / Архив УФСБ Татарии. Д. 18407.

С 18 ноября 1948-го по 12 января 1949 года в Новошешминском и Шереметьевском районах были арестованы, как участницы *«церковного подполья ИПЦ»*, четыре женщины⁶⁷, среди них Надежда Ершова, родная сестра Михаила Ершова, и Анна Кандалина, дочь Марии Кандалиной, уже отправленной в лагерь⁶⁸. Арестованные показали, что чаще всего молились по ночам в доме Павлы Зыковой в Старошешминске, а на тайные богослужения с участием иерея Григория Русакова собиралось до пятидесяти человек. Последнее Пасхальное богослужение прошло на Елантовой горе при участии девяти человек — служба *«началась к вечеру под закат солнца и кончилась утром»*. В мае 1948 года отец Григорий уехал в Рязанскую область, а общину верующих возглавила Мария Борисова. На следствии она подтвердила, что *«все мы стояли в оппозиции к официально существующей патриаршей Церкви, считали ее “обновленческой”, а ее духовенство, служащее власти антихристовой, без благодати»*. 8 февраля 1949 года арестованные были приговорены: А. А. Кандалина, В. Ф. Плеханова — к 25 годам; М. П. Борисова, Н. В. Ершова — к 20 годам лагерей.

* * *

С мая 1948 года, по указанию Михаила Ершова, Григорий Русаков выехал в поселок Сынтул Рязанской области⁶⁹. Там с начала года в подпольной церкви, оборудованной монахинями, проводил тайные богослужения монах Геннадий (Молостов). С 1935 года Геннадий (в миру Георгий) скрывался в доме у Прасковьи Соколовой в деревне Новляны Курловского района Владимирской области и был известен среди верующих под именем *«Георгий болящий»*⁷⁰ и как *«прозорливец и богоугодник»*.

Еще в 1938 году духовный отец Георгия, иеромонах Дионисий познакомился с тайным игуменом Паисием (Рожновым)⁷¹, проведя в беседах с ним две недели. Они о многом говорили, что современные служители Церкви *«изменили истинной вере и пошли на службу к безбожной власти антихриста»*⁷², что, как истинно-верующие христиане, должны обе-

---

⁶⁷ М. П. Борисова, Н. В. Ершова, А. А. Кандалина, В. Ф. Плеханова.

⁶⁸ Здесь и далее выдержки из: Дело *«незаконной антисоветской группы церковников, действующей под названием ИПЦ»* / Архив УФСБ Татарии. Д. 18421.

⁶⁹ В нем были такие слова: *«Разыщи старца Геннадия и соедините свои молитвы воедино»*.

⁷⁰ Георгий — его мирское имя, монашеское Геннадий. У него не действовали ноги, он не мог ни вставать, ни ходить.

⁷¹ Иеромонах Паисий (Рожнов). В 1931 — епископом Рязанским Ювеналием направлен на служение настоятелем церкви в селе Любовниково. В 1933 — тайно посвящен в сан архимандрита. Активно совершал тайные монашеские пострижения.

⁷² Здесь и далее выдержки из: Дело *«антисоветского подполья церковников, сторонников так называемой ИПЦ»* / Архив УФСБ Татарии. Д. П-8693.

регать свою паству от красных священников. В конце договорились, что игумен Паисий будет продолжать свою деятельность — принимая обеты послушания и совершая тайные пострижения, а Дионисий вместе с духовным сыном Георгием будут готовить и направлять к нему всех желающих. Обычно после пострижения в мантию эти монашествующие уходили от мирской жизни, переходили на нелегальное положение и странствовали по селам и деревням, проповедуя среди верующих и поддерживая их. Всех постриженных тайных монахов и монахинь игумен Паисий постоянно духовно окормлял, позднее им был создан тайный монастырь с большим количеством монахов и монахинь, расселенных по два-три человека в домах по селам и деревням Рязанской, Владимирской и Горьковской областей.

После закрытия храма в селе Любовниково игумен Паисий оборудовал в своей квартире тайную домашнюю церковь и по праздникам стал совершать тайные богослужения, там же тайно проводил пострижения. На тайные богослужения собиралось по двадцать-тридцать человек из окружающих сел и деревень. В 1940 году, незадолго до своей смерти, иеромонах Дионисий благословил своего духовного сына Георгия на монашеский постриг, передав духовное руководство им игумену Паисию. Вместе они агитировали верующих за невступление или выход из колхозов, как *«создание сатаны на погибель народу»*, против участия в любых мероприятиях безбожной власти, считая это грехом, а во время войны благословили многих молодых прихожан уклоняться от службы в армии, по возможности скрываясь в специально оборудованных тайниках. И лишь в конце войны на квартире Паисия Георгий Молостов был тайно пострижен им в мантию с именем Геннадий⁷³.

В 1945 году, по указанию Паисия, монахини Прасковья Соколова и Феодосия Шамонова продали свои дома и купили для иеромонаха Геннадия дом в поселке Сынтул Рязанской области. Летом 1948 года в этом доме Петром, братом Геннадия, была построена подпольная домашняя церковь⁷⁴. Она представляла *«небольшую подземную комнату»*, *вырытую под огородом и сообщающуюся с домом № 10 при помощи потайного хода, конец которого был замаскирован под посудный шкаф»*. Именно там стали проходить тайные богослужения и посвящения. Весной 1948 года к монаху Геннадию привели, в сопровождении двух его помощниц, Григория Русакова, который показал рекомендательное

---

⁷³ Позднее он был посвящен в иеромонаха.

⁷⁴ Опыт по созданию тайников у брата Петра был, в 1939 году он построил в своем доме тайник, чтобы с началом войны вместе с братом Георгием скрываться в нем, не желая служить в Красной армии.

⁷⁵ Из акта: *«Комната имеет размеры около 3 м, обшита досками, оклеена обоями»*.

письмо от Михаила Ершова⁷⁶. Через неделю, договорившись о совместной деятельности, Русаков убыл в Татарию.

В начале лета отец Григорий вернулся к Геннадию, рассказав, что в Татарию начались массовые аресты истинно-православных христиан, его разыскивают и оставаться там ему опасно. В августе, в праздник Успения Божьей Матери, в подземной церкви отец Григорий провел первое богослужение, в конце его произнес проповедь, в которой говорил «о гонениях советской власти на истинно-православных христиан», о возможности ареста и осуждения присутствующих, но призывал не бояться этого, а главное, «спастись от развращения души властью антихристовой». Осенью в подземной церкви не раз проходили тайные богослужения, в которых также принимали участие прихожане иерей Григория из Татарию.

Наконец, в октябре, по указанию иеромонаха Геннадия, иерей Григорий прибыл к игумену Паисию и был тайно пострижен им в мантию с именем Филарет. А через три дня игуменом Паисием были пострижены в мантию трое прихожан Филарета, прибывшие из Татарию: Надежда Ершова, Мария Борисова и слепая Анна.

Между тем ситуация вокруг общины с каждым месяцем становилась все тревожнее. Той же осенью, спасаясь от начавшихся обысков, отец Филарет и отец Геннадий покинули Сынтул, вплоть до весны 1949 года окормляя верующих в других районах⁷⁷. В начале лета оба они вернулись обратно в Сынтул. И здесь, очевидно, не обошлось без предательства: удар был нанесен стремительно и точно. 18–19 июня 1949 года во время обысков в домах верующих в тайниках, представляющих собой «потайные церкви», были обнаружены и арестованы иеромонахи Филарет и Генна-

---

⁷⁶ Во время войны один из доверенных лиц Георгия Молостова, Василий Демочкин, участник тайных богослужений игумена Паисия (Рожнова), был арестован «за анти-советскую деятельность» и приговорен к 10 годам лагерей. В Воркутинском лагере, куда он был направлен, он познакомился с Михаилом Ершовым. В беседах Василий Демочкин много рассказывал о старце Геннадии, и, очевидно, иеромонах Михаил очень заинтересовался им. В начале 1948 года родственники Василия передали монаху Геннадию письмо из Воркуты от иеромонаха Михаила, в котором тот извещал, что направил к нему своего помощника, руководителя общин верующих в Татарию, прося принять его.

⁷⁷ Например, тайное богослужение на Рождество 1948 года иеромонах Филарет провел во Владимирской области в доме Петра Иванова с участием семи верующих. Монаха Геннадия вывезли в деревню Перхурово, где в доме верующей Ирины Суховой имелся тайник. До весны 1949 года он там скрывался, а в праздник Рождества Христова провел тайное богослужение с участием двадцати верующих, благословив каждого из них после общей исповеди. В марте 1949 года он провел ночные богослужения в доме Тимофея Боброва и Пасхальные богослужения — у монахини Татьяны Елкиной в Касимове.

дий, последний — вместе с монахиней Ниной (Шагиной)⁷⁸. Вместе с ними в застенке оказались еще 13 верующих⁷⁹, в том числе молодые мужчины, скрывавшиеся от призыва в армию.

12 августа 1949 года был арестован и игумен Паисий (Рожнов), а 23 августа — монахиня-странница Анатолия (Наседкина). Все арестованные были привлечены к следствию по групповому делу как «участники антисоветского подполья церковников, сторонников так называемой Истинно-Православной Церкви». На допросе игумен Паисий подтвердил, что они с иеромонахом Филаретом (Русаковым) на тайных богослужениях молились «за убиенных советской властью царя Николая Романова и членов его семейства, за патриарха Тихона, а также за митрополита Петра Крутицкого и других служителей религиозного культа, которые, по нашему мнению, невинно осуждены советской властью и томятся в тюрьмах и лагерях». Не отрицал он также, что с 1933 года до самого ареста «постриг в тайное монашество около 100 человек» и что участники тайного монастыря под его духовным руководством поселились в селах Липецкой, Владимирской и Горьковской областей. А иеромонах Геннадий не отрицал, что тайники⁸⁰ для нелегалов, тайных монашествующих или послушников делались по его прямому указанию.

8 октября 1949 года арестованным было предъявлено «Обвинительное заключение», в нем говорилось, что с 1943 года проживающим нелегально священником Михаилом Ершовым «была создана антисоветская организация ИПЦ». Игумен Паисий (Рожнов) был назван следствием «идейным руководителем антисоветского подполья церковников, сторонников так называемой Истинно-Православной Церкви», а активным участником ее иеромонах Филарет (Русаков), вовлекший в нее многих обвиняемых. Все арестованные «под видом религиозных убеждений распространяли антисоветские клеветнические измышления и тем самым дискредитировали мероприятия, проводимые советской властью».

13 февраля 1950 года они были приговорены: 8 человек⁸¹, и среди них игумен Паисий, иеромонах Геннадий и иеромонах Филарет, — к 10 годам

⁷⁸ Монахиня Нина Шагина с 1939 года была ближайшей помощницей Геннадия (Молостова), сопровождала его в поездках, была связной между Геннадием (Молостовым) и игуменом Паисием (Рожновым).

⁷⁹ И. Ф. Белов, Т. И. Бобров, Е. Н. Кулезнева, И. П. Лукашев, Ф. В. Макушева, П. М. Молостов, П. С. Соколова, Т. Я. Стрельцов, И. А. Сухова, М. Г. Тростина, Е. Д. Тюмин, П. А. Чельцов, Ф. Г. Шамонова.

⁸⁰ Монахиня Нина (Шагина) показала, что тайники-укрытия имелись в Рязанской области, в деревнях Сухарево, Выкушево, Перхурово; во Владимирской области, в деревнях Долбино, Купреево, Таланово, Пичугино, Каменка, Довозеры, в поселах Малюково и Колпье, а также в двух лесных сторожках около поселка Мауринка, а также в Касимове.

⁸¹ Т. И. Бобров, И. П. Лукашев, Г. М. Молостов, П. М. Молостов, П. П. Рожнов, Г. В. Русаков, П. А. Чельцов, Н. П. Шагина.

лагерей, 6 человек⁸² — к 8 годам лагерей, 3 человека⁸³ — к 5 годам лагерей. Осужденных отправили в особые лагеря: Минеральный и Степной. Игумен Паисий был этапирован в Верхне-Уральскую тюрьму, с этапа отправлен в Горьковскую тюремную больницу, где и скончался 23 марта 1950 года.

* * *

Немногие соратники отца Филарета еще оставались на свободе, в их числе и Василий Жуков. С 1949 года Василий поддерживал постоянную связь с иеромонахом Михаилом (Ершовым), посылал ему деньги и продукты. Он также посещал моления на Святых ключах, став активным помощником иерея Григория Русакова, а после его ареста возглавил общину верующих, активно привлекая в нее молодежь. Однако летом 1951 года был арестован и он, вместе с четырьмя другими членами общины⁸⁴. 23–24 октября 1951 года арестованные были приговорены: к 25 годам лагерей — 4 верующих, к 10 годам лагерей — Горелов И. М.

* * *

Судьба заключенного иеромонаха Михаила Ершова, судя по материалам его лагерного дела, складывалась драматично. 3 августа 1950 года он был переведен из Воркутлага в Севвостоклаг, а в 1952 году — актирован по инвалидности. «За систематические отказы от работы»⁸⁵ много раз водворялся в карцер на сроки от трех до десяти дней⁸⁶. Для отправки в карцер были и другие причины: «не подчинился дежурному надзирателю и не выполнил его приказаний»; «не подчиняется надзорному составу»; «агитирует других заключенных, чтобы не выходили на работу».

В декабре 1954 года отец Михаил был вывезен с Колымы в лагерное отделение Советская Гавань Хабаровского края, там был вторично актирован по инвалидности⁸⁷. В сентябре 1955 года Михаилу Ершову в досрочном освобождении из лагеря было отказано, как «нарушителю лагерного режима, неоднократно судившемуся», и еще год он продолжал категорически от-

---

⁸² И. Ф. Белов, Ф. В. Макушева, Н. В. Наседкина, П. С. Соколова, Т. Я. Стрельцов, И. А. Сухова.

⁸³ Е. Н. Кулезнева, М. Г. Тростина, Ф. Г. Шамонова.

⁸⁴ Д. П. Агафонцева, И. Ф. Вакин, И. М. Горелов, М. Д. Ефремов.

⁸⁵ Здесь и далее выдержки из «Личного дела заключенного Ершова М. В.».

⁸⁶ Акты отправки в изолятор: «от 26. 12. 51; от 18. 01. 52; от 28. 05. 52; от 17. 02. 53; от 20. 12. 54; от 18. 01. 56; от 25. 01. 56; от 9. 02. 56; от 25. 03. 56; от 10. 04. 56».

⁸⁷ 20 сентября 1955 года.

казываться от работы. В феврале 1956 года, когда решалась дальнейшая судьба Михаила Ершова, в характеристике на него были перечислены все «прегрешения»: 1) по вечерам в бараке устраивал «коллективный молебен», являясь «авторитетом» среди верующих; 2) говорил, что «коммунисты это антихристы», и дни их уже сочтены; 3) категорически отказывался от работы, являясь «злостным отказчиком», хотя администрация, учитывая ограничения у него в физическом труде, предлагала ему работу по его силам и возможностям; 4) отрицательно влияет на заключенных «своими религиозными предрассудками» и этим «вербует на свою сторону менее стойких заключенных». Завершалась эта характеристика выводом, что «меры воспитательного воздействия исчерпаны, заключенного Ершова необходимо водворить на тюремный режим или в специальный лагерь». 21 июня 1956 года Михаил Ершов был отправлен в тюрьму Благовещенска сроком на 1 год.

* * *

В 1956 году каждый возвратившийся после заключения истинно-православный христианин должен был решить для себя — как жить дальше? Духовно и религиозно они определились давно — для них официальная Церковь и открытые храмы были «обновленческими», пастыри там активно сотрудничали с советской властью, в богослужениях допускался ряд канонических отклонений, а постоянное восхваление в конце богослужений руководителей государства приравнивалось ими к служению сатане. В свою очередь, Патриархия назвала их раскольниками и предала анафеме, власти же — фактически объявили вне закона, как «сектантов, изуверов и фанатиков».

* * *

В октябре 1956 года Михаил Ершов, зная об освобождении из лагеря иеромонаха Филарета (Русакова)⁸⁸, отправил ему из лагеря зашифрованное письмо⁸⁹ и в нем дал наказ «собрать всех верующих “тихоновского” направления, настаивать их, удерживать от греховности и вести работу по привлечению новых лиц»⁹⁰. Во многих областях у иеромонаха Филарета были единомышленники, вскоре там под его руководством возобновились тайные богослужения по до-

⁸⁸ 3 сентября 1956 — «учитывая хорошее поведение и добросовестное отношение к труду», освобожден.

⁸⁹ В письме были зашифрованные слова: врач — «священник», больные — «верующие», дом — «церковь».

⁹⁰ Здесь и далее выдержки из: Дело «антисоветского подполья церковников, сторонников так называемой ИПЦ тихоновской ориентации» / Архив УФСБ Татарии. Д. 25720.

мам верующих. С конца 1940-х годов в доме Анастасии Красновой в селе Аксубаево существовала тайная церковь⁹¹, но для нынешней общины верующих дом ее был мал, поэтому летом 1957 года иеромонах Филарет выделил деньги на расширение и оборудование тайной церкви в доме Ивана Вакина, досрочно освобожденного из лагеря⁹². На Троицу 1957 года отец Филарет провел днем богослужение на Святых ключах у села Старое Мокшино, а вечером крестил в селе нескольких детей и двух девушек, окрестил он также и детей в деревне Нижняя Баланда. Активными помощниками Филарета стали Иван Вакин, Василий Жуков, летом 1956 года вернувшийся в родное село, а также Василий Калинин после освобождения в июле того же года.

С ноября 1957 года отец Филарет проводил тайные богослужения и в Лениногорске. Хозяйка дома переписывалась с Михаилом Ершовым, и после службы верующим читались его письма из лагеря. В декабре иеромонах Филарет с группой верующих выехал в Талды-Курганскую область, провел там несколько тайных богослужений, рано утром либо поздно вечером, окрестил там местных детей⁹³. 19 декабря во время богослужения в дом пришла милиция. Сначала проверили у всех документы и переписали молящихся, потом задержали приезжих, допросили и затем предложили им немедленно покинуть город, но информация о задержанных была передана в центр.

В начале марта 1958 года в домах многих верующих⁹⁴ прошли обыски и изъятия религиозной литературы, писем и фотографий. В доме Анастасии Красновой обнаружили на чердаке много икон, предназначенных для будущего монастыря⁹⁵, а у Елены Кульковой изъяли тетрадь с адресами единоверцев в других местах. 28 марта 1958 года в селе Ямаши были арестованы отец Филарет, Иван Вакин, Надежда Ершова и Василий Калинин. Идейным вдохновителем *«подполья истинно православных в Татарии»* был назван Михаил Ершов, привезенный из лагеря на следствие, непосредственным руководителем — Григорий Русаков. Его поездки к единоверцам в другие регионы⁹⁶ стали серьезным обвинением для него — *«вовлечение в сторонники ИПЦ новых лиц и распространение там идей истинно православных “тихоновской”*

---

⁹¹ В ее доме было собрано множество старинных икон и книг религиозного содержания.

⁹² 10 августа 1956 — освобожден из лагеря досрочно *«в связи с нецелесообразностью дальнейшего содержания в заключении»*. В октябре прибыл в село Никольское Аксубаевского района, но постоянно там не проживал.

⁹³ Он много беседовал с верующими и приглашал их переехать в Чистополь и окрестности.

⁹⁴ Е. А. Аверьянова, А. Г. Борисов, Ф. В. Захаркина, С. Н. Зыгалов, А. Е. Зыкова, О. М. Исаенкова, А. А. Кандалина, О. М. Касаткина, К. А. Кияткин, А. Я. Краснова, Е. С. Кулькова, П. С. Лабутов, А. Р. Порохина, М. П. Терентьева, А. Ф. Шведова и другие.

⁹⁵ 12 икон в деревянных футлярах под стеклом с украшениями из фольги; 6 икон на деревянных щитах без рамок, 2 иконы для украшения алтарных дверей, нарисованные на жести.

⁹⁶ Кировскую, Владимирскую, Рязанскую, Талды-Курганскую область и Марийскую республику.

ориентации». 14 августа 1958 года арестованные были приговорены: М. В. Ершов, В. И. Калинин и Г. В. Русаков — к 25 годам, Н. В. Ершова — к 10 годам и И. Ф. Вакин — к 7 годам лагерей. Дела верующих общины, арестованных осенью, были выделены в особое производство, по завершении следствия они были отправлены в лагерь на сроки от 5 до 10 лет⁹⁷.

* * *

Вновь во главе общины верующих, по указанию Михаила Ершова, стал Василий Жуков. Летом молились на Святых ключах под Билярском и обсуждали предстоящую перепись населения. Одна из верующих, Е. И. Боголепова, взяла образец ответов на вопросы переписи, опубликованные в газетах, составила свой вариант ответов для верующих и стала распространять его на Святых ключах. Он начинался словами «*Республика Святая Русь*», а заканчивался словами «*ответ ваш Христов*»⁹⁸. Василий Жуков узнал о происходящем, попросил ее больше не заниматься этим, но верующим посоветовал: «*Надо говорить только правду. Кто считает себя действительно истинно-православным, тот на вопрос, гражданином какого государства он является, так и должен правдиво говорить, что как истинно православный христианин не признает себя гражданином советского государства, так как власть этого государства безбожна*». Уже 29 августа 1958 года Е. И. Боголепова была арестована как «*участница подполья “ИПЦ”*» и 21 ноября приговорена к десятилетнему заключению в лагерь.

Василий Жуков не раз посещал Лениногорск, встречался там с молодежью, рассказывал им об отце Михаиле и читал его письма из лагеря. В начале ноября он провел тайное богослужение с участием молодежи, но кто-то из них донес об этом властям. С 5 по 8 ноября 1958 года были арестованы четверо «*участников церковного подполья ИПЦ*»⁹⁹, среди них и Василий Жуков. Арестованные не признали своей вины и не подписали ни одного документа, ссылаясь на религиозные убеждения. 30 января 1959 года были приговорены: В. И. Жуков — к 25 годам, Н. И. Портнов и У. М. Эскина — к 10 годам, В. Е. Самсонова — к 3 годам лагерей.

* * *

Дело осужденных, однако, было продолжено их соратниками. И одним из пунктов обвинения следующей группе верующих — в том числе Антону

⁹⁷ Например, весной 1959 — приговорены к 5 годам ИТЛ и отправлены в лагерь: А. Я. Краснова, В. Я. Кузнецова, Е. С. Кулькова, М. Г. Мазуркина.

⁹⁸ Здесь и далее выдержки из: Дело «*антисоветского подполья церковников, сторонников так называемой ИПЦ тихоновской ориентации*» / Архив УФСБ Татарии. Д. 17403.

⁹⁹ В. И. Жуков, Н. И. Портнов, В. Е. Самсонова, У. М. Эскина.

Тузееву, руководившему тайными богослужениями в селах Большие Аты, Елантово, Старошешминск и Шереметьево, а также на Святых ключах, — стало то, что в результате именно их агитации число верующих, вышедших из колхоза и отказавшихся от участия в выборах по религиозным убеждениям, увеличилось, а дети их перестали посещать школу. 26 мая 1960 года арестованные были приговорены: А. Р. Тузеев — к 7 годам, Павел Лазарев и Павел Умнов — к 6 годам лагерей.

* * *

Завершая этот обзор, расскажем о дальнейшей судьбе иеромонаха Михаила (Ершова) и его ближайших единомышленников.

Иеромонах Михаил (Ершов) был отправлен в Воркутлаг и там был осужден к году тюремного заключения. После Владимирской тюрьмы отправлен в Дубравлаг и, по рассказам заключенных, целыми ночами простаивал на молитве, исцелял также больных. 17 августа 1973 года он объявил в лагере голодовку, 24 августа снял ее. 1 апреля 1974 года был переведен на строгий режим Дубравлага, где 26 мая его разбил паралич после того, как ему насильно сбрили бороду. 3 июня 1974 года он скончался в лагерной больнице.

Иерею Филарету (Русаков) 30 апреля 1972 года срок наказания был снижен до 15 лет, и 28 марта 1973 года он был из лагеря освобожден. Вернулся в Татарию и продолжал свое тайное служение. Скончался 3 января 1992 года.

Василий Калинин был отправлен в Дубравлаг, куда прибыл 5 октября 1958 года. Согласно характеристике от 30 марта 1961 года, был признан *«особо опасным рецидивистом»* и по суду переведен на особый режим. Согласно характеристике от 30 августа 1974 года, *«на путь исправления до сих пор не стал»*. 4 июля 1978 года был этапирован в лагерь Пермской области, 20 октября признан инвалидом и переведен в 36-й лагерь. 13 марта 1983 года отправлен в следственный изолятор Казани. 25 марта был освобожден, но в течение шести лет находился под надзором. Потом проживал в Чистополе, где 18 февраля 1995 года скончался. Его воспоминания успели записать, и они представлены в книге.

Василию Жукову 19 февраля 1959 года срок приговора был уменьшен до 10 лет без пребывания в тюрьме. В ноябре 1968 года был освобожден и вернулся в село Старое Мокшино, где 5 октября 1987 года скончался.

Надежда Ершова была отправлена в Сиблаг, затем переведена в Озерлаг и там осуждена на тюремное заключение. Во Владимирской тюрьме признана *«особо опасной рецидивисткой»*. 25 ноября 1965 года переведена в Дубравлаг, откуда 17 августа 1966 года освобождена и вернулась на родину. Позднее поселилась в поселке Аксубаево. 8 января 2005 года скончалась.

*Из воспоминаний Анастасии Лизуновой*¹

Деревня наша Барское-Енорускино была русская, и все там сапожничали. Кожу выделывали сами, несколько человек держали такие бани, где кожу делали, к ним все ходили и покупали ее. В деревне нашей было более семидесяти дворов, люди жили крепко, дома все хорошие, крыши часто железом крыли, лошади у многих были, у некоторых даже по три — не бедно народ жил. В деревне было несколько домов Ершовых, а остальные — Лизуновы, других фамилий не было. Возле деревни были кустарники большие, а леса большие были за четыре километра, там ягод и грибов было много.

Отец мой Степан Яковлевич Лизунов, мама Мария Ивановна Лизунова, в девичестве Ершова. В семье было трое детей, старший сын Иван и дочери, старшая Анастасия и Елизавета, младшая. Мы хорошо жили, дом был большой и красивый, крыша была железом покрыта. А в двадцать первом году, помню, был страшный голод. У нас корова пропала, а тут братик маленький родился, так вскоре он умер без молока. Отец с семьей поехал по деревням, сапожничал, этим и питались. Когда стало полегче, вернулись домой, мне уже лет пять было. Мама продавала все, чтоб накормить нас. Кофту продаст — ведро картошки принесет.

Коллективизация началась, когда мне было двенадцать лет или меньше. Помню, как сначала кулаков начали выгонять, но наши поднялись и не дали их выселить. Двадцать с лишним дворов разорили у нас. Сначала был кто-то председателем сельсовета, затем поставили Ершова Василия Николаевича, а потом дела принял мой двоюродный брат, и он меня скрывал. А потом приехал суд, стали вывозить кулаков днем и вечером, но обычно старались ночью, и отправляли в Сибирь.

Колхоз еще был так себе, кто шел туда, кто отказывался, только активисты были². У соседей наших все подобрали, даже юбку лиш-

---

¹ Лизунова Анастасия Степановна, родилась 27 октября 1917.

² «Один ярый коммунист первым пошел в колхоз, а потом уже в семидесятом году в Мамыково встретил маму: “Маша, мне налобник надо (венчик ему надо)”. — “Что?” — “А то ведь умирать я буду без налобника”. — “Ты уже давно его получил, налобник”. А тетя Клава отчаянная была, она ему: “Ах, ты! Налобник тебе надо. А ты забыл, как кулаков громил?” — “Да что, я ведь старый теперь»».

нюю не дали надеть, просто снимали, а потом отправляли. У нас выслали двенадцать семей, несколько раз вывозили. Так они уже знали, что вышлют, прятали вещи, к нам узлы приносили. Обыски у них делали, а потом начали вывозить. Еще делали, помню, бойкот. Не идешь в колхоз — все отбирали, оставляли пару буханок хлеба, ведро воды, парашу, а дверь и окошки дома забивали досками. Не идешь в колхоз — вот и живи так. Они мучились, мучились, а потом не выдерживали и вступали в колхоз. Я, помню, спрашивала: «Мама, мы пойдем в Удельное? Там уже три дома забили — бойкот им». Это мы бежали и узнавали. Но бойкот не всем делали, а только середнякам, кто особо выделялся. Вот нам не делали бойкота.

Церковь была в трех километрах от нас, в чувашской деревне Тымаклы. В церковь все мы ходили, пели на хорах, голоса у многих были хорошие. Церковь то закрывали, то открывали, и тогда служили там. Потом уж закрыли совсем, а священников забрали. Молились в доме у нас много, утром тебя за стол не посадят, если ты не помолишься. И вечером также. Отец мой неграмотный был, мать четыре класса окончила, и книг богослужебных у нас много было, потом все отобрали. У нас как молились: отец помолится, мать псалтырь немного почитает, а мне говорит: «Давай “Богородицу” почитай». В воскресенье мать соберет меня: «Беги в церковь». Молилась — не молилась, а около церкви побегаю. Вот такая я была мольщица.

А у нас, действительно, часто гости бывали, приходили, окна закрывали, читали книги и молились. Федор Михайлович Галкин, глубоко верующий, приходил из деревни Удельное-Енорускино, какой-то молодой человек с книгами появлялся, из села Черемухи приезжал дядя Ваня, божественный человек, связанный с Афоном: он отправлял туда посылки, а оттуда ему присылали книги. Когда все собирались к нам и читали, отец вешал замок на дверь, сам садился во дворе возле окошечка и брал папиросу в руки. Они сидели, несколько человек, разговаривали и читали, а он сидел под окном, курил и отвлекал внимание: «Вы к Маше? А ее нет дома. Я сам ее сижу и жду». Мать ведь портниха была, к ней приходили шить. Меня обычно из дома выгоняли, как шпиона молодого, но если я вовремя пряталась, то слышала, о чем они говорили.

С двадцать девятого по тридцать третий год, когда колхоз уже был, к нам тоже приходили, но очень скрытно. Уже боялись. Отец выходил и проверял — закрыто ли все. Одеждами окна завешивали,

сидели и разговаривали. Первым человеком, кто пошел против властей и кого забрали у нас за веру, был Федор Михайлович. Я его знала и прекрасно помню, как его арестовали и посадили. Потом он прислал нам последнее письмо из Москвы: писал, что копают они подземные траншеи для метро, что вода их заливает, и что много священников там погибло. Дядя Ваня, когда коллективизация пошла, сильно обличал колхозы, и они ему в отместку выжгли глаза — он слепой к нам приезжал. Нападение и на нас пошло, и к нам перестали уже съезжаться.

В свободное время дети бегали в кустарники, набирали глину, лепили из нее кукол или солдатиков и играли в них, игрушек ведь не было совсем. Мама моя портниха была, я собирала обрезки тряпочек и шила из них одежду куклам. Играли и в мячик, если давали, если нет — сами шили. Детство у нас, как у всех, было, играли с другими детьми и дрались. В сентябре тридцатого года мы пошли в школу. Самой школы не было — комнату снимали у одной женщины, и Александра Александровна, дочь священника, за три километра стала ходить и учить нас.

Проучилась я лишь три месяца, и меня выгнали, когда мать в колхоз не пошла. Потом организовали ликбез, пришли к нам: «Тетя Маша, где Настенька? Пусть в школу идет». А отец им: «Какая школа? Она уже с кавалерами за углом стоит, а вы говорите — в школу». Мне тогда уже тринадцатый год пошел. Мама со мной дома занималась, а отца стали в ликбезе грамоте учить.

Мама не пошла в колхоз, сказала: «Я иду на все». А отцу посоветовала: «Ты иди, вступай с детьми. Я тебе дорогу не загораживаю, а сама не пойду. Пусть меня отправляют куда хотят». А он ей: «Куда иголка, туда и нитка. Иголка вперед идет». Она открыто говорила: «Это руку наложил на весь народ сатана. Это уже власть сатаны». И стали у нас все отбирать. Сперва отобрали лошадь Агнейку, а она приходила к дому и ржала, как будто по-своему плакала. Мама выйдет на крыльцо: «Агнеечка, ведь ты не наша. Не надо уже сюда ходить. Иди». А сама плачет, пока не придут и не уведут ее. Лошадь сама со двора не уходила.

Недели две прошло, корову стали забирать. Она красивая была, ей пора было телиться. Я пошла, пригнала ее, а мама говорит: «Красоточка наша, молочка мы от тебя так и не попробовали». Мы стояли, мама держала Ванюшку на руках, он еще маленький был, года полтора ему было. Соседу Кольке приказали увести ее в Аксубаево,

он и повел. Потом пришел Колька, брякнулся и плачет: «Тетя Маша, я всю дорогу плакал. Корова шла, и слезы у нее лились. Мычала, дескать, куда ты меня ведешь. Корова плакала, и я плакал. Тетя Маша, не обижайся на меня». Мама ему: «Нет, Коленька, нет. Час пришел всему». Он: «Я ее только привел в Аксубаево, начальник скотного двора как глянул, закричал сразу: “В сторону ее, в другой хлев. Я сегодня приведу за нее свою корову”». Так и забрал нашу корову себе, своей заменил.

Потом швейную машинку у мамы забрали, я уже на ней хорошо шила. Правда, ее вернули позднее: маме секретарши помогли, ведь сами же к ней шить приходили. Уговорили председателя: «Куда ее? Она поржавеет, и выкинете». Потом тех, кто в колхоз не пошел, стали на Урал отправлять. Все и пошли в колхоз, в единоличниках никого не осталось. Но мама так и не пошла и столько натерпелась. Но смирением жила, без ропота: «Настал час, надо все перетерпеть. Люди все терпели, и мы должны».

К тридцать шестому году, когда меня уже с ними не было, у родителей последнее отобрали: всю одежду, сундук, самоваришко, посуду. В избе все отодрали, лишь голая изба осталась. Тогда мама с отцом посадили Лизу с Ванюшей в санки, машину швейную положили, весь инструмент отца и до деревни Кривозерки добрались, где сняли комнату. Отец стал там сапожничать, а мать портничихой работала. Когда к маме приходили и звали на работу, она заявляла, что готова работать, но в колхоз никогда не пойдет. Ходила к людям косить, жать и помогать в огороде, за это ей сколько-то платили натурой.

А в тридцать третьем году, мне пятнадцать лет исполнилось, записали меня на Урал, лес пилить. Брат двоюродный пришел и предупредил маму: «Тетя Маша, я помочь не могу. Ее надо скрыть. Ну, какая она пильщица. Она же пропадет там зимой». Он мне паспорт выписал, были знакомые в паспортном столе, и сбежала я в Кинешму. Сначала на заводе работала, потом три года жила в прислугах, а в восемнадцать лет переехала Волгу и в Иваново на фабрику устроилась, ткачихой стала. Работали в три смены по восемь часов, тогда пятидневка была — дни недели назывались первый, второй, третий, не было ни понедельника, ни вторника, ни среды и так далее, воскресенье вообще убрали.

Затем из Иванова я приехала в деревню Кривозерки Аксубаевского района, а в тридцать девятом году поехала с одной семьей в Ташкент, к брату двоюродному Николаю. В двадцать два года я вышла там

замуж, в сороковом сына родила, а в октябре сорок первого забрали мужа моего Петра на фронт, сыну тогда было всего семь месяцев. И муж в сорок втором под Сталинградом остался. Я с сыном сидела, не работала, а тут в военкомат меня вызвали. Свекор со свекровью на дыбы — не пустим тебя.

Явилась я в военкомат с ребенком, а мне: «Выходите на работу. Из Москвы парашютный завод в Ташкент перевели. Выбирайте любые ясли, мальчика устроят туда». Раньше в городе была большая тюрьма, недалеко от нас, в этом здании завод и разместили. Пришлось мне пойти работать на завод. Свекор со свекровью возились с внуком, а я на работе края парашюта на машине зашивала, перешивала старые парашюты, они все в крови были, и новые шила — за это нам стали выделять один килограмм хлеба.

Потом мальчик мой заболел пеллагрой, совсем перестал ходить, а руки были, как рыбная чешуя. Врач сказал: «Здесь вам делать нечего». Написала я маме письмо, что еду к ней, получила сопроводительную бумагу и целый месяц ехала во Львов. Потом уже его там лечили, но он все-таки умер. И во Львове я прожила пятьдесят один год, потом уж в Рязань переехала. Молилась всю жизнь, без креста никогда не ходила, как мама моя надела, так и не снимала.

Из воспоминаний Василия Калинина³

Деды и родители мои жили на хуторе Втором Кубанском Белореченского уезда под Екатеринодаром. Лес рубили, возили и продавали в степях, этим на жизнь и зарабатывали. В семье земли было четыре гектара, сажали пшеницу, овес, подсолнухи, волов три пары было, быки, три коровы, овечки, птицы много было, до трехсот уток доходило. Отец мой⁴ и дед жили по-христиански, когда я в семнадцатом году под Масленицу родился, меня в субботу окрестили. Во время революции церковь эту сожгли, и все наши метрики сгорели.

А в двадцать девятом году, двадцатого сентября кажется, в полночь у нас все забрали. Дали одну лошадь и две семьи — наших семь душ и других шесть душ — посадили на подводку и в сильный дождь, в

---

³ Калинин Василий Владимирович, родился в 1917 году.

⁴ Калинин Владимир Маркович.

грязь и непогоду отвезли нас в район. Я мал был, к такому не готов был. Сутки или трое мы сидели там, потом набили полные вагоны-«краснушки»⁵ с двойными нарами и отправили в село Белокоповское Дивенского района Ставропольского края⁶. Доставить нас можно было за день, а нас везли трое суток. Загоняли вагоны в тупик, били и женщин, и детей. Недалеко там Джилга, Большая и Малая. Там мы прожили зиму. Изба саманная, две комнаты в ней, а жило нас четырнадцать человек.

Весной нашу лошадку забрали в колхоз, а нас посадили в вагон и повезли в Свердловск, на торфяные разработки. А там кошмар был, дети мёрли... Разместили нас в двойных дощатых бараках, сквозило там сильно, печки железные мало давали тепла. В бараке — тройные нары, на восемьдесят или девяносто сантиметров одни от других, нам дали два квадратных метра. Когда приехала помогать маме бабушка Матрена, стало нас здесь восемь человек. Когда нас туда привезли, младшему братику годик исполнился. Он мочился, а родительница моя груди укутывала пеленкой и так сушила ее. Этот братишка, конечно, высох как сухарик, одна корочка, он скончался там.

Отец наш был калека, у него рука не гнулась, но его направили на торф. На болоте посередине вырыли канаву, а к ней через пятьдесят метров метровые канавы. В день на человека по норме надо было вырыть двадцать квадратных метров торфа. Когда копаешь канаву, то там до половины воды — болото. Давали лапти и бахилы. Вот там был ужас! Сколько народа там погибло! Целые кладбища нарыли там. Давали там по двести грамм хлеба на человека, отец работал, получал восемьсот грамм, на восемь человек получалось два килограмма двести грамм. Как выжить?

Потом нас перевели на лесоразработки в Чусовской район Пермской области, на реке Усьва. Там была явная гибель. Народ сильно голодал. Весной повели сажать картошку, народ голодный не удержался и наелся сырой картошки — и там умирал. В тридцать втором году родители решили бежать оттуда, отец купил поддельный документ — бы-

---

⁵ Телячьи вагоны.

⁶ Что делала тогда советская власть? Об этом в Ставрополе нам рассказал один казак, выживший чудом. Когда красные приезжали туда, то выгоняли всю деревню и каждого третьего выводили из строя. Потом вязали их рука за руку и уводили. Стрелять боялись, просто рубили: двое держали, а третий рубил. И хоронили потом в общей могиле. Так этот человек был из казаков донских, он такой здоровый был, что, когда его подвели к могиле, он рванулся и побежал. Не догнали его, чудом удалось ему спастись в кустах.

ли там мастера, люди грамотные, сделали печатку из картошки. Доехали до станицы Ильинская Новопокровского района под Сталинградом, знакомые там были. Но когда мы приехали, они испугались и отказались помогать нам. Муки, правда, дали, денег у нас осталось всего два рубля пятьдесят копеек, на них проводили на родину нашу бабушку.

До нашей станицы оставалось еще сто пятьдесят верст, отец ходил и побирался, а мы, как галчата, сидели и ждали, когда он принесет хоть кусочек хлеба. Одна знакомая предала отца, его схватили и увезли в Краснодар⁷. Мы стали по полям ходить и колоски собирать. Однажды мне удалось поймать зайчонка, бежал я и радовался, что накормлю всех, ведь мяса мы не видели тогда. А тут навстречу объездчик, арестовал, привел в милицию. Там в то время комбайнеры и шоферы находились, которые хлеб продавали. С ними завозились, я выскочил и убежал. К мамаше пришел, а она с детьми голодная совсем. Оставил их и поехал на родину. Насушил там груш, в лесу их тогда сколько хочешь было, насобирал початков кукурузы, родные кое-что дали, и привез матери.

Но нам в своей станице нельзя было жить, пришлось жить у маминого брата в станице Кубанской. В его семье были мать его, два сына и дочь, маленькие ребятишки, да нас было пятеро. Дед мой до высылки был хорошим охотником, бил куницу прямо в глаз, продавал шкурки заезжим, а они стоили семьдесят рублей золотом, так что имел деньги. А когда его высылали в Сибирь, он спрятал заработанные им шесть тысяч золотых, взять с собой их не мог. Дяде дали пять лет высылки. И перед отправкой он из этих денег дал мне двести рублей. Я на эти деньги в Майкопе брал по три-четыре пуда пшена и привозил их — так мы выживали. Потом Сталин дал приказ выявить всех, кто живет на одном месте меньше пяти лет, — всех «под гребенку» собирали. Однажды вернулся я, вижу, братишки ревут. Я спросил: «Где мамаша?» Они мне: «Забрали». Я говорю: «Одевайтесь». Пришли мы в сельсовет полубосые, я сказал: «Или мать отпускайте, или меня забирайте. А нет, так всех нас забирайте». Они мать отпустили, а меня посадили. Отец в это время прислал письмо: «Мне дали десять лет, Свирские концлагеря, дайте помощь».

Мать долго разыскивала меня, ездила в Майкоп и Краснодар, но не нашла. А меня уже в Армавир отвезли и посадили там со «шпаной»

---

⁷ В 1932 — за побег из ссылки приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Свирский лагерь.

вместе, они там хозяйничали. В каждом корпусе было по пятьсот человек, вшей было столько, что раздевались догола и огребали их. Каждый день по двадцать человек умирали от голода. Вызывают меня на следствие. С нашего сельсовета переслали бумагу, что я «беглец». А я отказываюсь, я упрямый был. У них же — резиновые палки, они тогда уже были. Нагнут тебя, по шее дадут этими палками два-три раза — теряешь сознание. В камеру собрали семнадцать человек, таких же «беглецов». А с нами в тюрьме сидела тетя, жена брата мамы, ее раньше посадили. И когда я дошел до «пеллагрика», она спасла меня от голодной смерти, передав ведро грушевой муки⁸, и этим я спасся. Мёрли люди.

Потом был приказ Сталина — разослать всех по районам. Меня вызвали и отправили домой. А это зимой было, в январе, кажется, тридцать третьего года. Пришлось мне двадцать пять километров пешком идти, но хуторяне наши встречались, дадут кусочек хлеба, я съем, пройду немного, за два дня я и дошел до дома. Родительница встретила меня, собрала кое-какую пищу, а шубу в печку бросила — она от вшей трещала, как из пулемета. Стали жить на квартире. Я работал в «Кизилпроме», у нас дерево такое растет, кизил, вот его и рубили. У моей матери, кроме меня, было еще три сына. А тут у одного колхозника жена умерла, тоже трое детей осталось. Он и сказал моей матери: «Давай с тобой сойдемся, чтобы детей довести». Мне родительница и говорит: «Женись, сынок». А я уже вырос, женили меня на девушке, ведь сами мы не выбирали, слушались родителей.

В то время у единоличников за налог забирали вещи и продавали их на базаре у сельсовета. Сначала предлагали за пятьдесят рублей, потом скидывали до двадцати пяти, в конце концов доходили до двух-трех рублей, почти даром отдавали — а мы оставались голыми. Потом стало совсем невыносимо... Из-за этого я и залез в этот проклятый колхоз. До сорокового года меня и прицепщиком не допускали, заставляли работать только на волах. Кто активистом был, у того двести трудодней, так ему теленка-бычка, поросенка, овечку. А мне: «Этих загнать опять, чтобы там работали». В армию меня не брали, а после приказа Тимошенко забрали нас восемьсот человек с Кубани, и меня тоже, и привезли в Мурманск. Это было в сороковом году...

---

⁸ Дикую грушу сушили и мололи.

*Из воспоминаний Веры Торгашевой*⁹

Матушка, Мария Семеновна Торгашева¹⁰, отец, Федор Васильевич Торгашев, казак был¹¹. Когда пришла советская власть, и началась коллективизация, родители не вступили в колхоз, который назывался «Безбожник», и тогда огород нам обрезали по самое крыльцо. Когда родителей раскулачили, мне было около пяти лет — мы с детства были гонимы¹². Отца в тюрьму посадили, а нас из дома выгнали, а дом, скотина и все добро достались колхозу.

Потом нас с мамой вывели из дома, разрешив взять смену белья и кое-какие подстилки, так как мама была беременной (в ссылке она и родила сестренку). Нас посадили на подводку и повезли за Волгу, где собирали раскулаченных и за тридцать километров доставили в Царицын. Там на станции высланных кулаков посадили в телячьи вагоны, на целый эшелон набрали, и повезли нас на ссылку в Казахстан. Мать моя несколько не расстраивалась и не плакала, ничего не жалела, что отобрали, ей родители говорили, что все пойдет ради Христа. Они ведь читали пророческие книги и знали, что придет такое время, выгонят из домов и отберут все. Но Господь укрепит и в будущей жизни воздастся сторицей. И мама была тверда в вере до последнего дня, всю жизнь терпела и благодарила Господа за Его великую милость.

Отец из писем узнал, где мы, мы переписывались, и он попросил перевести его к нам. Ему разрешили, так мы и соединились. Сначала в землянках жили, потом бараки построили. Замерзали, голодали... И все равно о том времени не осталось тяжелых воспоминаний. Это было детство, родители рядом, печка топилась, одеяла теплые... Был там с нами еще родственник Алексей с сыном, жена у него померла. Отец ему и говорит: «Алешка, давай бежать отсюда, чего уж тут, помирать

---

⁹ Торгашева Вера Федоровна, родилась в 1927 в селе Пичуга Дубовского района Нижне-Волжского края в крестьянской семье. Ее рассказ записан в 2000 году в Липецке.

¹⁰ Мария Семеновна Торгашева, родилась в 1900 в деревне Пичуга Дубовского уезда Нижне-Волжского края, в крестьянской семье. Получила начальное образование. Вышла замуж за Федора Торгашева.

¹¹ Федор Васильевич Торгашев, родился в 1895.

¹² В 1933 — семью раскулачили и отправили в Казахстан.

что ли?» Ну, и убежали мы... Зайцами приехали в город, потом уехали на станцию Бекетовка. Отец поступил на работу, но его скоро разыскали. В тридцать пятом году пришло ему извещение — явиться в угрозыск. Он не пошел, решил: «Убегать надо отсюда. Куда первый пароход пойдет, туда и поедем». Пароход пошел в Казань, туда и уплыли, и десять лет там жили. Отец работал, мама оставалась дома, а я в школу пошла.

Во время войны пригнали в Казанскую психбольницу Василия Степановича Денисова, мы его дядя Василий звали. Его старший брат Сергей Степанович был подвижником и в Липецкой области проповедовал, а сын его Григорий Сергеевич потом хорошо толковал Библию — что антихрист пришел, что скоро конец света. Ждали конца света...

Из воспоминаний Екатерины

Родители отца в колхоз не пошли, были единоличниками, работали на себя, потом умерли в войну. Из братьев отца тоже никто в колхоз не пошел, остались единоличниками, держали свое хозяйство. В конце двадцатых годов всех родных отца раскулачили, все отобрали и из дома выгнали. Дядю Тихона сослали и там расстреляли, семью тети Марии сослали на север Сибири. И все они там погибли: мужа тут же кончили, дочь и сын — они еще маленько пожилы там. Родители мамы тоже работали в своем хозяйстве, работников не держали и в конце двадцатых в колхоз не пошли, оставшись единоличниками. Мама моя венчалась с отцом, когда ей было девятнадцать лет. Она неграмотная была, но деньги считать умела. В семье родилось трое детей: старшая Наталия, я — Екатерина, родилась в тридцать первом, и младший брат. Нашу семью не выслали, но раскулачили и все отобрали. Папа и дядя Саня, его двоюродный брат, скрывались в лесу, отец только ночью приходил домой. Жили мы в старой бане, там я и родилась. Я маленько помню, как дедушка наш стал избу строить, сруб уже стоял, мне тогда около шести лет было. А в тридцать седьмом году дедушку и других, кто так и не пошел в колхоз, вывели за десять километров от села и в низине за мостом расстреляли¹³. Мы молились до-

---

¹³ Недавно стало известно, что их расстреляли в Бугульме в 1937 году.

ма, в церковь не ходили, но мне рассказывали, что когда раньше ходили в церковь, то все папины братья всегда стояли в нашей церкви на крыльцах, они певчие были, у них хорошие голоса были...

Из воспоминаний Марии Мазуркиной¹⁴

Когда у нас начались колхозы, мама моя сказала: «Умру, а в колхоз не пойду!» А у нас насчет этого больно строго было, стали грозить, что выгонят из дому, говорили, что потом вышлют нас. А в ссылку нас нельзя было, ведь семеро детей у мамы, а отец помер. Только выгнать из дома нас решили, а тут пожар, и дом наш сгорел. И жить нам уже негде было. А соседей предупредили в сельсовете: «Не пускайте их ночевать на квартиру. А то и вас выгоним из дома». У нас раньше пчелы были, и для них подвал был, омшаник. Вот и стали мы в этом подвале жить.

Там печи не было, и старший брат, восемнадцатилетний, печужку сложил и сбоку окошко прорыл небольшое. Весной грунтовая вода подходила, и нас затопляло. Мама тогда посреди землянки выкопала яму, чтобы вода стекала туда, и я с младшим братом днем эту воду вычерпывала, по девяти ступенькам поднимала ведра и вытаскивала на улицу. По грязи, босиком, в холодной воде! А старшие брат с сестрой таскали ведра воды ночью. День и ночь приходилось нам всем таскать воду, чтоб не затопило нас. Вот в этой землянке мы жили, долго там жили. Потом сестра старшая¹⁵ вышла замуж, они домишко купили или поставили, и она нас к себе взяла жить...

Сестра тоже в колхоз не пошла, и их предупредили, если они в колхоз не пойдут, то у них все отберут. А у сестры корова и лошадь были. Муж сказал ей: «Что делать, надо уезжать». Продал он лошадь, корову и поехал с деньгами в Бугульму на работу устраиваться. А тогда большие очереди за хлебом были, и у него там украли все деньги и документы. Он с товарищем был, решили они ехать обратно, а контролерам в поезде объяснить, почему едут без билетов. А в тамбуре поезда их выбросили на пути. Привезли мужа сестры в больницу,

---

¹⁴ Мазуркина Мария Григорьевна, родилась в 1924 году.

¹⁵ Мазуркина-Романова Ефросинья Григорьевна, родилась в 1909 в селе Кузайкино Шереметьевского уезда в крестьянской семье. Грамотная. Крестьянка-единоличница.

сестра пришла туда навестить его, принесла зеленые лепешки из лебеды и, увидев его, упала в обморок. У него — кости наружу и весь хребет изломан.

Теперь и сестру, и нас хотели забрать в колхоз. Сестра стала скрываться, летом в лесу жила...

Батюшка Филарет приходил в Кузайкино тайно, здесь собирались и молились в доме его родных. Правда, это редко было, он ведь все время скрывался. Потом батюшка Филарет услышал о владыке Михаиле, тот на горке служил, и пошел к нему. А потом, после службы на горке, пришел к нам и рассказал: «Я ничего не видал, какая была служба. И только молния все время сверкала, как только он провозгласит или с кадилом пойдет. И всю службу он без книг служил. Я могу одно сказать — это сам Бог»...

Из воспоминаний Анны Кандалиной¹⁶

Дедушка был подпрапорщиком, его расстреляли в тридцать седьмом году. Их десять человек забрали, одного отпустили, он не богатый был, а остальных расстреляли. Хоть мы кулаками были¹⁷, но я деревенской жизни не знала. Родители мои совершили побег из деревни¹⁸, а ночью пришел приказ: «Сын за отца не отвечает». Жили они в разных городах, в Москву прибыли в тридцать четвертом году. Отец все мог делать. Мама работала в писательской столовой, а потом — курьером в гостинице «Москва», разъезжала по Москве и в Ленинград ездила.

Жили мы в комнатке. Детство было веселое и хорошее. Мама приучала меня убирать за собой, плохих слов не говорить, не воровать. Я бойкая, но никогда не возьму чужого. В пионеры мама не разрешала, но я Новый год и Первое мая встречала по-детски, выступала и галстук надевала, но тайно от мамы. В сорок втором году нас эва-

---

¹⁶ Кандалина Анна Александровна, родилась в 1926 в селе Елантово Шереметьевского района в крестьянской семье. Окончила пять классов средней школы. Участница нелегальных молений.

¹⁷ Отец, Кандалин-Анисимов Александр Петрович, сын раскулаченного. Мать, Кандалина Мария Алексеевна, родилась в 1905 в селе Горшково Ново-Шешминского уезда в крестьянской семье. Получила начальное образование. В семье было трое детей: Нина, Анна и Владимир.

¹⁸ В 1930 — бежали, боясь высылки.

куировали, и мы вернулись на родину¹⁹. Нашей семье был положен паек, как эвакуированным, но мама отказалась²⁰, когда мы молиться стали. Мы «тихоновского» течения были. Мама рассказывала мне, что раньше председатель сельсовета приказывал, чтобы у нас в доме били окна и ломали двери.

Первый раз меня забрали с мамой в сорок третьем году. Шли допросы, нас сильно жали²¹. С сорок третьего по сорок седьмой год меня забирали несколько раз. Многие наши соседи предавали. Жили так — зашел к нам сосед, и нас забирали. Владыка Михаил еще раньше предсказал, что нас предадут. И в сорок третьем нас предали, тридцать милиционеров окружили Елантову рощу, кричали так, будто кто-то из верующих кричит, чтобы на этот крик сбежались все. Стрельбу открыли, и народ стал разбегаться. Одну нашу убили насмерть, разрывной пулей дали в спину — и кишки наружу. Она молилась с нами всего три месяца, у нее муж нехороший был, она просила: «Матерь Божия, возьми меня к себе». Так и получилось... В Иванове она жила, собиралась ехать в отпуск на родину, накупила всем подарки. Шла домой, вдруг навстречу ей женщина, спросила ее: «Домой собралась? Езжай, и с собой тебе ничего не надо. Только платье и рубашку возьми, больше тебе ничего не надо».

Потом уже владыка Михаил сказал о женщине, предавшей нас: «Пусть теперь идет каяться к Сталину. Кто владыку предал — до седьмого колена будет проклят». Всех арестовали, кто был связан с владыкой Михаилом: маму²², Устю²³, Марию²⁴ и других. Устя как-то спросила владыку: «Мишенька, а что говорить на допросах?» А он сказал: «Так и говори, что ничего не знаю». Сидела я в одиночке, в камере кровать и стол к стене были привинчены и бочка, лампочка и окно вверху. Допрашивали нас: «Какого течения? Под чьим руководством?» Мы писали: «Тихоновского» течения, под руководством Ми-

---

¹⁹ В 1942 — семья была эвакуирована из Москвы, вернулись в село Елантово.

²⁰ В начале 1943 — мать познакомилась с Михаилом Ершовым, стала посещать тайные богослужения истинно-православных христиан.

²¹ Кандалина Мария Алексеевна была арестована с дочерью во время облавы в Елантовой роще, но вскоре обе были освобождены.

²² 10 октября 1943 — Мария Алексеевна арестована. 18 августа 1944 — приговорена к 10 годам ИТЛ с поражением в правах на 5 лет и отправлена в Усольлаг.

²³ Грунина Устинья Алексеевна. 10 октября 1943 — арестована. 18 августа 1944 — приговорена к 5 годам ИТЛ с поражением в правах на 3 года и отправлена в лагерь.

²⁴ Тихонова Мария Григорьевна. 10 октября 1943 — арестована. 18 августа 1944 — приговорена к 10 годам ИТЛ с поражением в правах на 5 лет и отправлена в лагерь.

хаила Ершова». Во время допроса заставляли смотреть прямо в глаза, папиросу есть давали. Спрашивали, почему мяса не едим, как поклоны кладем.

Мне связали руки, когда стали допрашивать за царя, наследника Алексея. Следователь-татарин потребовал: «Давай рассказывай, кто такой Алексей». Я сказала: «Покажите мне Григория Русакова²⁵. Тогда я вам буду говорить все». Открыли мне кабинет, а там Русаков, я и спросила его: «А кто такой Алексей?» Когда в Елабугу привезли на встречу с владыкой, он сказал мне: «Нюрочка, терпи». А один парень у нас отрекся, ему предложили: «Покажешь, как надо, ботинки дадим. Еще на вопрос ответишь — брюки дадим». Ворох одежды положили, а потом задали вопрос, на который он не ответил, — и все забрали. А моей подружке дали хлеба и чаю сладкого да лишнюю кружку воды и в туалет разрешили — она и предала. Я в тюрьме боялась одного — боялась Господа и чтобы не предать.

В сорок четвертом году меня отпустили, после этого я скрывалась, работать уже не пришлось. В том же году я отсидела два месяца за то, что не работала. В сорок седьмом забирали и спрашивали: «Что Ершов Михаил говорил?» Мама в том же году побег совершила, скрывалась, но потом ее опять поймали и осудили²⁶. На другой год меня снова вызвали, а там забрали, связали руки и опять все расспрашивали. Но потом отпустили.

Я ведь четыре года скрывалась, а потом нас всех подружка одна сдала. В сорок восьмом году к вечеру подъехала машина, забрали и увезли в Казань, даже одеться мне не дали²⁷. Нас по делу шло четверо, а кто был убогий или глухой — их не забрали. Три месяца мы сидели по одиночкам. Троицким, кто со мной по делу шел, задавали много вопросов, а мне — нет. Допросы шли по ночам, хороших людей я не сдала и под протоколами не расписалась. Я не знала религиозных правил в тюрьме и в Рождественский пост ела там скоромное, а наши трое не ели скоромное, но под протоколами расписались. На суде²⁸ я сказала, что «мы — не советские», что «ваш суд я не признаю, а только

---

²⁵ Русаков Григорий (Филарет) Васильевич.

²⁶ 25 июля 1947 — совершила побег из лагеря, скрывалась в Ямашинском, Шереметьевском, Ново-Шешминском и Чистопольском районах, посещала тайные богослужения. 30 августа 1948 — арестована. 22 ноября приговорена к 25 годам ИТЛ с поражением в правах на 5 лет и отправлена в Озерлаг.

²⁷ 19 ноября 1948 — арестована по групповому делу ИПЦ.

²⁸ 8 февраля 1949 года.

суд Божий». Дали нам по двадцать пять лет и пять лет поражения в правах и отвезли в Казанскую пересыльную тюрьму²⁹.

Из воспоминаний Веры Торгашевой

По окончании школы я поступила в фельдшерско-акушерскую школу, окончила ее в сорок пятом году и стала работать в больнице. А в сорок шестом году Василий Степанович подтвердил, что в официальной Церкви благодати нет, что эта Церковь не истинная, он проводил для всех беседы, объяснял Писание. Мама моя сразу приняла его, она ведь все видела раньше: как монастырь разрушили, монашек разогнали, церковь закрыли, священников арестовали. Так что мы все пошли за ним с радостью.

Молились по воскресеньям и в праздники, читали акафисты, пели стихи. Потом дедушка Яков и бабушка Варвара предоставили для молений свой большой дом, и все собирались там, много верующих приходило. Духовно подкрепляли друг друга, акафисты читали. Я к ним в гости ходила. Был голод, карточки, а они приветливы, чем-нибудь да угостят. Тогда строго было, могли посадить даже за чтение Псалтири над покойным. Попал к нам в дом священник-иуда. Пасху он с нами встретил и всех переписал. Только зиму мы вместе и молились, а после Пасхи сорок седьмого года стали забирать наших, сразу пятнадцать человек арестовали³⁰.

Первых-то наших взяли в Казани, а я переживала все: «Господи, да что ж это мы-то остались? Когда же нас-то заберут?»...

К лету сорок седьмого забрали много наших сестер и братьев в разных селах, там уже никого почти не осталось. А мы с мамой все на свободе были. Как-то под Троицу морковь с ней пололи, я ей и говорю: «Что ж делать-то теперь, ходили, читали, так было радостно. Как теперь жить? Так скучно на душе, не к кому пойти, почитать и поговорить, так грустно. Что ж меня-то не взяли? Я б их хоть там увидела». А она мне: «Так ведь тюрьма, там ведь плохо, морят голодом». А я ей ис-

---

²⁹ Продолжение рассказа о жизни в лагере — в главе VI.

³⁰ Среди арестованных в Казани и области: Н. А. Агафонов, М. Г. Герасев, Т. И. Гордеева, В. С. Денисов, Г. С. Денисов, А. А. Ефимова, А. В. Комаров, А. В. Кузнецова, А. Ф. Самарина, К. П. Сидоров, С. С. Степанов, Е. П. Терентьева, И. Е. Яковлева.

кренне: «Так ведь Господь все видит, сверх меры испытаний не допустит. Разве он не поможет?»

Мы все с мамой ждали, когда же нас заберут, не то чтоб не боялись, но и не прятались. У нас в доме было много книг: Евангелие, «Иван Златоуст», стихи, письма, фотографии, бабушкин старый молитвенник — мы все прятали в сене, чтоб не отобрали при обыске. Перед самым арестом мы с мамой ночевали в поле, и мне приснился сон, будто к нам подбираются два огромных волка, глаза в темноте светятся. Я в страхе закричала и проснулась. Вот ведь какие волки были на самом деле... Тридцать первого мая пришли с обыском, а мы только-только выложили книги, чтоб под Троицу с пришедшей Валентиной³¹ почитать акафист. Следователь руководил обыском, а я лишь об одном думала: «Господи, кого заберут? Меня или маму? Хоть бы меня взяли, а маму оставили бы». Брат Витя, он был немой, показал маме, что кушать хочет, она налила ему супа, а он при всех перед едой помолился и положил три земных поклона.

При обыске забрали у нас все книги и такую яркую иконочку. Потом после личного обыска увели меня³². Правда, маму потом все равно арестовали и в лагерь отправили³³. Верховным судом в Казани после трех дней осудили нас³⁴, а после приговора³⁵ отправили в Глазов. Зимой мы там отработали, а весной нас развезли по лагерям³⁶.

---

³¹ Семенова Валентина Макаровна.

³² 5 июля 1947 — ей было предъявлено «Обвинительное заключение», в нем говорилось: *«Принимала активное участие в практической антисоветской деятельности организации церковников ИПЦ, посещала нелегальные сборища, на них неоднократно выступала с антисоветскими измышлениями, хранила и распространяла антисоветскую литературу, принимала активное участие в сборе средств для оказания помощи заключенным».*

³³ Среди арестованных были: Бажанова Наталия Андреевна, Богачева Евдокия Михайловна, Денисов Сергей Степанович, Комарова Ефросинья Ивановна, Максимов Александр Иванович, Модина Вера Ивановна, Смирнова Антона Максимовна, Терентьева Анна Гавриловна, Терентьева Ольга Гавриловна, Торгашева Нина Ивановна, Флягин Яков Иванович, Флягина Варвара Григорьевна.

³⁴ 1 августа 1947 — приговорена к 7 годам ИТЛ и отправлена в Глазовлаг.

³⁵ 29 июля 1948 — арестована по групповому делу церковников. 11–13 сентября 1948 — приговорена к 10 годам ИТЛ с поражением в правах на 5 лет. Отправлена в Воркутлаг. 12 декабря 1949 — в лагере приговорена дополнительно к 10 годам ИТЛ. 15 июля 1950 — отправлена в Минлаг, не работала по религиозным убеждениям. В июле 1953 — подвергалась административному взысканию за *«организацию массовых песнопений религиозного характера»*. 28 октября 1954 — срок наказания снижен до 6 лет. 12 декабря 1955 — освобождена из лагеря, выехала в Тирасполь под опеку родственников и надзор органов МВД.

³⁶ Продолжение рассказа о жизни в лагере — в главе VI.

Из воспоминаний Василия Калинина

Когда началась война, я думал: «За кого воевать? За Ленина — Сталина?» Попал я на полуостров Рыбачий, в гаубичный полк. Когда меня поставили наводчиком, я подумал: «Как это я, верующий, буду убивать». Там линия пятьдесят метров, мне команду дают: «Прицел сто тридцать». А я ставлю прицел «сто тридцать три», я говорю откровенно, ничего не боялся. Как только выстрелил, сразу переводил на прицел «сто тридцать», что мне передавали. Так я выпустил около тридцати снарядов, и ни одного потом не нашли. Прибежал командир взвода, закричал: «Застрелю!» Я ему: «Стреляй!» И объяснил, что у меня от страха глаза ничего не видят, а крестовина в прицеле двоится. Ну, он посмотрел на меня внимательно... и не расстрелял...

А немцы листовки с самолетов сбрасывали, в них было написано, что свобода вероисповедания, мелкая кустарная собственность будут разрешены, и что будем жить свободно. Я эти листовки собирал и распространял, были и другие. Нас собралось таких восемь человек, они мне доверяли, а я им нет — они ведь считали, чтобы уйти к немцам, нужно было иметь с собой какое-то свидетельство, убить кого-то. Я с этим не соглашался. А перед этим уже одну группу разоблачили. Они решили убить политрука-еврея. Тот не растерялся и позвал охрану. Всю группу перехватили, куда их дели, мне неизвестно, порасстреляли, конечно.

А тут жена моя сообщила, что младший брат Семен ушел в лес. Семена призвали в армию, а тут пришел старичок и спросил их: «Куда вас, сынки?» Они ответили: «В армию». А тот сказал им: «Вам не в армию надо. Кубань отдают Англии. А вы идите в лес, поживите там, потом будете свободны». Они и сбежали в лес. После письма понял я: из-за Семена мне тюрьма будет. Со мной тогда служил хutorянин, родственник мой, мы с ним и решили к немцам бежать, переправу готовили. Баржи немцы обстреливали, и бочки с горючим горели. Мы дыры в бочках залили гудроном, сделали из них треугольник на три метра и укрепили его — ждали удобного момента перебраться через Мотовский залив.

Двое из нашей группы сидели в гнезде пулеметном в семидесяти метрах от немцев. Их там было шесть человек: командир, потом один

симферопольский и орловский друг мой, он на посту дежурил, а трое партийных активистов спали. Командир скомандовал другу моему: «Помой посуду, я поел». Тот ответил ему: «Вон у тебя спят, а я на дежурстве. Пусть они моют». — «Я тебе приказываю!» Тот возмутился: «Ну, раз приказываешь, помою сейчас». И весь магазин из автомата в него выпустил. А потом растерялся. Те трое проснулись, орловский побежал к немцам, а симферопольский взорвал гранату. Она ранила всех троих, но они его по голове ударили — и он упал. Это я потом узнал, симферопольский мне рассказал, когда нас посадили в смертную камеру в Вологде. А я не знал, что совершено убийство...

Я на допросах от всего отказывался, говорил, что ничего не знал. Потом приехал командующий, генерал, и на допросе поймал меня на одном слове. Я подумал — убьют меня — и все рассказал, как было. Следователь спросил: «Какое у тебя образование». Я сказал, что только один класс. Он спросил: «А где ты учился?» Я ответил: «У советских офицеров». Судили нас, дали нам троим «вышка»³⁷, одному пятнадцать лет лагерей, а четверым по четыре года. И как их послали в «штрафняк», там они и погибли.

Привезли нас в Вологду, мы два месяца сидели в «смертной» камере в подвале, где все время капала вода. Благодаря тому что на мне были шуба, две пары теплого белья и армейские сапоги, удалось все-таки не заморозиться окончательно. Через два месяца меня вызвали и сказали, что Калинин, всесоюзный староста, меня амнистировал, отменил высшую меру³⁸. Ну, я сказал, что исправлюсь, а начальник тюрьмы заявил: «Горбатого могила исправит!» Отправили меня на Воркуту³⁹ ...

* * *

Когда я работал в кузнице⁴⁰, а там сквозит кругом, то сильно простудился. Воспаление седалищного нерва — пластом лежал, пальцем не мог пошевелить.

Пришел ко мне Слава Вишневецкий, западник, верующий, он дружил со мной, и сказал: «Пришел к нам русский иеромонах». А я не

---

³⁷ 5 января 1944 — приговорен к ВМН.

³⁸ В феврале 1954 — расстрел заменили на 20 лет каторжных работ.

³⁹ Продолжение рассказа о жизни в лагере — в главе VI.

⁴⁰ Находясь в Воркутлаге.

имел понятия, что такое иеромонах. Вы поймите, в какой жизни я был до этого! А Слава рассказал мне, что так же болел и вылечил его иеромонах. Я и попросил: «Пойди позови». Он сходил, а Михаил Васильевич⁴¹ сказал: «Нет, я сегодня не приду. Завтра». А у нас даже хлебушек белый и сахар. Он пришел на другой день, спросил: «Ну, чего ты лежишь-то? Да ничего там нет. Пойдем побеседуем со мной». Я говорю: «Какая беседа? Вы сядьте, пожалуйста, выпейте чаю». И как он взял меня за это место: «У тебя там ничего нет. Пойдем!» Я встал и пошел, как он мне говорил. Что он мне потом говорил, я ничего не помню, но помню, что плакал я, даже ревел, как дитя малое. Он мне сказал: «Полежи еще, а завтра пойдешь на работу». Я сам не верю, но на следующий день я уже смог пойти на работу. С тех пор у меня там никогда не болело.

С того часа я стал с ним знаком. В воскресенье вечером пришел ко мне этот иеромонах: «Вы где работаете?» Я говорю: «Так и так». Он говорит: «Сделайте мне церковную утварь. Чашку вы, конечно, не сможете сделать. Ну, стаканчик сделайте, копие с ложечкой, тарель». Ну, я рад такому человеку помочь. Стали точить, а там вздутие и дырка. Приходит он в понедельник вечером: «Сделали?» — «Нет». — «А почему же вы не сделали?» — «Да работы много». Соврал я. И так во вторник, среду, четверг не могу сделать: только налью — вздутие, Саша начнет точить — там дырка. И так всю неделю. Пришел Михаил Васильевич в пятницу: «Вы мне сегодня сделайте. Мне завтра службу совершать». Он там все время службу совершал. И тут, раз-раз, выточили. Он приходит: «Чем вам заплатить за это?»

С Михаилом Васильевичем я очень подружился, ни он, ни я не могли больше друг без друга. Он ухаживал за мной, как за малым дитем, после работы я к нему и он ко мне. Объяснял, какой наш путь, мяса не едим, ведем монастырскую жизнь. Он мне ничего не запрещал, и в праздники работай — когда разберешься. Пошли мы как-то в столовую, там усиленный паек давали: сто пятьдесят грамм котлет, мяса там пять-десять процентов, а остальное каша. Посмотрел я на котлету, а он мне: «Ты ешь, ешь». Потом я совсем перестал есть мясное, хороший повар добавит нам по пять-десять грамм растительного масла, и хорошо. А как найдется плохой повар, он мне говорит: «Давай, сынок, этого съем?» Я думаю: «Как мы его съем?» А на другой день — его уже нет, другого поставили.

---

⁴¹ Ершов Михаил Васильевич. Знакомство произошло в октябре 1946 года.

Потом стал я присматриваться к его жизни, и многое меня удивляло. В те годы в лагере нелегко было. У него несколько раз забирали пайку хлеба, а он никогда никому не жаловался. Два года я с ним жил и никогда не замечал, чтобы он не только кого оскорбил, но и сам никогда ни на кого не принимал гнев. Когда же получал посылку, то все дорогой раздавал, и если что-то приносил в барак, то совсем немного. Работал он в портновской, там западники для начальства то тапочки шили, то туфли. А его поставили на валенки, он по сорок пар безотказно подшивал. Он весь замазанный, а мыла там давали по пять грамм, когда в баню пойдешь, крошечный кусочек, руки мыть было нечем. Я ему говорю: «Сядь с нами чай пить». А он отвечал: «У моего Отца больше взятой всех вас вселенной».

Однажды верующие прислали ему десять посылок, а там так было. Приходишь за посылкой, тебе говорят «расписывайся», а потом что воры тебе дадут, то дадут. А он принес лишь жменьку орехов и сказал: «Отныне им жизни не будет». И на другой день пошла резня: «суки» пошли на воров, а воры на «сук», в первый же день у нас сорок человек зарезали. И по всему Советскому Союзу прошла эта волна. Мне он как-то сказал: «Будет воля Божия, но ты перетерпишь». А на друга моего Сашу посмотрел: «А тебе, Саша, детей жалко». Тот заплакал, а через месяц его освободили «по чистой», хотя никуда он не писал. У него было пятнадцать лет каторги, сняли, и он домой уехал, не знаю, что с ним стало.

До встречи с Михаилом Васильевичем мне в лагере везде дорога, а как встретился — мне все закрылось. Он просит: «Достань хоть сто грамм белого хлеба для службы, а то на черном нельзя служить». И то я с трудом достал. Он все время там совершал службу. Одно время ко мне один вор приставал: «Я тебя убью!» Я говорю: «Ну, бей!» Рассказал я о нем, а Михаил Васильевич попросил: «Покажи мне его». Я говорю: «Господь знает». И как ему сказал, больше вор меня не притеснял, потом убили его. Списали меня с молотобойцев, когда я с ним встретился, и направили в глиняный карьер. Там я попал между вагонок, ногу не сломал, но она сильно распухла. Меня отправили в стационар, а было там около девяноста человек.

Я в то время стеснялся креститься, лягу под одеяло и крещусь, стыдно мне было перед другими. И вот лежу я под одеялом, прочитал Иисусову молитву, стал читать «Царице Небесной», не знаю, сколько прочитал, чувствую посторонний запах. Подумал сначала, что Михаил Васильевич пришел да ладан жжет, посмотрел — никого нет. Начал дальше читать. «Откровенно говорю, Господи, не вмени во грех — не

могу дышать, запах все гуще, не могу дышать». Я встал, беру одеяло и вот так разгоняю. Смотрят больные, врач вышел: «Что с тобой, Калинин?» Я молчу, ничего не объясняю. С тех пор я понял, что тут играть нечем. А потом Михаила Васильевича отослали на Колыму⁴²...

Из воспоминаний Марии Мазуркиной

Мой брат Артемий допризывником был, и его, как кулацкого сына, назначили в трудармию. А какой он кулак? В землянке жил, семеро нас было, без огорода голодали, одна только котомка у него была. Брат не хотел идти в трудармию и тихонько из дому сбежал. В Кинешме он как-то получил документ и устроился работать на мыловаренный завод. Ночью они варили мыло, но уснули и котел с мылом упустили.

Признали их всех вредителями, осудили всех на десять лет лагерей и отправили на Колыму. И вот на Колыму брата пригнали, а он был на строгом режиме. Вывели как-то на прогулку. Вдруг подошел к нему молодой красивый мужчина и по имени его назвал. Брат взглянул на него, подумал: «Откуда он меня знает? Я его первый раз вижу». А тот ему: «Артемий, ты носи на себе крестик. И не забывай мать родную. А отсидишь ты весь срок от звонка до звонка. И вернешься домой, поживешь с матерью и мать похоронишь». И отошел от него. Это был отец Михаил, он и мой брат были одногодками, оба они с девятьсот одиннадцатого года. И прав был Михаил, выжил брат в лагере и вернулся домой...

А сестра старшая и после войны скрывалась, уже снег пошел, а она все в лесу была. Простыла там, отекала, распухла вся, домой пришла и заявила: «Ну, теперь пускай забирают. Я уже ничего не могу». Забрали ее, долго она сидела в следственном изоляторе в Казани⁴³. Она сказала мне на свиданке: «Мне суд на земле был». А батюшка Филарет всегда говорил нам: «Добрых дел у тебя не хватает, вставай на поклоны. Читай Иисусову молитву и клади поклоны».

И вот она встала на поклоны и трое суток стояла, ничего не ела, лишь на поклонах стояла и молилась. Тогда ее сочли сумасшедшей. А ведь батюшка Филарет предсказал ей: «Увезут тебя на красной змее». Приехала скорая помощь, и увезли сестру в сумасшедший дом. Там

---

⁴² В августе 1950 года.

⁴³ 25 октября 1949 — арестована как «участница нелегальных сборищ церковников».

она заснула и девять суток спала. А когда очнулась — уже не говорила. Она мне потом, когда ее в Чистополь на суд привезли, рассказала все на свиданке. Сначала ей расстрел присудили, но потом заменили пятнадцатую годами тюрьмы. Посадили ее, и в тюрьме она умерла⁴⁴.

Из воспоминаний Екатерины

Осенью сорок шестого отца⁴⁵ с дядей Саней демобилизовали, они пошли ремонтировать школу. Ночевали у родственницы дяди Сани. А она ходила к тете Лене⁴⁶, у нее наши верующие собирались с лета сорок седьмого года.

Отец молился и работал, ездил по деревням, школы ремонтировал, белил и штукатурил. И я стала с ним ездить и помогать ему. Где-то с год мы ходили в Аксубаево, отец Филарет там служил. Ходили и на горку молиться⁴⁷, везде пешком ходили. Народу там много собиралось, да и нас, молодежи, много было. Посты все строго соблюдали. А в сорок девятом году стали молиться в нашем доме. Серафима, Анфиса, Мария Прокопьевна — все к нам приходили. Мы тайно ходили, и к нам все приходили очень тайно. Приходили часов в девять вечера и досветла уходили. Ночью пришли — ночью ушли.

Мы всегда возле отца были, и он наставлял нас, как молиться, как хорошо себя вести. Ночь-полночь, он каждую ночь полунощницу читал. И нас, детей, не жалели, спать хочешь, все равно встаешь на молитву. И в мыслях даже не было, чтобы не встать, знали, как должно быть. Мы с малых лет знали все, ведь когда у нас собирались, ночью после молитвы разговоры были: «Почему нельзя в эту церковь ходить? Как? Чего?» Мы все это знали, и я до сих пор в церкви ни разу не была.

Детство мое тяжелое было, много я работала. Ходила дежурить в сельсовет — нас заставляли, как единоличников. Летом в колхоз посылали: каравашку хлеба дадут или еще чего. Мне было двенадцать

---

⁴⁴ 22 марта 1950 — приговорена к 10 годам ИТЛ. Отправлена в Озерлаг, где 8 ноября 1951 — скончалась в лагерной больнице.

⁴⁵ «В сорок первом году, с началом войны, папа и дядя Саня были призваны в строительный батальон. Видно, Бог хранил их, на фронт они не попали. Папа работал на военном заводе в Бугульме, был штукатуром, маляром и плотником. До конца войны он был на брони, так что воевать ему не пришлось».

⁴⁶ Кулькова Елена Степановна.

⁴⁷ Там тогда совершал тайные богослужения у села Елантово иеромонах Михаил Ершов.

лет, я уже ходила лес пилить. В Дорстрое все работы прошла, дорогу строили — носилки таскала. Везде нас гоняли. А чего я была еще, малая? Так мы и жили, одиночники и раскулаченные.

Когда папу посадили в пятьдесят первом году, огород у нас отобрали, картошки уже не было, да и скотину не давали держать. Я тогда в совхозе телятницей стала работать, кормила семью, а братишка летом скотину пас. Над нами издевались, постоянно за нами следили, часто вызывали в сельсовет и грозили, что выселят нас. Сильно пугали этим. Над нами смеялись, нас фотографировали, нас в кино показывали⁴⁸. Всего не расскажешь...

*Из воспоминаний Иоанна*⁴⁹

Серафима была старшая у нас, мы ее первую узнали. Мать⁵⁰ как-то привела меня к ним, нам заранее сообщили, что мы должны прийти, — служба будет. В дом Серафимы пришли «братья» и «сестры» во Христе, некоторые на нелегальном положении были. Там читали псалтырь, акафисты, потом беседы были между ними. Они рассказывали, что в тюрьме сидит отец Михаил, что из тюрьмы его почти не выпускают, что он им письма пишет и передает с оказией, они считают его своим наставником. Серафима стала давать мне поручения. Помню, первым моим поручением было сходить в Чистополь и тайно передать письмо одной «сестре». Сходил я туда, а мать мне сказала потом: «Доброе дело ты сделал. Господь поможет тебе, чтоб ты познал Его. Познакомишься с людьми, которые много знают. Они скрываются и молятся тайно, их власть преследует. Есть молодые парни и девушки, они уверовали в Бога, сейчас служат вместе с «братьями» и «сестрами»».

Мать стала общаться с ними еще больше, и я тоже приходил к ним. Я знал некоторых «сестер», у них были дети, весь день они по хозяйству, кормят семью, ухаживают за детьми, а когда уложат их, то молятся ночью по четкам. У Серафимы молилось иногда до де-

---

⁴⁸ Фильм «Липкая паутина» в 1960 году сняла Куйбышевская студия кинохроники.

⁴⁹ Родился в 1929.

⁵⁰ «Дед мой по матери певчим был и регентом. В колхоз он не пошел, не подчинился. Сначала платил налоги как мог, а потом обложили его таким налогом, что платить стало нечем. Его и арестовали, умер он в тюрьме, сразу же умер».

сяти человек, а когда появился батюшка Филарет, то и до пятидесяти верующих собиралось. Ходили к ней по ночам, преследовали нас очень сильно, и мы старались скрываться. У нас не было постоянного места для службы, каждый раз приходилось приспособливаться. Так, и в лесу собирались темной ночью, и в оврагах. Вся обстановка — иконостас, иконочки-то носили по карманам и во время богослужения собирали их воедино в иконостас. Между собой говорили, что мы — истинно-православные христиане «тихоновского» течения, а что это и почему, разъясняли нам «сестры», кто как умел.

Потом все «братья» и «сестры» отказались работать в колхозе, ведь верующим работать в колхозе «грех». Мать послушала их проповеди и тоже бросила работать, считая это «грехом». Ее стали преследовать, а в сорок восьмом году, когда она не выработала минимум трудодней, председатель колхоза написал в район, что она якобы отказалась работать. На мать подали в суд, вызвали в Аксубаево, судили и дали шесть месяцев принудительных работ. Мы с братом и сестрой стали жить у тетки, дом был брошен, корову продали, питались лишь хлебом. Я в колхозе сначала работал: и пахал, и сеял на быках, и боронил — все приходилось делать. Когда мать не стала работать, я ни разу больше не приступил к работе, а стал ходить к ней.

Мать угнали на лесоповал в Билярский район, жила она в деревне, что в шести километрах от Билярска, там половина жителей была мордва православная, а половина — татары. Мы знали, что они нас не предадут, очень хорошие были люди, у них-то мы в то время часто скрывались. Туда мы приходили, как домой, чувствовали себя в безопасности. Когда батюшки не было, то молились по домам, читали акафисты, певчие там были хорошие. Кузьма был инвалидом, нога у него была нездорова, с костылем ходил, и на него милиция не очень обращала внимание. Он пел хорошо, да и службу всю знал, как регент у нас был. Жена его Татьяна хорошо пела, у нее был первый голос, дискант, у дяди Кузьмы — бас, хорошо они пели вдвоем, а все им подпевали. Службу они проводили полностью, с земными поклонами, там даже больные верующие отстаивали всю службу на ногах.

Я стал приходить к матери, молился с ними, а потом обратно возвращался. Потом мать узнала, что под Билярском есть Святой ключ и на девятую пятницу по Пасхе туда приходят верующие из

разных мест и молятся там. В праздники и мы стали ходить на ключ: там многолюдно было и разные встречи происходили. На ключах ведь тоже скрывались: днем всех разгоняла милиция, открыто выходили только ночью. Властей все побаивались: любой милиционер или тайный агент мог переодеться в гражданскую одежду и смело присоединиться к любой группе верующих без особого труда. Они ведь хорошо знали, что верующие очень доверчивые, за что и пострадали много.

Потом мать отработала шесть месяцев принудительных работ, вернулась домой, брат с сестрой тоже вернулись в дом. Правда, матери недолго пришлось там жить, но до самого ареста она продолжала ходить молиться. Мою мать несколько раз вызывали в сельсовет, требовали, чтоб она ходила работать в поле. Она категорически отказывалась, заявляла, что работать в колхозе «грех». Летом вместе с другими «сестрами» мать арестовали и заключили во внутреннюю тюрьму в Казани. Мы ее долго искали, потом нашли. Стал я ездить к ней с передачами, потом уже свидание дали через две решетки. Потом дали ей десять лет и отправили в лагерь.

Я тоже не работал в колхозе, и меня преследовали. Пришлось скрываться, сначала в доме, в подполе, я выкопал там убежище, потом перешел на нелегальное положение. Меня искали, ведь я должен был уже идти в армию. А в Казани, когда передачи маме носил, встретил «сестер», у которых тоже матери были в тюрьме. Потом я их встречал на Билярском ключе, узнав, что мне нужно было заработать на питание, они предложили мне съездить на Каму, на сенокос, где можно было заработать. Они уговорили меня: «У нас можно рыбачить, сейчас там заготавливают траву, косить много требуется, луга большие, из колхозов, совхозов и других организаций приезжают».

В июле, с сенокоса, я отправился в город за продуктами, не зная, что на меня уже донесли. До Чистополя я не дошел километра два, подъехал «уазик», вышли сразу трое, одетые в гражданское: «Вы такой-то? Пройдемте! Документы есть? Вы — такой-то?» Документов у меня не было, только справка на брата⁵¹, он ее в сельсовете взял для меня, там фотографии еще не было. Я и раньше ее показывал, даже в Казани, когда к матери ездил, и с ней меня уже задерживали один раз и скоро отпустили. А здесь меня арестовали и отправили в Казань, во

---

⁵¹ В то время у сельских жителей паспортов не было, а колхозникам для поездок в город давали справку в сельсовете как члену колхоза.

внутреннюю тюрьму⁵². Там у меня ничего не было, даже иконки, ничего не пропустили, крест на шею и то сняли.

Меня спрашивали, когда арестовали: «Ты в армию пойдешь или нет?» Я сразу сказал, что в армию не пойду, и меня целый час допрашивали. Потом говорят: «Мы тебя направим в органы внутренних дел, которые охраняют лагерь». Так прямо и сказали. А мать моя уже сидела там, и я им говорил, что не пойду, у меня в лагере сидит мать по пятьдесят восьмой статье за веру, а вы мне предлагаете, чтобы я охранял ее. Но это предлог был, чтобы меня побольше засадить в тюрьму. За отказ служить в армии отправляли в лагерь на три года, но я все равно отказался — вера моя и устав церковный не позволяли брать в руки винтовку и давать присягу. И генерал сказал майору Богданову: «Уведите!» И начались допросы. А в то время допросы ночью шли. В десять вечера отбой, только приляжешь на койку, надзиратель ключом дверь камеры открывает. До сих пор, когда слышу скрежет металла о металл, не по себе становится.

В камере можно было стоять и сидеть только лицом к двери, к волчку, и всегда на табурете, на койку не сядешь до отбоя, не положено. Молиться можно было, поклоны класть. В тюрьме иголку не давали. Как заплатку поставить на телогрейку или брюки? Спичку можно было найти в туалете во время оправки, заострить ее обожженный конец о цементную стену, другой конец расколоть, из простыни достать нитку и вставить ее поперек, затем проворачивать острым концом спички материал и протаскивать нитку вместо иголки. Таким способом я латал одежду. А чтобы спичка скользила, натирал ее остатком мыла после душа.

Кто сидел рядом в камере, мы не знали, водили только по одному человеку. Я преследования не боялся, была у меня чистая вера, что Господь сохранит. Страх был только в одном, чтоб не предать других, чтоб не проговориться. Ведь чужаки входили в число верующих, присоединялись, а потом все высматривали, выслушивали и выпытывали. Я так полагал, когда прошел уже следствие и тяжелые условия заключения, что там все и открывалось. Чистая вера в Иисуса Христа и Матерь Божью вселяла большую надежду, поэтому никакой боязни и страха не было...

Потом по групповому делу и осудили нас. В камеру пришел прокурор, а меня уже на двадцать пять лет осудили⁵³. Прокурор пришел

---

⁵² 10 июля 1951 — арестован как «участник антисоветской организации ИПЦ».

⁵³ В октябре 1951 — приговорен к 25 годам ИТЛ с поражением в правах на 5 лет.

по поводу, нет ли в камере вшей-клопов, и спросил меня: «Сколько тебе дали срока?» — «Двадцать пять». — «Так тебе и надо». И заключенный, который сидел со мной, спросил прокурора: «За что дали ему двадцать пять лет? За какое дело?» А прокурор ему ответил: «Потому что он идет против советской власти. Таких надо уничтожать, чтобы у них не родились дети и не было последователей». Так прямо и сказал⁵⁴.

Из воспоминаний Зои⁵⁵

Когда батюшка Филарет Русаков миром меня помазал, то сказал: «Если она упадет при пении “Херувимской”, то я буду лечить ее». И когда запели «Иже херувимы», то я как будто на небе была. После я так легко себя чувствовала, что Филарет сказал: «Я ее от себя никуда не отпущу». Вот тогда и стала я с ним везде ходить! И часто ходили молиться из Старого Мокшино в Аксубаево, поздней ночью ходили. Приходили в Аксубаево, разбредались по домам поодиночке, по поселку ходили только по одному — нельзя было всем вместе.

Однажды была служба у бабушки Елены⁵⁶, и в это время пришла милиция. Сказали: «Прекращайте службу, тушите свечи». А Мария Прокопьевна⁵⁷, Ленечка⁵⁸ и я впереди стояли. Я читала псалтырь, я все молитвы хорошо читала. А Ленечка мне: «Продолжай, читай». Я испугалась, полезла свечи тушить, у меня рукав и загорелся, руку жжет. Сильно обожгла я руку. Милиция нам: «Все, прекращайте». А мы продолжаем молиться. Тогда нас забрали и отвезли в Аксубаево. А начальник милиции Ондииков меня за голову взял да как об стенку ударит: «Ты все равно знаешь, где Русаков, ты же постоянно с ним». Филарет-то Русаков как раз уехал, а они думали, что он с нами был, поэтому и пришли. Я кричу: «Не знаю». Начал он меня головой об стенку бить и приговаривать: «Все равно скажешь, где Русаков». А я тогда ведь несовершеннолетняя была, они

---

⁵⁴ Продолжение рассказа о жизни в лагере — в главе VI.

⁵⁵ Она была сиротой, родители были приемные.

⁵⁶ Кулькова Елена Степановна.

⁵⁷ Борисова Мария Прокопьевна.

⁵⁸ Так христиане между собой звали Мельникову Александру Петровну.

не имели права забирать меня. Потом отпустили нас, и я в Старое Мокшино пришла.

Нас все время караулили, без конца следили за нами, мы как на иголках жили. Отец Филарет, бедный, нигде спокойно не мог находиться. Все у нас было в тайне, ведь на каждом шагу преследовали. Когда меня об стенку били, я ведь прекрасно знала, где батюшка Филарет, но все равно не сказала. Он спрятан был у нас, чтоб никто не видел и не знал этого. Он никому не показывался, даже соседи не видели. По улице никогда не ходил, проходил всегда через зады, огородом — его мало кто видел. Он такой заметный был, хоть и одет простенько, — высокий, волосы длинные, борода такая окладистая. Сразу видать, что за человек...

Мы все были за батюшку горой. Куда бы мы ни приезжали, Филарет впереди с чемоданчиком, а мы за ним. Небольшой такой чемоданчик, всегда при нем был, он в нем подрясник и все церковное держал. Батюшка ходил очень быстро, и мы старались с ним не сближаться, чтоб не давать подозрения, что он с нами идет. Он первый входил в дом и осматривал, нет ли посторонних. А если кто чужой был, он сразу же уходил, чтоб не было подозрений. Тяжело ему было так жить — все время в бегах. Бывало, что в поездках милиция останавливала батюшку, но потом отпускала его⁵⁹. А нас не останавливали.

Ходили мы по селам, на Святые ключи в Билярск и возле Мокшино. Батюшку Филарета везде приглашали, то детей крестить, то дом освятить, кто дом построил. Мы все время ездили с ним. Крестить Филарет крестил, а венчать ни одну пару не венчал. И в монашество не постригал, просто служил как священник. Какая причина, не знаю. Окна в избах при этом не закрывали, а когда литургию служил, окна всегда закрывались. Литургию отец Филарет служил обычно в Аксубаево, у тети Насти Красновой — там была его домашняя церковь. Он из дорогого материала завесу сделал, чтоб угол закрывался, а когда заканчивал службу, все снимал, и только иконы оставались.

Еще он литургию в Кисах совершал у Ленечки, она у нас пекла просфоры и катала свечи. Все туда ходили молиться. К батюшке ночью

---

⁵⁹ В 1949 — Филарет (Русаков) был осужден как священник-нелегал. При освобождении из лагеря он получил паспорт, где в графе «Социальное положение» было отмечено «служитель культа».

приходило больше тех, кто дома не имел, а таких много было. Отец Филарет предупреждал, куда приходиться надо было. На службу ночью уходили, и женщины осенью из деревни в деревню шли без огня, на ощупь. Асфальта не было — грязи вот так намесишь. Приходили все в страшной грязи, порой даже не ночевали, сразу уходили после службы. И надо было успеть и баню намыть им, и белье постирать — они же все больные и немощные были. Тяжело нам, конечно, было...

Отец Филарет дважды проводил Крещение в Старом Мокшино, в пятьдесят седьмом и в пятьдесят восьмом годах. Служба начиналась с вечера, в двенадцать ночи ходили купаться. Сначала окунались мужчины, а старики тут же возле проруби черпали воду и обливались, они боялись, чтобы их окунали. Женщины сами боялись окунаться, поэтому по краям проруби стояли двое мужчин. Женщины тут же раздевались, и их по очереди за руки брали и окунали трижды со словами: «Во имя Отца, аминь. И Сына, аминь. И Святого Духа, аминь». И на лед их, а они, не обтираясь, сразу же одевались на льду — и бегом в дом. После этого все тело горело, как после бани, и никто не заболел. Служба продолжалась, и батюшка всех приобщал, кто хотел, а потом все бумажки, где перечень грехов был, не читая, сжигал в печке.

Как-то мы с Филаретом откуда-то издалека в Лаишево⁶⁰ плыли, то ли ездили на Святой ключ за Самарой, в общем, плыли с той стороны. Батюшке надо было детей крестить, там много было еще не крещеных. Вдруг волнение началось, и пароход боком так стал, вот-вот перевернется. Столько крика и шума было! А мы на палубе стояли кучкой, человек десять-двенадцать, все в черном, платочки повязанные — как на фотографии, ведь кроме черного платья мы ничего не носили. К нам подошли и обратились к батюшке: «Мы вас просим, Христа ради, пойте, молитесь за нас всех. Иначе мы все погибнем». Филарет обратился к нам: «Споём молитвы». И начали мы все петь и молиться. А другие увидели, что батюшка среди нас, стали подходить к нему, просить благословения. Он благословлял. И вдруг успокоилось все — и пароход выровнялся...

Однажды молились мы у тети Кати в селе Никольском. И вдруг приехала милиция. Нам сообщили, батюшку сразу через сени в другой выход отправили. И он до того быстро все сделал, раз — и скрылся! Очень шустрый был, переодеваться было некогда, если машина сигналит. Ушел он с послушниками, а мы, женщины, остались, как будто

---

⁶⁰ На берегу Камы, в семидесяти километрах от Казани.

мы одни, без него, молимся. Милиция приехала, посмотрела — Русакова нет — и уехала. Нас не тронули. Потом уж у тети Кати детишек забрали, у нее с сердцем было плохо, чуть не умерла. Четверых детишек забрали, лишили материнства — и только за то, что молиться их заставляла.

Помню, шли мы на Святой ключ, шли не по дороге, чтоб не заметили нас. Остановились в Тюрясево у своих верующих. Потом отпустили меня, я всю дорогу была как посыльная и охранительница. Меня старались одевать по-мирскому, чтоб не заметно было: платье какое-то давали, чтоб я как обыкновенная гляделась, платок надевали кончиками назад, как деревенские. Я пробежалась по деревне, увидела, что пройти до ключа можно свободно, назад прибежала: «Все спокойно, нигде никого нет». Отец Филарет первым пошел, сказал: «Вы подойдете позже». Потом и мы пошли. И с ключа также он первым ушел и даже не зашел в ту квартиру, где мы остановились. Службу провел и исчез...

Когда в Чистополь надо было ехать или в дальние поездки, он с собой самых приближенных брал, человека три-четыре, сам билеты покупал и за все платил. А когда кого-то посылал, то денег на билет давал. Там ведь везде верующие, они милостыню давали. Батюшка денег никому не давал, ни у кого из нас не было ни копейки на вещи. Он просто вещи привозил и передавал: кому платок, кому платье, кому валенки. Вся забота была на его плечах, он сам видел, что и кому надо. Но он же мужчина, он же не знал, что нам, женщинам, еще надо. Тогда он Марии Алексеевне⁶¹, как старшей, или Серафиме Денисовне⁶², она его правой рукой была, давал деньги, чтобы они купили, что нам надо. Когда мы на службу приходили в село, верующие всегда нас кормили, еду варили на всех. В каком бы селе ни была служба, сколько бы человек ни прибыло, всех накормят, никого не отпускали голодным. Верующие нам еду и с собой давали: хлеб, яички, конфеты.

Каждый у нас что-то делал: кто пояса плел, кто четки, кто иконы наряжал. Он ведь и благословил нас иконы наряжать алюминиевой фольгой, до этого мы не наряжали. Нас пятеро было, и наряжали мы открыто, нам всей деревней иконы несли, и пока мы наряжали, он нас никуда не брал с собой. Денег за работу мы себе не брали, все отдавали батюшке на нужды Церкви. Надо ведь было содержать всех. У

---

⁶¹ Кандалина Мария Алексеевна.

⁶² Аликина Серафима Денисовна.

батюшки Филарета всегда планы были: сегодня — сюда, завтра — туда. Службу провел и исчез, мы нигде долго не задерживались, дела свои делали и сразу уходили.

Когда мы собирались, страх был лишь в одном — чтоб только на глаза никому не попасться. А в селе, куда приходишь, — там же предатель на предателе, уже идешь туда и боишься. Но когда Филарет нас благословлял, с нами ничего не случилось. Нас не ловили и не трогали, ничего не было с нами. Он благословлял: «Не ослушайся, крестница, иди. Я благословил тебя, никто тебя не тронет». И шла одна с Божьей помощью. А если батюшка Святые Дары или еще что забыл у тети Насти Красновой в Аксубаево, то говорил: «Иди принеси». И шла днем через лес, плакала от страха, но шла! А ведь от Мокшино до Аксубаево пятнадцать километров было, да назад вернуться надо. И все равно шла и приносила чего надо. Ночью-то он меня не посылал, знал, что я не выйду, страсть как боялась...

Спали мы по три часа в сутки, остальное время в молитве были. А когда Великий пост держали, то два раза в неделю только ели, в посте и молитве были все время. И не уставали ведь, но все косточки пальцев в шишках были⁶³. Все сутки у нас были распределены, кому и когда читать. Кому днем, кому ночью, кому в обед — чтоб псалтырь не отдыхал, чтоб днем и ночью читался и читался. Как-то мы распределили акафисты, кому и когда читать, и выпало мне в два часа ночи. А я страсть как ночью боялась, а читать-то надо. Все спали, и я встала и читала в свой час.

Когда Мишу посадили за отказ служить в армии, меня вызвал к себе в кабинет начальник милиции и сказал: «Если поженитесь с ним, я его завтра же освобожу из тюрьмы». Я ответила: «Нет. Это что ж, продаваться? Он ради Господа взял на себя крест такой, а я соглашусь пожениться?» А тот: «Я хочу, чтоб вы только не молились. Я бы его завтра освободил». А мне тогда что же, отказываться, если я на этом пути стою: «Нет, нет. Не надо мне, чтоб его освобождали. Пусть свое отсидит». Но его, правда, раньше срока освободили.

Когда батюшка Филарет у нас был, люди потоком шли. Шли и шли, со всех городов и деревень ехали, когда служба. На службу в домах всегда много народа собиралось. Если изба пятистенная, то обе избы забиты: ни войти, ни пройти, ни перекреститься. Батюшка нам заранее говорил, где молиться будем, бывало, и за неделю уже знали. Мы ведь не только в Аксубаево молились, приглашали и в Кисы, и в

---

⁶³ Ведь когда земной поклон клали, то кисти рук в кулак собирали.

Киреметь, и в Нижнюю Баланду. Все было распределено, где и какая служба. Если в Билярск шли, знали уже, в какой деревне и у кого из верующих ночевать будем. И там уже знали и следили, чтоб даже соседи не увидели, что батюшка Филарет пришел. Потому что предатель на предателе был. А если сосед заходил, то батюшку предупреждали, и он за штору вставал, чтоб не видно было. Берегли батюшку...

Когда на ключи ходили, среди паствы всегда были те, кто не только молился, но и постоянно наблюдал, чтобы на службе не было посторонних. На ключах он всегда епитрахиль надевал. А если кто-то чужой появлялся, из милиции кто, сразу же подходили к батюшке и на ухо ему шептали. Он благословлял нас: «Оставайтесь с Богом», — и сразу же скрывался. Певчие же, женщины и девушки, оставались еще, пели, читали, молились. Старались, чтоб он около мужчин был, чтобы оградить его. Особо смотрели за ним послушники его, братья Аликины, Георгий и Валентин, ограждали его от подозрительных. Когда служба заканчивалась, отец Филарет сразу же уходил с ними, как под конвоем, если он выходил из избы, то и они тоже. Потом уже шли за ним, по одному или по два человека, всегда разделялись мы, заранее обговорив, где встретимся.

А Василий⁶⁴ ходил свободно, не прятался. Милиции был нужен только Русаков, он, дескать, молодежь портит. Им же, властям, самое главное, чтоб молодые не молились. Батюшку одного только и искали, больше никого не трогали. Мужики поют, стены в избе дрожат, но если батюшки нет, никого не трогали, им никто не нужен был. Помню, в каком-то доме отец Филарет читал проповедь: «В кино не стесняйтесь ходить, без платков ходите. Бога не боитесь, а крест надеть боитесь». Его тогда прямо со службы забрали, правда, потом отпустили.

О тюрьме мы не думали, старались избежать ее, прятались, скрывались. Раньше не то что милиционер, несчастный председатель мог хуже засадить. Это и спасало нас, что прятались. Нам-то не страшно было, нас не трогали, но за батюшку нам было страшно. Сердце у всех болело — вдруг его заберут. И что мы без него? Он нас исповедовал, чуть ли не каждый день причащал. Какие у нас грехи? Когда мы день и ночь на молитве, только лишь мыслями и согрешим. Батюшка Филарет нам говорил: «Я — пастырь, вы — мои овцы». Так он говорил. И нам ни встречаться, ни любить кого нельзя было, мы только молитву знали.

Как-то ездили мы с отцом Филаретом к Святому ключу за Самару. Когда служба началась, кому дано было видеть, увидели —

---

⁶⁴ Жуков Василий Иванович.

небо как бы раскрылось, и свечи там горели. Тогда столько было слез и крику! Кто-то видит, кто-то не видит. А тут милиция приехала и пожарные. Как он успел скрыться, в лес уйти?! Даже чемоданчик не успел взять, он был открыт, и люди туда деньги клали, подаяние. А мы уже одни были, плакали и молились. И нас из пожарных шлангов обливали, а в святое озеро пустили мазут, чтоб не купались мы там больше.

А в пятьдесят восьмом многих арестовали, среди них и отца Филарета, а потом всех осудили. Когда батюшку Филарета посадили, он благословил меня жить у наших верующих. А потом их сын женился, а мне идти некуда, дома-то у меня не было. Написала я крестному в Мордовию⁶⁵, сообщила, что мне негде жить. Он мне прислал в ответ: «Милая крестница, не тот цветок дорог, за которым смотрят, ухаживают и поливают, а тот цветок дорог, который мнут и топчут, а он поднимается, растет и цветет». Так он дал мне знать, чтобы терпела.

Поехала я навестить родителей не родных. Отчим предложил мне: «Давай сходим в кино, а то ты не знаешь, как дверь в клуб открывается». Я ему: «Не пойду, грех». А он твердо: «Пойдешь». Не стала я ослушиваться, пошла. Должен был быть фильм «За двумя зайцами». А перед ним — документальный фильм про нас⁶⁶ показали, как милиция трепала меня за платье и спрашивала: «Это чье на тебе платье? Чей платок на тебе?» А я стою и отвечаю: «Ради Христа дали, я молюсь за это». А милиционер кричал: «До каких пор ты будешь жить ради Христа, чтоб тебе подавали. Самой уже работать пора». Как стали все хотать: «Это Зоя». Отчим вскочил, пришел домой и сказал: «Зачем я пошел? Всех их, верующих, показали. И Зойку нашу». Так получилось, что опозорила я их на селе.

Из воспоминаний Иоанна

После освобождения из лагеря я вернулся на родину, где встретился со своими «братьями» и «сестрами» во Христе⁶⁷. И по-

---

⁶⁵ В Дубравлаг.

⁶⁶ Фильм «Липкая паутина» Куйбышевской студии кинохроники (1960).

⁶⁷ 10 августа 1956 — освобожден из лагеря досрочно «в связи с нецелесообразностью дальнейшего содержания в заключении». В октябре прибыл в село Никольское Аксубаевского района, но постоянно там не проживал.

шла моя другая, вольная, как я ее называл, жизнь. Мне хотелось навестить всех, но особенно тех, которые были арестованы с мамой, отбывали срок с ней. Тетя Анята оказалась там вместе с ней после осуждения и рассказала, как она скончалась, все было на ее глазах. С верующими мы продолжали общаться, как и раньше, вместе молились. Как передавали сообщения? Многие матери старались приобщить своих детей к вере, учили их, что надо делать добро, часто посылали своих детей сходить туда-то и передать такой-то «сестре» то-то и то-то. Они это послушание исполняли, на словах передавали или записки носили. Так вот мы и общались без всяких телефонов и почты.

Когда готовили богослужения на Святом ключе в Билярске, то оповещали всех заранее. Добирались либо поодиночке, но чаще по двое, по трое, большинство-то ведь были девчонки, женщины, старушки. На службах у нас было много людей, особенно когда служба на Святом ключе под Билярском приходилась на девятую пятницу по Пасхе. Тогда там собиралось большое количество верующих, приходили из многих сел, с разных сторон приходили. Но готовились все к тому, что могут и разогнать, тогда разбегались и молились, разбиваясь на отдельные группы. В Билярске не так много верующих было, но они принимали нас хорошо, помогали во всем: встречали, кормили, устраивали ночевать. Все называли друг друга «братья» и «сестры», верующие знакомились и уже знали, к кому можно прийти, к кому обратиться, кому можно доверять. Заранее сообщали, что будет служба и придет батюшка.

Батюшку не называли по имени и отчеству, обращались к нему только со словами «батюшка», на все просили у него благословения. Он благословлял крестным знаменем, очень вежливо и культурно. После службы обычно была общая трапеза, батюшка обязательно благословлял ее, все старались остаться на нее. Все относились к батюшке с благоговением, старались уйти с благословением, кто за каким советом обращался к нему, у кого личные были просьбы или еще что. Был очень хороший порядок, со страхом Божиим. При мне батюшка Филарет лично крестил детей, помазал миром, соборовал, но не венчал, говорил, что ему не положено, как иеромонаху. Собиралось на Святых ключах много народа, батюшка Филарет служил в облачении, но поверх верхнюю одежду надевал, так как там много было переодетых агентов. Служили ночью, а местные смотрели, чтобы милиции не было.

Я был послушником и постоянно был с батюшкой Филаретом: исполнял все, что он скажет, куда надо сходить, отвезти иконы, книги или письма. Под его руководством мы проводили богослужения. Во время Крещения, когда верующие выходят на «Иордань», проводилась служба в Кисах, у Петра Филипповича⁶⁸, у них река была рядом. Местные готовили прорубь, все подготавливали заранее, все выбирались и одевались. Батюшка в праздничном облачении служил великое водосвятие с крестом и свечами, освящал воду. Верующие стояли со свечами, закрывали их рукой или платочком от ветра. Потом мужчины погружались первые, а затем женщины. Крещение есть Крещение, после купания служба продолжалась, пели псалмы, но старались вполголоса, потому что остерегались. Боязнь, что увидят, конечно, была, но тогда наступила «оттепель», не было такого гонения, можно было проводить богослужение. Но все равно проводили его ночью. И каждая мать старалась своих детей привлечь на службу, если мы что не знали, нам те, кто постарше, подсказывали, что и как делать.

Одевались мы все скудно и бедно, большинство наших мужчин носили рубашки под поясок. Раньше такие рубашки навывпуск и с поясом или ремнем носили все, а у колхозников в то время так ходили только старики, так что мы своим внешним видом бросались в глаза. Посещая районный центр, старались не выделяться, не вызывать подозрений, обычно прикрывались костюмом или пальтишком. Чистую одежду на праздничную службу несли с собой, шли в будничной, чтобы не бросалась в глаза, девушки часто шалью прикрывались. Между селами в лаптях ходили из липового лыка, летом подстилали вниз мягкий материал или овечью шкуру, чтоб ноги не стирать, но когда по семьдесят километров ходили, все ноги сбивали. А когда в город выезжали, старались не надевать их, лапти вызывали подозрение, что деревенский, и милиция сразу обращала внимание на нас.

«Сестры» на молитве были, как монашки, в темном платье и темном платке, если же надо было куда-то идти, то переодевались в обычное, гражданское. Четки были у всех, даже у некоторых детей, тех, что учились, но все было втайне. Конечно, когда шли через многолюдные места, то четки прятали, чтобы не заметили их. Когда мы сопровождали батюшку в поездках, я даже не помню, чтобы была какая-то задержка. В городе нас никто не знал и не подозревал, билеты на поезд нам доставали родители молящихся, которые работали на

---

⁶⁸ Мельников Петр Филиппович.

железной дороге. Я ездил как послушник, что мне поручали, то и выполнял. Батюшка посылал, давал деньги: «Довезешь туда-то и вернешься». Это я строго соблюдал, не своевольничал, потому что это было благословение.

Ладан мы сами варили, смолу из сосны, богородская трава у нас росла, набирали этой травы, когда ходили на девятую пятницу по Пасхе на Святой ключ под Билярском — там, на бугре, набирали ее. На службе пользовались лампадками, светлое масло для них некоторые покупали в Казани и продавали по другим селам, ведь свечи в домах верующих не всегда бывают, а маслице обязательно. Свечи я помогал катать под руководством «сестер», потому что там физический труд нужен. Свечи были только восковые, без примесей парафина, пахли они хорошо.

Я выполнял как мог, честно и добросовестно поручения отца Филарета. Стали возвращаться кто-то из лагерей, кто-то из ссылок, не каждый знал, кто и где живет, так что меня, как молодого, посылали по деревням с разными делами: кого навестить, кому что привезти. Ездил я в Суздаль через Москву и Нижний Новгород, в Казахстан. Помню, комплект облачения батюшке Филарету был заказан в Загорске, я ездил туда, чтобы получить его. Чаще ездил на пароходе, где документов не требовали. Я старался держаться скромно, потому что многого еще не знал, что касалось службы. Наставления от верующих, к которым я относился с большой любовью и уважением, страхом перед Богом, я очень внимательно слушал и старался не нарушать того, что слышал от них. И, правда, книги очень много помогали, я до ареста научился читать церковно-славянские буквы, читал молитвослов, акафисты. Приходилось и Псалтирь, Апостол, Евангелие читать, когда благословлял батюшка.

Церковные принадлежности таскали все, и кому чего нести, распределял сам батюшка. У него был специальный чемоданчик сорок на шестьдесят сантиметров, в нем Евангелие было, крест, кадило, маленькая походная чаша с ложкой, позолоченная ложечка, — он его носил сам лично. Был еще рюкзак, где были завеса, скатерть, на которой антиминс раскладывался, облачение. Он надевал клобук на службу, в поход же с собой его не брал. Волосы завязывал и прятал зимой под шапку, а летом под фуражку. Мы таскали с собой в рюкзаках книги. Все было походное, ничего в доме не оставляли, потому что на одном месте не находились, кроме дома тети Насти Красновой, у нее в доме была домовая церковь.

На литургию собирались по домам, ходили осторожно, чтоб люди меньше нас видели, старались заходить в село с краю, в таком месте, где мало было людей, а сельсовет, правление, районную милицию, прокуратуру, Дом культуры — все это обходили стороной. Потом уже из этого дома сообщали по другим домам верующих о будущей службе. К кому должны прийти на службу, уже знали заранее, готовились, и хозяйева, когда дом превращался в домовый храм, окна тщательно закрывали, все из сундуков доставали, не жалели на это ничего, чтоб красиво было. Все приходили празднично одетые, обувь снимали и ходили в носочках — такое было отношение истинно-православных христиан. В домах, когда свечи горели и народу было много, то двери открывали в сени, пели вполголоса или как обычно.

Батюшка Филарет, готовясь к службе, аккуратно раскладывал все сам, торжественно готовился к службе, я делал лишь то, о чем он сам попросит. В алтаре у нас стоял только батюшка в праздничном облачении, мы туда заходили лишь по его просьбе, если что подать надо. Алтарь отделялся хорошей бархатной завесой из двух половинок. И когда надо было причащать верующих, то батюшка раздвигал завесу и выходил оттуда. Праздники старались начинать в определенное время, придерживаясь устава. Вечерние службы у нас начинали пораньше, потому что летом день какой длинный, да еще днем старались украдкой служить. Собирались раньше, стараясь пораньше расходиться, но не все, уходили местные или кто недалеко ночевать должен. Другие верующие оставались даже и на следующий день, читали жития святых или беседовали, духовные стихи пели. Тогда же и крещения были тайные. Мы с собой купель не таскали, ее находили в этом же селе, например, большие эмалированные кастрюли для младенцев. Крещения взрослых я не видел, может, и крестил батюшка, но не при мне. Окна всегда занавешивались.

Когда мы приходили в дом, то всех охранял сам хозяин, распределял верующих по своим родным, заранее договаривался. И каждый старался сохранить и уберечь, особенно если батюшка пришел. Если у хозяина дети были или у его родных, то они шли к клубу или к сельсовету, чтобы узнать все и вовремя предупредить. Когда шла служба, я, например, никогда не оглядывался — кто пришел, кто ушел. Мы знали, что это люди надежные. Сам хозяин встречал и провожал, он знал, какие соседи, могут ли заявить в милицию, предупреждал, кого можно бояться, кого нет, как петь — громко или негромко. Хозяин часто договаривался с соседом, сосед с другим соседом, некоторые, сколько

ни таись, все равно знали, что в доме службы проходят, но в милицию не сообщали. А если кто чужой заходил в дом до службы или после, то старались скрыться, кто в сенцы, кто в чуланчик. После службы расходились обязательно по одному, группами никогда не ходили, не больше трех-четырёх человек, причем одни выходили пораньше, чтобы устроиться переночевать в домах у верующих.

В каждом почти селе по два-три дома, где жили «сестры» и «братья». Размещались по домам, топили там бани, мылись, кто не имел своего жилья, — все это по-человечески делалось. Баня на задах в огороде в большинстве случаев топилась по-черному, днем ее истопят, а под вечер мы мылись по одному, по два человека, чтоб незаметно было. Делалось это тайно, село ведь не город, сразу заметно, если придут чужие. В нашем райцентре две старушки жили в разных местах, поэтому от одного дома перебирались обычно к другому, выбирая дорогу так, чтобы поменьше на людях быть, и когда совсем уже стемнеет. Зимой на улице холодно, а в избе жарко, двери откроешь в сени, а оттуда холод. Но я не помню, чтобы кто-то заболел во время службы.

Власти знали, что мы в церковь не ходим, нам постоянно говорили: «Мы вам не запрещаем молиться. Идите в церковь». Им уже было известно, что собираются в доме такого-то и там-то, проводят моления, молодежь вовлекают, отвлекая якобы от хорошей жизни. Нас постоянно подозревали, наши богослужения власти называли «антисоветским сборищем», на них мы якобы агитировали верующих против советской власти. После освобождения мало кто верил, что это затишье надолго, — при советской власти, которая нас ранее осудила, надеяться на что-то хорошее или доброе было очень трудно. Открытого служения не было, только на Святых ключах, в лесу или на поляне. Там читали акафисты и пели, особенно на Святом ключе в Билярске и на Елантовой горке молитвы и псалмы больно хорошо пелись...

Мы много ходили по селам, к одним и тем же хозяевам по несколько раз в год, у одних в престольный праздник Михайлов день служили, у других — в Троицу. «Братья» и «сестры» старались пригласить к себе, даже когда батюшки не было, все равно сходились и молились, приглашая на тайные службы только тех, кто сострадал Истинно-Православной Церкви. Это полезно было, хотя и боязно, но не боялись, ведь не спрячешься же от всех. Да и слово Божье надо было как-то проповедовать тому, на кого можно было положиться. Но прежде чем пригласить нового человека, верующие с Серафимом

мой⁶⁹ советовались, а позже брали благословение у батюшки Филарета. Например, приходила молодая пара, они недавно поженились, и у них родился ребенок. Хочется им окрестить его, а разговоры ведь шли по селу, скрывайся не скрывайся. А раз верующие ходили, то в селе разговоры, что это истинно-православные христиане, что они в церковь не ходят, но молятся они дома по-старинному. И им хотелось окрестить ребенка у нашего батюшки Филарета, так что приходили договариваться.

Меня часто обвиняли: «Молодой, а ходишь молиться. “Туняедец”». А я отвечал, что я тружусь, я молюсь и чужое ведь не собираю, только кушаю то, что дают. У нас некоторые, когда никто не видел, по пятьсот и тысяче земных поклонов клали, с четками, чтоб не ошибиться, десять раз четки прогоняли и только потом до постели добирались. У меня всегда было, когда садился за стол, что за то, что ел чужое, должен был этот «грех» замолить. Я слышал, что батюшка Филарет накладывал наказание за грехи нашим верующим земными поклонами. Его наставления все верующие строго выполняли. На последнем богослужении мы договаривались о следующей службе лишь приблизительно, заранее говорить нельзя было, все боялись ареста батюшки. Батюшка потом посылал гонцов, они-то и оповещали о встрече, причем приходили туда именно в тот день, когда надо было проводить богослужение. Верующие старались не разглашать день и время тайной службы, держали все в секрете, женщины говорили всегда: «Нас все равно не посадят, лишь бы батюшку сохранить и окружение его». Но все-таки были среди верующих те, которых засылали к нам; мы так и не знали тех, кто выпытывал и доносил. Были случаи, когда власти накрывали нас...

Из воспоминаний Екатерины

Летом пятьдесят шестого года отец из тюрьмы пришел. Стал ходить по деревням, работал по домам штукатуром и маляром. А молиться ходил украдкой, тогда уже батюшка Филарет из тюрьмы пришел. На литургию мы ходили в Аксубаево к тете Насте Красновой, а так все в нашем доме молились. До сорока человек приходи-

---

⁶⁹ Аликина Серафима Денисовна.

ло скрытно ночами, полная изба набивалась, окна плотно закрывали и пели не сильно громко. Мама охраняла, чуть что, просила «тише-тише»...

Из воспоминаний Любви⁷⁰

...Я редко ходила молиться, ведь постоянно кто-то из детей маленький. Ходила только в большие праздники — Пасху, Рождество, а так обычно мы дома молились. А потом, когда дети подросли, то стала ходить часто и с радостью. Однажды на Крещение работы у меня было много, а нас предупредили, что молиться будут в другой деревне. Снег был жесткий, поэтому решили мы идти напрямую. Ветер гудит, лезем мы по снегу, лезем, вроде всего-то четыре километра надо пройти, а мы так долго лезем. Потом услышали, провода гудят, пошли на звук, и вышли на дорогу. А уже светает. А нам не холодно, с нас все течет, так умаялись мы. Идем, идем, дошли наконец до деревни, а служба уже кончилась. Священник еще там был, мы ему: «О, Господи! Хоть так мы помолились». А батюшка в ответ: «Ничего, не беспокойтесь, ваши труды были больше, чем молитва. Вы не на гулянье шли, а на молитву». Он и утешил нас.

Раньше ведь строже молились, акафисты все прочитывали, большое желание было к молитве, никуда не выходили без нее. А нас так гоняли постоянно, что даже на молитве стоишь и наблюдаешь без конца. Вдруг где-то шорох, конечно, сразу смотришь, что там, кто пришел. Придет иной раз мама моя с молитвы, такая расстроенная: «Нас сегодня разогнали». А я ей: «Не надо ходить, раз гоняют». Помню, мама соседу говорила: «И ты, Михаил, тоже. Ведь ты ж наш сосед». А он: «Я не хотел. Меня заставили, я же дружинник. Ничего не подделаешь». Пока дети маленькие были, они молились с нами, а подросли, теперь не больно-то заставишь молиться. Читать заставляла, у меня самый старший мальчишка наизусть знал «Верую» и «Живый в помощи». А сейчас спроси его — не знает.

В пятьдесят седьмом году мы молились на Пасху. Половина службы уже прошла, когда пришла милиция и пожарные. Зашли в дом, никто с места не сдвинулся, и все продолжали молиться. А отец Васи-

---

⁷⁰ По документам 1935 года рождения, а на самом деле — 1934 года.

лий⁷¹ высокий был, он присел и за спинами молящихся тихонько к выходу пошел. Там его шалькою накрыли, и он в заднюю комнату вышел, здесь на него уже большую шаль набросили и вывели из дома. А милиция пробралась вперед, смотрит — никого нет, одни старики молятся. И вдруг эти милиционеры стали под пение молитвы дергаться и плясать, как под музыку. Будто искушал их кто-то. Плясали-плясали, потом повернулись и ушли...

Из воспоминаний христианки

Молились в семье очень усердно, мама с детства приучала нас молиться и утром, и вечером, акафисты читала. Но в официальную церковь мы не ходили, только по домам молились. Мама объяснила нам, что наша Церковь Истинно-Православная, так мы и думали. Так и пошло.

Молиться часто бегали к тете Насте⁷². И когда собирались, то все закрывали, чтоб никто не подглядывал, а чтобы света не видно было, ставни закрывали. Во время службы хорошо пели, но старались, чтобы не очень громко. Завеса была в алтарной части, и отец Филарет, когда причащал нас, выходил там, где были иконы. К тете Насте на праздники, на Рождество или на Пасху, народу много собиралось, молиться приходило до восьмидесяти человек. Негде было даже встать, тогда двери открывали, на чердак залезали. И молодежи было полно. Но странно, духоты никогда не было. Где благодать, то какая духота!

Кресты я носила с самого детства, и в школе к нам всегда с насмешкой относились. Но не били, да мы больно-то бить не давали, они нас «сектантами» называли и «богомольцами». А мы с подругой выйдем, налупим им — вот и весь наш ответ. Окончила я только четвертый класс, тогда ведь силком не заставляли учиться. Не была ни пионеркой, ни комсомолкой. Нас мать хорошо воспитывала, мы слушались ее, ведь и ругать надо с любовью.

Мать учила нас поститься, держать пост ведь тяжело, кушать так хочется, тяжело выдерживать. Но когда все постятся, то легче, это одному тяжело. А потом привыкли, и ничего, спокойно постились. С

---

⁷¹ Калинин Василий Владимирович.

⁷² Краснова Анастасия Григорьевна.

такой радостью шли встречать Рождество или Пасху, хорошо было — и общая радость молитвы, и общение с близкими по духу. Надежда искрилась в душе, когда молились и думали, если и не в раю, так хоть на последней ступеньке к нему. Ведь неохота в ад попадать в той жизни, и за все грехи придется ответить...

Отца Филарета я видела еще маленькой и запомнила его только как батюшку, он нас причащал и исповедовал, но ему, видно, было не до нас. Когда отец Филарет у нас был, люди к нам приходили, ночами стояли и молились, нам тогда спать не давали, а спать так хотелось. Но я тогда не причащалась и не исповедовалась. А с дядей Василием⁷³ мы все молитвы выучили, все акафисты. С ним просто было, он такой душевный был, простой. И когда на молитве нам спать хотелось, дядя Василий брал фуфайчку, шептал: «Девчонки, ложитесь». Укладывал нас, накрывал чем-то, чтоб не замерзли, и около нас на коленях стоял и молился, потом уж поднимал.

Исповедоваться и на литургию ходили к тете Елене Кульковой⁷⁴. Кроватьку выносили, дверь в сенях открывали — до пятидесяти человек и больше было на службе. Когда к ней собирались идти, заранее спрашивали: «Милиция не ходит?» Молились, но если в двенадцать ночи стук какой, замолкали сразу. И кто-нибудь выходил и спрашивал. Наверное, за отца Филарета или за дядю Василия боялись. Они всегда на страже были, и разговор их между собой был тихим, остерегались они. Они чувствовали, наверное, что их должны скоро взять. И все-таки их посадили в пятьдесят восьмом году...

Из воспоминаний Александры⁷⁵

В пятьдесят восьмом году вызвали нас, и мы поехали в Казань⁷⁶. Мария Капралова встретила нас, сказала, что владыку Михаила судят. Пришла туда и Евдокия⁷⁷ с дочерью Александрой, они на вокзале в Чистополе слышали разговор, что владыку судят, не поехали

---

⁷³ Калинин Василий Владимирович.

⁷⁴ Кулькова Елена Степановна.

⁷⁵ Родилась в 1918 в Вятской губ.

⁷⁶ В августе 1958 — начался суд над М. В. Ершовым, И. Ф. Вакиным, В. В. Калининным, Н. В. Ершовой и Г. В. Русаковым.

⁷⁷ Леонтьева Евдокия Петровна. Проживала в Чистопольском районе.

домой в село, а решили вернуться в Казань. Приехали ночью, ждали на вокзале, не спали, конечно, и утром пошли к нарсуду.

В восемь часов утра привезли владыку Михаила на «черном воронке». Через некоторое время повели его в туалет, а мы стояли все во дворе. Охрана с автоматами стояла от туалета до нарсуда с двух сторон. Мария Григорьевна⁷⁸ сказала ему: «Владыка Михаил. Мы из Чистополя приехали, нас пятеро». Варвара⁷⁹ крикнула: «Крестный! Отец Михаил!» Он сказал: «Вижу, вижу». Когда обратно шел, успел сказать: «Молитесь все, как молятся истинно-православные христиане». Поднял вот так руку, перекрестился и поклонился до земли. «Молитесь и не бойтесь. Победа будет за истинно-православными христианами!» Потом увели его. Все вокруг заговорили.

За ним повели Василия Владимировича⁸⁰, и он тоже сказал: «Молитесь все за нас, молитесь. Дух бодрый, плоть немощна». Потом за Василием Владимировичем повели Филарета⁸¹, за ним — Ивана⁸² и последней — Надежду Васильевну⁸³. Их провели, и все они кричали: «Молитесь! Победа будет за истинно-православными христианами!» Пошла я в зале вдоль стенки, мне, грешной, охота все высмотреть да выслушать, смотрела все, как бы мне наперед пробраться. Милиция говорила: «Стойте спокойно. А то разгоним вас». Но не разгоняли. А они все спиной к нам стояли. Потом первый день прошел, и мы пошли отдыхать.

На третий день суда, когда владыка Михаил шел в туалет, он позвал: «Василий Иванович⁸⁴, подойди ко мне». Тот подбежал и голову склонил. Владыка благословил его обеими руками и сказал: «Вот, Василий Иванович, тебе полное благословение». На четвертый день владыку вели, и он опять говорил: «Стойте, бодрствуйте, молитесь. Победа будет за истинно-православными христианами». А обратно пошел, за столб ухватился... Владыка ведь не ел четыре дня, он ту пищу, что приносили ему, не ел, ни мясную, ни молочную. Все время голодный был... Потом, когда стали зачитывать приговор, нас пустили всех в зал. Я села в первый ряд, передо мной стояла только охрана с авто-

---

⁷⁸ Тихонова Мария Григорьевна.

⁷⁹ Виноградова Варвара Афанасьевна.

⁸⁰ Калинин Василий Владимирович.

⁸¹ Русаков Григорий (Филарет) Васильевич.

⁸² Вакин Иван Филиппович.

⁸³ Ершова Надежда Васильевна.

⁸⁴ Жуков Василий Иванович.

матами. А его, владыку Михаила, вывели, они говорили ему, а он и тут благословлял. Если б он молился как все, то его, может, выпустили бы. А так нельзя, дали ему двадцать пять лет строгого режима. А когда его в последний раз провели мимо нас, над ними бились два голубя, и один голубь пролетел над головой владыки.

Алексей, брат мой, был милиционером в Шарье. Мы приехали и рассказали ему про суд и владыку Михаила. Он сразу вышел из партии. Его товарищ спросил его: «Ты, Алексей Николаевич, что наде- лал? Тебя ж посадят!» Ну, он с работы уволился, рассчитался и уехал к родителям. А потом Марию Григорьевну с Варварой Афанасьевной посадили⁸⁵.

А я в рюкзак уже все собрала: и еду, и одеяло. Сидела и дожидаясь... Хотели нас троих посадить, а потом меня одну оставили. Ребят у меня было трое, они уже большие были.

Потом муж стал уговаривать меня: «Отступись. Не ходи к ним». А я ему: «Нет, Бога ни на кого не променяю». Потом пришло время, у нас по обе стороны дома коммунисты стали жить... И слухи распус- кать, что я из дома все ташу, всяким крестьянам посылаю. А жили-то мы бедненько. А потом повестку мне принесли, а я на суд не пошла, сказала: «Я ничего не сделала: не украдала, не пиновала, не воровала. Не пойду на суд». Приехала милиция — меня под руки взяли и отвезли на суд. Ребят моих, правда, не взяли.

Сказали на суде: «Неправильный образ жизни она ведет, детей неправильно воспитывает: молочным их не кормит, дети в церкву ходят». А народу на суде много было. Сначала молчала я, а потом сказала: «Вот многие из вас в церковь ходят и детей своих туда же водят. А посты вы не соблюдаете и пояса не носите. Это плохо. Простите меня Христа ради». Судья сказал: «Детей у тебя отнимем». А Анфиса закричала: «Вы поглядите на ее ребят, они же как пузыри. Да они питаются лучше, чем другие, такие полные ребята». Ее сразу вы- вели из зала, правда потом пустили. Спросили меня: «Какое у тебя дома питание?» Я им: «У меня и грибы, и ягоды, и варенье есть, и крупы всякие. А мяса на каждый день не хватит».

Приговор вынесли — детей отнять, а если муж их оставит, то меня из дома выгнать. Так лишили меня материнства, тогда же и паспорт у

---

⁸⁵ Мазуркина Мария Григорьевна и Виноградова Варвара Афанасьевна были арестованы в феврале 1960, 7 мая 1960 — М. Г. Мазуркина приговорена к 10 годам ИТЛ, а В. А. Виногра- дова — к 7 годам ИТЛ.

меня отобрали. Муж, как пришел с суда, лег вниз лицом и заревел — ему и меня жалко, и детей жалко. Заставили его выписать меня из дома, он пришел после выписки и посоветовал мне: «Поезжай к Семену Матвеевичу. Поживешь у него». А я сказала: «Поеду я лучше к родителям в Киров». У меня подружка Фекла была, мы с ней ходили в лес, собирали там ягоды и продавали. Так детей у нее тоже отняли. Стали мы с ней странничать, но соседям говорили, что на постой нас пускать нельзя.

Как-то нам передали, что в Вятке живут две сестры, в церковь они не ходят и ждут прихода отца Михаила. Решили мы познакомиться с ними, пришли к ним, но они нас сначала не приняли. Пошли мы со знакомой на кладбище, там похоронены были наши прозорливые священники. Сестры были там, но их, как только нас увидели, как ветром сдуло. Остались две женщины, мы спросили у них: «Чего это они от нас?» Те удивленно покачали головой. Сестры позднее вернулись, а одна из женщин сказала им: «Да ведь они были на суде и отца Михаила знают». Как же они быстро обернулись к нам, спросили: «Чего вы там слышали?» И пригласили к себе. Пошли мы на встречу к ним, чтобы рассказать все. И пришло полно людей... А Феклу потом посадили, мы с ней на рынке ягодами торговали, и одна женщина предала ее. И наши фотографии выставили в центре города под стеклом с надписью «Божья овечка». И дом у Феклы отняли.

Потом муж написал, что трудно ему одному. Я опять вернулась к нему, он плакал. А власти соблазняли его: «Она ребят утащит, просто украдет. Выгони ее!» Меня опять пришли выгонять, дескать, без прописки живу. И выгнали... Десять лет я жила «периодами», то с мужем, то без него. Пришел как-то следователь с понятиями, показал ордер на обыск — открыли сундук, а там ничего нет. Сказал: «Вот, видите, если бы работала, в сундуке что-нибудь да появилось бы». Я ему: «Я молилась, молюсь и молиться буду». Ушли они, но акафисты и молитвы забрали. Только акафист Пантелеймону да Библию оставили. На следующий день пошла к нему в кабинет, со мной пошел и сын Борис, заявил там: «Маму сажают и меня сажайте!»

Привели меня в кабинет, следователь спросил: «Ты где научилась молиться Богу? С какого ты года?»

— С восемнадцатого. А научил кто? Это у меня корень такой — родители мои. Деда-прадеды верили в Бога. И мы верим в Бога.

— Так ты же при советской власти родилась. Как же ты Бога помнишь? И чего ты власти не подчиняешься?

— Вот она у меня на ладонях, ваша советская власть. Как родители воспитывали нас, десятерых, все мы приучены к труду, к работе. А ваши все только одно говорили: «По углам избы землю обрежем!» А чего мы сделали? У моего отца одеяла не было покрываться, а его раскулачили. Даже одеяла не было у него! Нас десятерых надо было воспитывать. А вы говорите, что против советской власти? Да если Господь допустил такое, так я-то что? Это Божье дело, Господь допустил, Господь и уберет. Это не наше дело.

— Ведь вы за счет советской власти живете!

— Да где же! Господь ведь дал нам землю, на ней и живем. Это советская власть заняла сейчас землю, но это Божье дело — до времени-то...

Говорили мы с ним часа три-четыре, он ходил, курил, а я сидела на диване. Две сумки с собой было, надела две рубашки, два платья, кофту, пальто широкое. Он спросил: «Зачем так оделась?» А я: «Так на первый случай, я и питание с собой взяла». А он мне: «Да мы тебя не посадим. Живи. Вот, как люди, ходи в церковь». Отпустил он меня. Это был пятьдесят девятый год.

Мария Григорьевна и Варвара Афанасьевна сидели в лагере в Барашево. И мы поехали к ним. Нас предупредили, что мы проедем мимо десятого лагеря, а он был очень строгим, одни смертники сидели там, в полосатой одежде. Там дрезина ходила, и мы попросили: «Высадите нас около лагеря». Но в Барашево нам разрешили только посылку передать заключенным. А когда мы из Барашево обратно ехали, к нам в вагон сели двое военных. Как я поняла, первый в том лагере работал, а второй уволился уже. Они друг с другом разговаривали, первый сказал: «Вот раньше у нас такие чудеса были, что ты и не видел. Сидел один верующий, так какое слово он ни скажет — все исполнялось. Великий человек. Сейчас ему дали второй срок. А за что? За одно и то же дело, его просто выпускать из лагеря никак нельзя». Второй спросил: «А куда его?» А тот: «А его и всех, кто с ним, будут на север отправлять, там и лагеря приготовлены. Только пока нет приказа, ждут пока. А второй срок дали — двадцать пять лет». Я слышу и понимаю, что все это о владыке Михаиле, слушаю не дыша, а первый продолжал: «Вот раньше шел по зоне, а у забора — общая могила. Там одно священство зарыто, так могила эта дышит. Вот так вот дышит».

Варвара из лагеря не вернулась, там и померла. А Мария осталась жива, вернулась. Сына Варвары, Виктора, все науськивали, чтобы он заставил ее отречься от веры. А она ему: «Умру, а не отрекусь!» Мы

молились, чтобы сын Виктор покаялся, а он рассказал об этом в милиции, и нас всех, человек пятнадцать, начали таскать туда, пугали все арестом.

Потом ссылки начались⁸⁶. Брата Петю выслали, Толю выслали, Сережу — всех выслали, сказали, что они «тунеядцы». Отправили их в поселок Лесной, сказали, что месяц они в тюрьме будут, а потом выпустят. И чем хотите, тем и питайтесь... А это летом было, и они по ягоды ходили. И я туда даже ездила и передачи возила — тогда свободно стало. А через пять лет их всех отпустили, а меня так и не посадили, не знаю, что удержало...

Из воспоминаний Марии Мазуркиной

В пятьдесят восьмом году брату повестка пришла на суд, к нам ведь ходил Филарет Русаков, и брат шел по общему делу как свидетель. Брат поехал, и я тоже. А около них, арестованных, пять человек с ружьями стояли. Брата на суде спросили:

— В Бога веруешь?

— Верую.

— А в армии служил?

— Служил. На Колыме. Четыре года.

— Молился там?

— Не молился, а все равно в Бога верую. Я матерщинник, я пьяница, я блудник.

Брат начал себя обвинять, а владыка Михаил улыбнулся и сказал ему: «Александр, ты носи на себе крестик и брось выражаться, водку пить и курить». А прокурор сказал брату: «Видишь, скамья стоит?» А он ему: «А что, она для всех стоит. Сегодня для меня, завтра для тебя. От тюрьмы и котомы (сумы) — не отрекайся».

Судья спросил владыку Михаила: «Вот ты человек малограмотный, а в Писании все точно знаешь. Что мы тебя ни спросим, все ты отвечаешь правильно. Как ты все запоминаешь?» А владыка ему: «А мне Господь в сердце вложил книгу жизни и вручил мне ключи от рая и ада». А потом еще сказал на суде: «Меня не держит ваша охрана и не держат ваши замки. Но меня держит совершенство времени». Я была

---

⁸⁶ Очевидно, это было в начале 1960-х годов.

на том суде. И Евдокия, сестра владыки Михаила, сидела там, она считала брата ненормальным, и над всем, что он говорил, она подсмеивалась. Владыка указал на нее и сказал: «Вот моя родная сестра. И я у Господа попросил: “Господи, покажи мне место моей сестры”. И Господь открыл мне дно ада». Она опять улыбнулась, а с ней муж ее сидел, и он спросил ее: «Чему ты улыбаешься?»

В штате я никогда не была, работала или в «Заготзерно», или на лесопильном заводе, туда принимали без заявления. И я сразу предупредила: «Я работать всегда буду, но в праздники выходить на работу не буду». А в пятьдесят девятом была перепись населения. Пришла к нам девчонка, села и начала писать в бланке, а при этом меня ничего не спрашивала. Я спросила: «А ты что пишешь?» Она ответила: «Бланк заполняю».

— Бланк-то заполняй, но с моих слов. Ты тут меня, может, партийной напишешь. Спрашивай меня. Она стала спрашивать:

— Кто у тебя в доме хозяин?

— Я живу с Богом. Надо мной Бог хозяин.

— Я такие слова сюда вписывать не могу.

— Если не можешь, закрывай журнал и уходи. Пускай тот придет, кто может.

Она ушла. На второй или на третий день пришли двое, начальник нашего района и еще какой-то. Спрашивают:

— У вас были с переписью?

— Были.

— Отослали?

— Отослала, потому что она сказала, что не может заполнять бланк моими словами.

— Хорошо. Теперь, что ты говорить будешь, я писать буду.

— Вот и хорошо. Такого я и хотела.

— В каком государстве вы проживаете?

— В Святой Руси.

— А у нас Советский Союз.

— У вас Советский Союз, а у меня Святая Русь.

— Какую церковь признаете?

— Вселенскую Соборную Апостольскую Церковь признаю.

— А современную?

— Современную не признаю.

— Каким языком владеете?

— Русским, славянским.

— На славянском языке говорите?

— Нет. Я на славянском не говорю, а псалтырь читаю. У нас вся служба на славянском языке. Славянский язык мы отрицать не можем.

В общем, много он вопросов задал, двадцать четыре вопроса. А другой мужчина сказал: «Вы о чем говорите? Я ничего не понимаю». А мы с ним о Церкви много говорили, а тот, что писал, говорит: «Я понимаю, потому что у меня отец священником был. Он “обновленцев” не принял, его взяли ночью, и все, ни слуху ни духу. Она отвечает все правильно». Я спросила: «А бланк-то куда пойдет? В Москву, что ли?» Он ответил: «Да, в Москву». А потом мой бланк в нашу госбезопасность передали, и меня туда вызвали. Спросили: «Отколь ты такие ответы написала?» А я сижу и думаю: «Господи, помоги мне, владыка, я не знаю, чего ответить». И вдруг сообразила и сказала: «Отколь я их взяла? Господь вразумил, и я ответила. Раз вы следовательно, вы должны правую и левую стороны знать. Как в Евангелии написано, когда пойдешь на допросы, не думай, что тебе ответить. Господь за тебя ответит, если ты не сможешь. Меня Господь вразумил, я ответила. Меня больше никто не учил».

Он поднес ко мне кулак: «Ну, Мария, давай выясним, откуда ты это взяла». Не поверил, что я сама это ответила. А тогда проходил суд над «тунеядцами», и он мне пригрозил: «Вы не принадлежите к ним, но мы вас все равно посадим. Раз в штате работать не хочешь и в профсоюз не идешь, мы тебя отправим в ссылку». Я ему: «Ну что ж, ссылайте. В праздник я работать не могу, потому что христианка». Нас двоих, меня и Петра Лабутова, выслали первыми, а после еще многих посадили. Тогда я была в поселке Спасск Братского района, на Ангаре. Там был только лесоповал, и нас пригнали туда...

Нас было три женщины, со мной две блатные из Свердловска, и двадцать мужчин. Пригнали нас в контору: «Сегодня ты ночуешь тут, а потом квартиру дадим». Я ночь просидела у окна, какое уж там спать, а эти блатные женщины ушли к мужикам. Утром светать стало, гляжу — напротив хозяйка вышла на летнюю кухню в огороде. Я к ней вышла, спросила: «Нет ли здесь верующих людей?» И я не смогла, заплакала вдруг, она тоже заплакала и сказала: «Иди ко мне. У нас хоть и семья, но я тебе в комнатку и коечку поставлю». И вот первое время я жила у них.

Я как приехала туда, в лес только раза два ходила. Там много мошки было, прямо черным-черно — дышать было нечем. Все в накомарниках ходили, а те, кто не в накомарниках, мазались какой-то

мазью. Потом я заболела, и меня сразу в больницу положили, долго там пролежала. Как-то мне передали: «Монашек ваших гонят, много гонят». Я стала узнавать о них, но их погнали в другие поселки. Они далеко от меня были и не все вместе, их раскидали в разные места. Я с ними переписывалась, лишь один раз я съездила к ним. В Спасске со мной был только Петя Лабутов, нас вместе судили, и он получил пять лет ссылки.

Потом мне прислали телеграмму из дома: «Мама в плохом состоянии». А начальство было такое доброе, что после телеграммы начальник сказал мне: «Мария, я могу тебе дать на месяц отсрочку, чтобы домой съездить. А туда приедешь, сходи в вашу комендатуру и вызови медкомиссию, что за матерью требуется постоянный уход. Тогда мы тебя совсем отпустим». Я приехала домой, врачи дали справку, что за матерью требуется уход, и меня выпустили. Так я вернулась домой.

Из воспоминаний Веры

...С мужем я познакомилась, когда мне было семнадцать лет. Он из армии пришел, мы познакомились, поженились. Я продавцом работала, муж — в сельсовете, семь детей нажили.

Я тогда не понимала ничего и не веровала. Как-то я заболела и увидела сон, что Наталья Петровна⁸⁷ иконку мне дает. Долго я ходила мимо двора тети Наташи, не решалась зайти, а потом все-таки зашла и сказала: «Тетя Наташа, я сон видела, и голос мне сказал — к вам идти. И Господь показал икону». Она мне сказала тогда: «Когда мы штукатурили школу, то нашли в парте икону. Но я не могу ее тебе дать. Надо поговорить с Серафимой парализованной». Потом она поговорила с Серафимой и переставила у себя все иконы, но мне ничего пока не дала. Опять я сон увидела, пришла к ней, рассказала, а она спросила: «А какую икону ты во сне видела?» Я сказала: «Женщину с ребенком, первую в твоём ряду». Она мне: «Так это Богоматерь». Сначала она икону не дала, а потом дала мне другую, икону «Нечаянная радость», сказала, что это икона нашей деревни, и позднее еще две иконы дала.

А с пятьдесят четвертого года я стала общаться с нашими истинно-православными христианами, старшей тогда была Серафима Али-

---

⁸⁷ Себельдина (?) Наталья Петровна.

кина⁸⁸. У нас раньше всего одна икона была, а после смерти тетки дочь ее отдала мне еще иконы, а потом и отец Филарет⁸⁹ принес. Для нас родные по вере стали как родные сестры. Ребятишки, встречая гостей, от радости прыгали, бывало, прибегут в дом, и кто кого увидел, сразу кричал: «Там четыре человека идут. Там пятеро идут». И рады-рады, радость неисчерпаемая. И когда у нас останавливались верующие, нам в радость это было. У нас месяцами по три-четыре человека жили. Я не работала, огорода у нас не было — а все равно хватало, обходились как-то. Муж, бывало, сядет на пол, ребята вокруг него — и поют. Младший купается в тазу, руками шлепает, слова еле выговаривает: «Ангел Спаса славословит».

Когда дети маленькие были, то молились с нами, с крестами ходили, даже на полунощницу я их поднимала, приучала класть по три поклона. Старшим часы купили, и каждый свой час знал, когда читать Евангелие и Псалтирь. Где бы ни был ребенок, в свой час прибежал и сразу же брался за Евангелие. Маленькие были приучены становиться на колени, водили по строчкам и говорили: «Господи, помилуй». А один из сыновей, взяв желтую бумагу из-под макарон, сделал себе ризу, читал Евангелие — в священника играл. Пока не женились они, все молились, а сейчас приходят только по праздникам, но за стол с молитвой садятся.

Помню, на Крещение вырубил прорубь на речке, она за огородом протекала. Изба наша была полна народа, убрали койки и диван, на потолке с переднего угла сняли две доски — ничего в избе не осталось. Дышать было нечем, столько народа было, даже мирские пришли поглазеть — в дверях стояли. Первым пошел к реке отец Филарет, за ним — все остальные. Соседка кричала: «Их всех “богомолов” надо под лед пустить. И всех детей их». В школе детей обижали, дразнили «богомолы». Но к людям, что обижали нас, ненависти не было, может, обида только была. Вроде так и надо... Желания подчиняться им никогда не было. И мы ничего не боялись, вся семья наша молилась и пела. Всегда на службу я шла с радостью, на покаяние — со страхом. И никогда не жалела ни о чем. Слава Господу, что Божья Матерь привела меня к истинному пути. Слава Ей!

В пятьдесят пятом году выборы были, и верующих силой заставляли идти на выборы. Одну бабушку даже стащили прямо с печки,

---

⁸⁸ Аликина Серафима Денисовна.

⁸⁹ Русаков Григорий (Филарет) Васильевич.

руки вывернули, но притащили⁹⁰. Многие из наших верующих скрывались от них, прятались. Мы хоронились у тети Наташи, а две старушки, мать Марья и тетка Федора, в подполе спрятались. А секретарь сельсовета семью свою просто не внес в списки, так на выборы они и не пошли. Начальство из района приехало, а муж мой Алексей сказал им: «Я заболел, встать не могу». Так они ни с чем и ушли.

А с отцом Филаретом всегда было так: ему можно было не говорить, он все мысли мои читал, как только подумаешь о чем, а он уже мысли твои знает и ответ дает. Однажды пришли мы в одно село на молитву, а у икон на стене лампада горела, ее из Москвы привезли. А я подумала: «Вот бы мне лампадку дали, ведь нет лампадки». И спросила Филарета: «Батюшка, можно лампадку купить?» Он мне: «Пожалуйста». Но взял не из связки, а подвешенную лампадку и отдал без денег. А потом, когда мужа хотели выслать, то Филарет иконку ему дал, сказал: «Поставь в угол. Тебя не отправят». Так и было...

А в пятьдесят седьмом году в Духов день пришли к нам со Святого ключа, молились мы там. Наш односельчанин пригласил отца Филарета окрестить детей. Филарет сказал ему: «Иди нагрей воду. Будем младенцев крестить. Да и бабушек-старушек приобщать». А я стояла и думала: «Какие же мы грешные. Даже ребенка своего крестить куда-то понесу, ведь дома нельзя». А Филарет сказал тут же: «Давай детей здесь окрестим и бабушек приобщим». Однажды после богослужения перебирались мы через реку, а я ревела. Муж спросил: «Почему?» — «Попроси у бабушки людей для подкрепления души». Муж пошел к бабушке, но спросить не успел даже, а тот с плота сказал ему: «Не беспокойся. Вас Господь не оставит. И голодные не будете». И уехал.

В августе начался суд над владыкой Михаилом, и муж Алексей ходил на суд свидетелем, и когда зашел в зал, то крикнул: «Христос посреди нас!» Все встали, а отец Михаил сказал: «И есть, и будет!» Муж сам видел, как взошел владыка Михаил в зал и засиял. И становился то маленьким, то большим — прямо на глазах, и как потом в лице менялся, то сделался огненным, то стал совсем другим. Он на суде сказал: «Если дадите мне двадцать пять лет, пошлю бурю и пошлю зной. Вся земля у меня в руках, что захочу, то и сделаю. Хоть по-

---

⁹⁰ «На выборы мы не ходили, и так пугали нас... А в шестидесятые годы просто силой заставляли идти. Тетю Олю так мучили, что она в обморок падала, а ведь сейчас сами не ходят голосовать. Прятались мы — нас искали. Я даже во сне видела, что улетаю, чтоб только на выборы не ходить», — из рассказа Фени.

верну, хоть дуну — все-все сожгу». А они ему: «Если тебя выпустим, ты из нас веревки будешь вить». Во время суда в здании провалился туалет, и владыку и других арестованных вынуждены были выводить на улицу. А птички летали над владыкой, просто тьма их была. И все видели это и плакали. Потом уже письма отца Михаила из лагеря читали с болью и, где можно, с радостью. И поплачешь со скорбью, что терпел такое.

К пятьдесят восьмому году мы уже вышли из колхоза. Свекор Герасим, до революции он дьяконом был, говорил: «Будут закрыты церкви, потом откроют их, но в те церкви ходить нельзя». После суда нас с мужем с работы сняли, и он получать деньги отказался. И от скотины отказался, как раскулачили. И одиннадцать лет нам не давали огород сажать. А до этого где только я не работала: и бригадиром, и счетоводом. Я, правда, еще полгода поработала, а потом стала шить и валенки валять, я хорошо их валяла — и на базаре все продавала. Валяла валенки в подполе, чтобы за патент не платить, а потом на меня налог наложили. Как-то пришли ночью, а у меня как раз валенки на печке сушились, так все отобрали, да еще оштрафовали — патента не было.

В пятьдесят восьмом году провожали в армию сына, а тут машина с двумя флагами подъехала. Так муж залез на машину и один флаг сорвал. Односельчанин мирской сказал мне как-то: «Вы-то молитвой успокаиваетесь. А нам надо водку пить». Когда же мы с властями совсем порвали, то от света сами отказались, свечки ставили в этой избе и молились.

Из воспоминаний дочери Веры, Анны

В детстве мы каждый день читали Псалтирь и Евангелие, и «Ангела-хранителя» тоже. Нас, маленьких, будили полунощницу читать, а это — почти час. И причащались мы по пятнадцать-двадцать раз в году. Нам говорили, что в современную церковь нельзя ходить, так мы и до сих пор такого же мнения.

И в школе нас, конечно, иногда обижали, обзывали «богомолками», с одного мальчика крест сорвали мальчишки. Но мама нас учила сдачи не давать, говорила: «Отойди, и все». А на Крещение приходили туда, шумели, свистели, кричали: «В проруби их надо утопить!» Одно-

сельчане ко мне относились неплохо, но говорили с насмешкой «богомолка». Расстраивалась я маленько, но не особо, так ведь ко всем нашим относились. Когда родители встали на этот путь, мне пятнадцать было, хотелось ведь и поиграть, но воздерживалась — мама держала меня строго.

На молитву в Аксубаево девушки ходили с пояском, приходили, и сразу верующих видно было: платье у них длинное, платочки темные или белые, не цветные. И я так ходила, когда пешком до Билярска шла на молитву, и на ключи, и на горку отца Михаила. По восемьдесят километров ходили — и было так приятно. Запомнился мне праздник Крещения с отцом Филаретом⁹¹. Луна тогда была яркая, у всех на душе радостно. Сначала молились, потом по огороду народ ночью шел к проруби купаться. Народу было очень много, в двенадцать часов ночи купались все, мужики по три раза с головой окунались. Кто мог, все купались, по пятьдесят-восемьдесят человек купались — и никто не болел. И вода как горячая была, а после купания служба продолжалась.

Я поначалу боялась, но внушала себе, что грехи простятся, что во очищение иду. Посмотрела — все купаются, а оттуда пар, тепло. Из дома вышла одетая, раздевалась уже в бане на берегу. Держали нас мужчины, по два человека, и окунали — под лед с головой уходила, — и так три раза. И совсем не холодно было, да и вода такая теплая. Потом из проруби достали, накинули шубу — и бегом в дом. И так приятно и хорошо стало, и совсем не страшно. Затем опять молились. Такие хорошие воспоминания остались, как мы купались. Видать, к Богу стремилась.

Еще мне запомнилось, как к Пасхе готовились. Накануне три дня постничали, не ели совсем. Народу много было, вся молодежь приходила, и достойно встречали праздник. Приезжих много было, в деревне своих верующих много было, так что изба была полна, воздуху не хватало, все потные. Кормили, угощали всех, тетя Катя с мамой всех кормили. В сенях, во дворе — везде полно было народа. Приятно было выстоять на молитве, а потом вместе с мамой идти. Зарево — восход. И так хорошо на душе! И мы не просто родные по крови, а по духу родные.

Нас все время вызывали, грозили в ссылку отправить, отобрать все. Раз утром милиция приехала, спросили меня: «Почему не подчи-

---

⁹¹ В 1956–1957 годах.

няешься советской власти? Пойдешь с нами». Я им: «Пойду, если заставишь. И лишь с руками вверх. А так не пойду». Оставили меня в покое. И когда свободное время было у нас, всегда духовные стихи пели: сядем все кучкой и поем. Как одна очень большая и дружная семья. Эх, вернуть бы те времена! И ничего советская власть богоборческая с нами не сделала. Не смогла сломить нас, выстояли с Божьей помощью...

Отец был участник войны, но никакими льготами не пользовался, никакие подарки не принимал. Когда вызвали, чтобы ордена вручить, он не поехал. Сколько раз из военкомата звали, он все отказывался. Орден у него столько — вся грудь, а он: «Есть у меня один крест, вот его и буду носить. Нет места, чтоб ордена вешать». И когда его двоюродный брат, не воевавший, купил себе ордена, то папа в сердцах плюнул, сказал ему: «Сними, не позорься». Он говорил мало, но обдуманно и всегда по существу.

А когда папа умер, то лицо его в гробу так изменилось, помолодел он, посвежел, стал такой красивый — и как живой... Надежда Васильевна⁹² еще не знала, что папа умер, но на молитве у нее появилась мысль, что надо говорить «новопреставленный». Ревет-ревет она, поминает «новопреставленного» и сама удивляется, почему так говорит. Потом уж ей сообщили...

Из воспоминаний Екатерины Павловны

У нас в селе была большая церковь. И как хорошо молились в ней! В церкви помощником служил муж тети, и они при церкви жили. После войны, я комсомолкой тогда была, наняли татар ломать церковь. А там была плащаница рядом с иконой Матери Божьей. Я рядом стояла и видела, что, когда татары достали плащаницу, огонь из нее поднялся вверх, полетел, и Святой Дух пошел из нашей церкви.

Отцу во время войны ногу оторвало, и мама хотела уйти от него, детей еще не было. А он сказал ей: «Если уйдешь, я себя “порешу”. И ты грех возьмешь на себя». Мама осталась и родила нас, пятерых. Мать с отцом никогда не ругались, если кто начинал ругаться, другой сразу же выходил из избы. Так они жили и нас так же научили жить.

---

⁹² Ершова Надежда Васильевна.

Мать моя всегда молилась, часто молилась на огороде, тогда ведь не давали в избе молиться. В саду у нас смородина была, яблони, кусты, вот в этих кустах на скамеечке мама садилась и Евангелие читала. И я тоже стала с мамой молиться.

К нам и Серафима⁹³ приходила, звала маму к себе в дом на общую молитву. А знакомый наш был Иван Иванович, коммунист. Серафима часто говорила ему: «Иван Иванович, наденьте крест. Прошу вас». Он ей: «Да как? Как я партийный билет брошу?» А она ему: «Бросьте, и все». Думал он, долго думал, в первую очередь ему неохота было бросать удобную жизнь. Сначала ругался, потом стал ходить ко мне. А я говорила: «Мы к Серафиме пошли молиться. Иди и тоже послушай». Он отвечал: «Как я пойду туда? На мне и креста нет». А я ему: «Какой на тебе крест. Ты же коммунист, на тебе билет партийный».

В пятьдесят седьмом Саломея сказала мне: «Кать, а что же Иван Иванович без креста? Давай что-нибудь сделаем, чтоб он крест надел». Я ей: «А ты приди к нам и спроси: “Иван Иванович, вот у Серафимы молятся, а мы ничего не понимаем. Ты грамотный, поймешь ведь, правильно они молятся или нет”». Пошли мы с ним вместе к Серафиме, чтоб он посмотрел, как там молятся, ведь надо как-то завлечь его. А тогда к ней много народу приехало из разных деревень, долго молились и потом говорили, говорили. Он вернулся и сказал: «Теперь я понял. Они говорят так же, как мама моя рассказывала. Придется и мне по этому пути идти, так мне все это понравилось. И я там один сидел без креста». Я ему: «Я тебе дам крест. Надень его на себя». Он промолчал. Потом как-то поздно пришел, может, часа в два ночи. А утром встали мы, он умылся и спросил: «Дашь мне крестик?» Я, радехонька, принесла ему крестик. Он его поцеловал и надел.

Саломея пришла узнать, как дела наши, спросила его: «Ну, Иван Иванович, показалось ли тебе там?» Он ей: «Как не показалось? Там всю правду говорят». Тогда она предложила: «Я в Баланду собираюсь молиться, хочешь, тебя позову? Там тоже все время собираются». А я про себя: «Хоть бы пришли они за ним». Накануне вечером Саломея пришла: «Буду у вас ночевать. Завтра все вместе пойдём». Пошли мы туда, а там отец Филарет служил. Помолились вместе, и потом все разговаривали. Ивану там еще больше понравилось, он пришел и сказал: «Там вся правда, а мы все неправдой живем. Что теперь делать

---

⁹³ Аликина Серафима Денисовна.

мне? Партийный билет у меня, завтра же поеду в район и сдам. Они против Бога».

А я стала про себя молиться: «Господи, дай ему разум». Утром поели мы, положила я ему в сумку кусочек хлеба. Взял Иван партийный билет и паспорт, пришел в райком и бросил свой билет на стол. Они спросили: «Чего надумал-то?» А он сказал: «Я надумал Богу молиться». Они стали его ругать, а он стоял на своем. Они засмеялись. В милиции его хотели задержать, но потом отпустили. Пришел домой и сказал: «Меня хотели забрать». А я ему: «Ну, пусть забирают, мало ли сидит наших. Вон Салманида⁹⁴ отсидела пять лет, да и все по пять лет отсидели и пришли. И ты посидишь, а потом придешь». И у меня тогда не было страха, а, наоборот, радость была, что Иван пошел по истинному пути. Значит, Господь его хранил, и если убьют, значит, убьют за Христа. Он-то ведь вон как страдал за наши грехи! И за себя я не боялась, что детей могут отобрать.

А через два дня за ним из райисполкома приехали, привезли паспорт и партийный билет, сказали: «Это ты послушал свою растрепу и стал так говорить. Мы знаем, зачем ты молиться задумал. Ты в колхозе работаешь, а колхоз тебе ни в чем не помогает. У тебя ведь изба старая, захотел новую избу вымолить? Так вот, завтра всем колхозом идем в лес, будем деревья рубить, тебе избу строить. Только от председателя не отказывайся». А он им: «У меня бревна во дворе лежат, не надо мне никакого дома». А ведь, действительно, он себе ничего не брал, все людям раздавал: этим выпишет, другим выпишет. Я-то приносила, на ток пойду, украду зерна, положу за пазуху — нас ведь обыскивали. Принесу домой и сварю ему что-нибудь — у нас совсем ничего было есть. Сам-то он ничего не брал.

Уговаривали его по-всякому, говорили: «Мы выпишем вам хлеба. Завтра колхоз начнет строить вам дом. Только заберите обратно партбилет». Он ответил: «Нет, не буду председателем. И обратно ничего не возьму. Я пошел по воле Божьей, не отрекусь». Они тогда ему: «Ну, смотри». И уехали. Потом сняли его с должности. Пришел муж домой, сказал: «Ну, завтра заберут меня». Стал он по ночам валенки валять, пятеро детей ведь было. А через некоторое время пришла повестка в суд. Мы все собрались и пошли. Спрашивали его там, и он все отказывался. А народ, который в зале сидел, удивлялся — от всего отказывался. Что только не говорили! Таковую неправду! Потом спросили:

---

⁹⁴ Антипова Салманида.

«Сколько ты брал за валку валенок?» Он промолчал. Они ему: «Сейчас тебя забираем, дадим пять лет». А он им: «Сколько Богу надо, столько и дадите. Забирайте». Взяли его и осудили на пять лет.

Я попросила дочь Саломеи: «Сбегай, кусочек хлеба отрежь и ему положи». Принесла она хлеб, и он в карман положил. Забрали его и увезли на машине. Идем мы обратно, а Настя как даст мне: «Посадила мужика! Посадила человека!» А Саломея сказала ей: «Не трогайте вы ее. Она и так без памяти, ни жива ни мертва». Пришли мы домой, начали молиться, потом спать легли. Утром встали, опять помолились, и ребята мои плакали и тоже молились с нами, сыну уже было десять лет.

А на суде приказали нашу овечку и козу не пускать в общее стадо. Пошла я к дяде Леонтию, попросила взять мою овечку и козу, дескать, мне не дают, может, молочка принесешь ребятам. Как мужа забрали, у меня ворота сняли, я в то время в лесу была. Пришла — а у меня в огороде лошади стоят, капусту и морковь жуют. Пошла я в огород, а там сосед капусту мою забирает себе. А потом приехали и все, что росло в огороде, увезли. Стали вызывать и требовать: «Откажись от веры, а то детей заберем». Я отвечала: «Нет. Детей у меня пятеро, вырастут они в вере. И все».

Через некоторое время и мне пришла повестка в суд. Саломея предупредила всех наших. Помолились мы утром, ребят я оставила с соседкой и пошла на суд. Судья спросила: «У тебя дети молятся?» Я сказала: «Молятся. И утром и вечером со мной». Стали обвинять меня: «Ты в школу детей не пускаешь, молиться их заставляешь». Я им: «Проверяйте! У них только четверки и пятерки. И ни одного пропуска нет». А суд решил: «Отобрать троих детей!» Оставили мне самых маленьких, их в детдом еще не принимали. Старшим сказали, они заплакали, обняли меня.

Еще день мне разрешили побыть с ними, пришли мы домой, помолились вечером, утром я завтрак им сварила и накормила их. Потом подъехал на лошади сын моей подруги, он приехал детей в детдом забирать, сказал: «Давай собирай их скорей, в сельсовете ждут». А мороз сильный был, я ему: «Они ведь замерзнут». Постелили сено в телегу, положили детей туда и повезли. А я как упала в дверях в обморок, больше уже ничего не помнила. А на другой день подохла лошадь в колхозе, на которой детей моих увезли в детдом. Вот как Господь наказал их!

Пока везли их пятнадцать километров, они замерзать стали. Завезли их в деревню, покормили и согрели там, потом повезли дальше

еще двадцать километров. Ночевали у одной татарки и только на третий день приехали в нужное село. У какой-то тетеньки побрили их и привезли в детдом. Детей там было двести или триста человек. Две недели держали детей моих отдельно и с детдомовскими ребятами не соединяли, чтобы они не научили их молиться.

Вечером пошла я к соседям, а они мне вилок моих не отдали. Пришла домой, поплакала, потом сварила супчик, покормила малых детей. Потом пришла ко мне одна старушка и сказала: «Я тебя к детям проведу». Пошла я в Аксубаево к бабушке Лене, а она сказала мне: «Собирайся. Я Пашеньку с тобой пошлю в Чистополь». Купила я пряничков, конфет, лепешек намесила, бабушка Лена собрала им яиц и печенья: «Надо не только вашим детям, но и всем беспризорным дать». Там татарка была, она ухаживала за детьми в детдоме. Пошла она к директору, а он не разрешил мне свидание. Утром пошла я опять к директору, он опять на свидание не пустил. Но детей при нас вывели во двор, выстроили строем, и мы смогли хоть увидеть их.

И тут директор сказал мне: «Встань перед строем!» Я встала. А директор при всех на меня: «Бессовестная мать! Как тебе не стыдно! Тут все беспризорные, без отца и матери, а ваши при живых родителях — и в детдоме. Да они вас кормить не будут в старости». А дочка моя, в галстук красном, вышла из строя и сказала: «Вырастем, будем почитать папу с мамой. И будем папу с мамой кормить». Директор отвернулся и заплакал, потом сказал мне: «Идите. Сейчас все позавтракают, и дети к вам на свидание придут. Но только на час». Дочка с собой девчонку привела, подружку, а сын — приятеля, мальчишка этот в снях стоял. Ребята гостинчиков им дали, они и убежали.

Мы с детьми поговорили, передала я им все гостинцы, в конце сказала им, чтоб они сказали директору, что мама с бабушкой заболели, лежат, прийти не могут и просят еще о свидании. Потом мы ночевать пошли, наплакалась я. Дети вечером пошли к директору и все, что надо, сказали, а он им в ответ: «Пойдите и посмотрите, если умрут они, мы их тут и закопаем». Утром мы позавтракали, пришли опять, и их пустили к нам. Но директор сказал им, что разрешает писать домой письма, но чтобы меня он больше здесь не видел. Ребята пришли, рассказали нам все и так радовались. Мы просили их передать директору поклон, отдали мешочек с гостинцами, сказав детям: «Раздайте всем ребятишкам». И они ушли.

Пришли мы с Пашенькой домой в Аксубаево, у бабушки ночевали и рассказали ей все. Пришла я домой и захворала. В письме детям в

детдом написала: «Мы пришли домой. Слушайте всех, что заставляют, то делайте. Поклон всем подружкам и товарищам». А потом думала-думала, что дальше делать. Весной, когда растаяло все, Салма-нида предложила мне: «Айда, сходим в детдом. Я тоже хочу посмотреть, как там ребята. Подготовим все и пойдем. Когда вернемся, начнем копать огород наш». У меня-то отобрали, а у них еще был огород. Ну, пошли мы, зашли опять в Аксубаево к бабушке Лене. Она нам много дала с собой, другие знакомые тоже всего надавали, получилось по большой посылке. Пришли в детдом, вызвала я директора: «Миленький, отдайте их на каникулы домой. Я подпишу. Столько дней буду их держать, на сколько дадите». А он сказал: «Как кончат учиться, приходите за ними. Я отпущу их на месяц». Ушла я, а сердце у меня болит, опять засобирались к ним.

В детдоме татарка сказала, что не пустят нас к ним, а директор пустил. Дети прибежали, радостные. И разрешил он мне взять детей на месяц. Пришли домой вместе, а я не знаю сама, что делать теперь. Я их молиться заставляю, они молятся и плачут. Накануне того дня, когда мне надо было их вести обратно, к нам пришли все наши проститься. На следующий день рано утром мы пошли. Как только вышли из дома, а до детдома от нас пятнадцать километров, птички вокруг нас выются и чирикают. Сынишка мой пытался поймать их, а они отлетают, потом опять близко летят. В Аксубаево зашли к бабушке Лене, она плачет, молится, просит Господа. Поели там и дальше пошли. Как из села вышли, опять птички за нами: «Чивыр-чивыр-чивыр». Просто чудо! И эти птички всю дорогу за нами летели, всю дорогу до детдома!

Два года пробыли там дети. Муж Иван в это время был еще в ссылке. Первым убежал оттуда сын, и его не искали. Стал он учиться в Старо-Тимошкине. А через некоторое время муж приехал, сказал: «Меня отпустили ребят посмотреть». Ему постоянно твердили: «Откажись от всего и ребят возмешь из детдома». А он им: «Нет, не откажусь. Ребята пока маленькие, когда подрастут, тоже к вере придут». А потом старшая дочь скорехонько прибежала домой, да еще с подружкой. Я ей: «Что ты наделала! Сама убежала да еще подружку с собой прихватила. Теперь меня посадят».

А подружка сказала мне: «У меня в Казани тетка живет, я к ней поеду. Дай мне только на дорогу пять рублей, я уеду». У меня ни копейки не было, пошла к соседке, прошу ее: «Дай мне пять рублей взаймы». Объяснила я ей все, сказав, что, если я девочку оставлю у

себя, меня заберут. Дала она мне пять рублей. Проводили мы девочку до Аксубаево, там посадили ее до Казани. А с дочерью-то теперь что делать? Дали мы телеграмму тетке моей, что жила в Находке, чтобы приняла ее. Вскоре ответ пришел: «Выслали вам денег на дорогу. Пусть срочно выезжает». И отправили мы ее на самолете в Приморский край, а было ей всего тринадцать лет. Они ее там встретили, дали телеграмму нам, что все в порядке.

В детдоме осталась одна младшая. Послали ее в Кустанай учиться на штукатура. Оттуда письмо пришло: «Папа, если ты за мной не приедешь, я здесь сама свою жизнь решу». Получили мы письмо, стали думать, что делать. Пошел муж к дяде, которому овечку отдали, попросил денег, как бы за овечку, потом у сестры тоже попросил — и все помогли, дали денег. Поехал Иван, а адрес в Кустанае забыл. А дочь далеко услали, он ехал и спрашивал на всех станциях, в общем, доехал все-таки, показали ему, где училище. Подъехал, а дочка прямо в воротах к нему бросилась. Пришел он к директору, сказал, что дочь забирает. А ему в ответ: «Мы ее одели, обули». Он заплатил, сколько денег у него было, и забрал ее домой.

Пошла она в десятый класс в селе Старо-Тимошкино, а от нас ходить ей туда надо было пять километров. Я стала искать там квартиру, пришла к знакомой, прошу: «Пусти дочку пожить». Она мне: «Я пушу, Катя, но только в переднюю избу не пушу ее. А в задней есть коечка». Причина простая была. У этой знакомой на квартире жила учительница, и она с владыкой Михаилом молилась. Поэтому, чтобы дочка не увидела ничего и не выдала, ее и пустила она в заднюю избу. Когда владыка Михаил приходил, бабушка звала дочку на печку погреться, чтобы он прошел к учительнице. Помолятся они, а ночью он уходил.

Пришла дочь на каникулы, а в доме и днем стали молиться. Иван мой после ссылки пошел табун пасти и продолжал молиться, ходил по многим домам. Огород у нас отобрали, и дети набирали в лесу ягод и грибов. Потом дети наши помогали нам во всем: и продуктами, и деньгами. Продали мы свой дом, купили дом в Аксубаево и переехали туда.

А потом дети построили у нас во дворе свой дом, дочка с нами стала жить. Во время переезда, когда вещи складывали, увидела я возле трубы воск. Откуда, думаю. И вспомнила, как все было. Раньше мы ходили молиться обычно в разные дома: в Мокшино, Васильевку и Киреметь. Собирались ночью, молились, а утром домой шли. Но на Троицу молились всю ночь у нас, и народу из разных сел собиралось

очень много, в двух избах молились. Негде было всем разместиться, и кто-то в нашей передней избе на полати залезал, молился там, а свечи около трубы ставил. До сих пор помню — такой молитвы, как у нас на Троицу, никогда больше не было!

Я-то сама никуда уже не ходила, с детьми оставалась, мужа послала, а сама дома молилась. Потом уж не могла отойти от мужа ни на минуту, он пять лет хворал. Как-то весной три колодца вырыл и насадился — заболел тяжело. И когда колодец рыл, черепа нашел. Раньше здесь был березовый лес, может, кладбище было рядом. Когда на Крещение к нам приходили молиться, брали воду из того колодца, и она как святая была. Муж наказывал: «Никуда не ходи, молись, как молилась всегда».

Как-то совсем больной лежал, не вставал уже, и вдруг поднялся и пошел. Я подумала, что до ветра, а он вернулся и спросил: «Ты ничего не видела?» Я ему: «Нет, не видела». А он мне: «Приходил владыка Михаил с сумочкой и стоял здесь. Пошел поглядеть на него, а там уже никого». Через несколько дней опять сказал: «Вижу, у глубокого колодца владыка стоит, сказал, что с этого места ни шагу, это место будет дорогое. Только кто тут будет — не знаю».

Перед самой смертью муж наказал мне: «Всех птиц корми, всех кошек и собак корми, всех людей и даже пьяниц — всех пригласи и корми. Сегодня мальчишечка пришел, корми». Я кормлю, каждый день он ко мне ходит, а я и не знаю, что за мальчишечка. Еще Иван сказал: «Если кто тебя обидит, проси прощения, говори: “Простите меня, я такая и есть”. Всегда все возьми на себя, а Господь тебя сам простит. Никогда не обижайся, но свои руки не распускай».

Из воспоминаний Марии⁹⁵

Церкви у нас не было, была только километров за двести с лишним от нас. В тридцатых годах было сильное гонение на христиан, к сороковому все церкви были закрыты, священников совсем не осталось. Но после войны к нам стали приезжать тайные священники, по домам служили, крестили и исповедовали. Когда Пасха была, верующие тайно собирались в самом большом из домов, ночью прихо-

---

⁹⁵ Сестра Любви.

дил священник и служил. Отец мой всегда ходил в эти дома, там и причащался, а мама — редко, дома молилась. Отец сходит причаститься, а в следующий раз уже мать шла. Про священников тайных говорили, что они истинные.

На нас родители особо не давили, мы ничего не знали и на службы эти не ходили. Потом отец уехал в Татарию, пробыл там два года, все время письма слал — писал нам, что есть священники, что молятся на Святых ключах, что душу спасать надо. И в душе моей что-то разгоралось: «Вот бы нам туда!» А когда отец вернулся, стал рассказывать маме: «Там не жизнь, а рай. Ничего здесь теперь не жалко. Давай собирайся, уедем туда. Там столько молятся! Пешком ходят к ключам, везде молятся». Маме вроде не очень хотелось все бросать, говорила ему: «Куда нам ехать? У нас семья, страшно с места сорваться». А он ей: «Там рай будет земной! Там и едят, и пьют, и все есть — Господь все дарует. Поедем!» Все-таки он ее уговорил, собрались они и уехали. А я уже замужем была, четверых детей родила, хозяйство было, квартира. Мы не поехали, а через два года отец письмо прислал, сообщил в нем, что Филарет едет к нам, чтобы детей наших окрестить. И опять звал: «Собирайтесь, приезжайте сюда».

Раньше приезжал к нам какой-то священник, детишек крестил, в воду их погружал и миром помазал. А потом объяснял нам, что мы — грешники большие и надо молиться и просить Господа, чтоб Он нас не оставил. После отъезда родителей у меня трое детишек появилось, мучилась я, что не крещенные они. И вот приехал Филарет, да не один, с ним человек десять было. Остановились они у знакомых на сахарном заводе, туда и приехали мы: сестра моя Люба с мужем и двумя детьми и я с тремя. Старшую дочь оставила по хозяйству, уехала от мужа тайно, чтобы не помешал мне, он против был.

Филарет встретил нас, окрестил наших ребятишек, миром помазал, а приехавшие крестными стали. Потом рассказал, как у них там молятся, рассказывал об отце Михаиле. Много не рассказывал, побеседовал с нами, окрестил новых ребятишек, на коленках их подержал, орехи им погрыз (сам грыз, а им зернышки давал). На прощание сказал: «Приезжайте, я благословляю вас приехать, если пожелаете. По-можем устроить вас».

Я вернулась домой, сначала мужу ничего не говорила, а потом стала уговаривать: «Поедем! Любаша наша все время болеет, может, там она хоть вылечится, если климат переменим». Просила, даже плакала, я уже была согласна и на то, чтоб он меня туда увез и бросил — даже

так. Муж был неверующий, но и против веры он не был: тогда так и верили, куда мир, туда и они. Я, правда, маленько Господа боялась, если праздник какой — пуговицу даже не пришивала. Муж уходил из избы, а я падала да плакала: «Матерь Божья, как мне быть? Ну, пусть он привезет меня и бросит там». Так уже решилась я.

Смотрю, сестра моя собирается туда, а муж мой против. Плакала я, конечно. А в тот день было голосование, утром встали мы, и муж не пошел на голосование, вместе не пошли — как нам Филарет объяснил. И он вдруг сказал: «Давай продавать все». Я ничего не поняла, а он мне: «Давай попробуем. Продадим все и поедем. Рискнем, будь что будет». Я обрадовалась: «Слава тебе, Господи». И повели корову на базар, свинью зарезали, курей продали, квартиру сдали. Только собрались ехать, даже билеты купили, а тут нам телеграмма от отца пришла, что надо воздержаться, подождать пока, потому что батюшку Филарета посадили — ночью в дом приехала милиция, допросили его, документы все составили и забрали. Что делать теперь нам? К кому ехать? И кто нас там будет устраивать? А у нас уже ничего не было, вещи собрали, квартиру сдали. Ну, подумали мы и решили ехать.

Четвертого апреля приехали в почтовой машине в село Аксубаево. Сначала пожили на квартире у матери, потом домишко нашли и сняли квартиру там за двадцать пять рублей. Деньги скоро все кончились, муж ездил в Чистополь устраиваться, брал деньги на питание и дорогу — так все наши деньги и ушли. Скандалы начались, муж ругался: «Во всем ты виновата». Осенью как-то напился пьяным, собрал свои вещи и уехал обратно. Так мое желание исполнилось, осталась я одна с детьми и только молилась: «Господи, не оставь меня!» В доме родителей стали жить, по договору нанималась и огороды копать, и дрова пилить, и ямы копать.

Отец нас в пять утра поднимал, вместе читали утренние молитвы, потом «Живую помощь», двенадцать раз «Верую», еще два-три раза «Матерь Божию» и «Спасителю», тогда только шли на работу. Владыка Михаил все молитвы написал и прислал. Отец мне тетрадку дал, и я молитвы эти переписала, а потом уж наизусть стала молиться. Работали мы до пяти часов, прибегали, умывались, а потом бежали молиться в разные места. Кажется, и усталости не было, летели, как птички. На праздники все время на общую молитву ходили, а там казалось — на воздухе стоишь. Вот и было утешение. И дочь моя старшая Галина на службы ходила и на Святые ключи. Даже не думали, что посадить могут или детей отобрать.

На Ильин день пришла с работы, только села за стол, заходят к нам двое молодых: «Кормите детей, сами поешьте, а потом с нами пойдете. Вас вызывают в Дом культуры». Я им: «Я ведь на работе». Они мне: «Там недолго будете. Потом на работу пойдете». Пошла с ними, по дороге знакомому крикнула: «Петр Васильевич, меня повели под конвоем. Если заберут, то хоть передачу принесите». Пришла туда, а там уже родители и наших много, почти всех туда свезли. Народу — полный клуб. А за неделю до этого у меня старшую дочь забирала. Я ушла на базар муки купить, пришла, а соседи мне: «У тебя девчонку старшую с маленькой увезли. За ними гонялись, они как поросята визжали». У меня все оборвалось. Куда увезли? За что увезли? Бросила этот пуд муки, в Дом культуры побежала.

Прибежала, наверх поднялась, а там — длинный коридор и двери в кабинеты. Куда идти, где они? Сама плачу, бегу, и когда до половины добежала, увидела, из последней двери вышла моя дочь с малышкой на руках, той только три годика было. Подбежала к ним: «Что такое? В чем дело? За что тебя забрали? Что спрашивали?» Она тоже плачет, сказала: «Про вас спрашивали. Как молитесь? Где молитесь? Куда ходите?» Спросила: «Ну и что ты говорила?» Она мне: «Я ничего не говорила. Потом на какой-то стул сажали, на электрический, что ли, чтоб я сказала им все. Я закричала, и меня ссадили».

Начали там каждого допрашивать, мне дали слово. А я и разошлась, как холодный самовар, все им высказала, что было на душе: «Что, советская власть разве так делает с детьми? Говорите, что детей воспитываете, а вы не воспитываете, а пугаете их только. Что вы делали с ними, почему, как поросят, гоняли. Что они вам наделали? Ладно, еще ребенка двенадцати лет, а трехлетнего? Совсем перепугали». Стали оправдываться: «Да не было этого». Я опять: «Как не было, если соседи все видели, как испугались дети и кричали! Шила в мешке не утаишь». Они стали кричать мне: «Сядь! Сядь, Мария!» А нас фотографируют, только лампочки вспыхивают. Я выговаривала, выговаривала всем, потом все-таки села. Конечно, им нагоняй после был, своя местная власть это делала.

Сынишка мой младший как ангелочек был, вся улица его любила. Один дед говорил мне: «Ну, у тебя ребенок как ангел. Прибежит, на дворе уже шапку под мышку и Рождество поет». Другим детям конфетку давали или пятак, а ему рубль. А в пятьдесят восьмом году сынишку моего трактором задавило, пять лет ему было. И владыка Михаил написал мне: «Это тебя Господь испытал. Крепись, Мария». Остались мы с дочками втроем, старшая дочь уже замуж вышла.

Дети мои в школе никому не подчинялись, в пионерах никто из них не был. Потом учительница пришла и запретила детям кресты носить. В Казахстане если ребенок с крестом в школу приходил, то учителя не проверяли и родителей не вызывали. А здесь учительница специально проверяла и учеников настраивала. Однажды пришла дочь вот с такой шишкой на лбу. Что такое? Она со слезами: «Я только выходить из класса стала, а из-под лестницы меня поленом прямо по голове со словами “богомолка”». Я ей: «Неси крест, дочка». И на дверях дома у нас ребята постарше все время кресты рисовали. В селе было много верующих, всем также доставалось.

И после суда в пятьдесят восьмом году притеснения верующих продолжались: одного посадили, второго в ссылку сослали. У меня обыска не делали, а в остальные дома часто приходили и все там отбирали: и книги, и иконы. Оставшиеся иконы мы между семьями распределили, но и их забрали, иконы-то старые были. У сестры Кати пятеро детей было, так в шестьдесят пятом троих старших отобрали, на сани побросали, придавили и увезли в детдом, а она в обморок упала. Потом сын и дочь сбежали, а младшую послали в Кустанай, и отец ездил туда, продав последнюю овечку на дорогу.

И меня один из сельсовета постоянно вызывал с работы, нервы трепал, все допрашивал: «Куда ходите молиться? Кто туда ходит? Как вы там молитесь?» Я ему: «Как молимся, так и молимся. Приди да послушай. В основном по домам молимся, а в большие праздники на Святых ключах. Не запрещено ведь на ключах молиться». А потом я его во сне как-то увидела, мы бежали, а он нас догонял, и с ним еще кто-то, мы в какой-то сруб спрятались, а он подполз под сруб и сказал: «Не бегите. Как молились, так и молитесь. Наша работа такая, допрашивать вас». Потом он расшибся в гостинице и вскоре умер, а перед смертью сказал: «Наказали меня христиане».

Раньше ведь нам ни огорода не давали, ничего, все отнимали, говорили: «Эй, “богомолы”, пусть вам Бог подаст». Мы ходили, копали огороды, там кормили нас, может, рубль дадут, и ладно. Осенью зарабатывали, тоже копали, и сестры муж помогал, раствор месили, строили и много чего делали. Потом сказали оставить квартиру, но пришла знакомая верующая и предложила: «Помогу тебе. Будешь работать, пасти табун». Я ей: «Три девчонки остались, на кого я их брошу. Пасти-то ведь надо весной и до самого снега». Все-таки решила, никакого выхода не было, пошла пасти. Год проработала и смогла купить маленькую избушку, как баню. Перезимовали в этой избе, на

второй год опять пошла пасти. А дети растут, надо их одевать. Ездили в Кошки два года на уборочную, зерно молотили. После этого дед один взял меня в помощники лес рубить. Так и работала все время, то больница наймет, то клуб дров нарубить.

В семидесятых годах я заболела, увезли меня в Казань, в больницу положили. И просила я владыку Михаила помочь мне, и вот уже двадцать шесть лет после этого живу. Девчонки мои стали работать: одна на комбайне, снопы подбирала, другие на жатве. Потом я из больницы пришла, а в семьдесят пятом году у меня забрали младшую в интернат. Ведь в пионеры и в комсомол нельзя было нам вступать, не разрешали. И вот объявилась там одна змея — то ли учительница, то ли вожатая. Я у дочки увидела комсомольский значок, давай ее бранить. Она сказала: «Мы с классом собрались, все обсудили, решили, чтоб были в классе все комсомольцы». Дочь пошла в школу и нажаловалась, что мама ругается. Сначала домой пришли, забрали ее вещи и увезли ее в интернат в Азнакаево.

А потом лишили меня материнских прав. Как же переживала я, как плакала! Так обидно было! Дочка там год пробыла, а я молилась, и упование было только на Бога и на владыку Михаила. Потом дочь приехала, сказала мне: «Прости меня, мама, но я не вернусь». На второй год я сама туда поехала, пришла в школу при интернате, а дочка вышла и сказала: «Я уеду с тобой». И уехали мы с ней на автобусе, а через день за ней приехала учительница. Мне она ни слова не дала сказать, только дочери все выговаривала. Потом учительница увела дочь, а я слегла — совсем плохо мне стало. А осенью дочь сама приехала, и больше за ней уже никто не приезжал.

Владыка Михаил во время суда, когда в перерыве на прогулку вывели, Василия Ивановича⁹⁶ благословил: «Василий Иванович, подойди ко мне! Оставляю на тебя Церковь». И на коленях его благословил. Василий Иванович отсидел свой срок, пришел из заключения⁹⁷ и зачитал письмо владыки, что теперь он может совершать литургию сам. Сначала, правда, не решался, но потом владыка Михаил написал ему, и он стал служить в доме в Мокше. Василий Иванович служил часто,

---

⁹⁶ Жуков Василий Иванович, родился в 1904 в селе Старое Мокшино Чистопольского уезда. Крестьянин-единоличник. До 1939 — работал маляром, печником, штукатуром в разных местах. В 1941 — призван в армию, служил в строительном батальоне, осенью 1946 — демобилизован из армии, вернулся на родину. Работал штукатуром, слесарем по договорам. 21 июля 1951 — арестован, 24 октября приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Минлаг, затем переведен в Дубравлаг. 1 июня 1956 — освобожден, вернулся в село Старое Мокшино.

⁹⁷ В ноябре 1968 — был освобожден из лагеря, вернулся в село Старое Мокшино.

не только по праздникам, а в любые знаменательные дни, и если народ приходил, всегда служил. Мы по договору работали, но каждый день бежали в Мокшу за пятнадцать километров. Туда и обратно бежали на службу, если опаздывали, нас пускали.

Василий Иванович не заставлял нас часто причащаться, говорил — как сами знаете. Те, кто был на службе, несли покаяние и говели, потом причащались. Василий Иванович сначала делал общее покаяние, а потом подходили, он голову накрывал и исповедовал по полчаса и больше. Мы причащались часто, в год семь-восемь раз, а то и чаще, каждые посты и часто по праздникам. И просвиры ели, как кто приедет из деревни, мы им сразу просвиры готовили. Нас много было, поэтому привлекали внимание милиции. Они заходили, спрашивали: почему у дома велосипедов много, у нас ведь молодежи много было. Потом нам стало легче, богослужения совершались уже днем, а ведь раньше только ночами молились.

Из воспоминаний Василия Калинина

В пятьдесят восьмом году нас снова арестовали. Осудили меня⁹⁸ и отправили в лагерь в Мордовию⁹⁹, там мы вместе с Михаилом Васильевичем были. В десятом лагере¹⁰⁰ мы с ним под замком двенадцать лет были в тюрьме на особом режиме. Там было здание, где рукавицы шили, и тамбур. Там «блатные» были, они там пили, а в тамбуре у них сапожная была. Их оттуда выгнали, и я там стриг рукавицы, полторы нормы делал. И вот пришел туда ко мне такой Абельманов, ссученный «блатной». А он здоровый, плечи такие, на груди орел выколот. Говорит: «Я пришел к тебе!» — «А чего пришел?» Он ничего не сказал. А я в тамбуре нашел ломик, прут длинный, а на конце припаяно, хотел его вынести. А он говорит: «Давай я его отнесу, брошу».

Я доверился, сижу, стригу рукавицы, дверь открыта. Вдруг хрясь мне по голове, я только поднял голову, сразу меня как будто горячей водой облили. У меня рядом лежал материал непротекающий, и сразу туда много крови набежало. Череп выдержал, на восемь сантиметров

---

⁹⁸ 14 августа 1958 — приговорен к 25 годам ИТЛ с поражением в правах на 5 лет.

⁹⁹ 5 октября 1958 — прибыл в Дубравлаг.

¹⁰⁰ С 1961 по 1973 год.

кожа была разбита, когда я второй раз поднял голову и нагнулся, он мне вдоль спины ударил. Вот этот самый Абельманов, «сука», его напичкали пилюлями. Это все начальство, больше никто. А когда он третий раз замахнулся, я тогда руками схватил прут, тогда еще здоровый был. Он растерялся, не смог вырвать ломик, и скорей в зону.

А им деваться некуда, повезли меня в больницу. Врач мне зашивал, семь швов положили, я это помню, хотя смертельный был. И что-то мне под нос положил, я спать захотел. По Божьей милости я ничего не чувствовал и на другой день уже ходил молиться. На другой день приехал опер: «Вы, Калинин, составили акт? Абельманова этого отправим в закрытую тюрьму. Подпиши». Я подумал-подумал: «У отца Серафима Саровского хребет перебили воры, он не жалился. А я буду подписывать?» Говорю: «Не буду подписывать». — «А почему?» — «Потом придет, совсем меня забьет. Хотите за мой счет себя сохранить?» Когда я вернулся, Абельманов появился, просил прощения. Я говорю: «Прошу за это, а там пусть тебя Господь накажет за это». Абельманову дали три года тюрьмы во Владимире и там лупили его как собаку. Это не игрушка, ломом по голове. Без страдания никто не обретет вечной жизни. Я там каждый день шел на смерть, никогда не думал, что выживу.

Как-то нес я два тюка рукавиц и проходил мимо надзирателя, тарина. А он как даст мне ногой под нижнюю часть в пах! Вскоре образовалась там незаживающая язва. Сначала я сам рану завязывал, потом уже гной из нее ниже колена тек. Три года гнило у меня, но никакой помощи не было. Продолжал ходить на работу, деваться же некуда. А потом приехал главврач, глянул и ужаснулся: «Что с тобой?» Я ему: «У врача спросите». Он приказал: «Чтоб завтра был в больнице». А Михаил Васильевич предупреждал меня: «Смотри не делай операцию. Зарежут тебя». Вот привезли меня туда, женщина-врач была, вроде латышка, как глянула: «Что это такое? Необходима операция». Выписала мне тройную порцию сахара. А я ей говорю: «Операцию делать не буду». Она говорит: «Ну, не будешь, погибнешь. Самое большее — полтора года проживешь». Так вот прошло уже не полтора года, двадцать лет уже прошло, все исцелилось, все засохло. Это не чудеса разве? Это ведь по Его милости.

Кажется, в семьдесят втором нас хотели с владыкой разлучить, сказали мне: «Калинин, иди. Мы тебе дадим отдельную камеру, и ты будешь молиться». Я не иду. Во второй раз они меня стали тащить, а я взялся за батарею, их пять человек не могли сдвинуть. Потом как-то оторвали. Вошел я в другую камеру, вижу, что бесполезно сопротивляться. С тех пор встречались мы с ним только на прогулке, во дворике

десять на десять метров, где гуляло по сто человек, на один час пускали. Там повернуться негде было, шеренга по десять человек, два раза шагнула, повернулась и опять шагнула — вот такая прогулка. Я хоть на работу ходил, а он все время сидел в камере, тут же и параша. А надо ведь совершить молитву, ее надо исполнить, совершить победу.

Потом разлучили нас, и когда мы с владыкой расставались, он сказал мне: «Ты, Вася, освободишься. Не оставь меня». И это было тоже чудо! Люди одну норму не могли сделать, а я четыре делал — и за это прогрессивка. Люди зарабатывали каких-то тридцать-пятьдесят рублей, а я с прогрессивкой — свыше сотни. Эти деньги я посылал владыке. В восемьдесят третьем году меня выпустили с каторги¹⁰¹, и я поехал в Казань. Сколько всего отсидел: на ссылке около трех лет был, в Армавире около года, на Воркуте тринадцать и еще двадцать пять. Свыше сорока лет.

Из воспоминаний Любови

Однажды в семидесятые годы на праздник Явления Иконы Божьей Матери молились мы в одном доме в Казани. Молодежи было полно, многие на велосипедах приехали. Боже мой, какое пение было! Но кто-то донес властям, что мы собрались. Вечером мы хорошо помолились, и не было никого, а утром милиция приехала, потом еще подъехали на машинах. Народу в избе полно было, свечей много горело, жара невыносимая, окна все открыты, так что ничего нельзя было утаить.

Я утром пошла на Святой ключ, так и там слышно было пение. А когда они подъехали, я успела предупредить дедушку Петра. Он метлу взял и вышел с ней, как с автоматом. Вроде как подметает крыльцо после кур. Зашли они во двор, спросили: «Что у тебя?» Тот удивился: «У меня? Молятся». Они ему: «Сейчас подгоним машину грузовую и всех в милицию отправим». Он: «Никого и никуда не пушу, пока служба не кончится. А служба кончится, накормлю обедом, напою, и тогда уж куда хотите, туда и везите. У меня обед сварен, что я его выливать буду? У меня родители умерли, дети умерли, обед я со-

---

¹⁰¹ 4 июля 1978 — этапирован из Дубравлага в Пермскую область, 20 октября этапирован в ИТК-36, там признан инвалидом 2-й группы, 13 марта 1983 — этапирован в следственный изолятор Казани, 25 марта освобожден, в течение 6 лет находился под надзором.

брал, так что никого и никуда я не пушу». Согласились они: «Ну, хорошо. Пусть кончают службу, пусть обедают. Мы подождем».

Сели они, посидели, потом в сарай пошли. Увидели велосипеды и хотели их забрать, но дедушка запретил: «Вот выйдут хозяева, тогда и разговаривать с ними будете». Опять сели, ждут. Кончилось моление, стали на стол собирать, а эти все сидят и сидят, все ждут. Пообедали все, и опять никто никуда не вышел, только передали этим: «Подгоняйте машину, пожалуйста. Мы сейчас все вместе выйдем». Уехали они. Все ждут, а машины все нет и нет. Никакой машины нет, и никого нет. Стали тогда выходить по одному из дома, и кто огородами, кто улицей, кто направо, кто налево. Так все и разошлись.

Как-то отец встретил Евдокию, сестру отца Михаила. Она ему сказала: «Брат-то умер у меня, прислали телеграмму». А отец ей: «А Господь не умирает. Он будет вечно жить». — «Как не умирает. Мне ведь телеграмму прислали». — «А что телеграмма. Он умер телом, а духом-то живой». Потом уже отец Василий Калинин рассказывал после возвращения, что в лагере он защищал отца Михаила, а его за это избивали. Говорил, что отец Михаил в лагере такой кроткий был, не разговаривал ни с кем и почти не сопротивлялся, когда приставали к нему, что там они старались быть вместе, но их постоянно разлучали...

Детям своим всегда говорила: «Тело — прах, а душе спасение надо. Чтоб спасение получить, надо хоть чуть-чуть стремиться к Богу». А девчонка моя: «Мама, в душе все равно молимся. А вот креститься не можем, как будто кто-то по рукам бьет». Я ей говорю: «У тебя же своя комната есть. Зашла туда и перекрестилась. И Богу честь, и люди не видят». Дети раньше упрекали меня, что из-за нас с отцом их обижали, «богомолами» обзывали в школе, поэтому они кресты снимали. Теперь, правда, не упрекают и кресты носят. Я-то сама утренние и вечерние молитвы знала наизусть, а сейчас утренние еще помню, а вечерние уже забываются.

Из воспоминаний Анны Кандалиной

В шестьдесят третьем я вернулась из ссылки на родину. Потом нас хотели из деревни выгнать, но одна бабушка предложила нам: «Прописывайтесь у меня». И мы купили у нее дом, отремонтировали его, прописались. Огород у нас был, мяса ведь я с шестнадцати

лет не ем. Жили с мамой и дочерью, катали свечи, веночки делали, ходили их продавать. Потом иконы обряжали, у людей ведь они валялись на подволоке, так мы привели их в порядок. Зимой нельзя было на горку ходить, а летом народ туда прибывал, там много молились. Раньше туда по сто человек ходили ночами и молились.

Когда наш пастырь Михаил написал, что мы можем рассказывать о нас, стала говорить. Раньше ведь нельзя было, за это расстреливали. Всегда особенная духовная поддержка была от нашего пастыря Михаила. А народ неверующий и сейчас презирает нас, дескать, власти не покоряемся, и насмехается, «богомолы» называет. А верующие, что подчинились церкви, жалеют меня. На нас начальство смотрит как враги, вот последний огород забрали, ведь в колхоз работать мы никогда не ходили и на выборы тоже. Советскую власть я не признаю, и власти плохо ко мне относятся, говорят про нас: «Возмущают народ. С Америкой связаны». Если бы я паспорт получала, то мне другой бы дали, ведь кто в Магадане был, те на особом счету.

Нас перестали тревожить, только когда гласность началась. Когда Ельцина выбирали, паек давали, и мне хотели дать, а я сказала: «Я не продажная шкура. Привезите мне машину золота — и то не нужна она». А они все настаивали, чтоб взяла. Тогда я им сказала: «Хорошо, принесите в дом. Но я обратно вам принесу в сельсовет». Отстали все-таки. Мне пенсию давали за то, что в лагере была, но я не взяла. Тогда стали на меня давить, а я сказала им: «Не откупитесь». У нас многие верующие пенсии не получают.

И что это такое — реабилитация?..

Я ни от чего отречься не хочу, чтобы все это забылось и заглохло...

ГЛАВА III

Истинно-православные христиане в Липецкой области¹

Обзор следственных дел

В августе 1926 года во главе Липецкой епархии был поставлен епископ Уар (Шмарин)². На его квартире постоянно собирались священнослужители епархии, в конце 1920-х годов они активно обсуждали вопросы отношения духовенства к начавшейся в области коллективизации. Владыка Уар утверждал, что крестьяне не хотят идти в колхоз, коллективизация проводится насильственно, труд в колхозе принудительный, так что *«крестьянин в колхозе будет голодать»*, и предполагал, что *«тогда советская власть не удержится»*. Очевидно, эти разговоры стали известны властям, и за владыкой было установлено постоянное наблюдение.

Осенью 1934 года епископа посетил Кирилл Сурнин, священник церкви из села Студенки Липецкой области. Там местные власти решили закрыть церковь, чтобы использовать ее под ссыпку хлеба, как это сделали в соседних селах. Владыка посоветовал отцу Кириллу убедить председателя приходского совета *«не подписывать договора с Заготзерно о передаче храма»*. 7 января 1935 года в селе Студенки прошло собрание приходского совета. На нем верующие, воодушевленные примером активного сопротивления соседей, не допустивших снятия колоколов³, решили храм не отдавать. В январе

---

¹ Липецкая область образована 6 января 1954 года из части Воронежской (Липецк и Грязи), Орловской (Елец), Рязанской (Лебединь, Лев Толстой), Тульской и Тамбовской областей.

² Шмарин Петр (Уар) Алексеевич, родился 11 октября 1880 в селе Ново-Ситовка Избердеевского уезда Воронежской губ. В 1902 — окончил церковно-учительскую семинарию в Козловском уезде, работал учителем. С 1906 — диакон, с 1910 — священник, с 1914 — служил в церкви села Тютчево. В 1924 — арестован в Лебедини, освобожден через месяц. В начале 1926 — пострижен в мантию с именем Уар, посвящен в иеромонаха. 20 августа 1926 — хиротонисан во епископа Липецкого.

³ В селе Телетенки Трубетчинского района местные власти хотели снять колокола, но собравшиеся верующие не допустили этого, женщины даже стащили с лошади агента ГПУ.

1935 года епископ Уар (Шмарин) был арестован по доносу, возможно, в нем говорилось о роли владыки в решении верующих. Но доказать ничего не удалось, и епископа освободили.

10 апреля сельсоветчики в Студенках сделали попытку снять колокола с колокольной церкви, но небольшой группе прихожанок удалось отстоять храм от надругательства. Тогда 19 апреля в село прибыли представители конторы «Металлом», чтобы снять колокола. 20 апреля они приступили к работе: сначала сбросили маленькие колокола, потом взялись за самый большой. Собралось около пятидесяти прихожанок, они стали растаскивать инструменты, не давая работать бригаде, кричали: «Бабы, не давайте снимать колокола. Надо бить этих голодранцев». Работа была прервана, вызвали милицию. Пришли два милиционера, произвели выстрелы в воздух и задержали нескольких женщин, активно сопротивлявшихся и бросавших камни, от которых, впрочем, никто не пострадал. В апреле-мае 1935 года были арестованы еще 7 человек⁴, среди них священники Константин Софийский, Кирилл Сурнин и диакон Михаил Исаев, обвиненные в «*систематической контрреволюционной агитации*». А 8 июня 1935 года был арестован и епископ Уар (Шмарин), как «*идейный руководитель массового выступления религиозных масс*». 11 сентября владыка Уар был приговорен к 8 годам тюремного заключения⁵, священник Кирилл Сурнин, диакон Михаил Исаев и председатель приходского совета — к 5 годам лагерей, члены приходского совета — к 3 годам лагерей.

* * *

В середине 1934 года в Липецкой области странствующими проповедниками активно распространялось «*Слово Божие о наступивших временах антихриста*». С их участием в селе Куймань в домах Дмитрия Петровича и его дяди Федора Ивановича Чесноковых⁶ проводились ночные встречи с верующими: молились, читали Евангелие, пели акафисты и духовные стихи. Встречи проходили также в домах Марии Зиминой или Матрены Чесноковой, а руководитель общины, Иван Гамаюнов⁷, был тесно связан с липецкими клириками и часто приглашал их проводить тайные богослужения. Его

---

⁴ А. П. Гончарова, М. В. Исаев, К. В. Софийский, К. М. Сурнин, А. И. Титова, Т. И. Чернышева, Ф. И. Чернышева.

⁵ Отправлен в Карлаг, где в 1938 — арестован, приговорен к ВМН и 23 сентября расстрелян. По словам дочери, на самом деле был посажен в камеру с уголовниками и зверски ими забит.

⁶ Чесноков Дмитрий Петрович, родился в 1910. Чесноков Федор Иванович, родился в 1898. Крестьяне-единоличники, родились и проживали в селе Куймань Трубетчинского района.

⁷ Гамаюнов Иван Степанович, родился в 1907 в селе Куймань Трубетчинского района, где и проживал. Крестьянин-единоличник.

сподвижник Федор Фарафонов⁸, которого сам епископ Уар благословил на проповедничество, призывал верующих быть «крепкими духом и не отступать от учения Христова». По его указанию активные члены общины несли слово Божье в ближние и дальние села и организовывали там новые общины верующих.

До 1937 года тайные службы с участием большого числа верующих проходили также на Животворных ключах под Липецком, наставники общины и монахи-проповедники после службы говорили проповеди и давали наставления. Гаврила Завалюев⁹, говоря о пришествии антихриста, доказывал, что «непогрешимым перед Господом может быть лишь тот, кто не будет подчиняться антихристовой власти, не пойдет в колхоз, так как колхоз — дело рук сатаны, не будет пускать детей в школу, где они становятся неверующими». Проповедники предрекали, что «скоро наступит последнее время, у многих любовь и вера охладет, многие отступятся от веры», и призывали участников «поступить во всем свято и избегать грехов». Каждого нового участника спрашивали, готов ли он переносить скорби достойно и хранить все в тайне. При вступлении в общину новые члены должны были внести «вступительный взнос» в виде продуктов и денег от продажи имущества — как следование евангельской заповеди «пойди, продай имение твое...». Эти взносы делились между членами общины.

В конце 1937 года в Липецкой области была арестована большая группа верующих, и среди них руководители Гавриил Завалюев с сыном Александром, Федор Фарафонов с сыновьями Михаилом¹⁰ и Степаном¹¹, Иван Гамаюнов, братья Василий Петрович и Дмитрий Петрович Чесноковы, активисты П. П. Зимин и С. П. Пригарин. Арестованные обвинялись как участники «широко разветвленной антисоветской организации церковников, именуемых ИПХ¹², деятельность которой была направлена на развал колхозов, подрыв экономической мощи Советского Союза и свержение советской власти». По версии следствия, эта организация была создана в 1930-е годы Гаврилой Завалюевым и Федором Фарафоновым по указанию Липецкого епископа Уара «на почве резко враждебного отношения к коллективизации и ликвидации кулачества». В начале 1938 года шестеро

⁸ Фарафонов Федор Андреевич, родился в 1896 в селе Студенки Липецкой губ., где и проживал. Крестьянин-единоличник.

⁹ Завалюев Гаврила Яковлевич, родился в 1887 в селе Сухая Лубна Лебединского уезда, где и проживал. Крестьянин-единоличник.

¹⁰ Фарафонов Михаил Федорович, родился в 1919 в селе Студенки Липецкой губ., где и проживал. Крестьянин-единоличник.

¹¹ Фарафонов Степан Федорович, родился в 1915 в селе Студенки Липецкой губ., где и проживал. Крестьянин-единоличник.

¹² ИПХ — истинно-православные христиане.

обвиняемых были приговорены к высшей мере наказания¹³, еще 5 человек¹⁴ — к 10 годам лагерей.

После этих событий многие активисты перешли на нелегальное положение, скрываясь от ареста в потайных местах. С 1938 года руководителем верующих в селе Куймань стал Федор Чесноков¹⁵, продолживший работу по созданию новых общин с помощью проверенных активистов. В дальнейшем авторитет Федора Чеснокова все более возрастал, и наставники других общин постоянно советовались с ним, признавая своим руководителем. Общины верующих возглавили проповедники: в Липецком районе — Иван и Василий Титовы, в селе Дон-Избище под Лебедянью и группу в Орловской области — Сергей Денисов, в селе Грязновка Трубетчинского района — Иван Гончаров, в селе Порой — Николай Кожин, в селе Теплое под Лебедянью — Елена Смольянинова, в Данкове и пригородах — Агафья Пригарина.

О местах тайников и ям, где скрывались наставники и руководители общин, знали только самые приближенные и доверенные лица, к ним допускались лишь после предварительной тщательной проверки и в присутствии доверенных лиц. Был установлен сигнал — три стука в оконное стекло — для оповещения о посетителе, если же стук был в дверь, это говорило о неожиданном посетителе. Беседы проходили только по ночам, всем было указано приходить на них тайно, не по улице села, а огородами. Во время беседы дом, где проходила встреча, охранялся лицами, специально выделенными из молодых верующих, они и предупреждали в случае опасности. В каждом селе был свой наставник, который и поддерживал связь с другими руководителями, через него передавали письменные указания о приеме новых членов и давали советы. Места встреч часто менялись, о чем заранее предупреждалось.

* * *

8 марта 1941 года в селе Куймань были арестованы десять верующих¹⁶, обнаруженные в доме Марии Шушуновой, где *«все выше названные лица пели антисоветские песни и молились, у всех присутствующих были разные религиозные книжки»*. Далее в рапорте сообщалось, что книги были

---

¹³ И. С. Гамаюнов, А. Г. Завалюев, Г. Я. Завалюев, П. П. Зимин, С. Ф. Фарафонов, Ф. А. Фарафонов.

¹⁴ Среди них М. Ф. Фарафонов, В. П. Чесноков, Д. П. Чесноков, С. П. Пригарин.

¹⁵ Чесноков Федор Иванович, родился в 1898 в селе Куймань Лебедянского уезда Рязанской губ. в крестьянской семье. Окончил три класса сельской школы. Проживал в селе Куймань. Крестьянин-единоличник. Возглавлял общину истинно-православных христиан. С 1936 — находился на нелегальном положении.

¹⁶ Г. И. Жданов, М. И. Жданова, А. С. Лукьянова, П. С. Лукьянова, М. Ф. Неспокова, Анна М. Ушакова, Анаст. М. Ушакова, М. П. Ушакова, О. С. Ушакова, М. С. Чеснокова.

отобраны, а участники направлены в сельсовет. Вскоре задержанных отпустили, кроме Надежды Лямкиной и Александры Ушаковой. 16 июня была арестована единоличница Прасковья Камышева¹⁷, 21 июля — монахиня Мария Зимина, принеся для нее передачу. Последняя на допросе показала, что арестованные молились сначала в доме Чесноковых¹⁸, а после ареста хозяина Федора Павловича и его сына Федора стали собираться в доме Ушаковых¹⁹.

Наконец, в ночь с 1 на 2 июля 1941 года в селе Куймань в доме Марии Чесноковой, бывшей инокини Иоанно-Казанского монастыря, была арестована Евгения Чеснокова²⁰, причем ордер на ее арест, как *«руководителя контрреволюционной организации церковников»*, был утвержден полутора годами ранее, 22 января 1940 года. Но тогда она успела скрыться и была объявлена во всесоюзный розыск. Вместе с Евгенией была задержана ее дочь²¹, а также хозяйка дома, инокиня Мария. Арестованные входили в группу *«сестры во Христе»*, не имели паспортов, не участвовали в выборах и во всесоюзной переписи населения, не пускали своих детей в школы²². На первом же допросе Евгения Чеснокова заявила: *«Я не являюсь руководителем, а также активным участником контрреволюционной организации, для меня этот вопрос непонятен. Я человек верующий и иду только за Господом Богом»*. Она подтвердила, что советскую власть не признает, так как эта власть *«идет против Бога, притесняет верующих, закрыла церкви»*, и после ареста мужа, племянника и сына²³ стала ее еще больше ненавидеть и *«категорически решила не выполнять ее законов»*²⁴.

В начале сентября 1941 года в селах Лебедянского района²⁵ были арестованы еще семь верующих²⁶, привлеченных к следствию по делу группы Евгении Чесноковой, — они также посещали тайные моления в селе Куймань. Следствие считало всех арестованных участниками *«ликвидированной в 1940 году контрреволюционной организации под руково-*

¹⁷ Именно она и назвала других членов общины верующих, хотя практически не посещала тайные моления из-за двух малолетних детей.

¹⁸ Чесноковы Федор Павлович и Евгения Сергеевна.

¹⁹ Ушаковы Михаил Семенович и Мария Павловна.

²⁰ Чеснокова Евгения Сергеевна, жена Чеснокова Федора Павловича.

²¹ Жданова Мария Федоровна.

²² По словам свидетелей, в начале 1941 года они *«высказывали клевету в отношении власти и пораженческие настроения в будущей войне»*.

²³ Муж Чесноков Федор Павлович и племянник Шушунов Павел Михайлович были арестованы в 1937 году, сын Чесноков Федор Федорович — в 1939 году.

²⁴ На суде она заявит, имея в виду и свою арестованную дочь: *«Я довольна, что арестовали мужа и двоих детей. Они осуждены и уподобились Богу»*.

²⁵ В поселке Волоотовские Дворики, селах Павловское и Порой.

²⁶ А. М. Аксенова, М. В. Голубых, В. И. Копытина, Д. Ф. Наумова, Т. М. Невейкина, Н. А. Пашинина, М. И. Шерстнева.

дством братьев, Василия Петровича и Дмитрия Петровича Чесноковых, и Кирилла Максимовича Зими́на». Все они обвинялись «в ведении среди населения активной контрреволюционной деятельности, направленной против существующего строя».

21 сентября 1941 года на судебном заседании все обвиняемые отказались от защитников, заявив, что за них «заступится Господь», и отказались признать себя виновными. Евгения Чеснокова отказалась давать показания, заявив: «Я верую в Господа, признаю только законы Божии, законы советской власти не выполняю». На вопрос обвинителя ответила: «Я довольна, что арестовали мужа и двоих детей. Они осуждены и уподобились Богу». Ее дочь Мария Жданова подтвердила, что категорически отказалась получать советский паспорт, заявив суду: «Я человек верующий и ненавижу советскую власть». То же подтвердила и Мария Чеснокова. В последнем слове обвиняемых звучали слова, исполненные стойкости и мужества: «Я на все согласна, куда хотите, туда меня и девайте» (Евгения Чеснокова); «Что будет, то пусть и будет» (Мария Жданова); «Никто не защитит, кроме Господа. Власть ваша» (Мария Чеснокова). Лишь Мария Зими́на просила о снисхождении. 21 сентября 1941 года Е. С. Чеснокова, М. Ф. Жданова и М. И. Чеснокова были приговорены к высшей мере наказания, М. Г. Зими́на и П. С. Камышева — к 10 годам лагерей. Приговоренные к расстрелу категорически отказались подписать копию приговора и обжаловать его и 25 сентября были расстреляны.

Вторую группу верующих судили 25 сентября 1941 года, и подсудимые были приговорены: 4 человека²⁷ — к высшей мере наказания, 3 человека²⁸ — к 10 годам лагерей, Н. А. Пашинина — к 8 годам лагерей и А. Ф. Ушакова — к 5 годам лагерей²⁹. В тот же день смертный приговор был приведен в исполнение.

* * *

15 октября 1942 года в селе Теплом, во время поиска дезертира Василия Дмитриевича Смольянинова³⁰, в подвале дома была неожиданно обнаружена его сестра Елена Смольянинова³¹, руководитель общины верующих. На до-

---

²⁷ В. И. Копытина, Д. Ф. Наумова, Т. М. Невейкина, М. И. Шерстнева. Они также отказались подписать копию приговора и обжаловать его.

²⁸ А. М. Аксенова, М. В. Голубых, П. С. Камышева.

²⁹ Отправленная в колонию, она станет отказываться от работы и будет расстреляна.

³⁰ Смольянинов Василий Дмитриевич, родился в 1911 в селе Теплое Лебедянского уезда, где и проживал. Работал по договорам в Лебедяни.

³¹ Смольянинова Елена Дмитриевна, родилась в 1908 в селе Теплое Лебедянского уезда. Окончила два класса сельской школы. Пела в церковном хоре. Ездилa в Москву на заработки, с 1932 — работала по договору в артели кройки и шитья в Лебедяни.

просе она подтвердила, что вместе с матерью³² входила в общину «братьев и сестер» и участвовала в их тайных молениях. Паспорта она не имела и работала по договору в частной швейной артели в Лебедяни, никогда не работая в воскресные дни и по праздникам. В 1938 году, когда пришли арестовывать ее мать, ей удалось спрятаться в заранее подготовленном убежище в доме. После этого она перешла на нелегальное положение, работала в Лебедяни, а ночевала тайно в доме, с началом войны скрываясь от отправки на оборонные работы. Дверь дома всегда была на запоре, окна занавешены, и если кто-то стучался в дом, она пряталась в подвале³³. В селе ее практически не видели уже долгое время, лишь раз-два в месяц она ночью появлялась у родных и проводила там дней пять.

На допросе она заявила: *«Советская власть мне не нужна, и я ее законы не выполняла и выполнять не буду: не участвовала в выборах и в переписи. На оборонные работы и на трудовой фронт не пойду, так как там работать грешно»*. На допросе категорически отказалась отвечать на вопросы об участниках тайных молений, о чем была составлена справка от 4 января 1943 года: *«На следствии об интересующих нас фактах — сектантах в селе Теплому — ничего не рассказала, несмотря на то что она об этом хорошо знает»*. 21 января ей предъявили обвинение *«в неподчинении законам советской власти»*. 28 апреля она была приговорена к 5 годам ИТЛ и отправлена в лагерь.

* * *

За годы войны во многих районах Рязанской³⁴ и в селах Красненского района Орловской области появились новые общины верующих. Члены их собирались тайно по домам, молились, вели беседы на религиозные темы, читали Библию и Евангелие, пели акафисты и духовные стихи. К середине 1942 года число участников этих общин превысило 400 человек, причем большая часть их вышла из колхозов, старики и женщины активно уклонялись от мобилизации на оборонные работы и трудовой фронт по религиозным убеждениям, а молодежь скрывалась от призыва в армию. Например, Иван Чесноков прятался в яме, вырытой его отцом Федором Ивановичем под печкой дома, не желая защищать советскую власть, так как *«за нее стоят нечестивые»*.

³² Смольянинова Александра Михайловна.

³³ Милиционер докладывал в рапорте: *«Внутри дома с надворной стороны в фундаменте стены была обнаружена замаскированная яма, в которой свободно может вмещаться человек лежа. Эта яма хорошо замаскирована с внутренней стороны дома камнем под цвет стены и пробиты насквозь два больших железных гвоздя с таким расчетом, чтобы помещающийся человек в яме мог свободно держать этот камень, в случае его вытаскивания посторонним человеком»*.

³⁴ Лебедянский, Лев-Толстовский, Липецкий и Трубетчинский районы.

При приближении немецких войск руководители общин стали проповедовать о приближении «меча Господня», призванного уничтожить советскую власть, предлагая верующим совершать общее покаяние. Первый обход верующих был проведен двумя наставниками в декабре 1942 года, второй — с февраля по май 1943 года, третий — летом. И об этом вскоре стало известно властям. С октября по декабрь 1943 года в Липецкой области были задержаны 49 верующих, среди них наставники общин с Федором Чесноковым во главе. Все они, по версии следствия, были участниками той же «широко разветвленной антисоветской организации истинно-православных христиан», но теперь деятельность ее была направлена «на свержение советской власти и установления немецко-фашистского режима». Из числа обвиняемых семнадцать молодых верующих уклонялись от призыва, остальные уклонялись от мобилизации на оборонные работы и трудовой фронт, находясь на нелегальном и полунелегальном положении, скрываясь в специально устроенных тайниках, ямах и скирдах сена.

Федор Чесноков, названный «тайным руководителем широко разветвленной антисоветской организации истинно-православных христиан», не отрицал, что для него: «Советская власть всю свою деятельность ведет против указаний Святого Писания и учения Христа, поэтому я буду бороться против советской власти и от этого никогда не откажусь». Его сын, Иван Чесноков, заявил на допросе: «В Красной армии служить не буду, это грех, ведь в Писании сказано “не убий”». 5 августа 1944 года обвиняемые были приговорены: 5 человек (руководитель Федор Чесноков и наставники общин³⁵) — к 10 годам лагерей, 23 человека³⁶ — к 8 годам лагерей, 8 человек³⁷ — к 5 годам лагерей, 10 человек³⁸ — к 5 годам ссылки в Казахстан. В декабре 1944 года семь осужденных были высланы³⁹, дома их изъяты в пользу государства, а некоторым из родных пришлось скрываться, перейдя на нелегальное положение.

---

³⁵ Л. С. Куницына, А. Ф. Пригарина, М. Б. Разомазов, В. Д. Смольянинов, Ф. И. Чесноков.

³⁶ М. Е. Аникеева, А. В. Девянина, П. Р. Денежкин, П. П. Еремин, И. Р. Завалюев, Д. И. Зими́на, Ф. А. Козин, А. В. Козина, Т. А. Косякина, М. Е. Косьянова, А. С. Куницына, И. А. Лыршиков, П. П. Мягкова, Т. С. Овчинников, М. П. Пригарина, М. Т. Ряховская, В. И. Симаков, О. Д. Сопова, П. Е. Чесноков, М. С. Чеснокова, Е. А. Чиликина, Г. М. Шушунов, М. П. Шушунов.

³⁷ И. И. Барков, П. П. Васильева, А. Т. Гамаюнова, М. П. Дворникова, П. В. Камышева, Т. В. Наумова, П. Ф. Фарафонова, И. Ф. Чесноков.

³⁸ С. П. Бегинина, Е. Г. Константинова, Н. Т. Красникова, М. Д. Лапшина, О. Ф. Лукьянова, С. Г. Рассказов, А. К. Рассказова, А. Е. Сурков, Е. Н. Чеснокова, М. Т. Шушунова.

³⁹ Среди высланных в Томский край: А. А. Чеснокова, М. А. Чеснокова, М. В. Чеснокова, М. С. Чеснокова, Н. С. Чеснокова.

* * *

Несмотря на репрессии, оставшиеся на свободе верующие во главе с новыми наставниками продолжали собираться на тайные ночные моления, хотя количество участников их и уменьшилось. Теперь наставники предупреждали верующих, что власть будет и далее преследовать их, сажать в тюрьмы, даже расстреливать за принадлежность к истинной вере, но они должны твердо продолжать путь верности Христу. И эти слова вскоре подтвердились. С 3 марта по 10 апреля 1945 года в селах Данковского⁴⁰, Добровского⁴¹ и Трубетчинского⁴² районов было арестовано еще 25 верующих как участников той же «антисоветской организации истинно-православных христиан».

Материалы следствия свидетельствуют: многие арестованные проявляли стойкость и мужество. Руководитель общины в селе Куймань, нелегалка Евдокия Третьякова заявила на допросе: *«Я не признаю соввласть как власть антихриста и считаю, что подчиняться ей грех»*. Семен Поликанов, руководитель общины в деревне Сугробы, в доме которого проходили тайные моления, показал на следствии: *«Еще мой дед Петр Егорович⁴³ говорил мне, что придут времена, и люди будут объединяться в артели, в которых одни будут обогащаться за счет других. Артели те будут создаваться властью антихриста, которая не верует в Бога, и ты не должен вступать в те артели, а жить вольной птицей. С самого начала, увидев несправедливости в колхозе, когда труд не оплачивался, я понял, что колхозы и есть те артели, а власть антихриста — это и есть соввласть, поэтому решил никогда не работать на соввласть и выполнять только Божьи законы»*. А верующая Наталья Гончарова заявила следователю: *«Соввласть я не признаю и намерена не признавать ее и далее, работать на нее не буду и оказывать любую помощь ей не желаю и не буду»*.

В июле 1945 года арестованным было предъявлено «Обвинительное заключение», в котором говорилось: *«Деятельность организации, будучи облечена в религиозную форму, направлялась на непризнание соввласти, неподчинение ее законам, противодействие всем ее мероприятиям»*. Верующих обвиняли в том, что они *«вели паразитический образ жизни, нигде не работали, занимались хищением хлеба с колхозных полей»*, а своих детей не пускали в школы, воспитывая их *«в духе ненависти к соввласти»*. 28 августа 1945 года почти все они были приговорены к различным срокам наказания⁴⁴.

⁴⁰ В слободе Казаки и в деревне Сугробы — 3 человека.

⁴¹ В селах Бородицкое и Доброе — 8 человек, в селе Панино — 5 человек.

⁴² В селах Куймань — 5 человек, Порой — 3 человека, Теплое — 1 человек.

⁴³ Скончался в 1925 году.

⁴⁴ С. И. Поликанов, Е. М. Третьякова — к 8 годам лагерей; А. А. Бахаева, А. М. Гончарова, М. Г. Ильина, Е. Т. Костина, А. С. Лукьянова, Н. С. Постникова, Е. Е. Размолодина, Т. Е. Синюкова — к 5 годам лагерей; Н. А. Гончарова, П. А. Гончарова, А. П. Лырщикова, Е. С. Поликанова, К. Ф. Рассолова — к 4 годам лагерей; М. К. Игнаткина, Е. С. Костина,

* * *

Заклученный Петр Чесноков⁴⁵ встретился в лагере и подружился с иеромонахом Филаретом (Русаковым)⁴⁶, после чего предложил своему отцу, Федору Чеснокову⁴⁷, познакомиться с ним. Сначала Федор Иванович и отец Филарет переписывались, и последний рассказал Федору Ивановичу о своем духовном наставнике, иеромонахе Михаиле (Ершове), находящемся в лагере, предложив написать ему. Федор Чесноков был убежден, что налаживание связей между общинами очень важно, но пастыри у общин должны оставаться прежними. Соединение же с новым пастырем возможно лишь в случае полного совпадения убеждений, только тогда возможно будет войти с ним в духовное общение, причаститься и покаяться в грехах. Он все-таки написал письмо иеромонаху Михаилу, но ответа не получил.

* * *

В середине 1950-х годов Федор Чесноков, после освобождения из лагеря поселившийся в Воркуте, стал разрешать единоверцам работать на предприятиях и брать отдельные документы. Направляя им письма-наставления, он для конспирации использовал в них особый шифр⁴⁸. Если в письме было написано: «*Была свадьба у дяди Лукашки, нас приглашали, но мы не пошли*» — это означало, что прошли выборы, но в них никто не участвовал. «*Буря прошла, нас никого не зацепило*» — означало, что прошли выборы, но верующих не тревожили и не предлагали принять в них участие. Наставники групп приезжали к Федору Чеснокову и в Воркуту, например Мария Чеснокова⁴⁹, после освобождения из лагеря воз-

---

З. Г. Пересыпкина — к 3 годам лагерей; А. В. Гончарова, О. Н. Ильина, Т. Д. Литвинова, П. Д. Подольских — к 5 годам ссылки; 3 человека были освобождены из-под ареста.

⁴⁵ Чесноков Петр Федорович, родился в 1918 в селе Куймань Трубетчинского района, где и проживал. Крестьянин-единоличник. В 1937 — арестован, приговорен к 8 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. После освобождения вернулся в родное село. В середине 1940-х — вновь арестован, приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Минлаг. 13 сентября 1949 — арестован в лагере, 2 октября приговорен к 10 годам ИТЛ.

⁴⁶ Об отце Филарете (Русакове) и отце Михаиле (Ершове) подробно рассказано в главе I наст. изд.

⁴⁷ Чесноков Федор Иванович был отправлен в Актюбинлаг, затем переведен в Воркутлаг, в 1953 — освобожден и остался жить в Воркуте.

⁴⁸ Например, слова «*свадьба*» или «*вечер*» означали выборы в органы власти, «*врач*» — наставник; «*болезнь*» — грехи или душевные страдания; «*капли*» или «*лекарство*» — наставления и советы; «*переход огненной реки*» — тюрьма или заключение в лагерь; «*антихристы*» или «*лукавые*» — представители власти.

⁴⁹ Чеснокова Мария Максимовна, родилась в 1913 в селе Куймань Трубетчинского уезда, где и проживала. Крестьянка-единоличница. В 1944 — арестована, приговорена к 10 годам

главившая группы верующих в селах Липецкой и Тамбовской областей. Связным Федора Чеснокова стал и Николай Еремин, вернувшийся после освобождения из лагеря в Липецкую область и живший на нелегальном положении. В 1956 году он сжег свой паспорт, чтобы уклониться от воинского учета, и стал вести бродячий образ жизни, распространяя среди верующих наставления Федора Чеснокова. Последний и сам выезжал к единоверцам, например в Томскую область, призывая их твердо стоять в вере.

А в 1958 году власти получили от «доброжелателя» письма Федора Чеснокова к заключенным-единоверцам⁵⁰, отбывавшим лагерный срок на Колыме. Эти письма якобы были найдены «открытыми»⁵¹. Очевидно, после этого вся переписка Федора Чеснокова стала проверяться. Обнаружилось, что он отправляет письма истинно-православным, проживающим в Липецкой и на спецпоселениях в Акмолинской, Томской и Тюменской областях. В июне 1958 года Федор Чесноков был арестован в Воркуте как «руководитель и наставник нелегально действующих групп истинно-православных христиан». 8 сентября к следствию по его делу были привлечены арестованные в селе Куймань Мария Чеснокова и Николай Еремин. 26–28 февраля 1959 года на судебном заседании Федор Чесноков и Николай Еремин были приговорены к 10 годам⁵², Мария Чеснокова — к 7 годам лагерей.

Федор Чесноков отбывал свой срок в Мордовии, после освобождения был выслан в Тобольск. И в Сибири, и на своей родине, куда он вернулся в конце 1960-х годов⁵³, продолжал принимать активное участие в организации тайных молений. Скончался Федор Иванович 10 февраля 1982 года.

ИТЛ и отправлена в лагерь. В 1954 — освобождена из лагеря, вернулась в село Куймань и возглавила общину истинно-православных христиан.

⁵⁰ М. Разомазов, О. Сопова.

⁵¹ Строки из письма, которые привлекли внимание чекистов: «Мы здесь все прописаны, кому можно обойтись без прописки, пуцай так обходятся, а кому нельзя, то можно прописаться. А как же в городе жить без прописки, это дело квартирное. Мы все имеем справки на руках, и почти все молодые работают на производстве. А кому можно так обойтись, то пусть не работают».

⁵² 31 марта 1959 года срок наказания был снижен с 10 до 7 лет.

⁵³ Поселился в селе Селки близ Липецка.

Из воспоминаний Ивана Чеснокова¹

Отец мой, Чесноков Федор Иванович, родился в 1898 году в селе Куймань Трубетчинского уезда Рязанской губернии. Мать, Чеснокова Евдокия Николаевна, родилась там же и в том же году. В Первую мировую войну отец воевал, в Гражданскую войну его забрали в Красную армию. И сколько жил — а умер он в 1982 году, — всегда считал, что самый большой, так и не прощенный грех совершил в жизни, когда участвовал в войне. И всю жизнь за него молился. Думаю, что не по своей воле воевал, во всяком случае, на братоубийство он не был способен. Их в семье было три брата, двое старших, Петр и Илья, погибли в Первую мировую, отец остался один.

Вернувшись из армии, отец работал на шахте в Донбассе, обзавелся своим хозяйством. Была хорошая лошадь, корова — ни в чем не нуждались и жили в достатке. В семье детей было четверо: брат Петр, сестра Наталья, я, Иван, и брат Павел². Семья наша была глубоко верующей, папа пел в церковном хоре. У отца была сестра, Мария Ивановна, она ушла послушницей в монастырь в селе Сезеново³, потом приняла монашество. Когда начались гонения, в начале тридцатых разогнали их монастырь. Часть старших монахинь вместе с игуменьей забрали, остальные разбежались кто куда, а тетя Мария пришла к отцу.

Коллективизация в наших местах проходила позднее, в тридцать втором году, — немного запоздали. Село наше было большим, около тысячи двухсот дворов, но «активистов» было не более пяти человек, остальные все — люди как люди. Когда начали насильно загонять в колхоз, то верующие, их около ста семей было, не пошли в колхоз. За это кого облагали налогом, кого кулачили, отбирая все, даже соломой с крыши снимали у некоторых. И все это за неуплату налога. Сначала соседей наших раскулачили — их четыре брата было, — они после революции крупорушку завели и еще что-то. Они к нам перешли жить.

---

¹ Чесноков Иван Федорович, родился в 1926 в селе Куймань Трубетчинского района Рязанской области.

² Петр родился в 1918, от первой жены Федора Ивановича. От второй жены: Наталья — в 1924, Иван и Павел (родился в 1932).

³ Иоанно-Казанский монастырь.

Потом за отца взялись: «Записывайся в колхоз». Отец уклонялся от ответа и куда-то уехал работать. Но лошадь успел продать, а корову у нас забрали. И зерно на семена, и картошку последнюю — все, что можно было, забрали. Остались мы нищими и голодными, а ведь четверо детей в семье было. Отец в район поехал, чтоб узнать: «Почему так? Я за советскую власть воевал, а у меня все забрали». Ему ответили, что в деревню направлен уполномоченный, он разберется. Отец, вернувшись в деревню, пошел в сельсовет. Там сидел парнишка молодой, совсем мальчишка, перепоясанный ремнями, пистолет у него.

Отец к нему: «Как же так, чем детей кормить?» Тот у местных активистов спросил, мол, кто такой, воевал ли. Они подтвердили: «Да, он воевал. Но у него ведь сестра-монашка». — «Ах, сестра-монашка! И он еще чего-то хочет? Обложить его десятикратным налогом на имущество!» А где взять? И так уже отняли все, что было. Вот так разобрался уполномоченный. Родные и знакомые не дали нам погибнуть, собрали что могли, дали выжить.

А в тридцать третьем году голод коснулся нас всех. Поговорил отец с племянниками Василием и Дмитрием: «Надо выжить». А для продажи самый стоящий дом был наш, кирпичный, с огородом шестьдесят-восемьдесят соток, — там все хорошо родилось. Отец поменял наш дом на более плохой, и к дому была доплата в деньгах и коза. К празднику козу зарезали, а деньги и мясо разделили между верующими поровну. Потом обрезали и огород, остался кусок земли у дома, я там сажал картошку. В тридцать третьем отца арестовали, обвинили в неуплате налога. Налоги-то непомерные были! Дали ему три года ссылки, отбывал он ее на железнодорожной станции Чириково, что-то строил там. Вернулся в тридцать пятом и от преследований стал скрываться. Стал работать с племянниками, Василием и Дмитрием, они мастерами были — складывали печи по деревням, этим семьи и кормились.

Во время коллективизации сняли колокола с церкви. В селе их две было, летняя и зимняя, во имя Андрея Первозванного и Скорбящей Божьей Матери. Когда стали снимать колокола, смута началась, народ пытался воспротивиться, собрались как-то отстоять. Вмешалась конная милиция, всех разогнали. И они сделали свое черное дело! Но церковь еще продолжала существовать до тридцать шестого года, служил там всеми уважаемый отец Тихон, там и отпели нашу Наташу. Потом арестовали батюшку Тихона с семьей, никто не знал, что с ними стало. Так и канули... Для наших верующих наступило смутное время — привыкли ведь постоянно ходить в храм. А тут ощущение

было, что земной шар остановился. В соседнем селе Сухая Лубна церковь сохранилась, и там для проформы служил «красный» священник. Кто-то из верующих стал туда ходить, но мы не признавали его.

Что делать? Подходило Рождество Христово. А наши родственники жили рядом, четыре-пять домов, братья двоюродные, племянники. И решили собраться для молитвы дома. Монахиня Аксинья, безногая, отец и тетя моя, Мария Ивановна, они знали службу хорошо, так что Рождество справили дома и мирским чином. Потом к нам стали присоединяться другие верующие, так образовалась община. Собирались, у кого дом просторный, стараясь не попадаться на глаза. Приходило по пятнадцать-двадцать верующих, по праздникам иногда и больше. Молиться начинали с вечера, здесь же ночевали, кто жил далеко, и утром продолжали, акафисты читали. Двойные рамы на лето оставляли, чтобы не было слышно, когда молились. Душно было, ну и что? Двери в сени открывали, а когда много верующих было, в потолке доски поднимали, чтобы воздух проходил.

Когда церковь в селе закрыли, ходили молиться в Липецк, там епископ Уар служил в храме в пригороде, в Студенках. Потом появились Гавриил Яковлевич Завалюев и Федор Андреевич Фарафонов, они проповедовали по селам. С владыкой Уаром познакомились сначала Дмитрий и Василий Чесноковы, племянники моего отца, дети брата его Петра, потом и отец мой. Как-то епископ Уар собрал их всех и сказал: «Я вас благословляю, идите проповедуйте, что пришел антихрист. Настает великое испытание, всем будет трудно. Мы, православные, должны молиться. Нас разлучат, мы с вами здесь последние дни. Что с нами произойдет, одному Богу известно».

Потом арестовали епископа Уара, Федора Андреевича Фарафонов и Гавриила Яковлевича Завалюева. Нам становилось все труднее, как будто мы из другого мира были, ведь единоличниками мы были. Видно, озлобляло колхозников, что они работают, а им ничего не платят. При советской-то власти в колхозе ведь ничего не платили — только сатана мог придумать, чтобы человеку за его труды ставили палочку, трудодень этот. А ведь раньше в имении графа Трубецкого многие верующие работали, там и кормили, и платили неплохо. Мама рассказывала, что когда еще совсем молоденькой была, то ходила туда зарабатывать, на приданое собирала. И если человек приходил со своими харчами, то ему платили пятьдесят копеек в день — по тому времени это большие деньги были, — если же на харчах графа, то по

сорок копеек в день. Неделю отработал — получи в конверте деньги. Три месяца мама отработала — вот и приданое ей.

На нас-то этого хомута не было, и они понимали уже, в какую яму попали, когда записались в колхоз. Сами попали в колхоз и хотели, чтобы и мы там были. Начали они нас припекать, помогая властям. Активист Черныль и две женщины — одну из них звали Матренщина, такая баба была распутная, — ходили и кулачили. Они ходили с «красным метлом» по избам и забирали все, вплоть до носильного белья. Если книги церковные находили, кричали: «А-а, вы “сектанты”, “богомолы”!» И забирали их. Один раз к нам пришли, тогда я и увидел, что такое «красное метло». Две палки и плакат на них: «Уничтожим гидру контру! Уничтожим до основания!» И забрали у нас сковородку⁴.

Ведь было так: все, что в доме было, старались на себя надеть, так как одежду с людей не снимали, а брали обычно то, что висит или лежит. Забыл валенки надеть или что — обязательно унесут. Лазили везде, даже в печь заглянут, в чугунок, чтоб выяснить, чем мы питаемся. А если комсомольцы приходили, то обязательно какую-то гадость сделают — если на плите что стояло, хоть стекло да бросят туда. Такая обозленность была у них! Управы на них не было, им была дана власть. Сколько пришлось в детстве натерпеться!.. Ведь если зайдут «советчики», то без пинка не обойдется, хоть дети, хоть кто. Приходят, и если мать на виду оставила кофту или юбку, обязательно прихватят. Даже вот мячик, я им играл, забрали. Тогда любой верующий всегда держал дверь дома запертой, чтобы в случае незваных гостей быстро успеть одеться, чтоб одежду не забрали, а тем, кто скрывался в доме, спрятаться.

Вскоре арестовали племянников отца, Дмитрия Петровича и Василия Петровича Чесноковых, молодых и сильных. Они открыто говорили, что советская власть — сатана и сатане служить не будут, что Ленин — антихрист. И было ясно, что их ждут испытания, и они готовы были пострадать за Христа, несмотря на то что у них были молодые жены и по двое детей. Они их любили, но пошли на страдания ради веры, ради Бога. От них не было никаких известий, говорили, что осудили их без права переписки. Так и канули они в вечность!.. После их ареста отцу пришлось уйти в подполье, скрывался в ближних селах.

---

⁴ Заметим, что в доме, очевидно, брать уже было нечего, а для «бабы распутной» хорошая сковородка в хозяйстве пригодится.

В тридцать шестом году были первые выборы. Верующих в общине прибавлялось, уже много было, и тогда все однозначно решили — на выборы не ходить. Постарались спрятаться в тот день, а кто не успел, троих-пятерых мужиков, грубо в сани закидывали и везли на голосование. Ну, привезут туда, а человек отказывается. Как они там над ним глумились и смеялись! А двери в избе нельзя было закрывать на щеколду, бесполезно это было — дверь могли сломать, в окна залезть. Уж как они бесновались! И кто больше всех бесновался? Самые бедные, кто работать не умел и не хотел, кто поспать любил, но хотел жить хорошо, кушать и одеваться справно. Когда власть бедноты пришла, тут вся эта пена и поднялась...

Когда к нам приехали, маму хотели отвезти, а мы с Павлом в маму вцепились — и все. Тогда они Петра сграбастали, ему уже восемнадцать исполнилось, и отвезли туда. Там ему и бумагу подсовывали, и ящик, но он вырвался и убежал. Вот так прошли первые выборы. Верующие не пошли, непокорные, и что самое страшное — дали пример другим. Вот за то, что другим пример подавали, их и преследовали. А в тридцать девятом году пришли и за мать: «Собирайся!» Причем арестовывал ее активист, муж двоюродной сестры. Ну, мать помолилась с нами, попросилась со мной и младшим братом — ему только семь лет тогда было, — и мы ее со слезами проводили. Потом, правда, ее отпустили.

В тридцать девятом году брата моего старшего Петра призвали в армию, а он отказался. Ну как сатане служить? Его арестовали и привели в сельсовет. Когда я понес ему передачу, меня увидел куйманский милиционер на лошади и заметил на мне крест: «Ах ты, “богомол”!» Разозлился, сорвал крест и два раза ударил меня плеткой по спине крест-накрест. Заплакал я, убежал, но дома никому не сказал. Я носил брату передачи в Трубетчино, потом его перевели в Данков. Вскоре брату восемь лет дали и в лагерь на север отправили — он оттуда писал нам. Уже с неделю прошло, когда мать стала меня купать и увидела: «Что это?» А там на спине следы от плетки синие. Пришлось рассказать, как все было. И мама сказала: «Ну, ладно. Господь терпел и нам велел».

Община наша постепенно росла. Из села Большие Избищи много народу было, из Данкова — Анна Даниловна Пронина с тремя внуками, знакомые тетки моей. Старшие внуки ее потом в армию пошли, а младший, Павел, молился с бабушкой во время войны. В сороковом году опять мать нашу арестовали, но прошло полдня, и она вернулась.

Как же мы обрадовались! Прошло время, третий раз ее арестовали. Мы поутру, как и в первый раз, встали, помолились Богу и в слезы... Но ее опять отпустили. И так раза четыре ее арестовывали, уводили, потом отпускали, думали, наверное, за что посадить. В пятый раз пришли и увезли в Данков. Мы с тетей Марией Ивановной туда ездили, у нее были в Данкове знакомые, и мы там жили некоторое время. Когда я приносил маме передачу, то видел, как и хлеб, и яблоки резали на мелкие кусочки, чтобы чего-то в них там не передали. Поплачешь и уйдешь оттуда...

Началось следствие, и осудили ее, беспаспортную, как бродягу, без определенного места жительства. Дали ей три года и отправили в лагерь. Остались мы с братом жить в своем доме одни: мне тринадцать, ему семь лет. Трудно приходилось нам, по всякому обзывали нас. Голод коснулся всех. За нами все-таки приглядывали верующие наши, постирают нам, продуктами помогут, ведь огород у нас отобрали. Изредка приходила и тетушка моя, монахиня Мария Ивановна, приносила гостинцы. Она скрывалась, жила то на станции Лев Толстой, но больше в Данкове. Перед войной сильные гонения были, особенно на молодежь. И ведь что делали? Привозят в НКВД молодых девушек, поиздеваются, поглумятся, изнасилуют и отпустят⁵. Но ведь они приходили, рассказывали матерям обо всем. И это было в порядке вещей...

Из воспоминаний Павла⁶

Родители мои, Федор Иванович и Евдокия Николаевна, были глубоко верующими, истинно-православными христианами. Раньше они ходили молиться в церковь. Помню, раз или два мать носила меня в церковь села Куймани, в ней меня и крестили. Я родился летом, на Троицу, в тридцать втором году. Священник сказал: «Как назовем? Петром? Петров пост скоро». Но Петр в семье уже был, и меня назвали Павлом.

Отец мой, Федор Иванович, рассказывал мне, что жили они вместе три брата в одном доме, в бедноте жили. Когда началась револю-

---

⁵ «Например, я знал точно о двух случаях».

⁶ Запись воспоминаний производилась в Липецке весной 2000 года.

ция, отец вступил в Красную армию. Потом пришел домой, съездил на праздники к родственникам в какие-то села, то ли Доброе, то ли Теплое. Там знали, что Федор Иванович был толковый мужик, а тут послали его изымать излишки у крестьян и дали в руки винтовку. Его в одном из сел спросили: «Что ж ты, Федор Иванович, приехал сюда?» Стыдно ему стало, винтовку в кусты зашвырнул и домой вернулся. Потом его забрали в Трубетчино, там таких, как он, обычно немедленно к расстрелу. Но потом прошел слух, что можно заплатить выкуп за освобождение. Все три сына с семьями жили вместе, и корова была одна на три семьи. Но дед Иван сказал, что сына Федьку жалко, и повел продавать корову в Липецк, чтоб выкуп заплатить. Вскоре отпустили всех, кто заплатил и кто не заплатил выкупа, а без коровы остались сразу три семьи.

Потом отец уехал в Донбасс. Работал на шахте, спал в бараке на верхних нарах. Проработал около семи месяцев, хорошие деньжонки заработал и вернулся в деревню. Купил там корову и жеребчика, молодого стригунка орловской породы. В то время в стране начался НЭП. Отец хорошо отзывался об этой экономической политике, говорил, что тогда мужику полегче стало. Люди стали оживать, приобретать что-то, хотя и не знали, какая сейчас власть, не то царская, не то Ленин управляет ими. А потом, рассказывал, пришла коллективизация — начали все отбирать и всю скотину забрали. Правда, колхозов еще не было, была какая-то артель, но почти как колхоз. Все в эту артель вступили. Вот как-то поработали, сели обедать, а один, у него скотину раньше отобрали, и говорит: «Федор Иванович, ты вот суп ешь, а он ведь из наших овец».

Отец рассказывал, от кого он истину познал <об истинно-православных христианах>: от Федора Андреевича⁷ и Гавриила Яковлевича⁸ и двоюродных братьев, Василия Петровича и Дмитрия Петровича⁹. Они ходили в Липецк молиться Богу, встречались в Студенках¹⁰ с епископом Уаром, и владыка сказал им: «Что же, мужики, видите сами, какое время настало. Грабят, отнимают все, такая власть наша. Видно, последнее время настало. Собирайтесь по домам, молитесь Богу, наша вера не должна угаснуть. У вас есть книги, читайте, пойте, молитесь, собирайтесь по возможности. Общая молитва, она больше

---

⁷ Фарафонова.

⁸ Завалюева.

⁹ Чесноковых.

¹⁰ Липецкой области.

Богу полезна, чем если мы будем по одному молиться. Я вас благословляю».

Отец в молодости был балагур, с ним можно было говорить на все темы. Он не то чтоб был замкнутый человек, в религию ушел и больше ничего не видел. Он с любым человеком мог поговорить: с мирским ли, верующим — и наставить его. Умный он был, если б не был умным, не стал бы руководителем общины. Когда храм закрыли, стали собираться верующие у него дома и молиться. Когда собирались, двери в избу закрывали на крючок, обязательно были дежурные, они вовремя предупреждали, чтобы можно было спрятаться гостям. А хозяйева, если чужие заходили, старались показать, что их застали врасплох. Что, как?.. Когда власти при обысках находили у кого-то Евангелие или книги святые, то отбирали и сжигали. Часто тут же на глазах сжигали...

Собирались верующие по воскресеньям, там и там по домам, ведь все не могут собраться, как в церкви. Особо не лезли, чтобы за священника, но пели «Иже херувимы», «Милость мира», хотя официальная Церковь и говорит, что вроде бы нельзя петь не в храме. Но наши все равно пели. Епископ Уар ведь сказал, что, если что не так, вам Господь простит, главное, не забывайте Бога и веруйте. Есть Евангелие, чтения святых отцов, вот и читайте, больше вам некуда лезть. В политику они никуда не влезали и о ней не рассуждали. Она грязная — эта политика.

К отцу приходило, я помню, очень много народу. Верующие наши помногу молились: утренние молитвы прочитывать, несколько акафистов прочитывать. И нас, детей, заставляли, мы стояли наравне со взрослыми. И отец брал Евангелие, особенно из посланий апостола Петра, и говорил: «Вот здесь все сказано, как нам вести себя, истинно-православным христианам, как и что». Отец говорил: «Наша православная вера есть зеркало, в которое бросил дьявол камень, и оно разлетелось на куски. Получились разные течения разных суждений: одни так рассуждают, другие этак». Отец старался подходить к нашей истинно-православной вере больше по книгам, чтобы идти истинным путем, не уклоняясь по разным путям.

В школу нас родители не пускали учиться, чтобы с миром не связываться, говорили: «Будешь мирским, забудешь о Боге, забудешь обо всем». Родители наши старались, чтобы мы поменьше с мирскими людьми сталкивались, да и сами старались ни с кем не связываться, даже со священниками, так как знали, что все они и везде связаны с

НКВД, агентура ее. Брат Иван всего два класса окончил, он-то меня, маленького, выучил читать. Евангелие я читал, отец говорил, что если и дома служишь, Евангелие должно читаться на славянском языке, как в храме. На что у нас мать была неграмотная, ни одного класса не окончила, писала плохо, могла и букву пропустить, но наизусть знала четыре акафиста: «Спасителю», «Божьей Матери», «Николаю Угоднику» и еще кому-то, я уж не помню.

Книги божественные находились не на видном месте, сколько искали их, ни разу не нашли. Были у нас акафисты, Библия иллюстрированная в картинках, я много смотрел ее, интересовался, это же история. Столбик текста в Евангелии был наполовину на русском, наполовину на славянском, и отец говорил мне: «Давай по-славянски почитай». И я читал, хоть маленький был. И не было ни одного дня, чтобы меня и брата Ивана не заставляли читать Евангелие, по две-три главы, иначе гулять не пойдешь. Мы собирались на полянках за селом, там бегали, играли в лапту и в мячик. Сперва я погуляю, потом Иван. А потом шли Богу молиться. И нам, детям верующих, бывало, чтобы к родне пройти, приходилось огородами идти, задами, чтобы никто не видел. А если улицей идешь, сразу же мальчишки в крик: «А! Вот он идет!» И начинают камнями в тебя кидать и обязательно отлупят. Было так, правда было...

До ареста родителей я был, если не соврать, раза три на беседах. Очень тяжело было, жара невыносимая... И столько народу было, все приходили на эти беседы... На этих беседах, я помню, сначала назидания из Святого Писания, потом покаяния были. Люди каялись в грехах, некоторые вслух, потом уже стали говорить негромко, про себя, то есть не так, как раньше выкрикивали: «О, Господи, прости меня, вот я нагрешила в том-то и в том-то и то-то сделала, прости меня». Когда каются, а хор весь поет: «Господи помилуй, Господи помилуй». И сейчас каются негромко, про себя. Беседы проходили после службы, и никогда они не были связаны с политикой, никогда не рассуждали о мирских делах, этого даже в помышлениях наших верующих не было.

В колхоз отец не пошел, он говорил: «В колхоз пойдешь, значит, пойдешь с миром. Значит, и Бог не нужен». Тогда начались гонения, все отнимать начали, были большие издевательства. Отец говорил, что сейчас наступило последнее время, что такое житье больше не может быть. Я тогда возрастал плохо, родители ведь были в гонении, кормились плохо, уродом я был, дистрофиком. По-

том, когда отцу пришлось скрываться, совсем нечего стало кушать. Иногда он навещал нас, тайно пробираясь в дом, но помочь уже ничем не мог.

Потом и матери пришлось скрываться. Приходили власти, искали родителей наших, иногда даже попадало нам от этих властей на орехи. Спрашивали: «Где отец?» Конечно, мы не могли сказать, где родители скрываются. Брату особенно часто при таких посещениях доставалось от них, лупили его, конечно. Потом и мать арестовали и увезли на Дальний Восток. Тогда верующие навещали нас, среди них Александра Пригарина, монашка Семеновского монастыря. Когда монахинь разогнали, она в село вернулась, ходила по людям, читала псалтырь по покойникам, а дома ботинки делала¹¹. Ей за них кто ведро картошки даст, кто чего, ведь надо было как-то жить. Она молодая была, часто навещала нас и приносила нам поесть.

Я маленький был, но помню — она ни свет ни заря где-то наберет стеблей подсолнуха, «бутылок», и бросит топиться в печь эту вязанку. Все время приносила она нам эту топку (дров ведь совсем не было)...

Из воспоминаний Анны Чесноковой¹²

Дедушка наш, отец папаши, грамотный был, он много читал. Он умер в двадцать четвертом году и перед смертью наказывал сыну, отцу нашему Федору Павловичу¹³, и жене его Евгении Сергеевне никуда, ни в какой колхоз не записываться. Няня наша, Мария Федоровна¹⁴, старшая сестра Чесноковой Матрены Федоровны, в колхоз тоже не ходила, родственники ее все были верующие, все молились. В город ехать не хотели, боялись потерять веру. А тогда выбор был только один — или в колхоз, или в тюрьму. Так они соглашались в тюрьму. А когда арестовывали, верили в то, что дети не по-

---

¹¹ Делала тряпичную основу сверху, а там с подковыркой из конопли веревки — подошвы, чтобы покрепче были. Как лапти переплетет, и получались отличные ботиночки.

¹² Чеснокова Анна Федоровна, родилась в 1918 в селе Куймань Трубетчинского уезда Рязанской губ. в крестьянской семье. Крестьянка-единоличница, до ареста проживала в селе Куймань, после освобождения из лагеря — в Липецке. Троюродная сестра Чеснокова Ивана Федоровича, живущего в Рязани.

¹³ Чесноков Федор Павлович.

¹⁴ Жданова (урожд. Чеснокова) Мария Федоровна.

гибнут, что Господь их сохранит. А когда высылали их, то и детей отправляли с ними.

Как жили мы в двадцатых годах, и вспоминать страшно. Когда раскулачивали всех, все отнимали, полы в избах выламывали, крыши и те снимали (раньше ведь у многих железные крыши были). В Куймани было тысячу двести домов, большое село было, одних христианских домов было семьсот. И из семидесяти домов стариков и детей выгнали зимой на мороз.

У нас крыша тоже была железная, но мы заранее сняли, покрыли сеном, хотя это не спасло нас, и сено сняли. У нас две риги большие были, в одной навоз хранился. Раньше ведь печь навозом топили, зимой собирали его в кучи, а весной и летом сушили — лес-то здесь маленький был. В другом углу риги была резка специальная для соломы на корм скоту. Этой резкой нарезали солому, посыпали мукой — это и был прикорм скоту для зимы. Свеклу, картошку варили скотине. Было у нас много амбаров, наполненных хлебом и крупой, их пытались спрятать, закапывали, а «активисты» все равно вырыли. Было у нас и три огорода: на первом сеяли коноплю для масла, на других — овощи. Все отобрали и не давали ничего сажать.

Мама смелая была, ее братья скрывались в Новолипецком лесу, там выкопали яму и спасались. Голодно, есть нечего — это было в тридцать первом году. Одну лошадь отцу удалось схоронить, он ее как бы продал, но когда надо было, мы брали и пользовались ею. Мама припрятала овса, ржи, мы хотели отвезти родным, но оси у телеги были железные, слышно было, как поскрипывали, когда везли. Проследили за ней и утащили овес и рожь у нас. Но мама насобирала кое-чего, картошки, свеклы — и мы поехали. Проехали восемнадцать километров, доехали до Копченки, и шина лопнула. Но там товарищ отца помог. Приехали мы к ним, а они такие голодные, что свеклу сырую стали грызть. Пшена им намочили, ржи, день у них побыли и вернулись обратно.

Конечно, тогда голод страшный был. Мама за всю жизнь намучилась с нами, дети малые, а всю скотину и два амбара с хлебом забрали в тридцать первом году. В горнице все для зимы было приготовлено: и песок, и горох, и мука — все забрали. И чугушки, и кочережки, даже рогачи взяли, которыми раньше доставали котлы. Не в чем варить стало, дети плачут в голос: «Няня, мы есть хотим». А что и в чем варить?.. Как сейчас помню, мама на печке лежит, все на себя надела,

что могла, чтобы вещи не забрали, а отец у окна стоит, одна рука в кармане, другая висит, и только слезы, как горох, из глаз. Они ему: «Чего плачешь? Пишишь в колхоз». А он: «Не буду писаться, потому как колхоз безбожный. А мы — христиане верующие, и предки все наши верующие».

Начальники в нашем селе были как бандиты, невозможно было жить. Особенно же Василий Михайлович из сельсовета, день и ночь ходил по селу, издевался, посадил даже своего свояка. Ночью ли, днем приходили к нам в дом постоянно, все блочные двери сбили, чего-то все спрашивали, искали кого-то. А колхозники все равно ходили голодные и грязные, им некогда было даже умыться. И что отобрали у нас, куда-то подевалось, только телеги и остались, а скот весь полег.

А как же натерпелись мы от «активистов»! На нас они всегда злые были, боялись мы их. Ведь с дубинками ходили, могли при встрече и избить. Издевались над нами, били окна камнями, так что мы все головами под лавками спали. Пусть уж по ногам бьют! Один комсомолец с сумкой камней придет, соберет ребятишек и натравит их, чтобы они эти камни в окна бросали. Все окна нам выбивали. Утром собирали мы кусочки стекол, вставляли и глиной замазывали, а на следующую ночь все повторялось. Только стеклышко-глазочек какой найдешь и вставишь — так все равно завтра выбивали. А этот ненормальный днем и вечером стоял и все смотрел. Невозможно было просто жить...

Потом отец устроился работать сторожем на складе, и мы с родителями и малыми братьями уехали в Москву. Там жили по карточкам, голодно, а мы ходили на поле, собирали капустные листья, из них мама щи варила. Кусочек какой добудешь и думаешь: самой ли съесть или ребятишкам отдать? Да еще домой надо было что-то собрать. Ребятишки постарше побирались, ели гнилушки, а Иван, Темка и Коля еще ползунками были. У Коли рахит был: ножки кривые, а головка большая болталась. Крупу давали, сейчас я ее в рот не возьму, а раньше за счастье считали. В ночь ходили стоять в очереди за ней, давали по одному килограмму на человека. Мы как-то все девять человек пошли, набрали девять килограмм, и сестра повезла крупу в Куймань. А на вокзале у нее все украли, приехала в деревню с пустыми руками. Сколько слез было! Но вскоре мама с нами опять вернулась в село, а сестра Матрена приехала позднее.

Из воспоминаний Матрены Чесноковой¹⁵

В нашей деревне было строго, днем никогда не собирались, молились только по ночам, старались прийти на молитву в темноте и уйти затемно. Когда наш христианин приходил, в окно стучал три раза, а мы спрашивали: «Кто?» Тот называл село, откуда он, тогда ему открывали. Часто собирались в нашем доме, приходило человек по тридцать. Мы вначале помолимся, молитву каждый читал, я читала вслух, остальные про себя, три акафиста зараз. Кто-то из братьев выбирал место из Нового Завета, читал, и проповедь толковалась, потом все вставали и пели духовные стихи. Братья Чесноковы, Василий и Дмитрий, на священство смотрели отрицательно, но мнение их по этому вопросу было разное. Они говорили нам о последних временах и предупреждали: «Кто хочет молиться — на крест пойдет. Господь страдал и нам велел». Но маленько ошиблись они, думали, что как в тюрьму нас возьмут, Господь нас к себе из тюрьмы и возьмет. А мы вон сколько живем...

При Чесноковых общее покаяние проходило редко, сначала читали «Покаянный канон», потом молились, потом каждый подходил к иконе и, стоя, вслух каялся, затем три раза поклон пред иконой, а все слушали (при каких-то грехах большое смущение было у молящихся, не все можно вслух говорить, да при детях). Но это редко было. По окончании службы расходились по-тихому, кто далеко жил, оставались ночевать у нас. Ребятишки всегда были понятливые, стояли на страже верно, лишнего ничего не болтали.

С Иваном Прокопьевичем¹⁶ ходили мы петь в Мичуринск и в село Локоток. Он с тридцать седьмого года скрывался, тогда хотели его забрать, а Василий Михайлович из сельсовета предупредил, что его хотят посадить. Тот и стал схраниваться. Скрывались и Василий с Дмитрием Чесноковы. Они часто ходили по ночам по селам, собира-

---

¹⁵ Чеснокова Матрена Федоровна, родилась в 1914. В начале 1930-х — работала в Москве. *«Ходила в Елоховскую церковь и пела в церковном хоре. В тридцать пятом приехала из Москвы нарядная, сходила на молитву раз, другой. На третий оделась уже скромно, не положено было ходить на молитву нарядной. Потом всю одежду с меня сняли и продали, а мама сказала, чтоб я во всем черном ходила».*

¹⁶ Колотвинов Иван Прокопьевич.

ли и наставляли всех, а нас брали с собой петь. Ходили мы с ними в Воронеж, Мичуринск, Богоявленск, Ряжск, в села Грязновку, Данков, Мокрое, Шекино. Зимой в снегу по колению, летом в грязь идем по полю, ведь по дороге нас могли заметить. Братья сначала сидят, читают, потом проповеди говорят, а когда устанут — мы поем. Ходили мы петь по двое и по трое, иногда по пять человек, и мама меня с радостью отпускала.

Сначала меня взяли работать в сельсовет, я там несколько часов сидела, потом домой уходила. В тридцать седьмом году было голосование, отец как раз на Миколу приехал домой из Москвы, привез кое-что. Мама испекла оладушек и пошла к няне Марии, сказав: «Что-то душа моя волнуется, что-то не то». Только она ушла, мы обедать сели, и вдруг в дверь стучат. Мы открыли, а там стоят трое комсомольцев с милицией. Отец на печку залез, думал, не увидят его, а они ему: «Федор Павлович, вы дома? Пойдемте в сельсовет». Он пиджак надел и пошел с ними (потом писал нам, что простить себе не мог, что и не простился с детьми, не думал, что заберут его). Мы перепугались все, трясемся.

Потом собрали ему испеченных оладушек, рубашку еще положили, и Анна, она моложе меня была, понесла ему все. Я-то не пошла, боялась, что заберут. Скоро Анна пришла, а наутро узнали мы, что в Куймани полдеревни забрали, и среди них Василия и Дмитрия Чесноковых (их дом был третьим от нас). Увезли всех сначала в Рязань, а потом в Мичуринск. Мама собралась, и хоть денег не было, поехала туда. Мама неграмотная, читать не умела, но зла ни на кого не держала. Она постоянно скиталась: работала у людей, полола и выполняла любую работу — и все за еду. Брат мой тогда был в Москве¹⁷, изредка приезжал к нам, помогал, потом снова уезжал. Он догадывался после ареста отца, что его рано ли, поздно возьмут, но ведь надо помогать. Как-то приехал к нам, а его уже поджидали, взяли, но судили уже в Москве (в 1939 году).

После ареста братьев Чесноковых мы все равно продолжали ходить по селам и молиться, но с Федором Ивановичем¹⁸ ходили уже реже. Между собой мы называли себя христианами, а потом из лагеря дядя мой пришел и сказал, что именоваться надо истинно-православными христианами. И на этой почве был некий раскол: Федор

---

¹⁷ Чесноков Федор Федорович.

¹⁸ Чесноков Федор Иванович.

Иванович говорил, что как пели, так и надо петь. А дядя сказал ему: «Ты еще молодой и не знаешь. Как я сказал, так и надо петь». Так мы сейчас и поем. За нами следили постоянно, так что мы ни к кому не ходили, никакой возможности не было, да и бесед уже не было. Мы знали, что нас посадят, власти ведь запрещали слово Божье говорить, а мы говорили и по селам ходили. По ночам ставили патрули, и тяжело было пройти из села в село, так мы ползком пробирались по огородам.

Мужчин у нас ни одного не осталось, даже родному брату моему пришлось хорониться. Прятались в подполе или на чердаке. В полу выкапывали «хранючки»: под печкой вырывалась яма, люк делали таким, чтоб человеку только пролезть, четыре доски сбивали и доньшко засыпали землей. Петелечки делали и крючки, этими крючками зацепишь этот люк, и человек по пять туда прятались, люк закрывали и землей присыпали сверху, ушек видно не было. А в ямках, где хоронились, были трубы, чтобы можно было там сидеть и дышать спокойно, труба выходила во двор, ее не видно было.

Когда к нам приходили с проверкой, то ходили-ходили, а не догадывались, что у нас ямки были. Потом нашлась одна предательница, рассказала все, стали обнаруживать эти ямы и вытаскивать нас. Однажды мы спрятались от «советчиков» впятером, они пришли и сидят, часов до двенадцати сидели. Мы сидим, дышать уже нечем, я и говорю, что открывайте, я помираю. Открыли крышку, и нас вытащили оттуда. А мы совсем девчонки, я самая старшая, мне лет двадцать было. Они спрашивают: что да зачем? Поговорили, но в тот раз отпустили. После этого мы стали делать «хоронки» в печи, подоконник вытаскивали, загораживали досками, и там по одному можно было спрятаться...

Из воспоминаний Наталии Гончаровой¹⁹

В 1929 году началась коллективизация, и родителей принуждали записаться в колхоз. В колхоз вступать «грех», так как наша семья относилась к истинно-православным христианам. Отец категорически отказался. У нас забрали весь скот, тряпки, посуду, продукты, вита-

---

¹⁹ Гончарова Наталия Алексеевна, родилась в 1925 в селе Богородицкое Добровольского уезда Рязанской области. Семья крестьян-единоличников. Этот рассказ записан самой Н. А. Гончаровой.

шили вторые рамы окон, оставили нас голодными и холодными. В 1933 году была засуха, наступил страшный голод. Отец, бабушка и один ребенок умерли. Маму обижали кто и как мог: и власть, и люди, потому что не колхозники. Старший брат не выдержал и уехал, осталось нас трое и мама. Голод заставил нас побираться. У мамы оставалась одна старая шуба, и ту власти сорвали с плеч за налог, а налоги были непосильные.

Наступила зима, топиться было нечем, стены и окна покрылись снегом. Мы малы, а маме было не под силу добыть дров. Но в школу мы ходили. Хотя были голодные и холодные и одежда на двоих с братом, но учились хорошо. В школе тоже испытание: родителей в колхоз гнали, а нас — в пионеры. Мы отказывались, боялись греха. А еще я увидела, что галстук похож на кровь. Крепился он зажимом, а на зажиме сверху написано: «Будь готов», в середине костер, а внизу — «Всегда готов» в этот костер. Меня это сильно напугало. До семи лет я ходила в сельскую школу, в 1939 году уехала к сестре в Калинин, где проучилась еще один год, хотя совсем неудачно...

Из воспоминаний Александры Самариной²⁰

Дедушка наш был начитанный, и он предсказывал, что будет впереди, умер он в двадцать седьмом. Мы знали, что в колхоз «грех» идти, и многих верующих забирали, кто не ходил в колхоз. Нас в семье было семеро детей: одна уже умерла, одному полтора года и еще народилась девочка. И ни один из детей в школу не ходил. Я с двадцать четвертого года. В тридцать первом нас раскулачили, я еще в школу не ходила. Все взяли до основания: постели, детскую одежду всю-всю, даже хлеб печеный взяли. Только голые стены оставили, на нас старенькие пальтишки надели. Мама говорит: «Дайте стакан пшена, ребенок встанет, я сварю ему каши». А женщина с ними была, говорит: «Александра Степановна, приходите завтра в амбар, мы вам десять килограмм дадим». А мама: «Если сейчас моего пшена не дадите, то завтра у вас не выпросишь».

Из дома нас выгнали ночью в январе месяце. Три семьи согнали в один дом, и нас туда пригнали — а там ничего нет. Бабушка меня

---

²⁰ Самарина Александра Федоровна, родилась в 1924 в селе Кузьминские Отвержки Липецкого уезда Воронежской губ. в крестьянской семье. Получила начальное образование.

взяла за ручку, повела побираться: кто картошку даст, кто очистки даст — так и сварила суп, поели мы. В селе нашем сказали всем: «Кто будет подавать, всех будем наказывать!» Все боялись, за помощь могли даже раскулачить, и бабушка меня водила в другие села. А мама наша ходила работать по людям: кто просо, кто фунт хлеба даст. Она принесет, бабушка хлеб этот нажует и в марлю маленькой девочке, которая народилась, дает, чтоб сосала, она с голоду умирала. И давала хлеб мальчику, которому полтора года. А сама мама голодная приходила, траву ела.

Три картошки бабушка вот в такой чугунок бросит и варит. Никто не давал с огорода ни лебеды, ни свекольника, чтобы сварить щей, ничего не давали. У нас за огородом полигон был, четыреста гектаров, где летчики учились бомбить, — его охраняли. Туда за щавелем ходить запрещали, если поймают, закрывали в блиндаже. Но мы все равно ходили. Бабушка поднимала меня в четыре часа утра, сама бабушка с мешком, а я с сумочкой маленькой. Шли мы и щавель конский там собирали, и из этого щавеля бабушка варила нам щи. А у нас уже ножки опухшие, мокрые все. Потом уже двух братишек забрали родные, а старшего Ивана мама отвезла к отцу.

Отец, Федор Николаевич, работал в то время в совхозе «Красный колос». Он как выучился на тракториста, сразу ушел из колхоза, там же одни палочки ставили, а в совхозе платили. Он не знал, но почувствовал — плохо, сердце рвется, взял коня и всю ночь добирался. Его повстречали, сказали: «Федор Николаевич, завтра приедут и тебя заберут. Семью раскулачили и выгнали». Раньше телефона не было, посланники были, в сельсовете дежурили, сегодня ты, завтра я, и куда надо сельсовет их посылал. Отец сразу на вокзал, лошадь отпустил, а сам на первый поезд — и в Воронеж. Там у него знакомый дружок был, они самые богатые в селе были, но уехали заранее, и он там уже каким-то начальником стал. Отец к нему, а тот ему говорит: «Если ты сейчас придешь домой, тебя могут забрать и расстрелять. Сейчас новый совхоз организуется, иди устраивайся там». Отец туда уехал.

Меня и сестру постарше отдали к старикам, скотину пасти. Я еще в школу не ходила. И там тоже тяжело было. Ну как так можно? Картошки они наварят, поставят в коридоре — ешь! Утром свесят фунт хлеба, спрашивают: «Почему картошку не ешь?» А она уже стоит там не знаю сколько дней. От нее уже нитки тянутся, прокисшая она уже, и я не могу ее кушать. И молока она мне никогда не даст хорошего. И

чуть свет она меня поднимала, чтобы я корову пасла, чтобы она траву ела. Вот так я жила...

Отец приехал, пришел к маме, говорит: «Иди заведи Саню». Она ему: «Ты что, Федор, ведь есть же нечего?» А он: «Иди заведи, не могу больше! Никого нигде нет, она сидит одна, чего-то напевает и плачет». А у меня ничего нет, я в одном платьишке сяду на печечек, ноги закрою, чтоб тепло было, и плачу, корову пасу. Что мне было тогда? Пригоню ее, а бабка меня заставляет траву рвать, корову кормить. Потом уж мама пришла и меня забрала. А отец хлопотал через Воронеж, чтоб нас не трогали, чтоб восстановили. Потом он взял нас к себе в «Красный колос», в какой-то дом, квартиры-то нет. Ему под зарплату хлеб дали, так мы хоть есть стали. Огород нам дали, немного восстановились мы.

Но учиться там негде было. Дети подрастали, надо было в свое село возвращаться. Отец говорит: «Мать, надо уезжать отсюда. Сейчас пока в селе проживем, а потом в город уедем, детей учить». — «Как скажешь». Вернулись мы, дом нам отдали. А у мамы вся родня — церковники, молились всегда. Церкви все были закрыты, была одна, но сказали — «обновленческая», не ходили они туда. А мы чего знаем? Но здесь мы соединились с Титовым Василием Дмитриевичем, потом стали все собираться, и мама стала туда ходить. Они нам ничего не говорили, днем и ночью служили, а у Тарасова собирались по сто с лишним человек. Дышать было нечем, приходилось даже вскрывать доски в потолке, окно-то не откроешь.

На молитву собирались в разных домах, в основном это были дома маминых родственников, они первыми стали молиться. На молитву собирались тайно, шли огородами, через село мало кто шел. Собирались затемно и уходили, когда темно было. Окна закрывали одеялами, а также следили, чтоб чужой кто не зашел. Мама и нас, детишек пятерых, водила, мы тоже молились. А отец встанет и маме так: «Что я вижу? Чему ты их, мать, учишь?» И вот однажды случился пожар в его мастерской, и у него обгорели руки. Тогда-то он и осознал, что был не прав. Еще он ругал мать за то, что я бросила школу, а после этого он повредил глаз. Три раза он ругал мать, и три наказания у него случились. Тогда он матери и сказал: «Меня Бог наказал». После этого он ее больше не ругал, стал тоже молиться, хотел и работал в совхозе.

Нам запрещали сажать огород, говорили, что дом ваш, а земля нет. Когда же мы вернулись с «Красного колоса», нам разрешили сажать, но «братья» сказали маме, что не надо ничего делать на огороде,

так как будет «конец света». Я маме говорю: «Давай посадим, раз нам разрешили. Даже если конец света будет». Но мама говорит: «Я не знаю. “Братья” не разрешают». Я тогда несовершеннолетняя была, говорю: «Может, нам не все слушать, что “братья” говорят?» Отец молчал, он в нашем разговоре участия не принимал. Все-таки посадили мы огород и сажали до ссылки, до самой войны.

Я крестик носила, даже когда в школу ходила. Но вот пионерский галстук на меня повязали, я пришла домой, а мамина сестра его сняла — и в печку. Я ей говорю, что меня в школе будут ругать, а она: «Ты Боженьку не боишься, а боишься, что ругать будут». Я промолчала. Потом нас в школе как будто презирали, смотрели на нас как сквозь пальцы, пальцем показывая. Не разрешали вступать в кружки, нас так и называли — «кулаки». Верующие девочки были младше и старше меня, но в моем классе я была одна. С детства презирали и кричали: «кулаки», «кулаки», «кулаки». Потом сказали нам, что в школу ходить нельзя — «грех», устроили нас «концом света». Из-за этого я бросила школу, хотя мне так жалко было, я уже в седьмом классе была. Это еще до Финской войны было, в тридцать восьмом.

А уже в тридцать восьмом году, помню, забирали наших верующих. У кого-то дети оставались, их верующие по пять-семь человек группировали²¹, и старики их принимали — надо же как-то детей сохранять. А я подростком была, вот и ходила к старикам, помогала что-то в огороде делать, чем-то топить — надо же им помогать. А тут стали больше и больше забирать наших, старших забрали, а нас еще не брали. И мы помогали, ведь они плохо жили, эти бабушки старенькие. Мне мама что-нибудь кушать даст, я им несу. Меня бабушки просили, они же неграмотные были: «Почитай, милая. Тебе Бог здоровьечка принесет». Прочитаю им «Матерь Божью», «Святителю». Девчонки играют, а я читаю, не могу отказать...

Из воспоминаний Анны Чесноковой

После тридцать восьмого года стали забирать и наших женщин. Маму-то еще в тридцать третьем забрали, посадили на лошадь и повезли в Лебедянск. Но, не доезжая Хмелевки, возчик ее заснул, а мама с телеги спрыгнула и по ржаному полю, прячась, ушла в лес. Там она

---

²¹ Помню, у Тарасовых и Левшиных в Студенках.

заблудилась и два дня не могла выйти, ничего не ела. Господь ее направил на большак, там она сориентировалась и ночью пришла к племяннику. Родители его были раскулачены, а он сам записался в колхоз, ему дом и вернули. Мама в том доме скрывалась, они на работе, а она голодная сидела, но считала, что страдает за Христа, и нас к этому приучала.

После этого ее еще четыре раза брали, но потом отпускали. А летом сорок первого мама как-то вечером пошла к няне Марии Федоровне. Посидели они вместе, вдруг в дверь стучат. Многих в тот день взяли, даже няню, беременную на седьмом месяце. Когда маму вели мимо дома нашего, ей даже не разрешили зайти проститься с нами, детьми, не дали собраться, у нее ни паспорта, ничего не было. Я в тюрьму пошла, передачу ей передала. Шла побиралась, кусочков наберешь и в Данков. Там охранники были из верующей семьи, они маму привели как-то, и пустили меня к ней на свиданку. Как увидела я ее, прямо в голос закричала: «Мама, я умру! Мама, я умру!» А она мне: «Ты такая хорошая стала. Как ты умрешь». Я со слезами ей: «Мне ребятишек жалко, Ивана с Алексеем. Лягу спать, задремлю, а они передо мной стоят и плачут: “Няня, мы есть хотим. Дай покушать”. Я плачу, ничем накормить их не могу». Она меня стала успокаивать: «Ничего, ничего...»

В деревне одни старушки да молодежь зеленая осталась, взрослых мужчин не было ни одного. Старух мы на носилках таскали, а были еще сами такие слабые. После обыска все книги у нас взяли, все псалмы, не по чему стало молиться нам. Читали лишь покаяние и акафист намного реже. Наш брат двоюродный Дмитрий успел схорониться и домой только ночью приходил. Он начитанный был, с понятием, говорил мне: «Аннушка, возьмут тебя, тебе придется работать. Ты такая видная. Тебе придется выдержать этот крест, и Бог знает какой». Как придет братишка ночью домой, так меня на следующий день и брали. Поводят-поводят по улицам до сельсовета, потом отпускают. В мае сорок первого года на пятый раз и меня взяли, вместе с братом малым Николаем. А в сорок третьем году взяли молодых Козиных, когда они пробирались на молитву ползком по меже в картошке. Всех взяли, остались дети и старухи. Когда мы вернулись из лагеря, они рассказывали, как плохо им было... И что без нас село стало пустым. Нас сначала пригнали в тюрьму в Данкове, и там, когда началась война, я встретилась с мамой и няней, но посидела с ними только неделю. Потом ее на суд взяли, а из суда сразу в смерт-

ную камеру посадили. Позднее осудили к смерти и Александру Ушакову, она в тюрьме родила еще мальчика, и его забрали старшие дочери, он выжил.

В Данкове в карцере сидели бабки, сидели как спекулянты, за растрату, они сети вязали. Бабки утром вставали, молились, читали и не работали, в камере сидели. Нас, девушек молодых лет двадцати четырех, пятеро было²². Подозвала меня Пригарина Александра, боевая такая, и запретила нам работать, предупредив: «Если хоть что-то в руки возьмете, спасения не будет». Она рассказала, что мать Степана²³ передала, что хоть в тюрьме и невозможно было с кем-то увидеться, но ей удалось с Дмитрием Чесноковым встретиться, и он сказал ей: «Кто в руки хоть челнок²⁴ возьмет, тот не спасется». С кухни придет кто-то и зовет: «Ну, монашка, пойдем. Помоги картошку почистить, капусту порезать». Если монашка главная укажет, кому идти, мы идем, а если не укажет, то уж не пойдем. Боялись...

А в сороковом году, еще перед моим арестом, взяли Ивана, родственника нашего, жену его Марию Семеновну и Александра Лупенского, он холостой был. В тюрьме ведь работали некоторые из Данкова, там много верующих семей было. Так они в тюрьме специально изображали жестокое обращение с нами. Как схватит кто-то из этих надзирателей меня за косу и кричит: «Иди полы мыть». И приведет меня к их камере. Я полы тру-тру, а они расспрашивают, как дела у нас и кто там сидит. Я расскажу все, надзиратель меня обратно уводит. Да разве бы я пошла полы мыть так просто?

В тюрьме мы на коленях молились, читали мы не про себя, а вслух. А я ростом-то дылда большая, самая рослая была, охранникам в волчок и видно, что я читаю. Меня и наказывали за это чаще других. Но всякий день и утром, и вечером, и в праздники мы молились в камере, читали кто что знал. А в карцере холодно было, намучились мы. А как глиной промазали и печь поставили — задохнуться можно, пар идет. Там пятнадцать человек было, друг на дружке сидели, на одно лежащее место пять человек. В карцере мы до лета просидели. А летом нас в одну камеру посадили и судили. Сначала приговорили к двум годам и отправили в колонию Раненбург. Там мы отказались от рабо-

---

²² И среди них А. В. Ильина, Д. И. Кожина, Е. И. Печенкина, А. Ф. Чеснокова.

²³ Шушунов Степан Михайлович.

²⁴ Имелся в виду челнок для плетения сетей.

ты, и нас отправили в Оренбург, в августе опять судили. Дали всем разные сроки: от четырех до десяти лет. Мне дали пять²⁵ и отправили через Рязань в Актюбинск²⁶.

* * *

Когда вышла я на волю, тут еще страшнее стало. Всех наших на ссылку погнали, в селе негде стало жить. Пришлось мне сначала у знакомой, Надежды Андреевны, жить. А когда пришла я домой, моего гонителя сразу предупредили, что я появилась. Он как взял меня за руку и не отпускал: «Простишь меня или нет?» А я ему: «Не только прощу, а молюсь Богу за тебя день и ночь. Вы довели нас совсем: еду у нас отбирали, мы на ходу падали от голода. А сейчас, слава Богу, я выгляжу как человек». Брат мой Николай рассказывал потом, как сослали их без одежды, как ходили они километров за двадцать босиком и побирались. Так что арест для меня благом стал, я бы здесь с голоду померла. И гонитель мой как встретит меня, так всякий раз и спрашивал: «Простила ли ты меня, Анна Федоровна?»

Из воспоминаний Николая Жданова²⁷

Мать забрали в первый день войны и расстреляли. Мать расстреляли за что? В колхоз не пошла, а соседка была «задушевная» ее подруга, жила через три дома от нас. Мать, может, когда и что не так сказала ей, и та пошла и заложила... Соседка «задушевная» рассказала и о сбежавшем с фронта Жданове Трофиме. Он прятался в другом доме, пришли и застрелили его.

Остались мы с крестной бабушкой. До 1942 года отец мой, Жданов Григорий Иванович, прятался дома, специально для этого был сделан ящик. Стены широкие, видел, когда проходили мимо, и прятался в подоконнике. Вечером седьмого апреля сорок второго года пришли «по заказу», уже знали, где отец находился. Пришли,

---

²⁵ 18 декабря 1940 — приговорена к 2 годам ИТЛ. В феврале 1941 — отправлена в колонию Раненбурга Липецкой области. 19 августа 1941 — арестована. 21–22 сентября 1941 — на закрытом судебном заседании приговорена к 5 годам ИТЛ с поражением в правах на 3 года.

²⁶ Продолжение рассказа о жизни в лагере — в главе VI.

²⁷ Жданов Николай Григорьевич, сын Ждановых Григория Ивановича и Марии Федоровны, урожденной Чесноковой.

прямо не спрашивая, выдернули подоконник, вытащили и давай, конечно, издеваться над ним. Били на наших глазах. Мы на печи сидели, я и младший братик, старший не помню где был. Младший сидел на корточках, а я на нем лежу и реву. И натура моя такая, хотел ведь кирпич выломать и кирпичом в них. Но... не хватило смелости. А мысль-то была... И его то с одной стороны ударят — упадет, поднимется, — то с другой стороны... Потом отца на улицу вывели, пистолет наставляли.

Побольше года мы с крестной пожили, потом в сорок четвертом утром на Казанскую приехал участковый и зачитал крестной постановление о высылке — двадцать четыре часа на сборы. А какие двадцать четыре, когда прямо тут же забрали, два часа не соби- рались. Крестная: «Что брать?» — «Что есть берите». А что там брать? Нечего. Крестная: «Картошки можно накопать?» — «Копайте». Крестная пошла, давай подкапывать картошку, жалко ведь оставлять. Да и кому оставлять, если всех увозят? Соседка приходит: «Ты что делаешь? Давай дергай быстрее». Два мешка надергали, «гороха» правда, повезли с собой — этим потом и спаслись. Привели нас к сельсовету, собрали прямо на площадке, на улице, а в ночь нас увезли в Лебединь.

Из Лебедини везли в телячьих, совсем голых вагонах, весь эшелон был забит народом. А по дороге ведь бомбили поезда, но наш состав не тронули. В дороге давали сухой паек: рыбу горбушу или хлеб. Крестная была старостой вагона, вот она пойдет получит на всех и по пайкам делит. И где поезд остановится на станциях, она побежит, наломает веток где-нибудь, разведет костер и варит картошку. Успеет сварить, не успеет, гудок загудит, мы все в вагон, она чугунок забирает и несет — и полусырую ели. Двадцать один день везли нас, кого-то в Тюмени отцепили, кого-то в Омске, потом нас до Новосибирска до- везли. В Новосибирске отцепили состав, погнали всех в баню, потом отвезли в Томск, а из Томска уже пароходом до села Подгорное.

Здесь пересадили на баржу и отвезли до Усть-Бахтыра, там по колхозам нас распределяли работниками. Им нужны работники, приехали покупать нас. У моей крестной было четверо, трое нас и двоюродная сестра с нами ехала, ее мать вместе с отцом нашим забра- ли, и она вместе с нами воспитывалась. У Анны Клепиковой из Куй- мани восемь ребятишек и у Александры Клепиковой четверо было. Привезли нас, значит, в Гореловку, от Усть-Бахтыра двадцать кило- метров, дали по землянке на две семьи. Нам дали типа землянки ни-

зенький такой деревянный домик, весь врос в землю, и вот там мы жили: нас двенадцать ребятишек и двое взрослых, бабушка третья. Вскоре одна девочка у Анны померла, с голоду конечно. Осталось нас одиннадцать. Какие с нас работники, от одиннадцати и ниже?!

В Гореловке был колхоз «Ударник», но наши в колхоз не ходили. Сначала ходила побираться бабушка, потом и мы пошли. Тут осень, картошка подошла. Взрослые пошли зарабатывать, мы помогали подрывать картошку. Два ведра нам давали. Зиму сорок пятого перезимовали, и нас перевели в дом, где было еще две семьи, еще плотнее стало, еще больше народу было. В ссылке мы собирались и молились, но по-прежнему ходили молиться только ночью, днем не разрешалось. В избе закрывали одеялами окна, читали на память, пели, голоса хорошие были. Мы детьми воспринимали нашу жизнь как должное, не роптали. Деревня была длинная, народу собиралось в то время человек по сорок, на похороны собирались все, коллективы большие, там не гоняли, И никто не ходил работать в колхозе. Местные обзывали нас и «богомолы», и «резаные», рязанские значит.

Еще одну зиму перезимовали, потом в ссылку собрались. Сначала ребятишек собрали в детские дома от матерей. Вот мы сироты были, нас не взяли, а кто с матерями был, одного возьмут, одного ей оставят — такое разделение было. В детский дом забрали, немного погодя старушек в инвалидный дом забирают. Остались мы с одной крестной. А в сорок шестом — это уже третья ссылка — отправили в Ершовку. Жданова Анна Ивановна собралась опять переезжать в землянку, но мы уже подросли, с братом Иваном ходили побираться, человек восемь нас собиралось. Побираться ходили по три-четыре человека, часть проходила по одной стороне деревни, часть — по другой. В сентябре роса холодная, а мы босиком. Староверы попервости подавали, а потом нас много развелось, подавать стали реже, но не обижали, оставляли ночевать. По весне мы ходили собирать колбу, траву такую, очищали ее и этой колбой питались.

Однажды зимой мы с братом набрали кустов, ребятишек много было, собрались ночевать в одном месте. И кучей все идем, человек, наверное, восемь. Погода была снежная, снегу много было, лоток нам дали, мы на нем везли все. До одной деревни дошли, брат говорит: «Обернись, зайди на двор, может хлебушка дадут». Я забежал. И тут лошадь на меня — это с леспромхоза шел обоз. Спереди кучер был, а

по четыре подводы бесхозные были. Я глупый был, на ходу заскочил на подводу, догнал ребят и бросил брату-то хлебушка, а сам дальше поехал. Ребят вроде там много, друг другу помогали, а тут брат отстал. Они его сначала везли, везли и бросили. Он один остался. Я домой прихожу, крестная спрашивает: «Где Иван?» Я говорю: «Идет. Там их много идет». — «Что ж ты бросил его одного, иди встретить». Я собрался, отдохнул и пошел встречать. Встретил, он километра с полтора, может быть, не дошел, уставший. Пришли, он говорит: «Теперь мы не пропадем. Хватит». Мы хлеба привезли две сумки большие. Супчик сварили, поели, легли с ним на печь и заснули. И вдруг в двенадцать часов ему плохо...

Потом мы занимались рубить дрова по два-три кубометра — распилить, наколоть и сложить, — но в праздничные дни мы не работали. Сколько мы пережили, сколько же нам досталось! Мы-то жили в избушке, а некоторые за деревней в логу, в землянке летом и до глубокой осени. Утварь была та, что захватили из дома. Помню, брат поймал зайца и за зайца выменял алюминиевую ложку, она после долго была у нас, уж истерлась вся. Тайком стали возвращать наших стариков, разыскали и вернули всех. Украдкой воровали, потом пешком шли. В сорок восьмом году привели бабушку, чуть живая была, до того худая... она пешком прошла триста километров. В пятьдесят втором украдкой возвращались дети из детских домов, все прибежали украдкой, кто выжил.

Впервые мы пошли работать в пятьдесят третьем году²⁸, а до этого — абы как. Я пошел работать погонщиком, а весной пятьдесят пятого пошел плотничать. А в пятьдесят четвертом году мы взяли землю, чтобы обрабатывать, раскопали целину. В пятьдесят шестом я уже подрос, построил свой домик. В пятьдесят седьмом году организовалась строительная организация, я там плотником работал. В армию меня не забирали, а младший брат был в армии. В шестьдесят четвертом году у меня уже семья была: старшему сыну четыре года и младшему, Кольке, четыре месяца. Я приехал в отпуск, а колдунья та, подруга «задушевная», еще жива была. Она осталась уже совсем одна: двое сыновей ее сгорели, первая дочь угорела, а другая умерла от инфаркта. Идет она мне навстречу и спрашивает: «Ну, как вы там?» — «Нормально».

---

²⁸ Возможно, после смерти Сталина.

Из воспоминаний Ивана Чеснокова

В сорок первом братья стали всех подряд. Тетку мою, Марию Ивановну, арестовали, потом я узнал, что ее расстреляли 5 ноября 1941 года в подвале Ряжского НКВД, когда немцы подходили... И остались мы совсем без присмотра. Отец изредка навевывался, но его уже усиленно искали. Однажды приехали ночью трое и стали искать везде. Один вывел меня во двор, грозил пистолетом: «Говори, где отец? А то здесь и закопаю. И никто не узнает». Вспоминаю сейчас, что тогда почувствовал: будто ноги у меня отнялись, оцепенел просто. Ткнул он меня пистолетом в зубы, даже сейчас щербина осталась между двумя передними зубами. Но ничего не добились они от меня, уехали. А мы как молились при родителях, так и продолжали молиться.

С началом войны началось самое страшное — стали забирать у всех все выращенное. Летом еще проще было, можно хоть подработать, копать огород за еду. Тогда же к нам снова приехали, узнав за это время, что у кого-то была такая же «хоронюшка» в печке, как у нас. Но все наши знали уже, что это место известно и прятаться там бесполезно. Всю печь они разворотили, нашли «хоронюшку», а там лишь кепка отца. Как приходили они, всякий раз хоть по пинку, но обязательно нам доставалось. После их ухода пришлось мне самому печь складывать, я уж к тому времени знал, как дымоход и все остальное складывать. Так что восстановил все как было. В первую же ночь мы с братом угорели, видимо, печь еще не просохла. Я первый очнулся, и, когда понял, что угорел, первая мысль была: «Что с братом?» Вспомнил сразу, что от угара первым делом надо хрен понюхать и сжечь кусок овчины. Все сделал как надо, голова перестала болеть. И брат не угорел.

К нам приближалась война. Страшно было. С Украины начали скот гнать, бросали его везде. Представляете, по полям ходили, и можно было лошадей поймать, впрячь для работы. Потом появились дезертиры, хотя с ними не церемонились, ловили и сразу расстреливали. Первым у нас дезертировал председатель колхоза, коммунист, его поймали и расстреляли. Нашего соседа, тракториста, тоже поймали, дали десять лет и в лагерь отправили. Жена его совсем больная осталась и вскоре померла. Таких трагедий много было. Верующие

ведь открыто говорили: «Мы не будем воевать»²⁹. А у дезертиров в душе одно было: «Лишь бы не попасть на фронт». Они стали ходить к нам молиться, хотя и среди них были действительно верующие. Знал я таких: один признался мне, что к верующим примкнул, чтоб облегчить свою жизнь и избежать войны. А другой на Воркуте рассказал мне, как он спасался от войны, ему тяжело досталось, пришлось все-таки шестнадцать лет просидеть в лагере, но на войну он не попал.

Маму увезли в лагерь на Дальний Восток, на станцию Среднебелая Амурской области. Пробыла она там три года, в сорок третьем срок кончился. Дали выезд до Новосибирска, а оттуда с большими трудами до Рязска. Под Пасху, на Страстной неделе, смотрю, идет мама. Она была страшно измучена, вся завшивела в дороге, так исхудала! Отмыли ее, накормили. Сколько радости было! Отец хоть и скрывался, но встреча их произошла. Прошло три месяца. Летом был какой-то церковный праздник, и к нам в общину, как мы потом узнали, внедрилась подпольщица-предательница.

Месяцев шесть ходила эта женщина на молитву по домам, была и в том доме, где отец мой прятался и Арзамасов Михаил Борисович. Так эта предательница проследила, куда пошел отец, и следом пошла, увидела, в какой дом он вошел, и привела милицию. Отец прятался в надежном месте, но они пригрозили в дом этот гранату кинуть, он и сдался. К утру в село грузовая машина прибыла, ее окружила толпа колхозников, а отец с Михаилом лежали в кузове связанные. И колхозники кричали: «А, сектанты!» Кто клочок волос у отца вырвет, кто клочок из бороды. Увезли их в Рязань. Тогда же, в сорок третьем, нанесли последний удар по нашей общине. Сначала арестовали всех активных членов, а в сорок четвертом выселили в Тюмень и Томскую область всех, кто не был в колхозе, даже кого просто подозревали, что молится с нами, — всех. А кто сразу после войны освобождался, их снова сажали. Многие тогда отпали от нашей веры, слишком непосильной ноша оказалась.

А до этого меня тоже арестовывали, пятнадцать лет мне было тогда, но мне удалось сбежать из сельсовета, потом старался на глаза не попадаться. Но в один прекрасный день, в октябре сорок третьего, пришли за мной председатель колхоза, председатель сельсовета и еще какой-то мордобой из другого села. Так специально делали, у него не

---

²⁹ Они объясняли свой отказ тем, что не желали нарушать заповедь — «не убий».

было ни родных, ни знакомых в нашем селе, он подбирал себе команду, и они делали что хотели. Сначала печь сломали, затем меня на глазах у брата сильно избили, потом связали руки, принесли цепь, на которой быка водят, привязали к ней и повели по селу. По дороге зашли в какой-то дом, самогон сами пили, а меня к кровати привязали, на колени поставив. Хозяйка в доме, дети ее, и никто из них и слезинки не проронил. Потом привели в сельсовет, приехала милиция и отвезла меня в Трубетчино, в КПЗ³⁰.

Посадили меня в камеру, в ней уже по два-три месяца сидели люди: обросшие, грязные, вшивые. А у меня весь бок синий, рука опухшая — все болит. На второй день вызвал меня начальник Глазунов, он в белой бурке ходил, веселый такой. Взял он веник, вытащил из него самый большой прут, взял половой тряпкой меня за нос — и давай этой хворостиной сечь по голове. Кровь, слезы из глаз, нос распухший! Отмолотил он меня и отпустил в камеру. Пришел я, а в камере никакого сочувствия — там все такие же избитые.

А во двор КПЗ каждый день привозили расстрелянных дезертиров, и из нашей камеры человек по семь-десять брали и заставляли могилы копать. Просидел я в камере дней десять, потом посадили в «воронок» и отвезли во внутреннюю тюрьму Рязани, а там прожарили все вещи мои в вошебойке. Там тихо было. Провели меня в камеру, а там три койки, два человека сидят, в углу параша стоит. Ночью я спал как убитый — вши не кусали. Прошло два дня: в десять часов вечера отбой, в шесть утра подъем. На третий день в десять вечера вызвали меня, привели к следователю, он стал задавать вопросы: «Как относишься к армии? Какой веры?» А ведь грех защищать нам ту власть, которая надругалась над людьми и над верой.

Следствие продолжалось десять месяцев, вызывали иногда меня как свидетеля. Ночью вызвали меня как-то, вошел к следователю, а у него сидят отец с матерью. Очная ставка. Поздоровались, мать сунула мне гостинец-сухарь. Минут двадцать разговаривал с ними. Бочков Дмитрий Дмитриевич, старший следователь, дал нам возможность на очной ставке повидаться. Он вел все дела верующих. На меня он смотрел как на забитого и недоразвитого подростка. Потом следствие закончилось, и я подписал постановление об окончании следствия³¹. В августе приговорили меня за антисоветскую агитацию и дезертирст-

---

³⁰ КПЗ — камера предварительного задержания.

³¹ 28 марта 1944 года.

во к пяти годам лишения свободы³² и из внутренней тюрьмы перевели в общую тюрьму³³...

Из воспоминаний Павла

В сорок первом году вместе со всеми нашу тетку Марию арестовали за антисоветскую пропаганду. Брат Иван говорил мне: «Павел, ведь тетка у нас была такая трусиха. Она боялась всегда. Какую пропаганду она могла вести против советской власти? “Молитесь Богу”, — говорила она, и больше ничего. Наверно, к стенке ее поставили»³⁴. С того времени мы с Иваном стали у тетушки жить, а в нашем доме жили другие. А где-то в сорок втором году смотрим — мать наша идет через огород. Освободили ее с Дальнего Востока. Она долго ехала на попутных товарняках, добираясь до дома, и ноги у нее все в чирьях были. Болела много, прикладывала разные пластыри.

Потом мать решила на старое место вернуться. Вымыла, вычистила там все, мы и перебрались. А в сорок третьем году отца все-таки поймали и арестовали, тогда с ним много верующих наших арестовали, и мать с ними. Но некоторые успели спрятаться и остались на воле. Их разыскивали. Нашу невестку Прасковью тоже искали, приезжала за ней милиция, заходила к нам в дом, искала. Увидят меня: «А-а, вот это Федора Ивановича выродок». И один из них одной рукой поднимет меня за подбородок, а сам-то до потолка ростом, и бросит об пол. Было такое дело не раз...

Остались мы с братом Иваном одни. Как-то пошел я за молоком, иду оттуда, смотрю — Ивана ведут на цепи, руки связаны, локоть с локтем. К председателю колхоза ведут, до этого Иван несколько раз сбегал из сельсовета — его арестуют, а он убежит. Они все дожидались, когда он повзрослеет, чтобы посадить его за отказ от службы в армии. Ему еще не было 18 лет. А в последний раз они брата на цепи

---

³² 5 августа 1944 — приговорен к 5 годам ИТЛ.

³³ Продолжение рассказа о жизни в лагере — в главе VI.

³⁴ Чеснокова Мария Ивановна, родилась в 1878 в селе Куймань Трубетчинского уезда Рязанской губ. в крестьянской семье. Неграмотная. Инокиня в Иоанно-Казанском монастыре в селе Сезеново. После закрытия монастыря проживала в селе Куймань. В 1935 — отказалась получать паспорт. 1 июля 1941 — арестована как «активная участница контрреволюционной организации церковников в селе Куймань». 21 сентября 1941 — приговорена к ВМН. Категорически отказалась обжаловать и принять копию приговора. 25 ноября 1941 — расстреляна.

держали, привязали его к деревянной койке, нашли какую-то трубку и привязали, с этой трубкой его и отвезли. Ивана увезли, а я остался. Пришел домой, вижу, все из избы взяли, даже одеяло тетки-монашки, что на печи лежало, все в заплатках было, и его забрали — колхозных лошадей укрывать.

Мы с Петькой, двоюродным братом, за соломой сходили, принесли по вязанке, какую-то крупу я в доме нашел, мы с ним поели и заночевали. А назавтра пришел Митяга и выгнал нас из дома. Прибежал я к тетке, Марии Андреевне, а там пятеро детей, я — шестой. Так мы и жили, пока нас не выслали. Брат Миша постарше меня был на год-полтора, он нас все время водил на поле: то за чесноком, то за «бутылками», стеблями подсолнечника. Топить нечем, коровы пройдут, собираешь навоз, чтобы его посушить и топить. Собирали сухую полынь стоячую, траву руками в охапки собирали, чтобы топить. Как-то охапки связали и сели на пригорке отдохнуть. А неподалеку колхозные ребята на лошадях работали. Они нас окружили и давай хлестать и лупить кнутами. Мише больше всех доставалось (его потом в Томск сослали, когда всех на ссылку вывезли).

Один раз пошли мы за соломой, по вязанке связали, топиться-то надо было чем-то. А колхозник один увидел и гонялся за нами, гонялся и все-таки поймал. Отнял все у нас и в амбар колхозный закрыл (а ведь как весна начиналась, они эту солому прошлогоднюю целыми стогами сжигали). Потом все-таки отпустил. Миша водил нас и собирать гнилую картошку по полям. Домой принесем ее, а бабка нам лепешки из нее делала, а чтобы не приставала лепешка к сковородке, капустный лист клала или солидолом мазала. Наедемся мы этих лепешек, пока горячие они, а как остынут, то сразу же заклеknут. Но все равно мы их брали с собой, ведь на целый день уходили...

Ходили мы с Мишей и побираться, просить милостыню по селам. Тогда и Федор Федорович с нами ходил, помогал нам. Родители нам все время внушали: «Молитесь, только молитесь. От этого лукавого мира нам нечего ожидать хорошего. Весь мир развращенный до того, что от него ничего хорошего ожидать нельзя. Мы на этом свете живем, лишь бы душу свою спасти, больше нам ничего не надо». Наши верующие говорили: «Надо отойти от мирского. И надеяться лишь на Бога и ждать милости от Него». Они никогда не цеплялись ни за богатство, ни за наживу и не пощадили ни детей своих, ни дома своего, ведь все оставили...

Зимой сорок третьего года бабке тяжело было кормить нас. Она брала нас с собой, шла по селу, и кто-нибудь картошки давал ей. Варила она ее в чугушке, толкла, доливала молока — и мы хлебали. А очистки картофельные мы толкли в ступе с Иваном, сыном Марии Огнянки, он на год моложе меня был. Ступа дубовая, толкач тоже дубовый, тяжелый: и вот мы вдвоем беремся за него, очистки набрасываем туда и толчем-толчем. А там после оставались голышки светлые, как кремень твердые. Возьмем их в рот, есть-то охота, а во рту ох как горько... А бабка лебеду соберет, очистки эти картофельные через сито протрет и смешает, потом добавит, может, горсть муки ржаной, заквасит эту смесь — и в печь. И это «хлеб» был, ведь надо же было чем-то питаться. Один раз, зимой сорок четвертого года, очень голодали мы, а к нам приехали официальные власти. А у нас на печи горшки и хлеб лежит, две коврижки хлеба. А они увидели: «А-а, “сектанты”! Они еще хлеб едят!» Схватили эти коврижки — и лошадям. А лошади разве такую «козюку» будут есть, она же с лебедой, с очистками картофельными. И вот бросили они лепешки наши лошадям, а те есть их не стали. Тогда затоптали их...

Кое-как зиму мы прожили. Как-то весной бегал я по улице — смотрю, едут они, власти наши. Подхватили меня и привезли в школу. А мне интересно! За парту посадили, задали по букварю читать. Я сразу начал бегло читать. «А-а, он в школу не ходил, а уже читает». Домой пришел после этого, рассказал бабке, а она заругалась. На следующий день разве пойдешь после этого в школу? Ну, и все... А летом сорок четвертого смотрим — один солдат на улице стоит, один во дворе: «Бабушка, собирайся. Все»³⁵. Она: «Ох-ох, дайте, пожалуйста, картошки с собой взять». Иконы кое-какие собрала и вещи наши на лошади до сельсовета довезла. А мы — пешком... Потом на машину нас погрузили и повезли всю семью на станцию Лев Толстой. Дождик пошел, поместили в какой-то сарай с другими верующими. Бабка из него выбралась как-то, кормить ведь надо нас. Морковки где-то купила, каждому по одной досталось, такие маленькие...

Потом состав подошел большой. Погрузили всех наших верующих в несколько вагонов. Солдаты за нами присматривали, чтоб мы не разбежались. На остановках надо дров найти, что-то сварить, да и в уборную сбегать — в вагонах-то ничего не было. Мишины из Куй-

---

³⁵ 15 июля 1944 года началась высылка истинно-православных христиан из многих областей на основании секретного письма Берии от 7 июля 1944 года Сталину.

мани, Иван солдатом был, воевал, у него был перебит позвоночник, второй брат его тоже больной был — вот они и прорубили дырку в углу вагона, огородили, надо же как-то ходить <в туалет>. Везли нас в жару, дышать нечем. Мы, ребяташки, высунем головы в окошко, чтобы подышать. Или к дверям подойдешь, там двери двухстворчатые: один подышит, второй подышит. Потом и окошко заколотили, чтобы мы не выпали, остались лишь дырки маленькие. Ни пить, ни есть не давали.

А на какой-то станции пришли и сказали: «Сейчас будет вам еда, идите». Кормили вперед маленьких детей, но еды не хватало, некоторые захватили много, а кому-то ничего не досталось. Сколько там давали, может, ведро на вагон... Так мы и ехали. Один раз селедку дали, потом поехали, а воды нет, а с селедки-то как пить хочется. В какой-то луже набрали воды, напились — и начались поносы. Дизентерия... Часто загонят вагон в тупик, стоим-стоим. Нужные составы пропускали, а нас только потом. Были вопросы к властям — куда везут детей под конвоем? Никто не знал, куда везут, может, расстреливать везут. А по дороге, возле Ряжска Рязанской области, чуть под бомбежку не попали. Смотрим, один состав уже догорает, дымится, его только разбомбили. Наши верующие с сокрушением говорили: «Могли и мы попасть».

Потом привезли нас в Омск, на пристань, где пароходы ходят. На полу лежим, голодные. Бабка Мария Андреевна, жена Петра, отца брата, с нами, как наседка с цыплятами, своих у нее пять внучат и я шестой. В Омске долго валялись, потом погрузили нас на пароход. В дороге сырую рыбу давали, а как ее сварить. В кипятке ее положили, она полежала, стали ею кормить, а с нее — опять понос... В село Самара привезли, это возле Ханты-Мансийска, поместили в школу. Там всех расформировали, часть молодых оставили, часть стали растаскивать. Один кричит: «Это моя родня!» Туда-сюда, не разобраться, расшвыривают, как скотину, — этих туда, а этих сюда. Сортировали, кто покрепче, тех в Луговом оставили для работы. Мы все за бабушку вцепились, чтобы нас не разбросали.

И вот нас, нерабочих, самых старых с детьми, погрузили на баржу, подцепили катер маленький и повезли нас от села Самара за сто двадцать километров в поселок Кедровый на Оби. Меня тащили на руках, я корью заболел. Да и все ребяташки заболели, кто корью, кто дизентерией, — все ослабленные были. Привезли туда, бросили прямо на пол в двух бараках. Так и валялись мы без сил. Бабка на работу ходить не могла, куда она нас одних бросит? Иван Васильевич, пят-

надцатый год ему пошел, стал работать в колхозе, на лошади возил. Его там, может, и кормили, а мы голодные были. И выжили только благодаря старику Матвею с Даньково. Он, калека, на двух палках ходил, милостыню просил. Просил и молился, а поселок там маленький, обойдет он его раз и второй раз идет просить. Старик душевный был, бывало, заплачет, когда молится: «Душа моя, душа моя грешная, что не плачешь ты?» Если бы не он, в живых никто не остался бы.

Потом в апреле сорок пятого приезжают из Кедрового. Там детдом был, в основном дети, эвакуированные из Ленинграда. Может, указание с района или с области было — отправить туда детей, а то они пачками умирали. Забрали нас всех, привезли, содрали все старье и одели в детдомовское. А с нас сразу кресты сорвали... А в детдоме голова просто закружилась — облепили нас, встретили как дикарей каких-то. Один за ухо ущипнет, повернешься, а он за другое; повернулся туда, а тебе под задницу пинка влепят. Воспитательница только кричит: «Не трогайте их, не трогайте!» Как будто мы с луны свалились... В детдоме были и малыши, и старшие по шестнадцать-восемнадцать лет, совсем взрослые. И все уже знали, что мы верующие. Вечером мы по привычке встали на колени и стали на сон грядущий Богу молиться. А ребята один на одного залезли, накрылись простынями и стали вытанцовывать перед нами. Один вечер, другой... Ну, мы подумали-подумали и решили, что будем молиться незаметно. Накрылся одеялом, руку согнул, чтобы не видели, что молишься, и читаешь наизусть молитвы.

А к верующим там отношение было хуже, чем к изменникам родины. В детдоме лежали на столе, где мы выполняли уроки, журналы «Безбожник». Там нарисованы были попы с большими пузами и крестами. Как попали мы туда, нас постоянно тюкали: «Вот, эти — их выродки». Так к нам обращались и взрослые, и дети, ненавидели попов и также их детей. Потом мы немножко успокоились... Начались уроки, стали нам давать читать. Я хорошо, бегло читал, мне тринадцатый год уже шел, посадили меня сразу в третий класс. В этом классе со мной было несколько из наших: Иван, сын тетки Агафьи, Мишка и Сережка, однофамильцы наши, а подворовому Крысины — они раньше учились в школе в Куймани, один во втором, другой в четвертом классе, здесь их записали в третий. Я же в школе не учился, делал много ошибок в правописании, то букву пропущу, то с акцентом местным напишу слово — не получалось у меня грамотно.

В сорок пятом году пришел пароход, и всех ленинградцев отправили домой. Хотели было и нас взять, но потом решили оставить, а привезли сюда ребят из других детдомов, с Волги и Камы. И тут началось... При ленинградцах нас очень хорошо кормили, а тут мы сразу голод почувствовали. Начали посылать нас на заготовку дров для пароходов и для отопления детдома. А я худой, ноги тонкие — сил нет... Обычно «балан» завалишь, пробежишь несколько шагов, отдохнешь, потом рывком поставишь, пробежишь опять... И так — по сто-двести раз, пока дотащишь «балан» из леса в детдом. Сами пилили, сами валяли, сами обрубали сучья. Для парохода распиливали «балан» по семьдесят сантиметров, потом кололи и складывали в поленницу.

Посылали также дрова возить. Помню, лошадь Улита такая ленивая была. Нагрузишь ее, везет, а потом остановится — не хочется ей везти. Бьешь ее, бьешь, она пройдет тридцать метров и снова остановится. А холодно ведь, валенки маленькие, ноги мерзнут, рукавицы тоже тонкие. Не знаешь, что делать с ней. Еле-еле привезешь дрова эти, а назавтра — опять с ней ехать надо...

Потом заболел я какой-то страшной болезнью, желтухой, что ли. Повезли меня в Урманскую больницу. Только положили в кровать, а врач, злая такая тетка, закричала: «Вот, “богомолов” этих привезли. Не успели привезти, уже болеют. Да их надо было уничтожить!» Какой-то отвар хвойный давали мне, отпаивали. Потом снова увезли меня в Кедровый, не оставили в Урманском детдоме. А осенью собрали нас всех и повезли на баржонке в поселок Самара, в ФЗУ³⁶ привезли. Медсестра посмотрела на меня, говорит: «Тебя, наверно, не возьмут в ФЗУ. Худой ты, не на что смотреть. Если директор не будет тебя брать, ты спроси: “А каким был Суворов?”» Она меня подготовила, а директор ФЗУ посмотрел на меня и сказал: «Ну, ладно, головастик, оставайся»...

Из воспоминаний Анны Лаврентьевой³⁷

Мы жили в селе Студеные Выселки, нас у матери было семь человек. Молились всей семьей с детства, в колхоз не пошли, считали

---

³⁶ ФЗУ — фабрично-заводское училище.

³⁷ Лаврентьева Анна Петровна, родилась в 1926 в селе Студеные Выселки Липецкого района Воронежской области, где и проживала. Крестьянка-единоличница. С 1933 — на нелегальном положении, с началом войны скрывалась, чтобы не быть призванной на трудовой фронт. Рассказ А. П. Лаврентьевой записан в феврале 2002 года.

«грех». Жили бедно-бедно, поэтому ничего не отобрали. В селе наставником нашим был Федор Фарафонов, родственник и первый наставник мамы. Его арестовали и расстреляли, после наставниками нашими стали Василий и Дмитрий Чесноковы, тоже наши родственники. У нас в селе каждый год кого-то забирали. В войну отца забрали, мобилизовали куда-то. В сорок четвертом году многих верующих забрали на ссылку, в селе почти никого не осталось, а в сорок пятом и остальных забрали. Не к кому стало ходить, и я уже никуда не ходила, не с кем стало молиться.

А 19 августа сорок пятого арестовали и меня. Когда пришли меня арестовывать, а я девчонка деревенская, маленькая и худенькая, так следователь удивился: «Неужели такую девчонку арестовывать?» Три дня не отправляли, думали, какую статью мне дать. Дали 58-10, часть вторая, и 58-11, как всем политическим. За то, что Богу молилась и в колхоз не пошла, сказала «грех». Забрали меня, как пташку поймали в клетку. Мама моя осталась одна и шесть человек детей, но через год, в сорок шестом, и ее арестовали и осудили. Четыре месяца сидела я в Липецкой тюрьме. В камере нас было четырнадцать человек, пятерых арестовали раньше, да нас прибыло девять³⁸. Полковник Смоленский вел следствие нашей Марии³⁹. Когда она пришла, он вытащил из шкафа папки эти и сказал: «Вот, Мария Петровна, придет время, когда будут составлять жития святых. Вот по этим делам». Она ему: «Хватит вам, кто их будет беречь?» — «Нет, все у нас хранится. Смольянинова Мария Петровна, вот так страдала за веру! Все тут будет описано». Также и вы сейчас это составляете? Ну, ладно. Потом тех, пятерых, осудили и отправили, а нас судили вместе. Меня осудили на десять лет лагерей и пять лет лишения прав и через три дня отправили в Усмань. Мы там просидели две недели, потом направили нас в Челябинск⁴⁰. Какие страдания перенесли мы ради Христа, и — живые! Нам восемнадцать лет было, и мы с такой радостью шли пострадать за Христа! В Липецкой тюрьме спрашивали: «Сколько дали?» А мы: «Слава Богу, задом наперед, десять и пять». Мы радовались! Как мы шли девять человек по одному делу, так нас почти все десять лет не разъединяли. Мы так и шли. И судили нас, и

---

³⁸ Среди них: Пелагея Бровкина, Фекла Животикова (мать), Животикова (дочь), Пелагея Коростелева, Екатерина Платина, Елена Сокольских.

³⁹ Смольянинова Мария Петровна.

⁴⁰ Продолжение рассказа о жизни в лагере — в главе VI.

рядили нас, и били, и колотили — все с нами делали... С такими молодыми! Ну, кто сейчас решится на такой подвиг, как мы решились? На смерть шли, не щадили себя...

Из воспоминаний Александры Самариной

Война началась, отца забрали в армию и брата. Отец говорит: «Я не пойду воевать за безбожников». Он для фронта негодный был, инвалид, а работать на трудовом отказался. Брата Ивана взяли, а он еще несовершеннолетний, сказал: «Не пойду!» Их обоих по пятьдесят восьмой осудили. Во время войны мы продолжали молиться, ничего не боялись. Уже были эвакуированы все заводы. А нам сказали, молитесь: в Липецке немцев не будет. Наши войска отступали, отступали, мы так и остались там, продолжали молиться, и посторонние не знали об этом. А ведь в сельской местности даже за отпевание и чтение молитв могли посадить и псалтырь забрать. Вот какая страшная жизнь была!

Мы знали, что в лагерь посадят, если ходить в храм. Сначала они были закрыты, а потом открылись, но мы знали, что это ловушка. Мы уверены были, что нас правильно ведут, что мы — в Истинно-Православной Церкви, поэтому в храмы не ходили. Потом и я подросла, и за мной стали следить. Ушла я к «братьям» в Липецк, хотя мама не пускала, говорила: «Да подожди ты, еще успеешь». Война шла второй год, в сорок втором году это было. Там-то меня не знали, а дом наш знали, я приду домой потихонечку и уйду потихонечку, а все больше там. Для «братьев» был закон — если кто в мир ушел, никто не будет ни осуждать его, ни обсуждать. Но для всех это означало, что человек отошел от веры, его даже потом на порог не пускали. Так было с моей теткой, и я этого боялась.

Старшего «брата» мы почитали за святого и боялись его прогнать, потому что он мог наслать кару Божью. Потом «брата» Петра арестовали первым, и он согласился предавать за то, чтоб его отпустили. Это в войну было. Когда пришел назад, остановился у Савиной, потом жил в Панино, где Григорий был руководителем, потом у Татьяны Чумаковой. Отсидел он всего несколько месяцев и пришел зимой, в сорок четвертом году. А у Натальи из Воронежа видение было, она и возвестила, чтобы он, Власов Илья Васильевич, шел домой. А он не поверил и остался. И наутро его забрали, ведь война.

Остался Василий Дмитриевич Титов, жил в Студенках под Липецком: жил и у Татьяны, у которой было четверо детей, и у меня, и у дедушки Тимофея. Как-то Василий Дмитриевич вел беседу в Студенках, и нас вдруг всех, сто пятьдесят три человека, забрали сразу. И «братьев» около тридцати человек, их на машине отвезли отдельно. А нас, как стадо, утром рано погнали: подростки, женщины, старушки. Три дня нас держали, в Воронеж привезли, каждого допросили. Откуда приехал? Кто сказал о собрании? Допросили всех и отпустили.

А маму с ребяташками отправляли в ссылку в Енисейск, вагоны еще стояли на Чугуне⁴¹. Я хотела пойти туда, чтобы с мамой ехать, но Василий Дмитриевич сказал: «Нет. Пойдешь к Сергею Степановичу Денисову». Анастасия, жена Василия Дмитриевича, не знала, где он скрывался, а я знала, он в Яблонево⁴² был. Когда мы с ней вернулись, вагоны со ссыльными уже отправили. Я плакать: «К маме поеду». А он сказал: «Пойдешь на послушание». Они решили послать меня, а я боялась, душа была беспокойна. Если я выйду из послушания, мне никто, даже родные не откроют дверь, как, например, тете моей не открывали двери, когда она вышла из послушания. Скажут только: «Александра в мир ушла, закройте дверь!» Все это меня и устрашало.

Это был такой закон у «братьев», никто даже не задумывался. Закроют дверь, куда я пойду, ведь я сама перед своей тетей дверь закрывала. «Братьев» мы считали за святых. Если батюшка на меня плохо скажет, у меня будет кара, мы боялись, что Боженька накажет, да и страх перед концом света был. И я осталась. Осталась, а здесь то один, то другой в тюрьме. И меня посылают, езжай к тому, его судят и отправляют в Усмань. Или в Воронеж, или в Бобров — это пересылочные тюрьмы. И я с передачами ему. Мне адрес дадут, фамилию, имя, отчество, год рождения, и я еду к нему. Мешок с продуктами с собой, так и ездила. Я не знала, кто приносит продукты, сухари, кто чего.

Билетов не было, ездила на подножках товарняков, на крыше, как придется. И только для того, чтобы передачку отвезти. А ведь это же не близко. У Прасковьи Калгановой останавливалась, а так на этой подножке всю дорогу едешь. В тамбур проводник не пускал, билеты давали только рабочим, а у нас ни пропуска, ни билета. Обрато возвращались товарняком, или на чем придется, или с санитарным со-

---

⁴¹ Железнодорожная станция.

ставом, и тоже за подножку держишься. А сколько раз задерживали!.. «Куда едем?» — «К брату. Брата посадили»⁴². И говорила, в какой тюрьме брат. Проверь, что у меня продукты в мешочке и больше ничего нет — ни денег, ничего. Видят они, колхозная, простая девчонка, и отпускали, не забирали. Так всю войну и проездила.

Кончилась война. Я просилась у Василия Дмитриевича: «Пусти-те меня! Я уеду в Енисейск». — «Как ты поедешь?» — «Доеду. Здесь ездила и туда доеду». Василий Степанович жил в Казани, я и попросилась туда поехать. Но ему надо было написать: «Приезжайте». Написали мне целую хартию писем, и я поехала к нему в Казань. На все воля Божья! Никогда у меня ничего не крали, да и красть нечего, одни мешки из-под сухарей. И все-таки я боялась так, как не боялась, когда в лагерь ехала, ведь тогда я знала, что страдаю за Бога. Но на все воля Божья!

После Рождества поехала я с подружкой Верой, родственницей Сергея Степановича Денисова. Веру надо было отправить туда, она одна боялась. В дорогу мне дали двести рублей, но билеты достать было невозможно. Морозы трескучие были. Думаю: «Подорву здоровье. Ну кому я нужна буду?» И на третий день билеты не достали. Лезу в карман и вижу, что денег, которые мне дали на дорогу, двухсот рублей, нет. Я говорю Вере, что, даже когда я жила у чужих, деньги никогда из кармана не пропадали. А тут Вера да ее бабушка. На кого думать? Меня страх взял, что я все время была честной, нигде не проштрафилась, не взяла ни ниточки. А тут подумают: я собираюсь в Енисейск, значит, деньги и припрятала, — мысль у меня такая.

Поехали мы без денег, будь что будет. Ехали на подножках поезда. Приехали в Казань, отдала эти письма, они прочитали. Хотела я ехать обратно, а дядя Вася мне: «Поедешь с Григорием». — «Нет, поеду одна». — «Билет достанут». — «Знаете, что я никогда с билетом не ездила». — «Нет. Билет достанем». А у меня как сердце чувствовалось: «Не надо, дядя Вася». А он: «Нет, не отпущу». Потом билет достали, проводили честь по чести. И на первой же остановке, на станции Юдино, вошел патруль. Стали проверять документы, и мне: «Пройдемте с нами»⁴³. В машину посадили, повезли, а мне на людей смотреть стыдно. Что я, преступница? Что такого сделала? С Григо-

---

⁴² Мы, христиане, ведь сестры и братья.

⁴³ 8 апреля 1947 — арестована.

рием мы ехали на разных местах, и что было с ним, не знаю. Григорию еще не исполнилось восемнадцать лет, поэтому его не хотели отпускать одного.

Потом оказалось, у них, в Казани, письма Титова нашли, а я не знала об этом. Меня спрашивают, а я не говорю, я его скрываю. Меня там колотят, в «каталажку» темную посадили. Просто мучили — в одиннадцать вечера заберут на допрос и до света. Придешь, спать не можешь, а в шесть часов подъем. Так следствие было⁴⁴. В Казани думали, что я дома, и все рассказали по честности, а я отказываюсь от всего. На допросе я смиренно отвечала, казалось, что я преступница такая, стыдно в глаза глядеть, а на самом деле что же я сделала? Сиротам помогала. Разве я мало работала? Ведь не меньше, чем на производстве. Разве не заработала себе на кусок хлеба?

Я боялась быть предателем, я им не рассказывала ничего. И все валила на Сергея Степановича, он в Рыбинске в колонии был, а фактически я поехала от Василия Дмитриевича. В деревне у нас был один безбожник, издевался на допросах как зверь, одну девушку так измучил, что она в тюрьме умерла. Сидела я пять месяцев одна, когда заболела, тогда меня в камеру посадили с Аннушкой Кузнецовой. Потом осудили нас⁴⁵ и повезли в Глазов⁴⁶.

Из воспоминаний Любови⁴⁷

В семье дедушки моего, Александра Касьяновича, было пять девочек. И бабушка все молилась, чтоб Бог сына дал, ведь землю-то только на мальчиков давали. Она и стала молиться так: если Бог сына даст, то она его Ему отдаст. Он и родился вскоре, вырос, потом женили его, дочь у них родилась. И стала вдруг жена его болеть и вскоре умерла. Тут бабушка и вспомнила, что обещала сына Богу. Рассказала

---

⁴⁴ Она была привлечена к следствию по групповому делу истинно-православных христиан Казани.

⁴⁵ 5 июля 1947 — ей было предъявлено «Обвинительное заключение», в котором говорилось: «По заданию Воронежской организации ИПЦ проводила активную антисоветскую деятельность, организовав нелегальные сборища, на которых выступала с антисоветскими измышлениями». 1 августа 1947 — приговорена к 10 годам ИТЛ и отправлена в лагерь.

⁴⁶ Продолжение рассказа о жизни в лагере — в главе VI.

⁴⁷ Христианка из села Куймань.

сыну об этом, он и решил в монахи идти. Подвизался на Афонских горах, присылал нам много книг и икон.

Маму замуж выдали, отец был гордый. Мама окончила три класса, работала сельской учительницей, но была богобоязненная. Жили мы бедно, в семье было девять человек, но все учились. А я неграмотная осталась, мы ходили-ходили в школу, а в конце года нас выгоняли: «Вы — фашисты». Так год и пропадал. Папаша сказал, что в колхоз не пойдет, пусть убивают (он в войну умер от голода). Все у нас отобрали, хлеб и юбку какую отберут и соседке за рубль продадут. Мы испечем хлеб, соседи придут и кричат, что хлеб купят, а хлеб этот есть-то не могут — там зерна почти не было. Жизнь была очень трудная, тогда все говорили, что антихрист уже пришел, какие-то сны рассказывали.

Но большинство народа оставалось в деревне, единицы уезжали в город, хотя там, может, и легче было. Тогда верующие собирались и много молились, беседы тоже были, но реже. Собирались ночью по разным домам, чаще у двоюродного брата Федора — у него большая изба была. Родителей его забрали, и мы к ним ходили молиться. Брат мой Михаил, двадцати шести лет, молодой, красивый, проповедником был, его в тридцать седьмом году забрали. Книги прятали на кухне, была сделана там лазейка в маленький погребок, там и Василий⁴⁸ прятался. Никто не отступался, все держались, все ждали Царствия Божьего на земле...

В деревне Порой, за двенадцать километров от Куймани, была у нас знакомая молитвенница, Надежда Павловна. Мужа у нее, Ивана Степановича, раньше забрали, хозяйство разорили, даже крышу дома снесли, а детей у нее четверо было. Мы с Мавриным Иваном для нее ходили за дровами: одежду из простыни сошьем, чтоб на снегу можно спрятаться — нам ведь не давали собирать дрова в лесу. По целине ползем, столбышки от подсолнуха рвем и собираем в вязанку, ведь если увидят, отберут и изобьют. Однажды с Иваном пошли за дровами, а тут председатель колхоза: «За чем идете?» И давай бить нас по головам «за пропаганду».

Во время войны я скрывалась, боялась, что сошлют, пряталась у тетки и у знакомых колхозников, в Липецк уезжала. В то время в Куймани-то было уже много верующих, колхозников мало осталось, выходили из колхоза многие, хоть и рискованно было. Петр Ивано-

---

⁴⁸ Чесноков Василий Петрович.

вич⁴⁹, например, хотел выписаться из колхоза, подал заявление о выходе, так его тут же и забрали (не вернулся он, расстреляли его, по-видимому). Тогда, в начале войны, к нам пришло много людей, мужчины молодые просили принять их. Один пришел на порог, упал на колени и молит: «Возьмите, Христа ради, чтоб душа моя спаслась!» А тут уже в Ельце бомбили. Мы выйдем из избы, поглядим — а там гул, небо красное.

Тогда в войну и пробралась к нам в общину предательница. И нас всех забрали, с собаками пришли, будто звери мы какие. Как же нас били! Потом в кузов забросили и увезли на пяти машинах. Человек сто пятьдесят гнали по Лебедяни, люди ужасались: «Что такое?» Как пригнали, не нашли даже, как разместить нас. Потом почти всех отпустили, но Федора Ивановича и Михаила не отпустили. А про нас сказали: «Эти-то все наши, мы их всегда возьмем». И отпустили. Колхозники говорили, что нас сослать надо подальше. А что делали тогда еще! Погреб откроют да и столкнут туда женщину, она там и погибала. И даже детей кидали...

Нас-то не отпустили, и когда забирала, я ничего с собой не успела взять. Но мне помогали в камере, мы ведь все вместе сидели: Агафья⁵⁰, тетка Евгения⁵¹ и другие. Агафью много допрашивали, обвиняли, что вроде она многих в веру привела. Водили нас на допрос с наганом, как вечер, так сразу на допрос ведут. Спать не давали, сидишь качаешься всю ночь, а утром спать не разрешалось. Не давали спать, не давали хлеба, суп какой-то. Это ведь война была. Допросы были ровно сорок дней, как будто Богом определены. Трудно было...

В камере только начнешь молиться, сразу же надзиратель врывается и давай бить. Потом кого-нибудь заберет — и в карцер. Сейчас как вспомню, так голова болит... Дали мне десять лет и отправили в Сибирь⁵².

Из воспоминаний Натальи Гончаровой

В 1941 году началась война, и нас эвакуировали. Я приехала домой и хотела учиться дальше, но меня к учебе не допустили, а опреде-

---

⁴⁹ Вечериков Петр Иванович.

⁵⁰ Пригарина Агафья Фроловна.

⁵¹ Чеснокова Евгения Сергеевна.

⁵² Продолжение рассказа о жизни в лагере — в главе VI.

лили на окопные работы. Я сделала себе укрытие и скрывалась в нем. Мы всей семьей молились дома, но христиан было много, и мы стали собираться в селе Панино. Путеводителем у нас был Панин Григорий Михайлович. Молились по ночам, потому что преследовали нас, приходилось даже ползти метров сто по картофельному полю до дома молитвы. Окна в доме закрывали ставнями и ставили на улице сторожей, чтобы никто не подошел. Учили нас из Писания, чтобы мы не участвовали в злых делах, не голосовали, не вступали в колхозы, пионеры, профсоюзы, не брали паспортов и пенсий, так как все это относится ко «греху». Писание говорит: «Выйди народ мой из нея, не участвуй в делах ея. Эти дела все антихристианские».

Старших «братьев» и «сестер» забрали, заковали в наручники, побросали в машину и увезли. Остались только старики и дети и несколько человек молодежи, которым удалось скрыться. Однажды, в 1944 году, ночью военные окружили дома христиан, а наутро забрали в машину в чем есть и увезли в Сибирь, в тайгу. Когда перед отправлением построили детей у вокзала, то все шагнули и запели «разумейте языцы и покоряйтесь, яко с нами Бог». Многие умерли, не пережили, потому что их бросили на произвол судьбы. Потом, в 1945 году, арестовали оставшихся «сестер» и «братьев», а вместе с ними и нашу семью⁵³: маму, меня и сестру. Посадили в районную КПЗ. Молиться не разрешали, били пинками. Мне за то, что я читала акафисты на память, замком выбили челюсть и исправили с другой стороны. Паек давали не сполна: вместо 400 грамм давали 300 грамм, суп — один раз в день, и то крупинка за крупинкой, за что и называли его баландой. В баню не водили, вши были в камерах и на нас.

Здесь кончилась война. Просидели мы 14 суток, и нас направили пешком в Рязань. Из обуви на ногах у всех были калоши, привязанные веревочкой, а вели нас в начале апреля по целине, полем. Веревочки порвали калоши, и почти босые шли мы 60 километров до станции Лев Толстой. Шли и всю дорогу молились, прося защиты у Господа, Матери Божией и всех святых. Паек в дороге не дали, «кормили» всю дорогу прикладами, и защиты нам ни от кого не было. Пришли на станцию ночью. Дали нам камеру, грязную от побелки и нетопленную, и мы сильно промерзли. А утром отправили к вокзалу, чтобы ехать в Рязань.

---

⁵³ 8 апреля 1945 — арестованы как «участницы антисоветской группы истинно-православных христиан».

Привезли в Рязань, подвели к дому, написано: «Бюро услуг», а вошли во двор — там внутренняя тюрьма для политзаключенных. Завели внутрь тюрьмы, посадили в общую камеру. Там камеры нас удивили: побелены до половины под краску, койки, матрацы, одеяла, простыни, подушки перовые — все это для политзаключенных. Обыскали нас, сняли кресты, но кресты нам вернула надзорка, ибо она была христианка. Там «печатали» пальцы. Мы все считали это за грех, нам крутили руки, надевали наручники и «печатали»... Потом вывели нас на улицу. Стоит «воронок», стали в него сажать, а «воронок» разбит на тумбочки. По два человека впихнули, даже кости захрустели. Жара непомерная, дышать нечем... Привезли в баню, помыли и обратно в «воронок», так же набили и на место доставили.

Теперь развели по камерам по четыре человека, дали обед: четырьеста грамм хлеба и суп. Устали мы, хотелось хоть головой на тумбочки. Стояли у койки и стулья, но только приклонилась — стук в дверь ключами, нельзя спать до отбоя. А отбой был в одиннадцать часов ночи. В глазке беспрестанно движение — подсматривали все. А только дали отбой, только повалились на койку, открылась дверь, надзиратель показал на каждого пальцем и спросил: «Фамилия?» Ответила: «Гончарова». Руки назад, на допрос повели, на второй этаж.

Следователь Сушилин держал меня всю ночь, а задал всего несколько вопросов: голосование, колхоз, школа, пионер. Я отвечала: все «грех». А из этого «греха» получилось целое дело. Он получал за часы, а нас держал всю ночь. Он может дремать, а нам — сидеть прямо. Ну, какой выход? Мы без сна падаем. Узнали: можно искать вшей в голове. Вот тогда нам пришел отдых, одна другую обыскивала, и обе спали. Утром в шесть часов подъем, спешили помолиться, дальше туалет, завтрак, прогулка, обед, молитва, ужин, а после ужина отбой и допрос. И так шесть месяцев. Судила Москва, заочно Особым совещанием, по статье пятьдесят восемь, пункты десять и одиннадцать. Срок мне дали четыре года. После суда направили нас в общую тюрьму⁵⁴.

* * *

...Сестру освободили, и маму привезли из Рязанской тюрьмы парализованную. Сестра нашла в своем селе квартиру, пожили полгода, потом хозяйку напугали, что они, то есть сестра и мама, не голосуют и

---

⁵⁴ Продолжение рассказа о жизни в лагере — в главе VI.

тебя за них посадят. Она попросила уйти. Была весна, сестра просила еще у других людей. Ее пустили, и она маму перевезла по воде на санках. Потом через год я освободилась из крытки⁵⁵, приехала домой — дома нет: соседи растащили по кирпичу. Пожили вместе на второй квартире, но скоро отказали — квартира продается. Просились к третьей колхознице, тете Груше. Она нас приняла, там мы и похоронили маму. Жили на свое рукоделие: шили одеяла, вязали кому что. Прожили у нее четыре года, голову приклонить некуда. Еще четыре года прожили у А. А. Бахаевой. Стали повторять все, то есть продолжать молиться и идти таким же путем, как и до тюрьмы. Здесь уже пришло нам большое подкрепление. Господь воздвиг не только пророка, а откровение, что сокрыто было от вековых времен, в котором заключалось все пророчество и царство, все святители, которые объясняли про время. Дано это Голошубову Ивану Яковлевичу. Мы стали собираться по домам. Нас продолжали преследовать, переписывали, но не сажали. Это было до 1988 года, а потом свобода. Стали мы открыто молиться, продолжаем и по сей день. Все исполняем так же: у нас нет паспортов, пенсии, не голосуем. Вначале молились по домам, потом в Лебедяни, и, наконец, церковь наша образовалась в селе Силки под Липецком. Дали домик плохой, но христиане московские помогли нам...

Из воспоминаний Александры Самариной

Мой отец в лагере сидел вместе с литовцами, они ему сказали: «Мы вам сделаем другую фамилию, и никто не узнает о вас». Отец освободился, хотел увезти семью в Литву, приехал в Липецк, а нас никого нет. Он поехал к маме в Енисейск, а она никак не хотела ехать с ним. Лишь братишка хотел ехать, спросил у мамы: «Почему ты не едешь?» Она: «Как я могу поехать, раз нас Господь сюда загнал. Допустил это, значит, мы должны умереть здесь». Он ей: «Мам, не надо так думать. Раз нас папа увозит, давай поедем». А жена брата, Евдо-

---

⁵⁵ В 1949 — освобождена из лагеря и выслана в поселок Петропавловка Абаканского района Красноярского края. Отказалась работать в колхозе, вскоре была арестована и отправлена в тюрьму. Через полгода приговорена к 8 годам ИТЛ и отправлена в Тайшетлаг. В 1956 — освобождена из лагеря и выслана в Новосибирскую область, откуда через три месяца была освобождена и вернулась в Рязанскую область.

кия, плачет: «Степановна, как я одна останусь? Вы уезжаете?» Мама говорит отцу: «Федор, я не могу ее оставить». Он: «Возьмем с собой». Потом еще девочка-сирота, родители в тюрьме, она все время около мамы была, тоже плачет. Отец говорит: «Заберем с собой».

Деньги у отца были, он заплатил, всех забрали и на товарном поезде добрались до Красноярска. А в Красноярске сестра моя сидела в лагере, они сходили к ней на свидание. Потом билеты им достали, но только до Свердловска, и одного билета не хватило. Кого оставлять? Ребенка чужого не оставишь, родственницу тоже, мама и сказала: «Знаешь, Федор, ты вези их, а я останусь. Я одна как-нибудь доеду». Вот они до Свердловска доехали, потом сборным поездом дальше поехали, а на станции Кузино произошло крушение поезда. И все погибли. Один братишка остался, он на верхней полке спал, и его на третьи сутки нашли. Он в Липецк приехал, устроился на завод, а потом его забрали, срок дали и отправили в лагерь в Красноярский край. А мама приехала в Липецк к Василию Дмитриевичу Титову, там ее тоже хотели забрать, но дядя Василий отправил ее обратно в Енисейск.

* * *

В январе 1956 года освободили меня, а у меня родных в Липецке тогда никого не осталось. Нас «братья» учили, чтобы мы с родными, которые не молятся Богу, вообще не общались. У папы было пять сестер и братьев, но ни с кем из них не разрешалось поддерживать отношения. У мамы было два брата, они молились, но в то время в тюрьме были, а папиным я не нужна, как я к ним приду. Я не знала, как мне быть, с чего начинать. Решила поехать в Енисейск, нас несколько верующих было. Взяли нам билеты, обычно подбирали сразу несколько человек и в дорогу провожали. С мамой я переписывалась редко, нас в лагере ограничивали, разрешали только два письма, да и потом тоже.

В Енисейск я приехала и пришла сначала к брату отца, он тогда неженатый был. Потом я с мамой и младшим братом встретилась. Мамин брат, дядя Вася, был в Караганде, написал нам письмо и предложил взять его на иждивение, иначе его отправят в дом инвалидов. Я написала брату Ивану: «Помнишь, в какой нищете мы жили, у нас крошки хлеба не было, и ничего, выжили. А теперь, если Бог даст тебе здоровья, ты будешь работать, так что бери дядю, сам Господь Бог тебе его послал». Ну, с дядей Васей Иван и приехал к нам. Потом написал мамин брат, дядя Миша. И когда младший мой

брат женился, стало нас семеро: мама, брат Иван, дядя Вася, дядя Миша, брат с женой и я.

Иван пятьсот рублей получал на работе. Но строиться нам не разрешали. И лес поступал не как строевой материал, а только дровами. Зимы там суровые. Мама пошла к тете Шуре, и ей дали этот нестроевой лес. Мы и пристроили к нашему домику комнатку, а уже весной перешли во вторую половину, хотя ни окон, ни дверей не было. А мы как пришли из лагеря, в том и ходили, смены рубашки не было, я целый год в одном платье ходила. И не на что было купить, и жить на что-то надо. Я стала платки вязать и шить — копеечка-то и появилась. Тяжело мы жили, но рядом были духовно родные...

Потом к нам верующих из Копчина привезли, и над ними так издевались. Жили они в холодной бане, а зимы в Енисейске суровые. Жили они очень плохо: накалят кирпичики и берут к себе, чтоб согреться; на кирпичиках же варили то, что осенью собирали, в основном один турнепс. Потом тех, кто помоложе, стали по колхозам раскидывать, а старых оставили. И людям говорили, что это враги, не общайтесь с ними, избегайте их. Осенью две родные сестры пришли картошку копать за то, чтоб их покормили. А тут дождь пошел. Хозяйка их и выпроводила не покормив.

Они так расстроились, что из-за дождя не смогли поработать и остались голодными. А им навстречу учительница шла, спросила, почему они плачут. А потом предложила у нее картошку выкопать, учительница ходила на работу, а они оставались и копали. Очень старались, выкопали все честно, все тридцать соток. Она их хорошо кормила, и картошкой, и хлебушком, и суп варила. Потом учительница пришла на работу и на собрании всем сказала: «Что же вы делаете с народом? У нас по всему поселку нет таких честных, как они. Я уходила, они за целый день грамма не взяли, хотя голодные. Я им говорю, кушайте, а они без меня не кушали. И все мне сделали честь по чести. Мне родная сестра и мать так не сделают, как эти две бабушки сделали». После этого народ не стал избегать их и так бояться. А то придет верующий, дверь скорее закрывали, думали, плохой человек пришел. Вот так они жили плохо.

Марию, Ольгу и Любу Лобзиных, девчат молодых, оставили тут, дедушка их старенький был, он ходил класть печи, за это кто что давал. Сестры тоже делали что могли, где уберутся, где постирают. Потом они халупку себе купили, одна сестра устроилась в больницу ра-

ботать, другая тоже где-то работала, поднакопили деньжонок и дом купили. У них-то и стали собираться и молиться. Людей наших стало очень много, потом молодежь стала замуж выходить, жениться.

В Енисейске жили только высланные из Липецкого района, а рязанские были в Томской области. Липецких привезли, они почти все выжили, а вот с Кавказа чеченцев привезли, так они все поумирали, там они жили лучше и теплее. А нас-то все время жали, мы привыкли к голоду и холоду, все наши в основном и выжили. И работали, и делали все, даже за очистки картошки, ее-то нам не давали. В Енисейске я была до шестьдесят первого года, пять лет там прожила...

Из воспоминаний Павла

...В 1951 году завербовался в Воркуту, жену-то я раньше в Тобольске приглядел, она ко мне приехала, там и дети у нас пошли. Потом перебрались во Фрунзе, у жены там брат жил. Года три мы прожили в Сукулукe, километров в пятнадцати от Фрунзе, но там тяжело было — арыки надо было строить, пускать воду. У жены родственники в Тобольске остались, она и перетащила меня туда.

Про родителей я и не вспоминал: где они и как они. Потом решил написать в село Куймань, там дядя оставался, а он с родными переписывался. Отец уже освободился, в Воркуте жил, а мать второй срок в Казахстане отбывала, на высылке была, сети там вязала. Она рассказывала мне потом, что их, верующих, начальник любил, знал, что в праздник они работать не могут, но наверстают все в обычные дни. Он никогда не сомневался в них, говорил: «Эти верующие всегда сделают». Потом мать тоже освободилась, к отцу приехала. Вскоре от родителей пришло письмо из Воркуты, я ответил им. А отец написал мне: «Что же ты, Павел? Написал письмо и даже Бога не вспомнул. Ты ведь знаешь, от каких ты родителей. Разве можно Бога забывать?»

В пятьдесят пятом году жена моя настояла: «Поедем к ним». Она выехала в Тобольск, забрала детей с собой, их у нас уже двое было. Я в Воркуту приехал, родители мне написали раньше: «Приедешь в Воркуту, заходи в поселок ВЖД, номер дома такой-то, живут такие-то. Они тебя к нам привезут». Дал телеграмму им, что еду. Иван, брат мой, вышел на вокзале встречать меня. Я иду, а он около меня прошел

и не узнал: «Вроде наш или нет?» Так и разошлись. Иван был старше меня на шесть лет, вместе с родителями был арестован в сорок третьем году и осужден. Я его совсем не помнил. Пришел я к нашим верующим по адресу, они-то и проводили меня к родным.

Жили они в длинном бараке у Предшахтной. В поселке тот, кто освобождался, сразу же на скорую руку строил дом. Но мои, правда, купили свой дом у одного старика. Потолок в доме низкий, а я ростом под самый потолок. Мать моя вышла, подошла ко мне. Я ей: «Я ваш сын. Приехал». Она поглядела-поглядела: «Нет, это не наш». — «Как это не ваш? У меня же на шее родимое пятно». Она поглядела и заплакала. Когда я ночью спал, она все сидела около меня, крестила и молилась. Отец мне: «Ну, Павел, давай с нами молиться Богу». Иногда я молился с ними. Побыл я у них немного и поехал в Тобольск. Там тяжело было с работой. И куда мне было ехать? В Куймань? Но верующие наши в колхозе не работают, да и родители мне наказ давали: «Павел, не вздумай в колхоз соваться. Ищи какое-нибудь производство».

Тогда я решил ехать в Воркуту, там можно было работу найти. Приехал туда глубокой осенью, направили меня в военкомат, а они меня «цап» и в армию. Старший мой брат Петр в тридцать восьмом году был осужден на десять лет за отказ служить в армии. После отбытия срока вернулся в Куймань, но недолго был на свободе и вскоре снова был арестован и осужден. Отец сказал мне: «Павел, ты же знаешь, мы — верующие, в армию не ходим. Ты делай как знаешь. Мы тебя не можем остановить». Я говорю: «Что же сделаешь? Ведь двое ребятшек у меня с женой».

В армии попал я в железнодорожные войска, мы электрифицировали железную дорогу. Я там был писарем в технической роте (почерк у меня хороший), а в зимнее время при штабе работал. Как-то вызвали меня: «Ну, Чесноков, поедешь домой к своим детям». — «В отпуск?» — «Нет, совсем». Не ожидал я. Жена писала, что живет плохо, что ничего у них нет. И я написал из армии в Москву, чтобы помощь какую-то оказали моей семье. А мне ответили: «Твоей жене уже оказана помощь». Дали ей под посадку огород, там ведь деревня, земли сколько хочешь. Вернулся я к семье, а они все завшивели. Хорошо, что мать жены поддерживала ее немного хлебушком, хотя сами они еле-еле оклемались после войны. На трудодень по 200 грамм хлеба стали им давать, до этого они работали за бесплатно. Пришел я, посмотрел и решил ехать вместе с семьей в

Воркуту, там хоть работа есть, да и родные помогут. Сказал жене: «Собирайтесь».

Пароходом поплыли до Салехарда, а там до Лабытнанги, а потом — в Воркуту. Приехали, сначала у родителей жили. Я сразу пошел на Предшахтную, там устроился работать у брата Ивана. Мне не хотелось жене показывать своих родных, но выхода не было. Она все видела, не противилась, в праздники и воскресенье молилась с ними. Мы у родных прожили всего около месяца, потом я немного пожил у брата Ивана, у него хорошая квартира была, а затем мне дали квартиру.

На праздник собирались у брата, выпивали и вспоминали, как встретились с ним на вокзале, не смогли узнать друг друга и разошлись. Вспоминали с Иваном, как его забирали, как вели его на цепи. Он рассказывал, как заставляли его закапывать дезертиров, которых расстреливали, а он отказывался. И я ему рассказывал о себе. В воскресенье к отцу собирались на службу, и верующие, кто освободился, молились с ним и пели хорошо. После общей молитвы обед был, и я всегда маму похваливал. Одна из верующих, Мария, на овощехранилище работала, приносила огурчиков, помидорчиков хороших. И винца приносила. Отец мог выпить маленький стаканчик, но не больше, он знал, когда можно пить: на Пасху, Рождество, Троицу. Я сам не люблю, когда много пьют, сам сейчас лишь стаканчик, и все, а в молодости все было.

Отец у меня не был деспотом, он всегда говорил: «Невольник — не богомольник, нельзя заставить силком. Человек должен придти к Богу сознательно, а не так, чтобы ему навязывать свои взгляды. Когда человек от души верит, тогда он искренне верующий, а когда человек так — он неверующий, это сразу видно». Душевный был отец. Вспоминаю, как он в войну не принимал в общину дезертиров. Они приходили в село и старались куда-то залезть, спрятаться, и отец говорил про них: «Эти не мои! Они все равно Богу молиться не будут. Потому что Богу молиться и стариков докармливать — самая тяжелая работа». Он-то знал. И действительно, они побудут немного, помолятся и уходят, не выдерживали они, не могли терпеть — прав был отец.

Потом мы уже жили с отцом и матерью. Зашел как-то к нам Федор Федорович и предложил мне купить за небольшую сумму его комнату. Он уезжал отсюда и сказал: «Возьми, Павел, комнату. Ты хоть будешь рядом со стариками жить. Но заплати мне». Я работал

тогда, мог заплатить, купил его комнату и стал жить в ней рядом со стариками.

Как-то под вечер зашел ко мне один человек, сказал: «Я Остриков Иван Иванович, следователь из Липецка». Начали разговаривать, я у него спросил, зачем он приехал. А он мне: «Приехал арестовывать вашего отца». Потом он зашел в избушку к отцу, посмотрел, как они живут, ко мне зашел, посмотрел, как я живу. В доме хоть все и чистенько было, но и в сарае у хорошего хозяина так не бывает. Ведь строились на скорую руку, материал использовался что подешевле.

Арестовал он моего отца, осталась мать одна, плакала. А что плакать, они все время знали, что их могут арестовать. Потом уже здесь, в Липецке, к отцу, когда он второй срок отсидел, верующие ходили молиться с сумками. И сосед как-то спросил меня: «Павел Федорович, скажи, почему ваши молящие ходят к твоему отцу и все с сумками? Там, наверно, наташили твоему отцу не знаю чего». Я говорю: «А ты видел, как они обратно с этими сумками уходят? У них в этих сумках все походное, одежда на случай ареста. Они и тогда думали ежеминутно, что их арестуют. И сейчас такие же, и сейчас они снуют туда-сюда с одеждой».

Может, что и приносили родителям. А что может старуха принести? Молоко прокисшее только. Ничего ведь не было у них. Хорошо, что отец у меня был непривередлив к еде, хоть лапотъ съест. От отца ничего не осталось, он так боялся лишнего взять. Во время войны одна женщина принесла отцу как милость пшена десять килограмм. А он начал раздавать его верующим кружкой по справедливости. Вот эта одна живет — ей одна кружка; Надежда Павловна с тремя детьми — ей четыре кружки и так далее. Себе оставил немного, чтоб только суп сварить. Иконы у него все старые были, облезлые, стояли все и молились перед ними.

Лежали мы как-то с отцом зимой, разговаривали. Он рассказывал: «Павел, никогда мы ни с кем не были связаны. Я как огня боялся связываться даже со священниками, потому что они все подставные. Они все между собой связаны, все гэбэшники. Наше дело только Богу молиться и просить, чтоб указал, как нам, верующим, пройти этот тернистый путь в этой жизни и не лезть в эти дебри, в политику, в эту грязь». Он сам никогда в это не лез, и наши верующие до сих пор не лезут ни к каким властям. И голосовать не ходят за эту безбожную власть, за эту несправедливость. Верующие все дожидались, когда их

арестуют, подвергнут испытаниям и мучениям. И каждый раз верующий шел молиться и с собой вот такой узел тащил...

На Воркуте родители молились свободно, окна особо не занавешивали. А здесь, в Липецке, тряпки на окна всегда навешивали, чтобы не видно было. И я боялся все, зачем наши старики высовываются. Когда кто помирал, они выходили и открыто молились, «душу провожая». Народ едет, смотрит, автомобильная дорога ведь напротив дома. Я ведь прошел в таких стеснениях, что был убежден — лучше прятаться, чтобы никто не видел. Это сейчас всем разрешили, молись на здоровье, а ведь раньше... В восемьдесят втором году отец умер, мать — в восемьдесят восьмом году. Когда отца хоронили, его из Липецка в село Куймань повезли через Лубну, там многие вышли: «Кого хоронят?» — «Федьку». Народу вышло много, все старики вышли. И вот сейчас все вспоминают: «Как нам дедушка говорил. Как нас дедушка наставлял». Всегда доброе говорят...

А следователь Остриков, который в Воркуте отца арестовывал, после его смерти в журнале напечатал всякую ерунду о наших верующих⁵⁶: что есть такая вредная секта истинно-православных христиан, которая дожидалась немцев, и т. д. А ведь заходил к нам в дом, видел, в каких условиях мы жили на Воркуте: домишки с обрешек и опилок делали, штукатурили, чтобы как-то прожить. Все это видел он, а написал, что Чесноков Федор Иванович, зловредный руководитель истинно-православных христиан, своим сыновьям двухэтажные дома поставил.

Вот и опять нам встряска добрая... Мы все время в поношении жили, даже я все время старался избежать и не показать, что я верующий, чтобы никто не знал этого. И все время откуда-то всплывало это, откуда-то обнаруживалось. Жизнь прошла в скорбях, да и отец всегда говорил: «Я вам советую, почитайте писание Божие. У апостола Павла написано, что нельзя жениться, будешь связан с женой, будешь удален от Бога». Никому из наших, кто поженился, никому не было хорошей жизни. Вот и я уж как ни старался, когда женился, жене не говорил, а потом все равно выскочило. Если уж есть, то, значит, есть, никуда не денешься. Да и не старались родители, чтобы мы выучились на кого-то. Некоторые дети обижаются на своих родителей. Мой знакомый даже мать свою не подпускал к детям, когда она уже освободи-

---

⁵⁶ Под псевдонимом Иванов Иван Иванович. Статья его называлась «Кто такие истинно-православные христиане». Липецк, 1962.

лась и приехала к нему. Он ей говорил: «Мама, ты бросила меня, я без тебя воспитывался. Сколько мне пришлось пережить! Надо мной столько было поношения и издевательств!» Потом вроде принял ее.

Из воспоминаний Ивана Чеснокова

...После освобождения из лагеря и ссылки прибыл я в Воркуту, где отец с мамой жили. Смотрю, стоит полная женщина, я метров за десять остановился, смотрю на нее. Она смотрела-смотрела, потом руку так сделала, что вроде ей солнце мешает, потом подошла ко мне улыбаясь: «Иван, неужто ты?» — «Я, мама». Она плакать. Я говорю: «Ну что ж теперь плакать? Видишь, живой я, здоровый». Мы одиннадцать лет не виделись, так что без слез не обошлось, конечно. Потом папа пришел, он на работе где-то был. С ним мы в сорок седьмом на Воркуте виделись, семь лет после этого прошло. Начались расспросы, кто да как жил, что произошло.

Они сказали мне, что уже начали освобождаться многие верующие наши. На Воркуте первым — Петр Еремин, он и сделал себе какую-то лачугу. Когда отец освободился, то сразу к нему подался. Их всех потом после освобождения в Воркуте оставляли, как ссыльных без права выезда. Потом освободился Иван Федорович Чесноков, мой двойник. Наши деды были родными братьями, отцы — двоюродными, а мы — троюродными. У нас все общее было⁵⁷. Он тоже сначала к Петру пришел, а потом дед Ефим, который верующий был, но к общине нашей не принадлежал, построил себе хибару там, где склады были. Ему дали разрешение на выезд, он и продал Ивану Федоровичу ее за бесценок. А тот мастеровой был, сразу пристроил еще комнатку, метров на восемнадцать, туда и переехал отец. Первое время отец работал сторожем на автобазе, потом ему пришлось уйти с работы, чтобы не работать в праздники. К тому времени работали уже Петр Еремин и Иван Федорович, так что отца могли прокормить.

Прошло какое-то время, отец маму вызвал из Кустанайской области, где она в ссылке была. Им разрешили воссоединиться, и она приехала одна, без конвоя, зарегистрировалась в комендатуре без пра-

---

⁵⁷ Он односельчанин и тоже 1926 года рождения. Он по моему паспорту мог и деньги получить, и все что хочешь, а я — по его.

ва выезда. Потом все больше верующих стало освобождаться. Сестры Ивана Федоровича, Анна и Матрена, они раньше освободились, срок ведь у них поменьше был, стали приезжать к брату в гости, привозили новости с Куймани. Узнал я, что брат Петр освобожден в сорок седьмом году, приехал в Куймань, а его снова на десять лет посадили. Потом и я приехал со справкой, что с сорок девятого был в ссылке. Когда началась воркутинская жизнь, то встал вопрос об устройстве на работу...

Устроился работать электриком на строительстве моста. Там котлованы рыли посреди реки, стояли мощные насосы, чтобы воду откачивать. Работа моя закончилась через месяц, пригласили специалистов, а я пошел работать помощником машиниста экскаватора на породный отвал в карьере. Потом окончил курсы машинистов и стал работать мастером там же. Работала со мной бригада, человек двадцать заключенных, и я с ними — машинист из вольных. На одиннадцатой шахте встречался со своими друзьями. Мой тезка, Иван Федорович, в депо работал, мастером стал и был на хорошем счету.

Потом верующих стало прибавляться, даже тех, кто к нашей общине не принадлежал. Они узнавали, что в этом доме молятся, и приходили. Был среди них Иван, чуваш-художник, он как-то принес нам крест, и на нем были расписаны двенадцать добрых дел (не знаю, его ли это работа или срисовал он откуда-то). Потом он принес портрет Иоанна Кронштадтского, советская власть его «мракобесом» страшным считала. Он не был канонизирован, но мы его все равно почитали, повесили портрет, правда не в красном углу, ему еще нельзя было молиться. Позднее, когда из КГБ зашли к нам, то сразу обратили внимание на портрет Иоанна Кронштадтского и спросили, как этот «мракобес» к нам попал. И крест наш их тоже интересовал, они такого нигде не видели.

Василий из Белой Церкви тоже пришел к нам, узнав, что здесь молятся, он в кочегарке работал. Ровесник отца или чуть моложе, он был серьезным человеком, ходил когда-то к старцам в Киево-Печерской лавре (по его словам, об этих старцах даже советская власть не знала, а он их имена называл). В общине все шло хорошо. В пятьдесят пятом разыскали мы младшего брата Павла, он с семьей жил в Тюменской области. Когда он дал радиogramму, что приезжает в Воркуту, дескать, встречайте, я пошел на вокзал его встречать. Я помнил брата, когда ему лет одиннадцать было, и тут вышел с поезда и прошел мимо меня мужчина в плаще — я в нем брата и не признал,

хотя специально приглядывался. Он мимо меня прошел и негромко сказал: «Никто меня не встретил».

Но у него был адрес Петра Еремина, он пошел к нему, а часа через три Петр и привел к нам Павла. Он был обижен, что его никто не встретил, а я сказал ему, что был там и слышал, что он сказал, проходя мимо меня. Мы убедили его, что тут можно устроиться на работу и жить нормально, тем более что он плотником был. Потом Павел перебрался к нам с семьей, женой и двумя детьми, и я помогал ему обустроиваться. Жена моя Наталья к тому времени уже освободилась и жила в Рязани, откуда делала запросы в поисках сына нашего. Потом приехала комиссия, чтобы выяснять, можно ли ей передать сына на воспитание. Наконец ей привезли сына, он был такой изможденный, просто скелет. И по-русски плохо говорил, больше по-комяцки. Жена обо всем написала, просила помощи.

Мне отпуск был не положен, но я попросил отпустить меня, чтобы съездить в Рязань за семьей. Начальник сказал, чтобы я спокойно ехал, хоть на месяц, хоть на два, сколько мне надо будет, дескать, на работе я все равно буду числиться. Собрался я и поехал в Рязань, хотя ничего я там не знал, ведь был там лишь на следствии. Приехал я туда часа в три ночи. Выглядел я хорошо, приоделся, подошел к таксисту, сказал, какая мне нужна улица. Не мог я до утра ждать. Часам к пяти к их дому подъехал, постучал, и мне открыли.

А тут жена выходит. Ну, встретили меня как положено, с тестем и тещей познакомили. Сына-то я видел, когда ему месяцев восемь было, а тут ему уже шесть с половиной лет. Его разбудили — он был маленький такой, худенький. Я ему гостинцы привез, обрадовал. Жена работала бухгалтером в какой-то организации, зарабатывала немного. Я рассказал ей о родных, об общине. Она расставаться со мной не хотела, а в Воркуту я не хотел ее везти. И отец не советовал мне привозить — негде было жить.

Но жена сказала, что хочет ехать со мной. Я предупредил ее, с чем она может столкнуться, и мы решили, что вместе мы теперь не пропадем. Жена взяла расчет, собрала вещи, родители дали ей с собой старинную Библию. Я дал телеграмму, что выезжаю с семьей, чтобы нас пришли встретить. А вечером друзья мои пришли и стали советовать мне переехать в Рязань. Обещали даже, что в партию помогут вступить, а я смеялся, что они мне так помогут, что не только в партию, меня и в Рязани не пропишут. Выехали мы, приехали в Москву, а оттуда в Воркуту — там нас отец с троюрод-

ным братом Иваном встречал. Тот знал уже мою Наташу, раньше ее видел.

Стали мы там жить, и хорошо было. Мне ведь все условия создали. Мама жену признала, Наташа с первых дней, как приехала, платок повязала, как все верующие, стала молиться Богу. Она сама по себе человек очень порядочный. Когда мы собирались и молились, сынишка внимательно все слушал, а к концу службы вставал и молился с нами. Его все хвалили, гостинцы давали, но чувствовалось, что он из лагеря, заторможенный такой. Потом, освоившись, он рассказывал, как на помойке картошку собирал, как спал за печкой, а крыша над ним всегда протекала. Тогда ему было шесть с половиной лет...

Как жена вернулась, так моя жизнь и наладилась. Мама с папой приезжали в нашу квартиру, а каждый выходной и в праздники мы ехали на ночь к ним и вместе молились Богу. Старший брат Петр тоже освободился, второй срок он сидел сначала в Абези, потом его перевели в Ухту или Инту. Сестры из Липецка приезжали к нам, у них стали иконы обряжать для продажи верующим, так они их здесь и продавали, в Инте и Ухте.

А в пятьдесят восьмом как гром среди ясного неба... Ночью в квартиру родителей вошли два сотрудника Липецкого МГБ и один воркутинец и заявили: «Федор Иванович, собирайся». Отца отвезли в Липецк. Что там было, мы только потом узнали, но верующие не бросили его и передачи носили. В Липецке на отца уже не давили, говорили, что сейчас такое время, когда за каждое слово можно по три дня спорить. Началось следствие, шло оно месяцев восемь или десять, проходил он по групповому делу истинно-православных христиан вместе с Николаем Ереминым, младшим братом Петра, и Марией Максимовной Чесноковой, женой папиного племянника. Приговорили их всех к семи годам лагерей, и отца отправили в мордовские лагеря. У нас на допрос вызывали только младшего брата Павла, прощупывали, какой он.

В это же время, после десяти лет лагерей, освободился в Инте наконец брат Петр, я к нему с Воркуты на свидания ездил. Приехал он в Воркуту и стал жить с мамой. После ареста папы мы с женой решили все же перебраться в Рязань, но договорились, что сначала она пропишется там, а потом уж я к ней переберусь. Жена работала секретарем, потом в шестидесятом году рассчиталась и уехала в Рязань к сестре. Приехав, она прописалась без всяких проблем у сестры, там одна комната была (у родителей ее еще меньше было). В шестьдесят втором и я перебрался в Рязань, а здесь начались разговоры: «Прописывать —

не прописывать». Пришлось идти к начальнику, который удивился: «Ну как это так, мужа к жене не прописывать? Расписаны? Расписаны! Ребенок есть? Есть». Ну и прописали меня в Рязани, стал я работать там сантехником...

Я к тому времени уже курсы окончил по специальности «мастер горной выработки». После этого ходил в карьер, но мне сказали, что сначала я буду экскаваторщиком, а только потом уже буду мастером. В пятьдесят седьмом я получил телеграмму от Петра: «Срочно приезжай. Мама в больнице». Я отпросился на работе, взяв дни в счет отпуска, купил билеты и выехал в Воркуту. Приехал туда, сошел с поезда и чувствую — что-то надвигается, как перед пургой или грозой, воздух весь колышется. И ночью началась страшная пурга, не поймешь даже, откуда ветер дует. Два дня она бушевала, засыпало все, и первые сутки я никуда не мог попасть. Потом выкопал в крыше отверстие и по пояс в снегу отправился в больницу...

После выздоровления мамы мы решили, что она к Павлу в Тобольск поедет, чтобы подготовить там избушку к возвращению отца. Но перед этим она должна была приехать в Рязань, чтобы взять кое-что для отца. Она еще раз хотела к отцу съездить, но я не разрешил. Она поехала к Павлу в Тобольск, а я — к отцу. Он вышел ко мне в полосатой одежде и в шапочке-бескозырке⁵⁸, и я рассказал ему про свою жизнь в Рязани. В этот раз все получилось без сучка без задоринки, все продукты я передал ему. Ведь там я встретил знакомого чеченца, с которым в Тайшетлаге был. Здесь он уже дневальным при доме свиданий был, с надзирателями запанибрата, вместе выпивали они и чифирили. И он сказал мне: «Привози хоть машину, все передам твоему отцу». У меня с собой десять пачек чая было, так четыре я отцу отдал, а остальные — чеченцу и надзирателю.

Прошло какое-то время, опять надо было к отцу с передачей ехать, у него уже последний год шел. Набрал я целый чемодан калорийных продуктов, им же в лагере на день давали только овсянку-сечку, капусту, семьсот грамм хлеба и девять грамм сахара. Не умрешь, конечно, но голодно. Но в этот раз я ничего не смог передать, что он со мной на свидании съел, то съел, а с собой ничего не смог унести. Не смог я сразу и с надзирателем договориться, потом вышел

---

⁵⁸ Он был на особом режиме. В такой одежде заключенные находились в своей камере и работали в соседней. Прогулки были в течение часа во дворике 10 x 10 метров, вверху была натянута сетка.

и разговорился с вахтерами, один из них из Рязани. Они-то и помогли мне с тем надзирателем встретиться, я прямо бегом полетел в дом приезжих, схватил сумки и бегом на вахту. Передал в зону все и возблагодарил: «Слава Богу!»

Пришло время, и отец наконец освободился и приехал к нам в Рязань. Побыл он у нас недельку, мы подкормили и привели его в надлежащий вид. Потом отвез я его в Москву, купил билет до Тюмени, до Тобольска поезда не ходили, от Тюмени туда самолетом или вертолетом летали или автобусом добирались. А в шестьдесят восьмом в отпуск я с сыном полетел в Тюмень, потом речным трамваем через Иртыш, а потом надо было почти километр идти по оврагу к озеру. Отца я увидел издали, борода его на солнце блестела. Там наших верующих, бывших ссыльных, много было, и они часто собирались у отца.

Соседей рядом не было совсем, так что любой хор можно было собрать и петь громко, даже если кто-то купался в пруду, все равно внимания не обращал. Потом, через три года, у родителей возникла мысль перебраться поближе к своим. В Куймань нельзя было, гонители живы были, тогда они у верующей старушки купили домик в селе Селки, в трех километрах от Липецка, оформили документы и стали там жить. Родители всегда вставали в шесть утра, молились Богу, потом готовили завтрак, после завтрака отдыхали. У мамы сон был, как у младенца. Папа тоже здоровый был, единственное, что у него были проблемы с седалищным нервом — этот след оставили бесконечные сидения во время многочасовых допросов.

По праздникам к ним приезжали верующие из Липецка и окрестных сел, раза четыре в год и я приезжал. На службы тогда собирались человек двадцать-тридцать, на большие праздники или поминки прибывало больше. Иван Михайлович Рябых вел службу, акафист читал, пел он хорошо. Папа уже старый был, но службу стоял, Евангелие читал и апостолов. Одна молодая женщина хорошо псалтырь читала и пела так — заслушаешься. В общине были верующие, приехавшие из многих областей: Липецкой, Рязанской, Орловской. Потом центр общины переместился в село Куймань, где было много верующих.

От соседей и от дороги во время службы отгораживались, белье вешали, тогда человек сорок можно было посадить во дворе на трапезу. После всенощной липецкие возвращались в город, остальные оставались ночевать здесь. А если часов до десяти вечера молились, то куда ж уезжать? Все устраивались: кто на полу, кто в пристройке. А в

пять часов все уже вставали на утреннюю молитву. Окна в избе были небольшие, но мы теперь особо не прятались, никакого сравнения с тридцатыми годами. Часть наших осталась в Томске и Тюменской области, они продолжали молиться по домам, и советская власть их не могла сломить. Их считали фанатиками, говорили, что их можно только убить.

К паспортам отношение сначала было отрицательное, до войны еще, когда шла паспортизация. Но колхозникам паспорта не давали, а людям верующим их навязывали. После лагеря дали справку об освобождении, без этой справки же никуда. А на основании этой справки давали паспорт. А что с пенсиями? Отец мой пенсию не получал, в отношении других он не препятствовал, так как других источников существования у многих просто не было. Я тоже получал, но некоторые «сестры» категорически отказывались от пенсии.

От армии некоторые молодые парни отказывались, а другие шли служить спокойно. И на выборы никто никогда не ходил, а отец отказывался открыто. Раньше легче было, когда поражение в правах действовало, проще было. Теперь же мы нашли способ, стали выписываться, а многие просто уезжали в этот день. Но мы не различали — был в армии или не был, отказался от пенсии или получал — молились все вместе. И никогда не ходили в церкви, не признавали мы «красных» священников и тогдашнего патриарха Алексия.

А в восьмидесятом интересные выборы были. Смотрю — идут с ящиком из сельсовета. Вдруг благообразного старичка с большой седой бородой увидели, он как раз на улицу вышел. Они увидели его и к нему:

— Дедушка, здравствуйте. Мы к вам пришли, чтобы вы проголосовали.

— Да не буду я.

— Как не будете, почему? Вы ж «своих» выбираете.

— Да нет, не своих, а ваших. Ваши что строить будут? Кинотеатры. А нам нужно «наших», чтоб церкви строили.

— Так и не будете голосовать?

— Нет, не буду.

— Ну и ладно, — посмеялись они и ушли.

А в восемьдесят втором году папа заболел воспалением легких, мне прислали телеграмму, чтоб я приехал. Я делал все уколы, ставил банки, мерил давление, я ведь знал, что надо делать. В деревне была всего одна медсестра, ходить ей не было возможности, и они хотели

отца в больницу положить. Но мы отказались и выходили отца от воспаления легких: кашель прошел, дыхание восстановилось. Правда, я его предупредил, чтобы он на ветру не стоял больше, что любил он. Но постепенно он занедужил, слабеть стал, ему становилось все хуже и хуже⁵⁹. Скончался он десятого февраля 1982 года. Похоронили его в Куймани под Липецком, сын мой ездил, вообще, много верующих было. Восемь человек на похоронах вычитывали по четыре акафиста, сорок дней за него псалтырь читался. Я приезжал и на двадцать, и на сорок дней.

Потом зашли двое из Липецкого КГБ, к Павлу, что ли. Осмотрели дом, где мама жила, иконостас посмотрели, а он новый был, красивый. А потом кто-то через соседей передал, что они сказали — мама, дескать, как игуменья, будет доживать свой век. Мама осталась одна⁶⁰, без отца, ее постоянно проводывали верующие, а молиться стали ходить к Григорию, разумному человеку, в Липецке же ходили к Василию. Мама еще шесть лет прожила, до девяноста лет. 17 апреля восьмидесят восьмого скончалась она, на Красную горку. Утром встала, помолилась Богу, а часов в пять сказала сыну Павлу, что ей плохо, что сейчас она умирать станет. Маму положили на постель, она попросила, чтобы «сестер» позвали. Пришли три верующие бабушки, она с ними попрощалась и скончалась тихо, без всяких мучений.

* * *

Пока судьбу расстрелянных мы не знали, то всех поминали «о здравии». Потом выяснилось, что они были расстреляны, с тех времен стали помянуть «за упокой». Правда, были разговоры, что они живы, что есть какой-то засекреченный специальный лагерь, где их содержат⁶¹. Впоследствии выяснилось, что все наши были расстреляны. Сколько верующих погибло! Мы знаем тех, которые были расстреля-

---

⁵⁹ *«Иногда к нему молодые верующие приходили, они грамотные были, в школе учились. Старшая дочь брата Ивана окончила десять классов, потом какие-то курсы, так что грамотная была. И она, как муха назойливая, начинала с ним диспут вести. Он больной, восьмидесятичетырехлетний, а она не понимала, что безжалостно это. Да еще гордилась, что за пояс его заткнула. Когда я приехал, сразу же сказал, чтобы эти безумные не приходили к отцу. Помочь ему надо было, перенести его».*

⁶⁰ Потом Павел рядом пристроился. Жена его жила в Липецке, не сложилась у них жизнь, и когда дочь его замуж вышла, он сделал пристройку к отцовскому дому и жил.

⁶¹ Где находился этот лагерь, никто не знал, кто-то говорил, что он в Мордовии, кто-то — что в центре.

ны, мучеников наших. Первый, кто благословил общину на эти подвиги — епископ Уар (Шмарин), — был расстрелян. Его ученик и последователь Фарафонов Федор Андреевич и его сын Степан тоже. Сын его Михаил Фарафонов был на Колыме и остался в живых. Завалюев Гавриил Яковлевич и его сын Александр были арестованы и расстреляны.

Жданова Мария Федоровна была расстреляна, муж ее Григорий, он в Москве жил, к общине не принадлежал, но тоже был верующим, в 1943 году был отправлен на десять лет в лагерь и не вернулся оттуда. Монахиня Мария Ивановна, моя тетушка родная, и Чеснокова Евгения Сергеевна, мать Ждановой Марии, расстреляны 25 ноября 1941 года. Наумова Дарья Михайловна и муж ее Михаил Самойлович расстреляны в конце тридцатых. Пригарин Степан арестован и как в воду канул. Козин Михаил Андреевич арестован перед войной и пропал⁶². Зимин Михаил арестован и пропал⁶³. Шушунова Анна, мамина сестра, арестована и тоже расстреляна. Наша сноха Ольга Рухалева арестована в тридцать девятом году и тоже пропала, наверняка расстреляна. Иван Павлович Муренков, интеллигентный человек, охотник хороший, арестован и, по-видимому, расстрелян. Все, кто был арестован и остался в живых, потом нашли друг друга. Эти же люди приняли мученическую смерть.

Знаете, иногда бывает, что вроде и пожалеешь, что судьба так сложилась. Но когда подумаешь, во имя чего все это делалось, то понимаешь — люди отстаивали свои убеждения. Я никогда не осудил ни отца, ни мать, хотя мы, дети, остались одни. Был как-то разговор с отцом — могло ли быть по-другому, не так тяжело, как нам выпало? Ведь если без Бога — и не вынесли бы всего... И сейчас, когда я уже в таком возрасте, я думаю, что правильно они поступили. Не могло быть иначе, надо было поступать только так. Мне запомнилось — я еще мальчишкой был, любил побаловаться, пошалить, — а отец мне: «Надо вести себя более серьезно. Знаешь, какое тебя испытание ждет? Как ты его вынесешь?» Я только после узнал, какое испытание! Мы были обречены на страдание...

---

⁶² В лагере в Рязани получил новый срок — 7 лет.

⁶³ Зимин Михаил Сергеевич, родился в 1895 в Рязани. 1 декабря 1937 — приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь на Дальний Восток. В начале 1938 — арестован, 22 января приговорен к ВМН и расстрелян.

ГЛАВА IV

Истинно-православные христиане в Чувашии

Обзор следственных дел

После опубликования Декларации митрополита Сергия многие ревнители православия в Чувашии не приняли ее и развернули в республике активную деятельность. Например, в Мало-Яльчикском и Батыревском районах они, объединившись, имели столь сильное влияние на верующих, что это грозило сорвать планы властей по закрытию церквей и активному проведению коллективизации. «Союз Православной Церкви» в селе Байглычево Мало-Яльчикского района был создан по инициативе псаломщика Александра Григорьева¹ и при поддержке благочинного епархии и его заместителя, священника Андрея Хрисанфова² на собрании представителей от 13 приходо- в в марте 1929 года.

На этом собрании Александр Григорьев заявил: *«В данное время митрополит Сергей сделался обновленцем, захватил самовольно церковную власть и выдает себя за местоблюстителя патриаршего престола, и поэтому нам необходимо от него отделиться, прервать с ним всякое общение и организовать свой союз. Этот союз назвать Союз Православной Церкви и признать своим епископом проживающего в Ульяновске епископа Аввакума (ссылного)»*³. Александр был убежден, что кроме этого епископа последователей истинного православия в Чувашии уже не осталось, и с ним согласились присутствующие на собрании и одобрили зачитанную декларацию от Аввакума (Боровкова)⁴.

---

¹ Григорьев Александр Григорьевич, родился в 1895 в деревне Степные Яниковы Батыревского уезда. Окончил 4 класса сельской школы. В 1915–1917 — на военной службе младшим унтер-офицером. Крестьянин, в семье шестеро детей. С 1925 года — псаломщик в церкви села Новые Шимкусы. В 1930 — рукоположен епископом Аввакумом во иерея, служил в церкви села Новые Шимкусы.

² Хрисанфов Андрей Хрисанфович, родился в 1890 в деревне Ап-Темяши Мало-Яльчикского уезда. Крестьянин-средняк. С 1916 по 1917 — служил в армии. С 1926 — псаломщик, в октябре 1926 — рукоположен во иерея епископом Авраамием Сызранским.

³ ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3098. Л. 157.

⁴ В ней доказывалось негативное значение деятельности митрополита Сергия.

В правление «Союза» были избраны Александр Григорьев (председателем), Николай Краснов⁵ и Тимофей Шилов. Позднее при активном участии иерея Андрея Хрисанфова и Александра Григорьева были разработаны устав и программа «Союза», с которыми они ознакомили епископа Аввакума. Он одобрил и окончательно утвердил их, сказав приехавшим к нему: *«Крепко стойте за чистоту православия и объединяйте вокруг себя духовенство и верующих»*. До 1931 года владыка непосредственно руководил епархией, успев рукоположить во иереи Краснова и Макарова, а после его ареста «Союз» остался без епископа.

Священнослужители и активные миряне Союза Православной Церкви, или «аввакумовцы», как их стали называть, вели большую религиозную работу среди населения и препятствовали распространению безбожия и колхозного строительства во всем Мало-Яльчикском и соседних с ним районах, проводя повсюду тайные собрания, что вызывало заметное беспокойство местных властей. В январе 1930 года в деревне Нижнее Янашево в проруби реки Булы была найдена икона Божьей Матери, после чего в народе распространился слух о знамении свыше, от Бога. Одновременно на заборе появилась надпись на чувашском языке: *«Кто идет в колхоз, тот идет в ад»*. Многие крестьяне не вступали в колхозы, а вступившие стали писать заявления о выходе.

20 января был арестован настоятель церкви в селе Байглычево, а 26 января местные партийцы приняли решение снять колокола в оставшейся без священника церкви. Однако 25 января староста общины Димитрий Сусметов привез *«неизвестно откуда попа Кузьму, который с 6 утра 26 января начал службу в церкви»*. Монах Феофан и монахиня Ирина ходили по дворам и звали народ в церковь. Церковь была переполнена, служба шла долго, а после нее были собраны подписи верующих за оставление колоколов. Затем выступил с речью слепой монах Феофан (Давыдов) и призвал верующих не допустить снятия колоколов, *«не останавливаться перед пролитием крови»* и предложил всем присутствующим не отходить от церкви, а в случае попытки антихристов подняться на колокольню *«ударить в набат, созвать верующих и защищать церковь до последней капли крови»*.

Тогда представители сельисполкома арестовали и привели в канцелярию священника, церковного старосту и монаха Феофана, но *«в это время послышался звон набатного колокола, и толпа верующих, около трехсот человек, собралась около канцелярии и потребовала освобождения задержанных, угрожая в противном случае расправой»*. Трое задержанных были сразу же освобождены, а сельсоветчики разбежались. По звону колокола прибыли также и крестьяне из соседней деревни Алексеевка, как было, очевидно, зара-

---

⁵ Краснов Николай Кондратьевич, родился в 1905 в деревне Ап-Темяши. В 1930 — рукоположен епископом Аввакумом во иерея.

нее договорено, и верующим удалось отстоять церковь и своих братьев, однако ненадолго.

В феврале 1930 года властями были арестованы главные «зачинщики беспорядков»: монах Феофан Давыдов, староста Димитрий Сусметов и секретарь Правления «Союза» Тимофей Шилов. 12–13 июня 1930 года в селе Малые Яльчики состоялся суд над ними: к 10 годам лагерей был приговорен Тимофей Шилов, к 5 годам лагерей — Димитрий Сусметов и к году ссылки — Феофан Давыдов.

* * *

Активная деятельность «аввакумовцев» продолжалась. Новым благочинным округа был избран иерей Андрей Хрисанфов. Еще в 1926 году, сразу же после своего рукоположения, он организовал в своей деревне Ап-Темяши 7 ноября крестный ход, сорвав тем самым проведение демонстрации в честь праздника Октябрьской революции. В своем доме иерей Андрей устроил молитвенный дом при активном участии ревностных прихожанок, Марии Архиповой и Евдокии Егоровой. Как позднее показали свидетели, именно они постоянно *«убирают пол, топят печки, ухаживают за лампадами и иконами, почти все время проводят в молитвенном доме; принимали у себя на дому бродячих монашек»*. Иерей Андрей Хрисанфов, согласно материалам следствия, «заставлял» своих прихожан венчаться, крестить детей, препятствовал раскулачиванию и коллективизации. Он же подготовил к принятию священнического сана Максима Архипова⁶, Николая Краснова и других; в 1930 году их рукоположил епископ Аввакум (Боровков). 7 октября 1931 года иерей Андрей был приговорен к 1 году лишения свободы за несплату налога и самообложения, а в марте 1932 года привлечен к следствию по групповому делу как один из *«инициаторов и руководителей контрреволюционной религиозной организации «аввакумовцев» — Союза Православной Церкви»*⁷.

Тогда же были арестованы еще 6 священников⁸ и 9 активных мирян⁹, и среди них Александр Григорьев, инициатор создания Союза Православной

---

⁶ Архипов Максим, родился в 1886 в деревне Ап-Темяши. Крестьянин. В 1930 — рукоположен во иерея.

⁷ Он обвинялся в том, что *«систематически в течение ряда лет проводил антисоветскую деятельность, направленную к подрыву проводимых советской властью мероприятий, к срыву коллективизации, к восстановлению старого монархического строя; а в 1930 году в момент снятия колоколов восстанавливал религиозную массу на массовые выступления»*. ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3098. Л. 166.

⁸ М. А. Архипов, А. Г. Григорьев, И. К. Кононов, С. П. Павлов, Н. К. Краснов, Г. П. Чернов.

⁹ Е. Александрова, И. Башкиров, Т. Макаров, М. Никитин, Е. Новиков, В. Павлов, В. Сафронов, И. Скобелев, А. Федорова.

Церкви, а по версии следствия, один из главных руководителей «организации». В начале 1930 года, после ареста иеромонаха Филимона, настоятеля храма в селе Новые Шимкусы, иерей Александр возглавил приходскую общину и действительно оказал огромное влияние на верующих. Он служил в храме ежедневно, службу вел по монастырскому уставу, с раннего утра до четырех часов дня, а по окончании службы долго проповедовал и вел беседы с верующими. На службы он не допускал колхозников и, по словам свидетелей, для этого выставлял «часовых» у дверей храма, чтобы не впускать их в церковь. Его службы посещали более 150 человек, многие женщины приходили из деревень за 30–40 верст от села Новые Шимкусы. Они под влиянием проповедей пастыря в своих деревнях активно выступали против колхозов, например, женщины из деревни Полевые Буртасы добились, что девятнадцать хозяйств у них вышли из колхоза¹⁰.

А в селе Сабанчино в результате деятельности группы верующих¹¹, имевших связь с Союзом Православной Церкви, в 1930 году более ста дворов подали заявление о выходе из колхоза, и колхоз развалился на 90 %, о чем показал на следствии председатель колхоза. Этой же группе удалось добиться открытия закрытой прежде церкви¹² в этом селе (и это в период нарастания антирелигиозной кампании!). Настоятелем церкви стал иерей Герасим Чернов¹³ из села Норваши-Шигали Батыревского района, по вечерам он проводил беседы с верующими у себя в доме. Под его влиянием прихожане активно выступили против снятия колоколов, по показаниям свидетелей, лишь с помощью партийного актива и милиции удалось снять их. После этого дом иерея Герасима был конфискован и в нем поселились комсомольцы, но вскоре он сгорел. Иерей Герасим был арестован по подозрению в поджоге, и тогда прихожанка Евдокия Александрова *«организовала толпу женщин и повела их в милицию выручать арестованного»*. Правда, добиться освобождения священника им не удалось. Позднее Евдокия с группой женщин пришла в канцелярию сельсовета, которая размещалась в бывшем кулацком доме, и потребовала удаления

---

¹⁰ Один житель деревни показал на следствии, что его мать собирала женщин и убеждала их выйти из колхоза: *«Колхоз создан чертом... Бог нам не велел вступать в колхоз, а если мы нарушим это, то мы попадем в ад. Долго нам не жить, помрем, а соблюдая законы Божии, будем стараться за Церковь и Бога. Выйдем из колхоза женщины все, пускай оставят нас голыми, ибо мы родились голые»*. ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3098. Л. 41.

¹¹ Антон Александров, Евдокия Александрова, Андрей Антонов днем и ночью ходили по дворам и проповедовали.

¹² За открытие церкви собирали подписи жителей села Сабанчино и близлежащих деревень Евдокия Александрова, Николай Волков и Григорий Петров, а затем добились решения местных властей.

¹³ Чернов Герасим Павлович, родился в 1879 в деревне Тораево Мало-Яльчиковского уезда. В 1928 — рукоположен во иерея епископом Афанасием Казанским.

канцелярии и вселения хозяев в их бывший дом. Правда, тоже безрезультатно... Когда же на нового настоятеля прихода Николая Краснова был наложен налог в 720 рублей, Евдокия обратилась после службы к верующим с призывом помочь и собрала 500 рублей. А после ареста настоятеля она *«была командирована ячейкой “аввакумовцев” в Москву с расчетом вернуть пона»*.

Среди арестованных по делу «Союза» иереев оказался и иеромонах Гурий (Павлов). На истории этого человека следует остановиться подробнее, поскольку именно отец Гурий будет впоследствии в течение многих лет тайно окормлять верующих Чувашии и Татарии, устраивая подземные церкви, проводя нелегальные службы, денно и ночью скрываясь от постоянных преследований властей.

Симеон Павлович Павлов родился в 1906 году в деревне Средние Кибечи Шихазанского уезда. В семь лет мальчик поступил в церковно-приходскую школу в соседнем селе Высоковка. Через год отец его сильно заболел и умер, и все тяготы воспитания пятерых детей легли на плечи матери. Дети во всем помогали ей по хозяйству, и Симеон в свободное от учебы время пас деревенское стадо коров. С восьми лет он сознательно перестал есть мясо, избегал деревенских праздников, сторонился шумных игр своих сверстников, любил уединение и молчание. С тринадцати лет Симеон стал просить мать благословить его на уход в монастырь, но она отказывала ему, не желала расставаться с сыном.

В начале Великого поста 1920 года Симеон тайком ушел из дома и, пройдя около семидесяти верст, дошел до Александро-Невского монастыря, куда и был принят. В середине 1920-х монастырь был закрыт, а монахов изгнали из келий. Симеон вернулся в родную деревню. Теперь мать его была рада, что сын избрал монашеский путь, и благословила его. Сначала он посещал тайные моления группы истинно-православных христиан во главе с монахом Феодотом на хуторе Кибечи, не признававшей советской власти *«как власти антихристовой»*. Через год участники группы были арестованы, но Симеона не тронули, так как он *«в сборищах группы активного участия не проявлял»*. Позднее Симеон ушел в Макарьевскую пустынь под Свияжском, однако и она вскоре была закрыта властями. Тогда Симеон пошел дальше на восток, за Волгу, — в Раифскую пустынь.

В 1928 году стали закрываться последние еще действовавшие в стране монастыри. Летом была закрыта Раифская пустынь, монахов разогнали силой, а двоих из них, отказавшихся уходить, расстреляли. Узнав, что еще действуют монастыри в Башкирии, Симеон двинулся дальше на восток, в Белебеевский уезд, где поступил в Одигитриевский монастырь. 11 октября он был пострижен в мантию с именем Гурий¹⁴, на следующий день рукополо-

---

¹⁴ Ему было дано имя св. Гурия, первого епископа Казанского.

жен во диакона, а 13 октября — во иерея. Затем направлен на служение к чувашам в Казанскую губернию. С весны 1929 года отец Гурий познакомился с мирянином Терентием Макаровым, крестьянином-середняком, сыном владельца мукомольной мельницы, лишенным в 1926 году избирательных прав. Терентий, возглавлявший общину истинно-православных христиан в деревне Хоруй Козловского района и связанный с другими такими же группами в Чувашии, постоянно вел переписку с уфимскими епископами. Он пригласил иеромонаха Гурия к ним в общину, и в этих условиях тот с самого начала был вынужден перейти к тайному служению. Позднее отец Гурий вспоминал о том, как отслужил там свою первую Пасху:

«У меня вся церковь была в котомке. Начинать служить на Пасху. Если есть дом “праздный” (несемейный), там служили обедню. В деревне был пятистенный свободный дом. Хозяева умерли, и домом пользовались родственники. В этом доме готовились начать пасхальную службу. Вдруг пришел кто-то из знакомых и предупредил, что в деревню приехали милиционеры. И я говорю Терентию: “Собирай все вещи. Уходим”. Только мы вышли, как из-за сарая выходят милиционеры. Они нас не увидели, была ночь, темно. Мы вышли на огород, Терентий впереди, я сзади. А милиционеры в доме все обыскивали. А у меня там кадило было повешено на печке, но они кадила и не видели. Ушли. Что делать? Скоро двенадцать. Нужно начинать службу. На гумне был сруб какой-то, без окон, без дверей. Мы все закрыли снопами соломы и так служили»¹⁵.

Отец Гурий часто бывал на тайных богослужениях в Казани у иерея Аркадия Волокитина и епископа Нектария (Трезвинского). Несколько раз он исповедовался у владыки, а однажды после исповеди епископ Нектарий неожиданно положил земной поклон Гурию. Тот удивленно возразил, что это ему надлежит сделать поклон епископу, но владыка ответил: «Так должно быть». С апреля 1930 года иеромонах Гурий стал служить в еще незакрытом храме Рождества Пресвятой Богородицы в селе Шутнерово Урмарского района, поминая в конце службы ссыльного епископа Аввакума (Боровкова), принявшего отца Гурия и его приход под свое руководство. Как и иереи-«аввакумовцы», он воспитывал прихожан в истинно христианском духе, призывая их духовно противостоять безбожью, вести христианский образ жизни и не вступать в колхозы как организации безбожные.

В июне 1930 года на иеромонаха Гурия пришел донос о том, что он во время службы отказался «причащать детей колхозников, а также принимать покойников». По мнению доносчика, это «сильно повлияло на женскую массу колхозников, которая по убеждению еще близка к церкви и является главным тормозом коллективизации, поэтому необходимо священника изо-

¹⁵ Из записи воспоминаний в 1993 году.

лировать». Вскоре на Гурия пришел донос из другого села о том, что «священник из села Шутнерово отказался с иконами пойти в дома колхозников, не причащает колхозников и отказывается крестить, если кумом должен быть колхозник»¹⁶. В начале Петрова поста комсомольцы, учителя и милиция пришли в церковь, чтобы арестовать Гурия, но верующие не позволили его увести.

Власти не оставили его в покое, позднее он все-таки был арестован. На допросах иеромонаха Гурия жестоко избивали, по его словам, «били со всей силы наганом в грудь и отбили легкие», требуя назвать имена прихожан, которые написали прошение в его защиту. Но отец Гурий терпел, повторяя: «Не знаю, не знаю...» Он так и не назвал ни одного имени. В камере с ним сидели двое малолеток, ночью они перепилили решетку и сбежали. Гурий тоже ушел с ними, добравшись до Шутнерово, он в храме оставил записку, чтобы его не искали. С тех пор начались его скитания по деревням и селам — теперь вся церковь была у него в котомке: облачение, книги, святые сосуды. Тайные богослужения в частных домах, крестины, венчания и отпевания, исповеди и соборования...

А 1 февраля 1932 года он был арестован в деревне Олмалуи Козловского района, где неоднократно ранее проводил тайные богослужения. При обыске у него были обнаружены «вещественные доказательства» — письма епископов Аввакума (Боровкова), Вениамина (Троицкого) и архиепископа Андрея (Ухтомского). Он был отправлен в Чебоксарский исправдом и привлечен к следствию по групповому делу иереев-«аввакумовцев». Главным обвинением для него стало то, что он «на протяжении целого ряда лет путем бро- дяжничества и агитации по деревням Чувашской АССР организовывал сектантские ячейки, обрабатывая последних в антисоветском духе»¹⁷, что он категорически отрицал. В сентябре 1932 года ему, как и другим «аввакумовским» священникам и активным мирянам, было предъявлено обвинение «в антисоветской агитации и участии в контрреволюционной религиозной организации Союз Православной Церкви».

В результате их деятельности, по версии следствия, «в указанных районах в 1930 году происходили массовые волнения»¹⁸. Обвиняемые отрицали какой-либо политический характер своей деятельности и утверждали, что им безразлично, какая власть в стране, советская или монархическая¹⁹. Показателен ответ на допросе иерея Герасима Чернова: ««Аввакумовское» течение ставит своей целью сплотить верующих вокруг религии, развить религию и восстановить ее среди населения. Мы действительно призывали верующих к по-

¹⁶ ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3098. Л. 113–114а.

¹⁷ ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3098. Л. 204.

¹⁸ ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3098. Л. 275.

¹⁹ ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3098. Л. 180.

каению в грехах, к тому, чтобы поспешили до смерти, но против советской власти никогда не выступали»²⁰.

28 октября 1932 года арестованные были приговорены: пять священников — Андрей Хрисанфов, Гурий (Павлов), Максим Архипов, Николай Краснов, Герасим Чернов — к 5 годам лагерей, иерей Игнатий Кононов²¹ — к 3 годам ссылки в Казахстан, семь верующих²² — к 3 годам ссылки в Сев-край. Дело инициатора создания «Союза Православной Церкви», иерея Александра Григорьева было выделено в особое производство, возможно, его объединили с групповым делом монаха Гермогена (Гайдукова)²³, отбывавшего ссылку в Алатыре, как руководителя тайной общины истинно-православных христиан в селе Малая Петровка Ичалковского района²⁴, арестованных и отправленных в лагерь.

* * *

Вместе с осужденными священниками иеромонах Гурий был отправлен в Свирский лагерь. В мае 1933 года девять заключенных совершили побег из лагеря, в их числе были Гурий и иеромонах Агафобус (Етрухин)²⁵, настоятель

²⁰ Показателен ответ священника Игнатия Кононова на обвинение в агитации против колхозов: «*Мое убеждение таково: в колхозы вступать я считаю непозволительным грехом, потому что, вступая в колхоз, приходится принимать участие в делении чужого имущества, как это было во время раскулачивания кулаков; работая артелью, приходится соприкасаться с антирелигиозниками и входить во все грешные дела артели*». ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3098. Л. 195–196.

²¹ Кононов Игнатий Кононович, родился в 1877. Крестьянин. В 1929 — раскулачен. В 1930 — рукоположен епископом Аввакумом во иерея. Служил в селе Новочелны-Сюрбеево Батыревского района.

²² И. Башкиров, Т. Макаров, М. Никитин, В. Павлов, В. Сафронов, И. Скобелев, А. Федорова.

²³ Гайдуков Гермоген Павлович, родился в 1877 в Брянске. В 1892 — окончил городское училище. В 1902 — поступил в Оптину-пустынь в Калужской губ. Пострижен в мантию с именем Гермоген, поступил в Троице-Сергиеву лавру, посвящен во иеромонаха, с 1907 — служил в церкви в Москве, с 1920 — на станции Баковка Московской области, с 1929 — в деревне Костино Семеновско-Дмитровского района. 22 декабря 1931 — арестован. 2 января 1932 — приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в Свирский лагерь, но вскоре лагерь был заменен ссылкой в Алатырь.

²⁴ Среди них Е. Кудашкина, Г. Мамаева, братья Григорий, Иван и Максим Сандины, А. Сергеева и С. Павленкова, в ноябре 1932 отправленная в Свирский лагерь.

²⁵ Иеромонах Агафобус, в миру Етрухин Афанасий Семенович, родился в 1908 в деревне Большое Яниково Урмарского уезда (Чувашия). Окончил сельскую школу. Пострижен в мантию в монастыре, посвящен в иеромонаха. В 1929, 1930, 1931 — арестовывался, позднее освобождался, а в 1931 — приговорен к 2 годам ссылки, откуда бежал. 19 марта 1932 — арестован в Чувашии как «участник церковно-монархической организации ИПЦ». 21 октября 1932 — приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в Свирский лагерь. В мае 1933 — бежал из лагеря. 29 марта 1937 — арестован, 25 августа приговорен к ВМН и в тот же день расстрелян.

Буртасинской церкви. Заключенные бежали через густой лес, ориентиром для них был мох, растущий на стволах деревьев с северной стороны. Когда беглецы вышли из леса, то увидели железную дорогу и пошли вдоль нее лесом. Наконец они нашли овраг и спрятались в нем, выжидая время, когда лучше будет перейти дорогу. Когда они уже решились переходить, их заметили идущие по следу охранники лагеря и начали стрелять. Беглецы стали разбегаться в разные стороны. Иеромонах Гурий попал в болото и пролежал в нем весь день до ночи. Когда охранники пробежали мимо, он целиком погружался в воду, дыша через тростниковую трубочку. Охранники так и не заметили его и вскоре ушли, но он еще долго не двигался, ни на секунду не переставая молиться.

Когда стемнело, отец Гурий вылез из болота, наломал сучьев, постелил ветки и заночевал в лесу. Потом он переправился через реку, взял билет на пароход и доехал до ближайшего города. На вокзале он вызвал подозрение милиционера и был отведен в отделение. Там был обыскан, у него отобрали иконки, фотографии епископов и хотели снять нательный крест, но, несмотря на побои, крест он не отдал. Потом его отвели к начальнику, а тот неожиданно сказал ему: «Забирай все и уходи. А к билетной кассе больше не подходи, иди пешком». Около года Гурий странствовал по Ленинградской, Московской и Нижегородской областям, переходя из одной деревни в другую, останавливаясь у верующих и совершая тайные богослужения.

В 1935 году иеромонах Гурий пришел в свою родную деревню Средние Кибечи и там узнал, что его разыскивают. С тех пор он жил скрытно в конюшне, из сарайчика сделал тайную церковь и там служил. Когда вызывали на требы, он ходил обычно только ночью или в непогоду. Позднее он показал на следствии: *«Я в разное время 1934–1951 годов бывал в городах: Казани, Чистополе, Елабуге и во многих районах Татарии, но длительное время, до трех недель, проживал только в Казани. В остальных деревнях и городах я никогда не задерживался, боялся ареста. В деревнях, в которых попадались хорошие верующие, я останавливался на 2–3 дня. Названия этих деревень не знаю. В большинстве же случаев я проходил деревнями и ночевал в тех деревнях, в которых меня настигала ночь».*

На самом деле его паства была немалой! В некоторых деревнях он служил постоянно. Верующие тайно собирались в каком-то доме или сарае, где был приготовлен стол и все необходимое, и отец Гурий совершал Божественную литургию. Иногда ему удавалось устраивать тайные церкви под землей. Первая такая церковь была на пять-десять человек, а последняя — уже на пятьдесят-шестьдесят. Она была выкопана под домом одного из верующих в селе Хурамал (или Картлуево). Церковь была глубиной 30–35 ступеней вниз; у нее были настоящие своды²⁶, в церкви был устроен алтарь.

²⁶ Благодаря крепкому глиняному своду она была как бы под куполом.

Иеромонах Гурий несколько лет прослужил в этой церкви, но потом пришлось уйти, так как сын хозяев женился. Опять начались его скитания. Особенно трудное время настало во время войны. Дважды он чудом избежал ареста. В 1941 году Гурий скрывался в доме знакомого верующего Афанасия. В какой-то момент он вдруг решил уйти и, несмотря на уговоры хозяев, все же уехал в Казань. Вернувшись на другой день на пароходе, на пристани встретил сына Афанасия, который рассказал, что после ухода отца Гурия в дом пришли милиционеры, провели обыск, истыкали в сарае солому штыками, повторяя, что здесь *«должен быть поп»*. Хозяина Афанасия арестовали, присудив ему шесть лет лагерей.

После войны иеромонах Гурий попытался достать хоть какой-то документ, и за определенную плату ему удалось сделать в Казани подложную справку о том, что он пробыл в Севжелдорлаге с 1941 по 1945 год. С этой справкой летом 1946 года он приехал в свою родную деревню и прожил там около трех месяцев. Председатель сельсовета на основании справки выписал бумагу на получение паспорта, с ней отец Гурий обратился в Шихазанское отделение милиции. Здесь он, однако, был арестован и в ноябре 1946 года приговорен за побег к 3 годам лагерей, но по амнистии 1945 года освобожден из-под стражи в зале суда. Прокурор опротестовал приговор, но Гурий, не ожидая для себя ничего хорошего при выяснении подложности справки, сразу же скрылся.

* * *

В марте-апреле 1947 года в Чебоксарах было арестовано 8 верующих²⁷ как *«активные участники антисоветской церковно-монархической организации, именуемой “истинно-православные христиане единой святой соборной апостольской церкви”»*, среди них иерей Алексей Корнилов²⁸ и монахиня Анна Прокопьева. С 1941 года отец Алексей, проживавший после освобождения в деревне Сотниково, совершал в своем доме тайные богослужения, в которых принимали участие верующие из Чебоксар и Казани²⁹. В доме Порфирия Иванова в Чебоксарах была организована тайная церковь; с 1944 года службы стали проводиться и в доме Агапии Кузьми-

²⁷ П. И. Борзаев, А. И. Иванов, А. К. Корнилов, А. П. Кузьмина, А. М. Марков, А. П. Прокопьева, А. Р. Романов, И. Ф. Филиппова.

²⁸ Корнилов Алексей Корнилович, родился в 1881 в селе Сотниково Марпосадского уезда (Чувашия). Священник. 21 июня 1947 — арестован, 20 июля приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в лагерь.

²⁹ Еще с 1930-х годов о. Алексей был связан с Григорием Денисовым и Сергеем Степановым, а после их осуждения принимал в своем доме их духовных детей — А. В. Комарова, В. Ф. Торгашеву, И. Е. Яковлеву и др. — об этом см. также в главе I.

ной³⁰ с участием иерея Лукиана Васенева, приверженца епископа Нектария (Трезвинского), и его помощника Афанасия Касьянова, приезжавших из Казани. Один из арестованных, Авраам Марков, с 1931 года был связан с епископом Нектарием (Трезвинским), после осуждения архиерея переписывался с ним, распространяя письма владыки среди единоверцев. В 1940-х годах он же занимался распространением «Святого письма», призывавшего на борьбу с советской властью и к непризнанию Поместного собора Русской Православной Церкви.

Обвинение арестованным было предъявлено стандартное — *«активная идеологическая борьба против политики советской власти среди верующих»*. Она выражалась, по версии следствия, в непризнании советской власти и ее законов: отказе вступать в колхозы и клевете на колхозный строй и условия жизни колхозников, проведении нелегальных сборищ, антисоветской агитации с призывами к неучастию в выборах и подписках на заем, непризнании легально существующей церкви. С 28 по 30 августа 1947 года прошли судебные заседания, арестованные были приговорены к различным срокам заключения³¹.

* * *

Иеромонах Гурий по-прежнему продолжал странствовать под видом плотника или нищего, в зависимости от обстоятельств, и, чтобы менее походить на священника, ездил на велосипеде и носил трубку для курения. Однако органы госбезопасности в то время уже серьезно занимались его розыском. 30 сентября 1947 года в Канаше была арестована монахиня Евфросиния (Батеева)³² из паствы Гурия, работавшая в то время просвирней в Канашской церкви. На следствии она подтвердила, что после закрытия монастырей осталась верна «тихоновской» ориентации и никогда не скрывала своего враждебного отношения к советской власти, которую не признает как власть антихриста, и к «сергианской» Церкви, которую также не признает, а ее духовенство презирает, как ставшее на услужение антихристовой власти.

Монахиня Евфросиния знала многих истинно православных. В начале 1930-х годов она ездила в Казань к епископу Нектарии (Трезвинскому) и

---

³⁰ В 1945 году отказалась принять медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (за работу во время войны в городской больнице).

³¹ К 10 годам лагерей — 4 человека (А. И. Иванов, А. П. Кузьмина, А. М. Марков, А. Р. Романов), к 8 годам лагерей — 1 человек (П. И. Борзаев), к 5 годам лагерей — 3 человека (А. К. Корнилов, А. П. Прокопьева, И. Ф. Филиппова).

³² Батеева Евфросиния Кузьминична, родилась в 1882 в деревне Суринское Подберезинского уезда (Татария). В 1901 — вступила в Вурнарский, а потом в Мамадышский монастырь. В 1912 — пострижена в мантию с именем Евфросиния. В 1930-х — странствовала по деревням, не имея никаких документов.

поддерживала связь с его последователями. С иеромонахом Гурием она познакомилась через монахиню Нонну, которая приезжала в ее родную деревню, а та знала отца Гурия еще по Уфимской епархии. В 1940 году Нонна познакомилась с отцом Гурием монахиню Евфросинию и ее подругу Анну Смоллову, и они стали у него исповедоваться и причащаться. В последний раз за неделю до ареста монахини иеромонах Гурий заходил к ней в церковную сторожку. Но куда он ушел и где находится, что интересовало следствие, она не могла сказать³³. 23 декабря 1947 года Евфросиния (Батеева) была приговорена как «участница нелегальной контрреволюционно-монархической организации ИПЦ» к 7 годам ИТЛ и отправлена в лагерь. Позднее к следствию по этому же делу были привлечены и другие верующие из паствы иеромонаха, все они вскоре были осуждены и отправлены в лагерь.

* * *

В 1949 году иеромонах Гурий пришел в родное село и остановился в доме знакомых. Но хозяин дома сразу же пошел в сельсовет и донес на гостя. Дочь его успела предупредить батюшку, и тот сразу же ушел, но на выходе из села его перехватил сельсоветчик с ружьем и арестовал. Гурия посадили в телегу и отвезли в район. Там в милиции его так сильно избили, что он почти не мог дышать. Потом пришел начальник милиции, увидел Гурия и спросил: «Что с ним?» Тот, еле дыша, ответил: «Вот твои работники мне немного дали...» Начальник закричал, что арестованный умирает, и сразу же вызвал врача. Гурия тут же отправили в больницу, и в ту же ночь с помощью своей сестры он бежал. В Цивильске у него были верные прихожане, у них он и скрывался какое-то время, а затем опять пошел по деревням и селам.

Однако охота за иеромонахом Гурием продолжалась. Летом 1950 года был арестован иеромонах Митрофан (Васильев)³⁴, его духовный отец. В сентябре он был допрошен в Чебоксарах и прямо заявил, что не признает патриарха Алексия и его сторонников, «поскольку они изменили заветам патриарха Тихона», после выхода Декларации митрополита Сергия стал последователем Истинно-Православной Церкви, сохранившей верность патриарху Тихону, и в этом его укрепили архиепископ Андрей (Ухтомский), который его рукополагал во иеромонаха, и епископ Аввакум (Боровков). О своем от-

---

³³ Анна Смоллова и монахиня Нонна к тому времени уже умерли.

³⁴ Васильев Михаил Васильевич, родился в 1876 в деревне Типнеры Чебоксарского уезда. Окончил четыре класса сельской школы. В 1904 — поступил в Одигитриевский монастырь в Белебейском уезде. Принял монашеский постриг с именем Митрофан, в 1915 — посвящен в диаконы, в 1918 — в иеромонахи. С 1926 — служил в церквях Уфимской и Казанской епархий. В 1932 — арестован, приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Костромскую область. В 1935 — освобожден из ссылки, перешел на нелегальное положение.

ношении к советской власти иеромонах Митрофан также говорил откровенно: *«Я по убеждению монархист, признаю законной только власть царя как помазанника Божия, советскую власть я считаю незаконной, не признаю ее как безбожную власть»*³⁵.

На вопрос о своих единомышленниках иеромонах Митрофан ответил так: *«Своих единомышленников я вам не назову и их предавать антихристовой власти не буду»*³⁶. Хотя иеромонаха Гурия он назвал, возможно, это имя прозвучало от самого следователя, и Митрофан лишь подтвердил свое знакомство с ним. Ведь точного местонахождения отца Гурия он не знал и полагал, что не повредит ему этими показаниями. Позднее, несмотря на откровенные антисоветские заявления, иеромонах Митрофан был отпущен, очевидно, следя за ним, чекисты рассчитывали, что он выведет их на отца Гурия. Последнего тем не менее не могли поймать еще более года.

26 марта 1951 года в поселке Звенигово Марийской АССР иеромонах Митрофан выступил перед народом на центральной площади с речью против безбожной власти. Он был пламенным проповедником, так что его речь произвела огромное впечатление. При этом он сорвал советский лозунг с именем Сталина со стены магазина и переломил его пополам. После задержания он и в районном отделении МГБ попытался сбросить со стен портреты руководителей страны, продолжая проповедовать. 25 апреля 1951 года, после завершения следствия, отец Митрофан был приговорен к 10 годам лагерей.

* * *

В Цивильске у иеромонаха Гурия было немало последователей, которые поддерживали связь друг с другом через монахиню Анастасию Федотову, глубокую старицу³⁷, бывшую насельницу Тихвинского женского монастыря. После закрытия монастыря в основных зданиях был устроен детский дом, лишь в маленьком домике-келье монахине удалось остаться. В начале 1930-х годов монахиня Анастасия, вероятно, была осуждена «за антисоветскую деятельность» и после выхода на свободу вернулась в Цивильск. Так и проживала она тихонько на территории детдома, а в ее домике тайно собирались истинно-православные христиане. Духовником монахини был отец Алексей Корнилов, находившийся в то время в лагере, иеромонаха Гурия она принимала у себя, и в ее доме он встречался со своими прихожанами, работавшими в детдоме.

---

³⁵ ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3117. С. 31–32.

³⁶ ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3117. С. 34 об.

³⁷ На допросе обвиняемые показали, что ей к началу 1950-х было около 90 лет.

В 1947 году к ним присоединилась Матрена Рыбкина³⁸, фельдшер детдома, занимавшая отдельную комнату на втором этаже в бывшем игуменском корпусе. Именно здесь отец Гурий стал проводить богослужения по большим праздникам. Позднее сотрудники детдома обратили внимание на изменение поведения Матрены. Обыкновенная советская девушка вдруг перестала ходить на танцы, в клуб и кино, пестрым нарядам стала предпочитать темные, не голосовала на выборах. Матрена не скрывала, что стала верующей, и беседовала о Боге с воспитанниками детдома. Обеспокоенное руководство пригрозило увольнением с работы, однако Матрена осталась непреклонной, заявив: «Верю и буду верить!» Ее уволили.

В 1949 году в Цивильске поселились сестры Игнатьевы, Мария³⁹ и Татьяна⁴⁰, и их мать Анна Михайловна, духовные чада Гурия. Отец Гурий часто останавливался у них, совершая тайные богослужения. Вечером 22 декабря 1951 года он также пришел сюда, отслужил всенощную, исповедал и причастил верующих. Как выяснилось, один из собравшихся оказался предателем.

Утром в дом ворвались милиционеры, начался обыск, и под кроватью обнаружили Гурия. Он был арестован и отправлен в Чебоксарскую тюрьму. На следствии отец Гурий заявил: *«Я не признаю Советской власти и всех ее безбожных организаций, в том числе и колхозов, где заставляют крестьян работать в религиозные праздники и тем самым заставляют отказываться от Бога. Я не признаю легально действующие церкви, где славят безбожную власть. Но я не распространял этих своих убеждений среди других»*⁴¹. Следователи добивались от отца Гурия назвать имена всех последователей, но он никого не назвал, кроме уже известных следствию или умерших. За отказ подписать предъявленные обвинения отец Гурий был переведен в подвальную камеру и просидел там вместе с приговоренными к смерти полгода. О непризнании советской власти говорили и арестованные вслед за ним сестры Игнатьевы и Матрена Рыбкина. Они подтвердили свои враждебные настроения в отношении советской власти и слова иеромо-

---

³⁸ Рыбкина Матрена Федотовна, родилась в 1922 в деревне Вурман-Кассы Октябрьского района. В 1942 — окончила фельдшерскую школу. Работала фельдшером в Семеновском пункте под Порецком, с 1945 — в детдоме.

³⁹ Игнатьева Мария Игнатьевна, родилась в 1924 в деревне Ой-Кассы Чурачинского района. В 1947 — окончила Цивильскую фельдшерскую школу, работала медсестрой в городской больнице, с 1950 — в туберкулезной больнице.

⁴⁰ Игнатьева Татьяна Игнатьевна, родилась в 1911 в деревне Ой-Кассы Чурачинского района. Получила среднее образование. С 1949 по 1950 — работала техничкой в Цивильском детдоме.

⁴¹ ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3116. С. 62.

наха Гурия, что «*в ныне действующие церкви нельзя ходить, ибо они служат советской власти*»⁴².

27 марта 1952 года было утверждено «Обвинительное заключение», в котором отец Гурий как руководитель, а Татьяна и Мария Игнатьевы и Матрена Рыбкина как «*участники церковно-монархического подполья*» обвинялись в ведении антисоветской деятельности «*под прикрытием непризнания легально действующей церкви*». В Чебоксарах также были арестованы верующие из паствы Гурия — В. Г. Гурьев, М. Г. Гурьев, М. М. Маркова, М. А. Сапожников, А. Ф. Таймукова и еще около десяти человек. Но их дело было выделено в отдельное производство.

10–11 апреля 1952 года на закрытых судебных заседаниях в Чебоксарах иеромонах Гурий (Павлов) был приговорен к 25 годам лагерей, а М. И. Игнатьева, Т. И. Игнатьева и М. Ф. Рыбкина — к 10 годам лагерей. Через два месяца осужденные были отправлены в особые лагеря почти с курортными названиями — Озерный (иеромонах Гурий), Минеральный (Татьяна Игнатьева), Горный (Мария Игнатьева), Степной (Матрена Рыбкина).

* * *

11 августа 1958 года в деревне Кошмаш-Тойси был арестован монах Варсонофий (Яковлев)⁴³. В 1950-х годах он построил в своем доме келью специально для тайных молений и вместе с иконами повесил там портрет царя Николая II и членов царской семьи. С 1956 года стал активно налаживать связи с единомышленниками, проживавшими в разных областях и республиках, распространять переписанную им рукопись «Дивное видение Иоанна Кронштадтского» на чувашском языке, «Грозные слова Иоанна Кронштадтского», сборники стихов, письма и другую религиозную литературу, изъятые при обысках. С 1957 года стал выезжать и в Караганду, где встречался в доме Василия Муслова с верующими, не принимавшими официальную Церковь. В своих проповедях Варсонофий призывал их к отказу от работы в советских учреждениях, от призыва в армию, от участия в любых мероприятиях, проводимых властями. В результате некоторые из его прихожан уволились с работы, «*уничтожили советские документы путем сожжения*» и перед монахом Варсонофием принесли «покая-

---

⁴² ГИАЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 3116. С. 139.

⁴³ Монах Варсонофий, в миру Яковлев Василий Яковлевич, родился в 1922 в деревне Кошмаш-Тойси (Чувашия). В 1941 — окончил финансово-экономический техникум в Канаше. С 23 сентября — призван в армию, с января 1942 — на фронте, 22 декабря 1946 — демобилизован, работал инспектором в Ибресинском райфо. В 1947 — уволился, с тех пор нигде не работал. Пострижен в мантию.

ние» за свою прошлую работу на богоборческую власть как «покаяние за содеянные ранее грехи».

В сентябре-ноябре 1958 года в Караганде был арестован Василий Муслов, в доме которого проходили тайные встречи монаха Варсонофия с верующими, а в ноябре — его жена Василиса Вицукаева. Вместе с монахом Варсонофием они были привлечены к следствию по групповому делу как «активные участники антисоветской церковно-монархической группы, так называемые “истинно-православные христиане”». Согласно материалам «Обвинительного заключения» от 2 декабря 1958 года, они, «руководствуясь принципом религия без действий мертва», ставили своей главной целью «ведение борьбы с советской властью “до победного конца”». По окончании следствия обвиняемые официально отказались от советского гражданства. 22 января 1959 года арестованные были приговорены: к 10 годам лагерей — монах Варсонофий (Яковлев)⁴⁴, к 5 годам лагерей — супруги В. Т. Вицукаева и В. Я. Муслов.

* * *

Иеромонах Гурий был отправлен в Озерлаг, работал на лесоповале, но в церковные праздники и воскресные дни отказывался выходить на работу, за что не раз сидел в карцере. 9 сентября 1954 года приговор был снижен до 10 лет, 18 июня 1956 года отец Гурий был освобожден и вернулся в Чувашию. В 1960-е годы приобрел дом на станции Тюрлема, отремонтировал его и устроил в нем церковь — были сделаны алтарь, алтарная преграда, престол, жертвенник, аналои. Верующие из ближних деревень посещали тайные ночные богослужения, соблюдая все меры предосторожности. Продолжал отец Гурий посещать свою паству и в дальних деревнях, особенно — старых и немощных духовных детей. С 1980-х годов он уже не раз тяжело болел, но не прекращал своего служения. Служил в домовой церкви в Тюрлеме и в церковке⁴⁵, оборудованной своими руками в сарайчике у инокини Филонины, у которой жил в последние годы. При этом отец Гурий не прекращал поиски истинно-православных архиереев. С какого-то времени он стал возносить на богослужениях имя первоиерарха Русской Православной Церкви за рубежом (РПЦЗ) митрополита Филарета (Вознесенского). С 1988 года, узнав о его смерти, стал поминать нового первоиерарха РПЦЗ — митрополита Виталия (Устинова). 15/28 июля 1991 года, на праздник св. Владимира, в русском Свято-Воскресенском храме города Вустера отец Гурий был рукоположен в сан епископа. Хиротонию совер-

⁴⁴ 30 апреля 1959 — приговор был снижен до 7 лет.

⁴⁵ Церковка была крошечной, всего несколько квадратных метров, в ней был алтарь с алтарной преградой и даже царскими вратами, св. престол и жертвенник.

шили три архиерея РПЦЗ: Максим Кефалонийский, Ефрем Бостонский и Макарий Торонтский. Вернувшись в Чувашию, владыка Гурий продолжил свое тайное служение. В 1995 году в облачении и с панагией ездил в паломничество в Троице-Сергиеву лавру и в Оптину пустынь. 7 января 1997 года в 10 часов 15 минут вечера он скончался.

Матрена Рыбкина отбыла свой срок в Степлаге, в 1955 году была освобождена и сначала жила на Кавказе, а затем в Батайске. В 1962 году как тунеядка была отправлена в ссылку в поселок Ярцево Красноярского края. За отказ от работы в колхозе ее отправили на четыре месяца в Мариинский лагерь, затем — в Енисейский район. За отказы от работы еще дважды судили и отправляли в лагерь. В 1970 году Матрена Рыбкина была освобождена и поселилась в Тишанке (Воронежская обл., Таловский район), где была хорошо встречена «федоровцами». Воспоминания ее записаны и представлены в книге.

Из воспоминаний Матрены Рыбкиной

Я — Рыбкина Матрена Федотовна, меня чекисты Федоровной сделали, в паспорте так написали, но я Федотовна. Родилась 15 декабря двадцать второго года в деревне Стукаево¹ Октябрьского района (в Чувашии). Родители наши занимались земледелием, были небогатые, скотину держали, пока живы были. В двадцать восьмом году умерла мать, было ей тогда сорок семь лет. Десять месяцев прошло, и отец умер, ему было пятьдесят три года. Пока живы были, родители веровали, веры православной были. Но семья-то большая была, работы много, в церковь-то изредка ходили, но в праздники собирались.

После смерти родителей в семье осталось восемь детей, пять сыновей и три дочери; самому старшему в то время шел двадцать первый год, а младшему лишь третий годок. Родители еще живы были, когда старший брат уехал учиться в Москву на зоотехника. Сестру они сами замуж отдали, и она потом уехала учиться в сельскохозяйственный техникум, так что, когда умирали родители, ни брата старшего, ни сестры с нами не было. Следующий брат, Андрей, остался в хозяйстве с нами, пятью малышами. Огород обрабатывал, скотину держал, корову доил. Андрей и хлеб пек, и варил нам еду — вместо матери и отца был.

Время шло, и следующий брат, Алексей, тоже уехал в город на учебу в сельскохозяйственный техникум. Следующих братьев младше меня, Василия и Георгия, отдали в детский дом на воспитание, как сирот. Я отучилась в школе четыре года, потом брат Андрей не пустил меня дальше учиться, сказал, что помогать по хозяйству некому. Он научил меня хлеб печь, корову доить — так прожили мы года три. Андрей уже в колхозе работал, потом подошло ему время, в армию его забрали служить. А я пошла в школу, чтобы семилетку окончить, а замужняя сестра перешла временно к нам в дом, чтобы в хозяйстве помогать, пока брат в армии служил.

В сороковом году я семилетку окончила, брат к тому времени уже отслужил, вернулся и женился. А я уехала навсегда из родительского

---

¹ В анкете арестованного записано место рождения — деревня Вурман-Кассы Октябрьского района.

дома, в Чебоксарах поступила в медицинский техникум и отучилась там на первом курсе. В сорок первом брат мой Алексей приехал в Цивильск и стал работать зоотехником на конезаводе. Он уже женился и помог мне перевестись к себе поближе, так что на втором курсе я стала учиться в фельдшерской школе. Когда заканчивала я второй курс, в июне сорок первого вдруг такая суматоха началась, неожиданное нападение немцев — в общем, война. Все было неожиданно, в таком страхе все были... И третий курс в фельдшерской школе решили сократить на шесть месяцев, нам надо было до весны учиться, а нас к январю сорок второго года уже выпустили после экзаменов, диплом дали и распределили по районам на работу.

Я уехала в село Семеновка Полесского района, село большое было. Поставили меня заведующей фельдшерским пунктом, а прежнего фельдшера на фронт забрали. Зима, морозы страшные, до сорока градусов доходили. А там — степи, леса нет, топить совсем нечем, приходилось бурьяном да соломой топить. И есть нечего, ни обуться, ни одеться, ни продать, ни купить — холодно и голодно. Я считалась работающей, а в пайке давали лишь по двести грамм просяной муки. Народ весь на войне, в селе остались только старый да малый, скотины корма нет, она пухнет с голоду. И люди тоже умирают с голоду и холоду, перестали совсем мыться. Развелись вши, начался сыпной тиф, повальный просто тиф, весь народ болел. И я переболела тоже, еле жива осталась. А с войны вести страшные идут — столько-то убито, столько-то ранено, страшно слушать-то было.

До сорок пятого года как-то пережили и дождалась мая месяца, когда война закончилась. Как мы обрадовались — война кончилась, молодые ведь были. А в деревню так никто и не вернулся, всех на фронте побил, только калека какой — вот и все. В сорок шестом году решила я летом уехать оттуда, замену себе нашла, фельдшера на мое место, а то не отпускали. Решила уехать в Цивильск, к брату Василию поближе. Я уже знала, что два брата, Алексей и Андрей, на войне были убиты, Василия тоже брали на фронт, но вскоре он вернулся, не его время было. Приехала я в Цивильск и обратилась в райздравотдел, чтобы на работу поступить, и они меня сразу же направили работать медсестрой в детский дом. Там около трехсот сирот было, в возрасте от трех до восемнадцати лет, — их там кормили, поили и воспитывали.

А детский дом располагался в святом месте, в бывшем женском монастыре. Когда-то монастырь разорили, а двухэтажные корпуса

монашеских келий остались целыми, там и поселили детей. Сохранились и две церкви, в одной клуб сделали, а в другой — педучилище. Внизу речка была, место красивое. Мне квартиру в доме дали наверху, в келье, где раньше монашки жили. Кельи у них такие красивые и аккуратные были, в комнате поменьше я сама жила, а в другой сделали амбулаторию для больных детей. Там я их принимала, а внизу были четыре палаты для лежачих больных. За больными детьми ухаживали две пожилые женщины, они христианками были и верили в Бога.

Позднее я заметила, что у них собирались верующие, пели псалмы божественные, Евангелие читали, но приходили они тайком. Потом они и меня стали приглашать, я заинтересовалась, стала ходить к ним, молиться. И жизнь моя духовной стала. Дома-то я воспитание христианское не получила, не знала, есть Бог или нет, не знала, что грех. А в школе учили нас, что Бога нет, а здесь до меня дошло, что место это святое находилось под покровом Царицы Небесной, что она обо мне беспокоилась и меня не оставила. Христианки стали учить меня молиться, акафисты читать, посты соблюдать — я-то ведь ничего не знала.

Они часто говорили, что сейчас страшное время, на престоле сидит антихрист, сам сатана, Сталин, значит. И в церковь ходить тоже нельзя, и замуж выходить нельзя, так как идет время последнее, скоро Страшный суд будет, и судить будут живых и мертвых. И мне осталось только Богу молиться, иначе пойду я на вечные муки в ад, если не уверую в Бога. Стала я больше молиться, акафисты читала, поклоны била, посты соблюдала. И все это тайно, никому не говорила ничего. Молитвы переписала все, потом выучила наизусть акафисты «Спаситель», «Царица Небесная». Бывало, иду куда-то и читаю их, всегда со мной молитва. И сердце мое возрадовалось!

Икона у меня своя была, Тихвинской Божьей Матери. И однажды утром в воскресенье встала я на заре, молиться стала — и мне видение было. Сон, конечно, но как бы наяву, что проснулась я вся в трепете и слезах, что вроде на коленях стою и молюсь на икону Царицы Небесной. А Богоматерь как будто зашевелилась, улыбнулась мне и сказать что-то хочет. Я затрепетала вся, заплакала в ожидании, что она мне скажет, и слышу: «Надежды не теряй, не оставлю тебя!» И я проснулась. Я с сестрами-санитарками поделилась этим, а они мне стали рассказывать: «Мы это знаем, тут место святое». Одна сказала: «Я ночью вышла на двор, а небо чистое было и вдруг открылось. И ангелов тьма-тьмущая, святых ангелов, и поют все “Святой Боже, Святой

крепкий, Святой бессмертный”. А мы поем “Помилуй нас”, а они не добавляют “помилуй”. Я проснулась и не знала, что делать, с места долго не трогалась». А другая сказала, что слышала на заре, как на все голоса пел ангельский хор «Верую во единого Бога отца Вседержителя». Каждая что-то рассказала, и мне подкрепление дала.

Потом в моей комнате отец Гурий стал проводить по большим праздникам богослужения. Служил ночью, при свечах, почти всю службу отец Гурий сам читал и пел, всегда на чувашском языке, а мы только подпевали, поскольку мало что знали. В комнате у меня была печь большая, отапливала мою комнату и соседнюю, где амбулатория была. За этой печкой отец Гурий сделал тайничок для себя; у стены, где было небольшое пространство, он выпилил в полу доски в рост человека и как-то устроил так, что в случае необходимости он мог туда влезать и прятаться.

Сама я стала меняться, старалась в христианстве себя держать, в кино, в клуб на танцы перестала ходить, пестрым нарядам предпочитала темные. Душа моя все время пела «Царица Небесная, радуйся, Благодатная». На выборах однажды в бюллетене так зачеркнула фамилию кандидата, что не видно было букв. В другой раз, когда было два бюллетеня, синий и красный, взяла с собой красную промокательную бумагу из ученической тетрадки и опустила ее вместо бюллетеня, а бюллетень принесла в детдом и сожгла в печи у себя. Потом вообще перестала на выборы ходить.

Когда же с воспитанниками детского дома стала беседовать о Боге, кто-то донес. А там уже заметили, да я и не скрывала, что в Бога стала верить, не скроешь все равно. Решили вызвать меня на собрание; были председатель райисполкома, директор детдома и завуч, учителя и воспитатели — народу много было. Позвали меня, поставили впереди всех и спросили: «Скажите, вы правда в Бога верите? Говорят, что вы молитесь». Я ответила: «Да, я в Бога верую и буду верить. Бог есть». Они не стали долго разговаривать: «Ты будешь нам детей портить. Будешь мешать нам по-коммунистически воспитывать их. Мы тебя с работы уволим»².

---

² Выдержка из характеристики на «бывшую медицинскую сестру Цивильского детского дома» от 25 декабря 1951 года: «За время работы в детдоме Рыбкина М. Ф. показала себя замкнутой, религиозно убежденной и политически отсталой работницей. Она совершенно не занималась повышением своей деловой квалификации и идейно-политического уровня. По отношению к работникам детского дома была всегда недоверчива, не общительна с коллективом. Будучи религиозно убежденной и настроенной, она несла это настроение в среду некоторой части воспитанниц, вследствие чего воспитанницы Нюра Майорова, Сима Бородкина, Соня Ива-

Ничего я не сказала больше, на том и разошлись. И завуч молодой с женой и дитем сразу же и с такой радостью меня с квартиры погнал и поселился наверху сам. А я, пока с работы еще меня не уволили, с санитарками внизу жила. И тут этого здорового молодого человека прихватило, стал он криком кричать: «Ой, умираю! Помогите, умираю!» Пошла я уколы ему делать, думала, что с сердцем у него неладно, а врачи осмотрели его и никакой болезни у него не нашли, совсем здоров он. В марте пятьдесят первого меня с работы сняли, пришлось мне уходить отсюда.

А жить-то мне негде было, да и перед братом тоже стыдно, он говорил мне: «Тебя ведь учили, а теперь будешь скитаться. Нам стыдно за тебя». Все лето и осень я по верующим пешком ходила, то за пятнадцать километров, то за двадцать, тогда автобусов не было. В конце декабря пришла в Цивильск, там в своей избушке жили две сестры с матерью, подруги мои, они тоже веровали. Они пригласили меня, предупредив: «У нас сегодня служба будет. Приехал иеромонах Гурий, он будет службу вести». А я и раньше присутствовала на его службах, он причащал наших христианок.

Отец Гурий скрывался, за ним все время следили, открыто ведь нельзя было молиться, и он только по ночам молился и службы проводил. В ту ночь на службе нас было шесть человек, две сестры эти, мать их, я и еще один верующий, Иваном его звали, он тоже скрывался, и иеромонах Гурий. Потом мы узнали, что Иван раньше попался чекистам и они дали ему задание — найти и предать Гурия, — тогда его не будут преследовать. Так этот Иван и расписался в этом, Иудой сделался, а мы не знали этого. И он специально пришел на службу, старался, молился всю ночь, а утром встали мы, и он предложил: «Давайте я за хлебом схожу».

Пошел он, тогда с хлебом трудновато было, очереди большие были, а мы остались, только-только рассветать начало. Полчаса не прошло, как окружила избушку эту милиция. Много их было, и сам начальник был, да с такой радостью, прямо с трепетом и алчностью, что поймал наконец Гурия. Зашел он смело, как лев на голубчиков, и сразу под койку залез да отца Гурия оттуда и вытащил. Нашли при обыске у него книжки и все служебное и все забрали. Потом увели

нова попали под ее влияние и находились с ней в близких и дружественных отношениях. Рыбкина в политической и общественной жизни детского дома не участвовала, в массово-политических кампаниях сознательно не принимала участия и выступала в скрытой форме против них. Личные интересы она ставила выше общественных».

всех нас³ в КПЗ, лишь мать-старушка осталась в доме. А Иван так и не появился.

Меня и двух девушек по разным камерам развели, на другой день пришел следователь Кирпичев, молодой такой, стал уговаривать меня, чтобы я отказалась от Бога, тогда, дескать, простят меня и работать позволят. Потом вопрос задал: «Ты хоть признаешь Сталина или нет?» А я у него спросила: «А он верует в Бога?» — «Нет, он не верит». Тогда я ему: «Ну, тогда и я его не признаю. У Христа ничего общего с этой сатаной нет». Он за волосы себя взял, ужаснулся просто, потом махнул рукой и ушел. В час ночи приехало начальство, опять испытывали, стращали, уговаривали, потом увезли меня в Чебоксары и поместили в одиночную камеру в старорежимной тюрьме.

Следствие наше тянулось почти шесть месяцев, по групповому делу проходило четыре человека: я, сестры Мария и Татьяна, отец Гурий. Частенько мы на пути испытаний мучаемся, мытарства испытываем, а потом, может, за то, что я маловерна была, Господь чудеса показывает. Вот однажды вывели меня в туалет ночью и со мной еще двух девушек. Это в январе месяце было. Ночь ясная была, луна полная светила. Мы глянули — а на луне полной и светлой поперек крест большущий еще светлее горит. Это же чудо было от Господа!.. Потом весна настала, в камеру ко мне двух девушек привели с нашей местности, у них тоже следствие шло. Они меня знали, все новости мне рассказали.

Завуч этот молодой совсем с ума сошел: ученый и почетный человек пошел по улице, одна нога голая была, а другая обутая; говорил что-то, и никто понять не мог. Совсем ума лишился... А сын его, когда подрос, на мотоцикле разбился насмерть, а жена его потом квартиру мою оставила и ушла в другое место. А начальник милиции, что забирал нас, здоровенный, совсем не старый был. Пошел он в ресторан обедать, сел за стол и вдруг упал, и у стола сразу дух испустил. А Иван тот, что предал нас, как-то пьяный с женой разругался, подрался с ней, а жена бутылкой его по голове; он упал и умер. Вот такие новости мне рассказали.

А в июне пятьдесят второго года нас осудили на десять лет лишения свободы, а иеромонаху Гурию дали двадцать пять лет. Отправили меня по этапу в поселок Кенгир в Казахстане⁴.

---

³ М. И. Игнатьева, Т. И. Игнатьева, М. Ф. Рыбкина, С. П. Павлов.

⁴ Продолжение рассказа о жизни в лагере — в главе VI.

* * *

Наконец, в сентябре пятьдесят пятого года пришли мои бумаги, сказали мне, что меня освободили и реабилитировали. Я написала письмо Арсению Емельяновичу Иващенко, он ответил мне. Я написала потом, что жить мне негде, работать я не могу, больная и измученная, не знаю теперь, где и как жить дальше. Он прислал мне письмо, объяснил, что можно в трех местах жить: на Кавказе, в Батайске и в Козловке. И мне можно любое место выбрать, где захочу жить. Я нигде сроду не была, выбрала Кавказ. Там мать с дочерью жили, тоже верующие, они готовы были принять меня как свою. Поехала к ним. Обрадовались они, приняли, стала я с ними жить. Год прожила, летом в сад ходила, а там виноград, яблоки, много всяких фруктов. В декабре меня вызвали в Батайск к Вере Артемовой⁵. Я выехала туда и до шестидесяти первого года жила у Веры.

А тут стали отправлять в ссылку «тунеядцев». Вызвали меня к Арсению Иващенко, там еще две сестры Орловых были, их тоже должны были отправить в ссылку. Захватили меня вместе с ними, осудили на пять лет ссылки и отправили всех в Сибирь. Везли нас через Мордовию. В Рузаевской тюрьме завели в камеру, а там лишь четверо верующих было, остальные из мордвы, такие грубые. Стали они повсякому обзывать нас, а я сказала: «Мы не преступники, мы за Христа». Они схватили меня, за руки вывели в коридор и повели. Шли долго, в конце коридора подвал был, спустили меня туда и закрыли в маленьком карцере. Что делать? Стала я петь псалмы, какие наизусть знала. Они в волчок посмотрели, понаблюдали и ушли.

Немного времени прошло, слышу, затопали по коридору, закричали. Шум, гам, в чем дело — не знаю. Пришел кто-то, в волчок на меня смотрел, видел, что я одна сижу и пою псалмы. Потом уж оказалось, что по всей тюрьме вдруг ангельский хор запел, и никто понять не мог, где это, откуда взялся этот хор и что делать. В камеру, откуда меня увели, охрана стала кулаками барабанить, кричать: «Перестанете петь?» А те им: «Да мы сидим и молчим. Мы давно уже затихли и молчим». Действительно, никто там не пел, охрана не знала, где же тогда поет этот небесный хор. А я в подвале продолжала петь псалмы. Они бегали-бегали. Потом меня оттуда выпустили и в камеру вернули. И сразу пение прекратилось... Верующие

---

⁵ Ее предупредил Арсений Емельянович Иващенко, чтобы она приняла единовверку.

рассказали мне о панике в тюрьме, как барабанили к ним, кричали, чтобы перестали петь.

Медленно везли нас по этапу, народу-то много везут. В пересыльную тюрьму привезут, и лежим мы там, лежим, пока весь этап не разгрузят. В начале июля отправили нас в Ярцево, туда только летом ходили пароходы по Енисею. А привезли нас только в начале сентября, там уже двадцать пять градусов мороза было. Нас, человек пятнадцать, поместили в пустой дом без печки, раньше там прачечная была, — как хочешь, так и выживай. На нас одежда плохонькая, обувь тоже, у меня лишь пиджачок и кирзовые сапоги — холодно было. Постели не было, нечего было ни есть, ни пить. Мы с Шурой Петиной решили найти квартиру, может, примет кто-нибудь. Но нас боялись...

Потом одна женщина нашлась и приняла нас к себе. Сама она с утра на работу уходила, а дома оставались двое ребятишек, и она просила нас: «Вы печку затопите, картошку отварите и ешьте. Будьте хозяевами сами». Она нам доверяла, мы у нее какое-то время пожили. А потом нас осудили на четыре месяца за отказ от работы в колхозе и отправили в Мариинский лагерь. Привезли туда, поместили в камеру, где сидели и верующие, и неверующие, человек тридцать. Пришло начальство, сразу же схватили нас двоих, меня и Надю Клименко, отвели в карцер, закрыли там и оформили на пять суток. В карцере все сняли с нас, рубашку и обувь. А там холодно было. Что делать?

Стали мы с Надей петь псалом «Прощай, наша обитель святая». А над нами над головой вдруг запели, мы кончили куплет, а там продолжают пение. У нас мороз по коже, друг на дружку глядим. Что делается? Ангельский хор над головой поет! И мы прекратили петь. Отсидели там пять суток, выпустили нас из карцера в камеру. А через четыре месяца вернули нас в Енисейск, а летом закинули в тайгу. Там на железной горе стояли отражатели для атомных ракет, их передали войсковой части, солдат привезли. А рядом дом, хозяйство, кони, и в доме хозяин жил один.

Нам надо было заработать хоть на кусок хлеба, пошли в деревню Жарково, нанимались там картошку окучивать или полоть огород. И рады были, если кто молочка даст или еще что за эту работу. А потом ягоды поспели, ходили мы в тайгу и собирали их. Два ведра наберем и пешком за двадцать километров на рынок в Енисейск, чтобы на базаре продать. И так несколько раз ходили. Зимой шерсть пряли и вязали то варежки, то носки, так вот и зарабатывали на кусок хлеба. В леспромхозе не работали, и здоровья не было, да и грех в праздни-

ки работать. Раз за Христа смерть, так смерть, что Бог даст, на все воля Божья...

Судили нас там еще два раза, потом в покое оставили, перестали судить. До семидесятого года жили там, потом освободили нас, и вернулись мы домой. Позднее познакомилась я с другими «федоровцами» и приехала жить в Тишанку, где меня хорошо приняли. И «брат» Арсений благословил, чтобы приезжали сюда из разных мест единоверцы, жили по-христиански и друг друга хоронили.

Глава V

Истинно-православные христиане в Воронежской области

ЧАСТЬ 1

Обзор следственных дел

В Воронежской области начало активного противостояния между большевистской властью, с одной стороны, и клиром с прихожанами, с другой, связано было с именем архиепископа Петра (Зверева)¹, возглавившего Воронежскую епархию в декабре 1925 года. Ораторский дар владыки Петра, привлекавший на его проповеди массы верующих, его большой авторитет, приобретенный благодаря твердым религиозным убеждениям, — все это немало тревожило местные власти. Архиепископа не раз вызывали в ГПУ. Для защиты владыки Петра была организована группа из трехсот прихожан, охранявшая пастыря днем и ночью². В течение почти всего 1926 года продолжалось сопротивление верующих властям. Наконец, 28 ноября владыка Петр вместе с группой клириков и мирян был арестован. В марте 1927 года следствие по групповому делу было завершено, архиепископ Петр своей вины не признал и обвинение не подписал. 26 марта 1927 года

---

¹ Зверев Василий Константинович, родился в 1878 в Москве. В 1900 — пострижен в мантию с именем Петр, в 1902 — окончил Казанскую духовную академию, служил инспектором семинарии, с 1910 — настоятель Спасо-Преображенского монастыря в Белеве. Архимандрит, с 1918 — настоятель Тверского Желтикова монастыря. 15 февраля 1919 — хиротонисан во епископа Балахнинского, с 1920 — епископ Старицкий. В 1922–1924 — в ссылке. В декабре 1924 — архиепископ Воронежский, с февраля 1926 — в оппозиции митрополиту Сергию.

² Верующие неоднократно обращались за помощью в партийные органы, проводили массовые акции протеста, а когда владыка отправлялся по очередному вызову в милицию или ГПУ, по триста верующих сопровождали его, угрожая властям в случае его ареста; в защиту пастыря была даже послана телеграмма от имени рабочих в адрес XV партконференции.

1927 года он был приговорен к 10 годам концлагеря и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения³. Остальные обвиняемые получили от 3 до 5 лет лагерей или ссылок.

Сменивший владыку Петра епископ Алексей (Буй) принял в духовное руководство достаточно сплоченную и крайне раздраженную несправедливостью властей паству. 10 октября 1927 года на собрании духовенства Воронежской епархии, где зачитывалась Декларация митрополита Сергия, группа клириков⁴ выступила с особой резолюцией, выражавшей недоверие митрополиту и его Синоду. С ноября епископ Алексей благословил клириков⁵ на *«поминовение за богослужением архиепископа Петра Зверева, вопреки существующему распоряжению властей о поминовении, как осужденного за политические деяния»*. 7 января 1928 года владыка Алексей вместе с частью духовенства епархии официально прервал духовное общение с митрополитом Сергием, об этом говорилось в специальном послании, распространявшемся по приходам.

Ответные меры не заставили себя ждать: 27 января епископ Алексей был запрещен в священнослужении и освобожден от управления епархией. А 28 января в церкви Девичьего монастыря владыка подтвердил свой уход от общения с митрополитом Сергием и объявил о переходе в общение с митрополитом Иосифом (Петровых). В мае епископ Алексей встретился в Ленинграде с архиепископом Димитрием (Любимовым), и тот передал Алексею, что *«с этого дня он будет управлять всем Югом России»*. С тех пор владыка принимал в духовное общение клириков с Дона, Кубани, из Харьковской области и с Северного Кавказа, проводя пострижения и посвящения⁶.

Вот что докладывал об обстановке в епархии один из агентов ГПУ: после возвращения из Москвы епископ Алексей повел агитацию еще шире, являясь в ореоле *«столпа веры»*, вызвав *«полную растерянность среди духовенства»*. Реакция на эти сообщения была прогнозируема: *«Желательно и настоятельно необходимо епископа Алексея отозвать из епархии... И также поступить с его единомышленниками, ссыльными священниками»*.

С весны 1928-го по осень 1929 года прошел первый этап операции по ликвидации Воронежского «филиала» Всесоюзного Центра ИПЦ, в результате было арестовано около 500 человек, среди них — 66 священников и 74 монашествующих. В «организацию», по версии следствия, входили периферий-

³ В январе 1928 — в лагере мученически скончался (был заморожен). 26 января 1928 — отпет духовенством лагеря.

⁴ Среди них ссыльные протоиереи Николай Пискановский и Владимир Чиликин, иереи Сергей Гортинский, Иоанн Каменский, Александр Филиппенко и другие.

⁵ Иоанн Каменский, Петр Новосельский, Илья Пироженко, Владимир Чиликин.

⁶ Квартира его помощника, священника Сергия Бутузова, в Ельце стала вроде *«странноприимного дома»*, каждый день там ночевали два-три священника, приезжавшие на встречу с епископом Алексием.

ные группы в семи округах, в каждом округе эти группы объединяли городские и сельские приходы во главе с клириками⁷. Политической платформой организации являлась широко распространяемая по церквям брошюра «Что должен знать православный христианин», привезенная владыкой из Москвы. Под руководством епископа Алексия ядром «организации» стал Алексеевский Акатов монастырь в Воронеже, где и проходили «конспиративные собрания»⁸. Сам владыка Алексей был арестован в Ельце 6 марта 1929 года⁹. 17 мая он был приговорен к 3 годам концлагеря и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения.

* * *

После этого «организацию», по версии следствия, возглавила Коллегия¹⁰ под председательством священника Иоанна Стеблина-Каменского, прибывшего в Воронеж в ссылку после отбытия срока в Соловецком лагере и назначенного владыкой Алексием настоятелем церкви и духовником общины в Девичьем монастыре¹¹, а после высылки владыки ставшего благочинным епархии. Отец Иоанн стал пастырем не только для монашества, но и для крестьян из ближних и дальних сел — его авторитет был непререкаем¹². 16 февраля 1929 года в своей проповеди он предупредил верующих о грядущем голоде¹³, после чего в городе и рабочих поселках началась паника и беспорядки¹⁴. А с 21 января по 5 февраля 1930 года в четырнадцати селах про-

---

⁷ Периферийные группы были созданы в следующих округах: Острогжском с городами Буденный и Бобров и шестнадцатью селами; Уманском с четырнадцатью селами; Елецком с пятью городами; Борисоглебском с двумя селами; Белгородском с двумя селами; Козловском с двумя городами. Один из «свидетелей» заявил, и эти «ценные» показания были подчеркнуты: *«Главную роль эти группы могут сыграть при внешних и внутренних осложнениях, в чем Алексей Воронежский уверен и надеется, что все это произойдет в самые ближайшие дни»*.

⁸ Особенно много присоединилось к Алексею клириков Сумского округа, туда он направил не один десяток священнослужителей, рукоположенных им.

⁹ Оперуполномоченный, проводивший его арест, в рапорте отметил, что «гр. БУЙ А. В. держал себя дерзко и вызывающе, всячески иронизировал над сотрудниками».

¹⁰ Священники Иоанн Стеблин-Каменский, Сергей Гортинский, Евгений Марчевский и архимандрит Игнатий (Бирюков). После ареста Иоанна Стеблина-Каменского в Коллегию ввели священника Феодора Яковлева, а ее председателем стал священник Сергей Гортинский.

¹¹ На допросах «свидетели» дали показания о неоднократных тайных собраниях в кельях монастыря, отметив, что попасть на них постороннему было невозможно, поскольку *«надо было знать пароль»*.

¹² На похоронах игуменьи Девичьего монастыря он заявил верующим, что скончавшаяся стала жертвой гонений на Церковь, и обратился к ним с призывом к единению: *«Вот мы снова вместе, единое стадо, скоро наступят лучшие времена, и мы опять восторжествуем»*.

¹³ В проповеди он сказал: *«Граждане, хлебных запасов нет, грозит голод, запасайтесь кто как может, все это является предвестником грядущих войн»*.

¹⁴ Позднее это станет серьезным обвинением для отца Иоанна. При этом «признания» крестьян будут написаны под диктовку следствия, например об «установках иерея Иоанна» во время про-

шли выступления верующих¹⁵, подготовленные и проведенные, по версии чекистов, именно «буевцами»¹⁶. Тогда были разгромлены здания сельсоветов, разграблены семенные фонды и колхозный инвентарь и уничтожены постройки, избиты советские и партийные работники¹⁷.

Ответом властей явились массовые аресты клириков и мирян в февралемарте 1930 года. Методы следствия в получении «признаний» теперь известны, так что многие обвиняемые дали показания о существовании двух центров «организации», полулегального и конспиративного, и о том, что главной целью их работы была «активная борьба за сохранение старой веры и восстановление старых порядков». Сначала чекисты расправились с верующими — участниками событий, многие из которых были расстреляны. Затем, получив от осужденных мирян нужные показания, чекисты взялись за клириков-«буевцев»¹⁸. В феврале 1930 года епископ Алексей был привлечен к следствию по новому делу¹⁹, по которому проходили его активные сторонники²⁰. На протоколе об окончании следствия рукой владыки написано: «*Виновным себя ни в чем не признаю*». 28 июля 1930 года епископ Алексей и еще 12 священнослужителей были приговорены к расстрелу, 14 человек — к 10 годам и 10 человек — к 5 годам лагерей. 2 августа приговоренные к высшей мере наказания были расстреляны, за исключением владыки Алексея. Осенью он был вывезен в Москву и привлечен к следствию по делу «Всесоюзного Центра ИПЦ» как руководитель Воронежского «филиала». 3 сентября 1931 года епископ Алексей (Буй) снова был приговорен к расстрелу с заменой на 10 лет концлагеря. Владыка был возвращен в Соловецкий

поведей: «*Колхозное строительство и отбирание имущества у кулаков поведут к полному разорению крестьян, разрушению религии, против таких мероприятий коммунистов нужно восставать*».

¹⁵ В связи с этими выступлениями в Политический Красный Крест хлынул поток отчаянных писем жен и матерей крестьян региона, расстрелянных или осужденных на десятилетние сроки в лагерь, чьи родные умоляли о помощи.

¹⁶ Как показали впоследствии свидетели, главным методом работы священников-«буевцев», была исповедь, особенно женщин, а результатом — волнения верующих.

¹⁷ Например, 21–22 января в селе Нижний Икорец состоялось массовое выступление верующих, преимущественно женщин, которые, разгромив сельсовет, сорвав красный флаг и разорвав портреты вождей, ходили по улицам с черным флагом и кричали: «*Долой колхозы!*»; «*Долой антихристов-коммунистов!*»

¹⁸ Для следствия главным обвинением в контрреволюционной деятельности «буевцев» была их активная агитация против коллективизации, что было понятно, так как ее успех или неуспех определялся ситуацией в богатых сельскохозяйственных районах юга страны. По версии чекистов, эта работа «буевцев» велась в трех направлениях: «*распространение антисоветских воззваний и листовок; посылка пропагандистов-связистов из духовенства и монашества; составление директив руководителям опорных пунктов*».

¹⁹ По этому делу было арестовано 38 человек.

²⁰ Священники Иоанн Стеблин-Каменский, Сергей Гортинский, Феодор Яковлев, Георгий Никитин, архимандрит Тихон (Кречков), игумен Иосиф (Яцук), иеромонах Мелхиседек (Хухрянский) и другие.

лагерь особого назначения и там окружен сексотами²¹. По их агентурным доносениям на епископа Алексия был собран солидный компромат, причем особое внимание обращалось на его попытки связаться с волей. В 1937 году он был арестован в лагере, 9 октября приговорен к ВМН и 3 ноября расстрелян.

* * *

В октябре-ноябре 1932 года в Воронежской епархии и на юге России прокатилась вторая волна массовых арестов духовенства и верующих, участников «буевской» группы, в том числе епископа Модеста (Василькова)²², 13 клириков и 44 монашествующих. Эта группа, по версии следствия, входившая во «*Всесоюзную церковно-монархическую организацию ИПЦ*», включала в себя 9 опорных пунктов с 40 ячейками. Участниками ее являлись якобы «скрывшиеся от репрессий» и находящиеся в глубоком подполье последователи владыки Алексия, их было свыше тысячи человек. Участникам «буевской» группы было предъявлено главное обвинение — «*активная подготовка вооруженного восстания для свержения соввласти*». В материалах дела фигурировала «Схема построения и связи» организации «буевцев» с Москвой, Ленинградом и Соловками, где находился владыка Алексей.

Алексеевский монастырь был к тому времени закрыт, поэтому центром «организации» следствием был назван храм в Угланце, где служил иеромонах Вассиан (Молодцкой). Логика чекистов в выборе этого центра и руководителя «организации» была простой: если иеромонах Вассиан ездил на свидания с епископом Алексием, значит, получал «*определенные инструкции*». На допросах отец Вассиан «признался», что в августе 1932 года епископ Алексей на свидании «доверился» ему, заявив о своем скором освобождении, так как «*в недалеком времени должен быть убит СТАЛИН*». Более пагубные показания для владыки трудно было представить²³. 28 марта 1933 года были приговорены: 5 человек — к высшей мере наказания, 22 человека — к 10 годам, 46 человек — к 5 годам лагерей. Приговоренные к расстрелу позднее были помилованы и отправлены на 10 лет в лагерь²⁴.

* * *

---

²¹ Под кличками: Пила, Незабудка, Георгий, Хромой, Современный, Штиль, Разумов.

²² Епископ Маловишерский Модест (Васильков) после ареста епископа Алексия окормлял и «буевцев».

²³ 21 декабря 1932 года епископ Алексей был арестован на Соловках, в тот же день допрошен. Измученный многолетним пребыванием в лагере и шантажируемый угрозой расстрела, если он не подпишет признание вины, епископ Алексей написал «покаянные» показания, и дело его временно было прекращено.

²⁴ В 1937–1938 годах они там будут расстреляны.

Аресты оставшихся на свободе оппозиционных митрополиту Сергию клириков и мирян продолжались. 13 октября 1933 года в селе Поляны Верхне-Карачанского района были арестованы еще 22 человека²⁵, из которых привлечены к следствию — 15 человек, среди них священник Алексей Саввин²⁶.

Еще в октябре 1929 года иерей Алексей, несогласный с политикой митрополита Сергия, ушел за штат и выехал к епископу Иоасафу (Попову)²⁷ в Новомосковск. Получив наставления владыки²⁸, отец Алексей начал служить в селах Карачан и Троицкое и вскоре стал известен верующим как священник «тихоновской» ориентации. Позднее, по приглашению церковного совета, служил в церкви Покрова Божией Матери в селе Поляны, куда на службы стекались богомольцы из ближних и дальних сел, в том числе и из Донской области, и в большие праздники собиралось до ста человек²⁹. На следствии Алексей Саввин не отрицал: *«С момента существования советской власти и до сего времени я на страже борьбы с нею, как человек глубоко верующий и видящий в советской власти врага, который уничтожает православную религию»*³⁰.

21 февраля 1934 года священник Алексей Саввин, как *«организатор контрреволюционной церковно-монархической группы»*³¹, был приговорен к 10 годам лагерей, 5 членов приходского совета³², как *«активные помощники*

²⁵ Н. И. Бочков, А. И. Гордеева, С. С. Ельчанинов, М. И. Жеребцов, А. С. Киселева, И. А. Кожевников, Е. С. Коробова, П. П. Кравцов, Д. Ф. Ламзин, В. И. Леньшин, Г. М. Лоскутов, М. И. Румянцева, А. А. Саввин, П. Н. Саввин, Е. И. Серков, Ф. М. Синельников, С. М. Скобелин, О. Т. Смольякова, И. С. Чабыкин, Я. Б. Чекмасов, П. Т. Шахов, У. К. Щербакова.

²⁶ Саввин Алексей Алексеевич, родился в 1855 в селе Татарино Буденновского уезда. В 1875 — окончил духовную семинарию в Воронеже и посвящен во иерея. Служил в селах Пыховка, Карачан, Троицкое, с 1931 — в селе Поляны Верхне-Карачанского района.

²⁷ Владыка Иоасаф сказал ему: *«Мы, православные, не должны разделять радости и принимать горе, как свое горе, той власти, которая уничтожает православную веру»*.

²⁸ От владыки Иоасафа он получил совет не иметь общения с митрополитом Сергием, как официально признавшим советскую власть, а поминать митрополита Петра Крутицкого и епископа Алексия (Буя) или же его, Иоасафа, как правящего епископа.

²⁹ Каждое воскресенье в доме своего сына Петра иерей Алексей собирал верующих: читали Евангелие, «Откровение от Иоанна», «Сон Иоанна Кронштадтского». Он разъяснял, что в колхозы не надо записываться, что все колхозники должны погибнуть от голода, что пока надо терпеть.

³⁰ Он добавил, что еще более стал к ней враждебен, когда был расстрелян в 1930 году его сын, священник Николай Саввин.

³¹ 13 апреля 1934 — Алексей Саввин обратился к Калинин с просьбой *«дозволить жить на воле»*, так как ему уже 78 с половиной лет, он тяжело болен и лежит в больнице при Козловском доме заключения. 23 мая 1934 — приговор был снижен до 5 лет лагерей условно, и он был освобожден.

³² А. И. Гордеева, С. С. Ельчанинов, Д. Ф. Ламзин, О. Т. Смольякова, У. К. Щербакова.

Саввину в борьбе с советской властью», — к 5 годам, остальные 9 человек — к 3 годам лагерей.

В последующие годы преследования «буевцев» не прекращались, многие из них подвергались аресту и заключению в лагеря, где в 1937—1938 годах все они были расстреляны. Лишь малая часть «буевцев» успела скрыться и перешла на нелегальное положение, так что выявлять и арестовывать их чекистам стало сложнее.

* * *

Одним из тех, кто в 1928 году посетил в Ельце епископа Алексия (Буя), был Семен Гирчев³³, принявший от владыки посвящение в иеромонахи с именем Антоний. В 1933 году отец Антоний принимал у себя протоиерея Иоанна Андриевского³⁴, который после ареста епископа Алексия (Буя) вступил в общение с епископом Иоасафом (Поповым)³⁵. С одобрения владыки иеромонах Антоний стал тайно постригать в мантию верующих³⁶, совершив в общей сложности более ста тайных постригов в монашество³⁷.

В 1941 году отец Антоний приступил к созданию тайной подземной церкви в сенях дома Пелагеи Гирчевой с двумя потайными выходами³⁸, в чем ему помо-

---

³³ Гирчев Семен Антонович, родился в 1883 в селе Меловатка Воронежской губ. Окончил два класса сельской школы. С 1901 — послушник в Задонском скиту. В 1904 — призван в армию, с 1907 — в Задонском монастыре. В 1914 — на фронте, там ранен и контужен. В январе 1918 — после демобилизации вернулся в Задонский скит. В 1920 — пострижен в мантию с именем Антоний, в 1921 — посвящен во диакона, в 1926 — посвящен во иеромонаха. В январе 1930 — арестован, приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен на Беломорстрой. В 1933 — освобожден досрочно, служил в селе Тулиново Панинского района, затем в Успенской церкви Воронежа. С 1938 — на нелегальном положении. Возглавил тайный монастырь.

³⁴ Андриевский Иоанн Ардалионович, родился в 1875 в Острожском уезде Воронежской губ. Окончил духовную семинарию, с 1901 — секретарь при архиепископе в Благовещенском Митрофановском монастыре. С 1920 — служил в Рождественской, затем Воскресенской церкви. В 1922 — изгнан обновленцами из храма, с 1925 — служил в Вознесенской церкви. 10 мая 1928 — арестован в Воронеже. 31 августа приговорен к 3 годам ссылки в Среднюю Азию. После освобождения вернулся в епархию. В конце 1930-х — арестован, приговорен к 5 ? годам ИТЛ и отправлен в лагерь.

³⁵ Он считал владыку своим духовным пастырем, постоянно переписывался с ним.

³⁶ До 1941 года тайные пострижения проводил в доме монахини Михайлы Чупуровой в селе Углянец, на квартире Анны Рябининой в Воронеже, «болящей Аннушки», иногда в домах самих постригаемых.

³⁷ На следствии он показал, что им было произведено более 100 постригов, в том числе и арестованных монахов, причем он назвал около 40 человек, постриженных им тайно.

³⁸ Из акта от 13 января 1945 года: *«Внутренний размер церкви 2 x 4 метра, в передней части имеется престол, на котором расположены и установлены все церковные утвари и лампы. Стены церкви обложены деревянными балками, поддерживающими земляную насыпь. По стенам на высоте 0,5 метра настланы нары, служащие местом отдыха и сна проживающих у него монахов».*

гали двое монахов, братья Ангелист и Философ (Вялых). В этом храме отец Антоний регулярно проводил тайные богослужения и монашеские постриги. С началом войны он предложил монахам призывного возраста³⁹ спрятаться в подземной церкви. Сестры Гирчевы, монахиня Рафаила и Мария, готовили обед для всех скрывавшихся монахов. В 1943 году некоторым даже достали фиктивные документы, по которым возраст их был увеличен на 4–12 лет, чтобы избежать призыва в армию. Один из соратников отца Антония, священник Иоанн Скляр⁴⁰, вернувшийся в 1943 году из ссылки и восстановивший связь с иеромонахом Антонием, по его просьбе совершал тайные богослужения с участием монахов Рафаила (Волкова) и Ангелиста (Вялых), оба исполняли роль псаломщиков. В конце апреля 1944 года он восстановил также письменную связь и с иереем Иоанном Андриевским, находящимся в ссылке в Новосибирске. По его указанию монашествующие ходили по селам и агитировали верующих поступать в тайный монастырь⁴¹, собирали пожертвования.

13 января 1945 года были арестованы 8 человек, среди них священник Иоанн Скляр, иеромонахи Авва (Черных)⁴², Антоний (Гирчев) и 5 монахов⁴³, все они находились на нелегальном положении. Руководителем группы монашествующих следствием был назван иеромонах Антоний как «последователь репрессированных ранее органами советской власти реакционеров Ленинградского митрополита Иосифа и Воронежского епископа Алексея Буя».

На следствии отец Антоний подтвердил, что добивался от постриженных твердых обещаний: а) не признавать и не выполнять законов советской власти; б) не работать в колхозах и советских учреждениях; в) не брать в руки оружие и не служить в Красной армии⁴⁴. 18 июля 1945 года арестованные были приговорены: к 8 годам лагерей — священник Иоанн Скляр, иеромо-

³⁹ Сергей Алферов, Андрей Волков, братья Федор и Михаил Вялых.

⁴⁰ Скляр Иван Ефимович, родился в 1892 в селе Баранниковка Харьковской губ. Окончил сельскую школу, с 1905 — послушник в Донецком монастыре. В 1917 — ушел из монастыря и женился. В 1920 — окончил в Харькове пастырские курсы. Служил псаломщиком в селе Углынец Воронежской области. Рукоположен во иерея епископом Иоасафом (Поповым). С 1928 — служил в селе Гудовка, с 1931 — в селе Трясоруково. В октябре 1931 — арестован, приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в Свирстрой. В 1933 — досрочно освобожден, вернулся в село Углынец. 18 декабря 1934 — арестован, приговорен к 8 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. В мае 1943 — освобожден и вернулся в село Углынец.

⁴¹ Например, активные инокини Евпраксия и Любовь направили к нему 10 женщин.

⁴² 3 марта иеромонаха Авву (Черных) освободили, так как «улик о его антисоветской деятельности не было», а его трое сыновей воевали на фронте, причем двое из них уже погибли.

⁴³ Садолит (Алферов), Рафаил (Волков), Ангелист (Вялых), Философ (Вялых), Гавриил (Енин).

⁴⁴ Не отрицал он также, что своими идейными руководителями признавал митрополитов Петра (Полянского) и Иосифа (Петровых), епископов Алексея (Буя) и Иоасафа (Попова), как «православных руководителей нашей староцерковной ориентации, которых всегда поминал за службой на ектеньях».

нах Антоний (Гирчев) и 3 монаха⁴⁵, к 5 годам лагерей — монах Садолит (Алферов) и к 5 годам ссылки — монах Гавриил (Енин). Следственные материалы в отношении других монашествующих, проходящих по связям с обвиняемыми, были выделены в особое производство (6 монахов, 17 иноков, 21 монахиня и 58 инокинь).

* * *

1 июня 1947 года в селе Большая Грибановка был арестован проповедник Борис Самойлов, а 17 августа — еще трое истинно-православных христиан: Мария Мякотина, на квартире которой тайно проживал проповедник, Борис Прокудин и Евдокия Тельпова. Последней 17 сентября была арестована Тамара Суркова. С 1942 года Борис Самойлов ходил со своими единомышленниками по селам Грибановского, Алешковского и Карачанского районов, проповедуя слово Божие. Послушать его собиралось по несколько сот человек. В обвинительном заключении говорилось о том, что в мае и июле 1946 года в селах Большая Грибановка и Ржавец Борис Самойлов в своих проповедях *«высказывал клеветнические измышления о жизни трудящихся в Советском Союзе и заявлял о неизбежности перемены власти»*. 20 октября 1946 года Б. М. Самойлов и М. Н. Мякотина были приговорены к 10 годам лагерей, Т. Г. Суркова — к 8 годам, Б. П. Прокудин — к 6 годам, Е. Н. Тельпова — к 5 годам лагерей.

* * *

Важную роль в деятельности общин ИПХ Воронежской области в течение многих лет играл иеромонах Анувий (Капинус), чье долговременное служение стало воплощением живой традиции, пронесенной через все репрессии и гонения и связавшей первых «иосифлян», основателей движения истинно-православных христиан, с их последователями второй половины XX века.

Андрей Антонович Капинус родился в 1887 году в деревне Краснополка Херсонской губернии в семье крестьянина. Окончил 3 класса начальной школы. В 1906 был призван на военную службу, в 1914 — оказался на фронте в чине ефрейтора, в 1918 — воевал на стороне белых, в 1920-х — вернулся на родину. В 1922 — был пострижен в мантию с именем Анувий, в 1928 — посвящен в иеромонаха архиепископом Димитрием Гдовским. С 1930 по 1942 год дважды арестовывался по делам ИПЦ, отбыв два лагерных срока⁴⁶.

---

⁴⁵ Рафаил (Волков), Ангелист (Вялых), Философ (Вялых).

⁴⁶ 15 ноября 1930 — арестован в Серпухове. 5 февраля 1931 — приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в Воркутлаг, работал там на лесоповале. С 1935 — выслан в Астрахань, в 1937 — арестован, приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в Воркутлаг. Летом 1942 — освобожден, работал там же вольнонаемным.

С лета 1946 года отец Анувий, нелегально проживавший в селе Мазурки, проводил тайные богослужения по домам верующих в трех районах⁴⁷ Воронежской, а также смежных с нею районах Сталинградской области. Позднее он принял под свое руководство и группы истинно-православных христиан⁴⁸, которыми ранее руководили иеромонахи Антоний (Перепелица) и Борис Самойлов, к тому времени осужденные⁴⁹. Проводил с верующими беседы, читал и толковал Евангелие, исповедовал и причащал. Ближайшим его помощником на тайных богослужениях был монах Мелетий⁵⁰, досрочно освобожденный из лагеря⁵¹. За два года иеромонах Анувий тайно постриг в мантию около двадцати человек, образовав «монастырь в миру» в селе Мазурки⁵². Позднее он организовал женский «монастырь в миру», в него вошли монахини и инокини из сел Большая и Малая Грибановка⁵³. Монашествующие ходили по селам и агитировали верующих за выход из колхозов, а также за отказ от работы на предприятиях, от участия в профсоюзах и других общественно-политических организациях, от участия в выборах.

В 1950 году во время кампании по сбору подписей под Стокгольмским воззванием (о запрещении атомного оружия) все истинно православные отказались от подписи под этим воззванием⁵⁴.

Между иеромонахом Анувием и группами истинно-православных христиан в селах существовала постоянная связь через послушниц. Отец Анувий был также связан с группами истинно-православных христиан в Борисоглебске и Серпухове, откуда к нему приезжали связники, и со священнослужителями-«тихоновцами» в Воронеже.

4 января 1951 года отца Анувия арестовали. В апреле-мае в разных селах были арестованы еще 10 человек⁵⁵. На следствии отец Анувий подтвердил,

---

⁴⁷ Песковском, Борисоглебском, Грибановском районах.

⁴⁸ В Борисоглебске было 9 участников, в селах Бочана — 16, Мазурки — 8, Калмык — 7, Малая Грибановка — 2, Большая Грибановка — 21, Пески — 8, на станциях Калмык — 8 и Поворино — 6.

⁴⁹ В Борисоглебском, Грибановском, Поворинском, Новохоперском, Песковском районах Воронежской области; в Урюпинском и Хоперском районах Сталинградской области.

⁵⁰ Щеглов Матвей Ефимович, родился в 1913 в селе Мазурки Воронежской губ. Грамотный. С 1913 — работал старшим телеграфистом на станции Мазурка. В июле 1941 — арестован за уклонение от призыва в армию, 12 августа приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Воркутлаг. 1 сентября 1945 — освобожден по амнистии, вернулся в село Мазурки. Летом 1950 — пострижен в мантию с именем Мелетий.

⁵¹ Они познакомились в лагере.

⁵² Монашествующие носили определенного покроя и цвета одежду. В качестве наказания за нарушение монашеского устава иеромонах Анувий не допускал к причастию и налагал «епитимы» в 100—150 поклонов.

⁵³ Пять монахинь и четыре инокини.

⁵⁴ Монах Мелетий показал на допросе: *«Я лично был за войну, за применение атомного оружия в войне против СССР, так как считал это неизбежным “бичом Господним” советскому народу, который пошел по безбожному коммунистическому пути».*

что по своим убеждениям он «тихоновец», что клирики Истинно-Православной Церкви не должны признавать безбожную советскую власть, что он *«действительно являлся руководителем антисоветской организации христиан “тихоновской” ориентации»*. В августе 1951 года арестованные были приговорены: иеромонах Анувий (Капинус) и монах Мелетий (Щеглов) — к 10 годам лагерей (отправлены в Озерлаг), остальные — к 5 годам лагерей.

* * *

Иеромонах Антоний (Гирчев) скончался 17 апреля 1946 года. Монахи Рафаил (Волков), Гавриил (Енин) и Ангелист (Вялых) погибли в лагерях. Об их тайном служении во время войны, аресте и последующей гибели рассказывает Маргарита Чеботарева.

Отец Анувий (Капинус) был освобожден из лагеря в 1955 году и продолжил свое тайное служение. Позднее иеромонах Иларион (Андриевский) тайно постриг отца Анувия в схиму с именем Амвросия. Когда иеромонах Иларион скончался, иеросхимонах Амвросий облачил его и отпел, а затем принял служение в Воронежской общине. Окормлял он также и другие приходы, оставшиеся без пастыря. 1/14 октября 1966 года он скончался. О его тайном служении подробно рассказали Ксения, Елизавета Махрова и Маргарита Чеботарева.

Монах Мелетий (Щеглов) освободился из лагеря в 1955 году и проживал в селе Поворино. Он был активным участником тайных богослужений иеросхимонаха Амвросия (Капинуса), последний часто останавливался у него.

Протоиерей Иоанн Андриевский после лагеря был выслан и освобожден лишь в 1956 году. Вернулся в Воронеж совсем больным, но до конца продолжал свое тайное служение. Сослуживал ему иеросхимонах Амвросий (Капинус), который и постриг его в монашество с именем Иларион. Скончался 13/26 июня 1961 года.

---

⁵⁵ А. С. Борщенко, Е. Я. Ларина, Р. Н. Морозова, А. М. Новикова, А. Г. Овсянникова, В. Д. Попова, В. И. Сторублевцева, Т. М. Тарабрин, А. И. Терехина, М. Е. Щеглов.

Из воспоминаний Маргариты Чеботаревой¹

Я родилась в 1911 году, 5 февраля. Село наше Гремячее большое, на тысячу домов, Воронежской губернии, Гремячинской волости. Одна церковь была, и вторую хотели строить. С дедушкой я ходила в церковь, а мать нас не брала маленьких, потому что мы ей мешали молиться. У нас в селе всех детей приводили в церковь на Лазареву субботу. В селе жили тихо, хорошо жили, верующие все были, никаких бунтарей не было. А потом как пошли эти, с барабанами, по улицам. Вот власть такая стала.

Мои отец и мама оба были из крестьян. Наш отец рыбной ловлей занимался, землю нанимал, все хотел детей учить. Мою сестру, мать Агнию, он хотел в гимназию отдавать, она приходскую школу окончила с похвальным листом. Нас в семье было пять сестер и брат, и три сестры — монахини: Анна — мать Агния, Наталья — мать Евфросиния и я, Мария, — мать Маргарита. При красных повели нас с Евфросинией в школу, мне было семь лет, а Евфросинии — восемь, так мать Евфросиния во второй, а я в первый ходила. Вот походили мы в школу, проклятия нас заставили писать, а мама увидела — тетрадки наши все повышвыривала, сожгла, а нас больше в школу не пустила. При казаках опять иконы повесили, молитвы стали читать, но казаки у нас только одну неделю были. Вот, сказали, завтра будем Закон Божий учить, а на завтра приходим — опять иконы снимали, красные пришли.

Я с пяти лет работала в поле, картошку копала, матушка Агния мне помогала, все же я ведь ребенок была. Помню, как я с отцом в поле ездила. Отец едет в ночь работать и меня берет, может, ему скучно было ночью... Отец верующий был, молитвослов читал, молитвы пел. Отец с мамой по очереди в церковь ходили. Если мама пойдет в церковь, так отец все по дому сделает: и печку истопит, и сварит. По комнате ходит и молитвы поет. «Да исправится молитва моя», — все пел. Он набож-

---

¹ Чеботарева Мария. Послушница Максимила, с 1952 — монахиня Маргарита, схимонахиня Макария.

Использованы материалы двух публикаций: Воспоминания игуменьи Маргариты (Чеботаревой). «Православная жизнь», 1994, № 10, С. 13–23. Составлено по записям бесед с монахиней Маргаритой, записанных в Воронеже в 1992 году иеромонахом Евфимием и П. Н. Ивановым; Катакомбные исповедники. Рассказы монахини Маргариты (Чеботаревой). Санкт-Петербург, «Возвращение», 1993, № 2. С. 26–28.

ный был и такой кроткий, молчаливый. Мама, бывает, недовольна чем, а он говорил: «Слово — олово, а молчание — золото». Наш отец в 1919 году помер от тифа. Пошел с белыми отступать, а большевики его арестовали, он там тиф прихватил, так и помер от тифа под арестом в городе Рязани. Через восемь лет, как он умер, мама снова замуж вышла, в 1927 году.

У нас регент был Тихон Силович, очень хороший регент, скольких он певчих обучил! Он потом, при «сергианстве», дьяконом стал, не разобрался, так и умер в «сергианстве». А было так: все певчие замуж повыходили, на клирос не становятся, время такое. А моя тетья, папина сестра, шустрая была, вроде меня, Анной звали, она ходила на клирос, она за нас походатайствовала. Мы уже умели петь, нас Агния научила, она в церковно-приходской школе научилась и нам показала. Она Деяния всегда читала ночью, при плащанице. Она, значит, обучала нас по слуху. А я что делала: я пряла, а у отца молитвослов рассыпался на странички, вот я пряду, а листочек положу, и все семьдесят ирмосов выучила. А гласов не знаю, как петь — не знаю. Потом к нам прислали одного священника из Воронежа, когда уже наших-то арестовали, отца Владимира, он немного побыл — тогда священников арестовывали и новых присылали, — вот он нас научил гласам.

В 1922 году собор заняли «обновленцы», а митрополит Владимир² скончался в декабре того же года. Потом были у нас епископ Корнилий и Захария, «обновленцы», это до 1925 года, а потом владыка Петр (Зверев) приехал. Я пошла к Захарии книжки просить, сама ни благословения не беру, ничего, а книжки прошу. Ну, он мне ничего не дал. Мы любили книжки набожные читать, летом возьмем книжки — и в сад. Вот мы с Агнией взяли в церкви «Церковные ведомости» и прочли о безубойном питании человека, то есть чтобы никого не убивать, и вот мы сами перестали мясо есть. Ни у кого благословения не просили, ничего, просто сами бросили, и все.

«Обновленцы» стали у нас по новому календарю служить. Как раз на Успение заставили заговляться по-новому и по-новому разговляться. Мама пошла к священнику: «Батюшка, что же нам делать?» — «А ваше дело: колокол зазвонил в церковь, вы и идите». У нас в селе был один дедушка, Фома, раскулаченный, такой богобоязненный, и еще к нему пристали жители и девушки-чернички деревенские. Они крепко

---

² Митрополит Владимир (Шимкович). С 1922 по 1925 — возглавлял Воронежскую епархию.

стояли и заставили их отслужить по старому стилю, и по-старому заговлялись, и по-старому разговлялись.

А в 1925 году из Москвы прислали архиепископа Петра (Зверева). Мы на клиросе пели. Помню, мы пели многолетие Петру Крутицкому и Петру (Звереву). Владыка заставлял священников-«обновленцев» публично каяться перед амвоном и объяснять, что такое «обновленчество». Вот он стоит на амвоне, а они перед ним, вот он говорит: «Скажи, чадо, что означает обновленческая церковь?» Они начинают объяснять. Объяснит несколько пунктов, а остальное — на духу каяться. А духовником им был поставлен отец Иоанн Ардалионович Андриевский, который не принял «обновленчества». Наша церковь в Гремячем недолго была «обновленческой»: новый стиль был только от Успения до Филипповского, да и то их на Успение заставили два раза служить — и по-новому, и по-старому. Может, у них внутри что и было, а только стиль был старый. У нас два священника было: отец Павел, старенький, и отец Михаил, помоложе. Они и «обновленчество» приняли, и «сергианство», а потом их все равно арестовали и дома отобрали у них.

Я из дому ушла еще в 1931 году. Священник Михаил, что помоложе, вышел в церкви и говорит: «Вот у нас теперь митрополит Сергей, такой хороший, умница такой, а Алексей-то Буй, епископ, он молодой такой, неопытный» (они уже знали, что он отказался от Декларации). А Сергей, значит, такой хороший. А народ-то что понимает? Ничего не понимает. А те, которые «обновленчества» не хотели, они и это не приняли, несколько человек, ревностные такие за старое. Дедушка Фома еще живой был, он нам Декларацию принес, я ее в руках держала. И вот помню первые слова: «Радость ваша — радость наша. Выстрел из-за угла на вас мы принимаем как на нас». Я так всех слов не упомяну, но помню слово «лояльное», а мы дедушку спрашиваем: «Что это такое?» А он говорит: «Это значит рука об руку с властью».

Этот дедушка Фома и еще один, Стефан, они набожные были, все Библию читали, и они очень старались нас от сергианской церкви отвести. Мама-то нас в церковь ведет, не понимает... Мама наша говорила: «Вы мне хоть десять Евангелий разложите, а я одно знаю: мои родители в эту церковь ходили, и я буду ходить». Не понимала. А люди наши деревенские видят, что мы в церковь идем, так и они за нами идут, а дедушка Фома старался нас отвадить. Стали мы к дедушке хо-

дять, он в городе жил у верующих людей. Он меня и привел к матушке болящей, Иегудииле, из Воронежского Покровского девичьего монастыря, лежащей прикованной к одру двадцать лет.

Сначала он привел к матушке Марионилле, она в то время только что из тюрьмы вышла, ей запретили принимать людей, тогда он повел к Иегудииле. Я, когда уходила из родного дома, волновалась, конечно, колебалась, а потом решила, что Господь важнее родительского крова. Пришла я первый раз к матушкам, а батюшка, иеромонах Иероним³, их спросил, сама я пришла или они меня позвали; они говорят: сама; тогда он велел принять, говорит: значит, Бог привел. Отец Иероним меня облек в подрясник и благословил четками в 1933 году.

Матушка Марионилла⁴ (в миру Мария) была знатного рода, из Москвы, богатая, много домов у них было, благородная девица скромного поведения. Она ученая была. И был там один, Василий, тоже благородный, у него умерла молодая жена, остался ребенок, девочка, и вот, чтобы этого ребенка воспитать, искали девицу. А матушка Марионилла боялась, не хотела замуж, но ее уговорили, а она говорит: «Матерью буду, а женой — нет». А как она молилась — она нам рассказывала, — чтобы ей Господь дал любовь материнскую к этой девочке. Ну вот, воспитала она ее в страхе Божиим, и отдали ее в монастырь на дальнейшее воспитание.

И потом они разошлись: матушка Марионилла ушла странствовать, а Василий пошел в монастырь, она его поминала «послушник Василий». А матушка попала в Калугу, к архиепископу Тихону⁵, она его очень духовно почувствовала, он смиренный был. Когда его из Калуги к нам сюда перевели, и она с ним приехала. Когда его сюда перевели, он делал обход Митрофаниевского монастыря. Ударил по одному месту и сказал: «Зде мой покой, зде вселюся». А когда его не стало⁶, она это вспомнила. Вот было однажды: заходит она к нему в покой, а он сидит, книгу читает и плачет. Она говорит: «Владыка святой, что вы плачете?» — «Вот боюсь до такого времени дожить, когда полезут в окна и двери». Предчувствовал.

А когда красные подходили, некоторые монахини испугались, решили бежать, пошли к владыке Тихону за благословением. А он гово-

---

³ Иеромонах Иероним Сапаровский.

⁴ Следует рассказ о событиях более раннего времени — конца 1910-х годов.

⁵ Архиепископ Воронежский и Задонский Тихон, в миру Никаноров Василий Васильевич.

⁶ 27 декабря 1919 года он был повешен на царских вратах Благовещенского собора в монастыре.

рит: «Я не пойду и вас не благословляю. Где мы грешили, там должны и возмездие принять»... Однажды он приболел, а она ему говорит: «Владыка святой, мне хочется при вашей смерти присутствовать». — «Молись, удостоит Бог, так и будет»... Когда его не стало, тогда такой голод был, матушка Марионилла думает: «Чем же я его помяну? Как я его хоронить буду?» И какой-то раб Божий принес ей пуд гречки, и так она его похоронила. И каждый год она его поминала. После него еще был один владыка, Тихон, тоже православный.

В то время провокации были, говорили: «Митрофановских мощей нету, там вата набита», — такое время. Комиссия приезжала, вскрывала склеп, ктитор был, присутствовал. А ктитор увидел матушкину послушницу и говорит ей: «Действительно, ваш Митрофан Воронежский — святой, его богоборцы вынули из гробницы, поставили к стенке, дали ему дикирий и трикирий, и он действительно держал». А постригал матушку в мантию владыка Петр (Зверев), ему голос был: постричь Марию, и он постриг. Сколько лет потом она сидела и по ссылкам скиталась!

Владыку Петра тоже сторожили рабочие, не допускали его арестовать, и до дому провожали, и дом охраняли, так его любила паства и рабочие, — тогда ведь все мужчины были верующие, — а потом подошло все-таки время, и его арестовали. Тогда многие епископы были под домашним арестом: архиепископ Прокопий, епископы Дамаскин, Митрофан, Иоасаф, Серафим, Парфений. В 1936 году отец Иоанн Андриевский приезжал к последнему епископу Иоасафу⁷ — он проживал под домашним арестом в городе Камышине, и тот ему тогда вручил церковные ключи управления.

В 1933 году еще кое-где были наши приходы, не «сергианские»: иерей Пантелеимон служил на станции Колодезь, он стойкий был, он еще псаломщиком «обновленчества» не принял, и «сергианства» он не принял. Отец Емельян⁸ в Малышеве служил, а отец Иоанн Скляр⁹ в Ульяновке служил, а отец Иероним в селе Ивановка. И вот в одну ночь в 1935 году арестовали всех священников. А пятый с ними был один старичок, его на вольную ссылку. Предала их одна женщина, монахиней считалась, она с нами становилась петь, и говорили про нее, что она предает, мы ее так боялись, тряслись. Елена ее звали. Она говорила:

---

⁷ Епископ Бахмутский Иоасаф (Попов).

⁸ Священник Емельян Плотников.

⁹ Священник Иоанн Ефимович Скляр.

«Я всех в Царствие Божие гоню». И ей, видимо, платили за это. Девять месяцев они просидели, и был суд закрытый, три дня длился.

Матушку Триену тоже в эту ночь забрали. Матушка Триена в миру была Татьяна Петровна Кумская, она монахиня Покровского монастыря. Вот пришли ночью, все перетрясли, копались, ее забрали, а я с болящей матушкой осталась. Болящую не тронули и меня не тронули. А нас предала монахиня из Покровского монастыря, она матушку Триену знала, ведь из одного монастыря, а эта монахиня сидела в тюрьме, и ее там заставили предавать. Вот она все к нам ходила: дайте книжечку почитать — такой предлог. А у нас щель была в двери, так она подглядывала.

У нас ведь священники бывали, отец Иоанн служил, один раз три священника служили, потом, когда иеромонах Иероним приходил, двух постригали в инокини, а меня тогда послушницей одели, и все это было известно там. Принесли к нам как-то ребенка, добавить молитву к крещению, отец Пантелеимон делал; другой раз больную нужно было причастить, и монашенки тоже попросились причаститься, это тоже было известно. Стали они матушке Триене говорить: «У вас крестили». А она же из монастыря, привыкла все по правде, как дитя. «Нет, — говорит, — мы не крестили, мы только добавление сделали». Вот так сказала.

Вот я матушке передачу отнесла и псалтырчик передала маленький, а прихожу домой — мне повестка идти в тюрьму. Я трясусь, думаю, это из-за псалтыри, а прихожу — другое говорят. Прямо начали сразу: «Вот тебя постригали?» — «Нет, — говорю, — меня не постригали». А это было в этом сером доме, по пропуску проходили, на 4-м или 5-м этаже. Стали допрашивать: «Когда выехала из дома? Где остановилась жить? Священники у вас бывали?» А я-то отказываюсь, потому что священников за это карали, что они по домам ходили причащать без разрешения. Им надо придрасться, за что их судить. А я говорю: «Нет, не было». — «А как больную причащали?» Я говорю: «Не знаю». — «А ты что, хочешь, чтобы больную привели сюда?» Я тогда говорю: «Может, я на работе была, я ведь работаю, а только при мне не было». И следователь так и написал: «Священник при ней не был». И еще они мне говорили: «Ты молодая, там на суде столько будет народу, тебе стыдно будет. Мы тебя из ямы тащим, а ты сама в яму лезешь». Все увещевали.

Теперь второй следователь пришел. Тот начал крутить насчет пострига и насчет отца Иеронима: «Скажи, кого постригали?» А я отказываюсь. И правда меня не постригали, а только четки дали и платье стального цвета. А этих двух постригли, Агнию и Ермионию, близких

наших. Следователь говорит: «Ну, ты расскажешь?» — «Да что я расскажу? Меня не постригали». Ну, они тащат из подвала отца Иеронима: «Ну, будешь говорить?» А я при нем говорю: «Буду говорить что знаю, а что не знаю, чего не было, того не буду говорить». Уведут его, а я опять отказываюсь. Они опять его ведут. Наконец на третий раз он говорит: «Мань, да признавайся, я уже уморился ходить по порошкам». Они с матушкой Триеной уже во всем признались по простоте, а к тому же на допросах терзают, так они уж сами признались.

Я говорю: «Меня не постригали, а платье-то мне подарили стального цвета, так потому, что я за ними ухаживала». А он возьми и скажи: «Да значение-то одно». Хоть они все признали, но тех, постриженных, они не называли, и их не вызывали, только меня. А меня долго трясли и паспорта не отдавали, все требовали, чтобы я признавалась. А какой лукавый этот второй следователь — сам написал и заставляет меня подписать: мол, я, гражданка такая-то, выехала двадцати лет из села Гремячего, остановилась у ныне арестованной гражданки Кумской. А ведь за наше время жизни вместе она мне много рассказывала про монастыри, про монастырскую жизнь, что опять будут монастыри и что это будет скоро.

А следователь на нее обвинение сочинял — дескать, известно, что с монастырями покончено, а она, мол, проповедует, что они опять будут скоро, и молодой это внушала. И еще: кто жил в монастыре, хорошо слушался их назидания к монашеству. А я на эти слова говорю: «А я что, неверующая разве выехала? Я сама была верующая. Ничего она мне не говорила, я сама была верующая». Он мне: «Ах, ты такая-сякая, мы тебя сошлем!» А я говорю: «А я свет посмотрю! Я нигде не была, так я свет посмотрю». — «А мы тебя посадим!» А у меня с собой был хлебушка кусочек. Я говорю: «Вот у меня хлебушка кусочек, я сегодня поем, а завтра вы мне дадите». И никак не соглашалась. Он меня гонял-гонял, а я его никак не боялась.

Девять месяцев они просидели. А потом над ними суд был, где Митрофаниевский монастырь, как раз перед Пасхой. Я три дня ходила, три дня был суд. И вот я была довольна — они меня допросили и сказали: допрошенные свидетели могут присутствовать здесь. И я осталась и все слышала, что они говорили. Вот слышу, один священник «сергианский» так стал отвечать: «Я служил не по убеждению, а потому что это моя профессия», — и его сразу освободили. А отец Пантелеимон, он такой ревностный священник был, он всех обличал: кто невенчанный, кто без креста, строго следил, чтобы все по закону, как нужно. И всем священникам дали по восемь лет, а ему — десять, и так он и не вернулся, и отец Иероним, который меня одевал в послуша-

ние, тоже не вернулся, и отец Емельян из Малышева. И пропали они где-то без вести.

В 1937 году я приняла иночество от иеромонаха Антония¹⁰ из Толшевского монастыря. Он тайно служил по домам, многих постригал в монашество. Он и матушку Мариониллу постриг в схиму. Отец Антоний до войны часто у нас бывал. Один раз кто-то заказал сорокоуст по усопшему, так он у нас в доме целый месяц ежедневно служил. Мы с матушкой Иегудиилой сначала снимали комнатку, а потом нам пожертвовали сруб, и мы сами построили домик, и он там служил. А когда война к нам пришла, в 1942 году он еще с тремя монахами в Углянке выкопал землянку в сарае, и там устроили церковь, и престол там был, — тайный монастырь.

Три монаха с ним жили: отец Рафаил¹¹, отец Гавриил¹² и отец Ангелист¹³, старенькие, он и их в монашество постриг. И такие были работящие! Они из землянки не выходили никуда и спали там. Отец Антоний все немцев ждал; вот, говорил, немец придет — мы в Толшах монастырь откроем, а немец-то до Углянки не дошел. А потом нашелся Иуда, предал их. На Обрезание 1946 года их арестовали, они так и не вышли из тюрьмы, замучили их. Отца Антония — рассказывали нам — привязывали к повозке и гнали лошадь, а он должен был бежать, издевались, мучили. Так и скончался в тюрьме 17 апреля 1946 года.

В войну много нам пришлось претерпеть: и голод, и холод, и бомбежки, нельзя и рассказать. Я с двумя болящими монахинями скиталась. Матушка Иегудиила умерла в 1942 году. Я осталась с болящей матушкой Триеной, она лежала на одре больная с водянкой три года, я от нее никуда не отходила, семь месяцев она совсем не вставала. А как она умерла в 1945 году, я повезла к матушке Марионилле помины, помянуть матушку Триену. А получилось так: у матушки Мариониллы была послушница Аглая, а другая послушница померла. Вот, повезла я помины, сорок дней помянуть, а матушка Марионилла говорит: «Нам послушница нужна, а отец Антоний нам говорит: “Вот вам послушница, Максимила”. Меня тогда звали Максимила, так я и перешла на послушание к схимонахине Марионилле. Стали мы жить втроем: матушка

---

¹⁰ Иеромонах Антоний, в миру Гирчев Семен Антонович. В 1920 — пострижен в мантию с именем Антоний, в 1921 — посвящен во диакона (епископом Корнилием Сумским). В 1926 — посвящен во иеромонаха епископом Алексием (Бум).

¹¹ Монах Рафаил, в миру Волков Андрей Алексеевич.

¹² Монах Гавриил, в миру Енин Сергей Матвеевич.

¹³ Монах Ангелист, в миру Вялых Михаил Андреевич.

Марионилла, матушка Агния и я. Матушка Агния в миру была Анастасия, 1901 года рождения, сиротка была. Она была с матушкой Мариониллой еще с 1920-х годов. В мантию ее постригал отец Антоний, в схиму уже отец Иоанн Андриевский. В 1971 году она померла.

В это время прибыл к нам отец Никандр, архимандрит, настоятель Задонского монастыря. Он восемнадцать лет в ссылке был, а в 1945 году прибыл к нам. А я поехала к матушке Марионилле и спрашиваю: «Матушка, там архимандрит Задонский приехал в Воронеж, можно мне у него отслужить погребение по матушке Триене?» Она говорит: «Погребение-то можно». Потом матушка Нина и ее тетя, монахиня Рива, привезли от отца Никандра матушке Марионилле Св. Дары. Матушка Марионилла причастилась с верою, доверилась отцу Никандру, и потом мы все стали к нему обращаться. Умиравших причащали, вот человек лежит, умирает, придут его причащать (матушка Феоктиста ходила причащать), он обрадуется, успокоится и умирает. А некоторые сомневались.

А отец Иоанн Андриевский был тогда в лагере. Его до войны арестовали. Судили их, послали в лагерь. Лагерь кончился — в ссылку, в глушь, до 1956 года. Тогда так было строго, никому не говорили, где он, боялись. Никто не знал из верующих, только те двое, кто ему посылки тайком посылали, да мне они открылись, ради моих матушек болящих. Потом стало можно писать, и отец Никандр ему письмо послал. Отец Иоанн отца Никандра по Воронежской епархии знал, когда отец Никандр был настоятелем в Задонском монастыре. А я тоже написала отцу Иоанну про наши недоумения. И вот отец Иоанн в ответ послание прислал в двадцать листов, ответ на все духовные вопросы. Он ящик сделал в два дна и между ними листы положил. «Ах, — пишет, — что же они делают, в недужех лежащему православному архимандриту не доверяют!»

В 1952 году матушка Марионилла умерла, тогда же я приняла мантию от архимандрита Никандра Задонского монастыря. Архимандрит Никандр имел от патриарха Тихона врученные ключи правления православной церкви в Воронеже — право принимать и присоединять к православию от всех расколов. Десять лет он жил в ссылке, прежде чем вернуться в Воронеж. Скончался в 1955 году. Тогда же приезжал отец Иоанн Скляр, открывал нам книги большие, церковные, «Большую кормчую», как раньше причастие на руки давали, как причащались во время гонений. И в 1956 году приехал отец Иоанн Андриевский, мы стали ему служить. О нем и о иеросхимонахе Амвросии я расскажу отдельно.

Сначала расскажу о иеромонахе Иларионе. Он был сыном священника — протоиерея Ардалиона в селе Голышовка Воронежской области. Родился в 1875 году, с 1901 года был секретарем при архиепископе Анастасии в Благовещенском Митрофаниевском монастыре. В 1913 году архиепископ Анастасий скончался, и отец Иоанн перешел к архиепископу Тихону Калужскому, с которым был вместе до 1920 года.

Первое служение провел в городе Воронеже, на Чижовке в Рождественской церкви, а затем его перевели в Воскресенскую церковь у Каменного моста, где он и прослужил до 1922 года и за это был прозван Воскресенским. В период «обновленчества» отец Иоанн не принял этой ереси, его изгнали из церкви и лишили прихода. И стал он скитаться по верующим людям, пока его не арестовали, а потом сослали. В 1925 году приехал из Москвы архиепископ Петр (Зверев) обращать «обновленцев» к покаянию. И вот отец Иоанн с владыкой Петром так решили: при крещении молитву добавлять и принимать через миропомазание, а кто венчался у «обновленцев», добавлять молитву и принимать через покаяние. Тогда во всех церквях священники приносили это покаяние. Отца Иоанна назначили духовником у кающихся.

Здесь его вскоре и арестовали и отправили в ссылку в Среднюю Азию. Он возвращался, потом снова аресты, всего отец Иоанн пробыл в ссылках двадцать восемь лет. Отец Иоанн, когда возвращался из ссылок — два раза, — служил только в катакомбах. Помню, он служил у матушки болящей, я у нее уже послушницей была, мы на квартире жили. Он в нашей комнатке служил литургию в 1936 году, а тут матушка болящая лежала на койке. А перед войной отца Иоанна арестовали.

Отец Иоанн вернулся из последней ссылки страшно больной. Служил он в Воронеже тайно. Особенно любил Божественную литургию. Часто сослуживал ему иеросхимонах Амвросий¹⁴, который и постриг его в монашество с именем Иларион. У отца Илариона были две дочери. Чекисты заставляли их изолировать отца от верующих и за эту услугу сулили им квартиру. Но ничего не вышло у чекистов, он им ни в чем не уступал и до последнего дня своей жизни служил. Чекисты его называли «твердолобым»...

Весной 1961 года, в праздник Похвалы Божией Матери, собралось у него на квартире человек пять. Он был уже совсем болен, лежал на

---

¹⁴ В миру Капинус Андрей Антонович.

одре, в этот день хотел приобщиться Святых Тайн. Сразу появился чекист (они его до самой смерти не оставляли в покое), начал переписывать находящихся в комнате. Двоим удалось скрыться, других арестовали, допрашивали, зачем пришел, о чем говорил с «дедом». Допрашиваемый отвечал, что, дескать, искал дом купить и зашел к свояченице, которая тут жила... Так вот и выкручивались...

В Великий четверг опять приехали, провели обыск, искали верующих, но, кроме семьи, никого не нашли. Так и пришлось отцу Илариону в тот день одному служить Последование Святых Страстей Господних с чтением 12 Евангелий. И так до последнего чекисты его не оставляли, мучили, а он до последнего дня служил литургию. Большие переживания и напряжение, которыми сопровождалась все его последние дни, не прошли даром, и 13/26 июня 1961 года он скончался. Перед смертью сказал: «Во всем я грешен, но от православия ни на йоту не отступил». Потом призвал духовно близкого ему отца Амвросия и вручил ему церковные ключи управления со словами: «Каноническое православие у нас не было прервано. Все церковные дела передаю вам до появления православного епископа. А искать такого надо!» — и надел на отца Амвросия свой крест. Верующие люди считали отца Илариона столпом православия.

Теперь о иеросхимонахе Амвросии (Андрее Антоновиче Капинусе). Он родился в Херсонской области в 1887 году в большой семье, в которой был младшим ребенком, и рано стал сиротой: Андрею было двенадцать, когда он остался на попечении старшего брата. С этого времени хлеб он зарабатывал себе сам тем, что пас волов. С раннего возраста полюбил церковь; имея хорошие музыкальные способности, стал петь на клиросе. Старые люди радовались за сироту, слушая его пение, которое шло от сердца. Это было заложено матерью: одним из самых незабываемых воспоминаний детства для Андрея было то, как сидел он у матери на коленях, а она читала Иисусову молитву, пела псалмы и тропари, а слезы текли у нее обильно. Видно, тогда уже молитвы матери дошли до Бога, и он не оставил бедного сироту.

В 1906 году Андрей был призван на военную службу. А так как он был высокого роста и хорошего сложения, то служил в лейб-гвардии Семеновском полку. Часто вспоминая об этом, он рассказывал потом всем нам запомнившийся ему случай: царь-батюшка нередко обходил строй солдат-семеновцев вместе с цесаревичем. Однажды был какой-то праздник, и царь спросил маленького цесаревича: что лучше подарить каждому солдату — по рублю или по шоколадке? «И по рублю, и

по шоколадке», — был ответ юного Алексея... После окончания действительной службы остался сверхсрочником и попал в Петроград, потом на войну... А вскоре началась кровавая революция.

Андрея преследовали большевики, потому что он был на стороне белых. Он укрылся в женском монастыре и там прислуживал священнику. Немного пробыл там и ушел в Онуфриевский мужской монастырь (к себе на родину, в Херсонскую область). Здесь и принял монашество с именем Анувий. Монастырь вскоре большевики закрыли, и он стал служить иеродиаконом в Киеве. Когда началось брожение в Церкви и стали служить только на украинском языке («самосвяты»), ему, в который уже раз, пришлось покинуть и это место. Знакомый иеродиакон Иринарх пригласил его, отца Анувия, к себе в Серпухов, где в то время половина церквей были «обновленческими», а половина — православная. Служил там под омофором епископа Максима, истинно православного архипастыря. Спустя год начались здесь массовые аресты...

Было арестовано почти все высшее архиерейство. Оставшееся священство пошло под окормление архиепископа Дмитрия Гдовского. Отцу Анувию тоже оставалось недолго быть на свободе. И его, и архиепископа Дмитрия Гдовского арестовали почти одновременно¹⁵. Выслали в лагеря под Воркуту. Работа была очень тяжелая: лесоповал. Не выработаешь норму — не получишь хлеба. По рассказам отца Анувия, его спасла баня, которая там, на счастье, была. После освобождения он попал в Астрахань, зарабатывал на хлеб тем, что чинил сапоги. Но вскоре опять был арестован и освобожден уже только в 1943 году. Тогда и попал в Воронеж.

Здесь тайно служил архимандрит Никандр Задонский в престарелом уже возрасте (катакомбный архимандрит), который тоже только вернулся из ссылки. Просьба отца Анувия о принятии его в общину очень насторожила архимандрита, время-то было страшное, кругом аресты по доносам. И потому отца Анувия не приняли. А вскоре его вновь арестовали и теперь уже продержали в лагерях до 1955 года. В 1956 году вернулся из ссылки протоиерей Иоанн Андриевский. Отец Анувий был уже в Воронеже и опять обратился с просьбой принять его в общину. Теперь ему уже не отказали. После недолгого совместного служения протоиерей Иоанн пожелал принять монашество, и отец Анувий постриг его с именем Иларион.

---

¹⁵ 15 ноября 1930 — арестован по делу Серпуховского «филиала» Истинно-Православной Церкви. 5 февраля 1931 — приговорен к 5 годам ИТЛ. Отправлен в Воркутлаг.

Потом уже иеромонах Иларион тайно постриг отца Анувия в схиму с именем Амвросий. Когда отец Иларион скончался, отец Амвросий его облачал и отпевал, принял служение в воронежской общине. Пришлось ему окормлять и другие приходы, которые по разным причинам оставались без пастыря. Постригал желающих в монашество. Все делалось тайно.

Отец Амвросий скончался 1/14 октября 1966 года, не успев передать никому церковных дел... Осиротела воронежская община. С требованиями приходилось теперь ездить по всем сторонам. Бывало, попадали и на неканонических, сомнительных и самозванцев... Последнее время окормлялась я у отца Михаила Рождественского¹⁶ из Петрограда. В июле 1990 года мы присоединились к Русской Зарубежной Церкви, о которой в свое время нам много рассказывал наш духовный отец протоиерей Иоанн Андриевский. Он также много говорил и о митрополите Антонии (Храповицком)... Потом меня наградили крестом от Синода Зарубежной Церкви — за стойкость в православии. И возвели в сан игумены строящегося женского монастыря...

На воронежском кладбище в одной ограде похоронены трое: архимандрит Никандр Задонский, иеромонах Иларион, иеросхимонах Амвросий — исповедники Христовой веры. Верующие люди никогда не забывают их могилы.

В воронежской общине были и другие катакомбные священники: одни провели лучшие годы в ссылках, другие служили тайно. Все совершалось с большим риском и под страхом ареста. И оттого даже воля не была волей. Не вернулись из ссылки воронежские священники иеромонахи Антоний и Иероним, иереи Емельян и Пантелеимон.

Все они были бескровными мучениками. Вечная им память.

Из воспоминаний Евфросинии (Махровой)

Как раз на Казанскую Божью Матерь, двадцать второго октября девятнадцатого года, меня крестили и назвали Елизаветой. А мой отец

---

¹⁶ Рождественский Михаил Васильевич, родился в 1901 в Петербургской губ. Окончил духовную семинарию, посвящен во иерея, позднее — посвящен в протоиерея. С 1921 — настоятель Спасо-Преображенской церкви в Стрельне под Петроградом. В 1924 — под следствием «за дезертирство из Красной армии». В 1930 — арестован по делу Ленинградского «филиала» ИПЦ, 8 октября 1931 — приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. После освобождения из лагеря и ссылки служил тайно по домам верующих в Ленинградской области.

умер еще в Гражданскую войну, мама у меня тогда вышла замуж за другого, и были у нее дети, я с ними водилась. Родного отца я не знала, жила с неродным. Жила, конечно, плохо, обижал он меня. Потом в семье братишка был, взяли его на войну и убили. А отчим умер. Так вот и жили.

В детстве мы ходили в церковь в селе Семикеево Кайбицкого района, это в Татарии¹⁷, а в войну ее закрыли. После войны открыли церковь в Гарях, и я туда с подругой Анной ходила и приходила на покаяние. Мы с ней ходили по болящим юродивым, которые все знали, и у них допытывались, можно или нельзя ходить в церковь. Они все нам говорили, что в эту церковь, которую после войны открыли, ходить нельзя. Но мы все же ходили, ведь поп у нас старинный был, он нас уважал.

Потом, когда умер Сталин, мы услышали, что в церкви отслужили по нему панихиду. Вот тут-то мы и засомневались, обратили еще внимание, что в церквях молятся о властях и воинстве. Как же так? Власти — безбожники. Какое воинство? С того времени как разрубили, больше ходить в церковь не стали. А поп нас вызывал и спрашивал, почему Анна с Елизаветой перестали ходить. Мы пришли к нему на квартиру в дом и сказали почему. Но он нам ответил, что нет, пока еще можно ходить. Мы ему говорим: «Как же можно, ведь провозглашаете вы так и так?» А он говорит: «Я вроде не упираю на это. Я только о воинстве, а о властях вроде и не упоминаю». Мы ему: «Как же, поминаешь». И все, больше не стали туда ходить. А все равно было жалко, ходили еще, проверяли, можно или нет. Без церкви-то как же?

А уж потом стали искать тайных священников. Конечно, трудно найти было, ведь они скрытые были. Первый священник, Иоанн, служил у себя дома в деревне, стали к нему ходить. А корни у него откуда? Мы тогда еще не понимали. Долго мы к нему ходили, пока мне не указали, что надо бы узнать, кем он рукоположен. Спросила, а он мне сказал, что вот таким-то отцом Серафимом рукоположен, но не в священники, а в диаконы. Я спросила: «А как же вы служите священником-то?» Он говорит: «Что ж, священников-то нет». Ну, мы и бросили его, стали искать еще.

Одна монашка сидела в тюрьме, а брат ее жил возле нас. Он пришел как-то к нам и говорит маме моей: «Тетя Оля, у меня сестра приехала и ищет, где верующих найти. Она из тюрьмы пришла, сидела за голосова-

---

¹⁷ Кайбицкий район граничит на востоке с Чувашией, районный центр — поселок Большие Кайбицы.

ние. Голосовать не ходила, ее и забрали. Теперь она освободилась и вот пришла». Мама сказала: «Пусть придет, нам тоже хочется поговорить с ней». Вот монашка эта пришла к нам, и мы с ней долго беседовали. Потом она еще раз пришла, мы говорили. Опять пришла к нам, а потом мы добились, и она сказала, что есть у них священник, отец Амвросий.

Мы стали к ней приставать, спрашивать, как к нему попасть. Долго просили, потом она сказала: «Ладно, поеду и спрошу, разрешит ли он или нет». Ведь он тайный был. Мы ждали, конечно, долго ждали. А она потом письмо прислала: «Готовьтесь». И было это в середине пятидесятых годов. Она предупредила нас, когда поедем, чтобы дали телеграмму на адрес, который дала, чтобы нас встретили. Мы дали телеграмму и поехали, я и еще один старик. Встретили нас на станции Мазурка, тогда отец Амвросий жил у монаха Мелетия¹⁸ в селе Поворино.

Встретила нас там старушка, а они сидели в саду. Мы в сад прошли, я к нему не подошла, только кланяюсь издалека. Ведь все делали втихую, украдкой, это сейчас вольно. Вот покланялись мы. А скоро должна была быть электричка, мы и поехали, они впереди, а мы за ними. Доехали все до станции Калмык, они пошли на квартиру к одной монашке, а мы к другой. Потом за нами приехали молодые ребята и повезли всех на лошади. Поехали, когда стемнело, они батюшку Амвросия и этого старика, приехавшего со мною, положили на телегу и накрыли. Доехали до села, забыла какое, кажется, Варваринка. И вот там всю ночь молились, батюшка Амвросий, отец Мелетий и ребята, пять человек.

Вот с тех пор мы к отцу Амвросию и стали ездить. Батюшка Амвросий был высоким, худощавым и совсем белым, так поседел весь. И он человека сразу всего видел, лишь взглянет... Он рассказывал нам, что до двадцать восьмого года он в церкви служил, потом собрали все духовенство и предложили: кто будет служить в церкви, то дайте подписку¹⁹, а кто не будет, отойдите в сторону. И тех, кто дал подписку, оставили, а тех, кто в сторону отошел, посадили в машину «черный ворон» и увезли. Много тогда священников погибло²⁰. Наверное, через год, году в пятьдесят шестом или пятьдесят седьмом, отец Амвро-

---

¹⁸ Иеромонах Мелетий, в миру Шеглов Матвей Ефимович.

¹⁹ Имеется в виду подписка о сотрудничестве.

²⁰ Священство и монашество в Серпуховском районе Московской области было арестовано осенью 1930 года. 5 февраля 1931 — приговорено к расстрелу или к заключению на 5–10 лет в лагерь.

сий тайно постриг меня, стала я инокиней Евникией, а мама моя приняла пострижение с именем Олимпиада.

У нас много было инокинь, а монашка была всего одна, она была из монастыря за Свяжском. А игуменьей нашей в Воронеже была схимонахиня Агния, постриг она еще до революции приняла. Когда мы принимали пострижение, так она была при этом. Мы к ней, бывало, ездили за духовными советами. Как пост, так и едем, спрашиваем у нее, как и что делать, как жить и все прочее. Но к ней далеко было ездить. Тогда батюшка Амвросий постриг в мантию Веру, потом она и схиму приняла. И мы стали ездить к ней. Да, много было монахинь и духовных ребят у отца Амвросия...

Когда схимонахиня Агния умерла, то мне поручили возить от христиан покаяния, а у батюшки Амвросия получать Святые Дары и передавать людям. Батюшка Амвросий благословил меня на это. Я знаю, что духовником у батюшки Амвросия был иеромонах Иларион²¹, и когда отец Иларион помирал, то он батюшку нашего призвал и возложил на него поручение это²². А на Покров шестьдесят шестого года он отслужил всенощную и сказал своей прислужнице: «Митродора, мне плохо. Так плохо». И через два часа умер. Вызвали врача, тот проверил и сказал: «Ох, какой! Это не человек. Это ангел». Вот посторонний человек, а сразу увидел.

Пришлось нам искать другого священника. Нашли отца Никиту²³, он после тюрьмы жил тайно у верующих в Харькове. Его посадили в тюрьму и присудили к расстрелу. А потом предложили сесть в одиночку на много-много дней. В такой столп холодный сесть, там места было только чуть-чуть присесть, а так лишь стоять можно было. И он там простоял долго, а когда открыли столп, думали, что он умер, а он живой был, но как мертвец упал. Его подняли, начальник назвал его «молодцом» и выпустил. У него были жена и дети, они в миру жили, наряжались и все такое прочее. Он спросил свою матушку: «Будем жить для детей или для Бога?» Она ответила, что детей не бросит, тогда он ушел из дома. И отца Никиту приютили добрые люди, больше двадцати лет он там прожил и умер накануне Дня святой Екатерины²⁴.

---

²¹ Иеромонах Иларион, в миру Андриевский Иван Ардалионович.

²² Имеется в виду, очевидно, церковное управление и поиски архиереев.

²³ Священник Никита (Лехан).

²⁴ 24 ноября/7 декабря 1985 года.

Потом монашки нашли отца Михаила, где он жил и фамилии его не знаю. Я у него лично не была, но наши монашки возили ему покаяние, а Святые Дары у нас были еще после батюшки Амвросия. После смерти отца Никиты стали мы опять искать священника, и я поехала в Воронеж к матушке Маргарите²⁵, она игуменьей была после матушки Веры. Приехала я к ней, она мне и говорит: «Матушка Евникия, старайтесь к отцу Гурию²⁶ попасть». Верующие из Чувашии ездили к нему, одна из них и рассказала матушке Маргарите, что есть такой отец Гурий. Вот матушка мне и передала, я и старалась его найти. Как я его искала!..

К нему тоже еле-еле попала, ведь никак не допускали. Потом уж в Чебоксарах он приехал к одним верующим, а я им наказала, как он появится у вас, сразу же предупредите. Когда отец Гурий приехал в один дом — там старик со старухой жили, — за мной приехал парень. Тут же я с ним поехала и вот наконец встретилась я с отцом Гурием и подошла под его благословение...

Из воспоминаний Ксении (Ларионовой)

Родилась я в 1921 году в Саратовской губернии. Семья была крестьянская и благочестивая. Дома была строгая дисциплина и беспрекословное послушание детей родителям. Никаких капризов: «Не хочу, не буду». Дети слушались и исполняли все с первого слова, что велели им родители. Во время трапезы все садились за общий стол, ели в полной тишине. Воспитывали нас в строгости, уже после года детей переводили на общий стол. И младенцы постились со всеми — никакого послабления не допускалось, ни молока, ничего. Посещали все службы, в храме детей приучали стоять на молитве благоговейно всю службу, не шелохнувшись. Как-то зашла я в храм, задрала голову и засмотрелась на изображение Христа Пантократора в куполе. Вдруг почувствовала, как сзади на мою голову легла сильная рука и пригнула вниз: «На службе нужно стоять вот так, опустив очи долу».

Пережили голод, коллективизацию, потом все бросили и уехали под Казань. Задолго до революции в нашем доме часто бывали странники, которые предрекали наступление страшных времен, воцарение

---

²⁵ Чеботарева Маргарита.

²⁶ Иеромонах Гурий, в миру Павлов Симеон Павлович.

слуг антихристовых, разрушение церквей. Они и говорили, что, когда будет поминаться имя Сергия как первоиерарха, в храмы ходить будет нельзя. Мать перестала ходить в церковь с 1929 года, когда стали поминать Сергия (возможно, и с 1927 года). Так мама молилась дома до самой кончины в 1959 году со слезами пред иконами.

Об иеромонахе Амвросии²⁷ я узнала от инокини Евникии²⁸ в шестидесятом году. Рассказывали, что у него было много монашествующих. Стала я просить, чтобы меня они тоже взяли с собой, хотелось поглядеть, какие они, монашки-то. Они получили разрешение от батюшки Амвросия и привезли меня к нему на станцию Балашово Поворнинского района Воронежской области. Тайком добирались, ночью, чтобы никто не видел. Отец Амвросий сразу встретил меня вопросом: «Зачем приехала?» Я так растерялась и не знала, что сказать. Матушки стали говорить: «Ну, батюшка, зачем к вам приезжают? Исповедаться, причаститься». А он сказал им: «Нет! Она монашек приехала посмотреть». Благословил он меня пожить неделю, подумать.

Все его чада духовные не вступали в колхоз, не получали пенсии. А я получала пенсию по инвалидности. Отец Амвросий предложил постричь меня в инокини. Я очень боялась. А если не исполню обеты? Если человеку обещаешь и не выполнишь, то стыдно при встрече ему в глаза глядеть. А каково будет мне отвечать перед Богом, если не исполню обещанного Ему? Ночью мне приснился сон, что на мне рубашка полна вшей, я ее снимаю, проглаживаю горячим-горячим утюгом и все очищаю от вшей. Монахини сказали мне на это: «Вот пригнешь постриг, все грехи попалишь». А я им: «Да, зато сколько новых насобираешь». Все же решилась я.

Во время пострига я трепетала — исполню или не исполню обеты. Говорили потом, что стояла я белая как полотно. На обратном пути заехала я к родственникам, и они удивлялись, что отказалась есть мясное — гусятину, курятину. Правило молитвенное было дано мне отцом Амвросием большое. С утра нужно было вычитывать утренние молитвы, полунощницу, акафисты, каноны, часы, обедницу. Пятидесятницу с поклонами, кафизмы. Вечером вечерню и повечерие с тремя канонами. И это иноческое правило, монашеское еще больше.

Ездил я потом постоянно к батюшке Амвросию. Порой Евникия посылала меня одну отвозить исповеди. Страшно было, но за послушание ездила. Я приезжала вечером и ночью, шла в ближайший дом к

---

²⁷ Правильнее иеросхимонах Амвросий.

²⁸ Махрова Елизавета.

монахине, и уже оттуда мы шли тайком в дом к батюшке Амвросию. Как-то везла я две сумки исповедей (людей было много у них), а нужно было пройти полем в полной темноте три километра. Грязь непролазная, чернозем. Через речку мостик был очень хлипкий, и я упала туда головой вниз. Еле-еле выбралась, вся в грязи с головы до ног, вымазалась как свинья. Добрела до ближайшего домика монахини, та всплеснула руками, увидев меня: «Батюшки, матушка». Скорей печку растопила, стала отмывать. Только на следующую ночь пошли мы к отцу Амвросию.

Он принимал исповеди и доверял мне отвезти запасные Святые Дары по числу приславших исповеди. Обычно он назначал время, когда все написавшие исповеди должны были собраться. Они молились, готовились ко Святому Причастию. А он у себя в это же время читал разрешительную молитву. Запасные Дары выкладывались на икону, и каждый, сложив руки крестообразно, подходил и принимал святыню. Сначала отец Амвросий это не практиковал. Но позже ему привезли старинную книгу, где описывалось, как в древние времена при гонениях христиане могли сами причащаться. И поскольку паства у него была обширная и всем невозможно было приезжать, он стал доверять запасные Дары монахиням. Обычно это происходило Рождественским и Великим постами. Очень редко когда Успенским и никогда Петровским, поскольку летом при длинном световом дне трудно было скрытно под покровом ночи добраться до его жилища.

Отец Амвросий все время спрашивал приезжающих к нему о епископах, не слышал ли кто что-нибудь. С заграницей не хотел связываться, говорил, что если здесь не разберешься, кто истинный, то там тем более можно легко в яму попасть. Хотел искать епископов, но вскоре заболел и умер в 1966 году, 14 октября. На его похороны собралось вдруг очень много народу. Просто толпы... Гроб несли на руках до кладбища, и народ все норовил под гробом пройти и прикоснуться к нему. Милиция прибыла на кладбище, увидев такое скопление народу. А кого хоронят, так и не могли выяснить там. Потом пришли к слепой старушке, из дома которой выносили гроб с телом отца Амвросия, и стали допытываться, кто это был. Она сказала, что не знает, дескать, пришел странник, попросился отдохнуть и умер. А кто он при этом был, она не знает, так как слепая.

ЧАСТЬ 2

Обзор следственных дел «федоровцев»

Имя «федоровцы» прочно закрепилось за последователями странствующего проповедника Федора Рыбалкина, образ жизни и яркие проповеди которого в 1920-е годы привлекали в ряды его сторонников множество людей в Россошанском и Богучарском районах Воронежской, а также в Старобельском и Донецком округах Донской областей. И по сей день в деревне Тишанка Таловского района Воронежской области существует большая община «федоровцев». Их собрал здесь Арсений Иващенко, в 23 года увидевший Федора Рыбалкина и слышавший все его проповеди. Позднее, вернувшись из лагеря, он сумел объединить детей и внуков расстрелянных и погибших в лагерях «федоровцев» и создать новую общину.

О самом Федоре Рыбалкине говорить достаточно сложно — личность его окутана легендами, и порой в воспоминаниях о нем уже невозможно отделить реальные исторические факты от событий, относящихся скорее к области религиозных преданий. Поэтому в предлагаемом обзоре представлены лишь те сведения о Ф. Рыбалкине, которые подтверждаются материалами следственных дел. Рассказы же легендарного характера читатель найдет в специальном приложении в конце книги.

* * *

Федор Прокофьевич Рыбалкин родился в 1882 году в слободе Новый Лиман Богучарского уезда Воронежской губернии в крестьянской семье. С детства был крещен, но ходил в церковь лишь по праздничным дням. Потом был призван в царскую армию, служил в личном конвое императора и задолго до революции вернулся в село Новый Лиман. Пришел домой богатым человеком и открыл ссыпку зерна, но скоро прогорел и стал крестьянствовать. Имел большое хозяйство: дом, две пары быков, коров. Однако в 1922 году¹ он вдруг резко изменил свою жизнь: раздал все имущество, по два раза в день посещал церковь, на коленях стоял на клиросе и пел с певчими. Летом и зимой ходил в простой холщовой рубахе и босой и пропове-

---

¹ Позднее он объяснил врачам, что «во сне явился к нему Иисус Христос».

довал по селам слово Божие, призывая к покаянию, предсказывая скорый приход антихриста. Верующие почитали его за «юродивого», «блаженно-го», «святого» и «прозорливого», который исцеляет, знает прошлое и предсказывает будущее. В июле 1923 года он появился в слободе Новая Калитва, посетил церковь, после чего стал убеждать верующих, что «*священники ваши “обновленцы”*».

До мая в Новой Калитве действительно служил «обновленец» Петр Ткаченко, который ввел в церковную жизнь прихода новый стиль, согласно инструкции. Затем сюда из села Волчья Слобода был переведен иерей Александр Камнев. После проповеди Федора прихожане обратились к настоятелю с просьбой объяснить им про «обновленцев», а потом попросили его, чтобы у них все было по-старому: и службы, и календарь. Священник направил верующих к епископу Воронежскому Владимиру (Шимковичу), который призвал верующих твердо держаться «тихоновской» ориентации. После беседы с ним верующие привезли согласие епископа о принятии их группы под свой омофор и назначение о. Александра Камнева благочинным к ним. Отец Александр ревностно принялся за служение, говорил в храмах окрестных сел проповеди, предавая «обновленцев» анафеме, после чего в селах произошли столкновения между верующими-«федоровцами» и «обновленческими» клириками. В 1924 году на площади в слободе Новая Калитва был устроен диспут между «федоровцами» и «обновленцами», победа осталась за первыми, их движение расширилось.

В начале зимы, после шести месяцев хождений с проповедями по селам Калитвянского района, Федор Рыбалкин вновь появился в Новом Лимане. Теперь он *«выглядел монахом: оброс волосами, надел длиннополую одежду, носил под одеждой тяжелые вериги, несмотря на морозы, ходил босиком»*. Священник Вениамин Запоганенко² и монах Козьма Колесников через старцев и странников стали созывать богомольцев из окрестных сел. После всенощной службы отец Вениамин выводил Федора через алтарь на середину церкви и в пространных проповедях «толковал» его речи³. Позднее в отчетах оперуполномоченного о Федоре Рыбалкине говорилось так: *«Он занимался пророчеством и ловким образом создал себе славу святого... Везде громил “обновленцев” и распространял слухи о страшном суде... Под влиянием такой агитации в начале 1925 года почти весь Калитвянский район перешел в “тихоновщину”»*⁴.

² Запоганенко Вениамин Феоктистович. Иеромонах Донецкого Успенского монастыря.

³ Священник Вениамин в проповедях называл Федора «явленным Пантелеймоном-целителем».

⁴ Например, 23 марта 1925 года епископу Владимиру (Шимковичу) от прихожан Архангельской церкви в селе Твердохлебовая Слобода было прислано заявление: *«Сознавая неправду, заблуждение и вред для Истинной Церкви Христовой “обновленческого” движения и не признавая Собора 1923 года и его постановлений, а желая быть православными христианами Единой*

Однако в мае 1925 года «обновленцы» все-таки захватили церковь в Новом Лимане, община верующих раскололась, при этом «федоровцы» продолжали приходить в церковь, стояли на коленях на правой половине, а после службы проводили собственное моление. К тому времени вокруг Федора Рыбалкина образовалась группа верующих, они ходили по селам, рассказывали о «прозорливом старце» и собирали пожертвования на будущий монастырь. С богомольцев-паломников, идущих в Новый Лиман, деньги собирались заранее⁵, позднее на эти средства, по инициативе Федора Рыбалкина, церковным советом был куплен в Новом Лимане дом в семь комнат⁶.

В молитвенной комнате этого дома священник Вениамин Запоганенко ежедневно проводил богослужения, причем служил начиная «с 3 часов ночи и до 1 часа дня, и служил как в монастыре». Верующих на службе каждый день было до 300 человек. В доме была также кухня для питания горячей пищей странников и паломников, «ежедневно там обедало до 100 человек и больше». В отсутствие же священника в доме непрерывно читались молитвы и акафисты, прерываемые только с уходом верующих в церковь, где обыкновенное церковное служение было также заменено чтением молитв и акафистов. Богомольцы рассказывали по селам, что у них священники «обновленцы» и шарлатаны, а в Новом Лимане «идет покаяние и истинное православие, потому что там есть Федор, который стоит за православие»⁷.

Летом 1925 года иеромонах Вениамин Запоганенко, Федор Рыбалкин и псаломщик Кузьма Колесников привлекались к суду и были приговорены к трем годам заключения условно, но после кассации оправданы. Вновь отец Вениамин стал проводить богослужения, стекались массы паломников, в день службу посещали по триста-пятьсот человек, особенно перед праздником Рождества Христова в декабре 1925 года. Когда в области начались первые хлебозаготовки, Федор Рыбалкин стал говорить верующим, что скоро у них все отберут. И в Новом Лимане «федоровцами» ежедневно стали устраиваться массовые общественные обеды, проходившие по определенному

Святой Соборной Апостольской Церкви, просим Вас, Ваше Высокопреосвященство, принять нас под свое духовное водительство и общение с возглавляемой Вами Церковью».

⁵ Свидетели показали: «Пожертвования были по 10 копеек и до 1 рубля, все деньги направлялись в церковный совет Новый Лиман, за каждый сорокоуст брали не менее 50 рублей, и сорокоусты были каждый день».

⁶ «Этот церковно-приходской молитвенный дом из семи комнат, не считая кухни, решено было разделить: самую большую комнату отвести под молитвенную, вторую, поменьше, — под трапезную, а остальные пять — для помещения богомольцев». В доме была сделана также специальная кухня для питания горячей пищей странников и паломников: «В Новом Лимане кормили хорошо, и ежедневно там обедало до 100 человек и больше».

⁷ Иерей Вениамин на следствии не отрицал, что сам убежден и открыто говорил верующим: «На официальной Церкви нет благодати, а благодать в лице митрополита Крутицкого Петра, который взаперти».

плану. На первое подавали сладкое, причем Дмитрий Пархоменко говорил, что вот так же сладко, как это блюдо, жилось в царское время. На второе подавали лук, и Дмитрий отмечал, что так горько, как второе блюдо, живется сейчас при советской власти — власти антихриста — и что так горько будет житья до тех пор, пока «федоровцы» не съедят всего лука. Кроме того, рядовым крестьянам также оказывалась помощь, некоторые бедняки по утрам находили у своих домов мешки с зерном или мукой, и «федоровцы» объясняли: «Это тебе от Бога». А к осени «федоровцы» стали готовиться к «страшному суду» и предстоящей под Новый год «Варфоломеевской ночи», во спасение они шли в Новый Лиман, чтобы там говеть и причащаться⁸.

Перед наступлением нового, 1926 года районные власти предупреждали местную милицию о приведении в порядок оружия, так как в новогоднюю ночь «федоровцы» якобы «хотят *вырезать всех коммунистов*». Действительно, в новогоднюю ночь «федоровцы» устроили всенощное стояние в церкви, а ровно в полночь в Новой Калитве одновременно, будто по сигналу, в разных концах села вспыхнули четыре хаты советских активистов, причем горящие дома при взгляде сверху образовывали крест. Когда эти пожары были почти затушены, вспыхнули новые четыре хаты активистов, и вновь они образовали крест. У власти не было никаких сомнений, что эти пожары — дело рук «федоровцев», пытавшихся инсценировать «*появление с неба незримого огня*» как расправу с «*антихристовыми слугами*».

16 января 1926 года в Новый Лиман вернулся отец Вениамин, полгода служивший в других местах, 17 января он целый день служил в молитвенном доме в присутствии многих верующих, а ночью, под Крещенский сочельник, был арестован вместе с некоторыми членами общины. В дом Федора Рыбалкина в ту же ночь явился милиционер с двумя понятными, ему было приказано арестовать Рыбалкина, снять в его доме портрет царя Николая и произвести поверхностный обыск. Далее милиционер сообщал в рапорте: «*Рыбалкин возбудил толпу людей, находящихся у него в доме, и заставил меня снять головной убор, после чего стал спрашивать крестик (нательный крест). Я заявил, что последнего не имею. Тогда Рыбалкин предложил мне выйти из его квартиры*». Не подчинившегося милиционера вместе с понятными вытолкали на улицу. Лишь днем 18 января все-таки удалось арестовать Федора⁹, вместе с ним было задержано еще 24 человека¹⁰.

---

⁸ О массовости этого паломничества докладывалось в рапорте оперуполномоченного: «*Этим шарлатанам удалось настолько напугать крестьянство, что, как я вам уже сообщал неоднократно, началось сильное паломничество в Лиман к Федору. Понадевали на себя кресты даже те, кто уже ряд лет совершенно оторвался от церкви*».

⁹ Из протокола обыска: «*Одежда, принадлежащая Федору Рыбалкину: одна пара белого цвета обшита крестами, одна пара синего темного цвета обшита крестами, два пояса обшиты крестами, шапка солдатского образца обшита крестами*».

¹⁰ Вместе со священником Вениамином и Федором Рыбалкиным было арестовано 32 человека: А. Л. Арепьев, С. К. Аторкин, Т. И. Безручко, Ф. К. Боглачев, Д. Н. Бондаревский, Ф. Т. Дорошенко, Е. Ф. Жданова, Н. Г. Жигайло, Ф. Д. Закутько, А. И. Каменев,

Среди арестованных был и Никифор Тоцкий, заместитель председателя РИКа и член волостного комитета партии, повторивший судьбу новозаветного Савла, гонителя христиан. Он неожиданно присоединился к «федоровцам» и на коленях просил прощения у Федора Рыбалкина. Священник Вениамин Запоганенко попытался сбежать из-под ареста, но вскоре был задержан в монастыре Сухой Донец.

Руководителями группы арестованных были названы Федор Рыбалкин, Козьма Колесников, Семен Масютин и о. Вениамин Запоганенко. Главным пунктом обвинения для них стал *«подрыв экономической мощи крестьянства Новокалитвянской и Монастырщинской волостей, Богучарского, Россошанского уезда Воронежской губернии и частично Донецкого и Старобельского округов Донской области, с одной стороны, и подрыв политики советской власти, проводимой в деревне, — с другой»*.

5 ноября 1926 года священник Вениамин Запоганенко¹¹ был приговорен к 10 годам концлагеря, еще 7 человек — к 3 годам концлагеря, 16 человек — к 7 месяцам тюрьмы, остальные освобождены. Экспертиза врачебной комиссии признала душевнобольными Федора Рыбалкина¹², Козьму Колесникова, Степана Аторкина и Семена Масютина, которые были приговорены к принудительному лечению в психиатрической больнице.

* * *

После заключения Федора Рыбалкина в больницу «федоровцы» стали собираться у Дмитрия Пархоменко в Новой Калитве; в своем доме он организовал нелегальную молельню, назвав ее «новый Иерусалим». «Федоровцы» наладили связь с верующими окрестных сел, связь эта осуществлялась примерно так же, как она многие века существовала в киргизских степях среди кочевников¹³, и на все большие праздники верующие со всей округи сходились в эту молельню. Некоторое время спустя среди «федоровцев» распространилось «священное письмо», и в нем утверждалось, что Богу чрезвычайно угодны массовые трапезы на сотни человек, как ближайший

И. Д. Колесников, К. Н. Колесников, В. Е. Колесникова, С. М. Ландырев, Т. Т. Лактионов, А. Г. Мазунина, С. П. Масютин, В. М. Наумов, А. И. Недоводиев, Я. Ф. Николенко, Д. С. Пархоменко, С. Н. Пархоменко, И. А. Плотников, Т. К. Подлипаев, Ф. П. Семенихин, И. Д. Скосарь, И. П. Соколов, С. Ф. Ткаченко, Н. Е. Тоцкий, П. А. Тютерев, С. И. Чуев, А. М. Шевцов.

¹¹ Отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения, летом 1929 — освобожден и отправлен в ссылку.

¹² В акте врачебной комиссии отмечалось: *«К своему аресту относится совершенно равнодушно, говоря, что Бог захочет, то и будет, нисколько не заботится об оставшейся семье»*.

¹³ Из Новой Калитвы приходил с распоряжением или известием от Пархоменко гонец в Терновку, оттуда выезжало или выходило уже столько гонцов, со сколькими селами граничит Терновка, и дальше от села к селу, пока не будут оповещены все ближние села, где есть «федоровские» общины, — все это гарантировало максимальную быстроту и большую скрытность.

путь в Царствие Божие, и раздача хлеба беднякам, чтобы те дареный хлеб после семикратной молитвы спрятали так, чтобы «своя рука не ведала, свои глаза не видели»¹⁴. И «федоровцы», устраивая складчину с родными, стали закатывать обеды на сто-двести гостей, приходящих из разных деревень. В 1929 году массовые обеды организовывались уже на триста-четыре человека, и это позднее стало серьезным обвинением и основанием для расстрела многих «федоровцев»¹⁵.

Многие члены общины воспряли духом, когда узнали, что Федор Рыбалкин выпущен из тюрьмы и скоро прибудет в Новую Калитву. Они договорились исповедоваться и причаститься сразу после Пасхи, для чего в Новую Калитву из многих сел прибыло около 200 «федоровцев». В Кантемировском районе милиция арестовала несколько десятков «федоровцев» якобы за хулиганство, и, когда они начали петь религиозные песни, было приказано «стрелять в того, кто рот открывает». Среди мер борьбы с «федоровцами» рекомендовалось провести через общие сходы постановление о выселении наиболее ярких членов общины, однако «не более 3–5 человек из каждого крупного села», или же использовать опыт местной власти в селе Талы — «провести полное прекращение отпуска товаров с кооперации, вплоть до табаку и спичек, для членов секты “федоровцев”»¹⁶.

9 февраля 1929 года секретарь Россошанского окружка докладывал: «Секта к настоящему времени насчитывает около 1000 человек в 8 районах округа»¹⁷. А 26 февраля он же сообщал: «Мы принуждены самым настоятельным образом добиваться поголовного выселения всех “федоровцев” за пределы

¹⁴ И хлеб этот должны были держать до тех пор, пока в двери не войдут «белые всадники», не перекрестятся на иконы, не поцелуют флажки, не скажут «Христос воскрес» и не укажут путь в «царствие Божие».

¹⁵ В материалах следствия эти события были представлены так: «Советский Союз испытывал острую нужду в хлебе, и когда кулачье усиленно скрывало хлебные излишки, “федоровцы” развили бешеную агитацию именно за то, чтобы хлеб не попал в руки рабоче-крестьянской власти. Еще только наместились затруднения с хлебом, еще не было и разговора об исключительных мероприятиях, а “федоровцы” уже повели практическую работу по растрачиванию хлеба. Не по разбазариванию, не по распродаже, а именно по растрачиванию хлеба».

¹⁶ Очевидно, возмущение и обращения в центр сельчан возымели действие, в декабре 1929 года местными властями было дано указание на необходимость исправить перегибы и вернуть отобранные у «федоровцев» продукты и «не морить их голодом».

¹⁷ «Федоровцы» называли себя «белыми монахами», ждущими прихода «белых всадников», которые их отберут и щедро наградят, а остальных «предадут лютый смерти». Для отличия «федоровцев» от других поклонники «блаженного» нашивали на свои одежды кресты, причем количество крестов у разных лиц различное. Сам Федор Рыбалкин «был обшит крестами с головы до ног», кресты эти нашивались не им самим, а теми, кто «получал избавление от грехов». Свои дома «федоровцы» также отмечали знаками, сначала на ставнях ставились мелом кресты, а затем начали выводить буквы ХВ, что означало «Христос Воскресе», они убеждены, что по этим знакам их дома будут опознаны. Они верят, что настанет ночь, когда прискачут «белые всадники на белых конях» и устроят «Варфоломеевскую ночь», уничтожая всех не «федоровцев» и сжигая их жилища.

области... *Нужно с ними немедленно и окончательно расправиться, в противном случае это впоследствии обойдется нам дороже*¹⁸.

Расправа была неизбежна. Весной 1929 года в селах Богучарского, Ново-Калитвянского и Россошанского районов были арестованы свыше 50 человек во главе с Федором Рыбалкиным и Дмитрием Пархоменко. Относительно целей «организации» следствие довольствовалось стандартной формулировкой — *«подрыв мероприятий и свержение советской власти»*. В октябре 1929 года часть арестованных, включая Дмитрия Пархоменко, была приговорена к расстрелу, остальные — к заключению в концлагерь. Федор Рыбалкин, получив 10-летний срок, был этапирован в Соловецкий лагерь особого назначения, где впоследствии погиб.

30 января 1930 года в селах и слободах Ново-Калитвянского района¹⁹ было арестовано еще 35 человек²⁰. Среди них 23 человека в начале 1920-х годов были активными участниками восстания крестьян²¹. В феврале арестованным было предъявлено стандартное обвинение. Часть из них приговорили к расстрелу, остальных — к заключению в лагерь сроком до 10 лет²².

* * *

В августе 1937 года в селе Монастырщина Богучарского района была арестована группа верующих, как *«активные участники религиозной органи-*

---

¹⁸ Инструктор партийного комитета по антирелигиозной пропаганде предлагал: *«б) Для борьбы со злостным сокращением посевов у “федоровцев” практиковать вынесение крестьянских сходов об отобрании у них злостно необрабатываемой земли или всего земельного надела; 7) Чтобы парализовать стремление “федоровцев” не пускать своих детей в школы, применять общественное принуждение к “федоровским” семьям, пригрозив, в случае отказа от отправки детей в школы, отобрать у них детей и взыскать с родителей на содержание ребенка»*.

¹⁹ В селах Новая и Старая Калитва — 17 человек, в слободах Дерезоватая — 6 человек, Кириничная — 6 человек, Терновка — 2 человека и с хутора Атаманский — 1 человек.

²⁰ С. Т. Алферов, Е. В. Аторкин, И. Н. Бабенко, К. Н. Бабенко, Н. И. Безыменный, Я. И. Безыменный, И. П. Безручко, П. В. Безручко, В. И. Голубцов, С. М. Енин, В. Д. Ефименко, Д. И. Жигайло, И. С. Жигайло, Н. Г. Жигайло, Я. Д. Жигайло, Б. В. Зайцев, М. П. Зеленский, Ф. В. Ковалев, Г. О. Лисицкий, Ф. Р. Малиев, П. А. Мельников, И. С. Михеенко, Д. С. Нетребин, Е. В. Оторкин, И. А. Пархоменко, Я. И. Пархоменко, И. М. Прядкин, С. И. Свищев, М. А. Скрыпников, Г. М. Тоцкий, Ф. Е. Тоцкий, М. Н. Тютерев, В. Ф. Харольский, И. С. Шульженко, Ф. И. Яицкий.

²¹ В 1920–1921 годах в селах Старая и Новая Калитва было разгромлено восстание крестьян, и тогда погибло около 1000 мужчин из этих сел.

²² Например, 5 марта 1930 года были приговорены: 9 человек — к расстрелу (их семьи были высланы), 7 человек — к 10 годам лагерей, 16 человек — к 5 годам; 21 марта 1931 года следующие 14 человек приговорены к заключению в лагерь на 5–10 лет.

зации «федоровцев», и среди них Арсений Иващенко²³. В 1923 году, вернувшись после армии в родное село Монастырщина, он прослышал о Федоре Рыбалкине. Увидев Федора и услышав его проповеди, Арсений проникся верой в него и стал жить по заповедям Христовым, участвуя в тайных молениях «федоровцев». 2 сентября 1937 года арестованным было предъявлено «Обвинительное заключение», в нем говорилось, что «за подрывную деятельность против советской власти с 1926 по 1937 год был арестован ряд активных участников этой организации». Далее утверждалось, что они «систематически проводили контрреволюционную агитацию против колхозов, призывали к выходу отдельных колхозников из колхоза, вели также пораженческую агитацию». 9 сентября 1937 года арестованные были приговорены к 10 годам лагерей.

Сначала Арсений Иващенко был отправлен в Котлас, затем в барже, до отказа переполненной заключенными, на север. Высадили их в лесу и оставили под открытым небом, приказав самим себе строить бараки. На нарах места не хватало, и Арсению приходилось спать под нарами на ледяном полу. Холод, голод, тяжелая работа отнимали последние силы. Весь простуженный, с язвой желудка, Арсений попал в больницу и выжил. Отсидев полностью срок заключения, был освобожден из лагеря инвалидом II группы и в 1945 году вернулся в родное село Монастырщина, где ждала его верная жена Евдокия Семеновна. Вместе со старейшим «федоровцем» Василием Шантиным он объединил вокруг себя тридцать «федоровцев», оставшихся на свободе. Нелегальные моления проходили в селе Новый Лиман в доме Анисьи Шевцовой и в квартире Василия Беликова.

* * *

В июле-августе 1944 года в Писаревском, Ново-Калитвянском и Россошанском районах прошла новая волна арестов. Были схвачены 32 человека²⁴ как «участники нелегальных антисоветских групп «федоровцев»». Руководителем их, по версии следствия, являлась Мария Михайловна Пар-

²³ Иващенко Арсений Емельянович, родился 15 мая 1900 в селе Монастырщина Богучарского уезда Воронежской губ. в семье кузнеца. Окончил 3 класса сельской школы. От природы был музыкально одарен, прекрасно играл на скрипке. В 1919 — был призван в армию, в 1921 — демобилизован, вернулся на родину (вся семья в то время погибла от голода). Женился, работал в лесхозе.

²⁴ М. Я. Безрукова, П. М. Безручко, М. С. Борцова, Д. Е. Бражникова, Ф. Ф. Брянцева, Е. Т. Дмитриева, О. Ф. Дубинина, И. К. Дуров, У. И. Клевцова, М. С. Копыцина, А. С. Косенко, Д. С. Косенко, М. П. Лисицкая, Х. П. Лисицкая, П. Е. Матузкова, П. С. Мерчалова, С. С. Мерчалова, М. М. Пархоменко, А. М. Пономарева, Е. Е. Ратиев, А. П. Ратиева, Е. М. Ратиева, М. Л. Репкина, Е. В. Ряполова, Х. П. Садовничая, И. К. Старыгин, Х. И. Старыгина, Д. И. Сычева, Е. Н. Тарасенко, П. Ф. Терещенко, Н. П. Ткаченко, П. А. Черноусова.

хоменко, именуемая верующими «матушка Мария», мать Дмитрия Сергеевича Пархоменко, расстрелянного в 1929 году. «Матушка Мария» тогда тоже была арестована, приговорена к 6 годам ссылки, а в 1936 году освободилась и вернулась в Ново-Калитвянский район, проживая в разных селах на полуполюгальном положении. В 1942 году часть осужденных «федоровцев» после освобождения из мест заключения до и в период оккупации вернулась на родину. После изгнания немцев из Воронежской области «федоровцы» стали восстанавливать связи и устраивать по домам нелегальные моления.

«Матушка Мария» в то время проживала в селе Ивановка, а затем на хуторе Стеценково Ново-Калитвянского района, она и возглавила «федоровцев», назначив по селам старших «сестер» и «братьев»²⁵. Мария Михайловна призвала верующих уклоняться от работы на промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах; не принимать никаких документов, не являться на вызовы по повесткам, не расписываться на советских документах, отказываться от госпособий; не пускать детей в школы, в клубы, кино, театры; уклоняться от призыва в армию и укрывать дезертиров²⁶. В результате ее «наставлений» в селах Ново-Калитвянского и Писаревского районов появились новые группы «федоровцев», вышли из колхоза шесть человек, уклонились от службы в армии и стали дезертирами 5 человек. При ее активном участии был организован сбор денежных средств для оказания помощи осужденным в лагере.

28 сентября 1944 года арестованным было предъявлено «Обвинительное заключение», а 27 января 1945 года были приговорены: 2 человека²⁷ — к 10 годам, 4 человека²⁸ — к 8 годам, 10 человек²⁹ — к 5–6 годам, 2 человека³⁰ — к 3 годам лагерей, 2 человека³¹ — к 8 годам и 14 человек³² — к 3–5 годам ссылки.

---

²⁵ Старшие «сестры» и «братья» в Ново-Калитвянском районе: в селах Талы — Секлетия Мерчалова и Евграф Ратиев, Ивановка — Иосиф Ткаченко, Терновка — Пантелей Корниненко, на хуторах Атамановский — Пелагея Терещенко, Желобок — Фекла Брянцева и Агафия Ратиева.

²⁶ На следствии Марию Пархоменко обвинили в том, что она «давала „наставления“ и установки, направленные против соввласти и проводимых ею мероприятий».

²⁷ С. С. Мерчалова, Е. Е. Ратиев.

²⁸ М. М. Пархоменко, Ф. Ф. Брянцева, И. К. Дуров, А. П. Ратиева.

²⁹ П. М. Безручко, Ф. Ф. Брянцева, Е. Т. Дмитриева, И. К. Дуров, А. С. Косенко, М. П. Лисицкая, П. С. Мерчалова, Х. И. Старыгина, Д. И. Сычева.

³⁰ И. К. Дуров.

³¹ О. Ф. Дубинина, Х. П. Садовничая.

³² М. Я. Безрукова, М. С. Борцова, У. И. Клевцова, М. С. Копыцина, Х. П. Лисицкая, А. П. Ратиева, Е. М. Ратиева, Е. В. Ряполова, И. К. Старыгин, Е. Н. Тарасенко, П. Ф. Терещенко, Н. П. Ткаченко.

* * *

30 ноября 1948 года в селе Козловка Бутурлиновского района были арестованы Евгений Перепеченых³³ и его сын Александр³⁴. Еще ранее, в апреле 1938 года, Евгений Перепеченых уже арестовывался в Таловском районе. На следствии в Бобровской тюрьме его обвинили в том, что он *«восхвалял жизнь при царизме, клеветал на колхозы и колхозное строительство, доказывал предстоящую гибельность колхозов и возводил клевету на советскую власть»*. На допросах Евгений отделялся молчанием и прикидывался невменяемым и на заседании областного суда, 25 августа, также отказался отвечать на вопросы и симулировал психическое расстройство. Для проверки он был отправлен на стационарное обследование в психлечебницу «Орловка» под Воронежем. 22 июля 1940 года был признан вменяемым, но в августе отправлен на лечение в психлечебницу «Орловка». В 1943 году Евгений был освобожден и вернулся домой в село Козловка совсем больным.

Во время войны его сын Александр стал скрываться от призыва в армию. В 1944 году был схвачен, приговорен к 3 годам лагерей и отправлен в лагерь под Бобров, где отказался от работы по религиозным убеждениям. Следствием был обвинен в саботаже, но категорически отказался подписать это обвинение, несмотря на жестокие избиения. Через месяц Александр на костылях был отправлен в пересылочную тюрьму в Усмань и помещен в тюремную больницу. В августе 1945 года он был активирован как инвалид и вернулся домой, а осенью 1946 года отказался принять паспорт, *«мотивируя религиозными убеждениями»*. Вместе с отцом участвовал в нелегальных молениях и не принимал участия в выборах.

30 ноября 1948 года арестованным было предъявлено «Обвинительное заключение»³⁵. В декабре Александр Перепеченых был приговорен к 10 годам лагерей и отправлен в лагерь в Башкирии, а затем в Севвостоклаг (на Колыму). А его отец Евгений Перепеченых — снова направлен на принудительное лечение³⁶.

---

³³ Перепеченых Евгений Карпович, родился в 1894 году в селе Козловка Бутурлиновского уезда Воронежской губ. Грамотный. Проживал в селе Козловка. Крестьянин-единоличник.

³⁴ Перепеченых Александр Евгеньевич, родился в 1924 в селе Козловка Бутурлиновского уезда Воронежской губ. Грамотный. Проживал в селе Козловка. Крестьянин-единоличник. В 1944 — арестован и приговорен к 10 годам ИТЛ. В 1945 — освобожден из лагеря по амнистии.

³⁵ В нем говорилось, что осенью 1947 года он высказывал в клубе *«клеветнические измышления по адресу колхозов и советской печати»*, а в декабре 1947 года и в октябре 1948 года в своем доме *«проводил антисоветскую агитацию клеветнического характера»*.

³⁶ Возвращен в психлечебницу «Орловка», затем переводился в психиатрические больницы Казани, Новочеркасска, Ленинграда.

* * *

В сентябре 1950 года в Россошанском, Ново-Калитвянском и Михайловском районах были арестованы 58 «федоровцев» во главе с Николаем Романовичем Стаценко, причем при обысках в их квартирах была изъята религиозная, а по версии следствия, *«антисоветская литература»*. Во время следствия было допрошено 200 свидетелей, из них только 65 человек дали обвинительные показания на арестованных. Все они не отрицали, что принадлежат к «федоровцам», но отказались подписывать обвинение в *«антисоветской агитации, направленной против советского государства»*. 27 октября 1950 года арестованные были приговорены: к 10 годам лагерей — 19 человек³⁷, к 8 годам — 7 человек³⁸, к 5 годам — 21 человек³⁹ и высланы — остальные.

* * *

С 30 мая по 1 июня 1952 года в Петропавловском и Радчинском районах Воронежской и Мигулинском районе Ростовской области были арестованы еще 7 человек⁴⁰ как *«участники антисоветской группы “федоровцев”»*⁴¹. Идеологом группы следствие считало Арсения Иващенко, а руководителем — Екатерину Шабельскую. В 1949 году, после ареста Арсения и отправки его в психбольницу им. Сербского, она возглавила группу «федоровцев», а Василий Шантин был их духовным наставником. Именно он разрешил «федоровцам» работать в колхозах, платить госналоги и учить детей в школах, *«в целях избежания провала и последующего ареста»*. Нелегальные моления с весны 1949 года проходили в доме Ульяны Жуковой в селе Глубокое и в доме Анастасии Мельниковой в селе Дедовка Петропавловского района. В мае

---

³⁷ А. М. Антофьева, В. В. Барсуков, П. Н. Воропеева, Т. С. Киселев, Р. П. Лыткина, К. Т. Полина, Р. А. Ряскова, И. И. Савенков, Н. А. Савенков, М. Г. Селин, В. Н. Сериков, И. Д. Тюрин, Н. Д. Тюрин, С. С. Тюрин., Н. В. Филиппова, В. М. Чернов, Н. Г. Шеин, Н. И. Шляхова, И. П. Шелканов.

³⁸ М. Д. Жихарев, В. М. Медведева, А. А. Некрылова, Н. Г. Селин, И. С. Тюрин, М. Ф. Чернов, Е. И. Шеина.

³⁹ Е. Е. Барсукова, А. В. Бессарабова, М. Д. Гречанова, А. С. Губанова, А. М. Жихарева, А. И. Заикина, Т. Е. Полин, М. Т. Полина, А. П. Савенкова, Е. А. Савенкова, М. С. Савенкова, Л. А. Сидельникова, М. Е. Сурков, А. С. Тупикина, А. С. Тюрина, В. Н. Тюрина, П. М. Тюрина, А. Ф. Устинова, Е. Ф. Устинова, М. Н. Хаустова, П. П. Щербакова.

⁴⁰ В. М. Беликов, Е. С. Иващенко, А. З. Мельникова, У. С. Жукова, В. М. Шабельская, Е. В. Шабельская, В. Ф. Шантин.

⁴¹ Следствие отмечало, что *«за подрывную деятельность против советской власти с 1926 по 1937 год был арестован ряд активных участников»*.

1949 года под руководством Екатерины Шабельской в селе Монастырщина дважды прошли коллективные выступления «федоровцев» против представителей советской власти.

28 июля 1952 года арестованным было предъявлено стандартное «Обвинительное заключение», в котором говорилось, что участники группы *«систематически проводили нелегальные сборища, на которых, используя религиозные убеждения, призывали к противодействию мероприятиям, проводимым ВКП(б) и советским государством, распространяли провокационные слухи и клевету на советскую власть и руководителей ВКП(б) и советского государства»*. 12 августа 1952 года 4 человека⁴² были приговорены к 10 годам, еще 3 человека⁴³ — к 8 годам лагерей.

* * *

Арсений Емельянович Иващенко был освобожден из психиатрической больницы в 1954 году и передан на попечение дочери, живущей на хуторе Нагольном Алексеевского района Ростовской области. В 1957 году вернулся в село Монастырщина, тогда же из Карлага освободилась и его жена Евдокия Семеновна Иващенко, еле живая и с опухшими ногами. Полуземлянку им не вернули, супруги терпели клевету, презрение, материальные лишения, холод, недоедание, непонимание соседей, скитания по чужим людям. В 1961 году Арсений Иващенко вновь был арестован. Так как по возрасту к «тунеядцам» он уже не мог быть отнесен, его обвинили в «хулиганстве», приговорили к 5 годам лагерей и отправили в лагерь в Кривоборье под Воронежем. В 1966 году он был освобожден и поселился в Батайске, а в 1970 году вернулся в село Монастырщина. В 1975 году, после смерти жены, переехал в село Старая Тишанка, где христиане-«федоровцы» купили ему избушку и стали ухаживать за ним. 8 января 1984 года Арсений Емельянович скончался.

Александр Евгеньевич Перепеченых сначала был отправлен в лагерь под Уфу (Башкирия), а весной 1950 года — на Колыму в Севвостоклаг. В 1955 году освободился и вернулся в родное село. В 1961 году вновь был арестован как «тунеядец» и отправлен на 5 лет в ссылку в Томский край. Там за отказ от работы помещен в тюрьму, через 4 месяца состоялся новый суд и отправка в лагерь. И так не один раз. В 1968 году был освобожден и вернулся в родное село, позднее переселился в село Старая Тишанка и сейчас, после смерти Арсения Иващенко, возглавляет общину «федоровцев». Его воспоминания представлены в книге.

---

⁴² В. М. Беликов, Е. С. Иващенко, Е. В. Шабельская, В. Ф. Шантин.

⁴³ А. З. Мельникова, У. С. Жукова, В. М. Шабельская.

Из воспоминаний Василия Воробьева

Я истинно-православный христианин Воробьев Василий Кузьмич, двадцать пятого года рождения, проживаю в селе Старая Тишанка Таловского района Воронежской области. До тридцать седьмого года мы жили с отцом и матерью. Мать у нас была больная, лежала в постели, а у нее было нас семеро детей. Отец наш верил в Бога, я помню в детстве, как он ходил в церковь. Я еще «пацаненком» был, ничего не понимал, но тоже ходил в церковь. Отец с матерью учили нас молитвам «Верую», «Отче наш», «Да воскреснет Бог», «Живый в помощи». И в Светлое воскресенье или в праздник вставали все утром, умывались и становились на молитву. Читали все молитвы по памяти, и каждый из детей — чему научился. Когда церковь закрыли, мы только дома молились, своей семьей. Но не собирались по домам, у нас этого не было. Самое главное было, чтобы по праздникам не работать, этому в детстве нас мать и отец научили.

Загоняли родителей в колхоз, но они не записались, греха боялись. Потом приехало начальство и разорило все наше хозяйство, забрали все что было. И лошаденку, и коровенку, хлеб забрали, какой был, из закровов все вымели, даже соли немного было на потолку, полезли, нашли эту соль и забрали. И ложки столовые какие-то были, и те забрали. Одежду всю забрали, ничего не оставили, остались мы почти голыми. Да еще по огороду ходили со штыками, все ямы с хлебом искали, а у нас не было. Только семеро детей было, какой там хлеб.

Отец стоял на своем, в колхоз не записывался, потом забрали его в тюрьму и осудили на десять лет¹. Остались мы без отца, мать больная, а мы совсем малые. Питаться совсем нечем было, и пошли мы побираться по миру, кто чего даст, тем и питались. Приходилось идти в поле, колоски собирать, а за нами гонялись загонщики, не давали их собирать. Мы набирали тайком, чтоб загонщики не видели, да в лес убегали и ночами приносили домой. Ночью же колоски эти толкли в ступах, веяли на ветерку в укрытии и собирали понемногу в мешок. Только набрали мы пуда по полтора ржи, а тут приехали и забрали все, оставили нас ни с чем.

И опять мы шли на поле украдкой, они-то верхом на лошадях гоняли нас с поля, а мы убегали от них и спасались в ярах. Голодными были всегда, вместо пряников желуди ели. А куда деваться?

---

¹ «Когда Козьму забирали, начальник спросил насмешливо: “На кого детей бросаешь?” Тот ответил: “На Бога!”» (Из воспоминаний Александра Евгеньевича Перепеченых)

Надо же чем-то жить? А мы ведь живые, а нас все томили и гнали в колхоз, просто загоняли, но мы стояли на своем. И ведь это не один день, не два, а года проходили, и мы это все переживали. Как весна — нам нечем жить. Шли на поле и колхозную картошку мерзлую собирали, потом сушили ее, толкли, и этим хоть как-то переживали. Люди добрые ради Христа дали нам немного кукурузной муки, замесили мы в глиняном горшке тесто, а испечь не успели. Вломилось начальство и забрало тесто вместе с горшком. Мы заплакали: «Зачем забираете?» А они: «Вы не записываетесь в колхоз, за это мы и забираем».

В лес ходили, дровишек набирали, на тачке отвозили к себе, потом за пятнадцать километров на базар везли, чтобы дровишки эти продать. Бывало, что продавали и на какую-то копейку покупали что-то и домой привозили. А когда возвращались домой, то нас встречали дети начальников, им по пятнадцать-семнадцать годов было, обыскивали нас: «А-а, что, наторговали себе денег?» И отнимали деньги, если были. И ночами приходили они к дому, окна били, а днем встречали на дороге, камнями в нас запускали или палками били.

Ходили мы по людям, огороды копали, и люди платили нам за каждый день. А работали от зари до зари, два-три дня отработаешь, тогда ведро картошки дадут. И не кормили нас. Так что заработали мы, сразу же все и съели. И опять на работу вышли. Так и жили. И голодными, и холодными были. Бывало, что иногда приносили нам люди что-то обуть-одеть, ведь ничего у нас не было. А мы же дети, охота было и на улицу выйти, и поиграть. Так в праздник какой соседка наша Матрена приносила нам обувь и одежду свою. А нас ведь в доме семеро, каждому поиграть хочется, и мы — в драку. Вот кто захватит, тот и пошел на улицу, поиграл и повеселился.

Потом началась война. В сорок третьем году забрали меня в трудармию, в рабочий батальон, там я был до окончания войны. К тому времени отец наш вернулся из тюрьмы, я уже подросток и стал с отцом работать по договору с колхозами. Как-то заработали хлеб и пшеничку, поехали домой и по дороге решили завезти немного хлеба родным. Но не успели, как приехало начальство и забрало наш хлеб в колхоз. Так и не отдали. И обкладывали нас налогом большим, а платить было нечем. Тогда захватывали нас, когда мы с отцом домой приходили, и забирали все под этот налог. В сорок седьмом заработали мы хорошо и купили коровку. Только привели ее домой, сразу же они пришли и забрали: «Вы ничего не платили. Вот за остаток и забираем». Все у нас за налог выметали. Все, что в огороде сажали, осенью приезжали и забирали. Ничего не оставляли нам, так что много горя мы хватили за колхозное время. А потом как-то с работы забрали нас с отцом и выслали в отдаленные края. И остались без

отца дети мои, дочь Таня, пятьдесят пятого года, и сын Николай, пятьдесят восьмого...

Из воспоминаний Александры Халчевской

Я — истинно-православная христианка Халчевская Александра Васильевна, родилась в 1924 году на хуторе Цунцун Кушевского района Краснодарского края. Отец мой, Халчевский Василий Евгеньевич, родился в 1890 году, в четырнадцатом забрали его на войну, в семнадцатом на фронте перебило ему руку и ногу. Долго он лежал в госпитале, жена его в то время вышла замуж за другого. Когда из госпиталя привезли его на телеге домой, мать его уже умерла, а отец женился на другой женщине. В семье было восемь человек, и он калека, на костылях был. Отца моего подобрала женщина, Халчевская Елизавета Акимовна, 1902 года рождения, она и стала потом моей матерью. Отвели им землю, восемьдесят четыре гектара, стали они на земле хозяйствовать. Были в селе и зажиточные, и кулаки.

А в двадцать девятом году началась коллективизация. Всех начали грабить, разбирать дома, кого в тюрьму, а кого таскали в Краснодар или в Ростов. Многих выселили — в селе было до ста дворов, а осталось около шестидесяти. Начали всех сгонять в колхоз. Отец с матерью не пошли в колхоз, были единоличниками, в хозяйстве была коровка и лошадь. В январе тридцать первого родились у нас двойняшки-мальчики, а в июне стали забирать у всех коров. Стадо единоличников в степи паслось, колхозники послали туда трех верховых, и те начали коров этих гнать кнутами на базу колхозную. Мы пошли туда за своей коровой, детишки ведь голодные, а верховые сказали: «Ничего не знаем, идите в сельсовет».

Пошли мы за восемь километров в сельсовет, детей понесли, а председатель сказал: «Сегодня все устали, завтра приходите». Отец с матерью пошли домой, и мы следом, две девчонки. Малыши криком кричат, голодные, им всего по полгодика было. Наутро пошли мы и брат отца, у него тоже младенец был. Дали расписку, и коров наших вернули, а лошадь отобрали. В ноябре тридцать второго года забрали брата отца, Ивана. Три месяца держали его в тюрьме, потом передали, чтобы привезли ему смену белья и передачу. В январе, перед праздником трех святых, отец с другим братом поехали туда, на санках везли продукты и все остальное, передали Ивану.

А их уже предупредили: «Вас выселять будут». Они ночью приехали, решили: «Мы им не дадимся, сукиным сынам». А еще раньше брат

двоюродный Михаил — он за восемнадцать километров от нас жил, его тоже ограбили и к высылке готовили — пригнал к нам свою лошадку, сказав, пусть у вас побудет. И мама предложила отцу: «Давай сейчас лошадь запряжем и удерем отсюда». А на дворе — буран, снег... Запряг отец лошадь, сложил все на санки и уехал. Прошло полчаса, вдруг стук в окно и голос: «Откройте дверь. Я милиционер Бештанев».

Я не хотела пускать его, страшно было, ведь ночь на дворе, может, и не милиционер. Он бил в дверь, матерился и грозил: «Не то побью окна и двери». Потом побежал к братьям отца, привел их, кричит: «Открывай». Я открыла, и он спросил: «Где хозяин?» Я молчу, ничего не говорю. Он искать стал, искал-искал, потом засунул пистолет маме в рот, кричит: «Убью! Скажи, где хозяин?» У мамы кровь изо рта, она в положении, уже на шестом месяце, и нас четверо детей, ревут все. Но ничего мама не сказала.

Он бесился, бесился, грозил: «Сейчас в бригаду наберу людей, так мы вас всех прямо сейчас вывезем». Убежал, набрал двенадцать человек из «комсода»², приехали они к нам к обеду. Взяли двух лошадей, запрягли их в наши санки, посадили туда четверых детей и маму. Положили сверху всякие лохмотья и увезли нас за четыре километра туда, где помещиков разграбили. Там почти все хаты разломали, ничего не осталось. Поселили нас в хату, где окна были, а печи не было совсем, сломали ее. А у нас с собой лишь ведро было с «чагарой»³, чтобы кашу варить.

Потом туда и семью Михаила привезли, и еще четыре семьи Халчевских поселили. Мы там двое суток сидели в холоде, ведь около нас стражу поставили, чтоб никто не мог нам помочь. А бабушка дома горевал, что мы там умираем. Но Господь нас хранил, мы остались живы. Двое суток нас охраняли, потом ушли, велели никому к нам не ходить. Наши пришли ночью, бабушка, папины братья Сергей и Николай. Развалили печку на дворе, внесли кирпичи в хату и сложили печку-плитку. Растопили ее, и мы первый раз за трое суток напились водички теплой.

Так и стали мы там жить. Бабушка приходил ночью, приносил бурячков, и мы терли их на терке. За балкой была колхозная кукуруза, мы из-под снега выбирали остатки кукурузы, приносили, толкли в ступке, делали мучицу. Потом смешивали с бурячками и пышки пекли на печке. Дом наш в селе они забили, но на огороде погреб был. Ночью мы пошли туда, мне семь лет тогда было, откопали этот по-

---

² Комсод — комитет содействия.

³ Имеется в виду тростник.

греб, набрали бурячков и пшеницы и привезли все. Там и сурепка была, ее тоже забрали, семена ее годились в еду. Она горькая, но если муку добавить, получались вкусные пышки, а с бурячком даже сладкие. У нас здесь на выселках и двойняшки родились. Мама тогда так перепугалась, что у малышки ножки отнялись — три года она сидела как копна. А мальчик из двойняшек тогда умер...

В этой избе до весны жило нас двенадцать человек, только родня приходила ночами. А кругом степь. Весной совсем нечем стало жить, все подъели. И работать там было негде. Тогда дядя с тетей уехали в Караганду, Михаил с жинкой уехали в Кореневку. А мы остались в этой хате и жили там до тридцать шестого года, что-то потихоньку сажали. Родственница наша записалась в колхоз, и ей корову дали. Она собрала сметанки в стаканчик и дала сестренке ложечку. Та и ожила немножко. Но лишь через три года она стала ходить.

Потом в нашей хате сделали столовую для колхоза. У коней был сап, они хрипели, зеленая пена шла у них, и весь двор они загадили. Тракторов тогда не было, землю обрабатывали быками. А потом хату нашу спалили, кто-то развел костер во дворе, а крыша была соломой крыта, она и вспыхнула. От избы остались только стропила. Потом им все надоело, выгнали они нас с выселков, сказали: «Идите обратно в свою хату». Мы вернулись, а дома ни окон, ни дверей — все спалили. И чем крыть — неизвестно, ведь нельзя было со стерни даже соломки взять. Стены дома начали падать. Тогда мы собрали в степи траву перекатиполе и ею покрыли хату. Кое-как перезимовали. Нам говорили все: «Идите в колхоз». Но мы так и не пошли.

Батяка мой вместе с отцом своим Евгением скрывался до тридцать шестого года у брата в Ефремовке Ростовской области. Дядька мой делал кадушки, отец ему помогал, тем они и жили. И в скитаниях своих отец познакомился с одним священником, который отказался в церкви служить. И батюшку, Константином его звали, пустила к себе жить старушка. У них маленькая хатенка была, и жил там батюшка с матушкой. Как-то повел меня отец с дядькой к батюшке за восемнадцать километров, а было мне уже одиннадцать лет. Пока дошли туда, я так устала, что уже ничего не понимала. Батюшка Константин служил прямо в этой хатенке. Взял он меня на руки и носил вокруг столика, там же меня он миропомазал и сказал: «Теперь ты настоящей крещеная».

А в тридцать шестом году, за две недели до Михайлова дня, арестовали батюшку Константина. Осудили его и отправили в лагерь. А в ноябре, накануне Михайлова дня, появился вдруг у нас батяка. Вернулся

домой, решив, что уже столько лет прошло. А они сразу узнали. Утром отец встал, помолился, псалтырь почитал и не успел надеть сапоги, как во двор въехал «активист» колхозный. Соскочил и с налету в хату: «Давай в правление, там тебя ждут». А куда отцу деваться? Батяка помолился Богу, попрощался с нами, вышел из хаты. А трехлетняя сестренка дала ему пышечки, которые ей мама дала, со словами: «На, папа. Возьми на дорогу». Папа нам лишь сказал: «Простите. Я уже не вернусь».

Я сразу же схватила папины книжки, бросила их в яму для картошки в кладовке и чем-то забросала. А тут милиционер прибежал, заскочил в хату: «Здравствуйте, хозяин дома? Где хозяин?» А мы ему: «Уже увезли». Он тогда: «Я буду делать у вас обыск. Где ваши церковные книги?» Мы: «Нет у нас никаких книжек». Я крестилась и молилась, а он все в хате перекидал, но в кладовку не пошел. Господь хранил нас. А батюку в каземат посадили, а ночью на Кущевку отвезли, за пятьдесят километров. Три месяца его допрашивали, потом велели нам принести смену белья и продукты.

Зима стояла. Мама взяла кукурузных пышек и пошла туда. Пришла, а ей сказали: «У него совсем сапоги развалились». Пошла мама к знакомой женщине, выпросила сапоги для отца и отнесла. Отец уже знал, кто его предал, сказал маме. Мама вернулась домой, за ночь пошла белье из простыни и рушников, кальсоны и рубашку и опять прошла пятьдесят километров и передала отцу. Пошла назад, и в дороге у нее ноги отказали. Дошла лишь до дяди Михаила и два дня лежала там. Все лето лежала без ног, так и осталась калекой, все чашечки в коленях повывлезали.

Отправили отца в Краснодар, судила его «тройка» и присудила к восьми годам лагерей. Отправили его в лагерь на Северном Урале. Через восемь месяцев прислал отец письмо из города Турина Свердловской области. Писал, что не давали ему писать, отбирали письма, которые он просил отправить тех, кто освобождался. Потом еще три-четыре письма прислал... Батюшка Константин и отец так и не вернулись...

Двенадцатого декабря тридцать шестого года должны были проводиться выборы, мне тогда двенадцать лет было, я все помню (наверно, они нашего батюку забрали перед самыми выборами, чтоб не мешал он). Тогда уже многие записались в колхоз, те, кто был до этого единоличником. Сначала мы с ними вместе молились и говорили о Боге, а когда они в колхоз записались, знать нас больше не хотели. Собрали в нашей хате колхозников. Принесли портрет того, кто в очках, Молотова, и повесили на стенку. Привели хуторян, они принесли с собой доски для лавок, сели. И стали всех учить, как надо выбирать. Рассказывали нам, какой хороший он, кого мы должны выбирать.

И вот настал день двенадцатого декабря. Приехала милиция, стали всех гнать на выборы. Погрузили нас с мамой и сестрой в машину, привезли в сельсовет в Поповке. Выгрузили, загнали туда, в руки бюллетени сунули и стали толкать в спину, чтобы в урну бросать их. А потом, уже в следующий раз, мы отказались выбирать. Когда нам совали в руки бюллетени, мы отказывались и бросали их на пол. Из единоличников тогда никто не голосовал, все пятьдесят восемь дворов. А когда в ссылке были, там уже никто не заставлял голосовать. Да, предлагали, а мы отказывались.

На Сладкой балке, где жили мы раньше, посадили мы огород. А за него надо было платить налог: пшеницу, кукурузу, подсолнух, картошку — все надо было сдавать. Как-то картошка хорошая уродилась, но продавали ее за копейки. Центнер кукурузы сдашь в счет налога, и себе уже ничего не оставалось. К тому времени я работала на конезаводе, а сестра Нюра ухаживала за одной бабушкой. У них в хозяйстве родилась телочка, они нам ее и продали. Выращивали мы эту коровку, дедушка Евгений сделал тачку, мы запрягали ее и на ней пахали. Но нам такие налоги дали, что выплатить их мы не могли. И забрали они нашу коровку, а мы уже сами на себе стали пахать.

Перед войной объявили вдруг, что все коровы больны бруцеллезом. Не знаю уж, зачем они это сказали. Нагнали в сарай триста пятьдесят голов, а под Крещение был страшный буран. Пришла с хутора туда доярка Поля Коваленко и осталась там ночевать. Потом пошел сильный дождь. А крыша хаты нашей текла. И от дождя вся стена хаты выпала, хорошо, что наружу. Мы нашли рядно, оно как брезент было, кое-как гвоздики забили вместо стены, сидели около печки и плакали. Доярка Поля позвала скотников, чтобы помогли нам кизяком. Они привезли его, но оказалось мало. Так и сидели мы около печки. На другой день скотники еще кизяка привезли, взяли соломы и помогли нам заделать стену немного. И власти опять требовали — пишитесь в колхоз. А мы опять отказались. Тогда соломы и кизяка не стали давать нам, запретили и стерню брать. Наказали так...

Потом началась война. Нас стали на работу гонять, окопы рыть, даже Филю болящего гнали. Однажды загнали нас за Краснодар, за пятьсот семьдесят километров. Там поля пшеницы покосили, а заскирдовать уже не успели. Пригнали нас, пятьдесят восемь человек, туда скирдовать пшеницу и бросили нас на произвол судьбы. А мы голодные были, решили оттуда «тикать». Мужчины пошли первыми, а мы, восемь девчат, пошли по двое, по трое последними. День и ночь шли по лесопосадкам, голодали, ноги все распухли. Пытались голосовать по дороге, чтобы на машины взяли, но никто не остановился и не помог.

А потом, не доходя Кущевки, девушка наша вышла и проголосовала. Машина остановилась, оказывается, шофер был послан туда с про-

дуктами для нас, приехал, а нас там не оказалось. А машина-то полная, груженная продуктами. Он нас забрал под брезент и довез почти до Кущевки. Потом съездил, разгрузил продукты и довез нас до Поповки. А там уже осталось до дому двадцать пять километров. Но идти мы уже не могли, у нас ноги распухли. Переночевали мы у шофера, и он нас развозил потом. А я двенадцать километров до хутора шла почти целый день. Мама не видела меня больше месяца, не знала, что думать и где я.

Тогда привезли к нам Филю, немого юродивого, возили его по всем верующим. И когда я пришла домой, он сказал: «Никуда я тебя не пущу». Филя жил у нас полгода, на тачке лежал и молился Богу по четкам, они у него в сто бусин были. Бригадир прибежал, чтоб на работу меня звать, а Филя с мамой говорили, что меня нет дома, что я сегодня не приду. Бригадир говорил: «Надо на окопы ехать». А Филя ему дулю показывал, он юродивый, что с него возьмешь. Опять придут за мной, а я говорю, что за больным Филей ухаживаю, да и мама больная. Пока Филя у нас жил, я на окопы не ходила. Господь хранил меня.

В сорок первом году хата наша совсем раскисла, мы прямо в воде сидели. Единоличников со всех хуторов осталось шестьдесят дворов, и они гуртом хотели помочь нам построить хату. Мы стали просить быков в колхозе, чтобы месить глину и солому, а бригадир сказал, что за это надо месяц отработать в колхозе. Собралось двадцать пять единоличников, копали глину прямо во дворе. Дали нам двух быков и лошадь, восемьсот пятьдесят блоков для саманного дома сделали, но так и не успели поднять дом.

Летом сорок первого всех коров бруцеллезных взяли и выкормили, а потом отвезли куда-то на машинах. А наши при отступлении свезли танки, пушки и все остальное в длинный коровник. На нашем хуторе были большие сады, они нагнали в них лошадей, машины, солдат — полно было отступающих красных. Мы жили в погребе, а в хате нашей сделали штаб и удивлялись: «Что, вас бомба разбила?» А мы им с улыбкой: «Бомба». Крыша в хате текла, и три стены почти упали. А бои уже шли рядом, аж хата дрожала. А в июле, утром рано, к селу подошли немцы. И командир, уходя, сказал нам: «Мы далеко будем отступать, до Волги. Я, если вернусь, заеду к вам».

А у нас была одна женщина прозорливая, все знала, что будет. Она и предупредила, что хутор наш подлежит истреблению, что надо взять икону Матери Божией Неопалимая Купина и обойти с ней весь хутор, а это четыре километра. Но как тут обойти, когда войска кругом? Страшно было, но идти-то надо. Взяли мы икону, нас шесть верующих было, разошлись по двое и по очереди обошли весь хутор. Наутро наши отступили, последние двое верховых взорвали мельницу над речкой и маслобойню в Борисовке. К нам прибежали с криком: «Мамка, масло горит и мука!» И такая черная туча поднялась.

А в полдень немцы пришли. На мотоциклах догнали этих верховых и убили их. И немцы тоже поселились в нашей хате, смотрели на развалины и спрашивали, не бомба ли разбила ее. Дали они нам раненую лошадь и корову, и сестра вылечила лошадь, а хомут и тачка у нас были. Немцы просили что-нибудь сварить им. Сестра одевалась, как старуха, они и не трогали ее, а я сидела в погребе. А через две недели немцы ушли. Тогда и вернулись наши помощники-единоличники с дедушкой, родичем нашим. Они и сложили нам хату, потом собрали камыш у озера, на лошади привезли его на тачке и покрыли крышу. А папашина племянница и ее дочка зимой навезли глину и обмазали нам хату, так что мы перезимовали. Топили печь корнями подсолнухов, которые до войны еще отработали в колхозе.

Потом немцы отступали и опять пришли к нам. Но не было уже у них ни лошадей, ни мотоциклов. А весной вернулись красные, и от них мы тоже скрывались, боялись показаться. Потом ушли в Кушевку, там пятьдесят восемь дворов единоличников было. Все ходили туда землю просить, но земли не давали, лишь по двадцать соток, ну, мы там и остались. А осенью сорок девятого появился там дедушка Алексей, он говорил всем: «Детки, если у кого есть нужда какая, или кто чем страдает, или кто хочет познать истину, так скажите добрым людям».

И где-то перед Рождеством единоличник Петр Ермоленко своим соседям рассказал, что, мол, пришел старик, проповедь говорит о Христе, который на землю пришел. Соседи, они очень набожными были, захотели сами послушать, пришли ночью на хутор, с ними и другие пришли. И как услышали они проповедь эту и пение это, то не пошли они больше в колхоз. Весной нанялись они у колхозников скотину пастить. Днем пасли, а ночью к нам на собор приходили и молились вместе с нами. И люди вокруг поняли, что мы-то люди свободные, а они, как каторжные, день и ночь работали. Стали они бунтовать.

И на Троицу пятидесятого года, когда дедушка Алексей говорил проповедь, приехала милиция, сразу всех арестовала и увезла в Поповку⁴. Меня тогда не взяли, значит, Господь не допустил. Потом милиция вернулась, чтобы сделать «шмон» в доме дяди Сергея, спросили: «Покажите свои религиозные книги, портреты какие у вас есть?» И наши сказали: «У нас ничего нет». И они так вежливо стали рвать обои в хате, иконы все снимать. Потом по лавкам и кроватям разложили их и разобрали до щепочки — искали там Библию и портреты царя. Там присутствовала и «сестра» Людмила, она на собор в

---

⁴ Были арестованы З. Горлова, М. Доценко, П. Ермоленко, С. Ильенков, Ст. Ильенков, Д. Ильенкова, А. Квитка, А. Комарова, Н. Мароховский, В. Масличенкова, Я. Меленко, Н. Мельникова, Т. Могилев, А. Репьев, И. Тарануха, А. Хвачев, И. Хвачев, А. Чуднев, А. Чумаченко, В. Чумаченко, К. Чумаченко, А. Ярмоленко.

воскресенье прибыла. И они не обратили на нее внимания, старуха да и старуха, лишь спросили ее: «Откуда?» Она: «С Ростовской области». И они не обратили внимания на нее, им нужны были люди с Краснодара.

Наши не признавались, ничего не говорили, и пытали их аж до ноября месяца. Варваре Масличенковой руки крутили, пальцы в двери закладывали и выворачивали, она не признавалась, но с перепугу умом помешалась. Ее насильовали там, и потом она, такая умная и разумная, кричала, день и ночь кричала: «Насилуют меня, насилуют». А в ноябре их судили, и наши на суд ездили с передачей. Со всей округи машинами свезли туда колхозников и нас всех, единоличников, привезли на этот суд. И все колхозники прямо бросались на арестованных, как звери, и кричали: «Растерзать их!» Но они не устрашились и не усомнились, только крестились: «С нами живой Бог». Дали им всем по двадцать пять лет и в лагерь отправили. У Ярмоленко в семье было девять детей, до пяти утра его допрашивали, а потом на смерть послали, у Чумаченковых остался мальчик девяти лет, его тетка к себе забрала, у Варвары Масличенковой четверо детей дома осталось.

Дедушку Алексея в пятьдесят первом после Пасхи арестовали в Россоши и осенью привозили на очную ставку. И руки у дедушки Алексея были все выкрученные, пальцы сюда и туда вывернутые, в двери их закладывали и выкручивали на допросах, он не мог ими ничего делать. Но ничего он им не сказал и не признался. Они спрашивали: «Ну, папаша, скажите, кто антихрист?» А он говорил: «Ленин и Сталин». А они: «Ну что вы, папаша, вы же знаете, что они люди ученые, грамотные, а вы говорите, что они антихристы. Ведь в Писании говорится, что антихрист зверь». Он хотел им выложить число 666, просил, но они ему не дали.

Сестру Людмилу Говорухину тоже искали целый год, ее в конце пятьдесят первого взяли. Потом осудили всех, дедушке Алексею и Людмиде Говорухиной расстрел дали, но потом заменили на двадцать пять лет и в лагерь отправили. Дедушка Алексей пробыл там всего пять лет, день в день отпустили его, привезли в Краснодар, там реабилитировали и домой отпустили. И дедушка Алексей до пятьдесят восьмого года ездил по хуторам, и проповеди его продолжались.

* * *

А в шестьдесят первом году вышел указ Хрущева, и стали осуждать за «тунеядство». Всех единоличников стали опять гнать в колхоз, а мы не идем. Потом нас послали на свеклу, по пять гектаров нам да-

вали. Мы пололи ее в будни, а в праздники мы не ходили. У меня были документы, что голова у меня разбита, дали мне справку на три месяца. Потом на Троицу Пресвятую не пошла я полоть свеклу в поле, а колхозный бригадир чуть от злости не лопнул, так орал на меня и сестру мою Нюру, что колхозники думали, что «вин з ума зийшов». В будни пошли мы полоть свеклу, четыре рядка не допололи, приехали за нами из милиции. Сказали, садитесь на велосипед, мы вас повезем в милицию. Мы отказались, но не успели дойти до дома, как за нами приехали на машине, сказали: «Садитесь».

Сели мы, и нас повезли в Глебовку, по дороге и дедушку взяли. Привезли, а там полный клуб народу, судить нас собрались. Сидит судья и заседатели. Судья дал нам листок, сказал: «Запишитесь в колхоз». Мы отказались, сказали, что по религиозным убеждениям, и перекрестились. Судья подал чистый листок: «Распишитесь». Я ему: «Не ищи дураков. Мы истинно-православные христиане». Люди кричат: «Да мы за вас будем работать в праздники, только запишитесь». Они жалели нас. Так и оформили нас как «тунеядцев». И все колхозники подписались, чтоб нас выслали. Дедушке дали два года, нам с сестрой по три.

В машину нас посадили, а люди кричали нам: «Мы за вас будем работать». А я из машины кричала: «Оставайтесь. Мы поедем Христа славить во всю вселенную». Помахала им. Знакомые и родичи плакали все, а на следующий день моя другая сестра собрала наше барахлишко и привезла нам. В КПЗ мы были два дня, на третий день послали нас на этап. Подвели к столу: распишитесь, что кормили два дня. Я отказалась: «Я же не просила меня кормить. Я дома могла поесть». Он как дал мне кулаком, я так в стенку и отлетела. И как закричала на весь коридор! И все заключенные в камерах стали кричать и стучать.

Нам не давали вещи, которые привезла наша сестра, мы кричали. Пришел начальник, говорил: «Успокойтесь, успокойтесь». Все же отдали нам вещи, и мы поехали. Уже темно было, когда посадили нас на поезд, среди заключенных нас было только трое верующих. Привезли в Новороссийск, с вокзала повезли на открытой машине. Нас восемнадцать человек было и четыре милиционера. Привезли в тюрьму, обыскали, вещи отобрали, повели в баню. Переночевали там, на другой день пришла «надзорка»⁵, сказала: «Пойдем в другую камеру». А было это на Троицу. Ведет меня с сестрой и говорит: «Я вам скажу тайну. Здесь тюрьма Петра Первого и Екатерины Второй».

Во дворе было небольшое здание для начальства, вели нас туда. А там окно было заделано кирпичами, «надзорка» говорит, что девушку

---

⁵ Женщина-надзиратель.

живую там замуровали. Она не расписалась, когда ей сказали, и висит там теперь, высохла уже. Повела «надзорка» нас на второй этаж, а мы заплакали: «Царствие ей небесное». А она нам: «Вы счастливые, вас на высылку везут». Мы ей сказали, что готовы на все, что Господь приготовил. Через неделю повезли нас на Ростов, потом в Новосибирск и Томск. Три месяца возили по тюрьмам, хотели заставить работать. Потом привезли в Александровский район на границе Тюменской области, тысячу двести километров по реке Оби пароходом везли. На пароходу, не доезжая девяноста километров до Колпашево, лопнул котел, и стали мы тонуть. А на пароходу было пять тысяч человек.

Я и дедушка были вместе в трюме. Тут забегали охранники, открыли крышку трюма, сбросили помпы, чтоб воду выкачивать. Потом явился капитан, стал кричать: «Молитесь Богу! Мы можем погибнуть». И мы молились Господу о спасении. Потом охрана встала в два ряда и начала нас всех вытягивать наверх. Потом подогнали пустой пароход, нас туда перегрузили и повезли в Колпашево. Там мы пробыли три недели. А осень уже. У женщины одной, она дояркой работала, картошка в огороде не копана еще. Мы с дедушкой и выкопали ей все, а она дала нам молока, хлеба и яичек. Мы и рады, другим стали копать, так и прожили

А в субботу нас посадили на корабль «Богдан Хмельницкий», в трюмах перевезли в Александровку. Утром пришел комендант, посмотрел наши документы, увидел, что я единоличница, испугался даже. Привел милиционера, показал ему: «Нам сказали, что в Советском Союзе давно уже нет единоличников. Как же вы выжили? Работать будете, коров доить?» Я сказала: «Я приехала Христа славить, а не ваших коров доить». Дедушка пошел в милицию: «Куда нам идти?» Говорят: «Идите куда хотите». А милиционер сказал: «Я попрошу вас, чтобы вы моей жинке картошку выкопали». Пустил нас переночевать, рассказал, что у них тоже есть верующие, высланные еще в тридцать первом году из Ростовской области. Они в Тополевке жили, коров колхозных там доили и света белого не видели. Как рабы были...

Отвезли нас на катере за тридцать километров в Тополевку, потом от берега по лесу еще два часа вели, пока мы в правление колхоза пришли. Народ там сбежался смотреть на «тунеядцев». Спросили меня: «Дояркой работать будешь?» Я им: «Я своих коров отдала и ни разу не жалела». Спросили: «А чем же жить будешь?» Ответила: «Господь поможет». Решила познакомиться я с этими верующими, но они так испугались, что я отказываюсь работать, даже переночевать отказались пустить. Вышли мы из избы, ночь уже, а куда идти? А одна женщина староверкой была, жалко ей стало, она и пустила нас с дедуш-

кой к себе. Наутро пошла я к милиционеру, и он попросил нас, пока они с женой на работе, следить за их сыном-калекой.

Как-то по реке мимо поселка проплыл большой деревянный крест в рост человека, и дети поймали его. Забрал его у них верующий Георгий, он был контужен на войне, и положил на крышу. Попросились мы к нему в дом, сняли с крыши крест этот и внесли в хату. Потом Георгий погиб на реке, когда ловил рыбу, — опять нам негде стало жить. Тогда милиционер сказал нам, что есть землянка, в которой когда-то жил старец Евфимий, он зимой босым ходил. Пошли мы туда, оборудовали землянку, сложили печечку и поселились там впятером: я, сестра Мария, дедушка Павел, Раиса и Федор.

Но прожили там всего две недели, на октябрьские праздники стали судить нас за то, что мы отказались работать. Пригрозили, что если работать не будем, то отвезут нас на Остров смерти. А мы ответили: «Мы на все согласны». Решили отправить нас на перевоспитание в лагерь и осудили на год принудительных работ. Мы опять отказались от работы, потом четыре месяца везли до тюрьмы. А там опять судили и вновь везли до следующей тюрьмы. Дедушка Алексей говорил нам всегда: «Стойте всегда на посту». Это значит читайте молитвы. Я и читала там «Господи Иисусе Христе, помилуй мя грешную», «Христос воскрес» и перебирала пальцами, четок ведь не было. В шестьдесят втором году нас, тридцать шесть человек, отправили в лагерь⁶.

* * *

Из всех наших верующих меня первой в шестьдесят седьмом освободили. У нас в ссылке был крест деревянный сделан, в рост человека, и, когда сестру Марию освободили, она купила две простыни, два мешка, этот крест обшила и на плечах понесла на аэродром. И с этим крестом домой полетела. А я по дороге заехала в Караганду к тете, а дедушка Павел написал из ссылки домой, что я четырнадцатого марта вылетела. Они меня ждали, а меня нет и нет. Первого апреля, под воскресенье, я добралась до дома. Шла я степью, уже видела хутор, шла и плакала. Вышла сестрица Даша, узнала меня, обняла, и стали мы обе плакать. А кум Иван схватил ружье и стал стрелять вверх, салютовал, что сестра пришла. На другой день много народу пришло проведать меня. А в ночь я заболела и шестнадцать суток лежала пластом.

Потом бригадир опять стал меня на работу гнать, я в будни работала, а в воскресенье отказывалась. Мы пололи свеклу, а сестре стало

---

⁶ Продолжение рассказа о жизни в лагере — в главе VI.

плохо, и целый месяц она в больнице была. В семидесятом году на уборочной послали женщин на два дня на ток разгружать машины в смены. И попала моя смена на праздник Казанской Божьей Матери, и я отказалась работать. Бабы меня чуть вилами не закололи, но я сказала им: «Если хотите, то убивайте. Но в праздник я не пойду работать». Бригадир тоже стал ругаться, он-то меня не знал, откуда я такая взялась. Машина пришла за рабочими, я туда тоже села, приехала домой. Пришла на почту, а мне телеграмма — брат Арсений приехал.

Из воспоминаний Александра Перепеченых⁷

Когда раскулачивали семью моего отца⁸, то он помогал им забирать. Выгробал, а сам пел: «Ой, спасибо Сталину, ой, спасибо Ленину, у нас корову отобрали и паневу мамину». Огород отрезали по самое некуда. Как жить? Мать с малыми детьми ходила работать по дворам, ели желуди, муροх-траву. Забегая вперед, скажу: двадцать семь лет не было у нас приусадебных участков, живи как хочешь. Но, несмотря на то что дети оставались голодные, холодные в четырех углах, где забрали все, от Бога не отказались.

Во главе представителей власти на селе были люди, которых раньше за людей не считали. У них и прозвища были нечеловеческие: «калык», «балык», «холлом», «буролом»... Как в «Интернационале», где поется, что кто был ничем, тот станет всем. Людьями их трудно назвать, так как поступки их были просто зверские. Скольких оклеветали, ограбили и скольких сослали! Греха нет, значит, теперь все можно. Они и доказали, что являются родом от обезьяны. Грабили церкви, кололи иконы и топили ими печки.

Как-то раз приехали представители власти из района и области и приказали всем собраться на сходку. Начальники предложили сельчанам: «Продайте церковь нам, она у вас все равно не служит. А вы на эти деньги купите себе стройматериалы, постройте конюшни и другие необходимые объекты». Односельчане задумались. Тогда власть предложила голосовать, и руки подняли не все. У тех, кто не поднял, стали спрашивать фамилию, в ответ люди поднимали руку. После чего представители оформили акт и дали расписаться крестьянам. Что и

---

⁷ Перепеченых Александр Евгеньевич, родился в 1923 в селе Козловка Бутурлиновского района Воронежской области.

⁸ Перепеченых Евгений Карпович, родился в 1894 году в селе Козловка Бутурлиновского уезда Воронежской губ. Грамотный. Проживал в поселке Козловка. Крестьянин-единоличник.

было сделано. Потом один из начальников сказал: «Что, трусы, расписались?! Махнули пером прямо в Тартар!» А другой добавил: «Церковь продали, а говорите, что православные!» История весьма поучительная: не власть Церковь продала, а народ. Продали Церковь, значит, продали Христа.

* * *

Началась Великая Отечественная война. Матушка Россия всегда защищала веру, царя и Отечество, а здесь надо было идти воевать за советскую Родину, за Сталина. Я верующий человек и по законам веры убивать не могу, так что отказался от военной службы по убеждению. И меня в сорок первом году посадили. Тогда же посадили и мою мать. А отец мой, Евгений Карпович Перепеченых, уже третий год находился в психбольнице «Орловка» в Воронежской области — его объявили сумасшедшим за отказ вступить в колхоз. Меня сначала отправили в лагерь под Бобровом в Воронежской области. Там я встретил верующих старушек. Богоборцы, несмотря на войну, свирепо расправлялись с верующими, и этих старушек за невыход на работу в праздники ставили на мороз в худых ботиночках и фуфаячках. А холод был ужасный, в войну мороз достигал сорока градусов и выше.

Я по своим убеждениям присоединился к ним, и меня тоже стали ставить на мороз. И так всю зиму. Потом старушек отправили на пересылку как неисправимых, а мне присудили лагерный саботаж, эта статья не подлежала амнистии. Посадили меня и еще одного верующего в изолятор на триста грамм хлеба и баланду через день. Через десять суток пришел надзиратель с вопросом: «Пойдете на работу?» Мы ответили: «Нет». Тогда зашли три лба, злые как львы, и начали втроем «месить» меня. А один головорез так заехал коленом под «дыхло», что я ни вздохнуть, ни выдохнуть, ни слова сказать не мог.

Тогда они взялись за моего напарника, в результате он дал согласие идти на работу. А дверь была приоткрыта, там сидела женщина-врач и наблюдала за происходящим. Она увидела, что я закатился, сказала: «Хватит». Меня больше не били, а ведь могли и убить. Когда я очнулся, отвели меня к следователю. Он спросил: «Как фамилия?» — «Православный». — «Имя?» — «Христианин». — «Отчество?» — «Христов». Тогда следователь предъявил мне обвинение: «Ты всех агитировал, занимался саботажем, чтоб не шли на работу». Я ответил: «Я верующий и не работаю по убеждениям. Но я никого не агитировал». Он старался пришить мне саботаж, а это такое издевательство. Ведь шла война, они держались за свои портфели, чтобы на фронт не пойти. И готовы были поглотить сотни невинных людей, чтобы оправдать эти фальшивые дела. Я сопротивлялся, не соглашался и ничего не подписывал.

Следователь разозлился, посадил меня вплотную к каменной стене и давай бить моей головой об стенку. В голове шум, мозги сипят, а он снова повторял свои вопросы. Я опять отвечал то же самое, тогда следователь как даст пистолетом по кадыку. Голова перестала соображать, а он уже сзади по холке бил. Затем ногами, потом кулаками, его научили всяким приемам, и бил так, чтобы следов побоев не видно было, но печенки все отбил. Сажал в изолятор, нетопленный амбар, на сутки, опять вызывал, и я к нему ходил греться, морозы ведь стояли ужасные. И такое мученье длилось целый месяц, пока не стал я, как блин, тонкий, звонкий и прозрачный. Но еще мог стоять.

Привезли мать сюда, и она как увидела меня... Но мне сдаваться нельзя было, ведь грозит мне статья по саботажу. Решил не сдаваться — будь что будет. Били меня на глазах у матери, и она на глазах таяла. И я тоже, но ничего не подписал. На последнем допросе следователь так ударил меня со всей силы прикладом винтовки вдоль костреча, что приклад даже отвалился. Я от такого удара упал и встать уже не мог, даже руками нельзя было пошевелить. Меня волоком оттащили в казарму, сопровождая нецензурной бранью и обещая сгноить на лесоповале. Мол, все равно «сдохну». Где-то около месяца я не мог ходить, добрые люди за мной ухаживали.

Затем меня на костылях отправили в пересылочную тюрьму в Усмань Воронежской области. Был там один врач, заключенный. Оказывается, он раньше сидел вместе с моим отцом. Увидел он мою фамилию, ничего не сказал, но вызвал меня как больного и спросил: «Отец твой Евгений Карпович?» Я подтвердил, но не доверился ему, вдруг «подставной». А он внимательно осмотрел меня и оставил в тюремной больнице. Старался помочь и ухаживал за мной так хорошо, что я стал ему доверять. Он держал меня там до последнего, чтобы не отправили на этап. А в августе сорок шестого началась «активировка» больных и инвалидов, и меня освободили. Врач меня в бане помыл, до ворот проводил и на прощание сказал: «Привет отцу».

К тому времени из сумасшедшего дома вернулся отец, отпустили и мать из лагеря. У обоих здоровье было подорвано. Старшая сестра с двумя младшими сестренками встретили нас. Сколько радости и сколько слез было! Конечно, я понимал, что вернулся не надолго. Но лучше на свет не родиться, чем бросить свою веру и идти за антихристом. Тогда я совсем больной был, никуда не годный, да еще расстройство нервной системы было сильное. В больнице села Козловка знакомый врач Дубинин прописал мне пить бром и ежедневно принимать холодные ванны. Так постепенно я и выздоровел. И мы продолжили так же собираться и молиться, а чекисты и их люди за нами следили.

В начале сорок седьмого года надо было голосовать. Я как раз собирался поздно вечером с Алексеем Лепехиным⁹ в другое село, а эти «активисты» приехали и предложили подвезти нас. Привезли в сельсовет и устроили нам «хорошую» встречу. Чернили нас грязными словами, обзывали «отдувалами»¹⁰, кричали, раз не хотите голосовать, значит, выступаете против советской власти. Потом позвонили вышестоящей власти, мол, поймали пропагандистов и провокаторов, которые вели агитацию против голосования. Продержали там аж всю ночь, а утром предложили: «Голосуйте первыми. Покажите, что вы не враги советской власти». Мы им: «Раз вы нас так опозорили, обзывали нас провокаторами, то голосовать мы не будем. Делайте с нами что хотите».

Тогда подослали к нам набожных стариков, и те стали уговаривать: «В Писании написано, что какая бы власть ни была, она от Бога. Значит, ей надо подчиняться». В общем, всяких «артистов» подсылали. Затем решили нас разъединить, Алексея посадили около урны для голосования, а меня оставили в зале. Собрали вокруг «активистов» учителей и стариков, они и стали надо мной потешаться: кто ругался, кто смеялся, кто агитировал, а кто и стыдил. Потом по указанию начальника уголовного розыска принесли баян, пригласили дешевых комсомолок моего возраста. И стали они передо мной выплясывать и вызывать, мол, выходи. Выплясывали, выплясывали, а я сидел и думал: «Говорят, что бесы с рогами и хвостами, а тут хватает и безрогих». Потешались они надо мной и не замечали, что при этом торгуют своей душой.

Тогда ведь считалось позором верить в Бога. Недаром художники между собой соревновались, кто нарисует самого страшного черта: все рисовали жуткого зверя с рогами и хвостом, а один из них изобразил красивую девушку в обнаженном виде, в мундире двадцатого века. Эту девицу и признали самым страшным чертом. Слава Богу, я не дрогнул и остался верен Ему. Но на свободе я долго не пробыл. В сорок восьмом году меня вместе с отцом ночью забрали. Вывели из дома и сразу предупредили: поворот в сторону, прыжок вверх считаются побегом. Утром отправили в Воронеж, но не в общую тюрьму, а в спецтюрьму чекистов, и предупредили, что мы попали туда, откуда не выходят. Поместили нас в разных камерах, и отца я больше не увидел. А меня посадили в одиночную камеру, где можно было только сидеть, ни ходить, ни лежать места не было.

Началось следствие. Всю ночь не давали спать, угрожали и брали на страх: «Ты говорил, что в “Правде” нет известий, а в “Известиях”

---

⁹ Лепехин Алексей Фомич.

¹⁰ То есть единоличниками.

нет правды. Подпиши!» Несмотря на пытки, я эту ложь не подписывал. Потом по новому делу стали обвинять в групповой агитации: якобы я с другими «тихоновцами» вел агитацию против вступления в колхозы, против уплаты налогов, против участия в мероприятиях советской власти. А по этой статье полагалось до двадцати пяти лет срока. Мы действительно не могли платить двойные налоги, которыми нас обкладывали, так как у нас к тому времени уже все забрали.

Я не подписал и этого обвинения, тогда следователь мне: «Ах, не согласен? В камеру его». И посадили меня, чтобы я серьезно подумал, в бетонную камеру, где только сидеть можно было на сыром бетонном стуле, а с потолка вода капала. В таких условиях можно было подумать день, два, ну максимум три. А меня держали там несколько месяцев, да еще спать не давали. Я стремительно терял силы, начал уже терять сознание. Это было моральное и физическое убийство. Но выбора не было: или идти за Богом, или за антихристом. Чекисты сами говорили, что был бы человек, а дело всегда сделают¹¹.

Издевались надо мной долго, один следователь сменял другого. Вызывали ложных свидетелей, и они, заранее проинструктированные, давали показания, что я был против построения пятилеток, против голосования. Для формальности вызвали даже адвоката, а тот сказал мне: «По закону у нас свобода совести и религии. А отец твой за религию второй раз сидит». Я отказался от него, сказав: «Господь — защита моя, и уповаю на Него». А прокурор мне выложил: «Бедный ты человек! Ведь не знаешь, что сейчас творится в лагерях. Погибнешь как муха, а ведь мог быть умнее, если был бы как все». На суде дали мне по приговору десять лет колымских лагерей, но я нисколько не жалел об этом, ведь отстаивал свою веру. И, слава Богу, не отказался от нее. Сначала перевели меня в общую тюрьму, а затем отправили по этапу на нефтепромысловую стройку в Уфу¹². А отец в это же время был отправлен в Институт имени Сербского.

* * *

Вернулся я после лагеря домой. На следующий день пришел секретарь и спросил: «Что, Саша, скажешь? Изменишь ты теперь свой образ жизни?» Я ответил: «Из песни слов выкидывать не могу.

---

¹¹ Например, одного невинного мужика обвинили в том, что он работал на американцев. Во время войны этот мужик был у немцев в плену, а американцы его освободили вместе с остальными заключенными, так власть обвинила его в получении задания. И он не выдержал мучений и наговорил на себя, что ему дали задание ломать трактора и убивать быков в колхозах. И за это дали ему десять лет.

¹² Продолжение рассказа о жизни в лагере — в главе VI.

Каким я был, таким и остался. По-другому песни петь не могу». Он мне: «Понятно, твердолобый». Мы, единовверцы, трудились только по договору, чтобы в колхоз не записываться. Последний считали еще хлеще крепостного права. Тогда хозяин хоть кормил и ценил работника, а в колхозе ничего не платили. В своих договорах мы сразу указывали, что в праздники не работаем. Зато в обычный день трудились от зари до зари, по семнадцать часов вместо семи-восьми.

А пятого мая шестьдесят первого года вышел указ о «тунеядстве», и нас, верующих, подогнали под этот указ. Якобы мы, «паразиты», живем за счет чужого труда. А ведь большинство из нас, словно каторжники, вручную мешали бетон, таскали его на носилках и поднимали наверх до четырех метров, строили плотины для прудов, фермы, воздвигали шлакобетонные дома. Помню, сказали мне: «Оформляйся в штат». Я отказался: «Не могу. Вера не позволяет». Сразу причислили меня к «тунеядцам», как будто я не занимался общественно полезным трудом, а «паразитом» был. Так нам объяснили, и мы поняли, что опять наша вера виновата, собственно, они этого и не скрывали.

Когда меня арестовали, то сразу же задали вопрос: «Работать будешь?» Я им в ответ показал свои руки в мозолях. А они мне: «Ты нам свои мозоли не тычь. Мы вас за веру сажаем». Я ответил: «Ну, если за веру, тогда сажайте». Взяли меня и отправили в район. Сразу к районной милиции подъехали наши «братья» и «сестры» во Христе, человек шесть, и заявили начальству: «Если вы нас преследуете за веру, то забирайте всех». Вышли на улицу, а здание милиции было в центре города, у рынка, и запели псалом «Странник». Сейчас этим уже никого не удивишь, а тогда это было просто диво. Настолько редкое событие, что движение остановилось, машины застряли в пробке, и все подъезжали. Народу любопытного прибавлялось, кто-то спрашивал: «Как такое может быть? Поют всего шесть человек, а слышно за городом?»

Начальство — в шоке. Один из них с трясущимися руками обратился к народу, стал кричать: «Вы чего собрались? Это не наши поют». А люди не расходятся. И отец мой обратился к народу, рассказал, что арестовали его сына, то есть меня, за веру, а шьют «тунеядство». Милиция готова была его разорвать, а народ был в изумлении, между собой обсуждали. А начальник из области позволил старику сказать все, что тот хотел. А говорил он долго, поведал всем о Втором Пришествии Христа в образе Федора Рыбалкина, которое было после революции с двадцать второго по двадцать шестой год. Потом всех «федорцев» арестовали.

Затем в селе Козловка¹³ собрали сход и пригласили народ из ближних сел и поселков. На повестке дня стоял главный вопрос о выселении «федоровцев». Народу было море, и кто что кричал: «Осудить»; «Сослать»; «Расстрелять». Плевались, смеялись, издевались над «федоровцами». Зрелище было дикое. Детей малых пытались отнять, били кулаками. Одна женщина, Северьянова Екатерина, закричала не своим голосом: «Что вы делаете? Хотите убить детей на руках у матерей?» У моей жены дети малые были, и старшая, ей три годика было, закричала: «Мама, посмотри, у начальников рога». После этого потрясения сердце у нее на всю жизнь осталось больным. А на сходке постановили: «Выслать».

Сперва я попал в Саратовскую тюрьму. Неделю держали под открытым небом в огражденной зоне, ни скамеек, ни коек, как скот держали. Потом отправили в Свердловскую тюрьму. В камере заключенных было набито как селедок. Много было верующих разных убеждений, но и пьяницы, «тунеядцы». Затем отправили в ссылку в Тегульдетский район Томской области. Нас, «федоровцев», было там шесть человек, приказали: «Отрабатывайте!» Я отказался, и опять сажали меня в БУР. От истощения, сырости и холода я порой падал, тогда меня, еле живого, доставляли в санчасть (вес мой иногда доходил до сорока килограмм).

И каждые четыре месяца меня судили как «тунеядца». За семь лет пребывания в лагере и в Сибири получилось двадцать раз. И после каждого осуждения спрашивали: «Откажешься от веры?» Я твердил: «Нет!» — «Ну и сиди». Даже больного и еле живого тащили в суд на носилках. Крест срывали, приговаривая: «Это еще не баня. Баня — впереди. Откажешься от веры, сразу домой отпустим». Нас, «федоровцев», в ссылке было шесть человек. Населению объявили, что мы «паразиты», пьянствуем и попрошайничаем. Приказали ничего не давать нам, ни картошки, ни куска хлеба, а кто нарушать будет, то накажут. Люди вначале поверили, а потом узнали нас поближе и поняли, что мы верующие, и стали ночами приносить нам еду.

Когда в очередной раз посадили нас в БУР на бетонный пол со штрафным пайком, пришел туда начальник лагеря, до сих пор помню его фамилию — Лихор. Заорал он: «Пойдешь на работу?» Я ответил: «Я не преступник, отрабатывать не буду. Меня посадили за веру в Бога». А он, стыдно сказать, расстегнул свои брюки и закричал: «Вот, молись на моего бога». Я столько сидел в Башкирии, в Сибири, на Колыме, но такого не видел и не слышал. Вот это воспитатель! После такого воспитания молодые люди станут просто моральными уродами.

---

¹³ Бутурлиновский район Воронежской области.

Однажды взяли наши фотокарточки, отрезали головы на них, приклеили на карикатуру. И получилась картина — на горбу старухи стоит тарелка с нашими головами, а внизу подпись: «Одна семерых кормит». И картина эта была вывешена в центре района под стеклом. Ночью они же ее сами разбили, хотели приписать нам хулиганство, за которое дали бы четыре-пять лет изолятора. Но, слава Богу, не нашлось ложного свидетеля. В очередной раз за невыход на работу устроили суд, пригласили на него заключенных из СВП¹⁴ и спросили их: «Что делать с “богомолами”?» Те предложили закрыть нас в холодный изолятор и не давать совсем ни хлеба, ни воды.

Удивительно, но судья ответил им, что этого права — не выдавать хлеба — им никто не давал. Тогда они стали кричать нам, что мы едим их хлеб. А мы отвечали: «Вы — воры и убийцы, а хлеб получаете. Мы же не преступники и не просили нас сюда привозить. Честно трудясь на воле, мы ели свой хлеб, а нас нахально забрали и привезли сюда. Так кормите тогда. И если Бог не даст урожая, то откуда он у вас появится». В результате — крик, шум. И мы несли эту кару в самой «свободной и демократической» стране. Наконец, уже при Брежневе, меня отпустили. Шел шестьдесят восьмой год.

Из воспоминаний Зинаиды Лепехиной¹⁵

Наша бабушка была верующая, и она отцу сказала: «Сыночек, не пишись в колхоз. Это дело к хорошему не приведет, жизнь ведет к крепостному праву. А ты, сынок, не губи детей, не пишись в колхоз». Отец послушал бабушку, тогда эта коллективизация только начиналась, собрания какие-то. А у бабушки пять сыновей было, отец наш пятым был. Пришла бабушка на собрание, они ей: «Ты беднячка, давай мы тебя продвинем. Делегаткой будешь нашей». Бабушка еще несколько раз ходила на собрания и срывала их: «Это не к хорошему ведет, а к крепостному праву». Потом выгнали ее, не стали приглашать на собрания. А отец ее послушался и в колхоз не пошел.

Пока он работал, то кормил семью, а детей было семеро, обувал нас и одевал. Потом стали налагать на него большие налоги, он раз заплатил, они ему еще больше принесли. Он тогда и сказал: «Ну, все, мне уже не под силу это. Я не могу уже платить, детей чем буду кормить?» И его стали судить, раз десять его вызывали за месяц, то к од-

---

¹⁴ Секция внутреннего порядка.

¹⁵ Лепехина Зинаида Фоминична, родилась в 1933.

ному, то к другому придерутся. Потом забрали его. А мать у нас больная, воспалением легких болела, и туберкулез костей у нее был. Мать больная в постели, и семеро детей осталось, один другого меньше. Как хочешь, так и живи.

Приехали к нам, всю картошку из погреба забрали, мама просила: «Оставьте хоть ведерко детям. Ведь семеро их». А они ей: «Бог их прокормит». Все у нас забрали, все выгребли, что было. Мама, совсем больная, поставила нас на колени, встала с нами и к Господу обратилась. И молились мы все и день, и ночь. Потом очень тяжело жили, ходили побирались, просили хоть кусочек хлеба¹⁶.

Подавали, конечно, люди — кто картошину, кто хлебушек, кто чего. Желуди ели, траву, все ели, что можно было, иногда по три дня голодными были. А когда подросли, меня и сестру в няньки отдали, чтоб только младшие не умерли с голоду. И к нам все начальники приходили, налог требовали заплатить. А за что? Ни скотины у нас, ни огорода, отрезали его давно, детей семеро, один другого меньше. За что платить? Приходили сегодня, и завтра, и послезавтра, а мама-то неграмотная была, бывало, пугалась: «Ой, начальники идут». А чего она боялась, мы совсем не понимали. Ведь у нас ничего не было, просто стены голые, и мы сами голые. Мама, больная, на постели лежала и так боялась их. А что они могли сделать нам, начальники эти? Мы голые, она больная, и в избе взять совсем нечего.

Потом я стала ходить по людям, огороды вскопать или на поле, — кто ведро картошки даст, кто чего. Так мы и жили, в общем, все выжили. А в колхоз не вступали, греха боялись. Отец сказал матери, когда забирали его: «Если меня не будет, то ты, мать, смотри, держись. Детей не отдавай в рабство. Это плохое дело, не пишись в колхоз». Мама так и выполняла все. Она очень верила в Бога, нас от себя никуда не отпускала. Даже когда мы подрастать стали, все равно держала нас около себя, боялась, дескать, если уедем, то и Бога забудем.

Мы очень слушались маму, она больная была, и мы так боялись, вдруг умрет она. А отец нам еще раньше рассказывал об отце Федоре, который во втором пришествии был. Отец наш сам видел, когда там работал, как Федор зимой шел босой, без головного убора, волосы у него длинные, как у первосвященника. И когда отец вернулся, то ма-

---

¹⁶ «В семье Лепехина Фомы Дмитриевича было семеро детей: двое старших, девочка и мальчик, были кое-как одеты, а остальные — голые, в чем мать родила. Ни одного лоскутка материи на них не было. Мать их была лежачей больной. У нее туберкулез костей. И вот такую семью “кулачили”. Забрали все, что можно унести, даже вылили похлебку из чугунка, вынув его из печки. Забрали и самого хозяина. Старшая дочка после этого ходила по селу, прося помощь. Кто давал свеклу, кто кожуру от картошки, а были и такие, кто по шею “давал”». (Из воспоминаний Александра Евгеньевича Перепеченых)

ме сказал: «Знаешь, я видел человека, он босиком зимой в самый мороз и без головного убора. Это не простой человек, это Христос». Так ей и сказал: «Господь есть, и ты верь, что Господь не даст умереть». Он так убеждал маму.

Как мы ходили на выборы? Мать ушла, вдруг в избу стучат. Потом дверь открылась. Зашли они, а мы на печи, я ж почти голая, мне надевать-то нечего было. Спросили: «А где мать?» Я ему: «А вы что, не знаете, где мать, что ли? Вы зачем сюда пришли?» — «На выборы надо». — «Ну, так и мать пошла на выборы». — «Нет, ее там нет». А она обычно к своим уходила и там сидела. Огляделись они, видят, нет матери, ушли. Раз пришли, два пришли, три пришли — нет ее. И дома нет, и там нет, а где она, кто знает. Вот так мы ходили на выборы. Однажды мы уснули, они стучались-стучались, а мы так и не проснулись. Били-били они в дверь, соседка услышала, как стучали, а мы не открыли. Так и ушли, и все. Так и прошло.

Потом мы подросли, и нам тоже надо на выборы ходить. Так мы обычно в лес уходили и там ходили до тех пор, пока выборы пройдут. Да, до двенадцати часов ночи. Один из наших пошел на выборы, но не голосовал. Крутился там среди людей, но не голосовал. К нему в избу приехали раз, и два, и три — а его нет. Где он? А он там, на выборах. И вот пробило двенадцать часов, он и заскочил туда в начале первого, минуты две-три. Заскочил в клуб, где голосовали, подбежал: «Да я там задержался, опоздал. Дайте я проголосую». Они смотрят: «Сколько времени?»

— Уже пять минут первого.

— Да где ж ты был-то? Ты опоздал.

— Да, дайте проголосовать. Я сейчас.

— Нет, не можем.

— Ну, дайте, я кину. Я ж не голосовал.

— Не можем.

— Я жаловаться буду!

— Как хочешь, жалуйся, а мы тебе не дадим.

Так и не дали, и он не проголосовал. А он-то просто решил попробовать, как это будет. Он-то, конечно, знал закон, битый ведь мужик был. И знал, что по закону, как пробьет двенадцать, все, уже проголосовать невозможно, не дадут просто бюллетень. Он и испытал это и потом веселился и рассказывал всем нашим.

Мы отсталые люди, вроде не такие, как все, дескать, мы молимся Богу. И внимание на нас не очень обращали. Но все-таки завидовали: никто не воровал у нас; ничего плохого никому не делали; уважали всех, кто ни попросит, мы всех уважали. Мы подрастать стали, пошли работать сезонно, кто в совхоз, кто где и кто куда. И в праздники мы

никогда не ходили на работу. А в шестьдесят первом году вышел указ, чтобы заставить всех на постоянную работу устроиться. Вот и нам предложили, чтобы мы устроились на работу постоянно.

И мне стали говорить, а я им: «Как же я пойду на работу, когда в праздники работать грех? Я Закон Божий нарушать не буду. Я сезонно работаю, а в праздник дома остаюсь. Так что устраиваться на работу постоянно не буду». А мне: «Судить вас будем». — «Ну, что ж, что хотите, то и делайте, дело ваше. Судите, пожалуйста». Скоро у нас в общине брата Александра и брата Алексея забрали, а потом и нашего брата Георгия. Тут в селе Козловка, где мы жили, сходку собрали и обратились к жителям: «Что делать с ними, они не подчиняются». И людей стали убеждать, что нужно нас сослать.

В общем, тогда меня пока предупредили. Но я сказала категорически, что устраиваться не буду. Ну, взяли меня, осудили на два года и отправили в Сибирь. Везли по этапу с убийцами в «воронках», с собаками. В ссылке я была в Красноярском крае, там сразу спросили: «Будешь работать?» Я сказала: «Нет. Если я со своей родины поехала, так как не стала устраиваться на работу постоянно. И здесь по праздникам не работаю и Божий Закон нарушать не буду. Грех работать в праздники». Тогда осудили меня на четыре месяца и отправили в лагерь. А там посадили меня со всеми в изолятор на штрафные пайки. На работу вытаскивали, а мы отказывались. Ну, в общем, много чего было. Но все люди перенесли.

Со мной в лагерях и другие верующие были, и всех таскали, всех испытывали. Какие только козни не строили, но никто из нас не пошел на работу. Пробыла я там десять лет, катали меня, несколько раз судили, в другие места отправляли и везде по четыре месяца давали. Потом оставили в ссылке, перестали возить. Десять лет я пробыла и вернулась. А наши уже в Тишанке жили, так что я сюда приехала и стала здесь жить.

Из воспоминаний Василия Воробьева

Сначала в Тишанку из Козловки переехали три семьи¹⁷, потом, отбыв в лагере срок, приехал к ним в гости Ивашенко Арсений Емельянович, с одним из тишанских он в лагере сидел. Посмотрел он, место подходящее, никаких заводов и фабрик нет, дорога железная далеко,

---

¹⁷ Перепеченых Евгений Карпович, Щечко Максим Михайлович и Васильева Пелагея Карповна.

асфальтированная дорога тоже далеко, тихо, спокойно. Ни пыли нет, ни шума, ни гама — ничего. Вот тут только бы и жить истинным христианам! А у многих верующих заканчивались лагерные сроки, годы у них были почтенные, за шестьдесят лет, старики уже. Они письма друг другу писали, и Арсений звал их приехать сюда, говорил, что молодые будут помогать им, старым и немощным, а самое главное, что по-христиански хоронить будут друг друга, кто раньше отойдет.

В семьдесят первом году и мы после освобождения из ссылки приехали сюда, раз родители наши уже тут были, приехали к ним. А местная власть как глянула, что все мы из заключения, судимые все, сразу взволновалась: «Это откуда же понаехали сюда “тюремщики” все?» И поползли слухи по Тишанке: «Приехали к нам сюда эти, советской власти не признают, законам не подчиняются, детей ловят, режут, приносят в жертву Богу и кровью причащаются. Смотрите берегите детей». И тишанские стали оповещать знакомых, что приехали к ним страшные люди, «анархисты» и «белобандиты» из банды Колесникова, которая против советской власти воевала.

А власти предупреждали, чтобы с ними не общались, избушки им не продавали, что эти страшные люди выживут всех из Тишанки. По их словам, нас только расстрелять надо было. И люди в ужасе: «Что это такое? Да кто вы? Да откуда вы приехали? Значит, вы белогвардейцы, “недобитки”?» Нам даже в ящики почтовые стали записки подкидывать с фашистским знаком, в них грозились, что всех нас тут перевешают. Ясно было, что эти люди были злобно настроены и готовы в любой момент по указанию властей вступить с нами в схватку...

*Из воспоминаний Владимира Леонтьева*¹⁸

В семьдесят первом году переехали мы в Тишанку, где жили «федоровцы». А про них распускали слухи, что они «сектанты», чуть ли не детей режут. Говорили, что собираются они все в одной хате, тушат свет и творят там неподобное что-то. Все-таки прошло какое-то время, родители заинтересовались, что же они за люди, верующие ли и что делают. Пошли, посмотрели, послушали и убедились, что это как раз то, что им нужно было. И родители стали посещать их богослужения, потом и мы пришли к ним.

Каждое воскресенье к нам приезжали из сельсовета и участковый из района, и считали они нас, как баранов. Первый говорил: «Я вот

---

¹⁸ Леонтьев Владимир Иванович, родился в 1931.

столько-то штук сосчитал». А милиционер: «И я столько же сосчитал». Значит, счет совпал у них. А председатель сельсовета как-то мне сказал про дочку¹⁹: «А зачем ты ее водишь туда?» Дочка еще в школу тогда не ходила, а когда пошла, то все равно посещала наши службы. Я спросил его: «А куда же идти-то? На улицу, где эти вот “матюкаются”?» А он с такой злостью ответил: «Да пускай лучше она туда идет, пускай мат этот слушает, чем к вам идет». Вот какое гуманное воспитание у них.

Я в колхозе работал сторожем и все работы тяжелые выполнял: кашу варил, лошадей убирал, воду качал. И когда пошел к «федоровцам», то колхозные власти стали преследовать, угрожать мне. Заведующему не раз говорили, чтобы он не пускал меня на работу, а он им: «Как я не допущу. Он все мои указания выполняет, как я могу прогнать его. Вы если можете, то сами и выгоняйте». Но гонение сильное шло, то из сельсовета, то из района приезжали ко мне. Соседи уже боялись, милиционеры и сами начальники ведь приезжали на машинах. То тихо все, а то каждый день по две-три машины приезжали. Все убеждали меня, они так хотели, чтобы я не ходил Богу молиться и жил бы как раньше.

В сельсовет и братьев моих вызывали, просили их убедить меня, грозили: «А то мы его на Соловецкий остров отошлем». Передали мне, а я сказал: «Ну и отсылайте. Я с Богом нигде не пропаду. Раз я верую в Бога, то Господь заступится везде». Братья поняли, что меня уже не убедишь, раз я уперся так. Потом получилось так, что у меня взяли лошадей, угнали, а обвинили меня, вроде я их кому-то продал. А потом и приусадебный участок отобрали, оставив только одну сотку. После уже выяснилось, что это они перегнали лошадей в поселок Казачий, он недалеко от Тишанки, они там и были. Сделали это они сами, но говорили, что вроде только «федоровцы» на это способны. А раз я пошел в их веру, значит, я сделал это.

Решили наказать меня. Присудили мне, чтобы я за лошадей выплатил штраф большой. Потом из колхоза выгнали, а в протоколе написали, что я вроде нигде не работаю и разлагаю дисциплину. Да еще и жена у меня нигде не работает, без причины сидит дома, хотя она с шестьдесят первого года стала инвалидом второй группы, справка была. И гонение-то пошло только за то, что я начал веровать в Бога. И предлагали мне: «Ты откажись от “федоровцев”, мы тебе все назад вернем. И за лошадей ничего не возьмем, спишем». Но я сказал, что не отступлю и сколько вынесу, столько и пойду с этими людьми.

А я все здоровье в колхозе оставил, и за то, что лоб перекрестил, меня выгнали и всех льгот лишили — ни молока, ни масла, ни сахара,

---

¹⁹ Леонтьева Надежда Владимировна.

ни крупы, ни зерна не получал я. И пенсии не стали мне оформлять, как колхознику, отдали мне трудовую книжку и сказали: «Езжай и как хочешь, так и оформляй». А когда я пошел работать к единоверцам, тогда колхоз сразу же предъявил иск за лошадей. И деньги мне пришлось выплачивать, правда братья помогли мне. А единоверцы, во Христа верующие, взяли меня к себе не с целью, чтобы я просто с ними был и мог хоть какие-то деньги заработать, нужно же было нам как-то жить. Причем они меня не заставляли работать с ними наравне, я просто числился у них. Они зарабатывали сами, а мне платили. Хотя какой я был рабочий, я строительную работу вообще выполнять не мог. Они меня по вере взяли.

Из воспоминаний Натальи

Было это в восемьдесят третьем году. Я смутно помню, как мы приехали сюда, в Тишанку. Я ходила тогда в третий класс. Наверно, в первый день мама привела нас в школу, и в кабинете завуча все произошло. Вызвали учительницу, и когда мама сказала, что мы относимся к истинно-православным христианам, «федоровцам», то первыми словами учительницы были: «Разве можно их принять?» Значит, в самой Тишанке сложилось уже мнение, что мы — такие люди, что с нами лучше не связываться. Завуч все-таки стала говорить: «Ну что вы, так нельзя. Конечно, мы примем вас». Но сразу же предупредила, что у них такая школа, где воспитывают в духе атеизма, что на стенах в коридорах написано «Бога нет», «Без Бога шире дорога» и так далее.

Нательный деревянный крест мы всегда носили, но никогда не афишировали это. Об этом все знали: и учителя, и школьники. И ребята периодически ломали ветки, делали из них кресты деревянные и ходили крестить нас, когда мы в туалет шли, со словами: «О, Иисусе Христос». Кошунствовали, но мы это терпеливо сносили, уже привыкли к тому, что не такие, как все. И только раз я услышала хорошие слова о своем кресте. Хозяйка дома, где я останавливалась, увидела его и спросила: «Откуда у тебя такой крест?» Я сказала: «Мне родители его дали». Она мне: «Ты знаешь, твои родители молодцы. Ведь Христа распяли действительно на деревянном кресте».

В четвертом классе классная руководительница вначале ко мне хорошо относилась и родителям моим говорила: «Ваша девочка молодец. Если бы все такие были, как она, очень легко было бы учить». Самое страшное, конечно, началось где-то в классе шестом-седьмом. Еще раньше, когда мы жили в Нижнем Кисляе, моего брата там изби-

ли. Потом то ли диагноз поставили не тот, то ли уколы делали не те, но кончилось тем, что хотели в сумасшедший дом его отправить. И после этого мы уколов так боялись, что от всех прививок просто отказывались. Октябрятами мы не были, не вступали ни в пионеры, ни в комсомол — за все это уже нам доставалось. И для нас все это было как само собой разумеющееся, мы привыкли уже ко всему.

Но тут было по-другому. В классе матом ругаются, таскают ножи, иголки, спички, а Любовь Николаевна Лазукина заявляла: «У нас класс хороший». Судите сами, какой это хороший класс. И почему учителя учат нас говорить правду, а сами изворачиваются и бессовестно лгут прямо в глаза. Хотя мальчишки ко мне относились лучше, не скажу, чтобы хорошо, но донимали в основном девчонки. В классе училась дочь классного руководителя, и, конечно, это была ее работа, а девчонки дружили с ней и старались угодить ей. Плевались на меня каждый день. Когда я приходила в школу, со мной начинали разговаривать и после каждого слова прибавляли: «Господи». Я говорила: «Девчонки, хватит!» А они за мной ходили и так говорили. Даже на уроках не давали покоя, сзади сидели и говорили: «Господи! Христос воскрес!» Потом стали крестить меня и благословлять.

Раз довели меня до того, что я убежала из класса, а девчонки ходили и хвалились, что из класса меня выкурили. Наташа с подружками смеялась надо мной. Помню, однажды я пришла в школу в новой шапочке, связанной тетей. И тут девочки окружили: «Где же ты такую шапку нашла? Не в помоях ли?» Каково мне было? Или еще случай. На уроке труда красили мы штaketник ограды вокруг стадиона. И со мной рядом никто из ребят не захотел встать, разбежались все. У меня было одно желание — убежать как можно дальше. Пока учительница не заставила кого-то встать со мной и красить. И такие унижения были каждый день.

В классе я, конечно, держалась, пыталась вести себя как ни в чем не бывало. А приходила домой, редела: «Пап, мам, я не могу больше». Я как-то пожаловалась учительнице, а она мне сказала: «А ты не обращай внимания. Сторонись их». Тогда я поняла, что мне здесь жаловаться некому. Любовь Николаевна потом говорила: «Я знала, что в восьмом классе творится неладное, но ждала, когда что-нибудь скажет совет отряда». Выходит, я умывалась слезами, а она наслаждалась этим. Некоторые девчонки ко мне хорошо относились, так они говорили: «Наташа, ты не обращай на них внимания, у них чего-то не хватает».

Были у меня проблемы. Например, на уроке биологии всех учили, что человек произошел от обезьяны. А дома нам говорили, что Бог создал людей. И учительница на уроке биологии специально вызвала меня и попросила рассказать именно об этом. Я встала и сказала: «Я

об этом рассказывать не буду. Я считаю, что человек не произошел от обезьяны, а его создал Бог». Эта дотошная учительница, конечно, посмеялась, но сказала мне: «Садись, не надо рассказывать». Прививки меня уже не заставляли делать после того, как я несколько раз убегала из школы зимой раздетой. А у брата Лены Иващенко руки-ноги связывали, чтобы вколоть прививку. И Шилову тоже доставалось, он постарше меня на два года был. Так за ним приезжали, сажали в машину и говорили с ним о родителях, пытаюсь настроить против них.

В школе нас было трое: я, сестра и брат. Я пришла в школу и пошла в третий класс, а сестра — в первый. Потом я уже училась в шестом, сестра — в четвертом, а брат — во втором. Так что нам было легче, ведь в школу и из школы мы всегда шли вместе, да и на переменках старались держаться друг друга. Однажды пришли мы в школу, в раздевалку первым прошел брат, потом сестра, я же шла третьей. И в тот момент, когда я вошла в раздевалку, вдруг страшный удар в глаз. Первой защитной реакцией было закрыть глаз, потом почувствовала страшную боль, подумала: «Ну, все, у меня глаза нет». Потом уже стала ощупывать — нет, глаз на месте. А это был страшный удар бутылкой в глаз.

Потом уже поняла: брата пропустили, сестру тоже, а этот мальчик за угол спрятался, поэтому я его и не увидела, а брат с сестрой даже не заметили, стали сразу раздеваться. Я подошла к ним, спросила: «Посмотрите, что у меня здесь с глазом». Они: «Что с тобой?» Я: «Вот ударили». А мальчик этот уже убежал с бутылкой. Я, как обычно, пришла на урок, села, закрыв рукой глаз. Там все было красное, а к концу уроков посинело. Учительница спросила: «Наташа, что с тобой?» Я ответила: «Меня ударили бутылкой». Она: «А что же ты сидишь. Иди домой». И это все, что она могла сказать.

Я пошла домой. Пришла, и родители, конечно, как увидели, просто в ужас пришли, настолько там все синее уже стало. Первая их реакция: «Вообще что происходит? Может, завтра она вообще не вернется из школы». А я только редела, была на грани нервного срыва. Мама повела меня в больницу, чтобы посмотрели, вдруг что-то серьезное с глазом. Врач осмотрел и сказал, что какое-то время в школу мне ходить не надо. В школу я не пошла, так как глаз у меня сильно опух. И потом какое-то время в школу не ходила. После этого случая мама написала жалобы, и в школе вынуждены были принять какие-то меры.

Именно в это время в школе стали собирать деньги в Фонд защиты мира. Деньги, по три рубля с каждого школьника, собирали учительница и завуч. А мы трое не стали сдавать деньги. А мама заявила им: «Не будем мы сдавать деньги. Какой тут мир, когда их избивают». В школе нас ведь сразу выделили и отторгли, так и мы не считали себя вместе с ними. А учительница вошла в класс и объявила: «Они хотят

войны». В классе, конечно, поднялся страшный шум, кто что кричал: «Их застрелить надо!»; «Их надо убить!»; «Они за звездные войны». На Лешку кричали: «Ты звездный воин, “сектант”. Ты войны хочешь. Надо тебя застрелить». На доске писали «сектант».

После этого я в школу не пошла и не ходила несколько дней. А мне еще в Нижнем Кисляе доставалось, там тоже так били, что у меня уже было сотрясение головного мозга. Я была девочка ранимая, воспринимала все очень тяжело. Родители говорили, что учиться надо и учиться хорошо. Я всегда старалась, и мама иногда мне помогала, когда я не понимала задачку (просить учительницу объяснить был бесполезный номер). И когда я бросила школу, все стали говорить, что это родители настроили меня, хотя это я не захотела идти туда. Почему-то все напирало на то, что во всем мои родители виноваты, а не я.

А через какое-то время к нам зашла жена директора школы и обратилась ко мне: «Наташ, пойдем в школу». Тогда же приехали инспектор района, учительница географии, завуч и милиционер. В общем, много человек подъехало к нашему дому на «козlike», так вместе потом и пошли в школу. Инспектор района сразу же стала маму мою отчитывать, а я подошла к ней и сказала: «Какое вы имеете право! Вы меня спросите, почему я не хочу в школу. Меня там просто задалбливают, поэтому я не хочу идти. И совсем не потому, что мои родители не хотят пускать. Мои родители просто не в состоянии смотреть на то, как там со мной обращаются и как я все это воспринимаю».

Потом завуч стала говорить с мамой, а учительница географии в другой комнате говорила со мной. Мы с ней говорили-говорили, а потом она сказала: «Наташ, ты, наверно, соскучилась по школе». Моя реакция для нее была, конечно, неожиданной. Я этот вопрос восприняла в тот момент как издевательство, а она говорила это так, как будто бы ничего не произошло. Ну, был просто неприятный инцидент. А я вот такая девочка чувствительная, и мне в голову что-то взбрело, поэтому и не хочу ходить в школу. А она вышла в другую комнату и сказала, что я с Наташей договорилась, она завтра идет в школу. Я просто рот разинула от удивления и возмущения. Ничего больше не могла сказать, ведь мы с ней об этом даже не говорили.

И тут они все заговорили о статье в газете. Дескать, раз о вас так пишут, значит, вы на самом деле такие. Завуч сказала даже: «Вот вы такие чужие, “недобитки”. Поэтому мы и не можем заставить детей, чтобы к ним хорошо относились. Ведь мы же не можем приставить охрану к вашей дочери». А мама настаивала: «Дочь не хочет идти в школу, но я могу ее заставить. Но я должна быть уверена, что ее там не тронут. Вы можете мне это гарантировать?» А они заявляли: «Нет. Раз вы такие люди, раз о вас такое мнение, то мы гарантировать вам

ничего не можем». Тогда мама сказала: «Ну, извините меня. Я не могу ребенка отдать в школу, чтоб его там расстреляли».

Сестра с братом продолжали туда ходить, а я в школу, конечно, больше не ходила. А «федоровцы» в это же время вышли на Красную площадь с протестом, после чего все статьи о них прекратились. Снова к нам приехали и уговаривали. И в один прекрасный момент мама спросила их: «Если мы такие, то почему статьи о нас прекратили печатать?» Они: «Может быть, это какое-то недоразумение было?» А мама им: «Да нет, не недоразумение. Просто мы стали с этим разбираться». Короче, вскоре я вернулась в школу.

А потом в сельсовете решили моих родителей воспитывать и вызвали их к себе. Пошли мама с папой и тетя, там собрали также и родителей всех моих одноклассников. И начали нас воспитывать: «Вы такие-сякие. Вы нашего классного руководителя замучили, пишете жалобы на нее, невозможно ей стало жить. Да и Наташа ваша такая девочка, все требует преимуществ». Мама сразу же спросила: «Кто здесь собрался? Собственно говоря, почему вы здесь собрались? Мы что, перед вами обязаны отчитываться? Моя дочь не преступница. И я не обязана перед вами отчитываться». Затем она развернулась и просто ушла. И родители все ушли, а те остались ни с чем.

Через какое-то время мама встретила маму одного одноклассника и спросила ее: «Скажите мне, почему все там собрались? Почему это так произошло?» А та ей сказала: «А нам сказали, что детям поставят двойки, если вы не придете в сельсовет и не проведете с родителями одной из девочек педагогическое воспитание. И мы просто испугались. Ведь нашим детям надо потом куда-то поступать». Мама ей: «Понятно, зарабатывали детям своим пятерки таким образом».

Тогда они решили действовать по-другому, в один прекрасный момент я пришла в школу как обычно, сказала: «Здравствуйте». И в ответ — полное молчание. Ни один человек в классе не сказал мне ни «привет», ни еще что-то. И я поняла, что со мной теперь никто не разговаривает. И обращаться к кому-либо за карандашом, или за ручкой, или по поводу домашней работы, или еще за чем-то не нужно. Со мной сидела за партой девочка, она сама была из многодетной семьи, наверное, поэтому ко мне неплохо относилась, как-то меня поддерживала. Так и она со мной перестала разговаривать. Я просто опешила, и это было для меня, конечно, ударом ужасным.

Спасалась я тем, что на переменах бежала к сестре или брату и все время проводила с ними, а потом снова приходила в класс. Училась я хорошо, наверно, если бы я училась плохо, то мне было бы очень тяжело. А так я приходила в класс, садилась за парту, и, если меня вызывали к доске, значит, я шла и отвечала. Случалось, конеч-

но, что мне занижали оценки, но это уже такие мелочи были, скажем, само собой разумеющиеся. Но в какой-то момент я пришла домой и сказала: «Мам, все, я больше не могу. Я не могу в такой обстановке находиться. Просто не могу!» Представляете, что дома было? Конечно, творилось невероятное. Я была сама не своя, и мама продолжала писать и жаловаться.

Помню, уже в восьмом классе на урок пришла директриса и сказала мне: «Наташа, пойдём со мной. Надо поговорить». Я встала и вышла из класса. Она отвела меня в какую-то комнату. Я зашла туда, в тот день я была дежурной, хорошо почему-то помню, что красная повязка у меня на руке была. Зашла я, и мне сказали, что вот мужчина хочет с тобой побеседовать. А это оказался прокурор района, помню, по фамилии Сушков. Он мне и сказал: «Наташа, я хочу с тобой поговорить по поводу всего происходящего с вами. Твои родители пишут письма, жалуются. И мы хотим разобраться в том случае, когда тебе подбили глаз. Ты считаешь, это преднамеренно сделано или нет?»

Я сказала: «Вы знаете, мне трудно об этом судить. Но со мной были брат с сестрой, и они говорят, что да. Ведь мы шли втроем, сначала пропустили брата, затем сестру, а уж потом ударили меня. Мне трудно судить, надо со стороны смотреть. Я не могу утверждать, как это было сделано». И что самое любопытное, что мальчик, ударивший меня бутылкой, был, конечно, таким, что считался задирой, резал шарфы, а его как-то не ругали. И когда мальчика вызвали на допрос, то самое любопытное, что все вокруг говорили: «Бедная его мама, теперь спать не будет ночами». Мама моя, конечно, была шокирована, говорила: «Удивительное дело, переживали за него, а не за нас». Пострадавшей стороной были мы, и теперь мне задают такие странные вопросы.

Еще он спросил: «А как ты считаешь, классную руководительницу стоит поменять? Как учительницу?» Не знаю, может, меня так воспитали, но я почему-то в тот момент не сказала ему, допустим: «Поменяйте». Или как-то еще. Я почему-то, не знаю даже почему, но я ему сказала: «Это не мне решать, что надо делать». Я ведь настолько уже смирилась с этой ситуацией, что ничего уже не может измениться. Вот даже прокурор приехал, но у меня все равно будет то же самое. Поговорили мы с ним, и когда я уходила, увидела, что сестра вышла из кабинета. И поняла, что допрашивают не только меня. Потом, когда домой пришла, так и оказалось, но брат с сестрой, конечно, говорили не так, как я. Они действительно сказали, что в школе творится невероятное, что меня били преднамеренно, что надо поменять там всех.

И после этого мы с мамой и дядей поехали в Москву, посетили там Министерство просвещения. Там, конечно, нас встретили не с распростертыми объятиями. Они пытались объяснить атмосферу у нас тем,

что, может, девочка такая, что есть дети, которые не поддаются воспитанию, что, наверное, дело в верующей семье. Как будто мы приехали не просить помощи, а уж не знаю чего. Тогда мы поняли, что больше нам искать защиты нигде, что нам уже никто не поможет.

И дядя сказал им: «У нас больше уже ничего не осталось, кроме одного, просто идти в КГБ». И в тот момент, когда дядя сказал это, реакция их, конечно, сразу изменилась. Они заговорили: «Вы подождите. Зачем же в КГБ? Мы попытаемся во всем разобраться». Они сразу же позвонили в Воронеж, в областной отдел образования, и через какое-то время сказали: «Возвращайтесь. Все будет нормально». Вернулись мы, а нам уже сообщили, что здесь были из области, потом приходили из школы и принесли расписку. Дескать, директор дал расписку, что вашу дочь не тронут. А приносила ее жена директора, и она упала в ноги, просила: «Простите нас. Больше это не повторится».

После этого я вернулась в школу, вошла в класс и, как обычно, сказала: «Здравствуйте». И была уверена, что мне ответа не будет. Но в тот же момент я услышала ответ хором: «Здравствуй, Наташа». И реакция моя была непроизвольной, я удивилась: «Вы что, заболели?» Я ведь настолько привыкла к тому, что со мной никто не разговаривает, ведь продолжалось это не один месяц. И они со мной начали разговаривать, подходить, что-то спрашивать, предлагать книжку или что-нибудь такое. Но у меня не было к ним доверия, мне казалось, что отношение ко мне, несмотря на «здрасьте то», «здрасьте это», оно в принципе не поменялось.

Например, на урок физкультуры я любила ходить и в баскетбол играла неплохо. И в момент, когда я делала бросок мяча, дочь классной руководительницы с другими девочками начинала меня просто бить, причем бить так, что даже руки мне подрали. Я сначала просто не придавала этому значения, думала, нечаянно зацепили, а потом поняла, что это делалось злонамеренно. Да так, что учитель просто «обалдел». Видимо, настолько все вышло из-под контроля, что он даже остановил игру, закричал: «Вы что? Вы что творите?» Я не выдержала и закричала, а дочь классного руководителя сказала: «Молодцы, девчонки!» А я спросила: «Что молодцы? Что чуть не разорвали?»

А Аннушка говорит: «Если ты еще раз скажешь что Любви Николаевне²⁰, мы тебя убьем». Я взглянула на свои руки, а они у меня все в крови. Так разодрали мне руки, что я дала «ревака»: «Я не могу больше!» Выбежала с плачем из зала, бегу по коридору, а навстречу директор шел. Я обратилась к нему: «Да что же такое происходит?»

---

²⁰ Классный руководитель.

Что творится?» Но он не обратил на меня внимания. Меня в слезах видели многие учителя и директор школы, но никто не обратил внимания. Наташа кричала: «Иди-иди, жалуйся, все равно мне ничего не будет!»

Таким образом восьмой класс как-то прошел. А на следующий год в класс пришли новые ученики. И среди них была одна девочка из наших, истинно-православных христиан в Старой Тишанке. Она-то меня немного знала, мы общались, когда вместе ходили на праздники, Христа славил. Она-то мне и рассказала, что ей про меня говорили: «Ты с ней не садись. Она страшный человек. Они все против советской власти, дескать, председателя сельского совета Платонова хотят убить и на его место сесть». В общем, такие небылицы рассказали ей, а она, конечно, мне все передала. Да я об этом и так знала давно.

В девятом классе стало как-то легче, поутихли вроде ссоры. Может, новые ученики пришли, может, повзрослели все. Но уже такого, чтобы бить меня или еще что, этого уже не было. Ну, было некое отношение, что я не такая, как все, из «федоровцев», ну и пусть, Бог с вами, с «федоровцами». Даже какое-то пренебрежительное отношение: не бить же меня такую. Думаю, что после такого шквала жалоб во все органы, с приездами стольких комиссий нельзя уже было, как раньше. Должно было стать как-то легче. Да и со мной рядом сидела девочка моего же вероисповедания, может, поэтому уже было легче. Да и я повзрослела и легче, наверно, стала воспринимать все. Так что девятый и десятый класс я как-то отучилась.

Можно вспомнить много разных случаев. Как-то на уроке труда учительница, всегда меня донимавшая, проводила какую-то беседу, и не помню, в связи с чем она вдруг в присутствии девочки-еврейки стала говорить — раз евреи в Израиль уезжают, значит, надо их всех тогда отсюда попросить, просто выгнать. Я сначала похолодела, сама ведь находилась в такой же ситуации. Потом вскочила и закричала: «Да как вы смеете». Она, наверно, не ожидала, что я такотреагирую, что решусь на это, помолчала, а потом сказала: «Давайте продолжим урок». В конце концов, семью эту все равно выжили, им все-таки пришлось уехать. Наверное, они и относительно нас также думали, что мы не выдержим и уедем. Может, хотели этого добиться.

Еще был случай. В школе ученикам стали марки раздавать, кажется, в помощь Никарагуа. И я отказалась эти марки брать, сказала, что не буду платить. Сказала, что у нас есть такие же бедные, им надо помогать, а не какой-то Никарагуа. И меня вызвал военрук и спросил: «Ты чей хлеб ешь?» Я сказала: «Свой». Он: «Вы не сдаете деньги на мир, вы что, хотите войны? Откуда вы взялись? С вами советская власть разберется». А я ему: «Зачем сдавать деньги на

мир?» Я действительно не понимала, может, потому, что я в такой семье воспитывалась. Нам, детям, просто в голову не приходило, что на мир надо деньги сдавать, обычно деньги на вооружение сдавались. А какие могут быть деньги на мир? Я и спросила его: «Как сдавать на мир, когда кругом разоружаются?» Вообще, он часто называл учеников диверсантами, говорил: «Работаете на Пентагон. Вам что, советская власть не нравится?» И все это говорил тому, кто плохо себя вел на уроке или не сдавал на марки. Но при чем здесь диверсанты и советская власть?

Вот еще случай. Я училась хорошо и очень любила историю, была любознательной, и по истории у меня были хорошие отметки. Помню, на уроке учительница стала рассказывать, как брали Смольный, а я раньше читала в газете статью, и в ней автор доказывал, что Смольный взяли без единого выстрела. Меня это так взбудоражило, что я встала и сказала: «Нет, есть другая информация. Оказывается, Смольный взяли без единого выстрела. А это все ерунда». Учительница просто опешила, в шоке была. Потом она сказала мне: «Принеси мне эту газету, я почитаю». На следующий день я принесла ей.

Нашу классную руководительницу я не любила, а учительница по русскому и литературе мне нравилась, и как она вела уроки, и я любила эти предметы. Она тоже хорошо ко мне относилась, может, именно поэтому ее стали вызывать в учительскую прямо с уроков. Кого-то другого приглашали закончить урок, а ее вызывали, и к концу урока она возвращалась вся в слезах. У меня было жуткое желание подойти к ней и спросить, что происходит, но решиться не смогла. И потом она просто ушла, а вместо нее пришла другая учительница. И с ней у меня начались неприятности, она сразу же стала ставить мне двойки. И когда я поняла, что она ставит двойки ни за что, я сказала ей: «Можете ставить мне двойки хоть в ряд». Потом отношения у нас наладились, и я получила нормальные отметки, какие заслуживала.

Потом у нас появился новый учитель русского и литературы. Он ко мне хорошо относился, может, потому, что был из семьи репрессированных. Отец его был осужден, и он, наверное, понимал, что мы ни в чем не виноваты, и видел, в каком положении я нахожусь. Помню, он рассказывал, что, несмотря на то что в стране был террор, они жили радостно, танцевали и пели «Спасибо Сталину, спасибо». А я спросила его: «Как же вы могли петь, когда люди сидели в застенках? У меня сидели дедушка, дядя, и мы не веселились». А он: «Наташ, не знаю, с чем это связано. Но так было». Я помню, как он дал мне почитать «Один день Ивана Денисовича» Солженицына. Мне так понравилось, и мы с ним потом обсуждали его. На выпускном вечере я подарила ему цветы, и он мне сказал: «Наташа, несмотря ни на что,

куда бы ты ни пошла учиться, ты сюда заходи. Была ситуация, когда мне доказывали, что ты не хочешь учиться. Даже заставляли в отношении тебя плохо поступать. Так что прости».

Еще смешной случай. Помню, милиционер Королев не раз приезжал и говорил с соседями нашими, давая им понять, что нас скоро посадят. Дескать, мы нехорошие, «связаны с Америкой», и нам «сбрасывают с самолета». Специально пускали такие слухи, в автобусах шептались. А если вдуматься в то, что говорилось, ведь невероятные вещи. И как только в голову приходило такое: американцы сбрасывают что-то в Тишанке! Где Тишанка? И где Америка? Как они через границу пролетели? Просто бред. И когда соседи передавали нам это, мама всегда отшучивалась: «Что же вы дремлете? Не поспали бы ночку и посмотрели, что нам сбросили из Америки. Может, подобрали бы». Нам-то это смешно было, так это было невероятно, что лишь смеяться можно.

Мы с мамой как-то вспоминали прошлое, и она спросила меня: «Интересно, если б все назад вернуть, ты бы хотела все это снова пережить?» И я ответила: «В какой-то степени, наверное, да». Не знаю почему, но в какой-то момент понимаешь, что есть дело или идея, которая стоит того, чтобы ради нее все претерпеть. Сейчас я уже взрослый человек, выросла, уже не ребенок, которому надо говорить, как родители когда-то говорили: «Наташ, это можно делать, а это никак нельзя». И сейчас в принципе я сама решаю, можно это или нельзя делать, но я прекрасно сознаю, что родители были правы во всем, и в том, что молились и исповедовались. Я это, конечно, полностью поддерживаю. Да, если заново все пережить, то, конечно, было бы все то же самое.

ГЛАВА VI

Истинно-православные христиане в лагерях

Источником официальной информации о жизни заключенных в лагерях могут служить, во-первых, лагерные и сводные отчеты оперативных отделов ОГПУ — НКВД — МГБ, регулярно составлявшиеся и поступавшие в Центр; во-вторых, материалы следствия по инициированным уже непосредственно в лагере групповым делам, заканчивающимся для заключенного либо увеличением срока приговора, либо изменением его в сторону ужесточения, то есть расстрелом, и, наконец, в-третьих, документы из личных дел заключенных. Прежде всего следует заметить, что отчетность в системе ГУЛАГа поражает своей пунктуальностью и законченностью: от каждого лагеря и колонии ежемесячно посылались в Москву отчеты — по выполнению производственных планов, по продовольственному снабжению лагеря и санитарно-бытовым условиям, заболеваемости и смертности заключенных, по вскрытым в лагере и ликвидированным контрреволюционным организациям, по побегам, по работе лагерной цензуры (фиксировавшей настроения заключенных). После обработки в Москве всех этих отчетов составлялся сводный отчет с выводами и рекомендациями, которые затем по списку рассылались в лагеря и колонии. Заметим, что только за период с 1941 по 1945 год, в самое тяжелое для страны время, в лагерях было повторно осуждено 225 877 заключенных, среди них ранее осужденные по 58-й статье составляли 67,8 %; при этом к высшей мере наказания — расстрелу — только за четыре года, с 1942-го по 1945-й, было приговорено 9680 человек ¹.

Конечно, любой лагерный отчет составлялся с учетом распоряжений из Москвы, а главное, с целью продемонстрировать эффективность своей работы; особенно это касалось отчетов о вскрытых контрреволюционных группировках в военное время, поэтому необходимо учитывать факты фабрикации подобных дел с помощью осведомителей. Иной представляется-

---

¹ Причем террор в лагере, как правило, усиливался в связи с ухудшением положения на фронтах.

ся ситуация в тех случаях, когда группы заключенных категорически отказывались от работы, вступая в непримиримое противоборство с лагерным начальством.

Выявление и ликвидация «контрреволюционной организации» для ее участников заканчивалась обычно либо увеличением срока приговора, либо расстрелом. Типичным примером может послужить лагерное дело группы женщин, истинно-православных христианок, арестованных перед войной в селе Куймань Трубетчинского района Рязанской области, приговоренных в декабре 1940 года «за невыполнение госпоставок» к 2 годам лагерей и направленных на работы в колонию Раненбург (№ 3).

Командование колонии пыталось направить заключенных на все возможные виды работ: шитье белья, вязку сетей, размотку ниток, работы в огороде и на хоздворе. Но они упорно отказывались работать и все как одна заявляли: *«Власть антихриста нас посадила, и на нее мы работать не будем»*. Как сообщалось в рапорте оперуполномоченного, заключенные *«по несколько раз в день принимают петь стихи антисоветского содержания и молитвы, совершать заутрени и обеды, как это было в церквях»*. В ответ они водворялись в изолятор на пять-десять суток, где получали штрафной паек; лишались переписки, посылок, свиданий и ларька. Но после возвращения в камеру продолжали отказываться от любых работ, и так — в течение нескольких месяцев, так что, согласно табелю рабочих дней, на производстве эти заключенные ни одного дня не работали.

Начальство не мог не тревожить тот факт, что своим поведением отказницы возбуждали других заключенных, разлагая трудовую дисциплину, к тому же пением молитв по ночам они не давали *«нормального отдыха работающим на производстве заключенным»*. В сентябре 1941 года десять верующих женщин² были арестованы, и среди них Анна Чеснокова, дочь Евгении Сергеевны Чесноковой и сестра Марии Федоровны Ждановой, арестованных в июле за тайные моления и агитацию против колхозов. Один из надзирателей показал на следствии: *«Когда они все прибыли в колонию, у них не было желания отказываться от работы. Но когда они сошлись в камерах со старыми отказчиками, как Аксенова, Смоликова, Елисеева, то отказались выходить на работу»*. Далее он сообщал, что когда заключенных отправляли в изолятор, то *«они забивались в углы под нары, лежали по целым суткам и не вставали для получения пищи»*. Одна из свидетельниц показала, что когда месяц назад их всех вывели на прополку картофеля, то эти женщины согласились пойти, но на огороде ничего не стали делать. Они лишь бродили по бороздам за работающими заключенными, но ни разу не нагнулись и не сорвали ни одной травинки, а то и

---

² М. И. Жданова, П. А. Жданова, М. Ф. Зиминая, А. В. Ильина, Д. И. Кожина, А. П. Козина, Е. И. Печенкина, Н. Д. Пригарина, М. Е. Тарлавина, А. Ф. Чеснокова.

просто сидели. И на предупреждения о наказании одна из них, Мария Зиминая, сказала: «До каких пор жить Господь благословил, до тех пор и будем жить, а сроку бояться нечего»³.

21 сентября на закрытом судебном заседании женщины отказались давать объяснения по обвинению в «активном контрреволюционном саботаже», но были согласны все с утверждением Дарьи Кожиной: «Я по своему религиозному убеждению отказывалась от всех работ и работать не буду». От последнего слова они также отказались, кроме Зиминой Прасковьи, просившей ее оправдать. 21–22 сентября 1941 года верующие были приговорены: 3 человека⁴ — к 10 годам лагерей, 5 человек⁵ — к 5 годам лагерей, Прасковья Жданова — к 4 годам лагерей⁶. От получения копий приговора они также отказались, чтобы не расписываться. Анна Чеснокова не знала, что 21 сентября, в первый день суда над ними, были приговорены к высшей мере наказания и в тот же день расстреляны ее мать, сестра и тетя — Е. С. Чеснокова, М. Ф. Жданова и М. И. Чеснокова.

Заметим, что мужчинам в лагере за отказ от работ во время войны чаще грозил расстрел «за саботаж», как это произошло с братом отправленной в лагерь Марии Ждановой. Григорий Жданов, активный участник тайных богослужений, еще с 1940 года стал уклоняться от призыва в армию по религиозным убеждениям. С первых дней войны, после объявления мобилизации, он соорудил в стене своего каменного дома тайное убежище и скрывался там; сестра Евдокия⁷ помогала ему, вовремя предупреждая о неожиданных гостях. 11 апреля 1942 года Григория при обыске обнаружили, и, несмотря на то что Евдокия оказала активное сопротивление милиции, давая возможность брату скрыться, оба они были арестованы, 9 июня приговорены к 10 годам лагерей и отправлены в ИТК-5.

В колонии Григорий Жданов категорически отказался от работы на строительстве аэродрома в Ряжске, заявив: «Работать на строительстве оборонных объектов не буду, как не буду работать на соввласть, потому что соввласть против Бога». Он отказался работать и в самом лагере, за что был

---

³ Анна Козина объяснила их общий отказ от работы так: «Все работницы нашей группировки не выходили на работу, потому что командование колонии заставляет нас работать в религиозные праздники. А в другие дни мы отказывались работать потому, что если мы пойдем работать в нерелигиозные дни, то нас заставят работать и в праздники, поэтому мы решили лучше совсем не выходить на работу». А Мария Жданова утверждала, что никакой «антисоветской церковной группировки» не было, а молились и пели религиозные песни они «без всякой контрреволюционной цели».

⁴ М. Ф. Зиминая, А. П. Козина, М. Е. Тарлавина.

⁵ М. И. Жданова, А. В. Ильина, Д. И. Кожиная, Е. И. Печенкина, А. Ф. Чеснокова.

⁶ Над двумя детьми Анны Козиной и четырьмя детьми Прасковьи Ждановой была учреждена опека за счет государства.

⁷ Миронова Евдокия Ивановна, урожденная Жданова.

отправлен на пять суток в карцер. После освобождения из карцера все повторилось: отказ от работы на строительстве и в лагере, пять суток карцера. Мало этого, он уговорил отказаться от работы еще двух заключенных⁸. 1 июля уже троим они заявили, что *«работать для советской власти не будем»*, и были отправлены в карцер. Затем все повторилось: освобождение, отказ от работы, пять дней карцера.

16 июля 1942 года все трое были арестованы по обвинению в отказе от работы на *«строительстве объекта, имеющего особо важное оборонное значение»*, а также в проведении *«агитационной работы в религиозном убеждении против строя СССР»*. По религиозным убеждениям они отказались подписать обвинительные документы, а позднее и выписку о приговоре. 1 августа 1942 года Григорий Жданов и П. Н. Рябых были приговорены к расстрелу⁹. 14 августа «смертникам» расстрел заменили 10-летними сроками, очевидно, это было связано с тяжелейшей ситуацией на фронте, куда гнали освобожденных из лагерей¹⁰.

* * *

В «Личном деле заключенного» были, как правило, представлены: анкета заключенного с фотографией, производственно-бытовые характеристики с графиком выполнения работ по месяцам, медицинские акты осмотра, приказы о направлении в штрафные изоляторы в случае различных нарушений, доносы осведомителей, приговоры лагерных судов в случае возбуждения новых следственных дел и так далее. Все эти документы дают подробную информацию о поведении заключенного и его дальнейшей судьбе. Весьма показательны материалы «Личного дела заключенной Кандалиной А. А.», в начале 1950-х годов отправленной на 25 лет в особый лагерь (Речлаг на Колыме). В каторжном Речлаге все заключенные получали лагерную одежду и *«ходили под номерами»*, то есть на одежду в нескольких местах нашивались номера, от чего Анна Кандалина сразу же отказалась, о чем был составлен рапорт, подобный следующему: *«Кандалина, в числе других религиозных убежденных, отказалась от получения таких вещевых довольствий, как одежда, обувь и постельные принадлежности, мотивируя это своими религиозными убеждениями “монашки”»*.

С первых дней пребывания в лагере она категорически отказалась от работы, за что не раз отправлялась в штрафной изолятор, согласно рапорту: *«Заключенная Кандалина систематически отказывается от выходов на работу, мотивируя свои отказы религиозными убеждениями, проводя антисоветскую»*

---

⁸ П. Н. Рябых и С. С. Сидоров.

⁹ Сергей Сидоров к тому времени уже скончался — 30 июля.

¹⁰ Но в лагерь был отправлен лишь Григорий Жданов, так как Петр Рябых скончался в тюрьме 15 августа.

агитацию среди других заключенных с целью уклонения последних от выходов на работу. За отказы от работ Кандалина водворялась в изолятор». В октябре 1954 года на основании рапорта начальника лагеря, озабоченного ее активной деятельностью среди заключенных, Анна Кандалина, как «злостный отказчик от работы», была отправлена в тюрьму: «Кандалина организовала группу, причисляющую себя к “монашкам”, которые ведут паразитический образ жизни¹¹. Принятые меры воспитательного характера на заключенную Кандалину положительного влияния не оказывают. Водворить в тюрьму сроком на один год с содержанием на тюремном режиме». В октябре 1955 года в ее характеристике значилось: «За систематические отказы от работы содержится в штрафном изоляторе с первых дней и по настоящее время» (11 октября 1955 года).

В «Личном деле» заключенной Марии Торгашевой, отправленной в особый лагерь (Минлаг), также много отрицательных характеристик, в основном связанных либо с отказом от работ, либо с организацией массовых молений: «За время пребывания в подразделении в силу своих религиозных убеждений нигде не работала. За отказы от работ Торгашева водворялась в изолятор... Заключенная Торгашева Мария Семеновна нарушала лагерный режим, ходила по баракам и организовывала групповое пение. За совершенный проступок водворить в штрафной барак сроком на 35 суток (тридцать пять)».

Эти и другие документы наглядно подтверждают рассказы истинно-православных христиан о их жизни в лагере и активном противостоянии режиму.

---

¹¹ Приводился график ее «работ»: «Август 1954 — не работала, сентябрь 1954 — не работала, октябрь 1954 — не работала. Срок сокращен до 7 лет. Ноябрь 1954 — не работала, декабрь 1954 — не работала».

Из воспоминаний Иоанна¹

Перевели меня во вторую тюрьму, «двойка» называлась, это лагерь и тюрьма, находилась в Кировском районе, потом — на пересылку. Я побыл там, встретил верующих из других районов, стариков. Но их не мучили, не заставляли работать, им легче было. В Казани-то некоторых стариков заставляли работать, шить меховые рукавицы и безрукавки. Но этих не беспокоили, они совсем старые были, под восемьдесят лет. А меня там долго не задержали, этапом погнали в Кермовскую область.

На этапе в жару особенно тяжело. На дорогу всегда давали сухую рыбу или селедку и хлеб. Люди, которые это прошли, передают друг другу, что в дороге не надо кушать, не надо пить. Я знал, что надо в посту себя держать. И здоровье человек сохраняет, и мужества набирается. А человек, который в первый раз на этапе, наестся хлеба и селедки, а она соленая, и ему воды хочется. Ни супов, ни воды в дороге не дают, и приходит такой момент, когда человеку пить охота. Он ждет-ждет воду, затем ее все-таки дают, а потом все это начинает мучить его и гнать в туалет. А в столыпинском вагоне туда не выпускают. Я это испытал на себе, видел, как люди мучаются.

На этапе меня спрашивали, за что посадили, я отвечал: «Я ничего такого не сделал. Я обыкновенный человек, верил в Господа Иисуса Христа и молюсь». Я крепко веровал — и для меня эти годы как будто бы не существовали. Я легко себя чувствовал, ни от кого не зависел, терять мне нечего, семья у нас уже распалась. Когда у меня спрашивали, где мои родители, я прямо отвечал, что мать в лагере. Если мать у меня такая, так чего же мне бояться. Позднее мне сообщили, что она находится в поселке Джекказган-Кенгир. Я просил отправить меня туда, там ведь были и мужские лагеря, но бесполезно. На пересылках потом я встречал людей, которые были там.

До этого я слышался от своих «братьев» и «сестер» о лагерных трудностях, особенно много рассказывали о мучениях отца Михаила, о том, как он долго сидит. Если люди, думал я, с Божьей помощью, только с Божьей помощью, могли все вытерпеть и терпеть, то и я вы-

---

¹ 10 июля 1951 — арестован в Татарии, 10 июля приговорен к 25 годам ИТЛ.

терплю. Не было у меня страха, так как жизни я не видел, кроме мучений и голода, ничего не помнил и уже ничего не боялся. Когда везли в Кемеровскую область, мне было очень тяжело. С нами ехали из Москвы бывшие военнопленные, они пять лет в закрытой тюрьме сидели. Один, генерал Нефедов, когда закончилась война, каким-то образом оказался во Франции, и его наша контрразведка оттуда вывезла. Я с ним ехал в одном вагоне. Потом на станции разгрузили нас с поезда и пригнали несколько «воронков». Нас не просто сажали в «воронки», а натолкали туда друг на друга такое количество, что дышать было нечем. Полное издевательство! С генералом я ехал в одном «газончике», и он так дышал, что казалось, сердце его вот-вот остановится. Сколько километров нас везли, уже не помню, завезли в какие-то сопки и выгрузили в Мысковском районе Кемеровской области. Там каменный уголь добывали.

А там заставили пришивать номера, как в концлагерях в Германии, я это в фильмах видел. Дали телогрейку, ватные брюки и простые брюки, в телогрейке на груди и спине клоки вырезаны и на коленке на брюках. Номера, взятые с личного дела заключенного, отпечатаны по трафарету черной краской на белом материале размером десять на пятнадцать, и надо эти номера самому пришить на грудь, спину, колено и на шапку. Ребята сели и сами стали номера пришивать, я же категорически отказался, заявил, что не военнопленный и пришивать не буду.

Одежду лагерную мне не дали, ведь я отказался пришивать номера, а у меня своя одежда вся рваная. Все уже пришили номера, генералу эти номера навесили, а я отказался. Тогда мне наручники надели и так в лохмотьях в изолятор и сунули. В изоляторе в камере наручники сняли. Камера узкая, маленькая, человека три может улечься. Внизу настелены горбыли, вдоль горбылей нельзя спать, только поперек. Обычно, конечно, не уснешь, но если наколотят хорошенько, то уснуть можно. Давали в изоляторе триста грамм хлеба и эмалированную кружку холодной воды, в обед — ложку овсяной каши или сечки. И так десять дней. Нам на пользу такой пост, нам жиреть не надо. Когда меня в лагере взвешивали, у меня и пятидесяти килограмм не было, хотя обычный мой вес под сто. Ведь я все время на штрафной пайке был.

В лагере меня сильно избивали за то, что я не подчинялся им, не ходил на поверку и на работу. Бывало, вытаскивали меня надзиратели за руки за ноги: «Становись в строй». Первая пятерка проходит, вторая, я, допустим, в пятой. Люди идут, они меня за руки перетаскивают на другое место. Бывает, что молишься, в это время как раз утренние

молитвы, они говорят: «Выходить на поверку». Отказываешься, тогда надзиратели берут за руки за ноги и тащат. За то, что не ходил на работу, брали за уши и били головой об стенку по очереди, приговаривая: «Будешь работать? Заставим тебя!» Били сапогами, да так, что однажды у одного из надзирателей подошва отошла, он потом ругался.

Там же, в Кемеровской области, два надзирателя штрафного изолятора чуть не лишили меня жизни — били головой об стенку так, что глаза перестали видеть, как лампочки горят. Потом сильные головные боли у меня были. Но и этого им мало показалось, они решили из меня половую тряпку сделать. Связали руки, к ним тряпку привязали, вдвоем меня за ноги взяли, а голову с руками в воду окунули и таскали по изолятору, как швабру. А то к одному вору бросили в камеру, чтобы он поиздевался надо мной. Но он кинул меня в угол, который из глазка не виден был, и сказал мне: «Мне эту “падлу” надо обмануть. Мне передача нужна, и я с ними договорился. Ты кричи громче». Я и старался...

Вышел я из изолятора в зону, а там заключенные уже все с номерами. Опять меня тянут в надзирательскую, опять начинают давать. Я не беру номер, отказался пришивать, а они что сделали — раздели меня, сняли телогрейку, штаны, шапку и красной масляной краской сами написали номер мой. Вокруг с нашивками ходят, а у меня масляной краской написано, от всех я отличался. День или два походил я, потом все это вырезал, телогрейка-то моя, выкинул это и нашил заплатку. Мне еще раз одежду испачкали, опять затащили в надзирательскую и поиздевались как следует. Я опять отказался пришивать номер, и снова его красной краской на одежде написали. Там я два срока по десять суток в изоляторе отсидел, но больше номеров я не видел.

Меня не удалось сломить, я так и не ходил ни на поверку, ни на работу, поэтому при первой же возможности меня спихнули в другую зону. Отправили в Омск и пустили слух, что отправляют нас на рудники, где добывалась урановая руда. Привезли в Омск, а там даже изолятора нет. Я отказался от работы, меня надо в изолятор сажать, а у них некуда — лагерь-то новый. Я остался в бараке, побыл месяц, второй, третий, из барака не выходил. Меня это не касалось, я говорил, что не буду строить этот коммунизм. Получилось, что попал в такое место, где нет изолятора, и для меня это отдых.

Потом других верующих привезли в наш лагерь из разных мест Краснодарского края, Киевской области, Воронежа, Молдавии — всех за отказ от работы. Люди сразу видели, кто в камеру входил, перекрестился, значит, православный, и когда ел, обязательно кре-

стился. Это крестное знамя — великая сила. Молились в праздники как могли, никогда не шумели, порядок не нарушали, а у нас всегда было тихо. У кого деревянные кресты были, у кого иконки, перед ними и молились. Раньше, в тюрьме, мы нательные кресты делали из хлеба, а в лагере уже наши кресты с нас не снимали, не трогали их.

В лагере я узнал, что существует множество различных сект: пятидесятники, евангелисты, баптисты и другие. Мы ни к кому не присоединялись и к нам никто, но натиска и давления не было. Был один старичок, священник из Молдавии, он себя никогда не возвышал, говорил нам: «Дорогие братья и сестры!» Мы там считались все равными — «сестры» и «братья» обращались друг к другу: брат Иван, брат Павел, брат Петр. Собирались мы вместе на утренние и вечерние молитвы, одни молились в одном углу, а мы, православные, в другом. Вообще, относились друг к другу по-хорошему: они — свое, мы — свое.

Встретился я там с нашими верующими, опять мне поддержка. Я им рассказывал про своих духовных руководителей, они — о своих. Расспрашивали друг у друга, как велась у них служба, ходили ли в церковь, признавали ли существующую официальную Церковь. Из этих разговоров мы узнавали друг друга и общались. У нас много было таких, которые знали молитвы, так что молитвы переписывали от руки и прятали в телогрейку: вату вынимали и туда прятали скатанную трубочку. В зоне все можно найти: и чернила, и химический карандаш. Бумагу подготавливали, мяли ее сильно-сильно, чтобы не хрустела, даже на материале писали молитвы, которые не можешь запомнить. Ведь материал легче прятать, и как бы тебя ни обыскивали, молитву, написанную химическим карандашом на белом материале, трудно было найти. Всяко приходилось, так что учились всему.

И где бы мы ни находились, в каких тяжелых условиях ни были, всегда и везде молились. Поклоны и молитвы можно было исполнять в любое время, где бы мы ни были, запретить невозможно. Даже в изоляторе, где раздевали, сажали только в штанах и рубашке, четыре угла всегда есть. Места там свободного нет, столько народу, но все равно кто-нибудь да молился на коленях. Тут уж не рассчитывал, где север, где восток, — тюрьма есть тюрьма. Я уже не говорю о том, что соблюсти все требования службы не было возможности.

Я зарабатывал себе на пропитание в лагере рукоделием, вязать научился в лагере. Чтобы зря хлеб не есть, надо было трудиться — вязал носки, варежки, старые свитера штопал. В тюрьме иголку не дава-

ли, чтобы заплатку поставить на телогрейку или брюки, приходилось просить спичку у курящих, заострять ее обожженный конец, другой конец раскалывать, из простыни доставать нитку и вставлять ее поперек, затем проворачивать острым концом спички материал и протаскивать нитку вместо иголки — таким способом я латал дырки. А носки вязать еще лучше на спичках, а чтобы спичка скользила, надо натирать ее остатком мыла после мытья.

В лагере были ребята хорошие, посуду им помогал на кухне мыть, обувь чинил, вязал, а они мне томатную пасту, консервы овощные давали. Посылок я не получал, а вот с верующими из Молдавии я чего только не перепробовал, даже сыр сухой и сухие фрукты. Все делились, чтобы с голоду не умереть, среди верующих никогда не пропадешь, любую пайку, любой кусок делили. Некоторым заключенным посылки присылали. Пшено из них оставляли к празднику и умудрялись кашу сварить. Посуду нам какую-то в тюрьме давали, клали туда пшено и два раза, получая чай, кипятком заливали — получалась каша как дополнительное питание для нас. Вроде бы и невозможно это съесть, но уж если очень есть захочешь, то и это сжуешь.

Вынести те мучения, которые создавались для нас, верующих, в лагерях, — это тоже Божья помощь. Простой человек это не выдержит, думать даже об этом нечего. Меня так собаками травили, что со стороны даже заключенные жалели. Ребята говорили: «Как ты это терпишь? Подчиняйся и работай, как мы». Я отвечал: «Вас заставляют, вы и делаете. А я не хочу. Я терпеть буду с Божьей помощью». Сколько же надо мной издевались! Были даже верующие, которые уговаривали меня поработать, чтоб не уморили меня. А я считал, какая разница, сколько Бог дал мне жизни, столько и проживу, и неважно, где я умру. Накладывать на себя руки или еще что — это большой грех, нас предупреждали старшие. С Божьей помощью я все перенес.

Помню, в Омске вызвали меня к заместителю начальника, он обычно вызывал всех поодиночке и избил меня до полусмерти. Лицо его до сих пор у меня перед глазами... Когда мы сидели там, Сталин умер, а мы не знали об этом месяца два, пока нас не погнали на этап. Меня старались не держать долго в одном лагпункте, потому что каждый начальник лагеря у себя держал порядок и старался, чтобы нарушителей у него не было. А я на поверку и на работу не ходил, считался нарушителем. Помучаются они со мной, помучаются, а потом старались избавиться от меня и при первой возможности выгоняли на этап. Сейчас я даже не могу припомнить все ла-

геря, где был, в личном же деле заключенного не писали, что он не работает².

А в лагере под Тайшетом³ собрал нас оперуполномоченный и просвещал, какая наша страна крепкая, какая непобедимая, и заявлял: «Вот здесь будем строить коммунизм. И советская власть победит!» Я ему на это: «На антихриста работать не буду. Я пришел сюда, чтобы не строить коммунизм. Я не хочу коммунизма!» Многое он тогда нам внушал, а мы все равно не обращали на это никакого внимания. Мы не работали там, отказывались, и чем больше нас наказывали, тем больше мы веровали. Тогда нас, пять-шесть верующих, старались разъединить и разбрасывали в разные места: одного — туда, другого — сюда. А нам-то от этого еще лучше, мы ведь новых единоверцев приобретали, и наше дело расширялось.

Надо мной было очень много издевательств по всей трассе от Тайшета до Осетрово. Мне заключенные говорили там прямо: «Хорошо, что ты прибыл сейчас. Дорога до самого Осетрово, до Лены уже есть. Раньше ты точно попал бы под шпалу, почти под каждой шпалой лежит заключенный, убитый или погибший от разных случаев». А начальство ко мне обращалось только с ругательствами. Я тогда молодой был, на этой трассе меня здорово таскали вместе со всеми. За руки за ноги на утреннюю и вечернюю поверку. Однажды даже вывели на работу, только за воротами стали вместе со всеми считать. Люди пошли на работу, а я отказался, тогда они напустили на меня собаку, напугать хотели. А я уже слышал, что собаки обучены так, чтобы свалить человека, но тело не кусать, лишь одежду рвать. Так и было со мной: хоть и трепала она меня по-всякому, но на теле ни одной царапины после не было.

В лагерный изолятор как-то пришел генерал, инспектирующий лагерь, а я там один был. Он зашел туда и спросил: «Вы за что здесь сидите? За что наказаны?» Я ему: «А я откуда знаю? Вот спросите начальство». А они рассказали ему подробно, что я не подчиняюсь никому и не хожу ни на поверку, ни на работу. Тогда генерал заорал: «Да за это и десяти суток мало! Снять с него остальную одежду!» Я ему: «Да у меня и так одни штаны. Если скинете, я вообще голый буду». Никогда не забуду, что он мне на это ответил, этот генерал...

---

² Это не так. В личном деле начальник лагерного пункта ежемесячно писал характеристики на каждого заключенного. Когда заключенный отказывался от работы, то по приказу начальника он отправлялся в штрафной изолятор на определенное количество суток, все это отмечалось в личном деле заключенного.

³ В Озерлаге.

Еще люди рассказывали, что кто в побег уходил, того из тайги живым не приволили, приносили только отрубленные руки и голову. Пальцы нужны были для проверки отпечатков, а голова — для сверки фотографии в деле. Тогда только они беглеца списывали. И потом слышал я о похоронах заключенных в лагере. Страшное дело! Когда умирал заключенный, к его ноге привязывали бирку с его личным номером, а при переходе запретной зоны выходил вахтер с солдатами и металлическим штыком прокалывал тело не меньше трех раз. Только после этого подписывался акт о смерти и труп увозили и скидывали в общую яму.

В Осетрово должны были делать речной порт, и требовалось много заключенных. Бараки для них были уже построены, но спуск к Лене был очень крутым, взбираться по дороге надо было высоко, а бараки стояли еще выше. Я прибыл туда зимой, когда только начиналось строительство. Река Лена уже замерзла, лед обрезался квадратами, под ним рыли почву, доходили до твердого грунта и бетонировали. Там я тоже ни одного дня не работал, изолятора там не было, сажать меня было некуда, поэтому при первой же возможности они избавились от меня. Опять меня вывезли в Тайшет, там на пересылке формировали этап, чтобы в нескольких телячьих вагонах увезти всех на восток.

На пересылке было много разных бандитских группировок: воры в законе, воры ссученные, «красные шапочки», «беспредел» — их всех рассаживали в разные вагоны, были также чеченцы и крымские татары. Только верующих не было. В каждом вагоне были назначены старшие. Начальник лагеря позвал старшего вагона, где чеченцы и татары были, и спросил: «Я с вами одного верующего хочу посадить. Вы не тронете его?» Они ему: «Нет, будьте спокойны. Он будет гостем у нас. Других мы не возьмем, а его возьмем». Так я с ними поехал в вагоне, старший слово сдержал, и меня не тронули.

С ними я ехал до Иркутска, оттуда другим этапом попал в Комсомольск-на-Амуре. Моста еще через реку не было, ходили паромы, наши двенадцать вагонов загнали на паром и перевезли на другой берег. Там тройной тягой паровозов повезли в порт Ванино, здесь я и встретился с верующими из других районов и городов, которых даже не знал до этого. В дороге был только сухой паек, и я сильно истощал. В лагере кормили плохо, у меня началась цинга, малокровие и куриная слепота. Чуть вечер — я уже ничего не видел, однажды чуть ногу не сломал, упал в бочку для воды, стекающей с крыши барака.

Каждый день приезжали из больницы и выдавали рыбий жир по столовой ложке. В бараке все знали, и верующие, и сочувствующие,

что я совсем истощен. Так они сливали эти ложки в банку и мне передавали, поддерживая меня. Потом договорились с врачом, и меня направили в больницу лагерную. Там меня обследовали и стали лечить, давали вдоволь рыбьего жира. Я его с хлебом за едой ел, так что за полмесяца немного поправился. В ноябре меня выписали, к декабрю наступили холода, и вдруг поползли слухи, что нас должны отправить в Магадан. Отвели нас в санпропускник, загнали туда двести человек и вместо горячей воды включили там холодную. А какое мытье — только холод и простуда. Потом прошел медосмотр, а в конце декабря решили вывезти нас на Колыму. Всех политзаключенных, которых собрали в порт Ванино.

Потом пустили слух, что когда повезут на Колыму, то в пути всех заключенных с пятьдесят восьмой статьей посадят на корабль и затопят его. Многие из тех, кого готовили на Колыму, были военнопленные, они стали в бараки заходить и объявлять: «Нас хотят погрузить в трюмы и затопить пароход». Мы поверили в это, стали обсуждать друг с другом: «Давайте будем отстаивать право, чтобы нас до весны оставили здесь». Потом стали призывать: «Давайте будем сопротивляться, не будем выходить из зоны». Я лично, может быть, и не стал бы сопротивляться, но как в такой массе можно отделиться?

Утром рано, светло уже было, в зону через проходную заскочило много надзирателей и гражданских вместе с собаками. По баракам объявили: «Выходи строиться на этап». А поскольку мы договорились, то лежали и не двигались. Некоторые заключенные забаррикадировали двери скамейками и столами. Я лежал на нижней полке, под головой мешок был, на мне было две телогрейки, внизу они были сшиты и служили мне спальным мешком. Когда холодно было, я всегда все вещи свои надевал на себя, так что в мешке оставались лишь кружка и ложка.

На окнах барака решеток не было, так надзиратели и вольнонаемные стали разбивать стекла и врываться, кто через окна, кто через двери, и выкидывать нас из барачков. А когда во двор уже выбросили, то, кто в строй не встал, ему трубой по голове били — у многих охранников в руках куски металлических труб были, обернутых газетами, незаметно так. Меня-то ударили еще в бараке, когда с нар вытаскивали. Построили шеренгами по пять человек, кто с мешком стоял, кто с чемоданом, многим головы поколотили, они руками закрывались. И повели нас строем через весь лагерь к порту.

Там уже корабль ждал, трап подготовлен, метров двенадцать от берега. Стали вызывать нас, зачитывали фамилию, имя, отчество одного и направляли туда, потом следующего. А там мы по трапу гуськом ползли наверх, держась за натянутый трос. Погрузка долго шла, пока несколько тысяч заключенных с палубы спустили в трюм. До Магадана шли не меньше восьми суток, шторм был до десяти баллов, люди валялись в трюме, от морской болезни кого рвет, кто плачет, кто что. В одном месте параши — здесь оправливаются и блюют, — в другом месте готовят пищу, в третьем лазарет: кому укол, кому чего. Среди врачей вольнонаемных не было, только заключенные, они нас еще в лагере обслуживали и очень хорошо помогали.

Мне приходилось вместе с ними ухаживать за другими, качка на меня не действовала. Я помогал врачам, а за это они меня кормили, глюкозы давали большую ложку. Я работал с ними и в трюме, и на палубе, поскольку я был всегда на ногах, приходилось самому вытаскивать парашу наверх по металлической лестнице. Если надзиратели давали веревку, то эти отходы под конвоем поднимались наверх без лебедки, вручную с помощью веревок теми, у кого силы были. Надзиратели смотрели, когда можно было, и командовали, а мы вываливали эти отходы за борт. А были моменты, когда сильное волнение перебрасывало волны через палубу. В течение восьми суток я мало спал, приходилось еще помогать раздавать пищу и кормить. А ходить при качке было очень опасно — койки-то двухъярусные, металлические, можно было упасть и голову разбить.

Пароход здесь к берегу не подошел, край моря замерз, так что выгружались мы прямо на лед и строем по пятеркам шли к берегу. Там дальше на безопасном расстоянии уже стояли грузовые машины под брезентом. Подгоняли нас к ним, набивали битком машину — и в пересыльный лагерь. Мы ехали в сорок с лишним градусов мороза, расстояние немалое, так что мы все промерзли. В лагере уже местные нас принимали и выкидывали, а у нас ноги не шли, так замерзли. Рад бы идти, да ноги не шли, падали мы, нас подхватывали — и в теплое помещение.

Баракы здесь углем топились, была и лесопилка, так что для меня пошла здесь другая жизнь. Среди заключенных были русские из Китая, бывшие эмигранты, китайцы, японцы и англичане, то есть русские, эмигрировавшие из Англии, но никого из православных не было. Поскольку я на работу не ходил, то пришлось мне общаться с китайцем-дневальным. Заключенных водили работать на пилораму и

лесоразработки, я из зоны никуда не выходил, помогал дневальному относить в сушилку одежду и валенки работавших. У него были знакомые китайцы, один из них коптил рыбу вольнонаемным, я помогал вешать эту рыбу, они меня поддерживали, так что возле них я немного поправился.

Но через некоторое время меня отправили за шестьсот километров в Сусуман. Посадили нас в кузов «татры» под брезент, где стояли печки, чтобы в дороге не замерзнуть, в дороге были остановки, где готовили еду, но двигатель не глушили. Шоферы в основном пили чифирь, а нам дали сухой паек, хлеб и рыбу соленую. Никто нам не готовил, но если попросить, то от начальника конвоя зависело, разрешат или нет покормить нас горячим. В Сусумане послали меня на прииск, где опять стали тормозить, чтобы я работать пошел, золото мыть. Его добывали на поверхности и в шахтах, но большую часть в шахтах. Зимой добывали породу с песком, вытаскивали наверх, а летом с помощью драг мыли золото. По всей низине, где проходила река Колыма, намывали мощные горы песка. После промывки песка воду спускали в шахты, где была порода отобрана. Я помню разговоры, что смена из восьми человек намывала по девять-десять килограмм золота. В течение трех месяцев мылось золото, причем можно было и вручную его намывать, хотя за это срок давали.

Там я немного побыл, опять отказался от работы. У меня был другой смысл — терпение, куда меня Господь ни приведет, я должен был терпеть. На работу я не ходил, немного помогал ребятам на кухне, но скоро меня обратно вывезли в Сусуман, при морозе около пятидесяти градусов. В тюрьме я встретил тех, кто в декабре был со мною в порту Ванино, там же были еще и украинские националисты, но верующих не было. Из Сусумана нас решено было отправить на Известковую, еще дальше от Магадана. Там известь добывали, и вся Колыма использовала эту известь, а вывозили ее оттуда зимой на тракторах через болота, летом там не проедешь, утонешь. И решили нас зимой, в самый мороз, везти, туда как раз дорога была.

Мне-то все равно было, я не сопротивлялся, куда бы меня ни везли, а остальным туда совсем не хотелось ехать. Хотя все по разным камерам сидели, но смогли как-то договориться, решили все не подчиняться и не ехать на Известковую. Когда забаррикадировались они в камерах пересыльной тюрьмы, то администрация применила насилие. Пригнали пожарные машины, разбили стекла и через решетки ударили по заключенным ледяной водой, чтобы выгнать всех из камер. А каме-

ры были большие, человек на двадцать, я спрятался наверху и накрылся чем смог. Все-таки пришлось выходить из камер на улицу мокрыми — и прямо на сильный мороз. Погрузили нас, мокрых, в машины и привезли в городскую баню, где разрешили высушиться.

Как только подсушили нас, сразу же погрузили в машины и отвезли на Известковую. Весной, когда снег таял, дороги туда не было, продукты и все остальное завозили туда по зимнику. Лагерь там был небольшой, была и маленькая баня. Зимой там все перемерзало, воды не было, и заключенным приходилось вырубать лед, где летом вода была, и развозить этот лед по баракам. Мылись мы, накалывая лед и растапливая его в чанах. Каждому выдавали всего два черпака воды, литра два, давали кусочек мыла на десять-пятнадцать грамм, и с этими двумя черпаками в тазике должен вымыться. Вода уже еле теплая была, в голове одна известь была, как будто в воду песок с известью насыпали, вода отстаивалась, и этой водой мы мылись.

Я уже не помню, сколько я там пробыл. Изолятора там не было, но меня не притесняли. Хочешь работать — работай, не хочешь — не надо, там достаточно было тех, кто добровольно работал. Ни в одном лагере не было так, как там. Письма разрешались по одному разу в три-четыре месяца, я постоянно переписывался с сестрой. Потом пятьдесят шестой год подошел, лето уже кончалось, но, несмотря на то что дороги не было, нас все-таки вывезли на высоких санях в Сеймчан. Радость была, конечно, большая, что из такой глуши выбрались. Десятого августа выпал снег, но все же еще можно было ягоды собирать, за все время пребывания на Колыме я впервые попробовал их, за зону ведь не выходил совсем. Потом нас из Сеймчана перевезли в Магадан, но в пересылку не сажали.

Там работала комиссия, один был из Москвы и местные чекисты, она разбирала наши дела и давала справки об освобождении. Некоторым предлагали остаться работать вольнонаемными на Колыме. Лагерь был уже освобожден от заключенных, и нам разрешили пожить в старых бараках, пока транспорт приготовят, чтобы вывезти нас по морю из Магадана. Выдали нам справки, дали денег на поезд, чтобы каждый смог добраться до своих мест, здесь же мы сразу уплатили за корабль. При освобождении чувствуешь себя свободнее, так тянуло на родину, и хотя у меня там никого не осталось, все равно тянуло.

Я знал, что, когда приеду обратно, у меня будет встреча с верующими, моими «сестрами» и «братьями». У меня никогда не было чувства, что я каким-то образом мог бы от них отделиться, уехать и соз-

дать себе какую-то иную жизнь. Нет, меня обратно тянуло туда, я ведь надеялся, что скоро всех выпустят. Переписку я не вел, писал мало, все время находился в разных лагерях и не думал, что меня когда-то освободят, не надеялся на это. А когда меня выпустили, то я обрадовался и решил ехать только домой, хотя мне предлагали заключенные, с которыми в лагере у меня были хорошие отношения, ехать к ним.

Я откровенно скажу, что я всегда верил в Господа Бога, верил, что где бы ни был человек, Бог может и обогатить, и бедным сделать. Но главное — вера, если ее лишиться, тогда боязно, тогда страх появляется. Стоит только чуть отступить, чтоб не было гонений и преследований, и пропал. Человек всегда лучше себя духовно чувствует, когда в гонении. Когда на свободе были, мы читали книги, и там ведь написано, что Господь сказал: «Кого люблю, того больше наказываю». Не все люди это могут понять, а это очень успокаивает человека, он живет с надеждой, верой и любовью, ему нипочем эти страдания.

Из воспоминаний Анны Кандалиной⁴

В лагере мы ни одного дня не работали и на поверку не ходили. Сажали нас в изолятор на триста граммов хлеба и кружку воды. Однажды нас там даже сжечь хотели, но Господь сохранил... Врачи говорили, что человек на триста грамм хлеба лишь год может прожить, а мы там сколько лет прожили. Конечно, триста грамм мало было, и мы подрабатывали на еду. Заключенные обращались с просьбами, и у нас кто вязал, а кто пряд. Меня научили вязать, и я косынки вязала, носки и варежки, а потом научилась и одеяла стегать. Но зарабатывали только на один день, «блатные» могли лишнее отобрать.

Обычно для заключенных в лагере подъем был в шесть часов, потом они шли на завтрак и затем на работу. А мы вставали, умывались и молились, потом шли в столовую за хлебом, чаем, иногда рыбой. Затем опять молились, хотя начальство не давало, так что молились умышленно. Молитвы у нас постоянно отнимали и кресты снимали, потом мы их в вату в одеяле прятали. Помолимся, по лагерю походим, потом опять на молитву...

---

⁴ Кандалина Анна Александровна. 19 ноября 1948 — арестована по групповому делу верующих, принадлежавших к Истинно-Православной Церкви. 8 февраля 1949 — приговорена к 25 годам ИТЛ с поражением в правах на 5 лет.

Потом нас в другой лагерь отвезли, а там приказали выбросить из барака на улицу. И все две недели, пока мы лежали там, дождь шел. А начальник лагеря хотел лошадью затоптать нас, но лошадь перед нами встала. В столовой мы со всеми не ели, нам давали сухим пайком: полторы ложки крупы, одну чайную ложку масла и хлеба. В Магадане был хороший хлеб и такие продукты, которых я не видела даже в Москве, — за золото Америка снабжала. Потом нас, верующих, отделили, и мы совсем без конвоя жили два с половиной года. Знали ведь, что мы не убежим.

А когда отвезли нас за шестьсот километров в Эльген, мы опять отказались от работы и не подчинялись. Опять посадили нас в изолятор. Начальник Юдин пришел к нам, увидел, что мы еще дух переводим, принес веревку и приказал нам: «Давитесь». А мы ему: «Сами давитесь». Потом у него сына машина задавила, и он вскоре сам удавился. А потом пришел приказ: «Кровь за кровь». Приказ пришел из Магадана: расстрелять нас. Вызвали и потребовали: «Распишитесь». Мы отказались и сутки стояли вот так. Конвой был наизготове, а утром пришел приказ: «Отменить расстрел». Начальство заскрежетало зубами...

А когда Сталин «подох», зашел к нам в изолятор начальник. У него в руках связка ключей была, и они вдруг упали. Начальник так побледнел, а мы все закричали: «Свободу!» Потом начальник принес нам хлеба, чтоб мы за Сталина помолились. Но мы отказались его поминать, и начальник обратно хлеб забрал. Потом освободили три тысячи уголовников, и «блатные» врывались в женские лагеря. У нас в лагере столько женщин изнасиловали, но нас Господь сохранил. Правда, испуг нас постоянно преследовал, так страшно было.

Нас освободили в пятьдесят шестом году⁵, и когда освобождали, то потребовали подписать бумагу, что буду молчать обо всем. Но я отказалась, да и документы об освобождении мы отказались брать в руки, их дали сопровождающим. Когда освободили меня, я заплакала. Вообще, в лагере у нас не было никакой надежды на свободу, мы даже и не мечтали. Просто нельзя было мечтать. Но о смерти мы все равно не думали. И я никогда не плакала там, как бы плохо ни было. Нет, всегда только смеялась...

Приехала на родину, а в шестьдесят первом меня опять арестовали. И в тюрьму меня на носилках несли в «воронок», я тогда неходя-

---

⁵ 17 ноября 1954 — срок приговора был снижен до 7 лет.

чая была. А в шестьдесят втором опять меня судили и дали пять лет ссылки. Привезли в Иркутск, а мне работать нельзя было.

Направили тогда в психбольницу на обследование. А там допросы, гипноз, и задавали вопросы глубокие: «Есть ли Бог? Можете ли это доказать? Первое Пришествие — дух принял плоть. Второе Пришествие — плоть приняла дух». Разговор вялый был, я вся бледная была, да и нервы совсем больные. Как наш пастырь говорил: «Совсем с места тронутая». Потом отправили меня в Сосновые Родники на реку Чуну, за Братскую ГЭС.

И там начальник сжалился надо мной, помог устроиться, меня ведь никто не брал на квартиру. В том поселке я ни с кем не разговаривала и не здоровалась. Там невозможно было жить, если бы я открыто перекрестилась, меня бы убили, — все пришлось тайно делать. А потом обвинили меня, будто я шпионка, сообщаю что-то по радию в Америку. Но Господь меня сохранил там. Освободили меня из ссылки из-за болезни через полтора года. И вернулась я домой.

Из воспоминаний Анны Лаврентьевой⁶

Направили нас в Челябинск. Лагерь неплохой был, но мы не стали работать. С нами была Смольянинова Мария Петровна, она уже второй срок сидела. Она сказала: «Я не пойду работать». И мы все, три человека, тоже отказались и не пошли работать. Нас так мучили, много пришлось перетерпеть. В лагере под Челябинском в бараке было сто пятьдесят заключенных, но мы все равно ночью тихонечко читали акафисты, чтоб не мешать спать другим. Когда появлялся надзиратель, быстро прятали все, что у кого было.

Из Челябинска нас направили в Свердловскую область, в Ивдельлаг, а там сидели рецидивисты. Нас привезли в лагерь ночью, запустили в барак. И была для всех там «Варфоломеевская ночь». В лагере было всего сорок пять женщин и семьсот мужчин-рецидивистов. Так уголовники сломали в нашем бараке дверь и ворвались к нам. Что там было! Но нас Матерь Божия сохранила. Было темно, но им сказали, что здесь монашки. Тогда главарь их закричал: «Монашки? Раз мо-

---

⁶ Лаврентьева Анна Петровна, 19 июля 1945 — арестована как «участница антисоветской организации ИПХ». В 1945 — ей было предъявлено «Обвинительное заключение». В 1945 — приговорена к 10 годам ИТЛ и отправлена в лагерь.

нашки, пусть поют». И мы забились в угол, где места-то на двоих было, а нас девять, и всю ночь пели и молились.

Утром мы встали и вышли из барака, а уголовники высмотрели нас и удивились: «Мы-то думали, что они старые, а они молодые». И пригрозили, что вечером разберутся с нами. Самой старшей нашей было сорок пять лет, а остальным — по восемнадцать. Но в восемнадцать часов пришли «вохровцы» с начальником, они были уверены, что нас уже всех изнасиловали. И охрана навела «порядок» — прогнала уголовников через строй и жестоко избила их шлангами.

Нас после разослали в разные лагеря, раскидали по одной, по двое. Меня отправили в Красноярск, потом через Новосибирск в Тайшетлаг⁷, где нас снова разделили. Сначала в Озерлаге я была на двадцатой колонне, потом на двадцать четвертой, затем на восьмой. Мы ведь нигде не работали, поэтому нас и бросали из лагеря в лагерь и два раза судили там. На суде в последнем слове я заявила: «На советскую власть не работаю. Даже соломку поднимать не буду».

А на восьмой колонне начальнику, еврею, приказали, чтоб он нас, верующих, шестьдесят человек, перевоспитал. И там сказали что если одну убьем, то другие сами пойдут работать. Но не тут-то было! Гончаровой Наталье, она грамотная была, предложили стать бригадиром, она отказалась. А потом Наталья заступилась за одну женщину, которая расшибла голову об угол нар, когда надзиратели сбросили ее с нар. Наталья попыталась в медпункт побежать, но ее не пустили силой. Схватили и распяли, как Христа, к стене привязав за руки. И три надзирателя били ей прямо под сердце. Это разве не Божья воля, что трое мужчин били, а она после этого жива осталась? А потом один надзиратель предложил новый способ усмирения — взяли ее за ноги и головой об пол били. И так три раза... Потом бросили ее в холодную камеру подыхать. Но Бог ее спас!

Из области приехала комиссия, чтоб убедиться в нашем перевоспитании. Целую неделю наблюдали, а потом запретили бить нас, но предупредили, чтобы об отказах от работы акты составляли и подавали в суд. После этого нас, молодых, надзиратели не били, а тех, кто постарше, их продолжали бить, они не жаловались. Мы в лагере и против казенной одежды были, не желали ее надевать.

---

⁷ За отказ от работы в лагере была приговорена к новым 10 годам ИТЛ и отправлена в Озерлаг.

В этом лагере я провела пять лет и опять не работала. Но там были другие испытания, и много мы претерпели за номера. Пришел в лагерь указ — всем заключенным пришить номера. Мы не согласились и отказались пришивать их. Нам нашили их на спину, а мы оторвали. И так несколько раз было. Потом надзиратели обратились к начальству, а те сказали: «Оставьте их».

Смерть Сталина застала меня в Тайшете, мы знали, что он только заболел, но уже на второй день говорили о его парализации, а на третий с радостью говорили «сдох». Тут надзирательница прибежала, наблюдать стала, что «монашки» делать будут в тот день, когда его хоронили. И когда стали стрелять там, мы сидели как сидели. Они-то думали, что, может, мы клясть его будем. А мы молчали...

Из Тайшета отправили меня в Потьму, в Мордовию⁸, но там уже не было такого гонения. В лагерях мы молились всегда общей молитвой, нас здесь девять человек было. Александра Федоровна⁹ вставала в три часа и молилась всю ночь: и полунощницу справляли, и утреню, и среди дня (в первый и во второй лагерный срок).

Сидели мы в отдельном бараке, нас шестьдесят человек было. И все молились, но каждый в своей кучке молился, по местностям: липецкие со своими, смоленские со своими. Я дружила с тамбовскими, нас из Куймани мало было. А с Натальей Алексеевной¹⁰ мы были разлюбезные подружки: и в первый срок мы с ней вместе сидели, и во второй всегда вместе. Однажды пришел в барак начальник, с ним была вольная женщина, стал спрашивать, как живем. А Дарья Гостева из Липецкой области ему отвечает: «Мы так живем: листья постелили, листья в голову положили и листьями укрываемся». А он все потом выспрашивал и высматривал, заинтересовался нами.

Здесь, в лагере, уже свободнее было, нас даже предупреждали, когда «шмон» должен быть, и мы старались все спрятать. Здесь с нами была матушка Евфалия, у нее был очень красивый голос. Пасху и другие праздники мы проводили очень торжественно. И вся зона сбегалась послушать, как «монашки» торжественно Пасху встречают и как поют красиво. Когда кто-то из наших верующих освобождался, она проводила обряд освобождения. А потом уходящий кланялся на все четыре стороны. Трогательный был обряд...

---

⁸ В 1954 — переведена в Дубравлаг.

⁹ Самарина Александра Федоровна.

¹⁰ Гончарова Наталья Алексеевна.

В лагерях меня дважды судили, на воле дали десять лет по младости, и в лагере дали еще два раза по десять лет. В пятьдесят шестом году я освободилась из Мордовии, но домой меня не отпустили, а отправили в ссылку в Сузун Новосибирской области. Пробыва я там лишь три месяца, и на Страстной неделе, под Вербное воскресенье, меня отпустили. В общем, отсидела я почти одиннадцать лет, в сорок пятом взяли, в пятьдесят шестом отпустили. Вот и вся моя лагерная жизнь...

В шестьдесят первом году опять арестовали нас, теперь за «тунеядство». Приговорили к высылке и отправили сначала в Красноярск, а потом перевели в Сузун Новосибирской области, где я раньше была. Мы там опять отказались от работы, и нас отправили в тюрьму, а через четыре месяца — на суд. Потом вновь отправили в лагерь, в Новосибирск или в Кемерово, там мы опять отказались от работы. Через две недели нас в тюрьму, а через четыре месяца на суд и опять — в лагерь...

В Сибири нас, верующих, было около ста пятидесяти человек со всех концов России: из Саратова, с Кубани, из Воронежа и так далее. И здесь мы продолжали молиться, никогда не стеснялись и громко пели, а окружающие так молчали, что слышно было, как муха пролетала¹¹.

Из воспоминаний Наталии Гончаровой¹²

После суда нас направили в общую тюрьму. Встретили неприветливо, поселили в общую камеру. Там были «блатные», «фраера», колхозники, а нас звали «монашками». Нас спросили: «Будете работать?» Ответили: «Да, но в праздничные дни не пойдем». Нас посадили в карцер. Здесь нас было много. В этой тюрьме пробыли полгода. Потом нас отправили этапом неизвестно куда. Прибыли на вокзал, объявили: «Поедете в Коми республику». Погрузили в бычьи вагоны, как скот, и повезли. Паек сухой, воды нет, бросали снег. Вагоны нетопленные, и надзиратели забегали, гоняя нас из угла в угол, чтобы не замерзли. Колея дороги одна и разъезды. Вагоны загоняли в тупик, так что ехали мы месяц. Морозы.

¹¹ В 1966 — была освобождена, вернулась в Липецк.

¹² Гончарова Наталия Алексеевна, 8 апреля 1945 — арестована как «участница антисоветской группы истинно-православных христиан». 28 августа 1945 — приговорена к 4 годам ИТЛ, отправлена в Воркутлаг.

Привезли в Воркуту на пересылку. Там комиссия. Раздевали до гола и смотрели приметы. Одевались и на места. Потом повезли по лагерям. Я одна попала на Предшахтную, где начальником был Бакулин. Завели меня в барак. Барак на двести человек, на окнах решетки, справа стояла большая кадка для оправки. И всю ночь движение на кадку — вонь, дышать нечем. Мужчины пробирались к женщинам, было что-то страшное. Когда я была в бараке, бесконечно стояла на молитве.

И тот же вопрос и мой ответ: работать буду, но в христианские праздники, сколько бы их ни было, нет. А они без разговора посадили в карцер — раздели, оставили только обувь, юбку, кофту и платок. Карцер топили плохо, холод. Давали триста грамм хлеба и стакан воды. Я накидывала юбку на голову, она широкая была, дышала и этим немного смягчала холод. Молилась, пела молитвы, псалмы и тем утешалась. Отсиджу пять суток, потом двое суток в бараке, и обратно на пять суток в карцер. А то ставили на мороз около карцера, тогда замерзала до крайности, другой раз не могла ноги развести. Замерзала, приведут в барак, ночь там, и опять в карцер. И так прошло четыре года.

Перевозили из лагеря в лагерь. Отсидела срок, но домой не пустили, а повезли на высылку в Красноярский край, Абанский район. Нас там распределили по колхозам. Нас было четверо, и нам двум не дали квартиру. Нас приняла женщина, у нее двое детей. От колхозной работы я отказалась категорически, и мы стали работать частно, у людей. Кому вязали, кому шили, а за работу — сколько дадут. Потом судили меня районным судом и дали шесть месяцев «принуды»¹³. Я от них отказалась. Из деревни Петропавловка отправили нас в тайгу, потому что продолжали не работать, не голосовать и т. д.

Приехала моя сестра и еще две духовные «сестры». Нас арестовали в деревне Баикино и отправили в Абанскую тюрьму под следствие. Следователь Разумов. Законы те же, что и в Рязани: также отбой, допрос ночной и так далее. Просидела я шесть месяцев, и Москва осудила «особым совещанием» по пятьдесят восьмой статье, пункты десять и одиннадцать. Дали восемь лет — это уже третья судимость. Направили меня в Иркутскую область, в город Тайшет, попала я в восьмую колонну. Как только ступила я ногой за ворота лагерного пункта — палачи русские встретили: наручники и палки в

---

¹³ Имеются в виду принудительные работы.

руках. Охрана била христиан как скотину, потому что допускалась на работу пьяная¹⁴.

В лагере было восемьдесят верующих, но разной веры. Там уже были и наши «сестры», их как раз вытащили полумертвых из карцера и отправили в стационар. А меня с ходу в карцер. Карцер размером два метра длины и полтора метра ширины, а нас набили туда как селедок, да еще натопили. Стали гнать всех на работу. Меня объявили бригадиркой, как грамотную и всех моложе. Я отказалась, а дежурные в конторе, где бригадирам давали разнарядку, стали «развлекаться» со мной: пинками били меня из угла в угол, как мяч, и приговаривали: «Ищи пятый угол».

На другой день пришли в барак пьяные с палками, стали бить всех христиан, включая и меня. Били как скот, никакого сожаления. Потом стали сбрасывать женщин с верхних нар на пол. Одну христианку по имени Марфа сбросили, а она угодила головой на угол выступа, по которому залезали на верхние нары. Голову пробила, чуть кулак не влазил. В дверях стояли дежурные и никому не давали выйти. Но я прорвалась, за что хотели убить скамьей, но другая «сестра» заслонила собой, и ударили ее. Была свалка и неразбериха, но все же я добежала до начальника лагеря, он же был главврачом санчасти. Он быстро взял Марфу в санчасть и потом залечил рану. А эти пьяные надели «сестрам» наручники, и у некоторых от них кровь брызгала. Мы никому не жаловались, боялись греха и терпели ради Христа.

Потом меня одну посадили в БУР. БУР отличался от карцера величиной, туда можно было набить христиан человек сорок, как селедок. Пришли эти три «лба» и стали бить: один в одну сторону груди, другой — в другую, третий — куда попадет. Били под сердце, но Матерь Божия сохранила. Потом они что-то стали шептать. Я испугалась, что они меня изнасилуют. Но они придумали другое: повалили меня на пол, один взял за голову, другой за ноги, и прихлопнули несколько раз об пол. Решив, что я убита, потащили из БУРа в карцер и там бросили на цементный пол. Я опомнилась, поднялась и слышу стоны других.

Прошло немного времени, перевели меня в разваленный барак, а там были «сестры» по духу. Стали молиться вместе. Меня просили почитать акафисты, я знала на память утреннюю и вечернюю молитвы и три акафиста: «Спасителю», «Матери Божией» и «Николаю Угоднику». Я стала читать, а нарядчик и бригадир потребовали, чтобы броси-

---

¹⁴ Помню фамилии надзирателей: Трошин, Денисов, Савелла, а начальник лагеря Нордберг Александр.

ла читать. Бросить не могла, боялась, что меня Господь накажет. Тогда они дождались ночи, выгнали всех из барака, оставив меня одну. И стали кидать меня на пол спиной, чтобы отбить почки. Как же я просила Матерь Божию о помощи! И не чувствовала боли, падала на пол, как на подушку. Тогда они потащили меня один за одну ногу, другой за другую. Я думала, они меня раздерут. А они подтащили меня к двери, и один, опираясь на нее, шагнул на живот в кирзовых сапогах. Если б я была не голодная, то могло бы все полопаться.

Потом надзиратель позвал одну христианку, Кокореву Анастасию, узнать, жива ли я. Она подошла, заплакала: «Наталья, жива ль ты?» Я улыбнулась и сказала: «Жива». Они меня перенесли на солому, и у меня живот был от низа и до пояса черный, просто угольный. Врачей вызвать было нельзя, палачи могли и добавить. Когда я немного выздоровела, нас повезли на сенокос. И я опять отказалась работать. Там карцера не было, вместо него был подпол. Днем я ходила по лесу до запретной зоны, а ночью меня сажали, даже не сажали, а клали в этот погреб. Кто там, в подполе, крысы, мыши? Но их я не боялась. Боялась мужчин — они все позволяют. Они сажали меня в муравьиные кочки нагой. Я просила Спасителя, и Матерь Божию, и всех святых на помощь, чтобы дали мне, грешной, терпения.

Как-то начальник подвел меня к реке, хотел напугать или вправду бросить меня в реку. Я схватилась за него и сказала: «Падать будем вместе». Отпустил. Бани там не было, вшей стряхивала в костер. Так прошел весь сенокос. Потом обратно восьмая колонна в Тайшетлаг. Продолжалось мучение. Привели нас в барак, сняли всю домашнюю одежду догола, принесли белье «сорокового срока», как говорили «блатные», валенки на полметра, рваные бушлаты, мужские шапки и ватные брюки. Мы не стали брать, нас теперь четверо было. Сидим голые сутки. Утром «сестер» одели насильно во все рваное, а мне принесли мою рубашку и на руках отнесли в больницу. Я там пролежала месяц.

Потом опять в карцер. Летом жара невыносимая, пить хочется. Я была в карцере, а «сестры» — в БУРе. Они были свободнее, могли выходить в коридор. Там стояла бочка с водой, противопожарная, вода зеленая. В карцере была дырка вверху. Они делали из бумаги трубочку, вкладывали в дырку и лили эту зеленую воду мне в открытый рот. Я ловила воду, пила, даже эта вода была медом. Потом надзиратели заходили в карцер и били христиан дрынами — подобие толстых палок — как скотину. Даже надзиратель с вышки не вынес, стал кричать:

«Бросьте! Поступаете не по закону!» По-видимому, он вызвал комиссию из Иркутска.

На другой день приехали девять человек комиссии, стали спрашивать «сестер», потому что лица у них были синие: «Откуда у вас синяки?» Они отвечали: «Мы упали». Потому что нельзя было сказать, надзиратели-то стояли сзади и грозили кулаками «молчать», а то убьют. Но «блатные» встретили комиссию и рассказали, как издевались над «монашками», так звали нас, потому что мы молились Богу. На следующий день приехали два капитана. Одного фамилия, помню, была Ульянов. И здесь при встрече «блатные» ввели их в курс дела. Потом они стали по одному всех допрашивать. Здесь мы все рассказали.

В карцер нас потом сажали, но бить перестали и завели дело на суд. Подсадили к нам «наседку», чтобы подслушивать наш разговор, а мы-то их знаем. И когда меня вызвал следователь, я сказала: «Выведи предателя, мы и так вам известны. И еще чего хотите узнать, все расскажем». Вывели ее, подписали под меня как главную двадцать четыре «сестры». Я сказала следователю: «Почему вы меня сделали главою, я всех моложе?» Он ответил: «Без главы группу не судят». Просидели в карцере под следствием две недели, и осудили нас иркутским судом на десять лет. А это уже судимость четвертая. Привели с суда, «сестер» посадили в БУР, а там пол цементный. Спать на полу холодно раздетой, на нары ложились бочком, как селедки, так и перевертывались. Одна вылезет с места, остальные повернутся, потом она втискивается. А меня оставили в карцере.

В карцере я сидела долго, топили плохо, через день. Я на доску, прикованную к стене, не ложилась, она была холодная. То присаживалась на корточки, то обратно ходила. Все ходила, пела молитвы, читала акафисты, пела псалмы, вспоминала Спасителя, как его распяли, как в древние времена мучили мучеников. И сама успокаивалась, говорила себе: «Все ради Христа и спасения души». Но сколько ни борись, холод, мороз сломит. Стала я уставать. Садиться невозможно на цементный пол, доска у стены примкнута, я из сил выбилась, сердце стало колоть от мороза, мне хотелось спать.

Я стала ждать, когда откроют ледяную доску, а ее открывали в одиннадцать часов, и я лягу, зная, что замерзну. Открыли доску, я помолилась и легла. Вдруг от потолка спускается женщина, вся в черном, лица ее я не видела, и прямо на меня встала. Помолилась и думаю: «Что бы это значило?» Походила и обратно устала, легла, а она опять спустилась, и все повторилось. И сколько я ни пыталась ло-

житься, все же до утра она не дала заснуть. Утром отдали мне одежду и перевели в жаркую камеру, где я начала от жары задыхаться. Все сбросила с себя и легла на пол на пиджак.

Потом, за неисправление наших поступков, нас увезли за Братск, лагерь уже не помню. Там завели дело на нас, отослали в Москву. И опять осудили нас на год закрытой тюрьмы. Отправили на Урал, станция Мишкино. Там мы успокоились, дали нам отдых. В камере нас было человек десять. Кормили три раза, час прогулки, лежать разрешали поверх постели. Молились мы сколько хотели. Срок шел незаметно. Однажды пришел начальник и сказал: «Приезжала комиссия с Москвы, вас будут отпускать». Мы ему поверили, он никогда не врал, фамилия его Ухов. И правда к обеду стали вызывать. Всех освободили, а с меня не сняли судимость и оставили досиживать четыре месяца до двенадцати лет. А десять лагерных лет сняли с меня.

Из воспоминаний Василия Калинина

Привезли меня в Воркуту¹⁵, поместили в барак, пополам перегороженный: в одной части каторжане сидели, а в другой — воры. Уголовники в стене дырку проделали и через нее все меняли. Я подал им пару белья, они взяли, сказали, что посмотрят, но хлеб не отдали. На следующий день подал я им вторую пару белья, один из них сказал: «Давай посмотрю». А я ему: «Нет. Хлеб давай». Он хлеб подал, а я это белье — раз и под нары. И начал хлеб быстро есть. Воры в барак прибежали и избили меня до полусмерти шумовками железными.

Потом меня перевели на второй лагпункт, он штрафным был. Прибыл я туда. Погнали на работу. Там одну лиственницу несли мы, пятнадцать человек, и я случайно оступился. А это дерево так сильно меня прижало, что у меня весь желудок наружу полез. После отправили меня на кирпичный завод, а идти от лагеря до завода два километра. Пока до завода шли, несколько раз строй останавливали, в некоторых даже стреляли. Но меня Бог сохранил! А там ведь вечная мерзлота. В апреле-мае всех погибших заключенных бечевками обвязали по тридцать-сорок трупов, на телегу сложили, на лошадке в тундру отвезли и мхом закидали.

---

¹⁵ В Воркутлаг из Кирова прибыл в апреле 1944 года.

Однажды я был на вахте, пришел начальник по снабжению, спросил: «Калинин здесь?» Ответил: «Здесь». Он спросил, не портной ли я, я сказал, что да. Привел он меня в барак, где западники сидели, все они были с Западной Украины. Они жили очень дружно, работали все по сапожному делу. В бараке было триста человек, нары двойные сплошные. Бараки на ночь закрывали. Работали по четырнадцать часов, кухни не было, ели только в столовой. Если норму выполняли, давали по кило двести хлеба, не выполнишь, всего триста грамм. А разве на триста грамм проживешь? Но не проработал я там и недели.

В барак пришел заключенный Рошин, бывший директор Днепро-дзержинского завода. До войны Сталин премировал его лодкой и машиной, а когда немцы пришли, он перешел на их сторону, и потом ему тоже каторгу дали. Подошел он ко мне и спросил: «Ты казак?» Я сказал, что да, с такого-то рода. Тогда он сказал, что поможет мне, и устроил меня дневальным в бараке портных. Мне надо было двести ведер воды на кухню принести, замести мусор в бараках и подмести дорожки. Я потом каждый день с утра убирался, бежал на кухню воду таскать, а потом соскребал то, что нагорело в кастрюлях, себе в ведро, в бараке кипятил все это и ел...

В то время хлеборезы погорели. Заведующий хлеборезкой, Георгий Денисович Чихрадзе, был раньше министром швейной промышленности в Средней Азии, попал в троцкистско-бухаринский блок. Я к нему пришел и спросил: «Может, меня возьмете?» Посмотрел он на меня, грязного, засмеялся. Я заплакал и ушел, но все же пришел на другой день, сказал: «Георгий Денисович, я знаю — не знаю, вижу — не вижу». Он понял, что мне можно доверять, фуфайку мне дал, мыла. А какая там была работа? У рабочих-каторжан хлебушек отбирать и «блатным» отдавать. Постоянно надо было давать «блатным», а не дашь, так они могут сразу зарезать или в котел посадить. А что им будет? Пять-десять суток посидит, и все. У каждого рабочего надо было в день по сорок пять грамм хлеба удержать — хлеб давали три раза в день, и каждый раз удерживалось по пятнадцать грамм. И этот сэкономленный хлеб собирали, вывозили за зону и продавали, а деньги — начальству. Да еще если какие-то продукты дополнительно давали — все пожирали воры и начальство. Воровство было страшное, например, выписывают на лагерь, а там тысяча человек было, шестьдесят килограмм масла, двадцать для каторжан, а сорок оставляют для начальства.

А потом поставили меня заведующим хлеборезкой. Я, грешный, вечером порежу этих кусков, хоть раздать людям, очередь всегда стоя-

ла, хоть по кусочку. Я месяц поработал — начальникам ни копейки. И они вышибли меня оттуда, списали меня в молотобойцы...

* * *

На кирпичном штрафном лагпункте у меня было первое «крещение» на какой-то праздник, не помню. Я не пошел на работу, мне дали пять суток. Я объявил голодовку, пять суток не кушал, но они все равно не отпустили. А потом на угодника Николая Чудотворца я тоже не пошел на работу. Тогда на меня надели наручники и поставили под вышку. А на улице тогда градусов шестьдесят мороза было. Сколько я стоял — не помню. Руки мои так заплыли, что потом еле-еле сняли наручники. И когда руки стали отходить, то я, конечно, плакал от боли. И с тех пор наручники с меня не сходили. Тогда каждый дежурный имел право посадить тебя или побить тебя — что хочешь.

Потом начальство мне говорит: «Будешь работать ассенизатором?» Я сказал: «Дайте мне отдельные бараки, сколько вы знаете, и подводу. Только давайте ее после двенадцати часов». Я с двенадцати ночи до двенадцати утра никуда не выходил — это у меня как закон. Творил «Иисусову молитву», по полторы тысячи поклонов клал. Подводу мне дают, дают, а потом не дают. Им-то нетерпение, и сажают меня в БУР.

Однажды «опер» приказал взять у меня отпечатки пальцев. Завели меня силой в нежилой барак вчетвером, намазали пальцы, а я не даю, я ими и так, и так. Стали меня бить. Бьют и бьют, а врач тут же был. А я уже ничего не чувствовал — сознание потерял. Врачу сказали: «Сделай укол!» Он говорит: «Я не буду!» Это я слышал, помню. Потом в сушилке на перекладине, где валенки сушат, подвесили меня туда бечевой, но никак не могут это сделать. Тогда положили меня на пол плотно, вот так, и как вдарит меня один из них. У меня два ребра лопнули, я закричал, конечно, дурным голосом. Потом выкинули меня из барака как собаку.

Я дополз до барака. Ничего, никаких пилюль, никакого лекарства не принимал, за одну-две недели восстановился. Опять «опер» пришел, сказал: «Я ведь тебя “отпечатаю”. Готовься завтра». Пошел я тогда в барак, плита горит, красная. Я пальцы на нее как дам — и с ног, и второй раз. Смотрю, пальцы, конечно, надулись. А я еще гвоздик взял и поразодрал им на пальцах кожу. И никакого страха не было, только одна мысль — лучше умереть, чем сделать беззаконие. Я тогда считал это смертным грехом.

На другой день вызвали меня, завели в изолятор, а там — восемь дежурных и сам «опер». Поставили табуретку, меня посадили, на две другие двое сели, надели на меня наручники, двое держат меня, а третий двумя ложками мне рот открыл, а на третью ложку полотенце намотал — и мне в рот засунул кляп. Я шиплю, мне уже дышать нечем. А им нужно измучить. Когда я начал терять сознание, то из последних сил рванул руки. Наручники лопнули, и я изо всех сил ударил кого-то. Они испугались, побежали, а я без памяти за ними. Свалили они меня, скамейку с ножками на меня, все навалились, сели на эту скамейку и били, били долго. Сколько? Я не знаю. Начальник лагеря сказал: «Идите в контору». Намазали руки чернилами и сняли отпечатки, намазали меня всего чернилами и выкинули как собаку на улицу. Неделю я отходил после этого.

Я когда с владыкой молился, я сперва под одеялом молился, стеснялся креститься, а потом в бараке из одеяла сделал себе шалаш и там стал молиться, это у меня в любое время. Когда у меня время спрашивали, я мог безошибочно сказать сколько, по читаемой молитве ориентировался. Генерал Деревянко¹⁶ из Воркуты прибыл на девятнадцатую шахту и вызвал меня. Пришел за мной дежурный, а на улице буран поднялся, а идти далеко, с километр. Пока мы дошли, генерал уже сел на узкоколейку и уехал. И второй раз. А в третий раз дождался, вызвал он меня и спросил: «Ты, Калинин, куда будешь молиться?» Я говорю: «Пока в моей груди будет сердце биться и в жилах кровь литься, я буду молиться». — «Ну, тогда еще дальше поедешь, там узнаешь, как молиться». А я: «И там ты не Бог». И меня сразу, не помню, через сколько дней, повезли в десятый лагерь, в центральный БУР.

Начальником лагеря был Маслов, а начальником режима Колесников. Вот они там издевались. Дали мне сразу пять суток, а мороз шестьдесят градусов, нетоплено. Дышишь — лед. Это нельзя пересказать. Потом, чтоб не крестился, наручники на руки надели, и повесили в проходе в БУРе. Терпел я сколько мог, терпел, потом начал кричать. Прибежали с зоны дежурные охранники и меня сняли. А то стоишь на молитве, а он подойдет сзади да как замком даст по шее — и воткнешься. А что сделаешь? Ничего, а он пойдет и засмеется. Боже, били, как били! А то повесили за ноги, опять били, потом водой обливали. Евангелие на порог, и требовали: «Отрекайся, тогда и жив будешь. Отрекайся!» До смерти избивали, как жив остался, не знаю.

---

¹⁶ Деревянко Л. А., начальник Речлага, генерал-майор.

А потом Сталин издал приказ: кто хорошо работает и норму выработывает, тому один день считать за три. А я сидел в изоляторе. Вызвал меня Колесников, начальник режима, и сказал: «Вот, Калинин, ты сидишь, а теперь ведь один день за три идет». А я ему: «А мне Господь за один день тысячу зачтет». Посмотрел он на меня и сказал: «Вот ежели Господь тебе даст три буханки белого хлеба, тогда я поверю, что Бог у вас есть. Пущу тебя». Я ему: «Да хоть бы десять дал, ты не поверишь». Отправил он меня, пришел я в камеру. Ребята ходили на работу, и у кого-то кусочек хлеба был, дал мне. Я помолился, поел, под рубашку надел безрукавку меховую и заснул сразу. Сплю я и чувствую, что кто-то меня шваброй сучит: «Вставай». Пришел Колесников и спросил: «Ну как? Хлеб-то Бог дал?» Я ему: «Благодарю Господа! Я жив и здоров». Я ему говорить, что ли, буду, что мне подали.

Потом была камера семь метров длиной на два с половиной метра шириной, а нас сидело сорок человек. Двойные нары два метра и полметра или метр проход. Нары были промерзшие, они только-только начинали оттаивать, когда надышат люди. Несколько человек прогуливались в проходе, а остальные сидели. Такая вот прогулка! Постели никакой не было, и я ложился в углу. Здесь же туалет-бочка стоял, а возле этой бочки — мой бушлат, весь был попачкан — я там молился.

А перед смертью Сталина ко мне «ласточку» применили за то, что я молился и не ходил в праздники на работу. Это обыкновенный комбинезон, метра два-три, рукава надевают, сзади завязывают; двое впереди становятся, двое сзади и по команде дергают. Врач смотрит на часы, сколько секунд, и сразу голова летит вниз, а ноги вверх, тогда жмут — задние держат туловище, а эти ноги, тогда пятки достают затылок. Когда они натянут — живого человека душат. А потом, как сознание потеряешь, и все, ничего не больно. А когда отпустят, кровь пойдет по жилам, как будто кто тебя по кускам рубит. И тогда человек кричит как скотина. Кто был сутулый, тем хребет ломали, а передо мной одного вора смакнули — и насмерть. И списывают, что умер, а кто проверит!

Со смертью Сталина режим стал смягчаться. Перестали запирают бараки на ночь, раньше-то с работы приходили, барак сразу на замок, и только утром открывали. Замки совсем сняли и нары переделали. Потом приехала комиссия из Москвы. А я в БУРе сидел, вызвали нас троих: я, мальчишечка с Ленинграда, он стихи составлял, и полковник, поднимал там восстание. Майор сказал мне: «Знаешь, Калинин, я ведь тоже казак». — «Казак? А у вас что, разве там служат казаки?» Он говорит: «Надо нам там быть. Ты за что сидишь?» Я: «Посмотрите

дело». Он мне: «Иди, Калинин, завтра поедешь домой». На другой день снова вызывают и спрашивают эти двое, которые из Москвы приехали, у Деревянко: «Этот за что? А этот за что?» До меня дошли: «А этого за что посадили?» Тот говорит, что я не работал в праздники. «Завтра чтобы был в лагере». И меня отправили в лагерь. После приказа Маленкова всех, кто хорошо работал, стали освобождать. Меня тоже освободили¹⁷, но это еще не последний срок мой был...

Из воспоминаний Любови

Я отсидела пять лет в лагере в Комсомольске-на-Амуре, на пяти-сотой стройке, и пять лет — в Тайшете. Мы строили железную дорогу: мужчины делали просеку, вырубали деревья, а пни выкорчевывали женщины. В мороз, в сорок пять градусов, нас не выводили на работу, а в сорок градусов мы работали. В Комсомольске рядом с нашим лагерем находился лагерь, где было около ста священников. Сидели они с тридцать седьмого года, уже измучены были сидением. Официально их уже освободили, а их все не отпускали. Раньше в лагере убивали священников, так отца Уара убили. Он врачом работал, а «блатной» попросил, чтоб он его освободил от работы. Уар-то тоже заключенный, не мог ему помочь, отказал. «Блатной» и ударил его. И убил...

Сидел там отец Иван, чуваш, и отец Илья. Отец Илья ходил на общие работы, на лесоповал, а отец Иван в прожарке работал и там молился. Отец Иван попросил меня сшить епитрахиль и поручи, я и сшила их из платка. Там ни книжек, ни писуллек никаких не было, так что я все наизусть читала, я много знала. Однажды пришли они к нам, а я чтицей была, читала быстро. А один из священников слушал-слушал и вдруг как заплачет: «Я академию окончил, она неграмотная, а все знает наизусть. А я ведь только по книгам читал». Отец Иван сказал мне тогда, что неправильно так быстро читать: «Это как утка по воде проплыла, а следа не оставила. Надо читать медленнее».

В праздники мы не работали, и нас в карцер на вахте сажали. На праздник святых Петра и Павла я не пошла на работу, и меня за это посадили на трое суток в подвал. Я была в одной кофточке и юбочке,

---

¹⁷ 6 октября 1956 — освобожден из лагеря досрочно.

а в подвале только параша, на которой можно посидеть. И то присядешь — смотрят в волчок и кричат: «Нельзя, вставай». Ночью холодно, дрожишь и только молишь всех святых о помощи... Как-то приехала комиссия, спрашивают: «Как работают “монашки”?» Начальники отвечают: «Они хорошо работают в будни, лучше их работников нет. Только в праздники не работают». Нас спросили: «Почему в праздники не работаете?» Отвечаем: «Грех в праздники работать». Тут они приказали, чтоб нам разрешили в праздники не работать. Мы себя почувствовали вольными, в праздник уже не работали. Хлеб собирали, суп какой варили, читали что знали, молились. Нас уже не трогали потом, даже предупредили: «Если “блатные” будут обижать — говорите». А-то ведь праздник какой, а мы дрожим — опять в карцер...

Самый строгий лагерь был в Тайшете. Сидели там в основном уголовники с большими сроками, но нас никто из них не тронул. Я была моложе всех, но меня не тронули. Мы расщепляли там слюду, нормы были большие, не выполнишь — пайку уменьшали. В бараке мы на лучшее место не претендовали и не боролись, спали где свободно было — где на нарах, где под нарами. За это нас никогда не обижали, а может, Бог нас защищал.

Там мы много молились, читали, а зэчки нас слушали и плакали. Но были там «наседки», доносчицы, они сообщали про беседы, и нас вызывали на допросы. Но я никогда ничего не говорила. Там прокурор один был, он говорил: «Я люблю доносы, но доносчиков терпеть не могу, убил бы их». К нему придет доносчик, а он в карцер его, он их больше даже наказывал. А мне говорил всегда: «Ты как живешь, так и живи».

Была в лагере одна бабка — как пророк. Она мне однажды рассказала свой сон — будто бы видела огромного петуха, его огнем палили, а лицо у него Сталина. Рассказала мне этот сон и предупредила: «Смотри никому не говори, а то нас расстреляют». Прошло немного времени, а она опять рассказала, что приснилось ей, будто Сталина парализовало. Сидим мы, слюду расщепляем, и вдруг входит охранник и кричит: «Встать! Минута молчания». Молчали мы, но сразу же поняли, что Сталин умер.

Со смертью Сталина стало легче, сначала разрешили переписку, а потом махнули на нас рукой. И мы свободно молились. Монашки нас предупреждали, когда Пасха, мы надевали все новое, платочек чистый повязывали, акафисты читали. Хвалиться не буду, но память у меня хорошая была, я три акафиста наизусть знала. Меня даже хохлушки «покупали»: им посылку пришлют, а они просят меня почитать, обе-

щая: «За это я тебе что-то дам». Когда меня освобождали, провожала меня старая монашка, и она подарила мне этот платочек. Правда, истеря он уже...

Из воспоминаний Александры Окуневой¹⁸

В лагере сразу сказала: «Я на работу не пойду. У меня девчонка и мама больные остались». На меня наручники надели и на «комарье» поставили. Им, комарам, воля, они кусают, а отмахнуться ведь нельзя. Кровь льется, все лицо мое распухло, я уже забывалась. Потом упала и запела молитву «Матери Божией». Подошли ко мне охранники и рабочие, больно охота им послушать. А я пела молитву, и пока пела, они ключ от наручников искали, они его потеряли. А у меня уже наручники в руки впились. Еле-еле нашли они ключ, открыли их. Отработали рабочие смену, стали расходиться, меня и отпустили тогда.

А потом зачитали мне: «Пять суток карцера». А в карцере-то спальные доски поднимаются и закрываются на замок, чтоб не лежала и не сидела, там только стоять можно было. Так все время и стояла, а пол-то цементный. Ничего не давали — ни одежды, ни валенок, все скидывали с меня, чтоб нельзя было согреться. Потом вернули в барак, утром встала я, а меня назначили на работу. И опять я сказала: «На работу не пойду. Я не работать пришла сюда, а ради Господа. Если вы меня сюда насильно привезли, так зачем мне работать». И опять в карцер, а из карцера в БУР. А там только трещинки в окошке светятся, заколочены окошки. Всего лишили там: и хлеба, и воды, и тепла.

Мы в бараке только молились, просили Господа, чтоб нас не оставил. Целый день «на комарах» стояли, а потом в барак на молитву шли. Я на поверку тоже не ходила, за это опять мучение было — или наручники надевали и на «комарье», но чаще в карцер сажали. Так что в лагере я все больше в карцере сидела. Хлеба нам давали всего по триста грамм, да и хлеб-то сырой да серый. Но перед кануном Пасхи старались есть пайку хлеба понемногу, все-таки откладывали хлеб. Все думали: «На Пасху досыта поедим». А начальник пришел, приказал «шмон» сделать, и все у нас отобрали да в каптерку бросили. Вот и поели мы...

В лагере я отсидела пять лет, потом пять лет в ссылке в деревне Шугуры Альметьевского района. Потом домой пришла, и вскоре меня

---

¹⁸ Окунева Александра Денисовна.

опять в ссылку в Сибирь отправили. Так и получилось, что я десять лет отсидела в ссылке.

Из воспоминаний Матрены Рыбкиной¹⁹

Привезли меня в лагерь в Казахстане, а там семь тысяч народу находилось, половина зоны мужская, половина женская. Русских мало было, в основном католики из Латвии, Литвы и с Украины, и каждый по-своему молился. Они скромные, богобоязненные, боялись Бога.

На работу их под конвоем водили, все они подчинялись и работали, траншеи рыли вручную. Там каждый рабочий под номером был, на спине был нашит белый номер и на подоле у женщин, как раньше у каторжан было, ведь лагерь был особым, каторжным. А мы, христиане, не принимали номеров, нам не положено принимать это. И мы сразу отказались работать, нам грех это, мы невинные и не преступники. Мне нечего искупать, зачем же я буду работать? Я только Богу молиться должна. И нас, христиан, кто не работал, считая, что грех, особенно в праздники, отдельно водили, для нас были смертные камеры.

В июле жара началась, это же степь, там до сорока градусов доходило. Завели нас в специальное маленькое помещение. Там все закрыто, одно окно намордником накрыто, на улице сорок градусов жары, а в камере нары на четверых. Это было бы нормально, но там же нас было пятьдесят человек. Не только лечь или сесть, но и стоять не было места на полу. В сутки давали кусок хлеба триста грамм и кружку воды — и больше ничего. И прогулок не было. Сидишь кое-как, где стоишь, там и сядешь на цементном полу, вся в поту, вся мокрая, в камере воняет, мы сами провоняли, а когда дверь на минутку откроют, чтоб еду подать, пар шел отсюда, как из бани. На улице жара, а у нас еще жарче, кислороду нет. Друг на дружку глядели — без воздуха все черные да ноги стали опухать. Все лето в таком состоянии находились, пока не стало холодать.

Когда осень началась, нас, пятьдесят человек, перевели в другой барак, но там свободнее было, хотя тоже ничего не было — ни нар, ни печки. Весь пятьдесят второй и пятьдесят третий год мы там находи-

---

¹⁹ Рыбкина Матрена Федотовна. В 1947 — арестована в Цивильске (Чувашия), приговорена к 10 годам ИТЛ и отправлена в Степлаг.

лись вместе. Там стали давать по четыреста грамм хлеба и кружку воды. И часто бывал «шмон». Чего искали у нас? Кто себе оставит пайку свою или кружку воды, если находили, то все выбрасывали, ничего не оставляли. Когда становились на молитву, кто наверху, а постарше внизу, приходили дежурные и сапогом верхних на пол сбрасывали. Потом наручники надевали и вели в тюрьму. Мне-то не раз приходилось сидеть, не раз сдергивали за подол сверху, наручники надевали, затягивая так, что руки немели, сажали на день и оставляли на ночь. Утром приходили и брали кого-нибудь еще.

Потом настал пятьдесят третий год. А раньше, под Рождество Христово, верующей одной, Савельевой Пелагее из Саратовской области, ночью явилась Царица Небесная, явилась ей наяву. Она увидела Ее, упала к ногам, а Та ее подняла и сказала: «Готовься к страданиям Христовым». Утром она нам это рассказала. Вскоре начальство пришло: «Давайте решайте, кто будет умирать, а кто жить. Кто хочет жить, идите в рабочую бригаду, а кто умирать — здесь оставайтесь, дело ваше. Выбирайте». Многие ушли, и пожилые, и молодые, осталось только двенадцать человек. Решили мы: «За имя Его Святое решаемся на смерть. Как Бог даст, так и будет. Никуда не пойдём».

Тогда платья с нас сняли, все тряпки сняли, остались мы голыми, как мать родила. Нары голые, мы голые. Решили голодать. И каждый день раз в сутки нас кормили через резиновый зонд манной кашей жиденькой, чтоб не умерли. Когда кормили так, то одну женщину задушили. Она из Казани, работала в колхозе, потом покаялась и в Бога поверила. Так у нее зонд попал в дыхательное горло, туда кашу влили, и она замертво упала, сознание потеряла. Ее по-скотски взяли, утащили в лагерную больницу. Там она неделю лежала, заболела воспалением легких и умерла. А две девушки молодые с ума сошли, их убрали от нас. У одной девушки, Трифоновой Оли из Курской области, голова так заболела, что ее в больницу взяли и там загубили. Она стала сохнуть-сохнуть, высохла вся, одни кости остались. Ее забрали родители и увезли домой, там она и умерла. Вторая, Бочина Анна из Тамбовской области, она трепетала очень, все плакала и молилась: «Я была учительницей и учила детей, что Бога нет. Я боюсь теперь, что Бог меня не простит. Что я теперь буду делать?» Она всегда в сокрушении была.

К весне нас осталось только восемь человек. И так держали нас январь и февраль, а пятого марта Сталин умер. Заревели все заводы,

фабрики, наш лагерный гудок по-страшному ревел, полдня ревел, прямо адский был рев. Все спрашивали: «Что случилось?» Никто ничего не понимал, оказывается, Сталин умер. А на следующий день пришли к нам и прекратили издевательство над нами, сказали: «Теперь будем давать вам кусочек хлеба и кружку водички». Перевели в маленькую тюрьму под замок, стали давать похлебку кое-какую, овсяный суп или пшеничный суп, все называли их «синие глазки», и кусок хлеба на четыреста грамм. А мы высохли все, горло опухло, зонд уже не лез. А одежду не вернули, и рабочие видели нас и жалели, что мы голые. Были же среди них люди верующие, они сочувствовали, притащили нам какие-то платья и юбки, надели мы их, наготу прикрыли как-то.

Мы под замком сидели отдельно, но нас стали выводить из камеры: то парашу вынести, то за хлебом сходить. И однажды вышли мы на закате солнца и увидели, что на солнце крест красный — кровяной, большущий. Подумали: «Это к кровопролитию». Весною нас перевели в другую тюрьму, а в мае привезли в мужскую зону целый этап уголовников, самых отъявленных преступников. Поместили их к мужикам, и они им сказали: «Вы работаете? Теперь не будете, зачем подчиняться им, таким-сяким?» Потом разломали стену между мужской и женской зонами, смешались мужчины и женщины, разврат был, и беззаконие творилось. Бытовики услышали, что «монашки» сидят в отдельной камере, прибежали, в один миг разломали двери, замки все в землю закопали: «Выходите, “монашки”, не бойтесь, мы вас не тронем. Хватит вам мучиться». С тех пор мы уже ходили свободно. Вся зона была сагитирована, заключенные стали готовить восстание.

Вначале руководство лагеря собрало всех заключенных в столовой, пытались убедить их: «Смотрите, эти заключенные работают, берите пример с них. Они работают и ничего не нарушают». Как затопали все ногами, засвистели: «Не будем работать, мы не такие. Вы нас воспитали сами, мы ваши воспитанники. Давайте нам свободу, мы не подчиняемся». Начальник, пока не накинулись на него, закончил собрание и вынужден был закрыть лагерь. Прошло сорок дней, незадолго до этого пригнали в лагерь солдат. Но те отказались: «Тут наши отцы-матери сидят. Мы своих убивать не будем». Тогда пригнали казахов, напоили их допьяна. Вошли они в лагерь, огонь открыли, беспощадно убивали людей. Такая бойня началась! Побили очень много народу.

Настало лето уже. Для нас, верующих, начались новые испытания. Выводили нас в поле за зону и сзади стреляли в нас, мимо ушей свистели пули, но в нас не стреляли — так они испытывали нас. Потом привезли на поле, где заключенные работали, километра за три, и потребовали: «Вставайте и работайте». С рабочими оставили нас на поле, а мы встали на молитву. Целый день простояли, а рабочие сказали нам: «Что вы стоите? Они за вами не приедут, идите пешком к себе в барак». Тогда помолились и пошли мы. Потом никто нас уже не трогал, не пытал, будем ли мы работать или нет.

К осени стали давать нам помидоры, арбузы, дыни, мы поправились. Стали из лагеря отпускать, бумаги приходили из Москвы, кого по окончании срока, кого по амнистии. Наконец в сентябре пятьдесят пятого года пришли и мои бумаги. Сказали мне, что меня освободили и реабилитировали.

Из воспоминаний Александры Самариной²⁰

...В сорок девятом году стали привозить старых монашествующих. Много навезли: со Ставрополя, Харькова, Уфы, Бугульмы, Аши, Ярославля, Рыбинска. Они уже молились со священниками по домам. Из Курджиново много было, они поминали архимандрита Феодосия Минводского²¹. Была еще Святослава из Грозного, власти ее «матушкой» называли, но с ней никто из наших не молился. Была Екатерина Голованова, монахиня Антония²². Очень много монахинь из Кирова было, у них в лесах землянки были, где жили священники и отдельно монашки, они там совершали литургию, а люди мирские носили им продукты и все необходимое. Когда их стали преследовать, монашек и священников забрали, и этих мирских, которые помогали им, тоже забрали. Таких монашек было очень много. Я знала, что у нас были священники, старшие братья

---

²⁰ Самарина Александра Федоровна. 8 апреля 1947 — арестована по групповому делу верующих, принадлежавших к Истинно-Православной Церкви. 1 августа 1947 — приговорена к 10 годам ИТЛ и отправлена в Глазовлаг (Глазов Удмурдской АССР). В 1948 — переведена в Дубравлаг. 13 января 1955 — освобождена, дело прекращено.

²¹ Из Минеральных Вод.

²² После войны она познакомилась с архиепископом Антонием (Гольнским-Михайловским) и вошла в его общину.

говорили, что был епископ Уар²³, отец Стефан, в монастыре служил, но я их лично не знала.

Когда монашек привезли, я сразу к ним примкнула, стала молиться с ними. Конечно, тут не только монашки были, и мирских полно было. Нас человек сто пятьдесят было в отдельном бараке, к вышке поближе, частоколом огороженном. Матушка Фекла²⁴ была уставщицей, церковный устав хорошо знала, на каждый праздник читала свой тропарь. Нельзя сказать, что монашки очень грамотные были, но повседневную службу на память помнили, акафистов много знали, на память читали. Переписывать было опасно, нельзя, чтобы видели, «стукачи» были, но все равно записывали молитвы специально заточенными палочками, к которым привязывали перья, а чернила делали сами.

Молитвы мы хранили в телогрейке, обычно их не прощупывали, рассовывали в разные места, я помнила, где что хранилось. Мы там всю службу исполняли, в четыре часа вечера начинали: вечерню, утреню, повечерие, вечерние молитвы. В двенадцать часов ночи вставляли на полунощницу, они ее тоже на память помнили. Утром молитвы утренние, часы, изобразительные, акафисты. У кого-то память — панихиду служим, кому-то именины — молебен, и так до двенадцати часов стоим и молимся. Четки сами матушки вязали, нитки-то присылали, но мы прятали их, если увидят, порвут. Мы под замком поем, молимся, а люди стоят у забора, слушают...

Потом сказали, будут номера давать, а наши бабушки сказали, что это печать антихриста. А я откуда знаю? Я книжки церковные не читала, что сказали, я этому всему верила. Я говорю: «Матушка, как же я могу не взять? Я одна молодая, вы все старые. Уже сказали, что будут раздевать, кто не будет брать». Она мне: «Ну, что же, пусть раздевают. Мы все равно брать не будем. Нас сто пятьдесят человек, что мы тебя не спрячем?» Хорошо, стою на молитве. В четыре часа вечера мы начали молиться, приходит «дежурнячка». Молитву мы не прерываем, на коленях стоим. За то, что мы не прерывали молитву, за это нас колешматили мужчины, и так били... Один надзиратель, Кискин, больше всего бил, и Бог наказал его, хата у него сгорела.

---

²³ Епископ Липецкий Уар, в миру Шмарин Петр Алексеевич.

²⁴ Мотовилова Ольга Петровна, родилась в 1898. Окончила гимназию. Преподавала в школе при монастыре. Пострижена в мантию с именем Фекла. Дважды была арестована, позднее освобождалась. В 1946 — арестована в Уфе, приговорена к 8 годам ИТЛ и отправлена в лагерь.

И вот раз меня за воротник: «Поднимайся!» Подняли меня и матушку Феклу, привели нас в каптерку, начали с меня. Я говорю: «Я не буду брать печать антихриста». — «Как ты не будешь? Все берут». — «Все берут, а я не буду». Начальник режима: «Снимайте с нее одежду! Надевайте с номерами!» Я реву: «Не надо! Не буду брать». Раз — и сбросила с себя одежду. «Оденьте!» Еще раз надевают, я снова сбрасываю. Начальник: «Оставьте ее так, как народилась!» Я реву, уже ничего не помню, у меня сознание ушло. «Свяжите ей руки!» Связали, голый вывели на улицу, а женщин всех ведут с объектов. Начальник режима здесь же стоит: «Снимите с нее крест! Развяжите ей руки!» Как это сказали, я больше уже ничего не помнила, крест ухватила и упала. Меня принесли в барак, в рабочую бригаду бандеров²⁵, вредных таких людей. Кто меня нес, ничего не помню...

Когда в лагере были, у меня впечатление сложилось, как будто я там родилась, жила там и другого мира не существует, только лагерь. Вот слышала я детский голос там, где мы находились, где нас охраняют. Мне страшно стало: неужели там дети есть? Я испытала ужас, мы же ничего там не видели, кроме лагеря, леса да охраны. Корчем лес, и такое впечатление, что другой жизни нет. Ведь мы там не собирались жить, мы всю жизнь собирались умирать, жили одним часом. Нам же сказали «братья» — идти на смерть, тогда «Царствие Небесное получишь». Вот мы и не боялись ни тюрьмы, ни смерти. Монахиня Голованова говорила: «Вы, девчонки, еще молодые, выйдете, будете жить». А мы ей не верили, мы-то ждали смерти, другой жизни не представляли.

Из воспоминаний Веры Торгашевой²⁶

...Нас постоянно переводили из лагеря в лагерь, год побудем, нас — в другой. Мы там видали всех своих «сестер»-христианок: и тамбовских «сестер», и рязанских, и воронежских, и казанских. И всех наших «братьев» — они ведь очень много привели с собой христиан, потому и ополчились власти на нашу Церковь. Потом следователи говорили нам: «Берем-берем, сажаем-сажаем, а их опять полно. Как грибы растут».

---

²⁵ Имеются в виду бандеровцы, то есть воевавшие в армии под руководством Бандеры.

²⁶ Торгашева Вера Федоровна. 5 июня 1947 — арестована в Казани. 1 августа 1947 — приговорена к 7 годам ИТЛ и отправлена в лагерь.

Через год я отказалась и шесть лет не работала. Нас в лагере четверо молодых было, которые молились и отказывались от работы. Там собрали нас, кто помоложе, человек двадцать пять, и посадили на два месяца в штрафной барак. Наказать решили. А там ведь жарко, душно. В день лишь вода и триста грамм хлеба, и только на третьи сутки давали тарелку горячего. Мы сидели там, пели, поклоны били и благодарили Бога.

С нами там была матушка Пелагея Рыжова и еще одна матушка. Они учили нас пятисотнице, поклонам земным. Молитва была до обеда. Представьте — жара и духота, триста грамм хлеба и пятьсот земных поклонов. Мы хоть и падали от истощения, но молились. И не думали, что это нам наказание от Бога, считали, что это испытание, за которое мы должны Его благодарить и молиться. Ведь нас туда так набивали, даже ноги не протянешь, и кажется, что если дверь откроется, то выскочишь, как селедка из бочки. Это летом так, а зимой, говорят, наоборот, сажали в карцер по одному, чтоб нельзя согреться было.

Через два месяца вышли мы из изолятора, как тени. А Александра²⁷, как свечка, едва живая была, качалась, даже в туалет не могла сама ходить, под руки ее водили. Старикам жилось легче, их в карцер не сажали, только нас хотели перевоспитать. После этого нас в барак поместили, он за частоколом был в центре лагеря. А там собрали христиан со всей России: из Ленинграда, Харькова, Кирова, из Сибири много было. И больше всего нас, молодежи «братского учения», было. Все, кто хотел молиться в бараке, молились тихо, поодиночке, только мы становились и пели на весь барак. Сидели с нами и люди, которые верили и рассказывали, что царская семья вся жива, а расстреляли людей подложных, что как будто бы они выехали за границу. Мы называли их царскими.

Одна монашка из Грозного часто говорила нам: «Ну, кто же вас наставил? Ведь наш крест вы взяли, ведь это мы должны были нести его». Обычно в три часа ночи Александра Самарина вставала и начинала зачитывать молитвы. Постепенно и все вставали, так пока старые встанут, она уже все утренние молитвы прочитывала. Надзиратель обычно придет: «А, опять Самарина читает». А она читала, не обращая ни на кого внимания. Летом мы выходили за барак и читали

---

²⁷ Самарина Александра Федоровна.

утренние молитвы и акафисты наизусть, потом обедали на лужайке все вместе. Такая благодать!

В лагере носили мы одежду свою, казенную не брали. Юбки шили сами, низко повязывали платки, кресты носили. Во внутренней тюрьме наши кресты отобрали, носили крестики из двух палочек, сами их делали, потом кто-то прислал нам металлические крестики. Лапти носили или в чунях²⁸ ходили. Мы не боялись ни смерти, ни мучений, ведь «братья» объясняли нам, что веры держаться надо, что за наши мучения мы попадем в Царствие Божие. В пасхальную ночь кофты, юбки и платки новые надевали, при Сталине-то вставать не разрешалось, так мы молились лежа, читал каждый про себя. Дежурный идет и кричит: «Замолчи. Чего болтаешь?» Он уйдет, мы между нарами встанем и начнем службу пасхальную петь и каноны. Дежурный вернется, опять кричит: «По местам! Спать! На нары! Сейчас в карцер отведу». Мучается-мучается, а утром во всех камерах верующие как запоют! А на улице начальники сидят слушают.

Сначала наказывали нас, а потом начальник режима отступился, махнул на нас рукой. Нас в лагере судили, Варваре дали десять лет заключения и отвезли во Владимирскую тюрьму. А мне дали двадцать пять и перевели в Дубравлаг²⁹. Когда Сталин умер, передали по радио об этом, а я даже не реагировала. В день смерти Сталина пришел дежурный и закричал: «Встать». А мы сидим: «Мы поклоняемся одному Богу и никаким правителям не поклоняемся». Каждого допросил, до меня очередь дошла, я говорю: «Я поклоняюсь одному Господу Иисусу Христу». Он плюнул, дверью хлопнул и ушел. Потом послабления все-таки начались, и на нас уже перестали обращать внимание. Я никогда не мечтала о воле и не ждала амнистии. Мы, христиане, ждали милости от Бога.

Теперь мы Пасху праздновали по-настоящему. Нам присылали муку и яйца, куличи мы пекли, наряжались, потом пели во всеулышание и разговлялись. Когда на Пасху запевали сразу сто человек, казалось, крыша барака поднималась. Господь дает такую радость! Христосовались все, выходили и кричали: «Начальник! Христос воскрес!» Он улыбался. Потом уж на Пасху начальники в барак к нам приходили, шапки снимали и поздравляли. Открыто праздновали

---

²⁸ Казенные ботинки.

²⁹ В 1948 — переведена в Дубравлаг.

мы и Рождество. В пятьдесят четвертом году освободили меня и выслали под Красноярск. Я отбыла свой срок, а 25 лет оставила начальнику.

Из воспоминаний Анны Чесноковой³⁰

9 ноября нас в вагон погрузили и в Актюбинск повезли. Морозы только начались, холод страшный, а одежды у нас никакой. У меня только пиджачок и бурки, Лида Хмелевская их шила, я этим и спаслась. Двадцать пять дней везли нас до Актюбинска — мужчин ни одного не осталось, все померзли. Когда в лагерь пригнали, старух и пожилых в возрасте уже на работу не гоняли, они в лагере сидели отдельно. А нас, молодых, выводили вместе со всеми на работу песок сеять, его потом куда-то возили. А уже очень холодно было, там речка и песок.

Нас привезут, а мы всю смену стояли и не работали. Как встали, так ни ногой не шевельнемся, а рядом охранник с ружьем стоял. И вот всю смену все работали, а мы стояли. И хлеб наш, сколько там давали, отдавали им, рабочим, а мы так. Я девка такая, мне ведро картошки и буханку хлеба нужно. И я дошла — совсем ходить перестала. Девки смотрели-смотрели на нас, а потом сказали: «Вы неправильно поступаете, только хуже себе делаете». Они все уговаривали меня: «Ты такая здоровая, а совсем дошла, ходить перестала, сил уже нет. Такую муку несешь». Старухи на нарах спали, а мы под нарами, где земля. Так я действительно до того дошла, что уж вылезать не могла от слабости.

А потом они сказали начальнику своему, молодому, лет двадцати пяти, он был не русским. Тот пришел к нашему начальнику и сказал: «Прошу вас уйти, мне надо поговорить тут кое с кем». Тот, конечно, ушел куда-то, а начальник за мной послал. Меня, Прасковью, Любовь и еще кого-то вытащили из-под нар и под руки привели. Он посадил меня, а они ушли. А ведь раньше не сажали, хоть на

---

³⁰ Чеснокова Анна Федоровна. 18 декабря 1940 — приговорена к 2 годам ИТЛ. С 9 февраля 1941 — отправлена в колонию в Раненбурге Рязанской области. 19 августа 1941 — арестована, 22 сентября приговорена к 5 годам ИТЛ с поражением в правах на 3 года и отправлена в лагерь.

допросе, хоть когда так вызовут, ни за что не посадят на табуретку. Боже сохрани, хоть сколько стоишь. Ну, он и начал говорить мне: «Анна Федоровна, вы неправильно поступаете». Я ему: «Почему неправильно? В праздники грех работать. В праздники мы дома никогда не работали».

Он мне: «Я вам скажу, у меня мать верующая, мы тоже высланные в тридцать втором году. Я вас понимаю и жалею. Сейчас война идет, надо работать. Вы такая молодая. Разве можно не работать? Я про вас маме рассказывал, она плачет, слушая про вас. Она книги всякие читает божественные, их много у нее. Так она передает вам, сейчас война, она от своей души вас просила: “Идите в больницу за больными ухаживать, в больнице не грех работать”». Я говорю ему: «Я не дойду. Да и больных я никогда не видела». Он мне: «Ну, ничего. Будешь там сколько сможешь. Тебя не будут заставлять полы мыть. Пока просто походишь туда. Там они скажут, потом привыкнешь и станешь работать». Ну, я и согласилась.

Пошла, конечно падала, такой слабой была, невозможно. Там, в больнице, от больных чай и суп останется — они и ели, а я ни за что. А старшая коридорная вынесет горбушку мне, а я не могу. Они глядят все — мужское отделение это было, — все смотрят, а я их суп глотать буду. Ну, не могу я. А тут, когда я пришла к начальнику, то по своим делам к нему вошла Надежда Андреевна, боевая женщина, она принимала нас с этапа. Меня она запомнила из-за крестика, который я зашила в пиджаке, и сказала мне тогда: «Я как взглянула на тебя, так думала, сердце разорвется. Такая молоденькая, а уже крестик на ней. Ты не снимай». Я тесемочку нашла и крестик повесила, а ведь рубах у нас не было, ничего не носили больше. Она-то меня сразу узнала и говорит начальнику: «Вы дайте мне ее. Пусть попробует у меня поработать». И я согласилась, а она заботилась обо мне, супчик мне приносила, учила принимать хозяйство.

Тут стали освобождаться. Она вызвала меня: «Чеснокова, принимай за старшую». Я отказывалась: «Не могу я, неграмотная, до ста считать не умею. Как я буду принимать такую махину белья, простыни, столы, табуретки. Не могу, боюсь, что не справлюсь. Как я буду? Потом кто отвечать будет?» Одеяла, самое главное, воровали. А она уговаривала: «Я прошу тебя, принимай, я буду следить, проверять тебя все время, вместе с тобой считать. Сделаю тебе второй сундук, и ты белье будешь приносить из прачечной и в него класть. Не бойся». И правда, она после смены свою работу закончит, осмотрит больных и

зовет меня: «Нюра, иди. Давай считай». Так и приучила она меня, я с ней и доработала до освобождения.

Из воспоминаний Ивана Чеснокова³¹

После приговора перевели меня из внутренней тюрьмы в общую тюрьму. А там — страшное дело, уголовники, дезертиры. Потом перевели в пересыльную тюрьму в Рязани, там около двухсот осужденных было, и все на полу лежали. Здесь я и встретился с отцом, он получил десять лет лагерей, но в этап со мной не попал. Начали готовить нас к этапу, поставили в две очереди брить. Ведь это только сатане могло в голову прийти, чтобы лобки выбривать, причем у женщин брили мужчины, а у мужчин — женщины. Без зазрения совести, без стыда, одной машинкой — волосы и на голове, и под мышками, и на лобках...

В октябре сорок четвертого погрузили по двадцать пять-тридцать человек в вагоны и повезли. Кормили один раз в день — горячая баланда и пайка хлеба. Целый месяц мы ехали до Воркуты. Вагон топили дровами и углем в печке, которая стояла в центре вагона, через месяц друг друга узнать не могли, все черные были. Привезли на пересылку в Воркуту, здесь уже были осужденные со всех концов страны. В бараке нары, пола нет — холодно. Пришел комендант, отобрал человек десять работать на базе, разгружать пшеницу, а мы голодные. Жевали пшеницу, в карман насыпали немножко. С нами один татарин был, так он килограмма три пшеницы набрал. Сел, жевал потихоньку, на него сзади шпана напала, и по голове ударили. Он упал, сознание потерял, а у него всю пшеницу отобрали. Потом уже я его не видел.

Прошло дней пять. Давали нам суп из пшеницы, на второе — пареный турнепс, типа редьки. Потом направили нас на постоянное место жительства, распределили по бригадам. Была у меня рубашка хорошая, брюки синие и поношенная фуфайка. Подошел как-то ко мне пожилой мужчина, старший нарядчик, и говорит: «Снимай сам рубашку и брюки. А то насильно сниму». Я спрашиваю: «А мне что?» Ну, дал он мне лагерную рубашку и брюки, зато я месяц отдыхал. По-

---

³¹ Чесноков Иван Федорович. В октябре 1943 — арестован. 5 августа 1944 — приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в Воркутлаг.

том отправили меня работать на двадцать девятую шахту. Там занимался я строительством дорог, позднее перевели меня на строительство моста через реку Аяч-Ягу. Руководили стройкой немцы, два брата: Николай Иванович и Иван Иванович Гильденбранты. Много там народу погибло.

В бараках холодно было, и каждый «воевал» за теплое место. Одно время и с хлебом было плохо — это был самый тяжелый период. Потом после длительного перерыва привезли и раздали сразу по пять пачек, не предупредив. И сразу несколько человек умерли от заворота кишок. Многие сходили с ума, некоторых из них увозили, некоторые умирали. В сорок пятом мост достроили, весной началась выемка, по десять метров копали в одну и другую сторону от моста, работали с тачками. Потом перевели на укладку шпал, забивал я костыли. Летом стало немного полегче, встретил я товарища, и он поделился со мной крупой. Потом я заболел воспалением легких, да и цинга у меня началась — попал в стационар на реке Аяч-Яге. Сплошные нары и четыре прохода, но на нарах были уже подушки и матрасы, набитые стружкой. По одну сторону лежали чесоточные, а по другую — с цингой. Фельдшер Илья Дмитриевич, «каторжанин», у него было двадцать пять лет срока, взбадривал всех больных.

К сорок пятому появилась уже в стационаре глюкоза и аскорбиновая кислота — первое лекарство от цинги. Да и сырую картошку врач приносил. У меня уже десны оголились, но зубы не выпали. Там пролежал я больше месяца, потом меня, как выздоравливающего, перевели на месяц в оздоровительный пункт на Предшахтной. Там и постель была хорошая, и нары несплошные, и чистота. Через месяц меня снова вернули на Аяч-Ягу и назначили бригадиром. Пришлось делать разметку карьера, искать гравий для строительства. Ну какой я бригадир? Через два дня назначили бригадиром татарина, старого лагерника.

В день, когда кончилась война, мы работали. Пришел посыльный после обеда, кричит: «Кончай работу, война кончилась». Мы — в слезы! Потом началась амнистия, но под нее попали дезертиры, бытовики и детишки, бежавшие из ФЗУ. В июле пригнали этап эстонцев, латышей и литовцев, они были хорошо одетые и более откормленные, чем мы. Через неделю их было уже не узнать — наши лагерные «придурки» обменялись с ними одеждой, и все, что на них было приличное, поносили. Я познакомился с белорусом Александром Сергеевичем Приявко, он главным бухгалтером работал. К сентябрю составили списки «доходяг», чтобы отправить в Караганду, я тоже попал в тот список.

Вызвал оперуполномоченный, спросил: «Болел?» Я ответил: «Болел». — «Видишь, как мы заботимся, отправляем тебя в Караганду. Там в совхозе будешь работать, цинги там нет. Но вы-то знаете, что должны нам помочь, сотрудничать с властями». Я сказал, что на такое не пойду. Он ударил меня: «Ах, контра такая! Отправлю на штрафной. Сгною!» Разъярился весь. Ну, думаю, отправит на Известковую, а там вообще не выживают. Прошло два дня, пришел главный бухгалтер, спросил: «Почему отказался сотрудничать?» Оценил он ответ мой, хлопнул по плечу: «Сейчас таких не найдешь». Я готовился уже к отправке на Известковую, а тут пришла разрядка в Центральный. Приявко и включил меня в тот список, так я оказался в другом месте. Там уже был другой оперуполномоченный, а прежний, говорят, как узнал, что перевели меня, шумел страшно, но дело так и заглохло.

В Центральном на разных местах я проработал год, потом меня снова вернули на Аяч-Ягу. Тут было много знакомых, вместо старого опера был уже другой. Направили меня в инструменталку, лопаты точить, потом дневальным, а это уже возможность выходить за зону. Раз позвонили по телефону и спросили Чеснокова Ивана Федоровича. Я прибежал, оказалось, отец мой³² звонит с другой шахты — поговорили мы немного. Приявко узнал, что сижу я по пятьдесят восьмой, пообещал устроить встречу с отцом. Прошло время, как-то выписал он мне документ на фамилию Фризен Иван Петрович, с ним я мог попасть в другой лагерь. Действительно, был такой немец, я его хорошо знал, мы с ним дружили, были даже похожи немного с ним. Дал он мне якобы направление в спецчасть. Пришел я в стационар, а там отец мой, обросший, работал старшим санитаром. Ну, радости! Поговорил с ним часа два, что да как, ведь переписки с домом не было. Мне год оставалось сидеть, договорились по возможности встречаться.

В январе сорок восьмого года у меня родился сын Игорь, я в это время работал экспедитором, была возможность выходить за зону, в инструменталку привозили шпалы, какие-то технические детали, даже продукты. Я начал пробиваться к жене. Владимир Иванович освободился к этому времени, а его жена работала в яслях, куда отдали моего Игорька. Я говорю Владимиру Ивановичу: так и так, хотя бы повидаться с сыном. «Что ж, — говорит, — придумаем что-нибудь». У нас бригада ходит, работает на дороге, они там шлак чистят, где паровозы ходят. Мы решили, что моя жена придет вместо одного из этой

---

³² Чесноков Федор Иванович.

бригады. Мы встретились, мне скоро освобождаться, а ей сидеть еще восемь лет. Ребенку было около семи месяцев, а у нее было подавленное состояние. Повидались, поговорили.

Прошло время, я попросил Владимира Ивановича, чтобы дал возможность сфотографироваться с сыном. Он говорит: «Устроим, она вынесет ребенка как будто на консультацию, ты и увидишься с ним». Принесли его, а ему уж месяцев девять, я ему: «Я папа. Папа». А он видит незнакомого, плачет. Дали ему игрушки, конфетку, успокоился он, и удалось сфотографироваться. Снимал литовец, целую пачку фотографий сделал.

В сорок восьмом году пришел мой срок освобождаться, а с августа месяца было запрещено оставлять в Воркуте с пятьдесят восьмой статьей. Задумано было всех, кого освободили, собрать на пересылку, чтобы отправить кого в Караганду, кого в Новосибирскую область. Мне помог знакомый врач, он сказал, что в Караганде придется работать на шахтах, а он даст заключение, что мне нельзя, уверил, что в Новосибирской области будет все-таки лучше, там тайга и лесхозы. Прошел ноябрь, декабрь, потом собрали нас всех и погрузили в телячий вагон. Я одет был хорошо, друзья помогли, знал, что еду в ссылку в Новосибирскую область, в сельскохозяйственный район. Нас много знакомых собралось, могли за себя постоять, чтоб не раздели.

Привезли нас сначала в Киров, там недели две пробыли, затем в Свердловск — за эти недели я сильно исхудал. Наконец, привезли нас в Новосибирск, на пересылку, просидели так дней пять. Зима, февраль месяц. Опять пересчитали нас и обратились вдруг: «Тихо, товарищи!» Впервые мы услышали это слово. «Не толпитесь, сейчас пересчитают вас, и поедете без конвоя. Все будет хорошо». Привезли на станцию Чаны Новосибирской области, а оттуда на пятнадцати поездах повезли с пожитками за семьдесят километров в тайгу.

Привезли нас туда, разместили в клубе, потом пришел уполномоченный: «Вас, товарищи, привезли сюда, чтобы мы распределили вас по селам и колхозам. Будете здесь работать». Вызывал он отдельно каждого и беседовал. Нас в село Туруновка попало сразу восемнадцать человек, там был колхоз «Большевик». Парень, который вез нас, взял меня к себе на квартиру. Изба обычная деревенская, теленок в избе, одеяла лоскутные, с ним жили мать и жена молодая. Истопил для меня он баню. На второй день объявили, что такого-то числа состоится собрание с повесткой дня: подготовка к весенней кампании и

прием новых членов колхоза. Через день собрали нас в клубе, присутствовали там еще четыре колхозника и женщины.

Колхоз почти разорился, все его хозяйство составляли десять коров, десять лошадей и столько же гусей. Приехавшие со мной были осуждены по пятьдесят восьмой статье, все они написали заявления о вступлении в колхоз. А когда подсчитали заявления, то их оказалось лишь семнадцать. Спросили: «Кто не подписался?» Отвечаю: «Я не подписался. Я приехал в ссылку, срок у меня был пять лет, а ссылки не было. Произошла какая-то ошибка, я не должен был сюда приезжать».

— Срок отбыл?

— Отбыл!

— Раз привезли, значит, вступай в колхоз.

— Может, меня завтра освободят. Я подожду, погляжу.

— Ну, смотри!

С тех пор на меня косо стали смотреть — как это, выделяется один. Подошел какой-то праздник, я работать не пошел и остался дома. Пришел бригадир: «Иди на работу!» Отвечаю: «Вы колхозники, а я вольный человек». Ушел бригадир. Вскоре заболел молотобоец, и я две недели работал за него, приходил и падал от усталости. В райцентре был маслозавод, я попробовал там устроиться. Пришел туда, а они в бильярд играют. Просил принять, отослали меня: «Работай там, куда привезли». Как-то рубил я березу и случайно поранил ногу себе. Пошел к знакомому фельдшеру, пятидесяти лет, он спросил, а мне двадцать три года было: «Это ты в колхоз не записался?» Ответил: «Да, я». — «Молодец, что смог». И тут он мне анекдот рассказал: «Были два цыгана, два брата. Одного посадили, дали десять лет, а другой пришел к нему и плачется: “Тебе хорошо, тебе десять лет дали. А меня в колхоз записали!”»

Я сказал ему, что надо мне в райцентр поехать, а он: «Отпросись у председателя и поезжай». До райцентра было пятьдесят километров, думаю, может, попутка встретится. Отправился и все, что у меня было, на себя надел. Иду, смотрю, двое мне навстречу едут, улыбаются: «Чесноков?» Отвечаю: «Да, Чесноков». Командуют: «Садись, поедем!» Привезли в КПЗ, там командир гоголем ходил, ему доложили, что в каком-то селе старуха не была на выборах. Он скомандовал: «Привезти сюда старуху. Судить будем!» Я две недели там сидел, потом отвезли меня в Новосибирск, там посадили во внутреннюю тюрьму, сняли отпечатки пальцев, хотели постричь, я парикмахера остановил: «Подожди». Надеялся, что меня через недельку освободят. А он сказал

мне: «Дурак ты, дурак. Я здесь пятнадцать лет работаю и такого не видел», — и остриг меня.

Началось следствие, длилось оно около четырех месяцев. Однажды разбудил меня ночью мой надзиратель, пальцем показал: «Вставай. Собирайся». Подумал я: «Что-то здесь не то». Следователь, лейтенант Кондаков, спросил: «Бульдикова знаешь?» Ответил: «Знаю. Он ваш, агитировал меня в колхоз вступить». Он в ответ: «Хватит дурака валять! — и так долбанул в ухо, что я со стула слетел. — Сознawайся, это он тебе готовил побег?» Повозились они со мной, но я стоял на своем. Потом подписал после допроса обязательство о неразглашении, вроде как карается расстрелом, если я расскажу о допросе. Потом вызвали двоих свидетелей из Туруновки, чтобы дали на меня показания: молодую хозяйку, у кого стоял на квартире, и бригадира. Они должны были подтвердить, что я колхоз обзывал нецензурными словами. На допросы меня больше не вызывали, в июне я подписал постановление об окончании следствия, стал ждать суда и приговора. В конце августа сорок девятого приговорили меня к пяти годам лишения свободы и к пяти годам ссылки, отправили на пересылку, а через неделю привезли на станцию Тайшет.

Выгрузили нас, погнали с собаками в лагерь за пять километров от станции, на воротах его мне бросилось в глаза: «Добро пожаловать!» Такого я нигде не видел, а приглядевшись, увидел рядом и иероглифы. Оказалось, что в одной части лагеря находятся японцы, а в другой — пересыльные. Места нам в бараке не нашлось, и нас поселили на чердаке. Поползли дурные слухи о близлежащем лагере Озерлаг. У меня мелькнула мысль, что надо бы попасть в больницу, желудок у меня сильно болел — язва. В больнице сделали мне рентген, подтвердили диагноз и отправили меня на станцию Чуна. Я познакомился там с троцкистом Николаем Ивановичем — грамотный был мужик, экономику знал, старого закала.

Начальник нашего лагеря называл заключенных «народ», работы там было мало, в основном лес рубили и строили. Сидели все в основном по пятьдесят восьмой статье, так что никаких свиданий и встреч, письма разрешались лишь один раз в год, а писать из лагеря в лагерь запрещалось. Я попадал в БУР на все праздники, как беглец. На Седьмое ноября отправили меня в барак усиленного режима, ведь у меня был побег и второе осуждение. Там находились «блатные», «бандеровцы» и «штрафники», на работу никого не гоняли, сидели мы и лясы точили. В лагере ведь не все злодеи, можно найти с кем поговорить, были там и разные умельцы, они все делали. Я и раздобыл у них иконку-картинку,

ее легче было прятать, старался ее не показывать, просто зашил в рубашку, так и носил. Молиться можно было только в сушилке, когда там свободно, там я и молился. Так и жил я в лагере, набирался опыта, никому зла не делал, когда спать ложился, обязательно крестился.

Пробыл я там до пятьдесят первого года, позднее, правда, стали водить нас на работу. В лагере я как-то поговорил с бывшим дворянином Провоторовым, эмигрантом из Маньчжурии, и в моем формуляре появилась запись: «Подлежит особому присмотру. Содержать в БУРе, как сугубо опасного элемента». Подозреваю, что это именно он, доносчик, мне сделал, так как я с ним на одну тему говорил. А в пятьдесят втором году попал я в очень неприятное положение. Зашли мы как-то погреться в брусочный цех, а там работали чеченец и румын, между ними произошел скандал. А я заступился за румына и разнял драку, не чувствуя за собой вины. Вечером пришел в барак, переоделся, надел рубашку, легкие штаны, кепку и пошел в столовую.

Напротив нее надзирательская была, охранник мне и говорит: «Зайди». Я зашел, а там чеченец сидел. И я понял, что попал в беду. Посадили меня в карцер в том, в чем был. Апрель месяц, холод, на стенах иней. Чеченца тоже посадили, но он-то знал и оделся во все теплое, а я в летних брючках, ботиночках, рубашке да кепке. В первую ночь я и бегал, и прыгал, но чуть не скончался. Да и надзиратель «добрый» был — положено триста грамм воды, он домой сбегает и измерит, чтоб точно триста было. Положено семь фунтов дров, так ни поленом больше: «Не положено». Я кричу: «Филиппов, я умираю!» А он твердил лишь одно: «Не положено».

Три ночи я там провел, не знаю, как выжил, то ли мать за меня молилась, то ли отец. Я чудом выжил, и удивительно, что не заболел ни воспалением легких, ни гриппом, даже насморка после не было. Думал, умру, но Господь спас... Через трое суток выпустили меня, пошел я, шатаюсь, в баню, и там знакомые дали кусок хлеба и горячего чаю. Помылся я, пришел в БУР и уснул мертвым сном. А наутро узнал, что румын этот был «стукачом», он-то и рассказал, что я заступился за него, незнакомого, вот меня и посадили. Чеченец тот сидел в БУРе десять суток, а меня выпустили через три дня.

Потом выстроили вдруг весь лагерь, человек восемьсот с вещами. А ведь обычно, если делали «шмон», то выставляли заключенных без вещей. Стоим мы и видим, что со всех четырех вышек направлены на нас пулеметы. Первая мысль — конец нам. Подумали, что снова война началась, и если так, то всех расстреляют. Началось волнение, но обошлось.

Потом отправили меня на ДОК, а слухи продолжали ползти, что международная обстановка накалена, что мы пострадаем в первую очередь. Просыпаюсь как-то ночью от резкой боли в животе, чудом выжил, оказалось позднее, что случилось массовое отравление, некоторые заключенные умерли, литовцы, эстонцы. Два дня никто не работал.

Близился пятьдесят третий год. Объявили, что вождь всех народов заболел. Как же молились все: «Господи! Дай хоть на один день позже этого сатаны умереть!» Я работал в то время слесарем, и на третий день, когда хоронили Сталина, паровозы на станции загудели. А мы, заключенные, это событие отметили по-своему: кто штаны снял, кто как. Имя Сталина вообще не произносили, все говорили: «Гуталинщик умер! Гуталинщик дуба дал!» Радость такая, невероятная! Тогда Кузнецов, бригадир наш, прямо при надзирателе сказал, что он двадцать пять лет ждал, когда тот подойдет, тут уж все...

Надзиратели тут же уши опустили, наказывать перестали. Потом его похоронили, разговоры всякие были. Некоторые говорили, что его смерть равносильна остановке земного шара. Другие, что это ведь такая голова и что может теперь в мире произойти! Да ничего не произошло. Да если бы этот сатана не родился, вообще, может, ничего и не было бы. Вдруг выходит Указ Президиума Верховного Совета от двадцать седьмого марта пятьдесят третьего года «Об амнистии»: все лица со сроком до пяти лет освобождаются. Причем не указано было, повторный это срок или нет, — освобождаются, и все. У меня было пять лет, я попадал под указ. Еще был один латыш, адвокат, у него тоже было пять лет. И на три с половиной-четыре тысячи человек это было все.

Ну, начинаю я думать: «Попадаю — не попадаю. Отпустят — не отпустят». С ума просто схожу, весь апрель мучился. К начальнику ходил, спрашивал, почему не освобождают. Я когда в Воркуте сидел, то мне пришлось там лишнее отсидеть, и тут все на работу гоняли. Потом нас привезли на пересылку в Тайшет с уголовной «шпаной». Спросил, почему не освобождают, а мне сказали: «Вы за КГБ числитесь, так что вас не освободят. Вы дальше поедете, там с вами и будет разбираться Новосибирский КГБ». У меня руки опустились.

На пересылке ждали две-три недели. Раз повели на станцию — не приняли. Все составы с востока полные идут. В июле меня в третий раз повели, приводят человек пятнадцать нас, и тут начальник листал-листал дела, потом вытащил одно дело и закричал: «Чесноков!» Я так обрадовался. Одного меня взяли, в вагон поместили и привезли сначала в Красноярск, а потом в Новосибирск, на пересылку. А там опять

никто не знает, куда нас. Под вечер вдруг вызвали нас с вещами на вахту. Столпились все, волнуются. Открылись ворота, офицер в полушубке и без оружия стоял, крикнул нам: «Товарищи, не толпитесь!» Мы: «Ого! Это что-то, товарищами называют». А офицер продолжил: «Сейчас поедем на вокзал, сядем в поезд и отправимся к новому месту жительства. Сойдем мы на станции Барабинск. Никто не проспит, можете не волноваться, всех разбудим».

Километрах в десяти был город Каинск. Сгрузили нас всех, за нами кто-то приехал, и привезли нас в Северный район. Лето было, мы легко одеты были. Дали нам паек на один день, полтора рубля еще, и пока мы до района добрались, приехали голодные совсем. На второй день стали вызывать по одному и распределять. Нас, молодых, было четверо: два немца, калмык и я. Мне предложили поехать в богатый колхоз. Я лейтенанту сразу сказал: «Вы мое дело посмотрите. Может, мне лучше сразу назад?» Лейтенант предложил мне поселок Косманка, километрах в ста в тайге: «Там все ваши, “контра”». Но жили они там хорошо, лосей били, голодными не были. Я согласился, поехал туда. Потом этот лейтенант сказал мне, чтоб я не расстраивался: «Больше года вы здесь не пробудете».

А через год этот старший лейтенант Мальцев, когда я освободился и уезжал, не написал мне, что я был в лагере. Он написал, что я с срок девятого по пятьдесят четвертый год был в ссылке, сказав, что так лучше будет на работу устраиваться. Правда, мне из лагеря потом справку прислали, так что на один срок у меня потом были две справки. Косманка — это самый край Северного района, там болота были, и если оттуда кого высылали, то говорили: «За болота отправили, в Нарым». На машине привезли нас четверых в леспромхоз, там покормили и повезли в Косманку.

Привезли нас туда, смотрим — изба стоит. Двери есть, а окон нет, внутри лавки и стол. Там мы и поселились. В первый же день дали нам по червонцу старыми, дореформенными деньгами, а потом все — стали мы ходить на работу. Работали мы километров за восемь, лес пилили, потом на плоты его грузили и куда-то отправляли. Местные там тоже работали, но они брали продукты и по три-четыре дня там жили. Но у нас-то ничего не было, то там купим что-то, то здесь, так что каждый день приходилось ходить эти километры. Но тут Божье провидение помогло. Техничка тетя Катя построила себе дом, а дед у нее старик, и некому было печь сложить. Мы разговорились с ней в конторе, я и сказал, что могу печь сложить. Она коменданта спросила, можно ли меня пустить, не вор ли я.

Председатель сказал ей, что можно, что я тоже «контрик», сидел по пятьдесят восьмой статье. А тетя Катя тоже ссыльная была и пригласила меня. Я ей печку с духовкой сложил. Потом она попросила меня пол ей настелить, я не умел только оконные коробки делать, ей кто-то другой их сделал, а рамы уж я ей вставил. Как только полы настелили, тетя Катя все прибрала и иконы повесила. Она не старая была, лет пятидесяти. У нее и овцы, и куры, и огород — так что работы невпроворот было. С ней я и в лес ходил косить, она могла любого мужика за пояс заткнуть, и я учился у нее. Тут и осень подошла, я ей сени сделал небольшие, метра на четыре, потом в село Чуваши съездил, барана купил, после лагеря-то мяса хотелось покушать. Купил, зарезал, кожу в сенях повесил. Потом стал колодец копать, сруб сделал — колодец неглубокий был, вода там близко, затем скворечницу в углу сделал. К зиме из леса еще тетя Лиза, латышка, приехала, а тетя Катя меня квартирантом пустила. Я ей печь в бане сложил, валенки подшивал.

Как-то вызвал меня директор: «Чесноков, ты мне переложи печку!» Был там один печник, считался классным, но к нему председатель не обратился. Печь у директора была квадратная, голландка называлась, мудрено была сложена. А он попросил сделать ему пяти- или семиоборотную, и чтоб он греться мог. Я сказал: «Ладно, сделаю». Вдруг ночью постучал в дверь комендант, сказал, что привез еще одного, пацана совсем. Он «нашкодил» где-то и в ссылку попал, комендант и уговорил нас до утра пустить переночевать его. Пустили его, хороший паренек оказался, в лагере он не был. И стал он просить тетю Катю, чтобы пустила его квартирантом жить с нами. Она его сначала на месячишко оставила — парень вроде ничего. Купили ему валенки, одежду, как работает, так рассчитается. Но он потом к каким-то парням прибил, гулять стал, и тетя Катя через месяц его выгнала.

Перед Новым годом должна была приехать к ней сестра из Армавира с двумя детьми, надо было за сто километров ехать за ней. Я зимой лес возил, и моя кобыла была уже жеребая. Я обратился к директору, и он сказал: «Чесноков, ты человек порядочный. Возьми Ласточку и езжай». А перед тем беда случилась — Ласточка раньше времени ожеребилась. Начали разбираться, кто виноват, почему ожеребилась. Ну, она пару недель отдохнула, я на ней и поехал. Взял я с собой овса, в первый день проехал пятьдесят километров, на второй — столько же. И когда приехал туда, меня спросили, откуда я, ответил, что с Косманки, а мне сказали, что там и лошадей таких нет. Ну как же нет, когда вот она, смотрите!

Только приехал, меня уже ждали. Эта сестра как увидела меня, сразу забегала. Я ей шубу привез и тулуп. Переночевал я, и мы отправились домой. Доехали до Чувашей, там ночь переночевали, потом еще пятьдесят километров отмахали. Привез я их к тете Кате, увидела она своих племянников: девочку шести лет, русскую, и паренька, на татарина похожего. Дети эти в дороге мне все: «Папа-папа». Я обратился к тете Кате: что мне, мол, теперь квартиру искать? А она: «Зачем? Сделаем тебе на чердаке комнату. Куда ж ты пойдешь?» В конце апреля сестра говорит: «Все! Возвращаюсь в Армавир». Тетя Катя плакала: «Как ты там одна-то будешь? Мы здесь вместе проживем. Прокормимся». Но сестра уехала. Мы с тетей Катей одни остались.

А в конце мая, когда мы огород уже копали, комендант наш подъехал, улыбается: «С тебя причитается». Я ему: «Какой разговор. А с чего причитается-то?» А он мне: «Освобождение пришло. Поезжай получай паспорт и уезжай куда хочешь. Поздравляю!» Через два дня мы с литовцем Антоном на одном велосипеде поехали и отмахали почти сто километров, на бензовозе нас чуток подбросили. Пришел я к тому же Мальцеву за паспортом, а он мне: «Ну, что я говорил? Куда поедешь? Хоть в Москву! Что писать?» Я ему: «Пиши во Фрунзе». Там у жены брата жила сестра, он сам туда собирался переезжать. Мальцев и записал: «Фрунзе». Вернулся я, а тетя Катя в слезы. Просила: «Не уезжай, останься. Помоги хоть огород вскопать». Я ей: «Да ты что, тетя Катя? Я одиннадцать лет ждал этого».

А мне уже сообщили, что отец и мать мои в Воркуте, решил я туда ехать. В июле пятьдесят четвертого меня с каким-то детским садом на машине подкинули до Барабинска, там на каком-то поезде доехал я до Кирова, а потом добрался до Воркуты. А здесь мне все уже было знакомо, я ведь срок отбывал там. У меня и пропуск даже был, я в город ездил к знакомым по лагерю, они хоть и неверующие были, но к нам с симпатией относились.

Из воспоминаний Александра Перепеченых³³

Прибыли мы по этапу в Уфу, а привезли туда около пяти тысяч заключенных. Высадили нас в голую степь и сказали: «Стройте себе

---

³³ Перепеченых Александр Евгеньевич. В 1941 — арестован, приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. В 1945 — освобожден по амнистии, вернулся на родину. В 1948 — арестован, приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь в Башкирии.

жилища». Раздали нам строительные инструменты: ломы, топоры, кирки, пилы, стали мы работать. Развернули военные походные кухни. Но мы постоянно голодными были, ведь «блатные» все продукты растаскивали, а нам, «мужикам», ничего не доставалось. Потом не выдержали мы, дошло до рукопашного боя с «блатными»: кто с топором, кто с киркой, кто с ломом. Начальство увидело, что ситуация выходит из-под контроля, пытались утихомирить всех, поливая водой из брандсбойтов пожарных машин. Но тщетно. Собаки тоже не помогли, тогда пошла стрельба со сторожевых вышек. Получилась бойня, и только наступление ночи утихомирило толпу.

После этого лагерь разделили на две части: заключенных с пятьдесят восьмой статьей — в одну, а «блатных» и «нищих» — в другую. Но все равно это ничего не изменило, ведь кухня была общая, провиант получать ходили бригадой, а группа «блатных» встречала ее рано утром и отнимала хлеб, а суп выливала. Короче, кошмар был. «Блатные» еще друг друга проигрывали, и жертв было много. Я в этом не участвовал и в праздничные дни не работал. «Тихоновцев» уже совсем не было, а «федоровцев» там не встречал. Были попы, но они меня осуждали, так как они в лагере защищали свою шкуру и служили чекистам.

И для меня было как праздник, когда отправляли в изолятор на десять суток. Потом начальство увидело, что это не действует, решили отправить на исправление в «дикую» бригаду. Она была собрана из самых отъявленных отбросов общества. Образ их жизни внушал страх, они чувствовали себя одинаково и на воле, и в неволе — везде вели себя по-зверски. Звери, а не люди. Они говорили так: «По субботам на работу мы не ходим, а суббота у нас каждый день». Среди них были заключенные с лагерными кличками: «суки», «воры», «махновцы», «овечки». Такие кадры воспитали материалисты, ведь Бога нет, поэтому все можно.

В праздник Воздвижения Креста они меня потянули волоком на работу, приказав: «Ты должен для каждого из нас заработать по семьсот граммов хлеба. Мы — в законе, у нас праздник каждый день». Я ответил им, что в праздники не работаю. Они мне: «Заставим!» Один из них взял лом и вдоль спины моей как ударит во всю силу. Я и протянулся. Конвой увидел это, начал поверху стрелять, и они отошли. А я уже на ноги подняться не смог, так и пролежал весь день. Вечером меня волоком тащили до лагеря четыре километра. Если бы я об этом заявил начальству, то меня бы «овчарки» добились. В лагере втащили

меня в казарму, где жили три попа православных и один мулла мусульманский.

Там показали меня заключенному фельдшеру-земляку, который связался с вольными врачами с вопросом: «Что делать? Как спасти верующего?» Врачи вошли в мое положение и написали мне в диагноз совсем другую болезнь — так я оказался в больнице. А православные попы спросили муллу: «Почему ваш бригадир Алиев сдал верующего в «дикую» бригаду?» А мулла им ответил: «Но вы же работаете?!» А те ему: «Ну и что, мы все судьбой обижены. Неужели надо убивать друг друга?» Видимо, что-то человеческое было в мусульманском святителе, он призвал бригадира Алиева и на своем языке жестко с ним поговорил.

Врачи при выписке сказали мне, что больше не могут держать меня там, хотя я еще не совсем здоров был. И когда я вышел из больницы, то бригадир Алиев больше не заставлял меня работать в праздники. Однажды вызвал меня в кабинет нарядчика оперуполномоченный и сказал: «Я помогу тебе раньше освободиться, если ты будешь следить за врагами народа. Докладывать, что они говорят и о ком. У тебя ведь большой срок, десять лет, а мы «скостим» до двух третей. А если походатайствуем, то тебя еще раньше отпустят». Я ответил ему: «Какой же я верующий, если буду закладывать людей? Нет, я не могу».

Как он вскочил, лицо от злости передернулось, нецензурные выражения на меня посыпались. А потом так ударил, что я вылетел в дверь. Заключенные очень удивились, а я объяснил им ситуацию. Вызвали очередного заключенного, а срок у него был двадцать пять лет. Заключенные стали подслушивать, а тот согласился быть «сексотом» и продавать людей. Как только он вернулся в барак, его стали избивать, пока он не потерял сознание. А когда пришел в себя, услышал, что если его еще раз увидят у «опера», то убьют. После этой истории «сексоты» удвоили за мной наблюдение.

Зиму я кое-как пережил, а весной пятидесятого года меня как неисправимого зэка³⁴ вместе с ярыми рецидивистами отправили на Колыму³⁵. Когда привезли в Совгавань, то начальник лагеря в общей зоне всех распределил так: «“Мужики” — ко мне, “воры” — направо, “суки” — налево, “красные шапочки” — в сторону, “овчарки” — на месте, “махновцы” — не шевелись». Каждый пошел в свою группу,

---

³⁴ Зэк — заключенный.

³⁵ Севвостоклаг.

ведь если попадешь в чужую, то там прирежут. Я пошел к «мужикам», а потом сразу же стал искать православных верующих. Мне сказали, что есть один, он открыто крестится.

Нашел я его под нарами, еле живого, он туберкулезом болел. Он мне несказанно обрадовался, снял даже с себя душегрейку и предложил: «Давай обменяем ее на пайку хлеба!» Я ему: «Боже, зачем продавать телогрейку? Ведь ты же не знаешь, куда нас повезут». Родом он оказался из Рязани, около трех недель мы были вместе, затем он остался, а меня отправили на этап, в порт бухты Ванино. А перед посадкой на пароход «Джурма» нас раздели догола и обыскали. Проверили даже, неприятно говорить, задний проход, вдруг я спрятал там какой-нибудь металлический предмет.

Везли нас где-то около шести тысяч зэков, набили во все трюмы, как селедку. Даже «блатные» были в панике. Воздух ужасный, дышать тяжело, тут же параша, и рядом варится овсяная каша. Затем начался шторм, зэков начало тошнить — зрелище было жуткое. Все смотрели друг на друга с дикой злобой, готовы были удавить на кальсонах. Один из главарей «блатных» обратился к зэкам: «Мы не знаем, куда нас везут и что нас ждет. Давайте забудет зло друг против друга, чтобы выжить». Не помню, сколько суток мы плыли, но все-таки прибыли.

В Магадан привели в пересыльную зону, а там каторжники были в одежде разного цвета, им расстрел заменили каторжными работами. Все они были внутренне уже упавшие духом, считали, что все равно, мол, «подохнем», отвезут в ядерные шахты, а там год-два — и все, конец. Сначала нас сводили в баню, а потом оставили ночевать. Когда уснули все, смотрю, один каторжник встал, упал на колени и стал молиться. Долго молился он, после я к нему подошел и спросил: «Ты верующий?» Он мне: «Не знаю. Мама у меня верующая, и я, ее вспоминая, молюсь». Я ему сказал: «Это неплохо. Не забывай мать, она тоже за тебя молится».

Утром этим же пароходом нас повезли дальше, но только две тысячи зэков. Куда повезли? Мы об этом тогда не знали. В нашем трюме случился конфликт среди «блатных», и в результате повесили одного азербайджанца. Обычно убитых выбрасывали в море, их акулы сразу подбирали, но мы упростили начальство похоронить его тело на суше. Только через три дня пароход вошел в бухту Пестрая, так что хоронили там уже разлагающийся труп. Капитан парохода «Джурма» сказал нам по прибытии: «Счастливые вы, погибло вас мало. Обычно я привозил много трупов».

Место, куда нас высадили, было пустынным. Была небольшая хата, и лежал стог мешков, накрытых брезентом. Охраны было всего пятнадцать человек. Мы были все разутые и раздетые. Здесь объявили нам: «Советской власти здесь нет, так что прокурор — сопка, а судья — тайга. Малейшее нарушение в пути со стороны вас — сразу расстреляем и отвечать не будем». Конвоя было мало, но он был вооружен до зубов и зверски настроен. Выдали нам сухой паек на три дня, но мы его сразу с голоду съели. Потом построили в шеренги, велели взяться за руки и погнали за сто двадцать километров в поселок Голимый³⁶. И было это 29 июня по старому стилю, в День святых апостолов Петра и Павла, — никогда не забуду.

Погода была скверная: шел холодный дождь, ветер выл сырой, сквозной и пронзительный. А у меня перед этим украли фуфайку, я стоял и дрожал, окидывая взглядом местность. Вокруг сопки, долины, лощины, с северной стороны еще лежал снег, а с южной стороны на сопках уже местами появилась зелень. Красота природы тронула ээков. А дорога была ужасной, шли по точеной гальке, а она под ногами раздвигалась. И человека качало в разные стороны, разрывая цепь шеренги. Чекисты начинали зверски кричать, стрелять поверху — рев, мат, стрельба.

Шли дальше, а потом начался сплошной мох в полметра высотой. Совсем тяжело стало идти. Я промок насквозь, шел, дрожал, думал об одном: как бы не застыть. Но, наверное, не судьба была... Скомандовали привал. Все мокрые, мох тоже сырой, но присели. И тут вдруг один из заключенных увидел, что я погибаю, и кинул мне через ээков свою шубную телогрейку. Конвой, не поняв, в чем дело, открыл стрельбу. Все зашумели, закричали, а было нас где-то около трехсот человек. Я часто вспоминал этого ээка, у него срок был двадцать пять лет за пребывание в немецком концлагере. И он скоро был проигран в карты, его должны были убить, но успели отправить в другой лагерь. И что с ним стало, не знаю. Спаси Господи его, и пусть телогрейка эта будет во свидетельство его добрых дел!

Погнали нас дальше, а дорога пошла среди громадных камней, а меж ними журчала вода. Мы стали прыгать с камня на камень, падали в воду, поднимали друг друга, спасали. Затем начался точеный камень, там мы резали ноги, и многие уже не могли идти. Конвой командовал, чтобы кто посильнее тянул немощных. Я был молодым, и

---

³⁶ Название Голимый появилось, когда на строительстве поселка замерз экспедитор.

на меня сразу с двух сторон повисли: «Спасай, браток, погибаем». А у меня у самого уже силы были на исходе, но тянуть надо было. Затем дорога стала получше, видно было, что ее уже сделали ээки. А вдоль дороги лежали кости и черепа, изредка стояли кресты. Мы спрашивали, а нам в ответ: «Придете в лагерь, там вам все расскажем».

Наконец появились машины, оказывается, они подъехали за теми, кто уже передвигаться сам не мог, и их, как трупы, складывали в них. Только на третьи сутки добрались мы до лагеря — замерзшие, голодные и измученные. Зашли в лагерь, а там стояли здания типа фанз под ложной крышей. Были бараки получше, но в них жила администрация, виднелась и промывочно-обогащительная фабрика. Удивительно, что вокруг лагеря не было забора с колючей проволокой, даже столбики отсутствовали.

Но встретили нас там, как звери зверей. У вахты стояли десятки «лбов», и среди них чекисты в погонах, они вызывали ээков по карточкам. Ээк проходил, а по сторонам стояли наготове дикообразные «лбы» с длинными резиновыми шлангами с крученой проволокой внутри. Так эти «лбы» ээка вдоль спины опоясывали шлангом: один справа, другой слева, а третий сзади. И так обработали всех ээков... Потом в бараке спросили мы старых ээков: «Как вы тут?» Ответили: «Пришло нас две тысячи, осталось всего четыреста человек. Остальных отнесли под мох. Вы пополнили наши ряды».

Наш этап сразу в панику — это верная гибель. Несколько отчаянных ээков решили бежать и ночью ушли. А утром, когда нас подняли, весь лагерь был полон чекистов. Шумели, бесились, матом всех крыли. Вывели нас за зону, а там куча трупов — это были те, кто ночью ушел. Обвели нас вокруг этого кургана мертвых и предупредили, что с нами будет то же. И в лагерь вернули нас тем же способом, что и принимали, — шлангами, кому по спине, кому по голове, и фамилии при этом уже не спрашивали. Так началась колымская лагерная жизнь.

Я искал по баракам среди ээков верующих, везде отвечали, что были, но теперь нет. Они в праздники отказались работать, так их выставили на мороз и поливали ледяной водой до тех пор, пока они не замерзли. Тогда я подумал, что здесь придется погибать и мне, неважно от чего: от силикоза, от цинги или от ударов шлангом. Нас расформировали по бригадам, меня направили на работу в шахты. Работа была тяжелая, пыль угольная оседала в легких. Сказали всем, что если мы будем перевыполнять норму, то пайка хлеба будет на сто грамм больше, да и каши дадут больше. А если вся бригада будет выделяться,

то публично вручат ей красный расписной кисет с табаком. Так чекисты высасывали из ээков все силы.

Через десять дней в шахте случился сильный обвал породы, надомной обвалилась кровля, а меня струей воздуха вытолкнуло в сторону. Очнулся я через какое-то время, карбидная лампа потухла, кругом темень, а вход в забой завален. Прибежали горноспасатели, дали мне карбидную лампу и стали откапывать остальных. Слава Богу, все остались живы. А я после этого сильно заболел, положили меня в больницу.

Мои коллеги по башкирскому лагерю, белорусы, в то время строили новую больницу, они были хорошими специалистами. Так эти белорусы, узнав, что я в больнице, пошли хлопотать о переводе к ним, сначала перед врачами, а потом и перед начальством. Меня таким мастером представили, а я и кола не мог обтесать. Были нормальные люди и в этом кошмаре. После выздоровления меня направили работать к моим благодетелям, строить больницу. Они понимали, что взяли неспециалиста, который еще и в праздники работать не будет, знали, чем рискуют, однако сделали доброе дело.

Прораб был вольнонаемным, он недавно окончил институт, и его послали сюда работать. Мужики уговорили его, сказали, что иначе я погибну. Прошло лето, закончилась осень, наступила зима. Мороз был жгучий, у нас таких не бывает, более шестидесяти градусов. Нас продолжали гонять на работу. Но какая могла быть работа? Только успевали следить друг за другом — не побелели ли у кого нос или лицо. Если побелели, то отгирать нельзя, а надо опустить голову вниз лицом, чтобы оно покраснело. Жутковато было, мороз аж в легких слышно было. Но куда деваться, тут хоть чистый воздух в отличие от шахты, хоть этому мы радовались.

С работы шли холодные, измученные и голодные, мечтали лишь об одном — как бы поесть досыта. А если не доел — терпи. «Блатные» же лежали на постелях, и «шестерки» им носили что повкуснее. Так уплывали консервы, рыба, а «мужику» оставался лишь овсяный суп. Да еще какому «мужику»? Повара уже знали, кому что положить: одному зачерпнут из котла пониже, а другому сверху, где одна водичка. Так что он даже ложки не брал, пил прямо через край. Если бы повар клал все по правилам, то его самого могли в котле сварить. И такие номера были... А уж хлеборез-то как «точно» хлеб взвешивал! Вместо шестисот грамм отрезал четыреста и на весы бросал так, что четыреста грамм перетягивали шестьсот и даже лишнее показывали.

В результате «мужики» таяли на глазах, как в лагере говорили, «дубаря сиганули». Неподалеку был глубокий мох, так мертвых оттаскивали туда, и там во льду «мужик» лежал, как бальзамированный. Чекисты видели, что такими силами план не выполнить, добавили в порцию овса. Мы сначала радовались, а потом желудок уже не принимал его, рвало. И еще мы должны были ежедневно выпивать сто грамм отвара сосновой хвои от цинги, и кто не пил, тому овса не давали. В результате ели, пили через силу, и держала нас только пайка хлеба.

Работа в шахте была тяжелая, иногда попадался в породе купорос, а он так разъедал кожу, что кровь шла из носа и изо рта. У эков при работе в шахте шла цементация легких, и когда человек умирал, его легкие нельзя было разрубить. Силикоз легких, цинга, дизентерия и другие болезни одолевали эков. В лагере очень часто помрачались умом и накладывали на себя руки. На таких людей мы смотрели целый год, пока не приходил пароход. Были случаи, когда из лагеря бежали пять-шесть человек, а возвращались лишь один или двое. Остальных они брали в побег для того, чтобы в дороге съесть.

И эти «мясники» потом страшно убивали десятки людей. Ведь срок один, более двадцати пяти лет не давали, а смертная казнь была в то время отменена. Как-то убили нарядчика на глазах у всех, причем не просто убили, а казнили. Вначале вырезали низ, затем выкололи глаза, отрезали язык, отрубили руки — пока не скончался. Тяжело обитать среди «блатных», особенно когда рядом не было никого из верующих. Это Божье чудо, что я вышел живым из этого кошмара.

Как-то «сексоты» узнали, что я не работаю в праздники, и сразу донесли. Вызвали меня к начальнику, а в то время прислали к нам нового руководителя. Ему надзиратель доложил, что, мол, такой-сякой, в праздники не работает, а начальник вдруг попросил надзирателя выйти, сказал, что разберется сам. Стал он меня допрашивать, я и рассказал ему, что являюсь истинно-православным христианином и что в праздники не работаю, так как это грех. Он мне сказал: «Я посмотрю твое дело, узнаю, за веру ты осужден или нет». Затем поинтересовался, откуда я родом, и воскликнул: «О-о, земляк! Что же ты молчал. Давно сидишь?» Я рассказал, что сижу уже второй раз, что отец мой тоже сидел дважды, что посадили нас за веру.

Он внимательно меня выслушал. Посочувствовал и сказал: «Пока я буду работать начальником, тебя в праздники никто не тронет». Вызвал надзирателя и приказал ему: «Этого человека, истинно-право-

славного христианина, в праздничный день на работу не гнать. Он в непраздничный день сделает больше “шакалов”». Веришь, я слушал, а сам не верил своим ушам. Ведь в этом лагере такой страшный изолятор без крыши был, его называли коробочка, и из него выйти здоровым было невозможно. Так что Господь, послав этого человека, действительно спас меня...

Прошло полгода. Вызвал начальник меня снова и сказал: «Я хочу тебя расконвоировать. Правда, этому подлежат бытовики, но они, если их освободить, будут вести себя безобразно: насиловать жен чекистов, красть у вольных, устраивать дебош. Так что мы их расконвоировать не можем, а тебе я доверяю. Надеюсь, что ты будешь вести себя соответствующе». Конечно, начальство видело мой образ жизни, меня на проходной никогда не проверяли, доверяли. Меня защищали даже некоторые уголовники, выказывая тем самым уважение ко мне.

В пятьдесят третьем году умер вождь всех времен и народов Сталин. По радио сообщалось, что заводы, фабрики, даже машины гудели, а миллионы людей лили слезы. В лагере объявили траур, но у ээков я слез не видел, наблюдалось какое-то недоумение, ступор, дескать, как жить дальше будем без отца? После смерти Сталина в лагере, во-первых, стало спокойнее. В столовых появились рис, манка, приправа сушеная, картошка, овощи в сухом виде. Дела у многих ээков с бытовыми статьями были пересмотрены, и они были амнистированы. А в пятьдесят пятом году почти всех с пятьдесят восьмой статьёй, и меня в том числе, освободили.

Просили нас поработать еще и заработать денег, но я, конечно же, ни за что не согласился. Когда мы, освобожденные ээки, ехали домой, то еще не осознавали, что все позади. Ехали и думали: неужели мы едем домой? И когда добрались до перевалочного хребта, где стоит памятник замерзшему разведчику, мы остановились, постояли, посмотрели, потом сели в машину, сказав: «Век не знать бы тебя, Колыма!»

Из воспоминаний Александры Халчевской³⁷

В шестьдесят втором году нас, тридцать шесть человек, привезли в лагерь — и сразу в карцер. Потом на подводах отвезли за семь ки-

---

³⁷ Халчевская Александра Васильевна. В 1961 — отправлена в ссылку как тунеядка. В 1962 — арестована за отказ от работы, приговорена к заключению в лагерь.

лометров и там поставили на лед в одних рубашках. «Надзорки» в красных повязках очертили круг на льду, обложили его ветками и заявили: «Если вы за круг выскочите, будем в вас стрелять». Приехало начальство на нескольких машинах, привезли молодого парня, сказали ему: «Поцелуй “монашек”». Мы молились, кто-то пел псалмы, а комсомолец этот влетел в круг и схватил кого-то. Мы вырвались и разбежались за круг, тут начали стрелять поверху, а мы опять запели «Христос воскрес».

Привезли нам обед, но мы отказались, решили стоять насмерть. Комсомолец этот все бегал за нами, а начальство стояло и смеялось. Потом подъехали подводы, чтобы везти нас обратно, но мы отказались садиться, решили замерзнуть. Тогда пригнали за нами автобус, насильно посадили и не ругались даже. Привезли в зону и опять в карцер отвели тех, кто не хотел садиться на подводы. Потом уже ночью отдала нам одежду «надзиралка». И так это «целование» на льду было пять дней...

Опять осудили нас на четыре месяца и повезли в лагерь. Здесь я встретила со своими: Дарьей Гончаровой, Евдокией Воробьевой, сестрой своей Марией Халчевской. Последний раз меня судили в районе, люди сбежались посмотреть, что за преступников судят. Раису тогда уже освободили, дедушку Павла тоже. Судья была женщина, Тамара, сидели на сцене в клубе судья, прокурор и много заседателей. Судья мне: «Скажите фамилию, имя, отчество. За что вас судят? Вы не работаете? Почему вы не хотите работать в нашем обществе?» Я перекрестилась и ответила: «Потому что я хочу жить той свободой, которую даровал нам Христос. А вы строите коммунизм — безбожное общество. Коммунизм с христианством не совмещается». Начальник милиции Фомин подскочил ко мне и заорал: «Что это она говорит?» Побледнел, кулаки сжал, всего его затрясло.

А судья на него строго: «Фомин! Не смей трогать!» А тот все орал: «Дайте мне ружье, я ее застрелю!» Тогда я ему сказала: «Если бы Бог дал жабе хвост, так она б всю траву потолочила. Да только горе ей, что она куцая!» Фомин тогда в еще больший раж вошел: «Если бы был сейчас пятьдесят восьмой год, я бы тебя тут же расстрелял!» А я ему ответила: «Если бы был сейчас пятьдесят восьмой год, то я этого бы тебе не сказала. Но теперь уже шестьдесят четвертый. Ничего ты мне не сделаешь. Твои братья из нас не только соки, а кровь давили и пили. Но и тогда мы выжили на страх врагам. А теперь ваше время ушло. Ничего вы нам больше не сделаете...»

Сестра моя Мария в шестьдесят четвертом году отбыла свой срок, а весной ее опять судили, и так три раза. После этого она заболела, ее отправили на высылки. Приехали врачи и обнаружили у нее кисту и аппендицит, надо было делать операцию. Но ей сказали, что откажешься от Бога, тогда мы сделаем операцию. И врачи уехали. Наутро киста лопнула, они приехали за ней и увезли в больницу. Никого не пустили ухаживать за ней, она там молилась Богу, а на седьмой день умерла. А в то время в лагере к нам женщин привезли, они рассказывали, как хоронили одну верующую, Марией ее называли. И тут я поняла, что это сестра моя, и заплакала. Охранник увидел, что плачу, стал звонить. Пришел начальник, сказал: «Тетенька, не плачь. Не одна она умерла, и до вас очередь дойдет».

Когда я была на высылках, попросила денег на переговоры поговорить с Ваней, мужем Нюры. Заказала переговоры на завтра, а на почте мне дали письмо от него, и в нем он сообщал, что сестра умерла. Через некоторое время пришла посылка от дедушки, валенки там, еще что-то теплое. Все мы погоревали, а ночью мне сон приснился. Вроде иду я летом домой, смотрю, стоит спелая пшеница, и комбайны ее косят; а наша хата в середине села была, я подошла и вижу, что из трубы белый дым в сторону востока идет, и заполонил он все небо; и мама плакала, я обняла ее и успокаивала. И потом, когда меня освободили, я поехала с мужем ее на кладбище, чтобы попрощаться, и он мне рассказал, как ее хоронили.

* * *

Хочу еще рассказать про Остров смерти. От Томска до Александрова было тысяча двести километров, от Александрова до села Назино девятьюстами. Так этот Остров смерти был недалеко от села Назино. Кажется, в тридцатом году туда привезли по реке Оби парохомом «Тихон» пять тысяч заключенных: монахов, священников и политических. А на острове ни дерева, ни травы. Дали им продуктов всего на два дня и поставили стражу с ружьями над ними. Они все время молились. Кто-то пытался уплыть на прибывшемся бревне, но этих отстреливали. Потом постепенно стали все умирать, и в живых осталось всего два человека. Так рассказывают. Как-то темной ночью в сильный дождь они на бревно сели и поплыли. С проплывавшего парохода заметил их капитан, их и подобрал. Они все рассказали капитану, потом приехала комиссия из Москвы, осмотрела все, но решения ее до сих пор никто не знает.

Наша девушка Надя с Краснодарского края была на поселении в Назино, ее ночевать к себе пустили муж со слепой женой, у них скотина была, а ухаживать некому. Надя и стала ухаживать, потом корова отелилась, теленок подрос и однажды убежал к реке. Поплыл прямо на Остров смерти, а люди испугались, не знали что делать. Надя плакала, молилась, потом убежала, на краю села старушка ее приютила. Сообщили в милицию, что Надя пропала, стали ее искать. Потом к бабушке зашли и обнаружили Надю. Надя рассказала все милиционеру, и не стали ее наказывать. Я потом была на этом острове, ездила туда на лодке, там до сих пор сплошные кости лежат среди травы...

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Вспоминает Евгений Вагин

Другой катакомбный христианин (ИПЦ), которого я хорошо знал лично, — *Василий Васильевич¹ Калинин*. (О нем упоминал в своих показаниях на I Сахаровских слушаниях в Копенгагене в 1975 году В. Балашов.) В настоящее время Калинин немногим больше 60 лет; в лагерях и тюрьмах он к моменту моего освобождения (1975 год), по собственным словам, находился уже около 25 лет. На этот срок его «наказания» не кончался — и до сих пор он остается в мордовском лагере ЖХ-385/19.

Из семьи кубанских казаков, Калинин в ранней юности примкнул к группе православных христиан, отвергавших советскую власть по религиозным мотивам: в 30-е годы, как он сам мне рассказывал, он проповедовал в кубанских селах о наступлении «последних времен», пришествии антихриста. Эсхатологические настроения составляют одну из самых характерных черт Истинно-Православной Церкви и сейчас.

Тогда же, еще до войны, Калинин был арестован и осужден в первый раз, но не надолго². После этого он женился, у него сейчас уже взрослые дети (которые, как и жена, не хотят поддерживать с ним никаких отношений и даже ему не пишут).

Вместе с М. В. Ершовым он был повторно осужден в 1958 году, и с тех пор почти все годы был рядом с «владыкой» — как называли Ершова его ученики (в то время их у него было ровно 12 человек). Перед прибытием в нашу зону Калинин много лет провел в лагере «специального» режима. Он читал мне свою жалобу Генеральному прокурору

---

¹ Ошибка, отчество у Василия Калинина — Владимирович.

² В 1933 — вместе с отцом был арестован, но вскоре освобожден.

СССР Руденко, в которой рассказывался такой эпизод: один надзиратель, застав его на молитве, сильно ударил ему ногой в пах, отчего он потерял сознание и после этого уже никогда не мог оправиться от недомоганий в этой области. Ходил он с видимым трудом и имел инвалидную группу.

В. В. Калинин — тип современного юродивого. Он сознательно принял на себя духовный подвиг юродства Христа ради, ибо убежден, что и в современных условиях это самая действенная форма христианской проповеди. Вызывающе-небрежно одетый, он даже этим выделялся из толпы остальных заключенных, о которых лагерный поэт Валентин Соколов сказал:

Юродивый в бушлате рваном
Стал родине живым экраном...

Молился Калинин демонстративно, на открытых местах, нередко — прямо посреди дороги. Если замечал начальника — начинал громко и глумливо с ним прекословить, обличая в безбожии. Со стороны это могло показаться наивным и беспомощным, но начальники почему-то очень сердились и по-своему мстили обличителю.

Поскольку по церковным праздникам и вообще по воскресеньям Калинин решительно отказывался работать, его регулярно бросали в карцер, хотя он и предлагал честно отработать свою норму в другие дни. Так продолжалось, по его словам, во все время его заключения. Он к этому привык и даже был доволен, что все церковные праздники может молиться относительно спокойно в лагерной тюрьме³.

---

³ Вагин Е. Изгнание правды ради. // Русское Возрождение, 1978, № 4. С. 41–43.

Приложение 2

О священнике Никите Игнатьеве¹

...Отец Никита Игнатьев каждый день ожидал этого момента² 40 лет — и он так и не наступил для него. Но и свободы он так и не дождался, и ему пришлось умереть и быть погребенным так же тайно, как он жил... Своим духовным чадам он говорил: «Если наша Церковь сможет выйти на свободу, если мне можно будет выйти, не скрываясь, из дому — не говорите мне сразу, без подготовки — я этого не перенесу...» Он боялся, что этой радости не выдержит его сердце. Эти 40 лет были воистину бескровным мученичеством, когда каждый день он полагал жизнь за паству свою, а его духовные чада каждый день готовились принять муки за него...

Сейчас модно называть «бескровными мучениками» митр. Сергия и следующих за ним патриархов с их единомышленниками.

Но история жизни этого человека свидетельствует: мученичество — пусть и бескровное — есть нечто совсем иное...

Всем известная бескровная мученица св. София не велела своим малолетним дочерям — свв. Вере, Надежде, Любви — исполнить волю Адриана, а благословила их принять муки за Христа...

Откуда был родом Игнатьев Никита Илларионович — точно неизвестно. В те опасные времена не принято было выспрашивать даже близкого человека — довольствовались тем, что он расскажет сам. Все же как-то спросили отца Никиту: «Ваша родина далеко?» — «Далеко, где растет виноград — моя родина там, — отвечал батюшка. — Когда паломники шли к Иерусалиму, к Черному морю — у нас ночевали».

Гостеприимный дом его родителей всегда был открыт для странников. У отца Никиты был брат, Димитрий, на 8 лет старше его, и

---

¹ «И врата адавы не одолеют ее...» Суздаль: Суздальские епархиальные ведомости» 1998, № 4. С. 32–40.

² Имеется в виду арест.

отец их объяснял свое гостеприимство так: «У меня два сына — может, и им придется поскитаться...» Так и сбылось, во всяком случае — в отношении младшего. Отец Никита говорил, что как его родители давали приют паломникам, так и его самого потом скрывали добрые люди.

Один старичок-странник долго жил у его родителей, так они его и похоронили... Через много-много лет, рискуя собой, будут тайно погребать отца Никиту хозяева дома, давшего ему последний приют.

Воспитывался Никита по-христиански; он говорил, что был близок к Церкви с малых лет, уклонялся от игр: «Молодежь пойдет гулять, а я — в церковь...» С детства читал и пел на клиросе, изучил все службы; читал мальчик и Апостол, для чего становился на лавочку-подставку.

Родителей отца Никиты звали Илларион и Евфросиния. Их замучили большевики — заморили голодом: заперли в одной из комнат их дома и не разрешали никому приносить им еду, говоря всем, что они больны. Но соседи знали, какая у них болезнь, — говорили, что, если б дать им есть, они бы поправились.

Отец Никита, видимо, был ровесником века, родившись где-то в самом его начале. Революция, таким образом, пришлась, должно быть, на его 16–17-летие. В этом возрасте, неизвестно только, уже после кончины своих родителей или еще при жизни их, он попался красным, имея на руках написанное против них воззвание старца, кажется, по имени Иона. Юношу, почти еще мальчика, повели на расстрел, но по дороге он лишился чувств и оказался в больнице, откуда ему помог бежать знакомый врач.

Где-то в пору его юности там же, на юге, произошло его знакомство с архимандритом Серафимом и матушкой Екатериной Ильичиной Головановой — она была инокиней в монастыре, который окормлял архимандрит Серафим, причем воспитывалась в этом монастыре с детства. Судьба будущего отца Никиты оказалась в дальнейшем тесно связанною с судьбами этих двух людей, хотя, к сожалению, не имеется сведений, при каких обстоятельствах произошло их знакомство. Может быть, это случилось и позже, во время ссылки в Туркестан, куда его отправили за отказ служить в Красной армии. В Туркестане в это время находилось ссыльное духовенство, были и епископы. Произошло знакомство отца Никиты с ними, и, по некоторым сведениям, там он и принял рукоположение в священный сан. Говорили, что архимандрит Серафим был из монастыря откуда-то из-под Ташкента; быть может, отец Никита и познакомился с ним во время ссылки?

Ссылльные хотели уйти в горы, было уже и место приготовлено, когда всех разогнали, и отец Никита остался один. Когда срок его ссылки истекал, он не пошел на отметку и самовольно отправился в Москву, где в это время был брат его Димитрий, служивший диаконом; там же находился и приехавший в Москву из-под Ташкента архимандрит Серафим.

Отец Никита рассказывал, что во время его служения священником в Москве ему не единожды доводилось держать Ризу Спасителя в руках, поднимая и показывая ковчег с ней народу. Риза Христа Спасителя хранилась в Успенском соборе; там ли служил отец Никита или принимал Святыню на руки во время крестного хода?

Прописан отец Никита в Москве не был. Жизнь его там становилась все невозможнее; была за ним слежка, спасаясь от которой пришлось ему один раз выскакивать на ходу из трамвая. Особенно трудным положение его стало после Декларации митр. Сергия.

Именины у отца Никиты были 24 мая (по-старому), на Никиту Столпника.

В Москве была некая матушка, называемая темная, то есть слепая, — как-то при каком-то случае она начала ругать отца Никиту:

— Раскольник, раскольник, что отошел от владыки Сергия?! Я сейчас пойду к Сергию; он к тебе приедет на легковой машине и увезет к себе — будешь у него служить!

Но отец Никита, не растерявшись, твердо объяснил, почему он никогда не будет служить у митр. Сергия, добавив при этом:

— Он на легковой машине днем катается по Москве, а я ночью пешком боюсь идти...

— Как твое имя? Никита? — спросила прозорливая матушка (она не знала его имени).

— Никита.

— Столпник?

— Столпник.

Тут матушка как стукнет отца Никиту ладонью по голове:

— Так будь же столпом православия!

Это она испытывала его, ругая раскольником...

К московскому периоду относится дружба отца Никиты с епископом Максимом (Жижиленко)³, о котором известно, что он был ру-

---

³ Епископ Максим, в миру Жижиленко Михаил Александрович, родился 2 марта 1885 в Калише (Польша). Окончил медицинский факультет Московского университета. С 1912 по 1914 — врач-психиатр, с 1914 — военный врач, с 1919 — врач Таганской тюремной больницы. Тайно рукоположен во иерея. В начале 1920-х — был арестован, приговорен к 3 годам

коположен во епископа по благословению св. патриарха Тихона специально для Катакомбной Церкви. Они даже снимали вместе комнату, но, к большому сожалению, не сохранилось подробностей их тесного общения, кроме последнего трагического эпизода их совместной жизни. Возвращаясь откуда-то вечером, владыка Максим и отец Никита заметили в окнах своего жилища свет. Насторожились: «Что-то неладно: в доме — свет горит, и в нашей комнате светло...»

Отец Никита пошел с черного хода: хозяйка, увидав его, замахала ему, чтобы он уходил. Оказалось, в комнате их был обыск: один милиционер рылся в вещах, другой дремал за столом. Отец Никита пытался увести владыку Максима, но тот решительно отказался: «Мне придется пойти — там облачение, там митра!» Он не пожелал оставить в руках милиции свое архиерейское облачение, пошел в комнату и был там арестован...

Был ли это тот самый арест, который привел епископа Максима на Соловки, — неизвестно... Но со временем в Соловецком концлагере судьба свела владыку Максима с епископами Виктором Вятским и Нектарием Яранским. <...>

После ареста владыки Максима охота за отцом Никитой продолжалась, и его дальнейшее пребывание в Москве окончательно стало невозможным. Архимандрит Серафим находился в это время в Йошкар-Оле; оттуда получил отец Никита от него письмо с приглашением приехать. По одним сведениям, в этом письме содержался совет захватить по дороге в Казань к владыке Нектарию Трезвинскому; по другим сведениям, отец Никита сначала приехал к архимандриту Серафиму в Йошкар-Олу, а уж оттуда отец Серафим направил его в Казань к епископу Нектарию: ты, мол, поезжай к владыке, он тебя определит здесь куда-нибудь...

Но эти подробности не столь существенны, а о встрече с владыкой Нектарием, по воспоминаниям, сам отец Никита рассказывал так: «Я приехал в Казань, разыскал эту улицу, дом, номер... Пришел —

ссылки и отправлен в Северный край. В конце 1923 — тайно пострижен в мантию с именем Максим. Рукоположен во иеромонаха, в 1924 — хиротонисан во епископа Овручского, до 1925 — в. у. Житомирской епархией. Осенью 1927 — перешел в оппозицию митрополиту Сергию (Страгородскому), 17 декабря 1927 — подписал акт отхода от него. С февраля 1928 — тайный соепископ Серпуховской. 24 мая 1929 — был арестован в Серпухове. 5 июля приговорен к 5 годам концлагеря и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. Работал врачом во время тифозной эпидемии среди заключенных. Совершал в лагере катакомбные богослужения. 28 октября 1930 — срок приговора был увеличен на 5 лет. В ноябре 1930 — был отправлен в Москву и заключен в Бутырскую тюрьму. 18 февраля 1931 — приговорен к ВМН. 4 июня 1931 — расстрелян.

он в столярке работает, невысокого роста, в штатской одежде, в пиджаке. «Как бы мне владыку Нектария найти, увидеть?» — «Сейчас, — говорит, — увидите». Он быстро повернулся — юркий такой, молодой был, недавно ведь из академии, — пошел, надел подрясник, рясу надел, клобук; вышел: «Вот владыка Нектарий вам».

Отец Никита взял благословение и сознался, как ему неудобно перед владыкой: «Принял вас за послушника...» — «Ничего, зато я вас — за митрополита...»

Отец Никита и в самом деле был очень представительный, красивой наружности, по словам его духовных чад, всем одарен был: «И красотой, и высотой, и голосом, и волосом...»

Чтобы сказать о голосе: после беседы владыка Нектарий увел отца Никиту из кельи попеть около двора. Когда отец Никита запел, соседи начали сбегаться слушать...

Во время же самой беседы отец Никита рассказал, что не подписал Декларации и подвергся после этого преследованиям в Москве, так что невозможно стало там оставаться, вот архимандрит Серафим посоветовал обратиться к нему, владыке...

«Так поезжай в Вятскую губернию, — сказал владыка, — поезжай в Санчурск, там проживешь, там уголок потише...» И епископ Нектарий написал бумагу примерно такого содержания: «Разрешаю служить протоиерею Никите Игнатъеву во всех православных храмах Яранской епархии...» (Тогда еще были православные храмы, подчинявшиеся епископу Нектарии, управлявшему этими приходами из Казани.) «Владыка, я ведь к отцу Серафиму в гости, я ведь только на две недели...» — попробовал возразить молодой священник. Владыка похлопал его по плечу: «А может, на двадцать лет...»

Его пророческие слова сбылись вдвойне — не двадцать, а сорок лет пробыл в этих краях протоиерей Никита...

Переночевав у владыки, утром отец Никита поехал в Йошкар-Олу, где, как перст судьбы, и застигла его телеграмма: в селе Городище забрали священника... Пришлось послушаться епископа и отправляться на пустовавшее место в Городище, тем более что решить свою судьбу по-иному никак и не получалось: возвращаться-то отцу Никите было некуда. Ездили в те годы гужом; нашли такую подводку, что только бы доехать, и как приехали в Городище, колесо, как будто только этого и ждало, отвалилось...

Зато и радость же была у жителей с приездом отца Никиты; был старец Мирон в этих местах, который предсказывал: Городищенская гора

покроется бархатом... И действительно, как бархатом, покрывалась она народом: прихожане стекались со всех сторон — и пешие, и конные, — чтобы полюбоваться службами отца Никиты. Во время службы, как говорят, никто из церкви не выходил, и по окончании ее люди не хотели расходиться, как будто ожидая чего-то... Характерно было это ожидание людей, видимо, изголодавшихся по слову истинного пастыря, не знающих, как поступить на этом очередном страшном переломе русской жизни. Отец Никита давал всем совет не вступать в колхоз.

Но со вторым священником, отцом Д., начались разногласия — видимо, из-за зависти последнего. Жена этого священника даже ездила к владыке Нектарию с какими-то жалобами на отца Никиту. Вошла она в келью епископа без платка. «Ну-ка поди вон», — сказал владыка. Она пождала-пождала и вошла снова, и опять без платка, — и святитель снова ее прогнал.

В это время в селе Табашино построили новую церковь, и местный юродивый приговаривал, ходя около нее: «Церковь-то новая, а батюшек нет. Есть только один батюшка далеко — отец Никита...»

Тогда братья-строители приехали к владыке Нектарию и просили, чтобы им прислали отца Никиту. Епископ удовлетворил их просьбу. Но и на новом месте не обходилась без скорбей жизнь батюшки.

В этом храме уже был священник-«обновленец», и отца Никиту некоторые возненавидели. Его даже пытались отравить — жена старосты испекла пирог с отравой.

Староста же храма в Городище, напротив, требовал вернуть назад полюбившегося батюшку; говорят, на священника, выжившего отца Никиту, так рассерчал — дело даже дошло до того, что у того камиллавка покатила по церкви... Отца Никиту вернули в Городище; но скорби уж следовали за ним неотступно. То дали ему разрядку: лично выработать 100 кубометров леса... Отец Серафим отсоветовал ему: не ходи, не твое это дело.

То начались — примерно с 29-го года — за ним слезки. Напали на него милиционеры: сначала двое, потом четверо навалились, принуждали остричь волосы, он не давался; стукнули головой о скамейку — он остался без памяти. Когда очнулся в участке — вокруг волосы, сам остриженный, в крови... Волосы не дали даже собрать... Но выпустили.

Отец Никита продолжал говорить: «В одной рубашке останься, а в колхоз не ходи».

Как-то приехал к нему на исповедь начальник ГПУ — тулуп подпоясанный, — чтобы послушать, чему учит народ священник. Отец

Никита и ему на исповеди про колхоз сказал то же самое, что и всем, но почувствовал недоброе в этом «исповеднике» и обратил внимание, что тот не подошел к причастию.

Недели через две отец Никита и матушка Голованова, бывшая в то время псаломщицей при нем, пошли к знакомым пить чай. Когда вернулись к пристанищу своему, батюшка не стал ложиться спать. Постель в его комнате осталась неразобранной. Сам батюшка так рассказывал: «Я сел и сижу, малахай в руках и не раздетый. У меня сердце заболело — наверно, что-то будет». Раздался стук в окошко. «Идут меня забирать», — уверенно сказал отец Никита.

На стук матушка Голованова пошла встречать непрошенных «гостей» со свечкой... Дверь из избы открывалась наружу, и отец Никита встал в сенях за распахнутой дверью. Ввалившись с улицы в сени, «гости» внезапно оказались в непроглядной темноте. «Ой, свечу задудло! — воскликнула матушка. — Пошли в залу, там светло». Вошедшие устремились в освещенную часть жилища, а отец Никита в это время вышел из дому: он оказался вполне готовым к приходу «гостей», и даже одежда верхняя была на нем.

«Где батюшка?» — спросили «гости». «А вызвали его с требой в Серково».

Осмотрели дом. Койка батюшки оказалась не разобрана — они поверили и поехали в сторону Серково...

Этим кончилась приходская жизнь отца Никиты.

Сходили за старостой, отслужили молебен в церкви в последний раз, и отец Никита пошел странствовать. Подсказывало ли ему сердце, что уж больше на этой земле в храме служить и даже бывать не придется?

Где ночь, где две, где месяц, где неделю оставался отец Никита. А матушка Голованова на какое-то время поступила псаломщицей в Кикнурском районе; там была у нее келья. Она пела на клиросе сама и привлекала к церковному пению сирот, таким образом воспитывала их.

Трудно было до войны, а потом стало еще труднее.

В военные годы был какой-то перерыв в вятской жизни отца Никиты. Перед войной он опять уехал в Москву, где в это время собрались и архимандрит Серафим, и многие их знакомые. В Москве ведь тоже действовала Катакомбная Церковь, и духовенству, вероятно, было что обсудить.

Но и оставаться в Москве долго было нельзя, и наступил день, когда архимандрит Серафим сказал отцу Никите: «Возвращайся в Вят-

ку». — «У меня ведь нет документов». — «Вот наш документ, — отец Серафим показал рукой вверх. — Господь!»

Без проверок в военное время не обходилось в поездах; и на сей раз с обоих концов вагона шел с фонариками патруль.

«Проверяющий наставил на меня фонарик, — рассказывал отец Никита. — А у меня никаких документов, только икона Божией Матери Владимирской спрятана на груди...»

Патрульный некоторое время молча смотрел на отца Никиту, освещая его фонариком, а отец Никита смотрел на него... С батюшкой были сопровождающие, замерли и они.

В это время подошел второй: «Ну, что не проверяешь?» — «Все проверено, пошли», — неожиданно прозвучал ответ его товарища.

Все купе, как рассказывают, прямо-таки обезумело от удивления, что их не проверили. Отец Никита особенно чтит Божию Матерь Владимирскую, и не один раз Она спасала его...

Но и без скорбей опять не обошлось. Вернувшись из Москвы, отец Никита обнаружил, что на месте его последнего перед отъездом в Москву пристанища был обыск, пропала драгоценная утварь и белое облачение, которым батюшка особенно дорожил, как приготовленным на свое погребение. Перенапрягшееся от пережитых волнений сознание не выдержало и оставило батюшку; он упал и сильно стукнулся, на лице выскочила опухоль и осталась на долгое время; эту опухоль отец Никита потом вылечил, помазывая маслом из лампы.

А были ли вообще в скитальческой жизни отца Никиты дни, которые обходились без тревог, которые он мог провести безмятежно? Мы об этом не знаем; в памяти его духовных чад остались беспрестанно-тревожные дни. И в то же время... Значит, было то, ради чего они соглашались выносить все эти невыносимые, даже невообразимые большинству современных людей тревоги?..

Разумеется, властям не давала покоя мысль, что отец Никита скрывается где-то в их краях.

Уже были арестованы все другие известные властям катакомбные священники, среди них еще не упомянутые нами отец Иоанн Разгулин, иначе Лисинский — по названию деревни Русская Лиса, где он родился около 1906–1907 годов. Был рукоположен владыкой Нектарием в Казани, но, по малоучености и неподготовленности отца Иоанна, без права совершать литургию. Владыка Нектарий рукоположил его как бы вперед, на последние времена, на случай, если некому будет преподавать христианам Святые Дары. Отцу Иоанну еще только предстояло освоить премудрости священнического служения; но на

обратном пути от епископа он, не имея на то епископского благословения, в одном из сел на праздник, когда вышли священники на литию, вдруг тоже явился рядом с ними в священническом облачении, чем немало удивил окрестных жителей, среди которых пошел шепот: «Смотрите, Иванушка-то поп!» Видимо, слухи об этом мгновенно распространились, и спустя недолгое время неосмотрительный отец Иоанн был арестован, что явилось последствием непослушания его своему епископу. Отец Иоанн Лисинский отсидел около 10 лет и умер уже в конце 70-х годов, оставаясь тайным священником; но по той причине, что он приступал к совершению Божественной литургии, не имея на то епископского благословения, не имел он, как видно, и большой паствы.

Как уже упоминалось, был арестован и замечательный пастырь, отец Иоанн Протасов, на многие десятилетия снискавший по себе благодарную память и успевший из тюрьмы пред смертью передать свою паству отцу Никите. И отец Никита остался на всю округу один — начался его многолетний поединок с безбожной властью.

Пять регионов поднялись на ноги искать батюшку; всех выловили, а отца Никиту поймать не могли. Но чего стоило это каждодневное сознание, что за тобой идет охота, отцу Никите — об этом знал лишь Бог, сам батюшка и преданные ему духовные чада. Но это их духовное единство было им дороже жизни. «Для нас он был незаменим», — вспоминали его чада. И добавляли: «Как всякий человек, он жить хотел...» Но это была уже не жизнь, а житие. Как всякие люди, хотели жить и они, но у них было то, что дороже жизни, и они были готовы отдать ее за своего пастыря и в его лице за самое дорогое сокровище, столь бережно ими хранимое, — Церковь. Пока с ними был их пастырь, с ними была Церковь, и они были с Церковью и в Церкви: могли прийти в жизнь, прожить ее и уйти из нее, как то подобает христианину, — крестившись в православной вере, исповедуясь, причащаясь Святых и Великих Небесных Таин, сподобляясь христианской кончины и погребения; с ними был Бог... С ними было то, что одно придает смысл жизни и, стало быть, ее безмерно дороже, и многие из них действительно шли на смерть, в тюрьму, в ссылку, а остальные, по собственному их свидетельству, «собирались в очередь этого»... И, значит, то, чем они обладали, стоило всех жертв, ими приносимых, всех неудобств, лишений, треволнений и страхов; оно было поистине бесценно. Самые гонимые, самые несчастные и обездоленные люди на земле — они были самые счастливые.

И это их трепетно-бережное отношение к Церкви, какое представляло собою противовес тому поруганию и насмеянию, которому предал Церковь митрополит Сергей, действительно обездолив неисчислимое множество своих соотечественников, как правило, даже и не подозревающих, чего они лишены...

А сам он?

Нет, в эти апостольские времена не на митрополите Сергии, не на его преемниках сбылись все расставляющие по своим подобающим местам слова: «Те, коих не достоин был мир, блуждали по горам и пустыням, в пещерах и ущелиях земли» (Евр. XI, 37–38).

И в подвалах, и в хлевах, и в сараях жил отец Никита, оправдывая свое прозвище «Сенной», данное ему архимандритом Серафимом. О том, как проходила скитальческая жизнь батюшки, мы можем судить лишь по немногим дошедшим до нас эпизодам...

Нашел себе временное пристанище отец Никита у одной вдовы в селе Крутом Лисинского сельсовета. В это время учинили обыск по всей деревне — искали дезертиров. Было слышно, как, остановившись у дома вдовы, сыщики неожиданно решили проявить несвойственное им милосердие: «Не пойдем к ней, не будем тревожить старую женщину...» Но эту старую женщину в случае, если б найден был у нее непокорный советской власти священник, эта власть не усомнилась бы «потревожить». Для тюрьмы все возрасты годились, и как раз старух, по свидетельству очевидцев, в тюрьмах и лагерях было предостаточно — видимо, для могучей советской власти старухи представляли особую угрозу... Это был лишь один день из многих тысяч дней, приносивших свою тревогу.

В другой раз и в другом месте также искали дезертиров — не найдя их, охотники на людей решили взамен поохотиться на дроздов-рябинников. Пошла стрельба, причины которой отец Никита не знал, а только слышал, как начали биться в их ворота и кричать: «Он тут!» Откуда было знать батюшке, что в их двор упал подстреленный рябинник и желавшие убедиться в своей меткости охотники за человеками хотели подобрать птицу...

У батюшки произошел нервный срыв, и, когда в дом, где он после этого случая боялся оставаться, зашла соседка, жившая домов за десять с детьми, батюшка сам, как малое дитя, ухватился за нее: «Уведите меня к себе!» Она увела его в сарай, где в соломе сделали нору, в которой отец Никита пролежал три месяца, не разгибаясь, только ножичком прорезал щелку, чтобы видеть свет, и молился. Хозяйка не всегда могла принести еды; не принесет хлеба — так и оставался ба-

тюшка голодный. После этих трех месяцев еле встал на ноги, падал, еле расчесал волосы...

Трудно было подыскать хотя бы недолгое убежище для батюшки — одни боялись его брать к себе, у других по каким-то причинам оставаться было опасно. На хозяев ложилась особая ответственность, и во время тайных богослужений, происходивших, разумеется, по ночам, хозяева обычно не столько молились, сколько стерегли. И бывало так, что, по их словам, прощались с жизнью... Бывали ложные тревоги, напрасные страхи, но, увы, дело обстояло так далеко не всегда. Тайну приходилось соблюдать так строго, что если, к примеру, к батюшке приходило двое, то было заведено, чтоб разговоров между собой об этом не было.

Обстановка была такая беспокойная, что прихожане отца Никиты решили отвести его в другой район, за 50 километров, где, им казалось, будет для батюшки безопаснее. Но это только теперь легко сказать — пройти 50 километров, а тогда это очень трудно было сделать: даже такое простое и всем, казалось бы, доступное дело — ходьба — превращалось в сложную задачу, когда каждый мужчина был на счету и на виду; а тем более для такой приметной фигуры, какой являлся отец Никита. Вот и приходилось ему превращаться на время перехода в согбенного старца, как сам он рассказывал: «Набереу ношу лаптей — а борода у меня большая была — пригнусь, как будто старик с лаптями идет на базар...» Так и переходили с места на место, и батюшка потом рассказывал, как волновался он перед каждым таким переходом.

Так и в этот раз — набрали лаптей, навешали их и пошли провожать отца Никиту. Дороги были перекрыты милицией, шли по тропочке по ржаному полю. Оставшиеся дома послали малых детей посмотреть, благополучно ли батюшка с провожатыми выйдут из деревни. Возвращаются дети — а на тропочке во ржи уже караулят два милиционера: еще бы чуть повременить, и батюшка не смог бы пройти...

Но и в деревне Соболяк, куда наконец пришли, ожидало новое огорчение. Оказывается, хозяйка дома приглашала отца Никиту лишь для того, чтоб он отслужил ей какую-то требу, а вовсе не затем, чтоб поселить батюшку у себя. Батюшкины провожатые — его преданные духовные чада — так скорбели от предстоящей разлуки с ним, что не могли скрыть слез. Хозяйка, заметив это, сказала: «Что вы плачете? Примите обратно вашего батюшку!» Сама она боялась брать его на жительство. Тут уж впору было заплакать от обиды за батюшку, ноги

которого были стерты в кровь после неблизкого и небезопасного пути — обратно идти он был уж не в силах, да и рискованно было возвращаться. Смягчилось сердце хозяйки, когда отец Никита предсказал ей возвращение мужа, от которого давно не было известий: «Запиши число, время и собирай посылку в заключение — муж будет жив». Действительно, через какое-то время пришло письмо от мужа, а вскоре приехал и он сам с раненой рукой.

Отец Никита, возвратившись в Санчурский район, жил в одной деревне по прозвищу Свиной Починок. Когда хозяйка-старушка уходила, батюшка запирался изнутри на крючок, который, возвращаясь, старушка отпирала, поддев снаружи палкой через кошачий лаз. Как-то в ее отсутствие пришли к ней, стали стучать и дергать дверь: «Заперто изнутри, не открывает — видно, померла!» Отец Никита стоял за дверью и держал крючок... Увы, немного было тех, в чьем сердце сохранилось: «Не бо врагом твоим тайну поведем...» Гораздо больше было тех, кто тайну выдал бы так или иначе: донес бы или проговорился; при этом пострадала бы хозяйка.

Как говорит, вспоминая о том времени, одна инокиня Катакомбной Церкви: «Разве может свободный человек передать то, что гонимый...» И нам сейчас трудно понять, насколько реальна и страшна была эта угроза. Между тем за отца Никиту пострадало 40 человек одновременно (по другим сведениям — сначала 30, потом еще десять). Батюшка переходил с места на место, его никак не могли найти, и стали хватать его духовных чад; одна женщина была арестована лишь за то, что как-то отнесла ему чекушку сметаны, чего, кажется, по простоте своей и не думала скрывать от преследователей. Арестованных прихожан мучили, били, истязали, требуя от них адреса, где скрывается батюшка.

Была арестована среди прочих и матушка Екатерина Голованова. Ее арестовывали два раза. Первый раз пришли к ней и стали допытываться, где отец Никита; два милиционера, переодетые в штатское, повели ее в дом, который был у них на примете, — там жили пожилые муж с женой. Увидев матушку, они обрадовались, и хозяйка, думая, что с матушкой кто-то свои, повела обрадованную речь, которую остановить матушка не могла, потому что милиционеры следили, как бы она не подала какой знак. Хозяйка и выдала тайну передвижения отца Никиты: «Ой, матушка, ой, милая, как живете-то? А мы ведь отца Никиту проводили-то вот так: навешали ему торбу лаптей, и он пошел...» Матушке наконец удалось незаметно мигнуть ей, хозяйка осеклась и остановилась: «Ну, что замолчала?» — спросили сыщики.

«Да я ничего не помню...» — «Щас выпорем — вспомнишь». Они сняли верхнюю одежду, под которой, как под овечьей шкурой, оказалось волчье нутро — милицейская форма, показали оружие. Но час был поздний, и притомившиеся стражи хотели спать. Один задремал за столом, другой — на пороге: видно, караулил дверь, чтоб матушка не сбежала. Матушка пождала-пождала, отворила окошко, да и была такова. Была она в бегах, как говорят, с полгода, потом все-таки ее опять арестовали. «Ну-ка рассказывай, как сбежала». — «Да как — они спят, а я подумала: чего просто так-то сидеть, отворила окошко да и ушла». — «Правильно сделала, — был ей ответ. — Поймал — не спи».

Но теперь уж стражи советского порядка не дремали. Судили разом всех — сорок человек (по другим сведениям — сначала тридцать); причем матушка Голованова проходила у них по этому делу как главная. На следствии досталось ей: потом, много лет спустя, матушка С. видела у нее на спине рубцы от тех допросов. Мучили так, что некоторые не выдерживали и открывали адреса, по которым мог быть отец Никита; но преследователи, кажется, так отчаялись поймать батюшку, что уже не верили, даже когда им говорили правду.

На суде одна женщина по простоте своей заявила: «Если отпусти-те меня, так я в тот же день к отцу Никите опять пойду». Ей не поверили: «Мы его столько лет ищем и найти не можем, а ты в один день найдешь, где он?»

Давали на суде прихожанам отца Никиты помногу лет; получила двенадцать лет и матушка Голованова, из них два года карцера...

Уходили на страдания сподвижники отца Никиты и духовные чада его; продолжались и собственные его страдания и скитания — их впереди еще было тридцать лет... И окружало повсюду горе людское; терзала Россию война, терзали русских людей и свои же русские люди; сколько раз они появлялись, и в форме, и в штатском, — кажется, на вид такие же русские, а на самом деле — враги, мучающие и истребляющие своих соотечественников. Сколько раз уже даже в нашей истории они приходят, встают у дверей, заходят по-хозяйски в дом, говорят служителям Божиим: «Пора!» — и уводят хозяев, отбирают последнее.

Пришел батюшка в Шамаково Кикнурского района. Отец и два сына были на фронте, мать дома оставалась с малолетками. У них все отобрали по описи — в ступе чай кипятили, в ней же и суп варили, даже ложек не было. Сытый голодному не товарищ, а кто ничего не имеет — такого же разумеет; в этом доме сделали для батюшки «пряталку» — Бог хранил...

И удивительно: то, что разучилось делать в те годы большинство взрослого населения России — хранить тайну, умели дети в тех семьях, где скрывался отец Никита.

Впоследствии, выросшие и эту великую тайну любви и верности сохранившие в своем сердце, они вспоминали, как воспитывал их отец Никита — учил будущей жизни. Он говорил детям: «Если б я не верил в будущую жизнь, я бы не скрывался, а вышел бы на улицу и пошел или поехал бы на машине... Пройдет эта временная жизнь, хоть как ни живи — и придется отвечать: будет Страшный суд. А это временные страдания. Давайте потерпим. Готовьтесь — может, придется пострадать».

На исповеди наставлял: «Будьте кроткие, смиренные, творите добрые дела». И эти наставления всем сердцем воспринимали его и большие, и маленькие духовные чада, семя падало в добрую почву, и слова эти не оставались просто словами. Нет более кротких и смиренных людей на Руси, чем чада этих тайных батюшек, чада Истинно-Православной Церкви, — и нет на Руси людей тверже и непоколебимее их...

Отец Никита и пошутить любил, особенно с детьми. Любил рассказывать стихи; зайдут ребятишки, а батюшка их встречает:

На дворе случилась драка:
Разодрались бык с свиньей.
Пошли курицы в атаку —
Начался кровавый бой!

Был стишок на более серьезную тему, про Ленина со Сталиным:

Проиграли всю Россию
Два безумных дурака...

На именины отца Никиты (24 мая по-старому — Никита Столпник) как-то одна хозяйка решила угостить батюшку по-праздничному. Вошел именинник, увидел яства и умилился: «Наварила, напекла — все для милого Петра!»

Так и переходил отец Никита из дома в дом в это самое страшное время. Жил в одной семье, где служил в сарайчике, мимо которого ходили соседи за водой. Идет служба, а за стеной побрякивает ведром сосед, направляясь к колодцу. Как только не попались — удивлялись потом хозяева. Придумал было батюшка поселиться у бабушки одних своих прихожан, но враг везде находит: у хозяйки забрали сестру на 10 лет — отказалась голосовать; пришлось опять уходить...

Отец Никита, как известно, не разрешал ни вступать в колхоз, ни голосовать. Могут сказать: не слишком ли многого требовал он от

своих духовных чад, если за это им грозила тюрьма? У нашего теплохладного времени обо всем другие представления, и о примере святой Софии, благословившей своих дочерей на мучения за Христа, теперь не принято вспоминать. Такая позиция отца Никиты и других катакомбных священников представляется странной рядом с массой советских священнослужителей, которые с амвонов благословляли своих чад поспешать к избирательным урнам, чтобы отдать свои голоса за блок коммунистов и беспартийных, за «идеал человека» — Сталина, которые благословляли свою паству лгать и лицемерить без всяких границ и соблюдать все требования антихристовой власти... Скажут: суров был отец Никита и ему подобные батюшки! Но разве больше любили свою паству, разве больше заботились о ней те, кто благословлял русских людей отдавать себя в самое беспощадное рабство, какое только было когда-нибудь на свете.

Абсолютно бесправные русские рабы трудились на великих стройках коммунизма, пока не падали замертво, эти же рабы, превращаясь в живые обмороженные скелеты, добывали золото на приисках Колымы при 50 градусах мороза и выискивали случай прильнуть к будкам, в которых у печек отогревалось начальство, чтобы хоть на миг глотнуть теплого воздуха, получая за этот глоток тепла пинок сапогом... Раньше — при других, как говорят историки-ученые, исторических формациях — хозяева дорожили своими рабами и заботились, чтобы они были сыты; у этих хозяев рабов было неслыханно и кормить их было ни к чему: на место умершего от голода поставлялось несколько других...

И одной из форм этого неслыханного в истории рабства были колхозы.

Одна прихожанка отца Никиты вышла из колхоза. Ее арестовали, стали придирается ко всему: что не ходит на выборы, не ходит в церковь. Вот для чего была нужна эта церковь — чтоб слушались советской власти, глашатаем которой она являлась.

Дали ей восемь лет — у нее осталось четверо детей. Человек, который уводил ее от детей в тюрьму, получал по полпуда масла, а колхозники на ферме работали за трудодни — бесплатно. Бесплатное молоко шло на молокозавод, а масло палачам и выше — их начальникам и начальникам начальников... Самый настоящий рабский труд; потому так жестоко и преследовали тех, кто не хотел идти в рабство. И, несмотря на то что единоличникам грозила тюрьма, колхозники завидовали им и говорили: вы живете как цари... Хотя чему особенно было завидовать: корову единоличников не пускали в по-

ле, за право держать козу надо было заработать 200 трудодней; доходило до того, что в одной деревне председатель даже говорил хозяину, не пожелавшему вступить в колхоз: «Земля не твоя — колхозная, не смей сходить с крыльца!» Если разрушится старый дом — не решали строить новый или хотя бы отремонтировать старый. Приходилось по ночам, тайно, подводить новый фундамент, заменять подгнившие венцы; был случай, когда прихожане отца Никиты построили все же новый дом, и пришлось им перекачивать его на место старого — как будто он тут и был.

Скажут: слишком строг был отец Никита, настаивая на том, чтоб его духовные чада не вступали в колхозы и вели единоличное хозяйство. Да, на фоне всеобщего бессловесного послушания отказ вступить в колхоз был подвигом, связанным с несением скорбей, иногда вплоть до тюрьмы и до смерти. Но ведь неспроста колхозники, вынужденные заниматься изнурительным трудом, за который им не платили ни гроша, а лишь зачисляли, как будто в издевку, призрачные трудодни, — все же завидовали единоличникам.

Не на худшие ли страдания даже здесь, на земле, не говоря уж о жизни вечной, обрекали русский народ те пастыри, которые благословляли его на послушание антихристовой власти? А если бы все батюшки — или хотя бы большинство из них — поступали, как отец Никита? Наверно, труднее было бы загнать русских людей в это ярмо, ведь народ ожидал решающего слова Церкви. Все-таки было много русских людей, оказывавших духовное сопротивление насилию сатанистов. Конечно, эти духовно стойкие люди умели находить по себе и истинных пастырей, но, с другой стороны, ведь можно сказать, что это именно истинные пастыри воспитывали такую крепкую паству.

Приложение 3

Рассказы о Федоре Рыбалкине и «федоровцах»¹

В слободе Новый Лиман Богучарского уезда Воронежской губернии жило семейство Рыбалкиных. Муж Федор Прокофьевич, жена Ульяна, три дочери. В четырнадцатом году, когда была объявлена война России с Германией, Федор Рыбалкин ушел на фронт. А в семнадцатом году начались народные мятежи, бунты и разложение войск. Защита России утратила смысл, и в это время Федор Рыбалкин вернулся к семье. Предстал перед женой и детьми и спрашивает их: «Вы меня узнаете?» Ульяна сразу к нему и сквозь слезы говорит: «Да что ты, Федя! Как же я тебя, мой дорогой, не узнаю?! Ведь я все окна проглядела, жду тебя». Ну, и дети тоже залепетали: «Папа наш вернулся с войны, папа наш!» Видно, что угадали, а он тогда сказал: «Вы, дети, идите поиграйте на улице, а мы с матерью поговорим». Дети вышли, а он говорит Ульяне: «То, что ты меня узнала и принимаешь, — это хорошо. Теперь будем продолжать жить: я мужскую работу буду выполнять, а ты — женскую. Но койки у нас будут отдельно и сближения быть не должно». Ульяна говорит: «Да ведь мы с тобой еще молодые». А он ответил: «Ну, ты как хочешь, я не запрещаю тебе, а я не могу».

И он занялся хлебопашеством и другим крестьянским делом. А как соберет урожай, так развезет хлеб ночью, поставит к двери — вдове, сиротам, калекам, убогим, нищим и прочим. Поначалу не знали, кто занимается такой благотворительностью. А потом все равно увидели и разгласили, что это творит Федор Прокофьевич. Жена Ульяна не вынесла креста, пошла на улицу и там себе нашла. А Федор Прокофьевич отрастил волосы длинные, стал ходить зимой и летом без шапки, без сапог, без одежды — в одном самодельном из шерсти халате. И все молился Богу и молился и призывал людей к молитве и покаянию.

---

¹ Последователи Федора Рыбалкина, верящие во второе пришествие Христа.

Сначала у него появилось несколько человек близких сподвижников, потом их стало двенадцать. И они — с двадцать второго года и по двадцать шестой год — три с половиной года вели евангельскую проповедь. День и ночь, не прекращая, проповедовали они Евангелие, и поток людской не иссякал, и ежедневно от пятисот до семи тысяч присутствующих было. Проповедь сопровождалась чудесами: всевозможные болезни исцелялись словом, прокаженные очищались, хромы ходили, немые говорили, глухие слышали, слепые прозревали, мертвые воскресали, расслабленные укреплялись. Из одного котелка варившейся каши насытил семь тысяч человек, открывал небо, и люди смертным своим оком увидели Славу Творца и Повелителя!»²

«Федор в церковь входил, но не крестился. Войдет в церковь, станет, как столб, и стоит. Потом начал ходить босой, стал Богу молиться, начал креститься. Как пошел он босой, так началось служение в церкви, чуть ли не круглосуточное. И чуть ни день, сутками служили в церкви. Никого он не вербовал, люди шли сами, даже с Украины стали двигаться. Когда я был пацаном, мать принимала в нашей избе многих богомольцев. Однажды я пришел домой, народу было столько, что просто ногой негде ступить. Я пошел к дяде, брату отца, а напротив жил один дедушка, так и там богомольцев всегда был полон двор.

На водосвятие он встал ногами в лед и не двинулся, пока воду не освятили. Стоял как встал, а морозы-то крещенские... Когда он проводил проповеди, то не трогали верующих. Он плохого ничего не делал, на мой взгляд. Были люди, которые считали, что этот человек Христос, это я хорошо помню. А когда его забрали, то верующих разгоняли — это не секрет»³.

«Родители рассказывали, что выйдут, бывало, воду святить на озеро, а он стоит одетый в свитку на льду, а ноги босые. Так и ходил босой. Стоит босой на льду, ноги белесеньки. А он стоит, хоть бы что. Теперь-то таких морозов нет, как тогда были. А он босой. Он никого не тревожил, не обижал»⁴.

---

² Арепьев Алексей Лукьянович, родился на хуторе Иголкино Россошанского уезда Воронежской губ.

³ Хижняк Федосий Павлович, родился в 1913 в селе Новый Лиман Богучарского уезда Воронежской губ.

⁴ Чиркина Мария Степановна, родилась в 1922.

«Он сказал: «Будут раскулачивать». И вот же — раскулачивали, скотину сгоняли. Скотина ревет... И еще он сказал: «Сегодня сажать». Это чтоб картофель посадили. Или говорил: «Урожая проса не будет». Так и было. Вот он как встанет, месяц за тучу заходит, а он уже определил, какой день будет. Все, что он говорил, все и сбывалось. Люди его считали за пророка. Он никого не обижал, он с моим отцом дружил, его ценили, считали, что он святой»⁵.

«Люди собрались в церкви на службу, и он просил людей столоваться, нести продукты. Люди сами несли и там во дворе церкви готовили тем людям, которые прибывали в церковь. Заставлял он свою жену босой ходить, а она не могла. Она придет в церковь с детишками грудными, становится у стенки, удивляется и стоит. Мы были ребятами, зимой воду на озере святили, смотрим — он идет босой, а там все снегом занесло»⁶.

«Однажды я пошел посмотреть на него. На речке была прорубь, был декабрь месяц. Он был босой, а на нем свитка. Люди принимали его за святого. Я хорошо помню, не было никакой агитации. У нас люди говорили — или Богом дано, или нет. На водосвятие люди воду набирают, все обутые, а он босой. Всем интересно, а он спокоен»⁷.

«Народ приезжал к нам в церковь отовсюду. Народу было столько, что все поле было заполнено вокруг церкви. Тогда народ в него верил. Федор выходил на пригорок возле церкви и с него читал молитвы, а потом говорил: «Я сейчас вознесусь к Богу!» Люди ждали. Потом он обращался к небу, и люди слышали только: «Господи! Господи!» Потом он обратился к народу: «Мне Господь сказал оставаться с вами и продолжать на земле наши дела». Потом стали верить в него, как в Бога, и в его учение. Таких много было»⁸.

«По нашей улице идет — мы гурьбой соберемся, смотрим, а он идет в свитенке. Босой, без головного убора. У него палочка, а на ней картузик или шапочка. А свитку ни летом, ни зимой не снимал. Еще он давал из одной бутылочки воду всем. Каждому дает и каждому она

---

⁵ Павлина Григорьевна, родилась в 1917.

⁶ Домашева-Зюбина Ирина Евсеевна, родилась в 1913.

⁷ Мирошников Иван Павлович, родился в 1913.

⁸ Зыбин Михаил Васильевич.

разная: кому — сладкая, кому — горькая. А одному показывает на небо: «Смотри, что ты там видишь?» А тот ангелов видит.

Наша тетка Катерина рассказывала, как ходила к нему и как он проповедовал. Он, бывало, по сорок дней служил. Его пришли забирать, а он говорит: «Нет! Пока я сороковой день не отзвоню — нельзя, потом придете и заберете». Каждый день следили за ним, он служил, а на сороковой забрали. А как вели его на Богучар из сельсовета через Дон. Все шли, провожали его. Семь человек его вели, так на одну лодку не уместились. Он подошел и говорит: «Одна лодка, мы не уместимся все. Вы гоните ту». Пригнали еще одну, а все равно не уместаются. А он говорит: «Ничего, уместимся». Одну лодку оттолкнул, другую оттолкнул, вот лодки поехали, а он идет по воде. Так они в лодке сидят как мертвые. Перешел он, они вышли из лодок и повели его. Еще снег был, а он босой. Где ступнями вставал — там под ним травочка зеленая»⁹.

«Проповедь Федора шла тысячу двести семьдесят семь дней и ночей, три с половиной года. В двадцать шестом году он закончил свое всемирное свидетельство и сказал власти стоящей, которая от него не отходила все время: «Я на земле все кончил, теперь кончай ты». Затем его взяли и повели в город Богучары. За ним последовало множество народа, сопровождающие горько плакали. А Федор им сказал: «Братья и сестры, не плачьте обо мне, а плачьте о себе и детях ваших»¹⁰.

«В нашем селе были “федоровцы”»¹¹. Они нашивали себе крестики черные на белой одежде. Ходили с Новой и Старой Калитвы, с Иванова. Шли через наше село в Талы, в сторону Богучар, где жил Федор. Много молодежи шло с крестиками. У нас тоже некоторые нашили кресты, украшали цветами, молились, постничали, надели белую одежду. Они были против советской власти, их притесняли, вывозили в Сибирь»¹².

«“Федоровцы” ничего не говорили, лишь собирались и молились. Советской власти они не признавали, налогов не платили. Идешь, поздороваешься с ним, он с тобой, а обернешься — он тебя

⁹ Шабельская Мария Петровна, родилась в 1927. Шабельская Павла Петровна, родилась в 1927.

¹⁰ Иващенко Арсений Емельянович.

¹¹ Последователи Федора Рыбалкина.

¹² Лысенко Федор Сильвестрович, родился в 1922 на хуторе Лещенково Россошанского района.

крестит. Я ходил на их собрания. Они молятся, причащаются, потом кушать садятся: сначала кушают чеснок — вот сейчас горькая жизнь; а потом тюрю¹³ — потом будет сладкая жизнь. Предсказывали... Сегодня “федоровцы” написали кресты на ставнях, а потом ХВ¹⁴. Сегодня дворов двадцать-тридцать, на второй день — пятьдесят. Так в один день их выслали семей двадцать-тридцать, а наутро поднималось еще больше. Их опять выслали, так и выслали всех. Много их было в каждом селе»¹⁵.

«“Федоровцев” выслали, в чем они были, вещей не давали брать. Вывозили их на волах до станции, а там — в вагоны и в Сибирь. Там они и пропали»¹⁶.

«Помню через мосток шли “федоровцы”, человек двести. Подошли к речке, к круче, а мы, пацаны, на них с кручи смотрим. Снизу колодец был неглубокий. Воду они достали и пили. Много “федоровцев” было в Лошино и Терновке, а в Калитве мало¹⁷.

«Сначала “федоровцы” молились, по хатам ходили, собирались и молились. Узнала про Федора и тетка моя, и дядька, пошли туда и водичку принесли. Потом “федоровцев” всех вывезли. У нас у одного семь детей было, и его вывезли за крестики. Их вывозили зимой. Снегопады большие были, а их везли на Россошь. Высаживали на снег, было и такое. А потом их забрали прямо на Соловки»¹⁸.

---

¹³ Вода и хлеб, намешанные с сахаром.

¹⁴ Христос Воскресе.

¹⁵ Чалый Николай Иванович, родился в 1919 в Терновке.

¹⁶ Меняйло Иван Александрович, родился в 1930 на хуторе Лощина Россошанского района.

¹⁷ Ремизов Павел Федорович, родился в 1918 в Старой Калитве.

¹⁸ Малахова Вера Харитоновна, родилась в 1913 в Новой Калитве.

Биографические сведения об авторах воспоминаний

Вишневский Алексей Игнатьевич, родился 10 октября 1918 в селе Ярошевка Талалаевского уезда Черниговской губ. В середине 30-х — по вербовке работал на Дальнем Востоке, позднее — в Донбассе. В конце 30-х — призван в армию, с началом войны отправлен на фронт. Под Харьковом попал в плен и отправлен в концлагерь. При наступлении Красной армии на Харьков всех военнопленных свезли в тюрьму, а через неделю пешком погнали в Полтаву. По дороге с помощью полицая бежал, добрался до села Ярошевка. В 1942 — поступил в тайный КСМ. Осенью 1943 — арестован как *«участник церковно-монархической организации»*. Во время следствия не подписал никаких обвинений, отрицал все на очных ставках. Через полгода вывезен на пересыльный пункт для отправки на фронт. Через две недели, как шахтер, был отправлен в лагерь под Сталино (Донбасс), где работал на шахте. В 1945 — освобожден из лагеря, остался работать на шахте вольнонаемным. Позднее переехал в пос. Ирпень.

Воробьев Василий Кузьмич, родился в 1925 в Таловском уезде Воронежской губ. Получил начальное образование. Крестьянин-единоличник. В 1943 — призван в рабочий батальон. В 1945 — освобожден, вернулся на родину, работал по трудовым договорам с колхозами. В 1960-х — арестован как «туняец» и выслан в Сибирь. В 1971 — освобожден из ссылки, поселился в Старой Тишанке. 18 мая 2007 — скончался.

Гончарова Наталья Алексеевна, родилась в 1925 в селе Богородицкое Добровского уезда Рязанской губ. в крестьянской семье. Окончила восемь классов школы, в 1941 — курсы трактористов. Проживала в селе Богородицкое, работала учетчицей в МТС. Во время войны перешла на нелегальное положение, уклонялась от работы на трудфронте. 8 апреля 1945 — арестована как *«участница антисоветской организации ИПХ»*. 28 августа 1945 — приговорена к 4 годам ИТЛ и отправлена в Воркутлаг. В 1949 — освобождена из лагеря и выслана в поселок Петропавловка Абанского района Красноярского края. Отказалась работать в колхозе, за что 13 апреля 1951 — арестована и отправлена в тюрьму. 20 октября 1951 — приговорена к 8 годам ИТЛ и отправлена в Тайшетлаг. В 1956 — освобождена из лагеря и выслана в Новосибирскую область. Через три месяца освобождена из ссылки и вернулась в Рязанскую область.

Жданов Николай Григорьевич, родился ок. 1934 в селе Куймань Трубетчинского района Рязанской области, где и проживал. В 1941 — была арестована и расстреляна мать, Чеснокова-Жданова Мария Федоровна. В 1942 — арестован и отправлен в лагерь отец, Жданов Григорий Иванович, остался в доме. В 1944 — выслан с младшим братом и крестной бабушкой в село Гореловка Усть-Бахтярского района Томской области, собирал с ребятами милостыню, подрабатывал на уборке картофеля и рубке дров. С 1953 — работал погонщиком, с весны 1955 — плотником в строительной бригаде. Женится, в семье родилось двое сыновей. В середине 1960-х — вернулся с семьей на родину.

Евфросиния, игуменья, в миру Елизавета Махрова, родилась в 1919. В середине 1950-х — иеромонахом Амвросием (Капинусом) пострижена в инокини с именем Евникия. В середине 1960-х — старшая в общине послушниц, проживали в домике в поселке Васильево. В 1997 — пострижена в мантию с именем Евфросиния, посвящена в игуменьи. 26 апреля 2003 — скончалась.

Иоанн, родился в 1930 в селе Никольское Аксубаевского района, в крестьянской семье. Грамотный, крестьянин-единоличник. Весной 1951 — организовал нелегальные моления, привлекал на них молодежь. 10 июля 1951 — арестован как «участник антисоветской организации ИПЦ». 23–24 октября 1951 — на судебном заседании приговорен к 25 годам ИТЛ с поражением в правах на 5 лет. Отправлен в лагерь в Кемеровской области, затем переведен в Озерлаг, позднее — в Севвостоклаг (на Колыму). 10 августа 1956 — освобожден из лагеря досрочно, вернулся на родину. В 2000-е — проживает в Чистополе.

Калинин Василий Владимирович, родился в 1917 году на хуторе Кубанский Белореченского уезда в крестьянской семье. Окончил один класс начальной школы. В 1929 — после раскулачивания семья выслана в Ставрополь, позднее под Свердловск, в 1932 — бежали из ссылки. В 1933 — с отцом арестован, но вскоре освобожден (отец отправлен в лагерь). Женится, в семье родилось двое детей. В 1940 — призван в армию и отправлен на Северный флот. В 1944 — арестован «за систематические антисоветские высказывания, вербовку единомышленников с целью перехода на сторону немцев». 5 января 1945 — приговорен к ВМН, в марте расстрел был заменен на 20 лет каторжных работ и отправлен в Воркутлаг. 6 октября 1956 — освобожден из лагеря досрочно (помилован), выехал в Елантово, где стал участником тайных богослужений. 25 марта 1958 — арестован как «активный участник в проведении контрреволюционной агитации среди населения, призывах к бойкоту государственных мероприятий и уклонению от общественно полезного труда». 11–14 августа 1958 — прошли судебные заседания, приговорен к 25 годам ИТЛ с поражением в правах на 5 лет и отправлен в Дубравлаг. 20 октября 1960 — переведен в Темлаг, где 30 марта 1961 — признан «особо опасным рецидивистом». 25 марта 1983 — освобожден из лагеря, вернулся в Елантово. 18 февраля 1995 — скончался.

Кандалина Анна Александровна, родилась в 1926 в селе Елантово Шереметьевского уезда в крестьянской семье. Окончила шесть классов. В 1940-х — проживала на нелегальном положении, без определенных занятий и местожительства. 15 декабря 1943 — арестована, 19 февраля 1944 — освобождена за недостаточностью улик. 20 ноября 1948 — арестована по групповому делу ИПЦ и заключена в Казанскую тюрьму. 8 февраля 1949 — на закрытом судебном заседании приговорена к 25 годам ИТЛ с поражением в правах на 5 лет и отправлена в лагерь возле Казани, затем — в Речлаг (на Колыму). 17 ноября 1954 — срок приговора снижен до 7 лет, в 1956 — освобождена из лагеря, вернулась в родное село. В 1961 — арестована как «тунеядка», в 1962 — приговорена к 5 годам ссылки и отправлена в Иркутск. В 1963 — освобождена из ссылки досрочно как инвалид, вернулась на родину.

Кравченко Ксения Михайловна, родилась в 1921 в Киевской губ. Училась в средней школе. Весной 1941 — с семьей переехала в Киев, весной 1942 — тяжело заболела (рак), после операции ночами молилась на могиле схиигуменьи Михайлы (Щелкиной). В августе вступила в женскую общину Киевского ставропигиального монастыря, исполняла послушание — собирала продукты и деньги по селам и деревням для насельников обители. После возвращения Красной армии скрывалась в селе Яблоневка под Белой Церковью, в конце 1960-х — поселилась в Ирпени в доме монахини Сергии (Мироненко), где была оборудована домашняя церковь. Жила там с сестрами-монахинями, соблюдая все правила монашеской жизни. 6 ноября 1999 — скончалась. Ниже приводятся выдержки из ее дневника.

Ксения, инокиня, в миру Ларионова Клавдия Семеновна, родилась в 1921 году в деревне Николаевка Салтыковского уезда Пензенской губ. (ныне Саратовской области) в крестьянской семье. В середине 1930-х — семья переехала в Зеленый Дол под Казанью, училась в школе, подрабатывала на кирпичном заводе. По окончании школы работала на заводе. Окончила курсы медсестер, во время войны работала в госпитале. В конце 1940-х — попала под поезд, сильно покалечилась, получала пенсию по инвалидности. В 1960-е — вошла в общину иеромонаха Амвросия (Капинуса), стала инокиней Ксенией. В 1980-х — окормлялась у иеромонаха Гурия (Павлова), проживала в Зеленом Доле.

Лаврентьева Анна Петровна, родилась в 1926 в селе Куймань Трубетчинского уезда Рязанской губ. в крестьянской семье. Грамотная. Проживала в селе Куймань, крестьянка-единоличница. С 1933 — перешла на нелегальное положение, уклонялась от работы на трудфронте. 19 июля 1945 — арестована как «участница антисоветской организации ИПХ». В 1945 — приговорена к 10 годам ИТЛ и отправлена в Ивдельлаг. За отказ от работы была приговорена к новым 10 годам и отправлена в Озерлаг, в 1954 — переведена в Дубравлаг. В 1956 — освобождена из лагеря и выслана в Сузун Новосибирской области. Через три месяца

освобождена из ссылки и вернулась на родину. В 1961 — арестована за «тунеядство», приговорена к высылке и отправлена сначала в Красноярск, а потом в Сузун Новосибирской области. После освобождения вернулась в Рязанскую область.

Леонтьев Владимир Иванович, родился в 1931. Учился в школе. С 1942 — работал в колхозе. В 1949 — призван в армию, в 1952 — демобилизован, вернулся на родину, работал в колхозе. Участвовал в тайных молениях «федоровцев». Исключен из колхоза, работал по договорам вместе с «федоровцами».

Лепехина Зинаида Фоминична, родилась в 1933. Крестьянка-единоличница. Работала в няньках, затем по договорам у колхозников. В 1961 — арестована как «тунеядка», приговорена к 2 годам ссылки и отправлена в Красноярский край. Там за отказы от работы в колхозе приговорена к 4 месяцам ИТЛ и отправлена в лагерь. За отказ от работы заключена в штрафной изолятор. И так несколько раз в течение 10 лет. В 1971 — освобождена, вернулась в родное село, затем переехала в Старую Тишанку.

Лизунова Анастасия Степановна, родилась 27 октября 1917 в деревне Барское-Енорускино, где и проживала. В 1933 — выехала в Кинешму, работала на заводе, в 1935 — выехала в Иваново, работала на ткацкой фабрике. В 1939 — выехала в Ташкент, вышла замуж, родила сына. В 1942 — после гибели мужа под Сталинградом пошла работать на парашютный завод. После войны выехала к родным во Львов, в 1996 — переехала в Рязань, где и проживает.

Мазуркина Мария Григорьевна, родилась в 1924 в селе Кузайкино Шереметьевского уезда в крестьянской семье. Грамотная. Крестьянка-единоличница. Работала по договорам в «Заготзерно» или на лесопильном заводе. В 1962 — арестована как «тунеядка» и выслана на 3 года в поселок Спасск Братского района, работала там на лесоповале, но вскоре заболела, попала в больницу. После выздоровления по телеграмме о болезни матери была освобождена из ссылки, вернулась на родину.

Окунева Александра Денисовна, родилась 8 сентября 1919 в селе Никольское. В 1930-х — уехали к родственникам на Урал (Карабас), в 1941 — вернулись в село Никольское. Участница нелегальных молений. 2 июня 1950 — арестована и заключена в Чистопольскую тюрьму. 14 декабря 1950 — приговорена к 10 годам ИТЛ и отправлена в Сиблаг. Отказалась от работы, заключена в штрафной изолятор. В 1955 — освобождена из лагеря и выслана на 5 лет в деревню Шугуры Альметьевского района. В 1962 — арестована за «тунеядство» и выслана на 5 лет в Сибирь. В 1967 — освобождена, вернулась на родину.

Перепеченых Александр Евгеньевич, родился в 1924 в селе Козловка Бутурлиновского уезда Воронежской губ. в крестьянской семье. Грамотный.

Проживал в селе Козловка. Крестьянин-единоличник. В 1944 — арестован, приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в лагерь под Бобров, где отказался от работы по религиозным убеждениям. Следствием был обвинен в саботаже, категорически отказался подписать обвинение, несмотря на жестокие избиения. Через месяц на костылях отправлен в пересылочную тюрьму в Усмань и помещен в тюремную больницу. В августе 1945 — активирован как инвалид и освобожден, вернулся домой. Осенью 1946 — отказался взять паспорт и не принимал участия в выборах, *«мотивируя религиозными убеждениями»*. Участник тайных молений. 31 октября 1948 — арестован и отправлен для дальнейшего следствия в Бобровскую тюрьму. 30 ноября 1948 — предъявлено «Обвинительное заключение», в нем говорилось: *«Будучи антисоветски настроен, на протяжении ряда лет среди граждан села Козловка Бутурлиновского района вел антисоветскую агитацию, используя при этом религиозные предрассудки»*. В декабре приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь в Башкирии, затем переведен в Севвостоклаг (на Колыму). В 1955 — освобожден из лагеря, вернулся в родное село. В 1961 — арестован как «тунеядец» и отправлен на 5 лет в ссылку в Томский край. Там отказался от работы, был отправлен в тюрьму, через 4 месяца приговорен к заключению в лагерь. И так не один раз. В 1968 — освобожден из лагеря, вернулся в родное село, позднее переселился в село Старая Тишанка и после смерти Арсения Иващенко возглавил общину «федоровцев».

Рыбкина Матрена Федотовна, родилась в 1922 в деревне Вурман-Кассы Октябрьского района. В 1942 — окончила фельдшерскую школу. Работала фельдшером в Семеновском пункте под Порецком, с 1945 — в детдоме в Цивильске. После встречи с истинно-православными христианами обратилась к вере, предоставляла свою комнату для тайных богослужений, прятала у себя иеромонаха Гурия (Павлова). 23 декабря 1950 — арестована по групповому делу. 10–11 апреля 1952 — приговорена к 10 годам ИТЛ и отправлена в Степлаг. В 1955 — освобождена из лагеря, поселилась на Кавказе, затем в Батайске. В 1962 — арестована как «тунеядка», приговорена к высылке и отправлена в поселок Ярцево Красноярского края. За отказ от работы в колхозе отправлена на четыре месяца в Мариинский лагерь, затем выслана в Енисейский район. За отказы от работы еще была приговорена к заключению в лагерь. В 1970 — освобождена из лагеря и поселилась в селе Тишанка Воронежской области, где и проживает.

Савицкий Евгений Петрович, родился 29 марта 1919 в селе Ярошевка Талалаевского уезда Черниговской губ. Окончил школу, работал в Ярославле и Костроме. В 1940 — поселился в Ирпени, работал на швейной фабрике. В 1941 — получил повестку из военкомата, но призван не был, а работал художником-оформителем в допризывном пункте. С началом войны вступил в Киевский ставропигиальный монастырь, от мобилизации в действующую армию спасла поддельная справка о том, что он студент медицинского института. Во время оккупации работал на строительстве храма. 8 января 1944 — арестован

как «участник контрреволюционной церковно-монархической организации». 29 июля 1944 — приговорен к 5 годам ИТЛ. Отправлен в Карлаг, откуда в 1949 — был освобожден и отправлен в ссылку. В 1953 — освобожден и выехал в Алма-Ату. В 1956 — вернулся в Киев, позднее проживал в Ирпени, где 3 ноября 2004 — скончался.

Самарина Александра Федоровна, родилась в 1925 в селе Кузьминские Отвержки Липецкого уезда Воронежской губ. в крестьянской семье. Получила начальное образование. В 1943 — задерживалась в Липецке за «антисоветскую агитацию». Была без определенного места жительства и занятий, документов не имела. В феврале 1947 — приехала в Казань с письмом от заключенного Сергея Денисова, ознакомила с ним группу истинно-православных христиан. 8 апреля 1947 — арестована за «проведение активной антисоветской деятельности, организацию нелегальных сборищ, на которых выступала с антисоветскими измышлениями». 1 августа 1948 — приговорена к 10 годам ИТЛ и отправлена в Глазовлаг (Удмурдской АССР), затем переведена в Дубравлаг. 17 февраля 1956 — освобождена из лагеря и вернулась на родину. 22 декабря 2001 — скончалась.

Торгашева Вера Федоровна, родилась в 1928 в селе Пичуги Дубовского района Сталинградской области, в крестьянской семье. Окончила школу и медицинское училище по специальности акушер. Проживала в Казани, училась в медицинском институте. В 1946 — бросила учебу в институте, работала фельдшером-акушеркой в клинике. 5 июня 1947 — арестована в Казани как «активная участница организации церковников ИПЦ, посещала нелегальные сборища, на которых неоднократно выступала с антисоветскими измышлениями». Приговорена к 7 годам ИТЛ и отправлена в Глазовлаг, в 1948 — переведена в Дубравлаг. 13 января 1955 — освобождена, выслана в Красноярский край, в 1959 — освобождена, проживала в Казани, работала медсестрой, с 1962 — в Липецке.

Халчевская Александра Васильевна, родилась в 1924 на хуторе Цунцун Кушевского района. Крестьянка-единоличница. Работала по договорам. В 1962 — арестована за «тунеядство», отправлена на 3 года в ссылку в Александровку Колпашевского района, но там отказалась работать, была отправлена в тюрьму, через четыре месяца были суд и отправка в лагерь. Там отказалась работать и отправлена в тюрьму. И так не один раз, так что в лагерях и тюрьмах пробыла более 5 лет. В 1967 — освобождена, вернулась в родное село. В 1970 — переехала в село Старая Тишанка, вошла в общину «федоровцев», где и скончалась в 2000.

Чеботарева Маргарита, родилась в 1911 в селе Гремзяче Воронежской губ. С 1916 — работала в поле, помогая семье. В 1931 — ушла из семьи, стала послушницей в монашеской общине. С 1937 — инокиня Максимила, с 1952 — мо-

нахиня Мария, затем схимонахиня Макария. С июля 1990 — в РПЦЗ, возведена в сан игуменьи.

Чесноков Иван Федорович, родился в 1926 в селе Куймань Трубетчинского уезда Рязанской губ. в крестьянской семье. Грамотный. Проживал в селе Куймань, крестьянин-единоличник. 30 декабря 1943 — арестован. 5 августа 1944 — приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в Воркутлаг. В 1949 — освобожден из лагеря и выслан в село Чаны Новосибирской области. 1 апреля 1949 — арестован «за побег», приговорен к 8 годам ИТЛ и отправлен в Тайшетлаг. В 1954 — освобожден из ссылки и выехал в Воркуту, позднее поселился в Рязани.

Чеснокова Анна Федоровна, родилась в 1918 в селе Куймань Трубетчинского уезда Рязанской губ. в крестьянской семье. Малограмотная. Проживала в селе Куймань, в начале 1930-х — в Москве, в 1935 — вернулась в Куймань, крестьянка-единоличница. В 1940 — арестована за невыполнение госпоставок. 18 декабря 1940 — приговорена к 2 годам ИТЛ и отправлена в колонию в Рененбурге. 19 августа 1941 — арестована как «участница контрреволюционной группировки церковников». 21–22 сентября 1941 — на закрытом судебном заседании приговорена к 5 годам ИТЛ с поражением в правах на 3 года и отправлена в лагерь под Актюбинском. В начале 1942 — арестована в лагере за отказ от работы. 21 мая 1942 — срок приговора увеличен до 10 лет. В 1956 — освобождена из лагеря и вернулась на родину. В 1990-е — проживала в Липецке, 4 марта 2004 — скончалась.

Чеснокова Матрена Федоровна, родилась в 1914 в селе Куймань Трубетчинского уезда Рязанской губ. в крестьянской семье. Проживала в селе Куймань, в начале 1930-х — работала в Москве, в 1935 — вернулась в село Куймань, работала сначала в сельсовете. Вошла в общину истинно-православных христиан, перешла на нелегальное положение, постоянно скрывалась. В 1990-е — проживала в Липецке.

Алфавитный указатель личных имен

- Абельманов, 173-174
Авва (Черных), 282
Аввакум (Боровков), 249, 251, 254-255, 260
Аверьянова А. А., 127
Аверьянова Е. А., 103-104
Агафангел (Преображенский), 13, 19
Агафобус (Етрухин), 256-257
Агафонов Н. А., 96, 120
Агафонцева Д. П., 101
Агния, схимонахиня, 294, 301
Аксенова, 354
Аксенова А. М., 182-183
Александра, 147-152
Александров А., 252
Александрова Е., 251-253
Алексей, проповедник, 325-326, 329
Алексий (Буй), 9, 19-20, 23, 276-282
Алексий (Шепелев), 40, 48-49, 69-70
Алиев, 409
Аликин В. П., 137
Аликин Г. П., 137
Аликина С. Д., 127-128, 135, 144, 156, 161
Алферов С. Т., 282, 311
Амвросий (Капинус), 21, 283-285, 295-298, 300-301, 303-304
Амвросий Оптинский, 75
Ананьев Г. К., 88
Анастасий, архиепископ, 295
Ангелист (Вялых), 281-282, 285, 293
Андреев В., 39
Андрей (Ухтомский), 13, 81, 255, 260
Андриевский А., 295
Андриевский И. А., 281-282, 285, 288, 290-291, 294-296, 298, 301
Андрущенко А. А., 51
Андрущенко Е. А., 51
Аникеева М. Е., 185
Анна, дочь Веры, 158-160
Антипова С. И., 162
Антоний (Гирчев), 281-282, 285, 293, 298
Антоний (Голынский-Михайл.), 390
Антоний (Перепелица), 284
Антоний (Храповицкий), 298
Антония (Голованова), 390, 392
Антонов А., 252
Антофьева А. М., 315
Арепьев А. Л., 308, 440
Арзамасов М. Б., 215
Артеменко Е. Ф., 50, 66
Артемова В., 272
Архипов М. А., 251, 256
Архипова М., 251
Атаманенко Н., 71
Аторкин Е. В., 311
Аторкин С. К., 308-309
Бабенко И. Н., 311
Бабенко К. Н., 311
Бабкин И. И., 88
Бажанова Н. А., 121
Бакалинский А. П., 38-40
Балашов В., 421
Баньковский-Дювернуа И., 49
Барков И. И., 185
Барсуков В. В., 315
Барсукова Е. Е., 315
Бартоломей В.В., 9
Батеева Е. К., 259-260
Батенева К. С., 90
Батенева П. И., 90
Бахаева А. А., 186, 232
Башкиров И., 251, 256
Бегинина С. П., 185
Безрукова М. Я., 312-313
Безручко И. П., 311
Безручко П. В., 311
Безручко П. М., 312-313
Безручко Т. И., 308
Безыменный Н. И., 311
Безыменный Я. И., 311
Беликов В. М., 312, 315-316
Белов И. Ф., 100-101
Беляев М. П., 88
Бессарабова А. В., 315
Бесчастнова Е. П., 88
Биленко В., 44, 54
Биленко Е., 54
Блисюк Г. Ф., 38
Бобров Т. И., 99-100
Богачева Е. М., 121
Богданов, 131
Боглачев Ф. К., 308
Боголепова Е. И., 104
Боголюбова А. И., 82-83
Бондаревский Д. Н., 308
Борзаев П. И., 258-259
Борисов А. Г., 103-104
Борисова М. П., 97, 127, 132

- Бородкина С., 270
 Борцова М. С., 312-313
 Борщенко А. С., 284
 Бочина А., 388
 Бочков Д. Д., 216
 Бочков Н. И., 280
 Бражникова Д. Е., 312
 Брайко В. И., 51, 53, 56, 68
 Брежнев Л. И., 337
 Бригида-Гаркавенко Е., 71, 79
 Бровкина П., 223
 Брянцева Ф. Ф., 312-313
 Бульдиков, 402
 Бутузов С., 20, 276
 Быданкин С., 88

 Вагин Е., 11, 421-422
 Вакин И. Ф., 101, 103-104, 147-148
 Варвара, 59, 77
 Варлаам (Лазаренко), 19-20
 Варлаам (Ряшенцев), 19
 Варсонофий (Яковлев), 263-264
 Василевский М. Н., 82
 Васильев П. В., 84, 86-88
 Васильева П. К., 340
 Васильева П. П., 185
 Васильюк З. Г., 84, 88
 Василюк М. Я., 38
 Вассиан (Молодцкой), 279
 Васюнина О. Е., 96
 Вахрушин Н. П., 88
 Вениамин (Троицкий), 15, 255
 Вера, 155-158
 Вербицкий А., 50
 Вечериков П. И., 228-229
 Виктор (Островидов), 17-18, 426
 Виноградов В., 151-152
 Виноградова В. А., 148-149, 151
 Виталий (Устинов), 264
 Вицукаева В. Т., 264
 Вишневский А. И., 11, 51, 53-62, 78-79
 Вишневский С., 123-124
 Вишняков, 51
 Владимир Иванович, 399-400
 Владимир (Шимкович), 287, 306
 Власов И. В., 224
 Власюк А., 38
 Власюк И., 38
 Вознесенский А. Е., 84-85, 88
 Волков А., 282
 Волков Н., 252
 Волокитин А. И., 81-82, 84, 254
 Воробьев В. К., 317-319, 340-341
 Воробьев К., 317-318
 Воробьев Н. В., 319
 Воробьева Е., 416

 Воробьева Т. В., 319
 Ворона А. Г., 48-49, 51-52
 Воронцов С. Н., 83-84
 Ворончихин Н. Е., 88
 Воропеева П. Н., 315
 Вязьмин А. А., 88

 Гавриил (Енин), 282, 285, 293
 Гаврилов А. С., 83-84
 Галактионова Е. И., 38
 Галахов Н. Я., 80
 Галахов Я. Я., 80, 82
 Галкин А. Д., 88
 Галкин Ф. М., 88, 107-108
 Гамаюнов И. С., 179-181
 Гамаюнова А. Т., 185
 Геннадий (Молостов), 97-100
 Герасев М. Г., 96, 120
 Гермоген (Гайдуков), 256
 Гильденбрант И. И., 398
 Гильденбрант Н. И., 398
 Гирчева А. А., 282
 Гирчева М. А., 282
 Гирчева Р. А., 282
 Гирчева П. А., 281
 Гитлер, 58
 Глазунов, 216
 Глаголев А., 38
 Глушкова Т. И., 90
 Гнатюк Т. Ф., 38
 Говорухина Л., 325-326
 Голованова Е. И., 424, 429, 434-435
 Голошубов И. Я., 232
 Голубцов В. И., 311
 Голубых М. В., 182-183
 Гончарова А. В., 187
 Гончарова А. М., 186
 Гончарова А. П., 179
 Гончарова Д., 416
 Гончарова Н. А., 186, 203-204, 229-232, 372-379
 Гончарова П. А., 186, 375
 Горбатюк Е. Я., 38
 Гордеева А. И., 280
 Гордеева Т. И., 96, 120
 Гордиенко М. Т., 38-39
 Горелов И. М., 101
 Горлова З., 325
 Гортинский С., 276-278
 Горюнов, 78
 Гостева Д., 373
 Гречанова М. Д., 315
 Григорьев А. Г., 249-252, 256
 Грунина У. А., 93-94, 118
 Губанова А. С., 315
 Гурий (Павлов), 251, 253-265, 269-271, 302
 Гурьев В. Г., 263

- Гурьев М. Г., 263
- Давыдов Ф., 250-251
Дамаскин (Щедрик), 20
Данилов П. Д., 88
Дворникова М. П., 185
Девянина А. В., 185
Демочкин В., 99
Денежкин П. Р., 185
Денисов, 376
Денисов А. Г., 91
Денисов В. С., 96, 115, 120, 226
Денисов Г. С., 96, 115, 120, 224, 258
Денисов С. С., 96, 115, 121, 225-227
Дервянко Л. А., 382, 384
Дзюба Д., 38
Дзюба Е., 38
Димитрий (Любимов), 17-21, 36-37, 81, 276, 297
Дионисий, иеромонах, 97-98
Дмитриева Е. Т., 312-313
Дмитриевский А., 49
Добряков И. И., 88
Домашева-Зюбина И. Е., 441
Дорошенко Ф. Т., 308
Доценко М., 325
Дубинин, 332
Дубинина О. Ф., 312-313
Дуров И. К., 312-313
Дягилев Н. А., 83
- Евгений (Кобранов), 19
Евникия (Махрова), 285, 298-302
Евстратий (Грумков), 36
Евфалия, монахиня, 373
Евфимий, старец, 329
Егорова Е., 251
Едемский-Своеземцев Е. И., 83-84
Ежов Н. И., 27
Екатерина, 115-116, 127-128, 144-145, 171
Екатерина Павловна, 160-167
Елисева, 354
Елисей, старец, 36
Елкина Т., 99
Ельцин Б. Н., 177
Ельчанинов С. С., 280
Енин С. М., 311
Епифаний (Чернов), 41
Еременко И. Д., 38
Еремин Н. П., 188, 243
Еремин П. П., 185, 240, 242
Ермоленко П., 325
Ермолова К. Г., 84, 88
Ермолова О. Г., 84, 88
Ершов В. Н., 106
Ершов Ф. М., 87
Ершова Е. В., 153, 176
- Ершова Н. В., 95, 97, 104-105, 147-148, 160
Ефименко В. Д., 311
Ефимова А. А., 96, 120
Ефрем Бостонский, 265
Ефремов Д. В., 92
Ефремов М. Д., 101
Ефремов П. В., 92
Ефросиния, 68
- Жарков Г. Д., 88
Жданов Г. И., 181, 183, 210-211, 248, 355-356
Жданов И. И., 212-213
Жданов Н. Г., 213
Жданов Т., 210
Жданова А. И., 212
Жданова Е. Ф., 308
Жданова М. И., 181, 354-355
Жданова М. Ф., 182-183, 198, 208-210, 248, 355
Жданова П. А., 354-355
Желнов И. И., 88
Жеребцов М. И., 280
Животикова (дочь Ф.), 223
Животикова Ф., 223
Жигайло Д. И., 311
Жигайло И. С., 311
Жигайло Н. Г., 308, 311
Жигайло Я. Д., 311
Жила В. А., 51-52
Жихарев М. Д., 315
Жихарева А. М., 315
Жуков В. И., 81, 101, 103-105, 137, 148, 172-173
Жукова У. С., 315-316
- Завалюев А. Г., 180-181, 248
Завалюев Г. Я., 180-181, 191, 195, 248
Завалюев И. Р., 185
Заикина А. И., 315
Зайцев Б. В., 311
Заковский Л. П., 24
Закутько Ф. Д., 308
Запоганенко В. Ф., 306-309
Захаркина Ф. В., 103-104
Зеленский М. П., 311
Зиглицкая А., 38
Зимин К. М., 183
Зимин М. С., 248
Зимин П. П., 180-181
Зиминова Д. И., 185
Зиминова М. Г., 179, 182-183
Зиминова М. Ф., 354-355
Зиноглядова Н. Д., 88
Зоя, 132
Зыбин М. В., 441
Зыгалов С. Н., 103-104
Зыкова А. Е., 103-104
Зыкова П., 97

- Иванов А. И., 258-259
 Иванов Д. Н., 36
 Иванов П., 99, 258
 Иванова С., 270
 Иванушков А. И., 88
 Ивахненко П. Г., 42, 51-52, 65, 78
 Иващенко А. Е., 272, 305, 312, 316, 330, 340-341, 442
 Иващенко Е. А., 345
 Иващенко Е. С., 312, 315-316
 Игнатий (Бирюков), 277
 Игнаткина М. К., 187
 Игнатъев Д. И., 423-425
 Игнатъев И., 423-424
 Игнатъев Н. И., 11, 425-440
 Игнатъева Е., 424
 Игнатъева А. М., 262, 270
 Игнатъева М. И., 262-263, 270-271
 Игнатъева Т. И., 262-263, 270-271
 Иегудила, 289, 293
 Иероним (Сапаровский), 289-292
 Израилев М. И., 88
 Ильенков С., 325
 Ильенков Ст., 325
 Ильенкова Д., 325
 Ильина А. В., 88, 209, 354-355
 Ильина М. Г., 186
 Ильина О. Н., 187
 Ильченко М. Г., 38
 Илья, о., 384
 Илья Дмитриевич, 398
 Иоанн, 128-132, 138-144, 358-369
 Иоанн, о., 384
 Иоанн Кронштадтский, 241, 263, 280
 Иоанн (Снычев), 17
 Иоасаф (Попов), 20, 280-282
 Иоасаф (Удалов), 81-82, 84, 280, 290
 Иосиф (Петровых), 18-19, 21, 276, 282
 Иосиф (Яцук), 278
 Ирисов В. С., 88
 Исаев М. В., 179
 Исаенкова О. М., 88, 103-104
 Ищенко В. П., 46-47, 53
 Ищенко Т., 44
- Казанцев М. С., 88
 Калганова П., 225
 Калинин В. В., 80, 94, 105, 110-113, 122-126,
 146-148, 173-176, 379-384
 Калинин В. М., 110-112
 Калинин С. В., 122
 Калинин М. И., 123
 Калинина-Пленова А., 93
 Каменецкий П., 49
 Каменский И., 276
 Каменев А. И., 306
- Камышева П. В., 185
 Камышева П. С., 182-183
 Кандалин-Анисимов А. П., 117
 Кандалин В. А., 117
 Кандалина А. А., 95, 97, 103-104, 117-120,
 176-177, 356-357, 369-371
 Кандалина М. А., 91, 93-95, 97, 117-119, 135
 Кандалина Н. А., 117
 Капитонов И. Н., 88
 Капралова М. И., 147
 Карпенко А., 44
 Карпенко Г., 72
 Карпенко Е., 44
 Касаткина О. М., 103-104
 Касьянов А., 259
 Кашенко Анаст., 54
 Кашенко Анна, 54
 Кашенко В., 54
 Кашенко И., 54
 Кашенко С. М., 51-52, 54
 Квитка А., 325
 Кедров П., 40
 Кионова П., 95
 Кирилл (Смирнов), 80-81, 83
 Кирпичев, 271
 Киселев Т. С., 315
 Киселева А. С., 280
 Кискин, 391
 Кияткин К. А., 103-104
 Клевцова У. И., 312-313
 Клепикова Ал., 211
 Клепикова Ан., 211-212
 Клименко Н., 273
 Климентия (Жеретиенко), 36, 39
 Ключник А. Г., 51-52
 Ключник Е. П., 46, 71
 Ключник Н. К., 46
 Ковалев Ф. В., 311
 Коваленко М., 54
 Коваленко П., 323
 Кожевников И. А., 280
 Кожина Д. И., 209, 354-355
 Козин М. А., 248
 Козин Ф. А., 185
 Козина А. В., 185
 Козина А. П., 354-355
 Кокорева А., 377
 Колесников, 383
 Колесников И. Д., 309
 Колесников К. Н., 306-309
 Колесникова В. Е., 309
 Колотвинов И. П., 201
 Колчурин А. М., 88
 Комаров А. В., 96, 120, 258
 Комарова А., 325
 Комарова Е. И., 96, 121

- Кондаков, 402
Кононов И. К., 251, 256
Константинова Е. Г., 185
Копытина В. И., 182-183
Копыцина М. С., 312-313
Корниенко П., 313
Корнилов А. К., 95-96, 258-259, 261
Коробова Е. С., 280
Королев, 352
Королев И. И., 88
Коростелева П., 223
Косач О., 50
Косенко А. С., 312-313
Косенко Д. С., 312
Косовец В. Д., 38
Костина Е. С., 187
Костина Е. Т., 186
Косьянова М. Е., 185
Косякина Т. А., 185
Кравцов П. П., 280
Кравченко В. М., 64
Кравченко Е. М., 63-64
Кравченко К. М., 47, 62-73
Кравченко Л. М., 63
Кравченко О., 62-64
Красникова Н. Т., 185
Краснов Н. К., 250-253, 256
Краснова А. Я., 103-104, 133, 135-136, 141, 144, 146
Крестинина М., 95
Кривошапова Е., 38
Крупин П. Н., 85, 88
Ксения, 68, 285, 302-304
Кудряшев Е. Л., 88
Кудряшев Л. И., 163
Кузнецов, 404
Кузнецова А. В., 96, 120, 227
Кузнецова В. Я., 91, 93, 104
Кузнецова М. Д., 96
Кузьмина А. П., 258-259
Кулезнева Е. Н., 100-101
Куликов Ф. И., 88
Кульков А., 89
Кулькова Е. С., 88, 103-104, 127, 132
Куницына А. С., 185
Куницына Л. С., 185
- Лабутов П. С., 103-104, 154-155
Лаврентьева А. П., 222-224, 371-374
Ладыгин К. В., 88
Лазарев П. К., 104
Лазукина Л. Н., 344, 349
Лазукина Н., 350
Лактионов Т. Т., 309
Ламзин Д. Ф., 280
Ландырев С. М., 309
Лапшина М. Д., 185
- Ларина Е. Я., 284
Латун А. Н., 38
Левковский А. Е., 9
Ленин В. И., 13, 122, 436
Леньшин В. И., 280
Леонтий, епископ, 39
Леонтьев В. И., 341-343
Леонтьева А. В., 147
Леонтьева Е. П., 147
Леонтьева Н. В., 342
Лепехин А. Ф., 333
Лепехин Г. Ф., 340
Лепехин Ф. Д., 337-338
Лепехина З. Ф., 337-340
Лехан Н. А., 301
Лизунов И. С., 106, 108-109
Лизунов П., 110
Лизунов С. Я., 106-109
Лизунова А. С., 106-110
Лизунова Е. С., 106, 109
Лизунова М. И., 106-109
Липницкий Ф., 54
Лисицкая М. П., 312-313
Лисицкая Х. П., 312-313
Лисицкий Г. О., 311
Литвинова Т. Д., 187
Лихор, 336
Лобзина Л., 234-235
Лобзина М., 234-235
Лобзина О., 234-235
Лобода Н., 54
Логвинов В., 38
Логинов В. А., 38
Лоскутов Г. М., 280
Лукашев И. П., 100
Лукиан (Васенев), 259
Лукьянова А. С., 181, 186
Лукьянова О. Ф., 185
Лукьянова П. С., 181
Лупандина А. Г., 42, 46, 52
Лупандина К. Г., 42, 46, 52
Лупандина М. П., 46, 52
Лупенский А., 209
Лыршиков И. А., 185
Лырщикова А. П., 186
Лыса З. Л., 38
Лысенко А. М., 38
Лысенко В. М., 38
Лысенко М. Ф., 38
Лысенко Ф. С., 442
Лыткина Р. П., 315
Любинецкая Е. И., 38
Любовь (1), 145-146, 168-169, 171, 175-176
Любовь (2), 227-229, 384-386
Лямкина Н., 182

- Маврин И., 228
 Мазанова Е. С., 88
 Мазунина А. Г., 309
 Мазуркин Ал., 152
 Мазуркин Арт. Г., 126
 Мазуркина М. Г., 104, 116-117, 126-127, 149, 151-155
 Мазуркина-Романова Е. Г., 116, 126
 Майорова Н., 270
 Макарий (Величко), 36
 Макарий (Кармазин), 40
 Макарий Торонтский, 265
 Макаров Т., 250-251, 254, 256
 Макарова М. Н., 84, 88
 Маклаков А. Л., 88
 Маклаков В. Л., 88
 Максим (Жижиленко), 21, 25, 425-426
 Максим Кефалонийский, 265
 Максимов А. И., 121
 Максимов И. К., 88
 Макушева Ф. В., 100-101
 Малахова В. Х., 443
 Маленков Г. М., 384
 Малиев Ф. Р., 311
 Малисев В. Н., 84, 88
 Мальцев, 405, 407
 Маринин А. В., 51, 55
 Марионилла, схимонахиня, 289-290, 293-294
 Мария, 167-173
 Мария Макаровна, 67-68
 Марков А. М., 258-259
 Маркова М. М., 263
 Мароховский Н., 325
 Мартирий (Слободяник), 37
 Марфа, 376
 Марчевский Е., 277
 Масленников Л. В., 88
 Масличенкова В., 325-326
 Маслов, 382
 Маслов Я., 38-39
 Масютин С. П., 309
 Матвеев А. Г., 84, 88
 Матузкова П. Е., 312
 Медведева В. М., 315
 Меленко Я., 325
 Мелетий (Щеглов), 284-285, 300
 Мелхиседек (Хухрянский), 278
 Мельников П. А., 140, 311
 Мельникова А. З., 315-316
 Мельникова А. П., 132
 Мельникова Н., 325
 Мельникова С. А., 96
 Меняйло И. А., 443
 Мерчалова П. С., 312-313
 Мерчалова С. С., 312-313
 Микулин Е. П., 88
 Мироненко Д. И., 51-53, 73
 Мироненко Е. И., 54-56, 70-71, 74
 Миронова А. И., 84, 88
 Миронова Е. И., 355
 Мирошников И. П., 441
 Митрофан (Васильев), 260-261
 Михаил (Ермаков), 20
 Михаил (Ершов), иеромонах, 80, 86-89, 91-95, 97, 99-104, 118-119, 124-128, 147-150, 152-153, 157-159, 166-167, 170, 172-175, 177, 187, 421
 Михаил (Костюк), 10, 40-62, 64, 66-67, 68-79
 Михаила (Шелкина), 10, 40-47, 49, 52-54, 57, 62, 64-67, 70-75
 Михеенко И. С., 311
 Мишин И., 219-220
 Мишукова К. И., 90
 Мищенко Л. И., 38
 Мищенко М., 38
 Могилев Т., 325
 Модест (Васильков), 279
 Модина В. И., 121
 Молодкин К. Я., 88
 Молостов П. М., 100
 Молотов В. М., 45, 50, 322
 Монахов В. А., 88
 Монахов М. А., 88
 Морозова Р. Н., 284
 Моськин Н. И., 88
 Муленков И. П., 248
 Муслев В. Я., 263-264
 Муханов Ф. В., 89-90
 Муханова М. М., 90
 Муханова П. П., 90
 Мягкова П. П., 185
 Мякотина М. Н., 283
 Надежда Андреевна, 396
 Наливайко Р., 54
 Напалков П. П., 88
 Наседкина А., 100
 Наседкина Н. В., 101
 Наталья, 343-352
 Наталья Петровна, 155
 Наумов В. М., 309
 Наумов М. С., 248
 Наумова Д. М., 248
 Наумова Д. Ф., 182-183
 Наумова Т. В., 185
 Невейкина Т. М., 182-183
 Недоводиев А. И., 309
 Некрылова А. А., 315
 Нектарий (Трезвинский), 80-84, 254, 259, 426-428, 430-431
 Нелюбин Д. Т., 88
 Нелюбина А. С., 88

- Немченко П., 38
Несмелов В. И., 82-83
Неспокова М. Ф., 181
Нетребин Д. С., 311
Нефедов, 359
Никандр Задонский, 294, 297-298
Никитин Г., 278
Никитин К. П., 88
Никитин М., 251, 256
Никитина П., 88
Николаев Д. Ф., 88
Николай II, 52, 100, 308
Николай Иванович, 402
Николай, 58
Николенко Я. Ф., 309
Новиков Е., 2514
Новикова А. М., 284
Новоселов М. А., 15
Норддорберг А., 376
Носач О. П., 51-52
- Обрядин Д. А., 84
Обрядин Д. К., 88
Обрядина В. А., 88, 91
Овсянникова А. Г., 284
Овчинников Т. С., 185
Огнянка М., 219
Окунева А. Д., 386-387
Ольховикова Д. Ф., 38
Ондииков, 132
Осадчая У. П., 47, 54, 74
Остриков И. И., 238-239
Оторкин Е. В., 311
- Павел (Кратиров), 16-17, 20, 36-37
Павел, 189, 194-198, 214, 217-222, 235-242, 247
Павлина Григорьевна, 441
Павлов В., 251, 256
Павлов Н. А., 88-89
Павловский, 78
Паисий (Рожнов), 97-101
Панин Г. М., 230
Пантелеимон, о., 291-292, 298
Пантелеимон (Рудык), 48-50
Параскева, 67
Пархоменко Д. С., 308-311
Пархоменко И. А., 311
Пархоменко М. М., 312-313
Пархоменко С. Н., 309
Пархоменко Я. И., 311
Пашинина Н. А., 182-183
Пенкина М., 91
Перепелица И., 37-38
Перепелица У. С., 37-39
Перепеченых А. Е., 314, 316, 330-337, 407-415
Перепеченых Е. К., 314, 330-332, 334, 340
- Пересыпкина З. Г., 187
Пермякова М. Ф., 88
Перфильев В. И., 88
Петина А., 273
Петр (Зверев), 275-276, 287-288, 290, 295
Петр (Полянский), 15, 37, 100, 280, 282, 307
Петров Г., 252
Петров Н. В., 82
Печенкина Е. И., 209, 354-355
Пискановский Н. А., 276
Платина Е., 223
Платонов А. А., 88
Платонов, 350
Плеханов А. Т., 88
Плеханова В. Ф., 97
Плотников Е., 290, 293, 298
Плотников И. А., 309
Плужник Н. И., 46
Плужник С. Т., 46
Плужник У. И., 51-53, 56, 65, 73
Плужник-Шамрай М. Т., 47
Пляшечник И. И., 38
Подлипаев Т. К., 309
Подольских П. Д., 187
Покровский И. М., 82
Поликанов П. Е., 186
Поликанов С. И., 186
Поликанова Е. С., 187
Полин Т. Е., 315
Полина К. Т., 315
Полина М. Т., 315
Польский М., 26
Полянский Е. Я., 82
Пономарева А. М., 312
Попова В. Д., 284
Попова-Мюллер Н. Е., 51, 79
Порохина А. Р., 103-104
Портнов Н. И., 104
Постникова Н. С., 186
Пригарин С. П., 180-181, 248
Пригарина А. Ф., 185, 198, 209, 229
Пригарина М. П., 185
Пригарина Н. Д., 354-355
Прилежаев В. В., 88
Привяко А. С., 398-399
Провоторов, 403
Прокопенко К. В., 54, 74
Прокопенко М., 44
Прокопьева А. П., 258-259
Прокофьев П. А., 88
Прокудин Б. П., 283
Пронина А. Д., 193
Протасов И., 431
Прядкин И. М., 311
Пустовая В., 44
Пустотин И. С., 49, 51, 71, 78

- Разгулин И., 430-431
 Размолодина Е. Е., 186
 Разомазов М. Б., 185, 188
 Разумов, 375
 Рассказов С. Г., 185
 Рассказова А. К., 185
 Рассолова К. Ф., 187
 Ратиев Е. Е., 312-313
 Ратиева А. П., 312-313
 Ратиева Е. М., 312-313
 Ратушный П. Ф., 47
 Рафаил (Волков), 282, 285, 293
 Ремизов П. Ф., 443
 Репин Г. И., 89-90
 Репина А. И., 90
 Репина М. Г., 89-90
 Репкина М. Л., 312
 Репьев А., 325
 Рождественский В. И., 84, 86, 88
 Рождественский М. В., 298
 Романенко Е., 38
 Романов А. Р., 258-259
 Романов Г. Е., 88
 Романча Е. Ф., 45
 Романча П. К., 51, 60, 77
 Ронжина Н. М., 88
 Рошин, 380
 Руденко Р. А., 422
 Руденко В. Г., 51-52
 Руденко И. И., 51-52
 Румянцева М. И., 280
 Русаков Г. В., 89-90, 92, 94-95, 97-105, 119, 126-127, 132-148, 156-157, 161, 168-169, 187
 Рухалева О., 248
 Рыбалкин Ф. П., 10-11, 305-311, 335, 338-339, 439-443
 Рыбалкина У., 439
 Рыбкин Ал. Ф., 266-267
 Рыбкин Ан. Ф., 266-267
 Рыбкин В. Ф., 266-267
 Рыбкин Г. Ф., 266
 Рыбкина М. Ф., 262-263, 265, 387-390
 Рыбчинский Г. Н., 38
 Рыжова П., 393
 Рябинин И. П., 88
 Рябых И. М., 245
 Рябых П. Н., 356
 Ряполова Е. В., 312-313
 Ряскова Р. А., 315
 Ряховская М. Т., 185

 Саблин И. М., 88
 Саввин А. А., 280
 Саввин П. Н., 280
 Савелла, 376
 Савельева П., 388

 Савенков И. И., 315
 Савенков Н. А., 315
 Савенкова А. П., 315
 Савенкова Е. А., 315
 Савенкова М. С., 315
 Савина, 224
 Савицкая П. И., 47, 53, 74, 79
 Савицкий Е. П., 47-48, 51-53, 74-79
 Савицкий П. И., 74-75
 Савицкий П. П., 45-49, 51-53, 62, 70, 74-76, 78-79
 Савон У., 53, 65, 67-68, 73
 Садовничая Х. П., 312-313
 Садолит (Алферов), 282
 Саенко Е., 38
 Саломея, 161, 163
 Салыга А. И., 51
 Самарин И. Ф., 224, 232-234
 Самарин Ф. Н., 205-206, 224, 232-233
 Самарина А. С., 204-207, 224-225, 232-233
 Самарина А. Ф., 96, 120, 204-207, 224-227, 232-235, 373, 390-393
 Самарина Е., 232-233
 Самойленко Х., 38
 Самойлов Б. М., 283-284
 Самсонова В. Е., 104
 Сапарин М. Е., 88
 Сапожников М. А., 263
 Сафронов В., 251, 256
 Свищев С. И., 311
 Святослава, монахиня, 390
 Северьянова Е., 336
 Селин М. Г., 315
 Селин Н. Г., 315
 Семенихин Ф. П., 309
 Семенова В. М., 96, 121
 Серафим, архимандрит, 424-427, 429-430, 432
 Серафим Берлинский, 39
 Серафим (Кравцов), 36
 Серафим (Самойлович), 19
 Серафим Саровский, 174
 Серафима, монахиня, 44
 Серафима, схиигуменя, 43-44
 Сергеева Е. С., 89-90
 Сергей (Дружинин), 13, 17-18,
 Сергей (Страгородский), 7, 9, 15-21, 24-25, 27, 29, 36, 42, 80-83, 249, 260, 276, 280, 288, 303, 425, 432
 Серeda А., 44
 Сериков В. Н., 315
 Серков Е. И., 280
 Серова В. Н., 84, 88
 Сидельникова Л. А., 315
 Сидоров К. П., 96, 120
 Сидоров С. С., 356
 Силиян Н. Л., 46

- Симаков В. И., 185
Синельников Ф. М., 280
Синюкова Т. Е., 186
Сирота А. Е., 38
Скляр И. Е., 282, 290, 294
Скобелев И., 251, 256
Скобелин С. М., 280
Скосарь И. Д., 309
Скрыпников М. А., 311
Смалия Н., 38
Смирнова А. М., 121
Смоленский, 223
Смоликова, 354
Смолякова О. Т., 280
Смолянинов В. Д., 183-185
Смолянинова А. М., 184
Смолянинова Е. Д., 183-184
Смолянинова М. П., 223, 371
Снигирь С. Ф., 51-52
Соколов В., 422
Соколов И. П., 309
Соколова П. С., 97-98, 100-101
Сокольских Е., 223
Солженицын А. И., 351
Сопова О. Д., 185, 188
Софийский К. В., 179
Сталин И. В., 29-30, 52, 58, 60, 85, 112-113, 118, 122, 268, 279, 299, 331, 351, 362, 370, 372, 383, 385, 388-389, 394, 404, 415, 436
Старыгин И. К., 312-313
Старыгина Х. И., 312-313
Стаценко Н. Р., 315
Стеблин-Каменский И., 277-278
Степанов С. С., 96, 120, 258
Стефан, о., 391
Сторублевцева В. И., 284
Стрельцов Т. Я., 100-101
Сурков А. Е., 185
Сурков М. Е., 315
Суркова Т. Г., 283
Сурнин К. М., 178-179
Сулова Ев. Я., 84
Сулова Ек. Я., 84, 88
Сулова Ел. Я., 88
Сусметов Д., 250-251
Сухова И. А., 99-101
Сушили, 231
Сушков, 348
Сычева Д. И., 312-313

Таймукова А. Ф., 263
Тарабрин Т. М., 284
Тарануха И., 325
Тарасенко Е. Н., 312-313
Тарасов, 206-207
Тарлавина М. Е., 354-355

Тельпова Е. Н., 283
Терентьева А. Г., 121
Терентьева Е. П., 96, 120
Терентьева М. П., 103-104
Терентьева О. Г., 121
Терехина А. И., 284
Терещенко П. Ф., 312-313
Тимошенко, 113
Титов В. Д., 96, 181, 206, 225-227, 233
Титов И. Д., 181
Титова А. И., 179
Тихон (Белавин), патриарх, 9, 12-15, 25, 40, 100, 260, 294, 426
Тихон (Кречков), 278
Тихон (Никаноров), 289-290
Тихон Калужский, 295
Тихонова М. Г., 91-94, 118, 148
Ткаченко И., 313
Ткаченко Н. П., 312-313
Ткаченко П., 306
Ткаченко С. Ф., 309
Толстых А., 38
Торгашев Ф. В., 114-115
Торгашева В. Ф., 96, 114-115, 120-121, 258, 392-395
Торгашева М. С., 96, 114, 121, 357
Торгашева Н. И., 121
Тоцкий Г. М., 311
Тоцкий Н. Е., 309
Тоцкий Ф. Е., 311
Третьякова Е. М., 186
Триена (Кумская), 291-293
Трифонов П. Ф., 84, 86, 88
Трифорова О., 388
Троицкий Н. М., 82-83
Тростина М. Г., 100-101
Трошин, 376
Тузеев А. Р., 104-105
Тумаев Л. Е., 88
Тупикина А. С., 315
Тюмин Е. Д., 100
Тюрин И. Д., 315
Тюрин И. С., 315
Тюрин Н. Д., 315
Тюрин С. С., 315
Тюрина А. С., 315
Тюрина В. Н., 315
Тюрина П. М., 315
Тютерев М. Н., 311
Тютерев П. А., 309

Уар, о., 384
Уар (Шмарин), 178-180, 191, 195, 248, 391
Ульянов, 378
Умнов П. М., 105
Устинова А. Ф., 315

- Устинова Е. Ф., 315
 Ухов, 379
 Ушаков М. С., 182
 Ушакова Ал. Ф., 182-183, 209
 Ушакова Анаст. М., 181
 Ушакова Анна М., 181
 Ушакова М. П., 181-182
 Ушакова О. С., 181
- Фадеев Н. В., 88
 Фарафонов М. Ф., 180-181, 248
 Фарафонов С. Ф., 180-181, 248
 Фарафонов Ф. А., 180-181, 191, 195, 223, 248
 Фарафонов П. Ф., 185
 Федоров И. А., 88
 Федорова А., 251, 256
 Федотова А., 261
 Фекла, 150
 Фекла (Мотовилова), 391-392
 Феодор (Поздеевский), 15
 Феодосия, 67
 Феодосий Минводский, 390
 Феодосий, схиигумен, 36
 Филарет (Вознесенский), 264
 Филарет (Русаков), 80
 Филимон, иеромонах, 252
 Филиппенко А. Л., 276
 Филиппов, 403
 Филиппов В. Ф., 88
 Филиппова И. Ф., 258-259
 Филиппова Н. В., 315
 Филонила, инокиня, 264
 Философ (Вялых), 281-282
 Флавиан, митрополит, 36
 Флягин Я. И., 121
 Флягина В. Г., 121
 Фомин, 416
 Фризен И. П., 399
 Фурс А. П., 38
- Халчевская А. В., 319-330, 415-418
 Халчевская Д. В., 329
 Халчевская Е. А., 319-324
 Халчевская Н., 322-325
 Халчевская М. В., 327-329, 416-417
 Халчевский В. Е., 319-322
 Халчевский Е., 320-321
 Халчевский И. Е., 319
 Халчевский М., 319-322
 Халчевский Н. Е., 320
 Халчевский С. Е., 320
 Харольский В. Ф., 311
 Хаустова М. Н., 315
 Хвачев А., 325
 Хвачев И., 325
 Хижняк Ф. П., 440
- Хижняченко М. И., 46, 51-52
 Хмелевская Е., 395
 Хрисанфов А. Х., 249-256
 христианка, 146-147
 Хрушев Н. С., 30-31, 33, 326
- Чабыкин И. С., 280
 Чалый Н. И., 443
 Чеботарева А., 285
 Чеботарева М., 285-298, 302
 Чеботарева Н., 285
 Чекмасов Я. Б., 280
 Чекушкина М., 95
 Чельцов М. П., 16
 Чельцов П. А., 100
 Чернов В. М., 315
 Чернов Г. П., 251-252, 255-256
 Чернов М. Ф., 315
 Черноусова П. А., 312
 Чернышева Т. И., 179
 Чернышева Ф. И., 179
 Чесноков А. Ф., 208-209
 Чесноков В. П., 180-181, 183, 190-192, 195, 201-202, 223, 228
 Чесноков Д. П., 179-181, 183, 190-192, 195, 201-202, 209, 223
 Чесноков И. И., 399-400
 Чесноков И. Ф. (1), 200, 208, 240-241
 Чесноков И. Ф. (2), 184-185, 189-194, 197, 214-218, 235-237, 240-248, 397-407
 Чесноков М., 218, 221
 Чесноков Н. Ф., 200, 208, 210
 Чесноков П. Е., 185
 Чесноков П. И., 220
 Чесноков Петр Ф., 187, 189, 193-194, 236, 240-241, 243-244
 Чесноков С., 221
 Чесноков Т. Ф., 200
 Чесноков Ф. И., 179, 181, 184-185, 187-191, 194-198, 202-203, 214-215, 235-240, 243-248, 399
 Чесноков Ф. П., 182, 198-200, 202
 Чесноков Ф. Ф., 182, 202-203
 Чеснокова А. А., 185
 Чеснокова А. Ф., 198-200, 202, 207-210, 241, 354-355, 395-397
 Чеснокова Е. Н., 185, 189, 192-194, 197-198, 215-217, 235-238, 240, 243-245, 247
 Чеснокова Е. С., 182-183, 198-200, 202, 207-209, 229, 248, 355
 Чеснокова Мар. А., 185, 218, 220
 Чеснокова Мар. В., 185
 Чеснокова Мар. И., 182-183, 189-191, 194, 214, 217, 248, 355
 Чеснокова Мар. М., 187-188, 243
 Чеснокова Мар. С., 181, 185, 209

- Чеснокова Matr. Ф., 179, 198, 200-203, 241
Чеснокова Н. С., 185
Чеснокова Н. Ф., 189-190
Чиликин В., 276
Чиликина Е. А., 185
Чиркина М. С., 441
Чихрадзе Г. Д., 380
Чудновец А., 325
Чуев С. И., 309
Чумакова Т., 224
Чумаченко А., 325-326
Чумаченко В., 325-326
Чумаченко К., 325
- Шабельская В. М., 315-316
Шабельская Е. В., 315-316
Шабельская М. П., 442
Шабельская П. П., 442
Шагина Н. П., 100
Шамонова Ф. Г., 98, 100-101
Шамрай Е. С., 46
Шантин В. Ф., 312, 315-316
Шарапов И. В., 88
Шахов П. Т., 280
Шведова А. Ф., 103-104
Шевцов А. М., 309
Шевцова А., 312
Шеин Н. Г., 315
Шеина Е. И., 315
Шерстнева М. И., 182-183
Шигин А., 89
Шилов Т., 250
Ширшова Д. Н., 90
Шкаровский М. В., 18
- Шляхова Н. И., 315
Шульженко И. С., 311
Шурда Н. Т., 51-52
Шушунов Г. М., 185
Шушунов М. П., 185
Шушунов П. М., 182
Шушунов С. М., 209
Шушунова А. Н., 248
Шушунова М. Т., 181, 185
Щедрина П. Ф., 38
Щелканов И. П., 315
Щербакова П. П., 315
Щербакова У. К., 280
Щечко М. М., 340
- Эразм, иеросхимонах, 36
Эразм (Прокопенко), 10, 35-40
Эскина У. М., 104
- Ювеналий Рязанский, 97
Юдин, 370
Юзеева Е. А., 88
Юльмов Ф. Ф., 84, 88
Юнаков Л. Г., 49
Юшкетова П. С., 90
- Ягода Г. Г., 24
Яицкий Ф. И., 311
Якимов Д. Ф., 88
Якимов Е. Ф., 88
Якимов Ф. П., 88
Яковлев Ф., 277-278
Яковлева И. Е., 96, 120, 258
Ярмоленко А., 325-326

**«О, ПРЕМИЛОСЕРДЫЙ...
БУДИ С НАМИ НЕОТСТУПНО...»**

**Воспоминания верующих
Истинно-Православной (Катакомбной) Церкви.
Конец 1920-х — начало 1970-х годов**

Составитель *И. И. Осипова*

Корректор *Е. А. Соседова*
Верстка *А. А. Конюхова*
Оформление *О. С. Гушанская*

ООО «Издательство «Братонез»
127273, Москва, ул. Отрадная, д. 44

Подписано в печать 20.01.2008. Формат 70×100¹/₁₆.
Усл. печ. л. 37,7. Тираж 500 экз. Заказ №150

Отпечатано в полном соответствии с предоставленными
материалами в ГУП ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6